7

Библіотека
Императорскаго
Русскаго Географическаго
Общества
Шкафъ А 4 № 27
Полка 1.

Библіотека
Императорскаго
Русскаго Географическаго
Общества
Залъ А Шкафъ 27
Полка 4 № 1.

т. XIII.

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ.

Томъ XIII, выпускъ 1-й. 2

Библіотека Императорскаго Русскаго Географическаго Общества
Залъ А Шкафъ 2
Полка 4 № 1

ТРУДЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

П-3718

Книга 3. Выпускъ 1.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ ОТДѢЛА.

(Съ 22-го декабря 1867 года по 23-е апрѣля 1874 года.)

ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Н. А. ПОПОВА.

Императорское Общество Русскаго Географическаго 13 Іюл 74

МОСКВА.
Въ университетской типографіи (Катковъ и К°).
на Страстномъ бульварѣ.
1874. 1874

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, состоящаго при Императорскомъ Моск. Университетѣ.

Библіотека Императорскаго Русскаго Географическаго Общества
Зал. 4 Шкаф. 4
Полка № 27

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ

ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ.

ЗАСѢДАНІЕ ПЕРВОЕ.

(22 декабря 1867 года).

Засѣданіе происходило въ зоологической аудиторіи Московскаго Университета и открыто было предсѣдателемъ Этнографическаго Отдѣла Н. А. Поповымъ. Въ засѣданіи присутствовали: г. президентъ Общества, почетный членъ Г. Е. Щуровскій, 19 членовъ и нѣсколько стороннихъ посѣтителей.

Предсѣдатель Н. А. Поповъ произнесъ рѣчь, въ которой старался опредѣлить отношенія Этнографическаго Отдѣла и его будущей дѣятельности къ Обществу Любителей Естествознанія и его трудамъ, при чемъ ссылался на новый уставъ Общества, посланный на утвержденіе г. Министра Народнаго Просвѣщенія (утвержденъ 20 генваря 1868 г.). Этимъ уставомъ въ кругъ дѣятельности Этнографическаго Отдѣла внесены, между прочимъ: а) Изученіе племенъ, населяющихъ Россію, а равно и сосѣднія съ нею славянскія земли, въ этнографическомъ отношеніи, какъ-то: свадебныхъ обычаевъ, обычаевъ при рожденіи и похоронахъ, народныхъ и мѣстныхъ праздниковъ и повѣрій, народныхъ игръ и пѣсенъ, остатковъ языческой старины и миѳологіи, одежды по отношенію къ этнографическимъ и географическимъ условіямъ, пищи, жилищъ съ ихъ обстановками, сельско-хозяйственной жизни и семейнаго быта. б) Составленіе народнаго календаря какъ для русскаго, такъ и для другихъ племенъ. в) Изданія этнографическихъ картъ. г) Изданіе трудовъ Отдѣла и описаніе собраннаго имъ этнографическаго матеріала. д) Отчеты и обзоры сочиненій этнографическаго содержанія. е) Корреспонденція съ заграничными и съ отечественными учеными по предметамъ, касающимся занятій Отдѣла. Затѣмъ предсѣдатель перешелъ къ обзору бумагъ, переданныхъ въ Отдѣлъ бывшимъ распорядительнымъ Комитетомъ по устройству этнографической выставки въ Москвѣ, и упомянулъ о важнѣйшихъ между ними каковы: а) описаніе и назначеніе предметовъ, отправленныхъ въ Москву для обстановки манекеновъ уральской группы на русской этнографической выставкѣ; б) этнографическое описаніе села Каменнаго Брода краснослободскаго уѣзда, пензенской губерніи, священника Александра Примѣрова; в) описаніе домашняго и хозяйственнаго быта Грековъ Маріупольскаго округа; г) сельскіе обычаи въ мѣстностяхъ Черниговской губерніи, Суражскаго уѣзда, собранные крестьяниномъ деревни Батуровки Степ. Артем. Дударевымъ; д) чертежи, снятые съ звѣроловныхъ приборовъ, употребляющихся въ Енисейскомъ округѣ Енисейской губерніи М. Кривошапкина; е) описаніе къ альбому этнографическихъ рисунковъ изъ быта Киргизъ Оренбургской области, Вл. Плотникова; ж) описаніе одѣяній, употребляемыхъ русскими въ восточной Галиціи, Я. Ф. Головацкаго *); з) описаніе народныхъ одѣяній, носимыхъ чешскимъ населеніемъ Пильзенскаго и Домажлицкаго округовъ; к) описаніе свадебныхъ обрядовъ у Словенцевъ Зильской долины въ Каринтіи, Матіи-Маяра; і) описаніе народныхъ одѣяній, носимыхъ въ княжествѣ Сербіи, Милана Миличевича **); к) описаніе быта Болгаръ, населя-

*) Напечатаны авторомъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" за 1867 годъ и отдѣльною брошюрой.

**) Вошло въ книгу изданную авторомъ въ Бѣлградѣ на сербскомъ языкѣ: „*Живот Срба Сельака*", въ „Гласникѣ" кн. XXII и отдѣльно, см. стр. 65—70.

ющихъ Македонію, Стефана Верковича. Кромѣ этихъ описаній комитетомъ выставки собраны были значительныя коллекціи, которыя и переданы въ Дашковскій музей. Но послѣднія представляютъ матеріалъ, нуждающійся въ подробномъ научномъ описаніи его: облегчая для публики знакомство съ народнымъ бытомъ племенъ, населяющихъ Россію и сосѣднія съ нею страны, коллекціи эти не составляютъ сами по себѣ конечной цѣли для русской этнографіи.

Въ виду этого почетнымъ членомъ Общества В. А. Дашковымъ, директоромъ Публичнаго Музея предпринято изданіе, которымъ и начнетъ свою ученую дѣятельность Этнографическій Отдѣлъ. Въ первый выпускъ его войдутъ 14 публичныхъ лекцій, читанныхъ членами Общества предъ открытіемъ Этнографической выставки. Во второмъ выпускѣ предполагается помѣстить историческій очеркъ собиранія этнографическихъ предметовъ для Дашковскаго музея. И того и другаго выпуска предлагается печатать по 500 экземпляровъ, изъ коихъ 200 не будутъ пущены въ продажу. Затѣмъ Этнографическому Отдѣлу предстоитъ оцѣнка и изданіе тѣхъ сочиненій, которыя будутъ доставлены въ Общество въ отвѣтъ на темы, заданныя на преміи В. А. Дашкова (каждая въ 500 рублей). Изъ нихъ двѣ темы прямо относятся къ этнографіи: а) исторія русскихъ этнографическихъ изслѣдованій, касающихся племенъ, населяющихъ Россію; б) сравнительно-историческій очеркъ этнографическихъ изслѣдованій, касающійся Славянскихъ племенъ.

Трудность исполненія послѣдней задачи для русскихъ этнографовъ, не имѣющихъ у себя подъ рукою надлежащихъ пособій, побудила предсѣдателя Отдѣла войти въ сношенія по этому предмету съ профессоромъ вѣнскаго университета Алоизіемъ Шемберою членомъ южнославянской академіи наукъ докторомъ правъ Вальтасаромъ Богишичемъ, чешскимъ писателемъ Іосифомъ Калоусекомъ и русскимъ писателемъ въ Галиціи Венедиктомъ Площанскимъ. Гг. Шембера и Калоусекъ прислали, вслѣдствіе этого вызова, библіографическія свѣдѣнія о книгахъ и важнѣйшихъ журнальныхъ статьяхъ, касающихся Словаковъ и Чеховъ; но эти описанія слишкомъ кратки. Г. Богишичъ, уже извѣстный своею книгой: «Юридическіе обычаи у Славянъ: I Право частное». (Pravni obićaji u Slovena. Privatno pravo. U Zagrebu, 1867) увѣдомилъ, что онъ охотно займется составленіемъ историко-критическаго обзора этнографической литературы, касающейся Словенцевъ, Хорватовъ, Черногорцевъ, Босняковъ и Сербовъ; но не можетъ сдѣлать того же относительно Болгаръ и притомъ не желаетъ себя стѣснять какимъ-либо срокомъ. Г. Площанскій занимается въ настоящее время археологическимъ и статистическимъ описаніемъ восточной Галиціи и собралъ для того уже не мало матеріаловъ. Такимъ образомъ трудъ приведенія въ извѣстность всего, что сдѣлано до сихъ поръ по русской и славянской этнографіи, предстоитъ въ будущемъ. Но насколько полезно привести въ извѣстность уже существующіе въ литературѣ труды, на столько же полезно дальнѣйшее собираніе этнографическихъ свѣдѣній о Россіи, которыя могутъ вмѣстѣ съ тѣмъ послужить матеріаломъ для будущихъ изданій Этнографическаго Отдѣла. Какимъ же путемъ могутъ быть собраны всѣ эти свѣдѣнія? Вмѣсто отвѣта можно спросить: что помогло Комитету этнографической выставки собрать такой громадный матеріалъ? Во 1-хъ обширныя сношенія при содѣйствіи центральныхъ административныхъ учрежденій и офиціальныхъ лицъ; во 2-хъ содѣйствіе со стороны губернскихъ статистическихъ комитетовъ, нѣкоторыхъ земскихъ управъ и епархіальныхъ вѣдомствъ и въ 3-хъ сочувствіе частныхъ лицъ. А потому главная задача Отдѣла должна состоять въ поддержкѣ этихъ сношеній, средства для которыхъ конечно не замедлитъ дать Этнографическому Отдѣлу то Общество, къ составу котораго онъ принадлежитъ.

За тѣмъ предсѣдатель прочелъ присланное на его имя описаніе быта Болгаръ, населяющихъ Македонію, составленное сербскимъ и болгарскимъ археологомъ Стефаномъ Верковичемъ, который проживаетъ въ городѣ Сересѣ *).

Секретарь Отдѣла А. Л. Дювернуа представилъ свои объясненія о сочиненіи г. Плотникова: «Описаніе быта Киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства», которое составлено по поводу альбома этнографическихъ рисунковъ, высланныхъ на этнографическую выставку. Оказывается, что текстъ не можетъ имѣть значенія безъ рисунковъ, принадлежащихъ Дашковскому музею. Опредѣлено: передать туда же и самое описаніе альбома.

Чл. Осн. Н. Г. Керцелли прочелъ свою статью «О появленіи ламаизма въ Забайкальѣ и о вліяніи его на бытовую жизнь Бурята-кочевника» **).

А. Л. Дювернуа предложилъ Отдѣлу составленіе народныхъ (этнографическихъ) календарей для русскаго народа, а также и другихъ племенъ, населяющихъ Россію. При семъ онъ прочелъ краткую программу для такихъ календарей. Планъ предложенный А. Л. Дювернуа встрѣченъ былъ одобреніемъ со стороны присутствовавшихъ членовъ, причемъ Н. К. Зенгеръ выразилъ желаніе, чтобы эта программа была представлена въ болѣе подробномъ видѣ къ будущему засѣданію. По этому поводу членъ Общества

*) См. первое приложеніе къ протоколу.

**) См. второе приложеніе къ протоколу.

А. Н. Островскій сообщилъ нѣсколько замѣчаній о народныхъ обычаяхъ при рыбной ловлѣ, замѣченныхъ имъ во время его путешествія по верховьямъ Волги и ея притокамъ.

Въ заключеніе засѣданія предсѣдатель предложилъ отъ имени Этнографическаго Отдѣла въ члены Общества: Карла Яромира Эрбена (въ Прагѣ), Я. Ф. Головацкаго (въ Вильнѣ), С. И. Верковича (въ Сересѣ), К. И. Жинзифова (въ Москвѣ), Петра Матковича (въ Загребѣ), К. Н. Палаузова (въ Одессѣ), И. И. Смоляра (въ Будышинѣ), Янка Шафарика (въ Бѣлградѣ) и Алоизія Шемберу (въ Вѣнѣ), Опредѣлено: представить названныхъ лицъ въ члены въ слѣдующемъ засѣданіи Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи *).

*) Избраны въ засѣданіи Общества 8 февраля 1868 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. ОПИСАНІЕ БЫТА БОЛГАРЪ НАСЕЛЯЮЩИХЪ МАКЕДОНІЮ. *)

Вообще Македонія, населена народомъ говорящимъ на самомъ чистомъ болгарскомъ языкѣ, начиная отъ самой сѣверной границы—горы, называемой *Люботранъ*, до самой южной границы, то-есть до Средизем-

*) Эта статья получена была предсѣдательствующимъ въ Этнографическомъ Отдѣлѣ, Н. А. Поповымъ, при слѣдующемъ письмѣ писанномъ на мѣстномъ *марвачкомъ* нарѣчіи, отъ сербскаго и болгарскаго археолога Стефана Верковича, проживающаго въ городѣ Сересѣ (въ Македоніи):

„Я-зи-ка-на кату живовамъ удомакенъ во градъ Сяръ на Солунската областъ; и са занимавамъ со старинарство (археология), сумъ билъ ималъ сгода да са приближамъ найблизу ду селски-утъ животъ и да вникнамъ найдулбоку у народни-те чювства и обичаи; зато трачамъ (ми са чине) да сумъ въ состояние да садамъ найбеспристрастне за забуравени-утъ вой народъ, за кои обаче Гарци-те не престануватъ-утъ да туркатъ сякавка сгода во своя полза.

„Утъ какъ вашему высокоблагородию изложихъ ся причини-те, утъ кои-ту сумъ подбуденъ за сочинение-то на настояще-то ми писмо, я-зи-ка-на са галятъ да вярувамъ, що ваша милость ке опростите дулгозборувание-ту ми, какѣ и употребение-ту начастну-ту Марвашку наречие, кое содуржава на полну ляпотия-та на Кирилски-утъ языкъ, и значителну са разликува утъ друзи-те Булгарски наречия пу Македония во гласопроизношения-та и окончание-та на некои речи; особенну пакъ любопитное зарди голяму употребувание на буква-та *Я*! на примѣръ: дяте, дява, дялъ, тянка, бяло, прясно, прямо, дрянъ и пр. на место: дете, дева, делъ, тенко, бело, пресно, премо, дренъ и проче. Помянуто наречие има мнозина граматикални кроюве и речи, кое-ту са истоподобни со Самскритски-утъ и Ведски-утъ языкъ какъ въ произношени-то така и во значение-то! О реченой подобности Марвашкогъ наречия со Самскритскимъ, Ведскимъ и Зендскимъ языкомъ, я-зи-ка-на ща сборувамъ по пространо на друго место...

„Па ду колко ли и още важни старинности, не са криятъ подъ грамадни-те толкона градове Македонски! Какви-зи-ка-на ли и още исторически предания не лежатъ во ум-утъ на престаряли старци и баби Марвашки а и утъ друзи Македонски предели? Но кой да ги изследува? Колко мина тувакашни Булгари са явиха со ревность и любовъ за народность-та си въедночъ са погониха страшно утъ Фенерци-те владици и Цинцаре-латинци порекломъ, но окаяни изроди отреклися са отъ свое славне латинске народности и служетъ какъ опашки (подрепине) себичномъ, нечеловѣколюбивомъ, неправдолюбивомъ и-*неправдолюбивомъ*-неплодномъ Еллинскомъ племену, кату какъ чувствования-та имъ да били заразителна чума. Не стигнало това-ка-на, но краседни и тия на па пярстъ со броятъ, утъ Македонци-те младоци, доста учени, распалени утъ народна любовъ, со неисказано самоотречие, кату са спущиха во иследувание то на народни-те памятници и старинности борещемся не токму противъ страшни-те гонения фенерски и грекомански—цинцаро—влашки, достигнали да страдатъ, дури и животъ загубатъ. Познатъ е по секаде случай на несчастни братна Миладиновци Димитриа и Костатина отъ село Струга при Охридъ. Фенерци со Цинцаре заплатили су 10,000, велимъ, десетъ тисящъ фунти стерлингъ на настойникъ надъ цариградска тарсана-галера Арефъ-бея за да неизлезатъ вейке на видело бела дена; и наистина буду отровани по темница скоро во едно и исто время, сирѣчъ Димитрия во четвертокъ а Константинъ во петокъ! За другъ единъ юноша утъ Солунъ, когъ су со клевети били такоже ферлили во цариградска тарсана, давали су три—3000 тисящи фунти стерлини за ди чу отруятъ но по провидению Свевишнѣга не успѣли! Таквана-та сгода имъ отсече вещественитѣ сили, па не можатъ вейке да следуватъ предприято-то си свято иследувание; защо су принудени да са грижатъ за насущний си лѣпъ!! Да, господине, жалко, грѣшно предъ Бога а срамно предъ люди е за оне-зи-ка-на отъ единородните ни, кои свободни утъ подобни непринятелски гонения, наслачуватъ со благини на житейско спокойствие, да не са грижатъ за едно мощне и историческо и похвально единородно племя, кое достойну и юначки осуетило е ворастояние на 22 столетия лятни-те старания на едно зло соседство, кое още не престанува утъ да са мячи за да чу погулне у народность-та си! Но що ли велятъ? туземна-та пословица явну веле: „надробу си насуркай си!“ (т. е. накроши сперва, а потомъ хлѣбай!)—Печатаемое здѣсь „описаніе быта Македонскихъ Болгаръ“, въ русскомъ переводѣ К. Н. Жинзифова, составлено на томъ же марвачкомъ нарѣчіи.

наго моря; съ другой стороны отъ горъ *Бичъ и Шаръ* составлающихъ самую западную границу и до горы *Доспатъ*, образующей восточную границу. Македонія естественно дѣлится на двѣ большія части: верхнюю и нижнюю, между коими тянутся горы съ Запада на Востокъ. Эти горы называются *Жупанъ*, *Боръ* и *Буринъ*, между быстричскимъ полемъ и битольскимъ, сухою *Ливадою*, *Скотиною*, *Турлей* и *Флориною* или *Хлериномъ*, между колодейскимъ полемъ и царнорѣчскимъ, *Ницою* и *Паякомъ*; между рѣкою Църна (Черная) и Вардаромъ и горою *Бѣлашицею*, между струмничкимъ полемъ и лагодинской поляной, *Курпатомъ и Крестной*; между полями кюстендильскимъ и сѣрскимъ и вершинами горы *Пиринъ* и полемъ, называемымъ *Кременемъ*, и *Жалт-царицею*, отсюда идутъ поля доспатскія и витошскія, радомирское, студеное поле и неврокопское.

Во всей Македоніи мы находимъ въ естественныхъ предѣлахъ *колѣна* или *роды* (назовемъ ихъ такъ)— племенныя поколѣнія, носящія особыя названія, имѣющія одинаковую одежду, но особенные обычаи и свойства нарѣчія, по которымъ они отличаются отъ другихъ ихъ единородцевъ. Въ верхней Македоніи мы находимъ пять такихъ главнѣйшихъ *колѣнъ* или *родовъ*, именно: *Мыяковъ* (Мыяци), *Полянъ* (Поленцевъ) *Копановцевъ* (Копановци), *Борзняковъ* (Барзняци) и *Піянцевъ* (Пиянцы). Въ Нижней Македоніи мы находимъ пять коленъ: *Бандовцевъ* (Бяндовци) *Пуливаковцевъ* (Пуливаковци), *Дарзильцевъ* (Дързилци), *Сыраковцевъ* или *Сѣраковцевъ* (Сыраковци или Сѣраковци) и *Марваковъ* (Марваци). Есть еще и другіе роды, но, по причинѣ своей малочисленности, скорѣе они составляютъ мѣстныя подраздѣленія, частныя пополненія, а неплеменныя союзы; но все-таки ихъ преданія, свойства и пѣсни довольно любопытны для нашей народной исторіи. Я опишу эти роды по порядку, какъ они положены выше, и постараюсь быть короткимъ въ ихъ баснословныхъ преданіяхъ.

Верхне-Македонскіе роды (трибы).

I. Мыяки (Мыяци).

Родъ или триба, называемый *Мыяками* (Мыяци или по выговору Мияци), населяетъ пространство между горами *Люботранъ* (Люботрьнъ), *Шаръ*, *Корабъ*, *Стогово*, *Быстра*, *Пашиница*, *Карчинъ*, *Вартогъ* (Въртогъ) *Екловецъ*, *Лашица* и *Луръ*. Горы *Лашица* и *Шаръ* отдѣляютъ предѣлъ Мыяковъ отъ призренскаго и тетовскаго окружій; горы *Екловецъ* и *Пашиница* отдѣляютъ ихъ отъ кичевскаго окружія; эти четыре горы лежатъ на сѣверѣ. Гора *Корабъ* лежитъ на западѣ близь селъ *Духъ*, *Богдево* и *Върбенъ* и отдѣляетъ Мыяковъ отъ Албанцевъ (шкипетаровъ): *Миридитовъ* и *Асіевъ*. Гора *Луръ* составляетъ предѣлъ Ельбасана. Главныя рѣки, протекающія черезъ страну Мыяковъ, слѣдующія: *Дринъ*, *Быстра* и *Радика*. Пространство, опредѣляемое названными горами, носитъ наименованіе „*Дибра*". Часть *Мыяковъ* приняла мусульманскую вѣру, еще во время покоренія Турками Македоніи, Албаніи и остальныхъ частей Балканскаго полуострова. Это названіе носятъ 32 села, изъ которыхъ 28 находятся въ дебарскомъ (Дибра или Дебаръ) окружіи и 4 села внѣ его границъ. Изъ этихъ 28 мыячкихъ селъ 11 потурчены, и въ нихъ нѣтъ ни одного христіанина, а 17 селъ населены христіанами, но и между ними живетъ небольшое число Мыяковъ отуреченныхъ. Названіе селъ православныхъ Мыяковъ слѣдующія: 1) Дольно-Мельничани съ 30 домами; 2) Горно-Мельничани съ 25 домами; 3) Могорче—600 домовъ (70 отуреченныхъ); 4) Осой — 60 домовъ; 5) Гари—80 домовъ; 6) Лазарополе—230 домовъ (главное мѣсто или столица Мыяковъ); 7) Тресанче—150 домовъ; 8) Селце—60 домовъ; 9) Раосоки—80 домовъ; 10) Галичникъ—300 домовъ; 11) Сушица—30 домовъ; 12) Янче—50 домовъ, изъ которыхъ 25 турецкихъ; 13) Требища—80 домовъ (есть и мусульмане); 14) Витуши—70 домовъ; 15) Вельо-Бърдо—120 домовъ (90 турецкихъ); 16) Раоступи—150 домовъ (100 турецкихъ); 17) Дольно-Косовраст—150 домовъ. Названія же Мыячкихъ селъ потуреченныхъ слѣдующія: 1) Скудринье — 150 домовъ; 2) Присойница—50 домовъ. 3) Аджиовци—15 домовъ; 4) Болетинъ—60 домовъ; 5) Жерновица—200 домовъ; 6) Видуше—60 домовъ; 7) Брошица—50) домовъ; 8) Горенци—20 домовъ; 9) Баланцы—20 домовъ; 10) Папрадница—60 домовъ; 11) Горно-Косовраст—20 домовъ. Изъ тѣхъ же четырехъ селъ, о которыхъ выше сказано, что находятся внѣ предѣловъ дебарскаго окружія, одно находится въ кичевскомъ окружіи, пограничномъ съ дебарскимъ, и называется Екловецъ съ 60 домами; второе называется Папрадище въ велеской епархіи, недалеко отъ города Велеса съ 30 домами; третье—Крушово въ окрестностяхъ Прилепа съ 500 домами; наконецъ четвертое Снилово въ битольскомъ окружіи, въ шести часовомъ разстояніи отъ Крушова, имѣетъ около 120 домовъ. Жители этихъ четырехъ селъ суть выходцы изъ Дибры; они выселились изъ своего отечества въ теперешнія ихъ жилища, вслѣдствіе несноснаго гоненія и насилія со стороны шкипетаровъ (Албанцевъ) мусульманскаго вѣроисповѣданія: одни изъ нихъ выселились 300 лѣтъ тому назадъ, другіе за 250 лѣтъ, а иные и за 150 лѣтъ до нашего времени.

Мыяки носятъ черную *наремницу* (верхнее платье) съ бахрамою въ знакъ, какъ они вѣрятъ, печали о Скендеръ-бегѣ, потомками котораго они считаютъ себя. Вѣроятно ихъ названіе *Мыяки* осталось отъ до-

ходящаго до фанатизма обычая быть постоянно чистыми и въ одѣяніи и въ сношеніяхъ. Главное ихъ занятіе составляютъ садоводство и плотничество.

Одинъ изъ главнѣйшихъ обычаевъ, по которому они рѣзко отличаются отъ прочихъ Македонскихъ Болгаръ, заключается въ томъ, что у нихъ обрученіе и женитьба (свадьба) бываютъ въ извѣстное время и день года для всѣхъ безъ исключенія; въ другое время, а также и день года, не можетъ быть никакого обрученія, ни женитьбы: того изъ Мыяковъ, который осмѣлился бы обручиться или же жениться въ какое-либо иное время года, община строго наказываетъ и считаетъ его нечестнымъ человѣкомъ. Такимъ срочнымъ временемъ назначены и обычаемъ освящены всѣ дни съ 20-го іюля мѣсяца (день пророка Иліи) по 15-е августа (день Успенія Богородицы). Въ теченіе этого мѣсяца всякій кто пожелаетъ долженъ обручиться, или жениться; въ противномъ случаѣ онъ долженъ дожидаться того же времени слѣдующаго года. Свадьба у Мыяковъ бываетъ слѣдующимъ образомъ.

Въ день пророка Иліи послѣ окончанія литургіи, самый старѣйшій изъ поселянъ выходитъ въ средину села, окруженный народомъ и имѣя по правой сторонѣ священника, а по лѣвой сельскаго старшину (челникъ, коджабаши), за которыми съ обѣихъ сторонъ слѣдуютъ другіе старики; ставъ по срединѣ села этотъ сѣдоглавый, почтенный старецъ приглашаетъ къ себѣ молодцовъ, одѣтыхъ въ праздничное платье, и объявляетъ имъ, что „по Божіей волѣ свадьбы начинаются". Молодежь кланяется ему, становится на колѣна передъ священникомъ подъ его благословеніе и цѣлуетъ ему руку, потомъ всѣ вставши стрѣляютъ нѣсколько разъ изъ ружей въ знакъ, что свадьбы уже начинаются. Спустя нѣсколько минутъ начинаютъ развѣваться знамена (препуре) надъ крышами тѣхъ домовъ, въ которыхъ должны быть свадьба или обрученіе (свуршачка): знамя бываетъ красное, шитое золотомъ, и съ позолоченнымъ яблокомъ на вершинѣ его, если хозяинъ вводитъ въ свой домъ сноху, если же онъ только обручаетъ своего сына, то позолоченнаго яблока не бываетъ на знамени.

За восемь дней до вѣнчанія непремѣнно въ воскресенье *посестримы* (подруги) жениха берутъ изукрашенную фляшку, которую наряжаютъ живыми цвѣтами. Прежде всего кладутъ цвѣтокъ *здравецъ*, который въ случаѣ нужды можетъ быть замѣняемъ всякимъ другимъ зеленымъ цвѣткомъ; затѣмъ идетъ цвѣтокъ бѣлая *темянушка* и наконецъ *пепенушка*, *попадійка* и проч. Всѣ эти цвѣты завязываютъ на фляшкѣ золотою и красною нитками. Цвѣтокъ *Здравецъ* означаетъ, чтобы невѣста всегда была зеленою (молодою) и здоровою; бѣлая *темянушка*, чтобы была чиста и непорочна; *пепенушка* чтобы невѣста была живая и добрая; золотая нитка означаетъ славу и богатство; фляшку наполняютъ виномъ, которое означаетъ изобиліе.

Эту украшенную фляшку берутъ *побратимы* (дружки) жениха, которые, будучи провожаемы пѣснями посестримъ, выходятъ изъ дома жениха и отправляются въ домъ невѣсты, гдѣ встрѣчаютъ ее пѣснями же ея *посестримы* (подруги). Здѣсь они явившись къ отцу невѣсты, подаютъ ему выпить изъ фляжки, приглашая его пожаловать на свадьбу вмѣстѣ съ невѣстой, хозяинъ, пожелавъ счастія молодымъ (жениху и невѣстѣ), пьетъ изъ фляжки, которую потомъ передаетъ невѣстѣ; она наполняетъ сосудъ своимъ виномъ и передаетъ его побратимамъ, поцѣловавъ сперва ихъ въ руку. Отсюда провожаемые снова пѣснями побратимы отправляются въ домъ кума, гдѣ повторяется тотъ же обрядъ и получивъ отъ кума благословеніе возвращаются въ домъ жениха.

Спустя два дня послѣ этого, то-есть во вторникъ, двѣ дѣвушки, перворожденныя у отца и матери, выбранныя изъ среды посестримъ, сѣютъ муку и вмѣстѣ съ посестримами мѣсятъ тѣсто для хлѣба, причемъ поютъ надлежащія пѣсни. Въ среду по тому же порядку приготовляютъ хлѣбъ для свадьбы. Печь затапливаютъ посестримы подъ руководствомъ сватей старухъ, а побратимы несутъ дрова и другія принадлежности. Всѣ эти дѣла исполняются при трогательномъ пѣніи. Въ четвергъ валяютъ второй хлѣбъ по тому же порядку, а въ пятницу выставляютъ въ одной изъ комнатъ приданое невѣсты, развѣшивая всѣ платья вокругъ стѣнъ. Посестримы услуживаютъ женщинамъ гостямъ, которыя приходятъ, чтобы посмотрѣть на приданое, а побратимы отправляются съ фляжкой изъ дома въ домъ и приглашаютъ гостей на свадьбу. Въ субботу ведутъ невѣсту въ баню, но если таковой нѣтъ, то ее замѣняетъ домашняя купальня, а побратимы до тѣхъ поръ, пока посестримы не возвратятся изъ бани, забавляются музыкой, пѣснями и хороводами. Совсѣмъ противоположное происходитъ въ домѣ жениха: тамъ побратимы брѣютъ его, а посестримы во все это время забавляются только пѣснями и хороводами. По возвращеніи невѣсты изъ бани, ея подруги съ трогательнымъ пѣніемъ убираютъ приданое въ сундукъ (ковчегъ), который побратимы жениха вмѣстѣ съ побратимами невѣсты и свитою кумовъ отвозятъ на лошади въ домъ жениха, гдѣ посестримы послѣдняго встрѣчаютъ его съ радостью и веселыми пѣснями и раскладываютъ приданное при самыхъ благожелательныхъ изрѣченіяхъ изъ пѣсенъ. Въ продолженіе цѣлой недѣли посестримы прислуживаютъ за столомъ побратимамъ, которые въ свою очередь воздаютъ имъ то же самое.

Въ субботу, наканунѣ воскресенья, гости какъ въ домѣ жениха такъ и въ домѣ невѣсты проводятъ время въ пѣніи пѣсенъ, въ танцахъ и разныхъ увеселеніяхъ, ѣдятъ плотно и пьютъ вина вдоволь. Такое же веселье бываетъ и въ домѣ кума. Особенно же замѣчателенъ обычай, когда въ домѣ жениха жарятъ *печеницу* (жаркое), т.-е. на вертелѣ жарятъ цѣлаго ягненка, вокругъ котораго холостые парни и дѣвушки, еще не вышедшія замужъ, водятъ хороводъ и поютъ пѣсни. Всякому другому, то-есть женатому или замужней, запрещено принимать участіе въ этомъ хороводѣ. Такъ разсвѣтаетъ утро.

Въ воскресенье утромъ, когда било (клепало, деревянная доска) созываетъ народъ въ церковь, всѣ сваты (гости) жениха, имѣя впереди развѣвающееся знамя, отправляются въ домъ кума и соединившись съ нимъ и его свитою идутъ въ домъ невѣсты, гдѣ ихъ встрѣчаютъ пѣснями; домашніе, угостивъ сватовъ виномъ, выводятъ невѣсту во всемъ ея нарядѣ; невѣста, поклонившись три раза надъ порогомъ отцовскаго дома, садится верхомъ на лошадь. Сидя верхомъ и осѣнивъ себя тройнымъ крестнымъ знаменіемъ, она разламываетъ пополамъ хлѣбъ съ солью (соль находится на хлѣбѣ) и потомъ обѣ половины отдаетъ двумъ *побратимамъ* жениха, стоящимъ по правой и лѣвой сторонѣ лошади. Это означаетъ, что невѣста признала и полюбила ихъ, какъ своихъ давнихъ знакомыхъ, къ которымъ такъ тѣсно привязана, какъ она привязана къ хлѣбу и соли, безъ которыхъ невозможно существовать. Вслѣдъ за этимъ побратимы поддерживаютъ невѣсту подъ мышки съ обѣихъ сторонъ, а побратимы невѣсты ведутъ за узды лошадь, которая наряжена платками, вышитыми золотомъ. Какъ только выведутъ невѣсту изъ ея отцовскаго дома, тотчасъ всѣ сваты жениха становятся передъ нею въ два ряда съ ружьями на плечахъ, имѣя въ срединѣ жениха; позади же невѣсты идутъ женщины (сватицы) и поютъ пѣсни. Поѣздъ двигается, имѣя впереди развѣвающееся знамя, и при громѣ ружей всѣ отправляются въ церковь.

Послѣ вѣнчанія всѣ *свадбари* (гости сопровождающіе жениха) одинъ вслѣдъ за другимъ по одиночкѣ выходятъ изъ церкви и идутъ на сельскую поляну, гдѣ водятъ хороводы или болгарское *коло*. Въ этомъ хороводѣ первымъ становится старшій по вѣнчанію; т.-е. тотъ, который вѣнчался первымъ въ этотъ день, за нимъ слѣдуетъ второй по вѣнчанію, потомъ третій и т. д., такъ что по этому порядку въ хороводѣ становятся всѣ вѣнчавшіеся въ тотъ день. Окончивъ хороводы, каждый свадебный поѣздъ отправляется въ домъ жениха, гдѣ гости остаются до тѣхъ поръ, пока кумъ позволитъ *младоженцамъ* идти спать. Сперва женихъ поцѣловавъ куму руку идетъ въ брачную комнату; потомъ невѣста сдѣлавъ тоже самое, въ сопровожденіе посестримъ, отправляется къ жениху, а посестримы заперши брачную комнату уходятъ и убираютъ со стола и вообще моютъ и чистятъ посуду и проч. Побратимы съ своей стороны сидятъ у дверей запертой брачной комнаты и проводятъ время въ веселыхъ бесѣдахъ. Когда же женихъ выйдетъ изъ брачной комнаты, довольный непорочностью невѣсты, тогда побратимы сразу дѣлаютъ три выстрѣла изъ ружья.

На слѣдующій день рано побратимы, взявъ съ собою теплую сладкую *ракію* (водку), отправляются въ домъ родителей невѣсты, которыхъ они благодарятъ за честность ихъ дочери; оттуда они навѣщаютъ кума, котораго они поздравляютъ съ достойнымъ и честнымъ кумовствомъ. Потомъ они снова возвращаются въ домъ жениха, гдѣ проводятъ весь день, веселясь съ одними только своими сверстниками исключительно. Во вторникъ женихъ угощаетъ своего тестя и тещу, кума и куму. Въ среду женихъ отправляется въ сопровожденіи побратимовъ на расходку, навѣщаетъ своихъ знакомыхъ, отъ которыхъ онъ возвращается домой съ подарками для невѣсты, чѣмъ и оканчивается свадьба. Въ пятницу женихъ и невѣста въ первый разъ гостятъ у родителей невѣсты, и это называется *первиче*, т.-е. первое посѣщеніе. Они остаются въ домѣ тестя съ пятницы по воскресенье до самаго вечера. Женихъ бываетъ и на *вториче*—второе посѣщеніе, и на *трети-че*—третье посѣщеніе, но это дѣлается для оказанія знатности и богатства.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ объ обрученіи или помолвкѣ.

Еще до наступленія праздника св. пророка Иліи, а именно тремя днями раньше, желающій обручиться или помолвиться посылаетъ женщину, которая называется *стройницею* (устраювающая дѣло) къ родителямъ той дѣвушки, которую онъ избралъ себѣ въ будущія подруги жизни. *Стройница*, вошедши въ домъ дѣвушки, спрашиваетъ ея родителей, не желаютъ ли они породниться съ такимъ-то домомъ и выдать свою дочь за такого то молодца? Если родители согласны, то они поручаютъ *стройницѣ* сказать родителямъ жениха, чтобы по прошествіи трехъ дней они пожаловали къ нимъ вмѣстѣ съ *знаками* (перстень и другіе подарки) для окончательнаго устройства дѣла. Стройница (сваха), посидѣвъ еще не много и хлѣбнувъ водки или вина, возвращается въ домъ будущаго жениха съ радостными извѣстіями. Спустя дня три, въ день пророка Иліи, стройница вмѣстѣ съ родителями жениха отправляется къ будущей невѣстѣ съ *знаками* для обрученія. Эти знаки кладутся на хлѣбѣ, приготовленномъ матерью-старухой. Въ домѣ дѣвушки пришедшіе просить ея руку ломаютъ за столомъ этотъ хлѣбъ, ѣдятъ и пьютъ за здоровье новообрученныхъ

или помолвленныхъ. Послѣ этого невѣста даритъ всѣмъ по одному платку, по рубашкѣ и по парѣ обуви. Съ этими подарками просители уходятъ восвояси и стрѣляютъ одинъ разъ изъ ружья въ знакъ, что дѣло кончилось. Вотъ и всѣ отличительные обычаи Мыяковъ.

По языку они отличаются отъ прочихъ Македонскихъ Болгаръ тѣмъ, что Мыяки полугласные звуки произносятъ полногласно напр. *дорво* вмѣсто дърво; *полно* вмѣсто пълно. *перво* вмѣсто *първо*; носовые же звуки *я* они произносятъ то какъ *а*, то какъ *о*: *мака* вмѣсто *мяка*; *рока* вмѣсто *ряка*. Удареніе во многосложныхъ словахъ всегда бываетъ на третьемъ слогѣ отъ конца; въ рѣчи послѣдовательной даже двусложныя слова не имѣютъ ударенія, но она переходитъ на послѣдній слогъ предъидущаго слова наприм. *не могамъ* произносится какъ бы одно слово *немо̀гамъ*; *на конъ—на̀конъ*, *голямо село—голямосѐло*.

Что касается внѣшности и характера Мыяка, то надо замѣтить, что онъ тѣломъ вообще высокаго роста, крѣпкаго и крупнаго тѣлосложенія, красивый и волосистый; духомъ онъ гордъ и высокомѣренъ; нравственно онъ считаетъ себя за Божіе созданіе, отличающееся отъ другихъ людей; онъ считаетъ себя главою своихъ соплеменниковъ. Мыяки никогда не роднятся съ другимъ родомъ, словомъ они аристократы между Болгарами. По этому обычаю, уединяющему ихъ отъ другихъ, и по фанатическому ихъ упорству не смѣшиваться съ другими родами (колѣнами), можно бы заключить, что Мыяки суть *Мыяци* — слово сложное отъ личнаго мѣстоимѣнія во множ. числѣ *мы* и прилагательнаго во множ. же числѣ *яцы* отъ слова *якъ*—крѣпкій, сильный. Слѣдовательно Мыяцы и Мыяцы означаетъ: мы крѣпкіе, мы сильные—слово равнозначущее съ греческимъ словомъ αριστοκρατης—аристократъ. Очень можетъ-быть, что Мыяки суть потомки древнихъ вельможей или болгарскихъ бояръ въ Македоніи. Я счелъ нужнымъ изложить обширнѣе обычаи Мыяковъ, ибо они служатъ основаніемъ обычаевъ прочихъ Македонскихъ Болгаръ, какъ мы увидимъ ниже, и потому что они первые съ живѣйшею любовью и гордостью носятъ чисто народное и самое древнее наименованіе.

2. *Поляне (Поленци).*

Въ области Дибрѣ есть еще множество христіанскихъ селъ, жители которыхъ называются уже не Мыяками, а *Поленцами* (Поляне). Они гораздо многочисленнѣе Мыяковъ. Въ настоящее время я не въ состояніи назвать всѣ ихъ села. Поленцы отличаются отъ Мыяковъ по одѣждѣ и по обычаямъ; но мущины носятъ черную съ бахрамою *нарамницу* (верхнее платье, родъ туники), какъ и Мыяки. По тѣлосложенію Поленцы сравнительно съ Мыяками худощавы, но волосы у нихъ свѣтлѣе (русые). Духомъ они свирѣпѣе, и нравственно болѣе дикіе. Въ обычаяхъ они отличаются отъ Мыяковъ тѣмъ, что Поленцы барабаннымъ боемъ посреди села даютъ знать о начатіи свадьбы, для которой у нихъ нѣтъ опредѣленнаго времени какъ у Мыяковъ, но каждый Поленецъ можетъ жениться когда ему угодно. Барабанный бой въ то же время приглашаетъ и гостей на свадьбу. Когда брѣютъ жениха, то ему даютъ два ружья, изъ которыхъ онъ стрѣляетъ одновременно. Когда же онъ выйдетъ уже наряженный въ свадебное платье, то у него съ правой стороны у пояса виситъ платокъ зацѣпленный за поясъ. Когда мѣсятъ хлѣбъ у жениха, то мѣсятъ и особенный коровай для невѣсты, въ домъ которой отправляются въ воскресенье, но гостятъ только кумъ и побратимы. Когда невѣста уже готова для выхода изъ своего дома, тогда ея братъ вѣшаетъ жениху на лѣвой сторонѣ его пояса платокъ. Изъ церкви невѣсту ведутъ прямо въ домъ жениха, который на срединѣ пути отдѣляется отъ свадебной дружины и спѣшитъ домой, чтобы явиться туда прежде всѣхъ. Пришедши въ свой домъ, женихъ три раза обходитъ домъ кругомъ и становится на порогѣ дверей, гдѣ побратимы встрѣчаютъ невѣсту. Въ понедѣльникъ водятъ невѣсту во внутренности дома съ пѣснями, показывая ей всѣ покои и его углы. Это означаетъ, что ей передаютъ власть надъ всѣмъ домохозяйствомъ. Сундукъ съ приданымъ они везутъ съ невѣстой вмѣстѣ, онъ слѣдуетъ за ней до церкви, откуда его отдѣляютъ и отправляютъ на передъ въ домъ жениха. Приданое не развѣшиваютъ, какъ у Мыяковъ. Когда невѣста входитъ въ брачную комнату, женихъ стоитъ за дверью и ударяетъ ее три раза по плечамъ, чтобы невѣста была послушна ему и боялась бы своего мужа.

Всѣ македонскіе Болгаре безъ исключенія имѣютъ обыкновеніе при вѣнчаніи, во время хожденія кругомъ олтаря, бросать надъ головами новобрачныхъ пшеницу въ знакъ того, чтобъ они плодились какъ пшеница. Въ городахъ и мѣстечкахъ пшеницу замѣнили конфетами — обычай турецкій. Тоже самое надо замѣтить и объ одеждѣ: въ городахъ и мѣстечкахъ народное платье начинаетъ уступать новомодному европейскому или греческому, если селеніе близко къ греческому населенію. Вообще можно сказать, что чѣмъ болѣе мы приближаемся къ морю, тѣмъ болѣе обладаетъ модное платье и на оборотъ, во внутренностяхъ преобладаетъ исключительно чисто народное платье.

3. *Копановцы.*

Родъ или колѣно Копановцевъ населяетъ мѣстности скопійскую, комановскую и вранскую и составляетъ

около 180 селъ. Обычаи ихъ мало отличаются отъ обычаевъ Мыяковъ. По тѣлосложенію Копановцы крупны, высокаго роста и красивы; по духу они просты, нравственно совершенно упали и по этому необщительны. Въ нарѣчіи они отличаются произношеніемъ буквы *к* какъ *ч* напр. *нечью* вмѣсто *некю* (не хочу) *чехода* вмѣсто *кехода*. Женскій полъ у нихъ развратный, а мужескій храбрый и грубый. Обыкновенно они занимаются овцеводствомъ (*овчари* пастухи) и копаніемъ виноградниковъ (*копачи* отъ глагола *копать*). Быть можетъ отъ этого и пошло ихъ названіе *Копановцы*, если только они не суть тѣ древніе военные люди или работники, которыхъ Мыяки (или древніе Иллиры) употребляли въ своихъ войскахъ для вырытія военныхъ окоповъ, какъ и теперь дѣлается въ регулярномъ европейскомъ войскѣ. Старухи разсказываютъ, что Копановцы въ незапамятное время были свободны отъ податей, за что они всегда сопровождали мѣстныхъ воеводъ. Значками у нихъ служили сѣкира (топоръ) и мотыга, положенныя на крестъ и раздѣленныя поперегъ лопатою. Эти знаки они вышивали надъ нагрудникомъ или пазухой *доламы* (верхнее платье). Даже и теперь можно найти у кого-нибудь изъ Копановцевъ эти знаки, вышитыми на его *доламѣ*, но молодое поколѣніе замѣнило ихъ шнурками

У Копановцевъ есть преданіе, по которому они вѣрятъ, что они суть Божіе колѣно. Вотъ что говоритъ преданіе: когда Богъ создалъ человѣка, то для этого онъ мотыгою вырылъ землю, а лопатою онъ собралъ въ кучу годную землю. По размноженіи человѣческаго рода, люди стали развратными; тогда Богъ избралъ самого праведнаго человѣка, которому далъ мотыгу съ лопатою, сказавъ ему: «возьми эти орудія; мотыгой ты копай землю, а лопатой рой *перстъ* до тѣхъ поръ, пока земля не очистится отъ скверности человѣческаго рода; тогда ты на чистой землѣ построй себѣ домъ, въ который ты войди вмѣстѣ съ своею женой, чтобъ отъ тебя пошло новое поколѣніе; будь благословенъ и никогда ничего не измѣняй и не прибавляй въ обычаяхъ.» Такимъ образомъ это семейство до того размножилось, что его потомки сначала населили деревню, потомъ мѣстечко, потомъ городъ, и наконецъ цѣлую область и назвались Копановцами; вслѣдствіе ихъ расширенія они достигли границъ нечистыхъ (нечестивыхъ) людей, отъ сношенія съ которыми они нарушили повелѣніе Бога, и начали употреблять сверхъ мотыги и лопаты еще и сѣкиру, чтобы рубить дрова; они до того возгордились, что начали вышивать изображеніе этихъ орудій на своихъ *доламахъ*. Тогда Господь разгнѣвался на нихъ, запретилъ землѣ давать имъ плодъ, проклявши ихъ, чтобъ они были слугами развратности и истребленія (убійства); съ тѣхъ поръ они стали служить на войнѣ, вырывая окопы, т.-е. западни для убійства, а ихъ жены всегда даже во время войны прислуживали воинамъ, вслѣдствіе чего и развратность у нихъ осталась, какъ преимущество.

4. *Барзацы* (*Барзаци*).

Колѣно *Барзаци* поселено по обѣимъ сторонамъ горы *Бабуны* въ округахъ Прилепа, Велеса, Битоли и Тыквеша, въ числѣ 170 селъ. Они отличаются отъ другихъ колѣнъ македонскихъ Болгаръ тѣмъ, что и въ настоящее время свою столицу имѣютъ въ городѣ Велесѣ, гдѣ и называются *Барзоречами*. Вообще Бързацы занимаются хлѣбопашествомъ и извозомъ, но зажиточные изъ нихъ занимаются и торговлею. Они миролюбивы, но дальновидны, не крупнаго тѣлосложенія, и красивы. По увѣренію горожанъ Барзацы получили это наименованіе отъ того, что они говорятъ скоро, вслѣдствіе чего они въ Велесѣ называются *Бързоречами*, т.-е. скороговорящими, отъ слова *Бързо*—борзый, быстрый и рѣчь. Но еще вѣроятнѣе, что ихъ общее названіе Бързацы произошло отъ того, что они люди борзые, быстроногіе, что доказывается и поворотливостію ихъ тѣла. На сколько мнѣ извѣстно ихъ одежда значительно разнится отъ одежды Мыяковъ и подходитъ къ одеждѣ жителей окрестностей Солуня. Ихъ обычаи во многомъ сходны съ обычаями *Пуливаковцевъ* (см. ниже) но у нихъ много заимствовано и отъ Мыяковъ. У *Бързаковъ* есть особенный обычай въ опредѣленное время скакать верхомъ. Вѣроятно отъ этого обычая, которымъ они отличаются отъ другихъ, осталось у нихъ названіе Бързяцы, отъ глагола *бързамъ*—спѣшу.

У нихъ есть слѣдующее преданіе:

«Когда дѣдушка Богъ ходилъ по землѣ, въ образѣ человѣка, встрѣтилъ юношу съ стрѣлою въ рукахъ, *лежавшаго*, вслѣдствіе усталости, на землѣ подъ тѣнью вѣтвистаго дуба. Дѣдушка Богъ поздоровавшись съ нимъ, попросилъ у него воды испить; юноша не смотря на усталость всталъ, и вынувши изъ сумки (котомки) чашу тыквенную, наполнилъ ее студеною водой, потомъ постлавши на землѣ свою сумку, положилъ на ней хлѣбъ, красный перецъ и соль, пригласилъ дѣдушку Бога, чтобъ онъ сперва закусилъ немного, и потомъ уже попить воды, которая натощакъ можетъ повредить ему. Дѣдушка Богъ благодарилъ его за сдѣланную ему честь, и отобѣдавъ, благословилъ юношу и наградилъ его силою и крѣпостію, чтобы онъ могъ ловить оленей живыхъ и покорять самыхъ дикихъ коней, и сидя верхомъ застрѣливалъ бы птицъ на лету. Послѣ этого дѣдушка Богъ сталъ невидимымъ, а юноша сдѣлавшись быстроногимъ, поймалъ звѣздоноснаго оленя и кобылу говорящую. Олень оты-

скалъ ему сестру солнца, съ которой онъ и обвѣнчался, а говорившая кобыла водила его къ дикой Самовилѣ, которую онъ убилъ и освободилъ изъ подъ ея власти множество людей, коихъ она держала въ темной пещерѣ въ оковахъ, долгое время, привлекая къ себѣ своею красотою. Эти люди научили его земледѣлію и такимъ образомъ *Борзакъ* составилъ свое царство, въ которомъ онъ царствовалъ мирно, а также и его поколѣніе. Народъ онъ раздѣлилъ на два сословія: на хлѣбопашцевъ и ѣздоковъ (наѣздниковъ—конницу); хлѣбопашцы были слугами, а ѣздоки (наѣздники)—господами: именно его потомки занимались ѣздою верхомъ, скачками и охотою. Царство Борзаковъ существовало много вѣковъ, но съ тѣхъ поръ какъ они стали вводить въ своей землѣ виноградники, обработывать землю и злоупотреблять ея плодами, то ихъ царство было разорено южными *вѣщицами*. Таково содержаніе преданія, но надо замѣтить, что и въ настоящее время *Бързяцы* отличаются привычкою ѣздить верхомъ и состязаться въ скачкѣ. Они самые отличные ѣздоки и стрѣлки и самые лучшіе хлѣбопашцы. Что же касается виноградниковъ, о которыхъ упоминается въ преданіи, то и теперь рѣдко кто у нихъ занимается винодѣліемъ, и они стыдятся пить вино. Всѣ они гордятся тѣмъ, что они будто бы потомки кралевича Марка.

5. *Піянцы.*

Колѣно или родъ Піянцевъ населяетъ земли, лежащія между горами Смокомъ, Кочановскою, Малешовскою до горъ Витоша и Рыльска. Особенно они составляютъ область между Малешовомъ, Кюстендилемъ и Кочанами, подъ именемъ «Піянецо», гдѣ столицею имъ служитъ Царево-село. Нарѣчіе ихъ чисто македонское, въ которомъ однако, хотя и рѣдко, употребляетса буква *ч* на мѣсто *к*, исключительно въ глаголѣ *не кю* (не хочу), произносимомъ у нихъ отчасти какъ *не чю*, и въ которомъ есть слово *еіа* вмѣсто *кога (когда)*, общеупотребительное и измѣненное славянское *еіда*.

На сколько мнѣ извѣстно, одежды Піянцевъ по своему покрою и украшеніямъ во многомъ сходны съ одеждами жителей солунскихъ окрестностей, съ тою только замѣтною разницею, что *сагія* у піянскихъ женщинъ зеленая, а не красная. Мужское платье состоитъ изъ бѣлой полотняной рубахи, такихъ же штановъ, наколѣнниковъ шерстяныхъ, бѣлыхъ съ пестрыми подвязками, шерстянаго жилета, вышитаго шнурками, такой же *доламы*. Въ обычаяхъ они отличаются отъ Мыяковъ тѣмъ, что въ понедѣльникъ послѣ вѣнчанія, вмѣстѣ съ *побратимами* отправляется и женихъ съ теплою сладкою водкой къ тестю благодарить его за непорочность (честность) его дочери; въ корзинкѣ они несутъ свидѣтельство дѣвственности невѣсты; этотъ обычай вѣроятно произошелъ отъ нерѣдкой развратности женскаго пола. Они еще отличаются отъ другихъ своимъ чрезмѣрнымъ пьянствомъ, вслѣдствіе чего они можетъ быть получили наименованіе *«піянцы»*, такъ какъ любимое ихъ занятіе составляетъ обработываніе виноградныхъ садовъ и сливъ (дерево), чтобы имѣть вино и *сливовицу* (водка изъ сливъ) въ изобиліи. Они очень храбры, а потому и терпѣливы. Піянецъ легко сноситъ безчестіе женщинъ, но въ дѣлахъ они очень умны. Требованія нравственности не имѣютъ никакого вліянія на нихъ; по этому они вовсе не обижаются, видя часто безчестіе, хотя и чрезвычайно мстительны. Преданіе о ихъ происхожденіи очень веселое; постараюсь разсказать его вкратцѣ:

«Піянцы, говоритъ преданіе, ведутъ свое начало современно съ солнцемъ, родоначальникъ коихъ былъ старшимъ братомъ солнца, а мѣсяцъ или луна была его племянницею. Родоначальникомъ піянцевъ былъ первый сынъ Бога, имя котораго было *Пій*, что значитъ красный. Онъ научилъ свой родъ прежде всего садить виноградники и приготовлять вино, для того, чтобы они веселились и забывали свои заботы и труды. *Пій* ненавидѣлъ своего брата, такъ какъ солнце (его братъ) было рождено отъ Бога болѣе свѣтлымъ, чѣмъ самъ онъ; разъ Пій до того поссорился съ своимъ братомъ, что Богъ боясь, чтобы солнце не пострадало отъ Пія, поставилъ солнце на такой высотѣ, что Пій не могъ достать его съ земли; Богъ повелѣлъ солнцу свѣтить Пію, но не постоянно а на половину, то-есть попеременно. Пій разгнѣвался, но не имѣя больше никакой власти надъ солнцемъ, выдумалъ (изобрѣлъ) огонь, чтобы онъ свѣтилъ ему и грѣлъ бы его въ то время, когда его братъ не дѣлалъ ему того. По прошествіи многихъ лѣтъ Пій покаялся и просилъ Бога простить его; Богъ пожаловалъ Пія прекрасною племянницею, луною, дочерью солнца, которой Богъ повелѣлъ, чтобъ она свѣтила Пію; когда ея отецъ не дѣлалъ этого. Прошло много лѣтъ и Пій изобрѣлъ желѣзо, изъ котораго онъ сдѣлалъ огненныя орудія, чтобъ истребить все, что Богъ подарилъ землѣ, которая была его женою. Богъ, внимая просьбамъ земли, чтобъ онъ излѣчилъ ея раны, выпустилъ воды и вѣтры, вылѣчившіе землю, а Пія заперъ въ пещеру подъ стопами земли, которыми она топтала его. Съ тѣхъ поръ поколѣніе Пія разсѣялось по землѣ, ища своего родоначальника. Въ продолженіе всего путешествія или странствованія они были преслѣдуемы водою, вслѣдствіе чего они всегда шли по берегамъ, пока наконецъ дошли до одного мѣста, гдѣ взмолились Богу, чтобы онъ поселилъ ихъ въ какой-либо мѣстности. Богъ послалъ *Долока*, который и перевезъ ихъ черезъ воду, но въ наказаніе опоясалъ

ихъ неотпираемой веригой (цѣпью), дозволивъ имъ носить только тыкву, изъ которой они могли бы напиться воды и проклялъ ихъ, чтобъ они никогда не избавились отъ воды. Піянцы остались совершенно одиноки въ пустынѣ. На этомъ мѣстѣ Богъ послалъ имъ другое наказаніе».

«На нихъ напали Юговицы, съ которыми они боролись цѣлыхъ десять лѣтъ, чтобъ избавиться отъ нихъ. Юговицы были люди, летавшіе надъ водою, спавшіе на водѣ и на водѣ боровшіеся съ другими: это были морскія самовилы. Они были снабжены множествомъ крыльевъ, и летѣли куда бы ни захотѣли. Отъ нихъ Піянцы выучились дѣлать крылья, но все-таки не могли летѣть. Тогда они снова молились Богу 40 лѣтъ безпрерывно; Богъ ихъ помиловалъ, показавъ имъ путь, по которому они вышли бы чистыми изъ этого мѣста; такимъ образомъ они опять приспѣли къ водѣ или рѣкѣ весьма длинной между высокими горами, гдѣ и поселились. Они стали обработывать землю, но никакъ не виноградные сады; они занимались еще и рыболовствомъ. Получили власть отъ Бога ходить по водѣ какъ Юговицы и построили колыбы (хижины) на водѣ, въ которыхъ спали. Много лѣтъ сряду они жили спокойно; образовали сильное государство съ царемъ и законами, словомъ жили по Божьему желанію. Въ этой мѣстности народъ, разбогатѣвши вслѣдствіе разныхъ и многочисленныхъ войнъ, которыя велъ съ сосѣдними народами, снова сталъ обработывать виноградные сады, точить вино и Піянцы сдѣлались развратными и размножились чрезвычайно. Тогда Богъ, чтобъ избавить свой родъ отъ злыхъ, напустилъ на нихъ какое-то свирѣпое поколѣніе людей, съ которыми боролись злые Піянцы въ теченіе цѣлаго вѣка, послѣ котораго Богъ пустилъ между ними и злыми рѣку Саку, которую злые не могли переплыть, такъ что они остались по этой сторонѣ рѣки, гдѣ основали большое царство, потому что покаялись. Царство ихъ распространилось до горы *Смокъ* и до рѣки *Моравы*; но потомъ Піянцы снова отклонились отъ Божьяго пути, и тогда Богъ совсѣмъ покинулъ ихъ. Въ безчисленныхъ битвахъ съ дикими народами и медвѣдями они потеряли своихъ вождей въ теченіе 40 лѣтъ, послѣ этого времени они разсѣялись по разнымъ мѣстамъ и стали жить какъ скоты; отъ этого Божьяго проклятія они не могутъ жить въ чистыхъ поляхъ».

Таковъ простодушный бытъ болгарскихъ племенъ населяющихъ верхнюю Македонію.

Нижніе Македонскіе роды.

1. *Бандовцы* (*Бяндовцы*).

Бандовцы получили свое названіе отъ особеннаго произношенія ими полугласныхъ буквъ *ъ*, *ь*, и буквъ *ѣ* и *я*; эти звуки они произносятъ какъ *онъ* (*о* глухое, т.-е. *янъ*, *ѣнъ* и *янъ*) напримѣръ слова *ке бядамъ* они произносятъ *ке бондамъ* (ке-бяндамъ); *ряка-ронка* (рянка); *лъжа-лънжа*; *рѣка-рѣнка*; *грядамъ-гряндамъ*, *лягко-лянгко* и проч. Они населяютъ всю косторскую область и отчасти горицкую. Этимъ наименованіемъ славятся около 500 селъ.

Бандовцы исключительно *молочники* и садовники; Константинополь полонъ ими. Они естественно самые корыстолюбивые и упрямые. Бандовецъ можетъ затѣять судебную тяжбу и вести ее всю свою жизнь. Они слабаго тѣлосложенія, духомъ хитрые и недовѣрчивые и съ испорченною нравственностію. Женскій полъ, противоположно характеру мущинъ, отличается крайнею честностію. Мущины носятъ бѣлыя шерстяныя *доламы* и *бечви* (наколѣнники) шитые краснымъ шнуркомъ; на головѣ тонкую *чалму*, круглую, бѣлаго и краснаго цвѣта при маленькой черной шапочкѣ, покрывающей только верхъ головы, подобно шапочкѣ латинскихъ капуциновъ. Что же касается одежды женщинъ, то я ничего не могу сказать о ней. Точно также ничего не скажу и объ ихъ обычаяхъ, но какъ только соберу подробныя свѣдѣнія, не замедлю выслать ихъ описаніе. Единственное преданіе у нихъ то, что они считаютъ себя самыми древними Болгарами.

2. *Пуливаковцы*.

Это колѣно населяетъ всю юго-западную Македонію, границы которой составляютъ горы Буринъ, Ница, Жолта и Паянъ и рѣки Вардаръ и Быстрица до города Беръ (Верія). Области Нѣгушъ, Катраница, Островъ, Воденъ, Могленъ, Пазаръ и вся Вардарія (поле, черезъ которое протекаетъ рѣка Вардаръ) славятся этимъ именемъ.

Они естественно раздѣляются на два большіе предѣла и по мѣстоположенію своему имѣютъ особенныя названія: *Горнополенцы* (Верхніе поляне) и *Долнополенцы* (Нижніе поляне); ихъ раздѣляетъ рѣка *Колудей*. Къ Горнополенцамъ относятся *Нягошъ*, *Катраница*, *Острова*, *Воденъ* и *Могленъ*, а къ Долнополенцамъ—*Пазаръ* и вся *Вардарія*. Горнополенцы по характеру отличаются отъ Долнополенцевъ тѣмъ, что они исключительно отличные торговцы, путешествуютъ въ отдаленныя страны и воинственны; второе — хорошіе хлѣбопашцы, занимаются обработываніемъ виноградныхъ лозъ и скотоводствомъ, слѣдовательно они смирные. По одеждѣ они отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что Горнополенцы надѣваютъ длинную до земли шерстяную черную *багряницу* (въ древнее время, по преданію она была красная), вышитую голубыми шнурками, на мѣховой подкладкѣ съ длинными открытыми рукавами, висящими позади; подъ

багряницею они надѣваютъ короткую доламу (куртка) съ такимъ же вышиваніемъ, какъ и багряница. У Долнополенцевъ нѣтъ багряницы, но только *кожухъ* (тулупъ) безъ подкладки и бѣлыя куртки. Голову первые обвязываютъ черною чалмою (но это новизна), а вторые чалмою бѣлаго и краснаго цвѣта вмѣстѣ.

Горнополенки (женщины) надѣваютъ одну только бѣлую или зеленую *саю* (сагія, но женщины Воденки сверхъ того носятъ еще и суконныя красныя куртки на мѣху); Долнополенки же надѣваютъ всегда двѣ *саи*, одну поверхъ другой, изъ которыхъ одна короче; края этихъ платьевъ заткнуты подъ павтами (серебряная пряжка) и кругомъ вышиты узорами; поверхъ *саи* онѣ надѣваютъ еще короткій, по поясъ, не крытый кожухъ. Первыя на головѣ надѣваютъ шапочку, продолговатую и вышитую, начиная съ маковки къ лѣвому глазу; шапочка шита золотомъ и подвязана нанизомъ изъ серебряныхъ старыхъ монетъ (цялинци). Надъ косою онѣ надѣваютъ *сукаю*, а по верхъ ея желтыя маленькія бляшки; вторыя носятъ шапочку, покрывающую всю голову кругомъ; надъ челомъ у нихъ возвышается треугольная корона, шитая шелкомъ и золотомъ и подвязанная у подбородка нанизами изъ серебренныхъ старыхъ монетъ.

Пуливаковцы получили свое названіе отъ постояннаго употребленія выраженія *пуливака* вмѣсто *гледайтука*, что значитъ смотри сюда. Вообще они храбрые трудолюбивые, и въ высшей степени дорожатъ честностію; въ сношеніяхъ съ другими они честны, остроумны и дальновидны. Они съ стоическимъ безстрастіемъ переносятъ всякую обиду, но за то въ высшей степени мстительны. Они любители красоты и великодушны. Они съ достоинствомъ сопротивляются только врагу, но какъ только они увидятъ, что онъ сознается въ своемъ проступкѣ, они прощаютъ и милуютъ его. Они особенно любятъ наряды и очень чистоплотны. Они имѣютъ большую наклонность къ лошадямъ и оружію, поэтому у нихъ мы найдемъ самыхъ лучшихъ лошадей и самое драгоцѣнное оружіе. Они еще отличаются своею патріархальною жизнію; всѣ семейства живутъ вмѣстѣ и только послѣ десятаго или покрайней мѣрѣ послѣ восьмаго *колѣна* они отдѣляются и прекращаютъ родство (отродяватъ). Самый старшій родоначальникъ есть и управитель всего многочисленаго домочадія или семьи. Часто встрѣчаются родоначальники, которые ежедневно собираютъ вокругъ стола свои семейства, состоящія изъ 30 и даже 40 членовъ, то есть сыновей, дочерей снохъ, внуковъ, племянницъ и проч.

За столомъ у верхняго конца первое мѣсто занимаетъ дѣдушка (самый старшій родоначальникъ), окруженный съ обѣихъ сторонъ членами мужескаго пола по старшинству; на другомъ концѣ стола сидитъ бабушка, то же окруженная членами женскаго пола по тому же порядку, то-есть по старшинству. Младшая изо всѣхъ снохъ въ домѣ подаетъ дѣдушкѣ сосудъ (пугарче) съ водкою; онъ сперва благословивши ее испиваетъ сколько ему нужно и потомъ передаетъ другимъ, кому позволено пить, по порядку, то-есть по старшинству такъ что сосудъ снова дойдетъ до дѣдушки, который испивъ еще разъ отдаетъ его снохѣ, которая во все это время стояла передъ нимъ съ руками на крестъ у пояса. Перекрестившись и благословивши трапезу, дѣдушка, а вслѣдъ за нимъ и остальные начинаютъ ѣсть. Когда на станетъ время пить вина, то прежде всѣхъ пьетъ дѣдушка, потомъ старшій за нимъ и т. д. Во все время, пока сосудъ переходитъ изъ рукъ въ руки, остальные сидятъ съ руками на крестъ, пока всѣ члены семейства не выпьютъ изъ фляжки. Такъ оканчивается обѣдъ или вечеря; когда встанутъ со стола и дѣдушка благословитъ трапезу, женщины, назначенныя прислуживать въ этотъ день, убираютъ со стола и моютъ посуду. Другая изъ женщинъ, назначенная подать умыться, беретъ лохань и кружку съ водою и начиная съ дѣдушки подаетъ умыться всѣмъ по порядку, то-есть по старшинству. Когда уже кончены всѣ дѣла, садятся всѣ члены семьи вокругъ дѣдушки, который разсказываетъ имъ сказки или преданія, даетъ имъ разныя наставленія, и назначаетъ кому изъ мущинъ и женщинъ заняться извѣстнымъ дѣломъ на завтрашній день, послѣ чего всѣ ложатся спать.

Судя по ихъ обычаямъ, у Пуливаковцевъ бытовое устройство демократическое или лучше сказать союзное. Въ каждомъ селѣ въ извѣстное время поселяне собираются посреди села и выбираютъ одного изъ старшихъ между ними, котораго облекаютъ властью, чтобъ онъ управлялъ селомъ и ихъ дѣлами; въ знакъ власти они вручаютъ ему жезлъ или палку. Безъ его дозволенія ничего въ селѣ не можетъ быть продано чужестранцу, а также и куплено отъ него. Этотъ порядокъ существуетъ у Долнополенцевъ; Горнополенцы ограничиваютъ власть своего начальника совѣтомъ изъ двухъ или трехъ членовъ, которые выбраны между поселянами болѣе смышлеными.

Нарѣчіе ихъ мягкое и весьма ровное; они особенно отличаются свойствомъ производить отъ глаголовъ существительныя съ окончаніемъ *очка* напр. отъ *играмъ* (играю) *играчка*; *ходамъ* (хожу) *ходачка*; *сѣдамъ* (сижу) *сѣдачка*; *ядамъ* (ѣмъ) *ядачка*; *тръчамъ* (спѣшу, бѣгу) *тръчачка* и съ обыкновеннымъ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ. Они еще отличаются употребленіемъ окончаній *ія* и *а* для существит. женскаго рода и *ой* для прилагат. мужескаго рода напр. *имотія*, *голотія*, *слѣпотія*, *воденія*, *колалія*, *околія*, *мякотія*, *мокрина*, *вышина*, *долина*, *горина*, *едной конь*, *дебелой чевькъ*, *мядрой мяжъ* и пр. и указательными мѣстоименіями *вой*, *ва*, *во* для предмета близкаго, *той*,

та, *то* для предметъ болѣе отдаленнаго, *онъ*, *она*, *оно*, для предметовъ одушевленныхъ.

Свадебные ихъ обычаи и порядки похожи на мычкіе съ слѣдующимъ прибавленіемъ: за восемь дней до вѣнчанія со стороны жениха посылаютъ въ домъ невѣсты подарки въ корзинкѣ и вуаль шелковую красную, которая служитъ головнымъ покрываломъ (дувакъ) невѣсты; подарки называютъ *канишн*, отъ слова *канямъ*—приглашаю, потому что ими приглашаютъ свата на свадьбу. Возвратившись въ домъ жениха, тотчасъ его *посестримы* начинаютъ чистить *рисъ*—знакъ что свадьба началась.

Для вѣнчанія нѣтъ строго опредѣленнаго времени, но все-таки свадебнымъ временемъ у нихъ считается мѣсяцъ октябрь, а именно около Дмитрова-дня; большинство же справляетъ свадьбу послѣ водоосвященія (Богоявленія) и до начала великаго поста.

Въ пятницу, за два дня до вѣнчанія заплетаютъ невѣсту, но въ банѣ не бываютъ. Въ субботу вечеромъ послѣ сумерекъ брѣютъ жениха, а съ нимъ и его брата да еще мальчика. За невѣстою они отправляются въ полночь. Въ домѣ невѣсты ея братъ опоясыв етъ жениха поясомъ. Въ субботу днемъ, какъ въ домѣ жениха, такъ и въ домѣ невѣсты дѣлаютъ *бучку*. *Бучка* дѣлается слѣдующимъ образомъ: берутъ новый пестрый коверъ; его развѣшиваютъ на стѣнѣ въ углу комнаты; въ домѣ жениха коверъ вѣшаютъ на правой сторонѣ или углу комнаты, а въ домѣ невѣсты—на лѣвой; потомъ они изготовляютъ вѣнокъ изъ зеленыхъ вѣтокъ, убранный различными живыми цвѣтами, букетъ цвѣтовъ привязываютъ къ вѣнку золотою и красною шелковою нитками, съ обѣихъ сторонъ котораго висятъ золотыя нитки или концы. *Бучка* служитъ сѣдалищемъ невѣсты, въ которое входитъ невѣст и стоитъ на ногахъ, а позади нея стоятъ двѣ дѣвочки, которыя тайкомъ прислуживаютъ ей начиная съ пятницы и до конца свадьбы. Бучку разстроиваютъ иногда по возвращеніи невѣсты изъ церкви, иногда по прошествіи осьми дней послѣ вѣнчанія. Невѣста не выходитъ изъ бучки до того вечера, когда ее поведутъ въ брачную комнату.

Невѣсту изъ ея дома не ведутъ въ церковь, но прямо въ домъ жениха, гдѣ, когда она войдетъ на дворъ, подаютъ ей, сидящей еще на лошади, трехъ мальчиковъ, которымъ она даритъ пестрые чулки и яблоки, поцѣловавъ сперва имъ руку. Невѣсту принимаетъ съ лошади свекоръ, а свекровь встрѣчаетъ ее двумя сосудами, полными виномъ и двумя хлѣбами. Невѣста, поцѣловавъ руку свекрови, беретъ у нея сосудъ съ виномъ и съ хлѣбами подъ мышкой входитъ въ домъ; надъ порогомъ дверей она разливаетъ немного вина; когда она войдетъ въ комнату побратимы отбираютъ отъ нея сосуды съ виномъ, а посестримы хлѣбъ.

Въ комнатѣ находятся священники, которые тотчасъ совершаютъ таинство вѣнчанія, по окончаніи котораго *побратимы*, стоя позади кума, поднимаютъ его на рукахъ и кричатъ: «достоинъ!» (достоенъ). Другіе же бьютъ его по заду желѣзною лопаткою (она употребляется для камина), до тѣхъ поръ пока онъ не обѣщаетъ имъ угощенія; то же самое дѣлаютъ и съ ближними, молодыми родственниками жениха. Когда молодыхъ подъ вѣнцомъ ведутъ кругомъ стола, женщина изъ свахъ, держа рѣшето съ пшеницею, смѣшанною съ другимъ семенемъ, напр. хлопчатою бумагою, бросаетъ надъ ними пшеницу. Послѣ этого ведутъ невѣсту въ *бучку*, гдѣ она стоитъ до того времени, когда кумъ позволитъ ей идти въ брачную комнату. Въ понедѣльникъ посестримы расхаживаютъ съ невѣстою по дому и водятъ ее къ колодцу или источнику принести въ домъ воды; во вторникъ невѣста мѣситъ хлѣбъ; въ среду она дѣлаетъ домашній пирогъ и печетъ его; въ четвергъ готовитъ кушанье, а въ пятницу прислуживаетъ въ первый разъ за столомъ какъ хозяйка. Въ воскресенье ведутъ невѣсту въ церковь, чѣмъ и оканчивается свадьба.

У Пуливаковцевъ существуетъ преданіе, что они чистые Македонцы и потомки Александра Великаго. Долнополенцы, а особенно живущіе въ окрестностяхъ Пазара гордятся древнею столицею, т.-е. городомъ Бѣлою (Бяла) отъ котораго уцѣлѣли только одна башня да стѣна вышиною въ 5 аршинъ. Горнополенцы, а особенно живущіе по правой сторонѣ города Водена, гордятся тѣмъ, что они македонскіе *Болѣри*; они вѣрятъ, что въ томъ городѣ находились лѣтніе дворцы македонскихъ царей, а также и ихъ столица до построенія города *Бѣлы* называлась *Ведица*. Въ самомъ дѣлѣ и въ настоящее время находится тамъ небольшое село подъ именемъ *Фетица* на получасовомъ разстояніи отъ другаго села *Царь Мироново*, на мѣстѣ достойномъ для столичнаго или царскаго города, гдѣ выкапывается довольно древностей.

3. *Дарзилцы* (*Дързилци*).

Между горнополенскими Пуливаковцами отличаются Дарзилцы, численность которыхъ простирается отъ 4,000 до 5,000 семействъ. Они отличные и предпріимчивые торговцы, путешественники и люди въ высшей степени гостепріимные и честолюбивые. Съ XIII столѣтія и до XVIII они смѣло вели торговлю въ Азіи и Европѣ. Они до того были смѣлыми въ своихъ дѣлахъ, что отъ этого вѣроятно и получили прозвище Дарзиловцевъ (отъ глагола дерзаю), а ихъ главное село Дарзилово (Дързилово). Въ гражданскомъ отношеніи они всегда были независимыми, управлялись своими собственными законами, довольно замѣчательными,

Храбрые и любящіе свою родину, они всегда вели страшныя битвы съ своими сосѣдями. Въ теченіе пяти столѣтій, пять разъ было раззорено ихъ село и каждый разъ они возобновляли его.

Они раздѣлялись на три сословія: къ первому принадлежали купцы-*шаякчіи*, торговавшіе на чужбинѣ *шаякомъ* (родъ грубаго сукна мѣстнаго произведенія), они же управляли селами какъ болѣе благородные люди. Второе сословіе заключало въ себѣ людей, которые исключительно занимались продажею масла, дѣлаемаго ими же изъ *сусама*, а также и торговлею разными съѣстными припасами. Къ третьему сословію относились люди, исключительнымъ занятіемъ которыхъ было плотничество, столярное дѣло и т. п. Эти три сословія никогда не смѣшивались между собою; другими словами, первое сословіе никогда не выдавало замужъ своихъ дочерей за людей, принадлежащихъ ко второму сословію и т. д.

Дарзилцы славились своими мельницами и превосходными станками для тканья шаяка. Всѣ ихъ дома были бѣлые и каменные. Когда Турки покорили ихъ мѣстность, турецкое правительство уважило ихъ самоуправленіе, оставивъ ихъ свободными. Они всегда были защитниками мѣстныхъ интересовъ. Во время Али-паши Янинскаго они боролись противъ него и мужественно защищали свое достоинство. Но греческое возстаніе 1821 года заставило ихъ сжечь свое село въ послѣдній разъ, чтобы не подпасть подъ власть народа, который естественный врагъ ихъ. Съ тѣхъ поръ они нагіе и босые, бездомные, въ большомъ числѣ разсѣялись по турецкой имперіи, а другіе перешли на чужбину. Города Петричъ, Мелникъ и Сѣръ, а также села Порой, Сухо, Нигрита и Джума полны Дарзилцами, торгующими масломъ; Лѣригово, Новосело, Ревникъ, Топлица и Изворъ населены Дарзилцами, плотниками. Въ Нѣгошѣ, Воденѣ, Солунѣ, а также Греціи, Сиріи, Египтѣ, Валахіи и Австріи очень хорошо извѣстны Дарзилцы, торгующіе *шаякомъ*, которыхъ постоянныя жилища находятся въ первыхъ трехъ городахъ.

Всегда и вездѣ Дарзилцы и въ бѣдствіяхъ отличались крайнимъ остроуміемъ и примѣрнымъ хозяйствомъ; они всегда жертвовали своею кровью въ пользу мѣстности, которая угощала ихъ. Почти что всѣ оставшіеся на чужбинѣ отличались въ правительственныхъ службахъ. Въ Египтѣ Дарзилецъ потурченный довольно долгое время управлялъ дѣлами страны. Въ Валахіи Дарзилецъ Петро-Перецъ возвысилъ валашское имя въ разныхъ высокихъ правительственныхъ службахъ и наконецъ четыре года тому назадъ умеръ, будучи предсѣдателемъ верховнаго суда. Купеческое сословіе въ Пештѣ, Вѣнѣ, Прагѣ, Лейпцигѣ и Тріестѣ славится многими отличными купцами изъ Дарзилцевъ. Что же касается Греціи, то она не можетъ отрицать, что самые лучшіе ея военачальники, сановники и купцы были изъ Дарзилцевъ, изъ которыхъ и до сихъ поръ въ самыхъ Аѳинахъ еще существуетъ особенное не малочисленное сословіе съ особеннымъ названіемъ.

Изъ законовъ Дарзилцевъ, самый любопытный законъ недозволявшій, чтобы въ ихъ селѣ существовали вдовцы или вдовицы; по закону они по прошествіи 40 дней, а если уважительная причина, то по прошествіи трехъ мѣсяцевъ (во все это время вдовцы или вдовицы сидѣли взаперти, не имѣя сношенія ни съ кѣмъ) должны были жениться или выйти замужъ; ихъ силою вѣнчали на общественный счетъ.

4. *Сыраковцы.*

Сыраковцы населяютъ страну, лежащую по обѣимъ сторонамъ рѣки Струмы, въ подошвахъ горы Бѣлашицы, на востокъ отъ озера Будкова до города Мелника, и составляютъ около 60 селъ. Я не въ состояніи описать ихъ обычаи и ихъ различіе отъ другихъ Македонцевъ; однако надѣюсь вскорѣ исполнить и это мое желаніе.

Начиная отъ Буткова внизъ находятся около 10 селъ подъ названіемъ *Аризановцевъ*. Я полагаю, что они суть *Арѣзановцы*, т.-е. не рѣзанные, не обрѣзанные. Если это справедливо, то надо вѣрить, что это ихъ названіе произошло отъ того, что они не потурчились, подобно ихъ сосѣдямъ черногорцамъ (карадаци) Македонскимъ.

5. *Марвацы* (*Мървацы*).

Марвацы населяютъ мѣстность, начиная отъ города Сѣреса, Горнаго Брода (Βροντου) до Валовища (Демир-шаръ) и Неврокопа. Это названіе носятъ около ста селъ. Обычаи ихъ сравнительно съ Пуливаковцами отличаются тѣмъ, что у нихъ нѣтъ патріархальнаго быта. Свадебные ихъ порядки главнымъ образомъ отличаются тѣмъ, что они не дѣлаютъ *бучки* (см. выше) да еще и слѣдующимъ: послѣ помолвки или обрученія молодыхъ, каждый воскресный день невѣста, которая называется *годеница* (помолвленная, обрученная), посылаетъ жениху букетъ живыхъ цвѣтовъ; женихъ (годеникъ) послѣ обѣдни отправляется въ домъ невѣсты, гдѣ его угощаютъ водкою и изюмомъ, но невѣста передъ нимъ не является. Когда приглашаютъ свата (отца невѣсты) на свадьбу и требуютъ чтобъ онъ выдалъ имъ невѣсту, тогда ея сваты съ своей стороны требуютъ 50 ока вина, 10 капусты свѣжей, 25 окъ (2 пуда) мяса, 10 окъ (около пуда) рису и 5 сальныхъ свѣчей. При этомъ отецъ невѣсты прибавляетъ, говоря: «если вы не принесете этихъ вещей, то я отказываюсь отъ свадьбы и не отдамъ

вамъ невѣсты». Послѣ этого сваты (гости) возвращаются въ домъ жениха, гдѣ они пируютъ и веселятся до самаго утра.

На слѣдующій день утромъ отецъ жениха и другіе гости берутъ сапоги, назначенные для брата невѣсты, и башмаки для сестеръ ея, а также мясо, капусту, вино, рисъ и свѣчи, которыя на лошади отправляютъ въ домъ невѣсты, отецъ которой, если недостаетъ чего-нибудь противъ условленнаго, возвращаетъ вещи назадъ, а въ противномъ случаѣ принявъ ихъ говоритъ посланнымъ отъ жениха: «приходите взять невѣсту!» Послѣ этого дѣвушки начинаютъ одѣвать невѣсту, которая посылаетъ жениху платокъ; получивъ этотъ платокъ, женихъ обвязываетъ имъ себѣ шею, и его примѣру слѣдуютъ и всѣ бывшіе у невѣсты. Потомъ его брѣютъ и моютъ голову, вмѣстѣ съ нимъ брѣютъ и меньшаго его брата, а также и еще другаго мальчика изъ его родственниковъ.

Въ пятницу передъ свадьбою въ домѣ жениха собираются дѣвушки, изъ которыхъ каждая печетъ калачи; муку даетъ имъ женихъ. Вечеромъ того же дня въ огромномъ котлѣ варятъ бобы; собираются снова дѣвушки, которыя приготовляютъ знамя; это знамя убранное вѣтвями беретъ мать жениха, которая въ сопровожденіи другихъ женщинъ выходитъ на улицу и съ ними ведетъ хороводъ. Замѣчательно, что въ этомъ хороводѣ отнюдь не можетъ быть болѣе 9 женщинъ. По окончаніи хоровода знамя прячутъ до воскресенья, день въ который берутъ невѣсту.

Въ воскресенье, женихъ и его два товарища, о которыхъ упомянуто выше, берутъ по одному калачу, изъ коихъ каждый вѣситъ по 3 и 4 ока; взявъ въ одну руку калачъ, а въ другую сосудъ съ виномъ, всѣ трое въ сопровожденіи одной только дѣвушки и съ музыкою отправляются приглашать гостей на свадьбу: всѣмъ встрѣчающимся имъ на пути они кланяются, сперва женихъ, а за нимъ и всѣ остальные. Гости собираются въ домѣ жениха, гдѣ пируютъ и веселятся, надо замѣтить, что гости приносятъ въ домъ жениха подарки въ 20 и 50 піастровъ стоимости. Послѣ угощенія встаютъ всѣ гости и отправляются за невѣстою; впереди свадебнаго поѣзда идетъ мальчикъ со знаменемъ, а женщины поютъ свадебныя пѣсни. Какъ только войдутъ въ домъ невѣсты, то отецъ жениха и всѣ мужчины входятъ въ комнату, а женщины остаются внѣ другой комнаты, въ которой находится невѣста съ дѣвушками. Дѣвушки запираютъ комнату, чтобы не вошли къ невѣстѣ женихъ и другія женщины. Потомъ женщины начинаютъ пѣть слѣдующую пѣсню:

Переводъ.

„Ой кумуве, ой сватуве! Що терате тука-на?“	Гей кумовья, гей сваты! Что вы ищете здѣсь?

Имъ отвѣчаютъ женщины, стоящія внѣ комнаты:

Ой кумуве, ой сватуве! Тиханъ вятаръ подуна, Та на тука дунесе.	Гей кумовья, гей сваты! Тихій вѣтеръ подулъ, И насъ сюда занесъ.

Дѣвушки отвѣчаютъ:

Ой кумуве, ой сватуве! Нищо нема готову: Ни шіану, ни круену, Ни даруве рязани.	Гей кумовья, гей сваты! Ничего нѣтъ готоваго: Ничего не сшито, не скроено, И подарки не срѣзаны.

Въ отвѣтъ имъ женщины поютъ:

Маръ дѣойку хубава! Маръ щу ми си правила Колацки-тѣ пустуве? Гулямы-ти нъщуве?	Дѣвушка ты красавица? Что же ты дѣлала Въ рождественскіе посты, Въ тѣ длинныя ночи?

Дѣвушки снова отвѣчаютъ:

Я бѣхъ одна о майка. Та ма рану ни будеше.	Я была одна у матери, Она меня рано не будила.

Это поютъ дѣвушки, и въ то же время женихъ ударяетъ ногою три раза въ дверь, которую отпираютъ дѣвушки и входитъ женихъ; онъ ударяетъ три раза невѣсту по челу серебряною монетою и наступаетъ ей на правую ногу, а потомъ садится. Тогда мать невѣсты приноситъ жениху два большія блюда съ пирогами домашняго приготовленія; женихъ разрѣзываетъ пирогъ на куски и изливши надъ ними стаканъ вина, беретъ по одному кусочку, а также и чашу съ виномъ, и передаетъ ихъ невѣстѣ. Она кланяется ему три раза, цѣлуетъ ему руку и взявъ пирогъ кладетъ его въ сундукъ. Женихъ тоже даетъ по куску пирога своей тещѣ и другимъ родственникамъ. Теща даритъ ему мѣдное блюдо, ложку и калачъ (хлѣбъ). По окончаніи всего этого сваты встаютъ, уводятъ невѣсту. Приданое невѣсты собрано въ сундукѣ, на коемъ сидитъ ея братъ, который продаетъ его и начинаетъ торговаться. Одинъ изъ родственниковъ жениха приближается къ нему, чтобы купить приданое невѣсты отъ ея брата, который требуетъ за него 90.000 піастровъ. Покупатель говоритъ: «это очень дорого! я не могу дать столько; дамъ тебѣ 9,000.» Братъ невѣсты отвѣчаетъ: «давай, давай деньги, если ты только достоинъ выкупить его!» Покупатель снова говоритъ ему, что онъ дорого проситъ, пока наконецъ даетъ ему 9 паръ (3 коп. сер.) и беретъ сундукъ. Такимъ образомъ приводятъ невѣсту въ домъ жениха. Черезъ нѣсколько времени приходитъ священникъ, который вѣнчаетъ молодыхъ, за тѣмъ священникъ уходитъ домой, а гости остаются весь день, пируютъ и веселятся. Невѣста на головѣ носитъ тонкое красное покрывало въ знакъ того, что она невинна. Попировавши и повеселившись вдоволь сваты (гости) наконецъ расходятся каждый по своимъ домамъ. По прошествіи трехъ часовъ женихъ снова приглашаетъ гостей на свадьбу. Гости опять собираются, пируютъ и веселятся всю ночь до раз-

свѣта. Въ этотъ вечеръ (воскресенье) купившій приданое невѣсты у ея брата отправляется въ комнату, гдѣ стоитъ невѣста. Она кланяется ему три раза, а онъ въ это время два раза поднимаетъ у нея покрывало надъ головою, а на третій разъ совсѣмъ срываетъ его съ головы, такъ что видно лице невѣсты, которая цѣлуетъ ему руку, а онъ подаривъ ей деньги, уходитъ. Потомъ входитъ къ невѣстѣ женихъ. Выйдя въ свое время изъ брачной комнаты, женихъ цѣлуетъ руку всѣмъ гостямъ, которые послѣ этого уходятъ восвояси. На другой день вечеромъ снова собираются гости, пируютъ и веселятся, съ тою только разницею, что въ этотъ вечеръ въ домъ жениха приходитъ мать невѣсты и даритъ всѣмъ гостямъ по платку, а отцу и матери жениха по рубашкѣ, братьямъ же его и сестрамъ другія вещи, какія она захочетъ.

Въ четвергъ въ домѣ жениха собираются дѣвушки изъ родственныхъ и вообще знакомыя ему; всѣ онѣ одѣваются въ платье, принадлежащее невѣстѣ. Каждая изъ нихъ беретъ маленькій глиняный сосудъ для воды и всѣ вмѣстѣ отправляются на фонтанъ за водою, а спустя не много туда же отправляется и невѣста; впереди ея идетъ женщина, которая ведетъ ее къ фонтану; невѣста идетъ тихимъ шагомъ и кланяется всѣмъ встрѣчающимся по пути. Дѣвушки, возвращаясь домой, даютъ сосудъ съ водою мальчику, который передаетъ его невѣстѣ для того, чтобы она родила сына. Возвратившись домой дѣвушки ведутъ невѣсту изъ одного угла дома въ другой, куда она выливаетъ воду. Этимъ и кончается свадьба.

Есть еще одинъ обычай относящійся къ новобрачнымъ: въ Николинъ день невѣста и женихъ отправляются въ домъ родственника, исполнившаго обрядъ выкупа приданаго въ день ихъ свадьбы. Женихъ и невѣста несутъ съ собою кушанье и три сосуда съ виномъ. Тамъ приглашены и другіе гости, и всѣ вмѣстѣ пируютъ и веселятся. Во все время угощенья или пира невѣста стоитъ и кланяется имъ. Пиръ кончается тѣмъ, что всѣ уходятъ наѣвшись и напившись вдоволь, одна только невѣста ничего не ѣла. Въ заключеніе замѣтимъ, что у Марваковъ невѣста называетъ побратимовъ *деверями*. Вотъ обычаи отличающіе Марваковъ отъ Пуливаковцевъ.

Къ этому я присоединяю описаніе свадебнаго обычая, существующаго въ селѣ Бродѣ сѣрескаго округа:

Когда молодой человѣкъ рѣшится пріискать себѣ невѣсту, прежде всего онъ посылаетъ въ домъ дѣвушки сваху, которая, явившись къ ея родителямъ, обращается къ нимъ съ слѣдующими словами „*Брамъ**), какъ вы поживаете? всѣ ли вы живы и здоровы? Брамъ, не согласитесь ли вы выдать свою дочку замужъ за сына?... (слѣдуютъ имена отца и сына). Если родители дѣвушки изъявятъ на это свое согласіе, то сваха возвращается съ радостнымъ извѣстіемъ въ домъ будущаго жениха, которому и говоритъ: „Радуйся, сынъ мой! они согласны выдать дѣвушку за тебя.“ Женихъ подчиваетъ сваху водкой или виномъ, и въ домѣ происходитъ первое веселье и пиръ.

Черезъ часъ женихъ созываетъ къ себѣ на домъ своихъ родственниковъ, а также и другихъ знакомыхъ, которые теперь называются *слѣбниками*, а въ другихъ селахъ *стройниками*. Эти *слѣбники*, взявши отъ него сосудъ съ водкою, сколько нужно, и блюдо съ сухимъ виноградомъ (изюмомъ), отправляются въ домъ дѣвушки, гдѣ разговариваютъ и веселятся съ ея родителями, а сама дѣвушка находится въ другой горницѣ и занимается приготовленіемъ букета изъ цвѣтовъ, украшеннаго золотомъ (мишурою). Когда букетъ уже готовъ, дѣвушка является передъ слѣбниками, которымъ она цѣлуетъ руку, а они вручаютъ ей отъ имени жениха два или три червонца, въ знакъ помолвки. Окончивъ это дѣло, *слѣбники*, какъ и всѣ находящіеся въ домѣ гости, начинаютъ подчивать другъ друга водкою, которую они не всю испиваютъ: сосудъ съ оставшеюся въ немъ водкою беретъ дѣвушка и въ сопровожденіи одного изъ гостей выходитъ на улицу, гдѣ подчиваетъ всякаго, кто попадется ей на встрѣчу, до тѣхъ поръ, пока кончится вся водка, послѣ этого она возвращается въ свой домъ; тогда *слѣбники*, на головѣ которыхъ у каждаго вотк нуты цвѣты, встаютъ и по порядку подаютъ руку отцу и матери дѣвушки, привѣтствуя ихъ словами: «желаемъ вамъ счастливо оставаться! Да будутъ счастливы молодые!» По возвращеніи въ домъ жениха, слѣбники, которыхъ онъ встрѣчаетъ и цѣлуетъ имъ руку, продолжаютъ пировать и веселиться.

На другой день утромъ снова является въ домъ невѣсты одинъ изъ знакомыхъ жениха, посланный имъ съ водкой; дѣвушка созываетъ къ себѣ заранѣе знакомыхъ женщинъ, которыхъ и подчиваетъ этою водкою; когда посланный уходитъ, дѣвушка встрѣчаетъ его у дверей и цѣлуетъ ему руку; а онъ даетъ ей червонецъ и что-либо другое.

По прошествіи двухъ или трехъ недѣль послѣ этого, начинаютъ приготовлять *опасалку* (опоясываніе невѣсты), которая состоитъ въ слѣдующемъ: женихъ, купивши золото въ листахъ (мишуру), сколько нужно, посылаетъ его своей *годеницѣ* (такъ-называется дѣвушка уже помолвленная), которая украшаетъ имъ букеты по числу людей, которые прибудутъ въ ея домъ со стороны жениха, посылающаго съ ними *препашало* (поясъ). Женихъ въ праздникъ или въ воскресенье приглашаетъ на домъ своихъ родственни-

*) *Брамъ* говорится вмѣсто *господинъ*.

ковъ и сосѣдей и другихъ знакомыхъ, которые должны отнести невѣстѣ поясъ съ пряжками. Но еще до этого въ домѣ жениха готовятъ разныя кушанья и пироги въ большомъ количествѣ. Отдѣливши отъ каждаго кушанья извѣстное количество въ особыя блюда, собравшіеся у жениха отправляются въ домъ невѣсты, которой и передаютъ принесенныя ими кушанья, а потомъ опоясываютъ ее поясомъ съ пряжками, который женихъ посылаетъ ей въ подарокъ. Это и называется *опасалка*, т.-е. опоясываніе. По исполненіи этого обряда, дѣвушка цѣлуетъ всѣмъ руку по порядку, начиная съ самаго старшаго. Спустя немного времени посланные возвращаются въ домъ жениха, гдѣ ѣдятъ, пьютъ и веселятся до поздняго вечера.

Обрученіе или помолвка бываетъ въ извѣстное время года начиная съ ноября мѣсяца и по конецъ марта; свадьбы же совершаются только въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ.

Спустя нѣсколько времени послѣ *опашалки* слѣдуетъ исполненіе другаго обычая—*обушта*. Женихъ покупаетъ для своей невѣсты башмаки, шитые золотомъ, и пригласивши предварительно къ себѣ родственниковъ и знакомыхъ посылаетъ съ ними башмаки; посланные отправляются къ невѣстѣ съ кушаньями, какъ сказано выше; башмаки надѣваетъ на ноги невѣсты *деверъ*—братъ жениха; невѣста и на сей разъ, получивши этотъ новый подарокъ отъ жениха, цѣлуетъ всѣмъ руку; посланные послѣ этого снова возвращаются къ жениху, въ домѣ котораго пируютъ и веселятся вдоволь.

Если случится, что невѣста замѣтитъ гдѣ-нибудь своего жениха, то поспѣшно старается скрыться, чтобы онъ не видѣлъ ея. По воскресеньямъ и праздникамъ женихъ посылаетъ невѣстѣ сухой виноградъ и другія лакомства, а та въ свою очередь каждое воскресенье и праздникъ черезъ посредство маленькой дѣвочки, доставляетъ своему жениху *цвѣты* (букетъ), которые онъ долженъ носить на головѣ. Это продолжается безпрерывно до тѣхъ поръ, пока не наступитъ время свадьбы. Дѣвочкѣ принесшей букетъ женихъ даетъ серебрянныя монеты для передачи невѣстѣ. За двѣнадцать дней до свадьбы невѣста никуда не показывается изъ своего дома.

Свадьба начинается въ субботу передъ наступленіемъ вечера. Въ это время женихъ съ музыкантами впереди, держа въ рукахъ сосудъ съ виномъ, отправляется по разнымъ домамъ и приглашаетъ на свадьбу родственниковъ и всѣхъ знакомыхъ. Въ домѣ заняты приготовленіемъ разныхъ кушаньевъ и жаркаго. Когда гости соберутся, то прежде всего отдѣляютъ извѣстную часть кушаньевъ, которыя съ нарочными посылаетъ невѣстѣ. Это называется *отсѣкъ*. Явившіеся въ домѣ невѣсты со стороны жениха спрашиваютъ ея отца, сколько онъ требуетъ, чтобъ женихъ заплатилъ ему за дочь, чтобы потомъ не было имъ отказа, когда они придутъ брать невѣсту. «Скажи намъ, сватъ, говорятъ они ему, сколько ты желаешь, чтобъ тебѣ заплатилъ женихъ за дѣвицу?..» Отецъ невѣсты отвѣчаетъ: «Принесите по парѣ башмаковъ и сапоговъ для невѣсты и ея сестеръ, а также и для матери» (словомъ для всего семейства, на каждаго члена отдѣльно); сверхъ того онъ требуетъ отъ своего зятя 50 окъ вина, 10 кочней капусты, 25 окъ мяса, 10 окъ рису, 5 сальныхъ свѣчей. Назвавши всѣ вещи, отецъ невѣсты обращается къ пришедшимъ съ слѣдующими словами: «Честные сваты! Если вы не принесете всѣхъ поименованныхъ вещей сполна, то я завтра не признаю вашей свадьбы и не дамъ вамъ невѣсты!» Послѣ этого договора сваты возвращаются въ домъ жениха, гдѣ происходитъ обычное пированье и веселье. Далѣе все сходно съ прежде описаннымъ.

Марваки всѣ исключительно кузнецы; ихъ мѣстность можно назвать рудниками желѣза, и они искусно умѣютъ отдѣлять желѣзо отъ песка. Можетъ быть отъ того, что ихъ занятіе сопряжено съ трудолюбіемъ, такъ какъ они по роду занятій принуждены работать надъ пріискиваніемъ желѣза и проч. по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ, они и названы Мървацы, которое можетъ быть есть Марвацы или Мравацы, то-есть трудолюбивые какъ муравьи.

Марваки, населяющіе Неврокопскій округъ заключающійся между горою Кременъ и Дѣвичьей башней, служащей естественнымъ предѣломъ между Неврокопомъ и Разлогомъ, не имѣютъ особеннаго названія; они не отличаются никакими важными обычаями, ни нарѣчіемъ, единственное свойство котораго состоитъ въ томъ, что частица *ке* замѣняется частицей *ше* наприм. *ше ходанъ* вмѣсто *ке ходанъ* и словомъ *ега* вмѣсто *кога* (когда), да еще словами *рукни* и *кликни* вмѣсто *позови* или *викни*; наконецъ слово *крѣвь* (кровь) они произносятъ *кравь*. Къ этому я прибавлю, что у Марваковъ есть такіи сказки и народныя преданія самой отдаленной древности, которыя въ состояніи, когда будутъ подробно описаны и всесторонне изслѣдованы, пополнить многіе пробѣлы въ общей и мѣстной славянской исторіи; могутъ разъяснить и исправить много ошибочныхъ и неумѣстныхъ мнѣній историковъ новаго и древняго времени о происхожденіи народовъ, живущихъ на Балканскомъ полуостровѣ, объ этихъ предкахъ древнихъ Ѳракійцахъ, Македонцахъ и Иллирахъ. Извѣстно, что большинство современныхъ европейскихъ историковъ и этнографовъ доказываютъ и твердятъ, что вопросъ о происхожденіи древнихъ Ѳракійцевъ, Македонянъ и Иллировъ есть не разрѣшимая проблемма. Между тѣмъ я смѣю увѣрить, что рѣшеніе этого вопроса находится въ преданіяхъ македонскихъ Марваковъ.

Помимо преданій и сказокъ у Марваковъ есть народныя пѣсни, весьма любопытныя и важныя, относящіяся къ самой отдаленной древности; къ такимъ принадлежитъ и пѣсня о пришествіи Славянъ изъ Азіи (отъ далекой китайской земли, говоритъ пѣсня) на Дунай; еще пѣсня объ Александрѣ Великомъ и его лошади Буцефалѣ; объ его походѣ въ Азію и сраженіяхъ съ Даріемъ и Поромъ, царемъ индійскимъ. Эта весьма важная болгарская народная пѣсня, представляющая многое для рѣшенія вопроса о происхожденіи древнихъ Ѳракійскихъ Македонцовъ и Иллиръ, открыта въ селѣ *Кърчово*, что въ Воловищѣ Демиръ-Исарскаго округа; ее мнѣ разсказалъ пастухъ Стоянъ Мечкаровъ. Такую же пѣсню имѣю и изъ села Хрушова, того же округа, но она составлена нѣсколько иначе.

Прилагаю здѣсь одно преданіе о примаслицѣ:

«На вершинѣ старой планины (горы) близь села Перина есть озеро, въ которомъ водятся Юды; внутри этого озера есть и домъ, въ которомъ живутъ Юды-Самовилы; до извѣстнаго мѣста, озеро загорожено большими камнями (стѣною) для того, чтобы камни срывающіеся съ горы не падали бы въ ту часть озера и не мутили бы озера, вода котораго до того прозрачна, что всѣ предметы находящіеся въ немъ видны, какъ въ зеркалѣ. У этого озера человѣку невозможно спать, особенно же ночью, потому что въ озерѣ постоянно танцуютъ и забавляются Юды. Однако случилось когда-то жилъ былъ какой-то пастухъ, который пасъ на этой старой планинѣ (горѣ) свое стадо барановъ; пастухъ этотъ до того искусно умѣлъ играть на свирѣли, что другаго ему равнаго невозможно было найдти: когда онъ игралъ на свирѣли, то его овцы и бараны поднимались на заднія ноги, а птицы собирались вокругъ него на деревьяхъ, чтобы слушать его свирѣль. Пастухъ имѣлъ обыкновеніе ежедневно ходить у того мѣста озера, гдѣ купались совершенно нагія Юды-Самовилы и смотрѣть на нихъ; Юды-Самовилы имѣли обыкновеніе ежедневно купаться въ озерѣ и оставлять свое платье на берегу озера; бросаясь въ озеро и доходя до своего дворца, онѣ тамъ купались въ теченіи двухъ и трехъ часовъ, послѣ чего снова выходили на берегъ, одѣвались и улетали.

«Пастуху, посѣщавшему ежедневно это мѣсто, гдѣ собирались Юды-Самовилы, казались онѣ такими красавицами, какихъ невозможно отыскать въ цѣломъ мірѣ; онѣ не трогали его, благодаря его игрѣ на свирѣли. Случилось разъ, когда онъ игралъ на свирѣли, когда вокругъ него собрались всѣ птицы, въ обыкновенное время пришли и Самовилы и стали раздѣваться, чтобъ купаться; между ними была одна Самовила, которая своею красотою превосходила всѣхъ своихъ подругъ и на которую пастухъ не могъ смотрѣть равнодушно. Когда Самовилы раздѣлись и стали купаться, одна изъ нихъ сказала своей подругѣ-красавицѣ: «Когда бы здѣсь былъ этотъ пастушекъ, то онъ взялъ бы твое платье; тогда мы увидѣли бы какъ ты побѣжишь за нимъ;» — «однако вы видите, что онъ не догадывается», отвѣтила красавица. Пастухъ, подслушавъ эт ихъ бесѣду, немедленно кинулся къ мѣсту, гдѣ находились одежды Самовилъ, взялъ платье красавицы и сталъ удаляться. Самовила-красавица, которой принадлежало платье, увидѣвши это, немедленно вышла изъ озера, и стала догонять пастуха; догнавши его, она стала упрашивать и умолять его, возвратить ей платье, а за это она готова исполнить всякое его желаніе. Пастухъ продолжалъ свою дорогу, не обращая никакого вниманія на просьбы Самовилы, такъ что они наконецъ дошли до села, гдѣ жилъ пастухъ; поселяне, увидѣвши ихъ, дивились этому чуду, что такая дивная красавица-дѣвушка слѣдуетъ за пастухомъ; когда онъ вошелъ въ свой домъ, то обратился къ Самовилѣ слѣдующими словами: «ты посиди немного здѣсь; я отправлюсь въ одно мѣсто и по возвращеніи моемъ оттуда, я отдамъ тебѣ твое платье». Она ничего не могла возразить на это, онъ же отыскалъ какой-то сундукъ, въ которомъ и заперъ платье Самовилы; потомъ отправился на какую-то гору, гдѣ и зарылъ сундукъ съ платьемъ. Возвратившись оттуда пастухъ, немедленно пригласилъ къ себѣ священника, который и обвѣнчалъ ихъ. Послѣ этого она, Самовила, никакъ не могла отдѣлаться отъ своего мужа, съ которымъ и прожила 22 года. Въ теченіи всего этого времени она не переставала просить его, чтобъ онъ ей возвратилъ платье, но онъ всегда оставался глухимъ на всѣ ея просьбы.

«Когда наступила пора женить родившагося у нихъ и возмужалаго сына, они пригласили, какъ водится, всѣхъ своихъ знакомыхъ и пріятелей на свадьбу. Стали справлять свадьбу; сваты и гости отправились брать невѣсту, которую взяли и привели въ домъ жениха; во время свадьбы всѣ веселятся, пируютъ и танцуютъ, одна только мать жениха Самовила все печалится и тоскуетъ, не хочетъ веселиться: всѣ дивятся этому и не могутъ узнать причины ея тоски. Тогда ихъ кумъ рѣшился спросить ее, отчего она такъ печальна и не хочетъ веселиться на свадьбѣ ея сына. Самовила разсказала куму, какъ ея мужъ похитилъ у нея ея платье, какъ она безпрестанно въ теченіи столькихъ лѣтъ просила и умоляла своего мужа, чтобъ онъ отдалъ ей назадъ платье, но онъ и знать не хочетъ объ этомъ. «Пусть онъ отдастъ мнѣ мое платье, говорила Самовила своему куму, и тогда вы увидите какой я веселый хороводъ поведу.» Услышавъ это кумъ обратился къ пастуху, ея мужу, и сталъ убѣждать его, чтобъ онъ возвратилъ взятое у нея платье, тѣмъ болѣе, что они столько времени пожили вмѣстѣ, и нѣтъ никакого повода бояться, что она

П-3718

уйдетъ отъ него, а между тѣмъ она, Самовила, такая же красавица какъ и прежде. Тогда пастухъ, исполняя желаніе своего кума, отправился на то мѣсто, гдѣ была зарыта одежда своей жены, Самовилы, и принесши ее домой, отдалъ платье ей. Самовила, жена его, нарядившись въ это платье, вдругъ сдѣлалась очень веселою, и стала водить хороводы, но спустя немного она изъ хоровода полетѣла по воздуху и больше не возвратилась.

«Тогда пастухъ очень опечалившись далъ себѣ слово искать ея и не возвращаться прежде чѣмъ не отыщетъ ея. Для этого онъ снова отправился къ тому озеру, у котораго и сталъ дожидаться въ надеждѣ увидѣть свою жену Самовилу. Между тѣмъ, какъ онъ стоялъ на берегу озера и ждалъ, вдругъ откуда ни взялись двѣ женщины, которыя подняли его на воздухъ, потомъ опустившись внизъ вмѣстѣ съ нимъ, вошли внутрь озера и ввели его во дворецъ Самовилъ. Дворецъ ихъ былъ каменный, нерукотворенный, украшенный бисеромъ и драгоцѣнными самоцвѣтными камнями, которые блистали, словно во дворцѣ свѣтили два солнца, точно звѣзды на небѣ; весь дворецъ былъ устланъ чистымъ золотомъ; по всему дворцу были разставлены золотые столы. При входѣ во дворецъ на встрѣчу ему вышли другія женщины, которыя стали распрашивать о его здоровьи; потомъ онѣ угостили его различными кушаньями, до того вкусными, что онъ никогда не видалъ и не ѣдалъ такихъ; угостивши его вдоволь Самовилы дали ему кусокъ золота, въ 50,000 піастровъ стоимости. За томъ Самовилы снова подняли его, и вывели его на берегъ озера, гдѣ его и оставили. Между этими женщинами была и его жена; онъ же возвратился въ свой домъ къ сыну, но Самовила, его жена, больше неявлялась.»

Это чудо произошло въ 1750 году. Не слыхано было, чтобы человѣкъ обвѣнчался съ Юдою-Самовилою, родилъ бы сына и женилъ бы его.

А сколько еще важныхъ древностей хранится по разнымъ городамъ Македоніи! Какія еще историческія преданія хранятся въ памяти простолюдиновъ, стариковъ и старухъ изъ Марваковъ, и въ другихъ македонскихъ предѣлахъ! Но кому изслѣдовать ихъ? Тѣ изъ македонскихъ Болгаръ (сколько ни появлялось ихъ), которые съ любовію къ своему народу и ревностію принимались за такое дѣло, всѣ они были преслѣдуемы фанаріотами и цинцарами (волохами) Эти послѣдніе отреклись отъ своего римскаго происхожденія и теперь пресмыкаются предъ Еллинами. Мало того: молодые люди изъ македонскохъ Болгаръ довольно образованные, пылая горячею любовію къ своему народу, съ самоотверженіемъ принялись за собираніе и изслѣдованіе народныхъ памятниковъ и древностей, борясь не только противъ гоненій Фанаріотовъ и грекомановъ-волоховъ, но жертвовали и жизнію своею. Повсюду извѣстно несчастіе, постигшее братьевъ Миладиновыхъ, Дмитрія и Константина, изъ мѣстечка Струги недалеко отъ Охрида: фанаріоты и волохи 10,000, повторяю, десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ, дали начальнику цареградской тюрьмы Арифъ-бею, чтобъ онъ покончилъ съ ними; и дѣйствительно братьевъ Миладиновыхъ отравили въ тюрьмѣ, одного вслѣдъ за другимъ, то-есть Дмитрія въ четвергъ, а Константина въ пятницу. Другой молодой юноша Болгаринъ, оклеветанный гонителями болгарской народности, тоже былъ брошенъ въ тюрьму. Три тысячи фунтовъ стерлинговъ давали враги болгарской народности, чтобы Турки отравили и этого юношу, но на этотъ разъ попытка фанаріотовъ и цинцаръ не удалась!... Подобныя преслѣдованія отняли у образованныхъ Болгаръ силы и возможность заниматься святымъ дѣломъ, потому что они принуждены заботиться о насущномъ хлѣбѣ! Да, жалко, грѣшно передъ Богомъ и стыдно передъ людьми, за тѣхъ изъ нашихъ единородцевъ, которые, будучи свободными отъ подобныхъ непріятельскихъ гоненій, наслаждаются благами житейскаго спокойствія и не заботятся о могучемъ историческомъ и достойномъ похвалы единородномъ племени, которое съ достоинствомъ и мужественно въ теченіи столькихъ вѣковъ обращало въ ничто старанія злыхъ сосѣдей, не перестающихъ трудиться, чтобы поглотить его народность! Но что я говорю? Туземная пословица ясно говоритъ: «накроши сперва, а потомъ хлѣбай!

II. О ПОЯВЛЕНІИ ЛАМАИЗМА ВЪ ЗАБАЙКАЛЬѢ И О ВЛІЯНІИ ЕГО НА БЫТОВУЮ ЖИЗНЬ БУРЯТА-КОЧЕВНИКА.

Почти невозможно съ достовѣрностію опредѣлить, какіе народы въ доисторическую эпоху обитали въ нашемъ Забайкальѣ и какую они исповѣдывали религію. Въ историческихъ сказаніяхъ находимъ слѣдующее: что послы Инокентія IV и Св. Людовика ѣхали къ наслѣдникамъ Чингисъ-хана мимо Байкала; отецъ Александра Невскаго падалъ ницъ предъ Гаюкомъ въ окрестностяхъ Амура. Ученый филологъ Кастренъ,

объѣхавшій весь сѣверный берегъ европейскаго и азіятскаго материковъ и заключившій свое ученое путешествіе Кяхтою, предполагаетъ, что позднѣйшее передвиженіе въ этомъ краю произведено было народами финскаго племени, тѣснимыми изъ Средней Азіи на сѣверъ Монголами.

Впервые мы узнали объ этихъ народахъ черезъ нашихъ удалыхъ казаковъ, которые столкнулись съ ними въ Забайкальѣ, около 1648 года, т.-е. около того времени, когда заложенъ былъ Баргузинскій острогъ. Тогда эти народы носили общее названіе Тунгусовъ и исповѣдывали, какъ и всѣ средне-азіятскіе народы отдаленнѣйшей эпохи, шаманство. Но тѣ же удалые казаки упоминали и о видѣнныхъ ими кумирняхъ, ламахъ и ихъ богослуженіи. Нельзя впрочемъ предположить, чтобы это были кумирни Тунгусовъ обращенныхъ въ ламизмъ: скорѣе всего онѣ принадлежали Монголамъ-завоевателямъ.

Положительныя извѣстія о началѣ распространенія ламайской вѣры между монгольскими народами, принятыми нашимъ правительствомъ въ подданство по договору съ китайскимъ правительствомъ, утвержденному при посланникѣ гр. Головинѣ, восходятъ никакъ не далѣе 1741 г., когда иркутская палата назначила для управленія нерчинскими ламами монгольскаго ламу Унзунова, съ титуломъ далай-ламы, который и построилъ первый дацонъ (кумирню) Колконтуевскій, — существующій и до сего времени.

О религіозныхъ событіяхъ до этой эпохи, сохранились у ламъ очень немногія и то весьма смутныя преданія, такъ напр., о какомъ-то набожномъ ламѣ пришедшемъ изъ Тибета, который проповѣдывалъ, лѣчилъ и дѣлалъ много добра. Вѣроятно были и другіе подобные ему святые пилигримы, выходившіе изъ Тибета для обращенія русскихъ Монголовъ въ ламаизмъ, что доказывается значительнымъ числомъ ламъ, подчиненныхъ ламѣ Унзунову и прежде бывшихъ въ казацкомъ вѣдомствѣ.

Спустя 18 лѣтъ послѣ Унзунова, лама Агалдановъ, пришедшій тоже изъ Тибета, утвержденъ былъ главнымъ ламою въ бурятскихъ родахъ, хоринскомъ и подгородномъ, но съ зависимостію отъ монгольскаго дацона. Онъ основалъ первую кумирню въ войлочной юртѣ, на правомъ берегу рѣки Темника, тогда какъ ацайская Гусино-озерская кумирня уже существовала, построенная изъ дерева за нѣсколько лѣтъ передъ симъ. Агалдановъ, какъ умный и ловкій лама, умѣлъ распространить свое вліяніе на всѣ окрестные народы и ламъ, уже находившихся при нихъ. Онъ умѣлъ ихъ привлечь къ себѣ; увеличивая число ламъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалъ и число своихъ поклонниковъ и приверженцевъ. Но чтобы вѣрнѣе достичь своей цѣли, онъ отправилъ въ 1764 г. будущаго своего преемника Дымчина въ Тибетъ, гдѣ тотъ и получилъ титулъ бандиты-хамбы-ламы.

Послѣ долгой борьбы этихъ двухъ партій Унзунова и Агалданова, въ продолженіе которой каждая сторона увеличивала число своихъ духовныхъ воиновъ, наконецъ партія Агалданова восторжествовала, и въ 1808 году Дымчиновъ былъ утвержденъ главнымъ хамбой-ламою надъ всѣми забайкальскими кумирнями, резиденція его перенесена была въ новопостроенную деревянную кумирню на берегу Гусинаго озера, на то мѣсто, гдѣ она и теперь находится.

Хамба-лама есть далай-лама бурятскаго міра, онъ есть глава и владыка бурятскаго духовенства, но онъ въ сущности у нихъ не имѣетъ и тѣни той силы, какою обладаетъ далай-лама въ Тибетѣ. Главнѣйшая причина этого различія состоитъ въ томъ, что онъ не окруженъ какъ далай-лама тою священною таинственностью небеснаго происхожденія, которая имѣетъ такое обаятельное вліяніе на простой народъ въ Индіи, не скрытъ отъ взоровъ черни, какъ далай-лама въ лучахъ ослѣпительнаго великолѣпія, не имѣетъ дворцевъ въ 10,000 комнатъ и не держитъ въ рукахъ своихъ меча правосудія, равно страшнаго какъ для простолюдина, такъ и для первѣйшаго изъ ламъ. Напротивъ нашъ хамба живетъ больше скудно, чѣмъ богато и существованіе его зависитъ больше отъ ламъ и черни, нежели отъ него самаго.

Въ вѣдѣніи хамбы находятся 34 дацона, 299 ламъ штатныхъ, 2000 сверхштатныхъ и около 2600 Бурятъ ламскаго сословія.

Избраніе въ должность хамбы-ламы дѣлается въ общемъ совѣтѣ штатныхъ ламъ и съ утвержденіемъ въ это званіе иркутскимъ губернаторомъ. Въ свою очередь хамба-лама утверждаетъ ламъ въ званіи гелюнговъ, но выборъ тоже дѣлается въ совѣтѣ ламъ. Хамбѣ-ламѣ предоставленъ судъ и расправа по дѣламъ духовнымъ, но уголовныя и гражданскія преступленія подвергаютъ всѣхъ ламъ общимъ законамъ.

Штатныхъ ламъ при каждой кумирнѣ должно быть шесть первенствующихъ, т.-е. шеретуй, сорджей, шензова, засыкъ, да-лама и нонсо. Они составляютъ совѣтъ, судъ и управляютъ всѣми дѣлами кумирни и каждый членъ долженъ быть утвержденъ губернскимъ правленіемъ.

По положенію всѣ штатные ламы должны жить постоянно при своихъ кумирняхъ, но этого они никогда не исполняютъ. Остаются при кумирняхъ по очереди нѣсколько главныхъ ламъ съ прислужниками для ежедневныхъ гурумовъ (молебновъ) и для присмотра за чистотою дацона, а остальные живутъ по улусамъ.

Многіе изъ Бурятъ во всю свою жизнь ни разу не бывали въ дацонахъ, а тѣ, которые ихъ посѣщаютъ, дѣлаютъ это изъ любопытства, или по обязанности

довѣренныхъ отъ родичей, когда нужно нести деньги за гурумъ. Могущественное же вліяніе ламъ на чернь начинается за чертою общественнаго богослуженія, тутъ они полные владыки и души и тѣла, порознь каждаго субъекта. Съ какимъ умомъ, съ какимъ утонченнымъ знаніемъ своего дѣла лама пользуется своимъ вліяніемъ. Онъ внимательно шагъ за шагомъ слѣдитъ свою жертву, и такъ хитро опутываетъ ее сѣтями предразсудковъ, что глупый Бурятъ самъ не можетъ ступить шагу, чтобы не призвана помощь своего тирана. Хочетъ ли Бурятъ жениться, лама назначаетъ день и часъ; нужно ли поставить юрту—лама указываетъ мѣсто; случилось ли въ семействѣ несчастіе — лама приказываетъ перенести юрту на другое мѣсто; заболѣлъ ли кто — лама назначаетъ гурумъ; болѣзнь усиливается, онъ постригаетъ своего паціента въ убаши и перемѣняетъ ему имя. Это званіе среднее между духовенствомъ и мірянами. Онъ его лѣчитъ или залѣчиваетъ: для ламы все равно; паціентъ въ его рукахъ. Больной ожилъ и платитъ ламѣ за излѣченіе, и жизнь Бурята выкупается цѣною нищенства; умеръ Бурятъ, ламы обираютъ до-чиста его сиротъ и обрекаютъ на нищенство семейство умершаго. Счастливые и несчастливые дни играютъ по милости ламъ важную роль въ быту бурятскомъ. Въ несчастный день онъ никогда и ни за что не приступитъ ни къ какому важному дѣлу, ни купитъ, ни продастъ, а чаще не отдастъ ничего, а особливо долга.

Не стану перечислять всѣхъ религіозныхъ обрядовъ, всѣхъ случаевъ въ жизни Бурята, гдѣ присутствіе ламъ необходимо, но остановлю, мм. гг., ваше вниманіе на обрядѣ погребенія или на проводахъ души покойнаго, сунесу—кутулку. Когда для страждущаго наступаетъ послѣдній конецъ его жизни, ламы оставляютъ бездушный трупъ и передаютъ его попеченію родныхъ. Тѣло по смерти покойника обертываютъ кускомъ дабы, а лицо закрываютъ хадокомъ, согнувъ ноги покойнаго и приложивъ правую руку къ уху, стараясь придать ему видъ успувшаго. Потомъ сваливаютъ трупъ въ уголъ юрты и набрасываютъ сверху тулупъ, а передъ бурханами зажигаютъ курительныя свѣчи. Главный лама между тѣмъ отыскиваетъ въ священныхъ книгахъ, чтобы назначить день и даже часъ для погребенія. Мало того, онъ опредѣляетъ, какимъ образомъ покойникъ долженъ быть погребенъ, т.-е. бросить ли его въ воду или въ лѣсъ, сжечь ли его или просто закопать въ землю. Послѣ того лама, со всѣмъ своимъ причтомъ, идетъ на кладбище, чтобы назначить мѣсто для могилы. Кладбища Бурятъ бываютъ большею частію по близости ихъ кочевья, въ увалахъ на холмистой мѣстности. Маленькихъ же дѣтей хоронятъ иногда подлѣ юртъ, значительныхъ Бурятъ вообще и ламъ въ особенности на пригоркахъ и возвышенныхъ холмахъ. Тѣла ламъ иногда сожигаютъ и пепелъ въ глиняномъ сосудѣ ставятъ въ небольшихъ часовняхъ, построенныхъ изъ дерева на вершинѣ холма или горы. Тѣло хамбы-ламы не сожигаютъ и не зарываютъ въ землю, а помѣщаютъ въ сидячемъ положеніи въ особенномъ чуланчикѣ, находящемся на внѣшней галлереѣ, которая идетъ кругомъ всей кумирни. Но это остается тайною для всѣхъ, вѣроятно изъ боязни, чтобы правительство не запретило такого рода погребеніе.

По прибытіи ламы на кладбище, онъ отыскиваетъ то мѣсто, на которомъ, по указаніямъ священныхъ книгъ, должна быть вырыта могила для усопшаго. Тогда съ особенными молитвами онъ беретъ конецъ снурка, привязаннаго за голову земляной лягушки, которую онъ влечетъ по землѣ; другой лама слѣдъ ея обозначаетъ рогомъ, называемымъ оронго, а третій углубляетъ черту остріемъ копья или стрѣлы. Очертивъ такимъ образомъ пространство земли для будущей могилы, главный лама беретъ связку моделей желѣзныхъ инструментовъ, употребляемыхъ Бурятами въ ихъ домашнемъ быту, какъ-то: сошника, заступа, топора, ножа, иглы и проч. и каждою изъ нихъ ковыряетъ землю внутри обозначенной черты. Положеніе могилы всегда бываетъ съ востока на западъ, и покойника кладутъ головою на западъ такъ, чтобы лучи восходящаго солнца падали прямо въ глаза усопшаго. Могилу роютъ не глубоко, едва только чтобы помѣстить гробъ, это вообще дѣлается на томъ основаніи, что у ламъ существуетъ повѣрье, требующее чтобы тѣло покойнаго съѣли дикіе звѣри или хищныя птицы, иначе мертвецъ встанетъ и будетъ тревожить родныхъ, являясь ночью въ ихъ юрты.

Ламы по возвращеніи съ кладбища усаживаются въ юртѣ покойнаго и возобновляютъ безконечный гурумъ (т.-е. молебенъ), который продолжается до той минуты, когда вынесутъ тѣло покойнаго на кладбище, что иногда тянется до семи дней. И тогда какъ одни поютъ, пьютъ и ѣдятъ безъ устали, другіе приготовляютъ необходимыя принадлежности для могилы. Изъ нихъ главные—это лоскуты разноцвѣтныхъ матерій, на которыхъ пишутъ омонибатмехумъ *). При-

*) Я позволю себѣ остановить ваше вниманіе надъ этимъ словомъ какъ надъ символомъ ихъ вѣры, начертаннымъ и на стѣнахъ ихъ храмовъ и въ сердцахъ вѣрующихъ, хотя почти никто изъ Бурятъ не понимаетъ настоящаго его значенія. Мистическій слогъ *омъ* состоитъ изъ трехъ буквъ а, у и м, составляетъ *Буддійскую троицу*, три сокровища, символъ ихъ вѣрованія, т.-е. Будду, св. писаніе и духовенство; *Мони* драгоцѣнный камень; *батмъ* мѣстный падежъ единственнаго числа слова Бадма и означаетъ лотосъ (водяной цвѣтокъ изъ рода лиліи); наконецъ *хумъ* восклицаніе въ родѣ нашего *аминь*, во истинну. А потому молитву можно перевести такъ: *омъ*! драгоцѣнность во истину является на лотусѣ.

готовленные такимъ образомъ лоскуты матеріи ламы развѣшиваютъ по веревкамъ, свитымъ изъ коневаго волоса, натянутымъ между длинныхъ кольевъ, вбитыхъ кругомъ могилы. За могилу богатый Бурятъ платитъ 81-го барана, человѣкъ средняго состоянія 21, даже самый бѣдный не получаетъ могилу даромъ. За погребеніемъ слѣдуетъ длинный рядъ поминокъ и жертвоприношеній. У зажиточныхъ людей исправляются они въ теченіи 49 дней, по утру, въ полдень и вечеромъ; а люди съ малымъ состояніемъ обязаны исполнить по крайней мѣрѣ четыре раза въ 3, 7 и 49 день. Притомъ поставляется за правило, чтобы первая жертва принесена была за три шага отъ юрты, вторая за шесть и такъ далѣе. Жертвенное животное дѣлится на многія части, и одна изъ нихъ поступаетъ на долю души покойника и сожигается, Остальными частями пользуются ламы. Сверхъ сего они получаютъ по животному за каждый совершенный ими обрядъ и общую благодарность за всѣ труды при поминкахъ.

Сколь ни тяжки такія условія, но семейство покойнаго бываетъ радо, если только этимъ отдѣлывается.

На бѣду не рѣдко выходятъ такіе случаи: ламы тайновидцы, руководимые священными книгами, объявляютъ родственникамъ, что душа покойника, будучи чѣмъ-то недовольна, направила полетъ свой на чуждую сторону и тамъ ищетъ сближенія съ душею избраннаго ею человѣка, или настоятельно требуетъ къ себѣ душу одного изъ родственниковъ своихъ, и ея только переселеніемъ можетъ быть успокоена въ новомъ мірѣ. При роковомъ этомъ объявленіи начинаются новыя жертвоприношенія, новые искупы, новые обѣты и гурумы, уносящіе на вѣтеръ все добытое тяжелымъ трудомъ имущество кочевника-бурята.

Вотъ зло, на распространеніе котораго слѣдовало бы обратить правительству свое благодѣтельное вниманіе, зло, которое могло бы быть уничтожено своевременными мѣрами, тогда какъ въ послѣдствіи нельзя будетъ этого сдѣлать безъ опасныхъ потрясеній. Неуклонно дѣйствуя въ духѣ основной идеи буддизма, ламы уже успѣли поселить въ простонародіи мысль: земное и небесное блаженство тѣсно связано съ титуломъ ламы, а потому каждый отецъ семейства считаетъ обязанностью хотя одного изъ сыновей, сдѣлать ламою, чтобы имѣть домашняго ходатая передъ бурханомъ въ будущей жизни, а присутствіемъ его въ семействѣ отвратить всѣ земныя напасти. Не штатные ламы хотя не избавлены отъ подати, но рѣдкій изъ нихъ работаетъ. Онъ охотнѣе предпочитаетъ добыть подати легчайшимъ образомъ, т.-е. обирая простолюдиновъ. Съ малолѣтства онъ уже привыкъ къ лѣни и праздности, шатаясь по улусамъ и совершая гурумы при свадьбахъ и похоронахъ. Этотъ образъ жизни ведетъ прямымъ путемъ къ проступкамъ и преступленіямъ, а обѣтъ безбрачія вноситъ развратъ въ семейства, къ которому ламская одежда даетъ тысячу способовъ.

Ко всему этому должно присовокупить и зло политическое, происходящее отъ старанія ламъ предупредить сближеніе Бурятъ съ Русскими, дѣйствующихъ иногда во вредъ народнаго благосостоянія. Такъ напр., лама, замѣчая, что тѣ изъ Бурятъ, которые находятся въ близкихъ отношеніяхъ съ Русскими держатъ себя опрятнѣе, моются и купаются и держатъ въ чистотѣ домашнюю посуду, — они это запрещаютъ подъ страхомъ духовнаго наказанія. Итакъ, мм. гг., вы видите, что всѣ фазисы жизни Бурята находятся подъ непосредственнымъ вліяніемъ ламъ, и что ламизмъ былъ и будетъ причиною слабости народа, принявшаго его во всей чистотѣ.

ЗАСѢДАНІЕ ВТОРОЕ.

(20 апрѣля 1868 года).

Засѣданіе происходило въ зоологической аудиторіи подъ предсѣдательствомъ Н. А. Попова, въ присутствіи 22 членовъ Общества и нѣсколькихъ стороннихъ посѣтителей.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1. Прочитанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2. Предсѣдатель отдѣла Н. А. Поповъ прочелъ записку объ этнографическихъ трудахъ Высокопреосвященнѣйшаго митрополита Московскаго Иннокентія *). Опредѣлено: предложить Высокопреосвященнѣйшаго митрополита Иннокентія въ почетные члены Общества.

*) См. 1 приложеніе къ протоколу.

3. Предсѣдатель Н. А. Поповъ сообщилъ свои замѣчанія на статью, присланную въ этнографическій отдѣлъ молодымъ чешскимъ писателемъ Іосифомъ Калоусекомъ и составленную имъ на русскомъ языкѣ: «Обзоръ этнографической литературы о Чехахъ и Словакахъ». Статья эта состоитъ изъ шести отдѣловъ и сообщаетъ свѣдѣнія о девяноста сочиненіяхъ. Первый отдѣлъ разсматриваетъ сочиненія, касающіяся чешскаго языка и его нарѣчія; второй отдѣлъ говоритъ о сочиненіяхъ, имѣющихъ въ виду общую этнографію Чеховъ и Словаковъ; въ третьемъ отдѣлѣ говорится о пособіяхъ для изученія этнографіи Чеховъ въ прошедшемъ; къ четвертому отдѣлу отнесены сочиненія, касающіяся обычаевъ, игръ, торжествъ, суевѣрій и миѳологіи; въ пятомъ отдѣлѣ сообщены свѣдѣнія объ изданіи чешскихъ и словацкихъ народныхъ сказокъ, въ шестомъ отдѣлѣ разсматриваются сочиненія, говорящія о пѣсняхъ, музыкѣ и танцахъ Чеховъ и Словаковъ. Свое библіографическое обозрѣніе авторъ сопровождаетъ иногда краткими критическими замѣчаніями. Разбирая сочиненія, касающіяся народныхъ обычаевъ и суевѣрій, авторъ совершенно справедливо, слѣдуя указанія извѣстнаго чешскаго ученаго Іосифа Иречка, возстаетъ противъ произвольныхъ обобщеній и запрещаетъ à priori приписывать какое-либо явленіе, найденное въ извѣстномъ вѣкѣ, всѣмъ порамъ и временамъ и распространять его отъ одного на всѣ славянскія племена или предполагать его наконецъ у всѣхъ народовъ индо-европейскихъ. Онъ порицаетъ бывшую долгое время въ ходу миѳолого-манію, которая почти всегда отвращала вниманіе отъ народныхъ обычаевъ, кои нельзя относить къ миѳологіи, и часто ослѣпляла наблюдателя, который, гонялсь за ложными предположеніями и смѣлыми миѳологическими теріями, забывалъ о существеннѣйшихъ обычаяхъ, для миѳологіи же за рѣдкими исключеніями не успѣвалъ сдѣлать ничего положительнаго. По мнѣнію предсѣдателя, за отсутствіемъ въ русской литературѣ подробнаго указателя славянскихъ этнографическихъ сочиненій, указанія г. Калоусека могутъ быть не безполезны для желающихъ ознакомиться съ Чехами и Словаками по ихъ же сочиненіямъ *)

4. Секретарь отдѣла А. Л. Дювернуа прочелъ записку слѣдующаго содержанія: „Согласно предложенію, изложенному въ первомъ засѣданіи этнографическаго отдѣла, состоявшемся 22 ч. декабря мѣсяца, секретарь отдѣла имѣетъ честь представить на обсужденіе гг. членовъ проектъ программы, имѣющей въ виду облегчить собраніе этнографическихъ свѣдѣній, касающихся быта и нравовъ славянскаго племени, населяющаго Россію.

«Примѣры этнографовъ, изслѣдовавшихъ бытъ Славянъ, населяющихъ владѣнія Пруссіи, Саксоніи, Австріи и Турціи, указываютъ на необходимость строго соблюдать различіе между единоплеменными Славянами, устанавливаемое тою ступенью образованія, до которой достигло то или другое изъ названныхъ государствъ, принявшихъ въ свой составъ извѣстное славянское племя. Тѣ явленія частной и общественной жизни, которыя сложились подъ вліяніемъ исторической жизни племени, уже вошедшаго въ составъ того или другаго государства, легче замѣчаются и ярче окрашиваютъ собою бытъ народа, нежели остатки древнихъ народныхъ обычаевъ, оставившихъ свой слѣдъ на явленіяхъ повседневной жизни. Разительный примѣръ непониманія задачи этнографическаго описанія племени представляетъ собою «Народный календарь Чеховъ», изданный въ 1861 г. барономъ Рейнсбергъ-Дюрингсфельдомъ подъ заглавіемъ: «Festkalender aus Böhmen». Съ другой стороны, обращаясь къ племенамъ, коихъ образованіе, по удаленію племени отъ центровъ образованной жизни, находится на низкой ступени развитія, этнографы нерѣдко довольствуются собраніемъ статистическихъ данныхъ о населеніи и о ремеслахъ, свойственныхъ ему по тому или другому условію окружающей его природы. Такъ напр., этнографія Кашубовъ обогатила славянскій языкъ многими старинными выраженіями, сохраненными этимъ племенемъ, касающимся рыбной ловли, забывая за ними болѣе близкіе ей интересы повседневной домашней жизни племени, оставшагося вполнѣ чуждымъ вліянія того образованнаго иноплеменнаго государства, въ составъ котораго вошло невольно, силою историческихъ обстоятельствъ. Ученые составители подобныхъ этнографическихъ описаній и народныхъ календарей, вполнѣ сознавая неумѣстность подобныхъ данныхъ въ трудахъ, посвященныхъ исключительно этнографіи, допускаютъ ихъ по той простой причинѣ, что тѣ мѣстные жители, которымъ было поручено собираніе данныхъ, не руководствовались точной инструкціей. Собиратели данныхъ, служившихъ матеріаломъ для этнографическаго описанія племени, предоставленные собственной наблюдательности, схватывали съ поверхности жизни тѣ ея явленія, которыя ярче окрашивались своею торжественностью или ближе соприкасались съ церковью. Не мало мѣста въ подобныхъ описаніяхъ занимаютъ мѣстные базары, ярмарки, крестные ходы и пр. Сами по себѣ взятыя, эти явленія скорѣе могутъ служить предметомъ для удачнаго эскиза художника, чѣмъ предметомъ вниманія науки, тогда какъ взятыя въ связи съ обычаями племени, болѣе всего осязательными въ домашней жизни, эти праздники сдѣлались бы громкими свидѣтелями тѣхъ юридическихъ обычаевъ, которые древле призывали многочисленное населеніе окрестныхъ селъ въ

*) См. 2 приложеніе къ протоколу.

одно избранное мѣсто для совершенія сдѣлокъ и договоровъ, опредѣляемыхъ по взаимному согласію извѣстнымъ терминомъ, пріуроченныхъ къ извѣстному мѣсту и времени.

«Нецѣлесообразность подобныхъ трудовъ нерѣдко отвлекала ученыхъ отъ живыхъ наблюденій надъ народною жизнью. Желая познать бытъ и обычаи во всей ихъ чистотѣ и исконности, они болѣе всего основывались на показаніяхъ древности. Но какова бы ни была чистота и исконность древнихъ свидѣтельствъ, ею трудно замѣнять опредѣленность и подробность свѣдѣній, которыя почерпаются изъ живыхъ наблюденій надъ современнымъ бытомъ народа, при томъ конечно условіи, если современный бытъ племени вѣрно и нерушимо передаетъ намъ преданія своей исконной старины. Изъ трудовъ, основанныхъ на источникахъ письменныхъ, между другими выдается «миѳологическій календарь» (Kalendar bajeslowny) пражскаго библіотекаря Гануша.

«Въ ясномъ сознаніи своего назначенія Императорское Русское Географическое Общество, намѣреваясь дать опредѣленное направленіе и планъ тѣмъ мѣстнымъ и этнографическимъ описаніямъ племенъ, населяющихъ Россію, которыя въ большей массѣ сосредоточивались въ его редакціи, разослало въ надлежащія мѣста въ 1847 г. программу, которою могли бы руководствоваться мѣстные собиратели. Отвѣтомъ на публикованную и розосланную программу послѣдовали многочисленныя описанія, образцы которыхъ, какъ извѣстно, печатались въ свое время въ запискахъ и сборникѣ, издаваемыхъ Географическимъ Обществомъ. Въ напечатанныхъ трудахъ, кромѣ любобытныхъ наблюденій надъ бытомъ и обычаями народа, можно находить цѣлые сборники пѣсенъ обрядоваго и эпическаго содержанія. Но эти данныя любознательность должна разыскивать въ цѣлой массѣ статистическихъ данныхъ и наблюденій, не относящихся къ этнографіи въ тѣсномъ ея объемѣ. Составъ и цѣли Дашковскаго этнографическаго музея позволяютъ намъ исключить нѣкоторыя статьи изъ программы 1847 года. Такъ свѣдѣнія о жилищахъ, домашней утвари и одеждахъ, доставлявшіяся согласно упомянутой программѣ корреспондентами Географическаго Общества, упраздняются тѣмъ, что музей Дашкова поставилъ себѣ задачею собирать самые предметы въ точныхъ моделяхъ или въ подлинникахъ, всегда способныхъ удовлетворить любознательности въ большой мѣрѣ, чѣмъ неопредѣленныя и неточныя описанія корреспондентовъ Географическаго Общества. Само собою упраздняется статья объ умственныхъ и нравственныхъ способностяхъ и образованіи населенія. Опытъ показалъ, что на послѣдній вопросъ трудно ожидать сколько нибудь удовлетворительнаго отвѣта по многимъ причинамъ. Вопервыхъ, нерѣдко корреспонденты переносятъ свои случайныя наблюденія надъ личностями на все племя и этимъ чрезмѣрно ихъ обобщаютъ. Вовторыхъ нерѣдко, не будучи по природѣ призваны къ сужденію о способностяхъ и образованіи другихъ, корреспонденты въ силу одной программы, вмѣняютъ себѣ это сужденіе въ тяжелую обязанность. Въ третьихъ нерѣдко ложно понятый патріотизмъ побуждаетъ ихъ панегирически восхвалять способности народа, а въ вопросѣ объ образованіи входить въ явное противорѣчіе съ несомнѣнными данными статистики.

«Кромѣ приведенныхъ неудобствъ программа 1847 г. затрудняла своихъ корреспондентовъ однимъ уже тѣмъ, что требованіями своими заставляла ихъ весьма часто оставлять объективную точку зрѣнія наблюдателя и собирателя, поощряя къ авторству. Литературная сторона дѣла могла воздерживать многихъ скромныхъ знатоковъ народнаго быта отъ сообщенія ихъ безхитростныхъ, но тѣмъ не менѣе въ высшей степени любопытныхъ наблюденій, тщетно ожидавшихъ литературной обработки.

«Въ предупрежденіе этого важнаго препятствія, я имѣю честь предложить, для облегченія корреспондентовъ этнографическаго отдѣла Общества любителей естествознанія, простѣйшее средство удалить тѣ препятствія, которыя до сихъ поръ мѣшали успѣшному собиранію этнографическихъ данныхъ о славянскомъ племени, населяющемъ Россію. Чувство сомнѣнія и нерѣшительности, овладѣвающее каждымъ при всякомъ починѣ, устранится вполнѣ, если начинающій будетъ имѣть передъ собою готовое руководство для дѣла, къ которому приступаетъ. Такимъ руководствомъ для наблюдателя народныхъ обычаевъ могъ бы служить календарь. Можно совѣтовать начать счисленіе по древнему обычаю съ 1 марта. Первый бытописатель Россіи преподобный Несторъ началъ свое счисленіе съ гражданскаго народнаго мартовскаго года. Сравнивая его съ церковнымъ сентябрскимъ лѣтосчисленіемъ, онъ началъ свою повѣсть временныхъ лѣтъ съ марта мѣсяца 6360 г. отъ С. М., отчисливъ 6 мѣсяцевъ, протекшіе отъ сентября до марта къ прошедшему 6359 году. Въ этомъ преп. Несторъ слѣдовалъ народному обычаю. Въ мартѣ мѣсяцѣ празднуется возрожденіе весны многими обычаями, ясно свидѣтельствующими о томъ, что народъ привыкъ смотрѣть на 1 марта, какъ на начало года. Празднуя возрожденіе природы, народъ предаетъ забвенію прошедшій годъ, заключившійся продолжительною зимою, особеннымъ похороннымъ обрядомъ Марены, изображающей смерть-зиму. Въ Россіи существуетъ мартовскій весенній обычай прыгать черезъ плетень. Западные Славяне успѣли уже перенести новый годъ на 1 января. Замѣчая подобные обряды, коими народъ, провожая зиму, встрѣчаетъ новое лѣто,

наблюдатель ими могъ бы, подражая Нестору, открыть свою годичную лѣтопись, внося все имъ замѣченное подъ то число, въ которое онъ видѣлъ обрядъ совершеннымъ или слышалъ пѣснь спѣтою. Точность обозначенія весьма часто можетъ служить важнымъ указаніемъ для опредѣленія времени извѣстнаго языческаго праздника и его продолжительности.

«Особенно обильно обрядами и привѣтственными пѣснями къ веснѣ новое воскресенье, или Ѳомино воскресенье, слывущее въ народѣ *красной горкой*. Подъ соотвѣтствующими числами календаря могли бы найдти себѣ мѣсто многіе свадебные обряды. Кромѣ частныхъ случаевъ, свадьбы, совершающейся во время красной горки, особенно важнымъ считаемъ общій обрядъ *вьюнишника*, празднуемаго мѣстами во время красной горки. Кромѣ того сюда же были отнесены обряды и пѣсни, коими встрѣчается весна, возвращающаяся съ зеленой горки, именуемой различно по мѣстностямъ то красною, то поклонною горкой, то крутицей. Еще разнообразнѣе названіе этихъ горокъ у другихъ Славянъ: священныя, красныя, русыя, черныя, червонныя, гремучія. Съ праздникомъ красной горки связанъ обрядъ поминокъ, замѣняющій у насъ праздникъ *душичекъ*, перенесенный у католическихъ Славянъ на осень и подведенный ихъ духовенствомъ подъ католическое ученіе о чистилищѣ. Юрьевъ день подаетъ поводъ къ важнымъ наблюденіямъ надъ юридическими обычаями народа въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ принимается за терминъ сдѣлокъ и договоровъ. На Юрьевъ же день приходятся многіе обряды, относящіеся къ культу Волоса, такъ какъ изстари ведется повсюду на Руси обычай первой паствы скота. Самые молебны и церковные обряды желательно бы знать во всей ихъ подробности, если различныя мѣстности представятъ какія-либо отклоненія отъ обще-принятаго обычая. Обрядъ поминовенія родителей приходится на десятый день по Пасхѣ съ незначительными отклоненіями по различію мѣстности, и называется радуницею. Точное опредѣленіе дня радуницы, всѣ обряды при панихидахъ, участіе духовенства, родъ и количество яствъ, приносимыхъ на могилу, приговоры, пѣсни и обряды, коими сопровождается приготовленіе жертвенныхъ яствъ и ихъ снѣданіе, все это должно стать предметомъ добросовѣстнаго, тщательнаго, а главное—безпристрастнаго наблюденія и вносимо подъ соотвѣтствущія числа календаря. Слѣдующія за тѣмъ страницы календаря примутъ въ себя обычаи, сопровождающіе запашку, помочи, посѣвки и досѣвки. При описаніи этихъ обрядовъ сами собою вниманію наблюдателя будутъ представляться любопытныя примѣты и повѣрья, касающіяся отношенія хлѣбопашца къ окружающей его природѣ. Особенно любопытны будутъ тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ своимъ предметомъ птицъ, какъ овы преимущественно—кукушка, дятелъ, ястребъ Въ заключеніе весеннихъ обрядовъ займетъ свое мѣсто обрядъ завиванія вѣнковъ. При этомъ послѣднемъ счастливый наблюдатель могъ бы обогатить науку. новымъ даннымъ, касающимся русалій. Такъ нашъ лѣтописецъ дойдетъ до Ивана Купалы, падающаго на время лѣтняго солнцестоянія. Первой важности дѣломъ могло бы быть точное опредѣленіе начала праздниства Купалы и послѣдовательность обрядовъ, съ нимъ связанныхъ. Такого рода данныя могли бы служить матеріяломъ для заключенія высокаго значенія, отчего память языческаго праздника Купалы совпалъ съ днемъ христіанскаго праздника Рождества Іоанна Предтечи, тогда какъ многіе обряды, находящіеся съ нимъ въ весьма ясной связи, совершаются ранѣе этого термина и заставляютъ предполагать весьма значительную длительность языческаго праздника, несоразмѣрную съ его христіанскимъ терминомъ. Трудно замѣтить какую-либо сторону сельской жизни, которой не коснулся бы праздникъ Купалы. Наблюдатель долженъ обращать вниманіе на каждый шагъ крестьянина и крестьянки; обряды при очагѣ, водѣ, обряды банные должны стать предметомъ его бдительнѣйшаго вниманія. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя до сихъ поръ сохранили обычай возжиганія жертвеннаго огня, долженъ быть прежде всего замѣченъ образъ возгнѣтенія огня; если онъ производится посредствомъ трѣнія досокъ, то послѣднія должны быть тщательно описаны, также какъ и вѣтви, хворостъ, коими поддерживается костеръ. Обряды, пляски и пѣсни должны быть занесены подъ соотвѣтствующее число съ отмѣткою часа совершенія, не исключая и тѣхъ, которые способны оскорбить чувство скромности. Въ связи съ этими обрядами наблюдателю легко будетъ примѣтить обряды и повѣрья, соблюдающіяся населеніемъ въ случаѣ пожара. Съ этимъ праздникомъ состоитъ въ связи и народная медицина. Подъ его рубрикою могутъ найдти себѣ мѣсто всѣ повѣрья, касающіяся цѣлебныхъ и чарующихъ травъ, въ особенности же слѣдующихъ: колюка, папоротникъ, тирличь, плакунъ, дурманъ, адамова голова, болотный голубецъ, ревенька, одолень, земляника, переносъ, насонъ, разрывъ, перелетъ, Иванъ да Марья, будягъ, чертополохъ, подорожникъ, лопушекъ, купаленка, медвѣжье ушко, богатенька, чернобыльникъ, лютикъ, архалинъ, муравьиное масло, медяница или курячья слѣпота, Петровъ крестъ и пр.

«Отъ точности показанія времени будетъ зависѣть и опредѣленіе праздника Ярилы. Его терминъ, по различію мѣстностей, колеблется отъ недѣли всѣхъ святыхъ, Духова дня, Петрова заговѣнья до Петрова дня и дней, непосредственно за нимъ слѣдующихъ. Не рѣдко время Ярилина праздника условливается ярмаркою; въ такомъ случаѣ долженъ быть замѣченъ

ея терминъ и длительность. Прежде всего долженъ быть опредѣленъ мѣстный терминъ обряда, съ коимъ обносится чучело Ярилы по селу. Украшенія чучелы и пѣсни, коими сопровождается его шествіе, должны быть тщательно замѣчены. Женскіе обряды, въ особенности же хороводы и хороводныя пѣсни, составляютъ важнѣйшіе моменты Ярилина празднества. Кругъ лѣтнихъ праздниковъ заключится наблюденіями, касающимися жатвенныхъ обычаевъ. Здѣсь пришлось бы наблюдателю всего менѣе выбирать, всего менѣе искать предметовъ для наблюденія. Самыя подробности уборки хлѣба должны быть замѣчены. Какой родъ хлѣба косится косой и какой снимается серпомъ? Тотчасъ ли потомъ хлѣбъ связывается или остается лежать нѣсколько времени въ рядахъ на укосѣ? Не дѣлается-ли при этомъ различія для нѣкоторыхъ породъ хлѣба? Стараются ли о томъ, чтобы вѣтеръ гнулъ колосья на сторону, куда направлено движеніе косы или серпа? Тѣ же ли самыя, или различныя лица жнутъ хлѣбъ и вяжутъ снопы (мущины или женщины)? Всѣ повѣрья и примѣты, не рѣдко выражаемыя въ пѣсняхъ, относящіяся до успѣха жатвы, должны быть тщательно наблюдаемы, точно также какъ церковные и другіе обряды, коими народъ предваряетъ начало жатвы; примѣты лунныя и атмосферическія; средства, служащія къ предохраненію жатвы отъ вредныхъ вліяній природы, такъ называемыя спорыньи, — все это замѣчается весьма легко въ данной мѣстности, ибо въ жатвенное время они не сходятъ съ языка хлѣбопашца. Обычаи соблюдаемые при первыхъ ударахъ косы или серпа, также важны какъ и примѣты, относящіяся до первыхъ колосьевъ ими сжатыхъ. Если въ деревнѣ пребываетъ землевладѣлецъ, то какими обычаями сопровождается принесеніе ему первыхъ колосьевъ? Чѣмъ замѣняется этотъ обрядъ въ тѣхъ деревняхъ, въ которыхъ землевладелецъ не живетъ? Какимъ обрядомъ заключается жатва? Какіе колосья и какими словами посвящаются какимъ именно святымъ? Не выражается ли въ жатвенныхъ обрядахъ страха нечистой силы, угрожающей спорыньѣ такъ называемыми «закрутами, или заломами?» Полное описаніе жатвеннаго пира въ русской избѣ и соотвѣтствующаго ему жатвеннаго праздника въ церкви (Спасы въ августѣ мѣсяцѣ). Какимъ существамъ довѣряетъ народное воображеніе обереганіе будущей жатвы? Здѣсь могли бы найти себѣ мѣсто любопытныя повѣрья о полудницѣ. Въ связи съ этимъ напомнимъ, что и въ зимнихъ праздникахъ не мало находится обрядовъ съ отношеніемъ къ весеннему посѣву. Наконецъ многія явленія семейной жизни, совпадающія со временемъ жатвы, окрашиваются ея вліяніемъ, особенно же свадебные обряды. Въ заключеніе должны быть наблюдаемы обряды молотьбы и овина: обычаи овинныхъ имянинъ, домолотной каши и Ѳеклы заревницы (24 сентября). Эпитетъ «заревницы» содержитъ въ себѣ любопытное воспоминаніе языческаго названія мѣсяца августа «заревъ», у Чеховъ перенесенной на сентябрь «Zári.» Съ перваго сентября народъ русскій провожаетъ лѣто, изстари связывая эти проводы съ праздникомъ Симеона Столпника, Семеновымъ днемъ, днемъ Семена Лѣтопроводца, по обычному выраженію отечественныхъ лѣтописцевъ. Проводы продолжаются съ 1-го сентября по 8-е и называются «семинскою недѣлею.» Природныя явленія, замѣчаемыя народомъ въ эти 8 дней, служатъ примѣтами на зиму: по нимъ загадывается суровый или влажный, постоянный или измѣнчивый ея характеръ. Переломъ въ природѣ и отчасти церковное сентябрьское лѣтосчисленіе переноситъ на эти дни тѣ обряды, коими народъ привыкъ встрѣчать новый годъ: подъ Семенъ-день въ деревняхъ гасятъ вечеромъ огонь въ избахъ и не держатъ его въ эту ночь; на утро же раздуваютъ новый огонь знахари и знахарки, съ особымъ приговоромъ. Этотъ обрядъ, гдѣ онъ сохранился долженъ быть описанъ подробно, равно какъ и другіе, относящіеся къ тому же явленію. Въ самомъ образѣ жизни крестьянской семьи съ Семеномъ-днемъ наступаетъ рѣзкій поворотъ: полевыя работы кончаются, наступаютъ бабьи, вслѣдствіе чего эти дни и называются бабьимъ лѣтомъ: женщины мочатъ конопель и ленъ, сушатъ, треплютъ, ткутъ, сучатъ нитки, веревки и проч. Проводы лѣта празднуются вареньемъ пива: обряды и пѣсни, коими оно сопровождается, должны быть тщательно замѣчены подъ соотвѣтствующими числами. Кромѣ того, внутри крестьянской избы, совершаются нѣкоторые обряды, касающіеся домашнихъ насѣкомыхъ: эти обряды можно характеризировать похоронами мухъ и таракановъ.

«И такъ, для начала мы избрали циклъ лѣтнихъ обрядовъ и праздниковъ. Предлагая эту программу вашему вниманію, я надѣюсь, Мм. Гг., что вы не откажете ей во вниманіи и для пользы дѣла сообщите свои поправки и дополненія.»

Изъ присутствовавшихъ въ засѣданіи членовъ предложили свои замѣчанія на программу, представленную г. секретаремъ Отдѣла: И. Д. Бѣляевъ, С. А. Масловъ, Н. К. Зенгеръ и А. А. Гатцукъ. Замѣчанія И. Д. Бѣляева касались вопроса о томъ: должны ли быть пріурочены указанія этнографическаго календаря къ сельскохозяйственнымъ занятіямъ и народнымъ промысламъ, или же къ обыкновеннымъ святцамъ? С. А. Масловъ и А. А. Гатцукъ привели съ своей стороны нѣсколько дополненій, касательно народныхъ обычаевъ и повѣрій, связанныхъ съ нѣкоторыми изъ сельскихъ занятій. Н. К. Зенгеръ предлагалъ къ обсужденію вопросъ: слѣдуетъ ли, издавъ подробную программу для составленія этнографическаго календаря, на основаніяхъ, предложенныхъ г. секретаремъ Отдѣла, разослать ее, губернскимъ ста-

тистическимъ комитетамъ, членамъ и корреспондентамъ Общества и всѣмъ, кто можетъ интересоваться такимъ дѣломъ,—или же издать пробный календарь, на основаніи матеріаловъ, нынѣ имѣющихся подъ руками, который и будетъ служить програмою для собиранія данныхъ, необходимыхъ для изданія полнаго этнографическаго славоря? Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ въ засѣданіи членовъ склонялись въ пользу послѣдняго способа: однакожъ рѣшено было оставить этотъ вопросъ открытымъ до одного изъ слѣдующихъ засѣданій. При семъ предсѣдатель Отдѣла указалъ на то, что въ 1866 г. изданъ во «Времянникѣ института Ставропигійскаго» (во Львовѣ), близко подходящій къ только что предложенной программѣ «Народный Дневникъ», въ которомъ собраны русскіе церковные, народные и семейные праздники, а также хозяйственныя занятія, примѣты и гаданія, составленный извѣстнымъ галицко-русскимъ ученымъ А. С. Петрушевичемъ (стр. 66—156). Этотъ календарь, весьма удовлетворительный по отношенію къ этнографіи русскаго племени, можетъ отчасти служить образцомъ для составленія таковыхъ же календарей по другимъ славянскимъ племенамъ, а равно и по племенамъ инородческимъ населяющимъ Россію.

Послѣ всѣхъ этихъ обсужденій Отдѣлъ пришелъ къ убѣжденію, что составленіе народнаго этнографическаго календаря для племенъ, населяющихъ Россію, представляется весьма возможнымъ, при чемъ слѣдуетъ взять за основаніе программу, предложенную г. секретаремъ Отдѣла, имѣя въ виду при этомъ выше названный календарь г. Петрушевича. Предсѣдатель Отдѣла заявилъ, что, при матеріальномъ содѣйствіи со стороны Общества, Отдѣлъ можетъ заняться составленіемъ и изданіемъ такого календаря; отъ богатства же матеріяловъ, которыми будетъ располагать Отдѣлъ, будетъ зависѣть и самое выполненіе программы предположеннаго изданія.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. ОБЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ ТРУДАХЪ МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТА ИННОКЕНТІЯ.

Нынѣшній митрополитъ московскій, высокопреосвященнѣйшій Иннокентій, прежде бывшій отецъ Іоаннъ Веніаминовъ, первый познакомилъ науку съ новыми, дотолѣ совершенно неизвѣстными лингвистикѣ, языками; первый грамматически осмотрѣлъ и изучилъ ихъ. Въ этой области конечно отъ того не пользуется онъ громкою популярностію, что самыя занятія лингвистикой въ Россіи находятся вообще въ младенческомъ состояніи Только одна Императорская Академія Наукъ заслуживаетъ въ этомъ отношеніи признательность.

Были и существуютъ у насъ замѣчательные оріенталисты, каковы: Каземъ-Бекъ, знатоки языковъ чувашскаго (покойный Сбоевъ и отецъ Вишневскій), якутскаго (протоіерей Хитровъ, нынѣ преосвященный Димитрій), армянскаго (Бероевъ), грузинскаго (тифлисскій протоіерей Романовъ, Чубиновъ), осетинскаго спокойный академикъ Шегренъ) и даже исландскаго (покойный протоіерей Сабининъ); но изученіе языковъ, наиболѣе трудныхъ и наименѣе распространенныхъ, все-таки у насъ слишкомъ ограничено.

Въ этомъ отношеніи даже прибалтійскіе Нѣмцы далеко насъ опередили. Финскій, латышскій, литовскій языки могутъ быть причислены къ числу самыхъ обработанныхъ. Эстонскій языкъ имѣетъ также богатую литературу; существуетъ даже особенная книжная торговля въ Дерптѣ (Карова), именно для этой литературы. Существуютъ каѳедры въ Дерптскомъ университетѣ языковъ эстонскаго и латышскаго, а въ Гельсингфорскомъ не только существуетъ каѳедра финскаго языка (профессоръ Альквистъ), но знаменитый шведскій поэтъ Топеліусъ читаетъ отдѣльно финскую исторію и литературу. Но ни тунгузскій, ни остяцкій, ни вогульскій, ни самоѣдскій языки не имѣютъ вовсе грамматической литературы.

Тоже было и относительно языковъ нашей Америки до отца Веніаминова, и неизмѣримая заслуга московскаго митрополита именно въ томъ и состоитъ, что онъ первый обратилъ вниманіе на изобиліе языковъ въ нашихъ американскихъ владѣніяхъ, изложилъ ихъ грамматику, и напечаталъ (на иждивеніе Академіи Наукъ) очень удачный *«Опытъ грамматики Алеутско-Лисьевскаго языка»* (С.-Петербургъ 1846 г.) и полныя дѣльныхъ свѣдѣній *«Замѣчанія о колошскомъ, кадьякскомъ языкахъ и отчасти о прочихъ россійско-американскихъ владѣній съ присовокупленіемъ Россійско-Колошскаго словаря.»* Это былъ первый лингвистическій трудъ по отдѣлу сѣверо-американ-

скихъ языковъ, которыхъ существуетъ множество и которые вообще очень не обработаны. Въ иностранной литературѣ изъ этихъ языковъ извѣстны только гренландскій (и то только въ Швеціи, благодаря трудамъ Раско, и въ Даніи) и эскимосскій языки. Существуетъ книга Фабриціуса *Den Grönlandske ordboy* (Копенгагенъ 1804 г.), Юнгерутита *Tuksiutidlo Grönlandsk Desang und Debetbuch*, Теста *Grönlandie* (1766 г.) и *Psalms in the Esquimaux language*, и только. А объ языкахъ нашихъ бывшихъ владѣній лишь знаменитый американологъ Бушманъ написалъ: *Die Pima—Sprache und die Sprache der Kaloschen* (1856 г.). Преосвященный Иннокентій такимъ образомъ есть единственный ученый, занявшійся теоріею этихъ языковъ, и единственно малоизвѣстность русской литературы въ Европѣ помѣшала прославиться его имени внѣ предѣловъ Россіи.

Методъ, которому слѣдовалъ преосв. Иннокентій въ своихъ сочиненіяхъ, былъ строго-научный. Съ свойственной всѣмъ истинно-образованнымъ людямъ скромностью вотъ что онъ пишетъ о составленіи грамматики алеутской: «составить грамматику такого языка, каковъ Алеутско-Лисьевскій, говоритъ онъ, я считалъ почти безполезнымъ трудомъ, потому что она не нужна ни для Алеутовъ, которые и безъ грамматики могутъ сообщать другъ другу свои мысли и которые навѣрное не въ долгомъ времени совсѣмъ оставятъ языкъ свой, ни для иностранцевъ. Но видя съ какимъ рвеніемъ, съ какой неутомимостью многіе ученые стараются собирать всякаго рода свѣдѣнія, и какъ для нихъ любопытна даже малѣйшая въ такомъ родѣ находка, я рѣшился составить если не полную грамматику, то по крайней мѣрѣ изложить нѣсколько правилъ грамматики алеутскаго языка въ томъ предположеніи, что они будутъ пригодны кому-нибудь для нѣкотораго соображенія о происхожденіи сего языка и для историческихъ догадокъ». И такъ отецъ Веніаминовъ держался совершенно научной цѣли, и дѣйствительно въ своихъ соображеніяхъ дастъ мѣсто чисто научнымъ предположеніямъ. «Не можетъ быть, пишетъ онъ далѣе, чтобы алеутскій языкъ или нынѣ, или когда-нибудь не имѣлъ сроднаго себѣ языка и такого, который бы не былъ съ нимъ сходенъ въ названіяхъ, или по крайней мѣрѣ не показывалъ слѣдовъ его происхожденія, но до сихъ поръ еще неизвѣстно навѣрное, отъ какого древняго языка происходитъ сей языкъ, совершенно отличный отъ живущихъ подлѣ народовъ. Но этого нельзя рѣшить по недостатку и даже можно сказать, за неимѣніемъ свѣдѣній объ алеутскомъ языкѣ. Всѣ наши свѣдѣнія объ немъ ограничиваются только краткими словарями». Не заслуживаетъ ли преосвященный Иннокентій полнѣйшей признательности за то, что онъ посмотрѣлъ на изученіе американскихъ языковъ именно съ подобной точки зрѣнія? До 1828 года, то-есть до перваго перевода катихизиса, Русскіе не имѣли даже понятія объ алеутскомъ языкѣ. Съ появленіемъ же отца Веніаминова въ Америкѣ въ качествѣ миссіонера, русская литература получила алеутскій букварь съ полнымъ переводомъ важнѣйшихъ молитвъ. Неутомимый миссіонеръ написалъ даже поученіе на алеутскомъ языкѣ, напечатанное въ московской синодальной типографіи въ 1840 году.

Грамматика, составленная о. Веніаминовымъ, даетъ уже понятіе о самомъ богатствѣ и самой конструкціи языка. Къ ней приложенъ переводъ алеутскихъ пѣсенъ, исполненный ситхинскимъ толмачемъ Семеномъ Паньковымъ и дающій понятіе о скудной поэзіи этихъ дикарей. Книжка о. Веніаминова: «*Замѣчанія о колошскомъ и кадьякскомъ языкахъ, отчасти и о прочихъ россійско-американскихъ*», сообщаетъ кромѣ того вообще важныя свѣдѣнія о сѣверо-западной Америкѣ. «Сѣверо-западная часть Америки, пишетъ онъ между прочимъ, чрезвычайно замѣчательна по многоразличію языковъ, употребляемыхъ туземцами. Почти на каждомъ шагу вы встрѣчаете людей, которые говорятъ или собственнымъ языкомъ, или своимъ нарѣчіемъ. Особенно это видно между калифорнскими индійцами: такъ наприм. индійцы Большой Бодеги не понимаютъ индійцевъ, живущихъ нѣсколько далѣе внутрь материка, противъ Росса, а живущіе сѣвернѣе Росса, не понимаютъ ни тѣхъ, ни другихъ; и все это на пространствѣ не болѣе 900 верстъ!» Обращая вниманіе на такое «разноязычіе и многоязычіе», авторъ задается слѣдующими научными вопросами: 1) отчего въ Америкѣ особенно много языковъ? 2) точно ли всѣ языки, которыми говорятъ туземцы сѣверо западной Америки, и которые намъ кажутся разными, суть языки различные между собою совершенно, или только нарѣчія двухъ, или по крайней мѣрѣ не многихъ языковъ? 3) ежели они различны, то какого корня или происхожденія и проч? а ежели только нарѣчія двухъ или нѣсколькихъ языковъ, то почему они такъ раздробились? 4) каждый народъ или, сказать правильнѣе, народецъ, говорящій своимъ языкомъ, непонятнымъ его сосѣдямъ и прочимъ народамъ, составляетъ ли народъ отдѣльный, своего происхожденія, или всѣ они суть одинъ и тотъ же народъ и только обстоятельствами разбитый на части? 5) ежели каждый изъ нихъ составляетъ отдѣльный народъ, то откуда они пришли и почему, живя въ такомъ сосѣдствѣ между собою, не смѣшались до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ малочисленнѣйшіе изъ нихъ? если же всѣ они суть одинъ тотъ и же народъ, или двухъ, трехъ происхожденій, то отчего у нихъ такое различіе въ языкахъ или, по крайней мѣрѣ, въ нарѣчіяхъ? Таковыхъ и подобныхъ вопросовъ можно сдѣлать нѣсколько еще; но отвѣ-

чать на нихъ, или на нѣкоторые изъ нихъ, рѣшительно можно только тогда, когда сѣверо-американскіе языки будутъ извѣстны всѣ надлежащимъ образомъ. Здѣсь можно замѣтить только то, что такое многоразличіе языковъ сѣверо-американскихъ народовъ можетъ быть доказательствомъ того, что они всегда были независимы, по крайней мѣрѣ другъ отъ друга, и что это нельзя считать слѣдствіемъ того, что они, находясь въ дикомъ состояніи и не имѣя нужды другъ въ другѣ, живутъ отдѣльно и не имѣютъ между собою сообщеній: потому что напротивъ того многоразличіе языковъ скорѣе можетъ быть причиною, а не слѣдствіемъ раздѣльности народовъ».

Отецъ Веніаминовъ даетъ еще филологическую классификацію американскихъ языковъ. «Всѣ наши американскіе языки, пишетъ онъ далѣе, по образованію своему раздѣляются на два главные вида, одинъ отъ другаго совершенно различные, а именно: уналашкинскій и кадьякскій. Отличительныя ихъ свойства состоятъ въ слѣдующемъ: 1) въ языкахъ перваго образованія три числа: единственное, двойственное и множественное; а въ языкахъ втораго образованія обыкновенно два числа: единственное и множественное. 2) Падежи въ первыхъ языкахъ раздѣляются на неопредѣленные и притяжательные, и потому всѣхъ падежей или окончаній болѣе 36, а въ послѣднихъ не болѣе трехъ падежей, или окончаній. 3) Глаголы по числамъ и лицамъ въ первыхъ измѣняются обыкновенно на концѣ, а въ послѣднихъ въ срединѣ или въ началѣ слова. 4) Въ языкахъ перваго образованія предлоги и нарѣчія имѣютъ числа, и потому суть части рѣчи измѣняемыя, а въ послѣднихъ языкахъ того совсѣмъ нѣтъ. Общее же въ нашихъ американскихъ языкахъ есть то, что всѣ они не имѣютъ различія въ родахъ, но у всѣхъ одинъ родъ общій.» Такова научная система, подъ которую подвелъ эти языки о. Веніаминовъ.

Языки авторомъ вообще разсматриваются совершенно согласно съ новѣйшими воззрѣніями филологической науки. Такъ, напримѣръ, вотъ что онъ говоритъ о кадьякскомъ языкѣ: «Выше сказано, что кадьякскій языкъ имѣетъ (почти) совершенно одинаковое образованіе съ уналашкинскимъ языкомъ, такъ что матеріалы ихъ какъ бы отлиты совершенно въ однѣ и тѣ же формы, но только съ измѣненіемъ самыхъ конечностей формъ. Но матеріалы того и другаго языка, т.-е. слова ихъ, совершенно различны, и до такой степени, что кажется не найдется и десяти словъ, сходныхъ и однозначащихъ. Слова «адакъ» отецъ и «тонгакъ» вода едва ли не единственныя слова въ обоихъ языкахъ однозначащія. И потому я здѣсь, въ изложеніи замѣчаній моихъ о кадьякскомъ языкѣ, гдѣ можно и нужно, буду сравнивать одинъ языкъ съ другимъ, показывая различіе и сходство ихъ.»

Трудами о. Веніаминова приведено въ извѣстность и общее число языковъ и нарѣчій въ нашихъ бывшихъ владѣніяхъ. Именно всѣхъ языковъ шесть: 1) уналашкинскій языкъ (языкъ Алеутскихъ острововъ и Аляски); онъ раздѣляется на уналашкинское и атхинское нарѣчія, послѣднимъ говорятъ на Андреяновскихъ островахъ; на Лисьихъ употребляютъ алеутскій чистый. 2) Кадьякскій языкъ съ поднарѣчіями кадьякскимъ, аллегмютскимъ (на сѣверѣ Аляски), чугатскимъ (на югѣ Аляски), унагамютскимъ (отъ мыса Стефенсъ до Берингова пролива), малегмютскимъ (у заливовъ Нортонъ и Коцебу) и чукотскимъ (единственнымъ нарѣчіемъ изъ этой семьи, сохранившимся въ нашей имперіи у сидящихъ Чукчей въ Азіи). 3) Кенайскій языкъ съ нарѣчіями мѣдновскимъ или атнахтянскимъ (у Колчанъ и жителей Мѣдной рѣки), кенайскимъ (у Кенайскаго залива), кусковимскимъ (у рѣки Квихпака). 4) Якутскій съ нарѣчіями якутскимъ и угаленскимъ. 5) Ситхинскій или Колошенскій и 6) Кайганскій.

Преосвященный Иннокентій ознакомилъ Россію не съ одними языками американскихъ инородцевъ, но и съ ихъ преданіями, обычаями и обыденною жизнію. Еще въ 1839 г. въ «Сынѣ Отечества» (№ 9) появилась статья: «*Миѳологическія преданія Колошей, обитающихъ на сѣверо-западномъ берегу Америки*» изъ записокъ о. Іоанна Веніаминова. Ж. М. Н. Пр. (1839 г. кн. 1) замѣтилъ, что эта статья одна изъ самыхъ любопытныхъ, касающихся притомъ весьма мало извѣстнаго и почти не тронутаго предмета.

Не прошла безъ вниманія и новая статья: «*Населеніе русскихъ владѣній въ Америкѣ и раздѣленіе его*», того же автора, помѣщенная въ Ж. М. Вн. Д. (№ 12. 1840). На нее обратилъ вниманіе Ж. М. Н. Пр. (1840 г. кн. 6) и тогда же самъ помѣстилъ на своихъ страницахъ новый трудъ преосвященнаго: «*Состояніе православной церкви въ Америкѣ.*»

Съ 1830—1841 г. академикъ Беръ началъ издавать «*Beiträge zur Kentniss des Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens* (матеріалы къ познанію россійской имперіи и пограничныхъ съ нею странъ Азіи). И этому изданію, особенно въ первомъ томѣ, кромѣ статей барона Врангеля, Костромитинова, Глазунова, очень много интереса придали статьи о. Іоанна Веніаминова. Особенное вниманіе тогдашнихъ критиковъ было обращено на статью: «*Характеристическія черты Алеутовъ, обитающихъ на Лисьихъ островахъ*». Эта статья, говоритъ Ж. М. Н. Пр. (1842 г. кн. 1) дышетъ патріархальнымъ благородствомъ, отеческою любовію почтеннаго пастыря къ своей полудикой паствѣ. Онъ какъ будто гордится благородными чертами характера Алеутовъ, хотя и сознаетъ ихъ недостатки. Изъ каждаго сужденія его узнаемъ священныя узы христіанской вѣры, свя-

зывающія этотъ набожный народъ съ его ревностнымъ духовнымъ наставникомъ.

Въ 1840 г. въ Петербургѣ окончились печатаніемъ: *»Записки объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла, составленныя о. Іоанномъ Веніаминовымъ и изданныя иждивеніемъ Россійско-Американской компаніи.»* (3 части). Подвергая ихъ подробному разбору, рецензентъ 1841 г. замѣчаетъ: «нельзя отъ души не поблагодарить автора за столь полезный для ученыхъ и столь занимательный для любознательныхъ читателей трудъ, въ которомъ онъ имѣлъ случай показать себя, какъ многосторонне-образованнаго ученаго, какъ успѣшнаго и вѣрнаго наблюдательнаго писателя. Простота и благородство изложенія и вмѣстѣ увлекательность разсказа о самыхъ обыкновенныхъ и даже прозаическихъ вещахъ отличаютъ все его сочиненіе.»

Изъ всѣхъ сочиненій о. Веніаминова наиболѣе должны обратить на себя вниманіе Этнографическаго Отдѣла именно эти *«Записки объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла,»* — лежащихъ на рубежѣ Тихаго и Берингова морей. Вотъ какъ характеризуетъ это сочиненіе самъ авторъ: «Проживъ десять лѣтъ въ тамошнемъ краѣ, нѣсколько разъ путешествовавъ по немъ по своей обязанности и имѣвъ случай коротко познакомиться съ жителями сего отдаленнаго края нашего отечества, снискать ихъ расположеніе и довѣренность и по возможности узнать ихъ языкъ, характеръ, обычаи, и весь бытъ ихъ, а также наблюдать произведенія и самый климатъ сего края, я считаю себя обязаннымъ передать любезнымъ соотчичамъ результатъ десятилѣтнихъ моихъ наблюденій. Все, что я могъ видѣть, понять, замѣтить и собрать любопытнаго, достойнаго вниманія и замѣчанія относительно сего края, предлагаю въ настоящихъ моихъ «Запискахъ объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла.»

«Записки мои я раздѣляю на двѣ части, въ каждой по три отдѣленія: первая часть содержитъ замѣчанія географическія, вторая-этнографическія. Къ нимъ я присовокупляю еще и третью часть, заключающую въ себѣ: 1-е) замѣчанія объ Атхинскихъ Алеутахъ, имѣющихъ одинаковый съ Уналашкинцами языкъ, характеръ и даже обычаи, но имѣющихъ свои исключенія, составленныя тамошнимъ священникомъ Іаковомъ Нецвѣтовымъ; и 2) Записки о Колошахъ, обитателяхъ Ситхи и другихъ прилежащихъ къ ней острововъ.»

«Чтобы записки мои сдѣлать, по возможности полнѣйшими, я присовокупилъ къ нимъ замѣчанія ученыхъ путешественниковъ, тотъ край посѣщавшихъ, по части геогностической г. Постельса, по ботанической гг. Мортенга, Кастальскаго и Шемиссо, а географическое положеніе мѣстъ означалъ по послѣднемъ описаніямъ гг. Литке, Воронковскаго *) и другихъ, указывая возлѣ на источники, изъ которыхъ я почерпалъ.

«Климатологическіе выводы основаны на собственныхъ моихъ метеорологическихъ наблюденіяхъ, которыя я болѣе 7 лѣтъ велъ постоянно **) При описаніи умственныхъ способностей и характера Уналашкинцевъ, я не свѣрялся ни съ чьими замѣчаніями, но руководствовался собственными наблюденіями; особенно черты характера ихъ сняты мною самимъ и съ натуры, и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подсказаны самими Уналашкинцами, но и то, сколько было возможно, повѣрено мною. И чтобы лучше узнать ихъ характеръ, я старался всматриваться въ нихъ тогда, когда человѣкъ бываетъ откровеннѣе или болтливѣе, и гдѣ характеръ его виднѣе, т.-е. когда они бываютъ навеселѣ; но рѣшительно не нашелъ ничего, что бы противорѣчило изложеннымъ мною здѣсь замѣчаніямъ, или выказывало тайныя черты ихъ характера».

Самая важная въ этнографическомъ отношеніи часть сочиненія отца Веніаминова есть вторая. Въ ней говорится объ Алеутахъ уналашкинскихъ острововъ въ такомъ порядкѣ. Сперва объясняется названіе ихъ, потомъ описывается наружный видъ. Далѣе идетъ глава о способностяхъ Алеутовъ. Слѣдующая глава говоритъ о характерѣ ихъ; эта глава принадлежитъ къ числу самыхъ интересныхъ и преисполнена любопытныхъ разсказовъ изъ жизни Алеутовъ. Въ пятой главѣ описаны обычаи, соблюдаемые при рожденіи, бракахъ и смерти; въ той же главѣ описаны игры и пѣсни: подробно объясненъ образъ веденія войны и собраны различныя повѣрья изъ обыденной жизни Алеутовъ. Въ седьмой главѣ помѣщены замѣчанія о сословіяхъ и внутреннемъ управленіи у Алеутовъ. Въ нѣсколькихъ главахъ излагается исторія ихъ отношеній къ Русскимъ. Затѣмъ описываются жилища, одежда, пища, имущество, орудія, рукодѣлія. Особая глава посвящена описанію байдарокъ. Есть глава объ алеутской астрономіи и счисленіи времени; глава о болѣзняхъ и лѣченіи ихъ. Преданіямъ, сказкамъ, пѣснямъ и народнымъ играмъ посвящены особыя главы. Въ нѣсколькихъ главахъ говорится о звѣроловствѣ, птицеловствѣ и рыболовствѣ. Почти въ такомъ же порядкѣ составлено описаніе быта атхинскихъ Алеутовъ и Колошей, состовляющее третью часть «Записокъ объ островахъ уналашкинскаго отдѣлѣ.»

Таковы этнографическія сочиненія преосвященнѣйшаго митрополита Московскаго Иннокентія.

---

*) Который въ 1836 г. докончилъ опись южной стороны Аляски, начатую съ востока г. Васильевымъ, съ западной стороны-шлюпомъ Моллеръ.

**) Извлеченія изъ оныхъ были помѣщаемы въ Bulletin scientifique Академіи Наукъ.

II. ОБЗОРЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ЧЕХАХЪ И СЛОВАКАХЪ.

Подъ этимъ заглавіемъ печатаемъ списокъ чешскихъ и нѣмецкихъ сочиненій о чешско-словацкомъ народѣ и его бытѣ, составленный на русскомъ языкѣ молодымъ чешскимъ писателемъ Іосифомъ Калоусекомъ. Авторъ касается въ своемъ обзорѣ только важнѣйшихъ сочиненій по этой части, иногда сопровождая ихъ библіографическое обозрѣніе краткими критическими замѣчаніями. За отсутствіемъ въ русской литературѣ подробнаго указателя славянскихъ этнографическихъ сочиненій, указанія г. Колоусека могутъ быть небезполезны для желающихъ ознакомиться съ Чехами и Словаками по ихъ же сочиненіямъ.

I. Чешскій языкъ и его нарѣчія.

1. *Slovansky národopis.* Sestavil P. I. Safarík. S mapou v Praze 1842, in 16-°, стр. X и 187. Это единственная книга въ чешской литературѣ, называющая себя «Этнографіей.» Она содержитъ общія статистическія данныя, добытыя самимъ авторомъ и нѣсколько увеличенныя въ сравненіи съ офиціальными; изъясняетъ звуки чешско-словацкаго языка, которыми онъ отличается отъ прочихъ славянскихъ языковъ, а также отличія его нарѣчій и подрѣчій въ Чехіи, Моравіи и сѣверо-западной Венгріи; и назначаетъ пограничную линію языка по городамъ и селамъ, но не подробно. Громадная ученость и добросовѣстность Шафарика хорошо знакома славистамъ и достоинства его сочиненій признаны всѣми. Главная заслуга этого сочиненія состоитъ въ томъ, что Шафарикъ подробнѣе и глубже, нежели прежде довелось Добровскому, опредѣлилъ филологическое мѣсто, которое чешскій языкъ занимаетъ въ семьѣ Славянской, и нарѣчія, на которыя онъ распадается. Въ послѣднемъ отношеніи Шафарикъ имѣетъ самымъ удачнымъ продолжателемъ г. Шемберу (см. № 9). При «Народописи» приложена этнографическая карта, Zeměvid slovanský, которая по своему малому масштабу недостаточна для чешско-словацкой народности. Это замѣчаніе относится также къ небольшой дешевой картѣ: *Narodni zeměvid rakuské říse,* dle Safaríka, vydán od Helceleta a Hanuše,—U Holomouci r. 1849.

2. *Bevölkerung der Oesterreichischen Monarchie* in ihren wichtigsten Momenten statistisch dargestellt von Dr. A. *Ficker* Gotha 1860. Этотъ небольшой статистическій атласъ, сверхъ объяснительнаго текста на 56 страницахъ, содержитъ прекрасныя карты, представляющія сравнительную густоту населенія, отношеніе половъ, распространеніе Нѣмцевъ, Чехо-Словаковъ и прочихъ народностей, католиковъ, протестантовъ и прочихъ вѣроисповѣданій, и отношенія земледѣльческаго и мануфактурно-торговаго занятій въ Австрійской Имперіи. Весьма полезная книжечка.

Такъ какъ въ Австріи запрещено между прочими результатами изчисленія населенія (Mittheilungen der k. k. Direction für administrative Statistik) публиковать данныя о народностяхъ, то собственно офиціальныхъ статистическихъ свѣдѣній о Чехо-Словакахъ не имѣется. Только Чернигъ (Czörnig) пользуется народною переписью, какъ источникомъ въ своихъ изданіяхъ, изъ которыхъ сюда принадлежитъ:

3. *Statistisches Handbüchlein für die Oesterreichische Monarchie.* Wien, 1861. Изъ этой книжки черпаются такъ называемыя офиціальныя данныя о народностяхъ въ австрійской имперіи, которыя справедливо упрекаютъ въ многочисленныхъ осложненіяхъ.

4. *Slovník Naučný*, чешскій энциклопедическій словарь, выходящій съ 1859 года въ Прагѣ у Кобера подъ редакціей Фр. Л. Ригера и г. Якова Малаго, содержитъ въ обширной статьѣ: *Czechy* (стр. 315 — 488 убористаго шрифта) всестороннюю статистику населенія Чехіи, въ которой можно найти всѣ офиціальныя данныя и обыкновенные въ статистикѣ выводы изчисляемые изъ нихъ; далѣе самую подробную и основательную исторію отношеній чешской народности, введенія нѣмецкаго элемента, убыванія и прибыванія пространства занимаемаго чешскимъ языкомъ, краткую исторію чешскаго языка. Къ сожалѣнію о физическомъ характерѣ, одѣяніяхъ, жилищахъ и обычаяхъ Чеховъ ничего не находится въ этой, превосходной вовсѣхъ другихъ отношеніяхъ, статьѣ «Czechy,» которая издана также особенно въ маломъ форматѣ на чешскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. (Czechy, země a národ. Boehmen, Land und Volk). Нетакъ обширна статья *Morava* въ V томѣ Slovníka, принадлежащая перу моравскаго архиваріуса Брандля. Въ статистикѣ недостаетъ данныхъ (кромѣ двухъ показаній) и выводовъ о народностяхъ. Исторія отношеній народностей въ Моравіи обработана коротко, знаки подрѣчій моравскихъ изложены по сочиненію Шемберы, а что говорится о физическомъ характерѣ и дѣяніяхъ Моравъ, авторъ выписалъ и сократилъ изъ своей же книги приводимой ниже (№ 27). Slovník Naučný теперь только что достигъ буквы S и статья о Словакахъ еще не напечатана. *)

*) Въ 1873 году „Научный Словарь“ оконченъ печатаніемъ. Всего составилось одиадцать томовъ. Статья о Словакахъ написана самой редакціей. *Ред.*

Полный списокъ городовъ, мѣстечекъ, деревень и селъ, лежащихъ или лежавшихъ, 20 или 30 лѣтъ тому назадъ, на пограничной чертѣ между Славянами и Нѣмцами въ Чехіи можно найдти въ статьѣ:

5. *Rozhrani mezi Čechy a Němci v Čechach*, od. I. A Dundra. Časopis Musea, 1843, IV 570—597; 1844. I 132—136, гдѣ помѣщенъ также полный списокъ мѣстныхъ именъ въ Чехіи, различно звучащихъ на языкахъ чешскомъ и нѣмецкомъ.

Но поле и границы чешско-славянскаго языка всего легче обозрѣть на этнографическихъ картахъ Австріи Чёрнига (см. № 14); а что касается Чехіи, то имѣется отличная карта при статьѣ «Čechy» въ Slovníku Naučném:

6. *Mapa kralovstvi Českého*, navrhnul K. Grät, kreslil A. Müller i V. Geyer. Ve Vymaru 1862, nákladém ustavu zeměpisného; та же карта v Prazě 1863, nákladem I. L. Kobera. Страны разныхъ языковъ покрыты различными красками.

Другая карта на которой также опредѣлены границы языковъ:

7. *Královstvi české*, pomoci českého Museum vydal Josef Jireček V prazé 1850.

Наилучшая большая карта Моравіи. на которой также опредѣлены границы языковъ:

8. *Mapa země Moravské.* Vydal A. Šembera, ve Vídni 1863.

Для изученія нарѣчій чешско-словацкаго языка, опуская отрывочныя статьи въ книгахъ и журналахъ, приводимъ только главное сочиненіе:

9. *Základové dialektologie Česko-slovenské* sepsal Alois Vojtech Šembera. Ve Vídni 1864, in 8, стр. X. 178. Почтенный авторъ первый сдѣлалъ опытъ систематизаціи различій простонародныхъ нарѣчій въ Чехіи, Моравіи, Силезіи и Словацкой землѣ. Его книга дѣлится на два отдѣла: въ первомъ онъ опредѣляетъ подробно признаки нарѣчій и мѣстныхъ подрѣчій, т.-е. звуки и формы грамматическія и исчисляетъ слова, особливо свойственныя каждому изъ этихъ различій языка; во второмъ (стр, 94—178) помѣщены пробы говора изъ многочисленныхъ мѣстностей. Достоинство этой книги, какъ свода богатаго матеріала, чрезвычайно велико, но, къ сожалѣнію, авторъ, не успѣлъ изъ столь обильнаго матеріала вывести прочную систему. Іосифъ Иречекъ въ своемъ разборѣ этого сочиненія (Časopis 1864, III 318) говоритъ, что г. Шембера справедливо можетъ считаться если не творцемъ, то первымъ промоторомъ чешской діалектологіи, и думаетъ, что при болѣе глубокомъ изученіи предложеннаго въ книгѣ Шемберы матеріала, возможно было бы создать строгую систему. Прекрасные примѣры нѣкоторыхъ чешско-словацкихъ подрѣчій найдутся также въ книгѣ:

10. *Сто славянскихъ народныхъ сказокъ и повѣстей въ подлинникѣ.* Изданіе К. Я. Эрбена. Прага, Коберъ 1865.

При различіяхъ нарѣчій, изслѣдованныхъ Шемберою, и при различной политической судьбѣ Чехо-Словаковъ, сохранялось до недавняго времени національное единство посредствомъ библейскаго литературнаго языка общаго Чехо-Словакамъ въ земляхъ короны Чешской и Венгерской. Существованіе и потребность этого единства, вопреки отдѣльнымъ стремленіямъ нѣкоторыхъ Словаковъ, излагаются точнѣйшимъ образомъ въ сочиненіяхъ:

11. *Hlasové o potrebé jednoty spisovného jazyka pro Čechy, Moravany a Slováky*, Nakladem Matice české, v Prazé 1864, in 8°, стр. 240. Для изученія національнаго единства въ прошедшемъ особливо замѣчательны статьи Словаковъ: Шафарика, Таблица и Колара, помѣщенныя въ этомъ сборникѣ, а равно и брошюра:

12. *Vzájemnost ve příkladech mezi Čechy, Moravany, Slováky, Slezaky a Luzičany* od Iana Kadavého, Pest 1843, in 8, стр. 94. Особливое мнѣніе, будто бы Горалы въ воеводствѣ Тѣшинскомъ и западной Галиціи, считаемые вообще Поляками, принадлежали къ чешско-словацкому племени, именно къ словацкой отрасли, выражено въ статьѣ:

13. *Obrazy z polskych a slovenskych Karpat* od Prokopa Rudného (псевдонимъ Іоанна Крейчаго [Krejčí], профессора естественной исторіи) въ пражскомъ журналѣ: Obrazy Života 1860, стр. 61—67, 108—115, 161—168. Содержитъ описаніе края съ точки зрѣнія естественно-исторической и изложеніе живыхъ путевыхъ впечатлѣній, вызванныхъ политическими, народными и соціальными отношеніями Поляковъ и Словаковъ.

II. Этнографія вообще.

Полной удовлетворительной этнографіи Чехо-Словаковъ еще нѣтъ; можетъ быть, мы получимъ ее изъ рукъ Чернига, ежели насъ не обманетъ этотъ офиціальный писатель, у котораго впрочемъ находятся всѣ пособія нужныя для этого дѣла. Онъ издаетъ великолѣпную:

14. *Ethnographie der Oesterreichischen Monarchie*, von Karl Freiherrn von Czörnig, herausgegeben durch die K. K. Direction der administrativen Statistik in 4°, mit einer ethnographischen Karte in 4 Blättern. Доселѣ вышли три тома. Въ первомъ обработана окончательно этнографія эрцгерцогства австрійскаго. Второй и третій содержатъ очень подробную Historische Skizze der Völkerstämme und Colonien in Ungarn und dessen ehemaligen Nebenländer. Четвертый томъ долженъ обстоятельно описать нравы, одѣянія и т. д. всѣхъ народовъ, пребывающихъ въ земляхъ короны

венгерской. Чернигъ сдѣлалъ важную ошибку самымъ раздѣленіемъ своего предпріятія, основавъ его не на народностяхъ, а на историко-политическихъ предѣлахъ, которые въ австрійской имперіи слишкомъ часто противорѣчатъ этнографіи. Кромѣ не этнографическаго раздѣленія есть еще иное важнѣйшее обстоятельство, которое способно уменьшить надежды на точность этого изданія; мы разумѣемъ несправедливость автора, чешскаго нѣмца изъ Либерца (Reichenberg), къ Славянамъ, которая заставляетъ его напримѣръ съ глубоко-ученою проницательностію разсуждать о вопросѣ: были ли Русскіе въ Венгріи Славянами или Германцами, и представлять венгерскую конституцію св. Стефана, какъ подражаніе институціямъ нѣмецкой имперіи, что очевидная ложь. Содержаніе 2 и 3 томовъ опредѣляется самымъ заглавіемъ: оно касается только прихода, колонизаціи и политическихъ условій обитателей Венгріи, разумѣется также Словаковъ и Чеховъ, а не характера ихъ въ прошедшемъ. Присоединенная къ книгѣ этнографическая карта австрійской имперіи отлична, можно сказать совершенна. Она вышла также въ уменьшенномъ масштабѣ на одномъ большомъ листѣ въ Вѣнѣ 1856 года.

За неимѣніемъ лучшаго, все еще замѣчателенъ трудъ Рорера (Rohrer):

15. *Versuch über die slavischen Bewohner der oesterreichischen Monarchie.* Wien 1804. Verlag des Kunst und Industrie Comptoirs, 2 тома in 8°, I, стр. 164, II, стр. 161. Авторъ не ослѣпленъ враждою къ Славянамъ, что у нѣмецкаго любаго сочинителя всегда можно замѣтить, и разсказываетъ много интереснаго о Славянахъ въ Австріи, одинакимъ порядкомъ племенъ, въ которомъ Чехо-Словаки занимаютъ послѣднее мѣсто. Такъ онъ говоритъ о физическомъ характерѣ, объ образѣ пищи, одѣяніи, занятіяхъ, художественномъ смыслѣ (музыкальности Чеховъ и Моравань), о настроеніи мысли, о религіозности и о нравственномъ характерѣ. Кромѣ обильныхъ наблюденій онъ сдѣлалъ много удачныхъ замѣчаній, но при маломъ объемѣ книги и при обширности предмета невозможно ожидать всего отъ начинателя въ австрійской этнографіи, писавшаго 60 лѣтъ тому назадъ. Есть и подобные опыты того же автора о Нѣмцахъ и Евреяхъ въ Австріи.

16. *Das Kaiserthum Oesterreich.* Geographisch, statistisch, topographisch, mit alphabetischen Ortslexikon von D. Ad. Schmidl, fortgesetzt von professor W. F. Warhanek. Wien, 1857. Одно изъ лучшихъ географическихъ сочиненій объ Австріи, въ которомъ находятся общія краткія свѣдѣнія о числѣ, занятіяхъ, одѣяніяхъ, нравахъ и народныхъ склонностяхъ Чехо-Словаковъ. Въ первомъ изданіи сей книги Шмидля (Stuttgart 1843) этнографическія свѣдѣнія обширнѣе, нежели въ ея переработкѣ сдѣланной Варганкомъ: ихъ можно найдти въ переводѣ на чешскій языкъ въ журналѣ *Květy* (Прага 1844, стр. 427--8, 431, 435, 439). Шмидль судилъ о Чехахъ не враждебно и ссылаясь на историческіе и статистическіе факты и собственныя наблюденія, хвалитъ чешскую воинственность и бодрость, религіозность, чрезвычайную любовь къ музыкѣ, пѣснямъ и пляскѣ, умственную плодовитость, способность къ артиллеріи и пр. Онъ даже при помощи данныхъ уголовной статистики беретъ Чеховъ и Моравань въ защиту передъ упрекомъ въ воровствѣ, который всегда вертится на языкѣ вѣнскихъ клеветниковъ и почти всѣхъ остроумничающихъ туристовъ.

Слѣдуютъ сочиненія, касающіяся не цѣлаго чешско-словацкаго племени, а особыхъ его отраслей. Первое мѣсто занимаютъ два большія топографическія сочиненія.

17. *Mähren*, topographisch, statistisch und historisch geschildert von Gregor Wolny. Brünn 1835 — 1840, in 8°, каждый томъ описываетъ особый округъ. Предъ топографіей помѣщены общія свѣдѣнія о каждомъ округѣ, въ которыхъ кратко, но съ похвальнымъ прилежаніемъ и точностью, приводятся мѣстныя названія народонаселенія въ Моравіи, говорится о физическомъ и духовномъ характерѣ, о нравахъ, объ обычаяхъ общихъ, праздничныхъ и суевѣрныхъ, объ одѣяніяхъ и пр. Не столь прилежное вниманіе обращено на этнографію въ подобномъ же сочиненіи о Чехіи:

18. *Das Königreich Böhmen,* statistisch — topographisch dargestellt von Iohann Gottfried Sommer. Prag 1833—1849. 16 Bände in 8. И здѣсь въ началѣ всякаго тома находятся этнографическія замѣтки о населеніи каждаго округа.

19. *Czechja i Czechowie* przy koncu pierwszéj polowy XIX stolecia, przez Edmunda Chojeckiego. Berlin F. Schneider, 2 тома. Сочиненіе Хоецкаго содержитъ въ I томѣ исторію Чеховъ и ихъ литературы; во II томѣ говорится о Шафарикѣ, Палацкомъ, Прагѣ, о чешскомъ народѣ, горожанахъ, дворянствѣ, школахъ, отношеніяхъ духовенства къ національному движенію и средствахъ возрожденія народности.

20. *Ćesti sedláci v okoli plzeńském,*—статья въ журналѣ Obrazy Života (v Praze 1861, стр. 108—112), переведенная Коларомъ изъ Tygodnika Illustrovanego, (Warszawa 1860 №58): Chlopi w Czechach z okolic Pilzna, przez Jana Ferd. Nowakowskiego. Какъ въ подлинникѣ, такъ и при переводѣ находятся три картины, гравированныя на деревѣ по рисункамъ чешскаго живописца г. Кроупы, и представляющія жениха съ

«дружичкою,» сельское семейство и молодежь въ народныхъ одѣяніяхъ изъ окрестностей города Пильзна. Текстъ описываетъ сельское хозяйство и находитъ его отличнымъ (разумѣется въ молчаливомъ сравненіи съ польскимъ), далѣе отыскивается сходство чешскихъ народныхъ одѣяній съ польскими, и прибавляются нѣкоторыя добрыя замѣчанія о нравственныхъ свойствахъ чешскихъ сельчанъ.

21. *Hundert Tage auf Reisen in der Oesterreichischen Staaten* von J. G. Kohl. I Theil: Reise in Böhmen. Dresden und Leipzig, 1842. Стр. 349 in 8°. Авторъ не можетъ быть причисленъ къ числу друзей чешскаго народа, но и не клевещетъ на него. На стр. 188—208 онъ описываетъ простонародную жизнь и забавы въ Прагѣ, красоту женщинъ, и съ удивленіемъ свидѣтельствуютъ о любви Чеховъ къ музыкѣ, танцамъ и пѣнію Но недостатокъ знакомства съ чешскимъ языкомъ мѣшаетъ ему быть серьознымъ наблюдателемъ; онъ только остроумный путешественникъ, не болѣе.

22. *Böhmische Skizzen.* Von einem Landeskind. Leitomischl, 1860, in 8°, стр. 127. Авторъ этой интересной брошюры Янъ Палацкій, сынъ исторіографа. Цѣль его не этнографія, а соціальныя, политическія и національныя отношенія Славянъ и Нѣмцевъ въ Чехіи и указаніе средствъ для ихъ исправленія. Въ брошюрѣ этой приводится множество статистическихъ данныхъ: начинается съ физической географіи, характеризуются Чехи и Нѣмцы, ихъ политическая роль, образованіе, нравственность, промыслъ, хозяйство, элементы общества, дворянство, мѣщане, сельчане, купцы, религіозныя отношенія и пр. Книжка эта изобилуетъ глубокомысленными замѣчаніями и наблюденіями, драгоцѣнными даже для этнографа; остроумный и весьма ученый авторъ не щадитъ сильныхъ красокъ въ своихъ эскизахъ и афористическихъ примѣчаніяхъ, и въ слѣдствіе того не все у него должно пониматься буквально.

23. *Der Böhmerwald*, Natur und Mensch. Von Jozeph Wenzig und Johann Krejčí. Mit 55 Holzchnitten Prag, Bellmann 1860 in 12°. На стр. 1—146 описывается «природа» профессоромъ Крейчимъ; стр. 146—354 посвящены Венцигомъ «народу». Этотъ послѣдній отдѣлъ—историческая и живописная монографія Шумавы или Чешскаго лѣса, съ легкимъ взглядомъ на этнографію, для которой полезны также прекрасныя ксилографіи, приложенныя къ сочиненію. Но край здѣсь описанный большею частью онѣмеченъ. Наиболѣе интересны для насъ въ этой книгѣ свѣдѣнія о «Ходахъ» или «Булакахъ» домажлицкихъ, ихъ мнимомъ происхожденіи, ихъ бывшемъ назначеніи для обороны земской границы *), ихъ жилищахъ доселѣ подобныхъ крѣпостцамъ, костюмахъ, музыкѣ, танцѣ; приложены нѣкоторыя ихъ пѣсни въ подлинникѣ и въ переводѣ (стр. 162 и сл.). Равно любопытны извѣстія о Шумавскихъ «Краловакахъ,» т.-е. свободныхъ королевскихъ селянамъ, которые говорятъ теперь по-чешски только въ окрестностяхъ Стахова (стр. 192). На стр. 317—320 помѣщена любопытная біографія Птака, знаменитаго чешскаго самоучки, технологическаго все-мастера, прежде всего отличнаго чеканщика.

Самый важный и обильный матеріалъ для этнографіи Чеховъ и Словаковъ оставила покойная Божена Нѣмцова, самая талантливая и плодовитая чешская писательница.

24. *Sebrané spisy Boženy Němcové*; V Litomyšli a v Praze. 1862—63, in 12°, 8 томовъ. Она собственнымъ пребываніемъ познакомилась съ западными и восточными краями Чехіи и со словацкою Венгріей, повсюду наблюдая за обычаями и тѣми свойствами и особенностями народа, въ которыхъ обнаруживается его духъ, и собирая сказки и повѣсти изъ его устъ. Въ знаніи чешскаго народа, можетъ быть, только одинъ ученый превзошелъ Б. Нѣмцову,—это К. Я. Эрбенъ. Можно сказать, что даже беллетристическія произведенія ея имѣютъ большую этнографическую цѣну, и служатъ обильнымъ источникомъ чешскаго народознанія. Ея сочиненія по своему содержанію могутъ раздѣлиться на этнографическіе опыты въ собственномъ смыслѣ, на путешествія, беллетристическія произведенія и собранія народныхъ сказокъ и игръ. Первый томъ содержитъ образцовое сочиненіе Б. Нѣмцовой прекрасный романъ *Babička*, состоящій изъ прелестныхъ для Чеха картинъ народной жизни въ восточной Чехіи. Всякій Чехъ, выросшій въ деревнѣ или въ мѣстечкѣ, читая «Бабушку» скажетъ: такъ есть, такъ живетъ и думаетъ нашъ народъ. Божена Нѣмцова — чешскій Марко Вовчокъ. Для этнографіи «Бабушка» очень богатый источникъ (переведена на русскій языкъ и помѣщена въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1865 годъ). Далѣе въ первомъ же томѣ (стр. 295—352) помѣщены: Obrazy ze Života slovenského. Это удачный опытъ описанія нравовъ, домашней жизни, праздниковъ и торжественныхъ обычаевъ Словаковъ въ Венгріи, но большая часть (напр. о рожденіи и крещеніи, бракахъ, погребеніи и пр.)—переводъ изъ сочиненія Чапловича (см. № 29). Второй томъ содержитъ повѣсти, и вмѣстѣ съ тѣмъ напечатано Uherské město. Кромѣ того здѣсь напечатанъ весьма интересный, подлинный опытъ о домашней жизни, характерѣ, хозяйствѣ и прочихъ занятіяхъ Словаковъ въ окрестностяхъ города Дьярмотъ. Въ третьемъ томѣ Selska svadba v okolí domažlickém (стр. 5—21) — довольно подробное но неполное описаніе обычаевъ и обрядовъ при сельскомъ бракосочетаніи

*) Историческое изложеніе этого предмета можно найдти въ Časopise Muzea 1856, III, 90—107.

въ окрестностяхъ Домажлицъ, гдѣ сохранились нѣкоторыя особенности незнакомыя прочимъ Чехамъ. Стр. 22—65. Obrazy z okoli Domazlic—объ обычаяхъ, торжествахъ, взглядахъ и вѣрованіяхъ, танцахъ, забавахъ и одѣяніи народа въ этомъ краѣ. Далѣе слѣдуютъ повѣсти, и въ четвертомъ томѣ Pohorská vesnice, povidka ze zivota lidu vesnického, одна изъ лучшихъ повѣстей Б. Нѣмцовой. Слѣдуютъ народныя сказки, собранныя авторомъ въ V и VI томахъ: Národní báchorky a povesti (чешскія); VII томъ: Slovenské (словацкія) pohadky a povesti. VIII томъ содержитъ дѣтскія забавки, словацкія и чешскія, дѣтскіе стихи, между прочимъ подражающія голосамъ птицъ, игры домажлицкія и словацкія; но эти собранія не полны. Нѣчто о хозяйствѣ, нравственномъ и физическомъ характерѣ Словаковъ найдется въ путешествіи подъ заглавіемъ «Z Uher. Zlomek nedokonaného cestopisu».

Большое сходство съ Б. Нѣмцовою, насколько она изображаетъ бытъ чешскаго народа, имѣетъ Войтѣхъ Глинка, пишущій подъ псевдонимомъ «Франтишекъ Правда»: его:

25. *Povidky z kraje*, v Praze 1851 — 53, 5 svazkuv, почти такъ же нравятся чешской публикѣ, какъ Babicka или Pohorská vesnice, Нѣмцовой; этнографу онѣ могутъ служить источникомъ для чешскаго народознанія. Различіе между Ф. Правдою и Б. Нѣмцовою, какъ сочинительницей повѣстей и романовъ, двоякое: Ф. Правда пишетъ съ предвзятою нравственно цѣлью, что не возвышаетъ поэтической цѣны его сочиненій; кромѣ того онъ не выходитъ изъ сферы низшихъ слоевъ народныхъ нравовъ, при чемъ его изображеніе простонародья часто черезчуръ натурально—простая словесная фотографія.

26. *Die Markgrafschaft Mähren und das Herzogthum Schlesien* in ihren geographischen Verhältnissen, von Carl Koristka. Mit einer grossen Generalkarte, 4 physikalischen und statistischen Karten in Farbendruck und einer Anzahl Lithographien und Holzschnitten; Wien und Olmütz. 1760 in 8°, стр. 522. Весьма полное и основательное географическое сочиненіе, наилучшее изъ существующихъ о Моравіи и австрійской Силезіи. Для этнографіи найдутся кромѣ статистическихъ данныхъ, на стр. 252—259, короткія, но точныя характеристики славянскаго народонаселенія въ этихъ земляхъ, причемъ говорится о физическомъ и нравственномъ характерѣ, о народныхъ костюмахъ Гораковъ, Словаковъ, Валаховъ Поляковъ и хорватскихъ поселенцевъ. Хромолитографическая карта представляетъ народность и густоту населенія въ Моравіи и Силезіи.

27. *Knihâ pro každeho Moravana.* Sepsal V. Brandl W Brné, 1863, in 8°; стр. 335. Для этнографіи здѣсь нѣтъ ничего новаго. Характеристики Моравамъ г. Брандль взялъ взаймы у К. Корнстики (стр. 54—58), а «Mravy a spusoby Moravanuv» (172 — 82),—отъ которыхъ читатель напрасно ожидаетъ чего нибудь болѣе, нежели суевѣрныхъ обычаевъ и мнимыхъ остатковъ язычества,—списалъ изъ Гануша (см. 79), и Сушиля (см, 82), о народныхъ же пѣсняхъ (82 — 86) разсуждаетъ по Штуру (см. 86) и Колару.

28. *Valasi na Morave a Slovensku.* Статейка въ пражскомъ журналѣ Kvety 1847 (стр. 485). По поводу двухъ валашскихъ пѣсенъ, въ которыхъ описывается наказаніе моравскихъ Валаховъ за пособіе Шведамъ въ 30-лѣтней войнѣ, говорится о ихъ бывшемъ упорствѣ въ гусситскомъ вѣроисповѣданіи.

29. *Gemälde von Ungern*, v. Iohann von Czaplovicz. Pest 1829, 2 Theile in 8°, стр. 344 и 333, съ этнографическою картою Венгріи и Хорватіи. Чапловичъ, по происхожденію Словакъ, имѣлъ намѣреніе написать «статистическую этнографію,» и его изданіе, хотя недостаточное въ наше время, остается доселѣ главнымъ источникомъ свѣдѣній о Словакахъ. Ошибки заключаются съ самомъ планѣ сочиненія. Съ одной стороны Чапловичъ не охотно входитъ въ особенныя свойства племенъ населяющихъ Венгрію; ему хотѣлось бы писать этнографію «Венгерцевъ», а не Мадьяръ, Словаковъ, Русскихъ и пр.; съ другой стороны объ обычаяхъ, не только суевѣрныхъ, но и прочихъ народныхъ, онъ пишетъ лишь «для увеселенія» (ч. 1 стр. 319). Не смотря на эти недостатки въ планѣ, сочиненіе Чапловича заключаетъ въ себѣ важные этнографическіе матеріалы не только о какихъ-то идеальныхъ среднихъ «Венгерцахъ», но даже объ особыхъ составныхъ частяхъ этой политической національности. Божена Нѣмцова воспользовалась многими, но не всѣми его извѣстіями и замѣчаніями по физическому и нравственному отдѣламъ этнографіи Словаковъ, которыя приходилось отыскивать и выбирать изъ разныхъ главъ обоихъ томовъ Чапловича; но и онъ объ одѣяніяхъ говоритъ поверхностно.

30. *Bemerkungen auf einer Reise* im Jahre 1827 durch die Beskiden über Krakau und Weliczka nach den Central-Karpathen, von Albrecht von Sydow, Berlin 1830, in 8°, стр. 406. Это весьма ученое описаніе путешествія, весьма важное въ географическомъ отношеніи; по части же этнографической оно слабѣе: авторъ не зная славянскаго языка, говоритъ только о наружности Гораловъ и Словаковъ, ихъ одеждахъ, ростѣ, красотѣ мужчинъ, образѣ жизни, занятіяхъ и пр.; неожиданной ихъ нравственности онъ только удивляется. Нѣкоторыя невольно вырвавшіяся покровительственныя выраженія его о Словакахъ замѣчательны.

31. *Across the Carpathians.* Cambridge et London, 1862, in 12°, 299. Это сочиненіе извѣстной путешественницы Miss Jrby. Объ этнографическихъ вопро-

сахъ она не распространяется, говоря только слегка о наружности Словаковъ и о своемъ посѣщеніи «шалаша» (пастушьей хаты въ горахъ); но кто хочетъ узнать о политической судьбѣ Словаковъ, о политическихъ мнѣніяхъ и стремленіяхъ Чеховъ, тотъ долженъ читать эту книгу. Удивительно какъ англійская путешественница, хотя и сочувствующая Славянамъ вообще, такъ скоро вдумалась въ мысли Чеховъ и Словаковъ. Она бесѣдовала съ Палацкимъ и Гурбаномъ и сообщаетъ много любопытнаго объ этихъ разговорахъ (1859 года). Въ Венгріи ее между прочимъ брали подъ арестъ, какъ будто «русскаго шпіона.»

32. *Oesterreich wie es ist*, Gemälde von Hans Normann (A. J. Gross-Hoffinger) Leipzig. 1833, 2 Theile in 12°. Стр. 161; 149. Авторъ прежде всего хочетъ забавлять читателей пикантностями и по этому, можетъ быть безъ умысла и безъ особенно злой воли, часто лжетъ, преувеличивая темныя и смѣшныя черты въ народной жизни и нравственномъ характерѣ; но его разсказы о Чехахъ (II, 51 – 81), какъ пристрастный голосъ, стоятъ вниманія; о Моравахъ и Словакахъ въ этой книгѣ не говорится.

33. *Ungarn*. Das Reich, Land und Volk, wie es ist. Von Hans Normann (того же автора). Leipzig; 1873; 2 Band in 12° стр. 210, 199. На стр. 85—87 сочинитель высказываетъ о Словакахъ нѣкоторыя мнѣнія подобной же цѣны, какъ въ предыдущемъ номерѣ о Чехахъ.

Для сравненія Нѣмцевъ съ Славянами въ Чехіи, ихъ обычаевъ, суевѣрій и для изученія ихъ взаимныхъ соотношеній и вліяній, годится сочиненіе, писанное Нѣмцемъ съ похвальнымъ прилежаніемъ, но не съ желательнымъ безпристрастіемъ:

34. *Die Deutschen in Böhmen*. Geschildert in geographisch—statistischer, volksthümlicher und geschichtlicher Beziehung; von I. A. Schmalfüss. Mit einer etnographischen Karte des Königreichs Böhmen. Prag; Fr. Ehrlich 1851, стр. 321. in 12°.

35. *Salasáci v Karpatech*, od J. Procsázky. Статейка въ журналѣ *Kvety* 1838 стр. 68—69. Описывается образъ жизни словацкихъ Салашаковъ въ горахъ между Венгріей и Силезіей.

36. *Sanitrari slezsti;* ad I. Vinclera. Květy 1844. стр. 298 — 299, 302. Здѣсь говорится о Горалахъ изъ окрестностей Яблункова (въ Тѣшинской Силезіи), ходящихъ на лѣто въ Венгрію варить селитру, ихъ зимнихъ забавахъ на родинѣ и пр.

37. *Horal a drotar*, od I. Vinclera. Květy 1844 стр. 467—468, 474 — 472. Говорится о различіяхъ между силезскимъ гораломъ и тренчинскимъ дротаремъ въ одѣяніи, занятіяхъ и пр.

38. *Něco o Hanácích*. Květy, 1844. стр. 441—443 перепечатано изъ Moravie 1844. Описываются Ганацкіе костюмы, женскій и мужскій, и объясняется какимъ образомъ они превращаются мало по малу въ космополитическіе.

39. Прекрасныя разрисованныя картины (для стѣны) *народныхъ костюмовъ* Чехо-Словацкихъ издала фирма *F. Paterno* въ Вѣнѣ. Имѣть ихъ всѣхъ уже трудно. Вотъ для примѣра десятокъ (съ чешскими подписями): Ганаки въ окрестностяхъ Быстрицы и Оломоуца, Словаки въ окр. Венгерскаго Градища, Хорваты въ окрестностяхъ Лѣдницы и Брѣцлавля, Моравцы въ окр. Иглавы, Венгерскаго Брода и Вилимова, Словацкій селянинъ изъ окр. Трнавы, селянинъ уѣзда Писецкаго, селянка того же уѣзда.

40. Въ «Nazorném Atlase» къ «Slovniku Naucnému» (Praha, Kober; díl II: Národo a — dějepis, tabule 15) находится 8 небольшихъ изображеній одеждъ чешско-словацкихъ, а въ объяснителномъ текстѣ г. Малаго помѣщено нѣсколько словъ для характеристики Чехо-Славянъ.

III. Для этнографіи Чеховъ въ прошедшемъ

Имѣются только нѣкоторые отрывки. О существованіи Чеховъ въ земляхъ теперь нѣмецкихъ: въ прусской Силезіи, Франконіи и въ нижней Австріи, найдутся извѣстія въ *Dějinách národu Českého* Фр. Палацкаго и въ *Slovanských Starožitnostech* П. О, Шафарика. Кромѣ того можно указать на спеціальныя статьи:

41, *O Slovanech v dolních Rakousích*, Aloisa Vojtecha Sembery. Casop. Mus. 1844, IV стр. 536 — 549, въ которой доказывается на основаніи документовъ и мѣстныхъ именъ, что съ VII-го вѣка въ нижней Австріи обитали Чехи на лѣвомъ берегу Дуная и хорутанскіе Словенцы на правомъ.

42. *České obyčeje a mravy za věku císaře Karla IV*. Casopis Mus. 1838, I стр. 3—14. Собраніе нравоучительныхъ мѣстъ, которыя бросаютъ яркій свѣтъ на обычаи и общественныя отношенія сословій чешскаго народа, почерпнутое Палацкимъ изъ четвертой «книги» сочиненія: Tomy Stítného knizky sestery o obecných věcech křesťanských, изданнаго вполнѣ К. Я. Эрбеномъ въ Прагѣ 1852 г.

43. *O kroji českém ve středním věku*, od I. E. Vocela. Casopis Mus. 1844, II. стр. 261 — 283. Подробная записка объ одѣяніяхъ Чеховъ съ древнѣйшаго времени до XVII вѣка, составленная большею частью на основаніи миніатюръ, находящихся въ чешскихъ старыхъ молитвенникахъ и канціоналахъ. Г. Воцель доселѣ наилучшій знатокъ между Чехами по этой части, какъ и вообще въ археологіи.

Въ концѣ I части IV отдѣла своихъ «Dějin» (стр. 462—476) Фр. Палацкій помѣстилъ нѣкоторыя об-

щія свѣдѣнія объ общественныхъ отношеніяхъ и нравахъ Чеховъ въ вѣкъ Георгія Подѣбрадскаго. Патріархъ чешской литературы обѣщаетъ распространиться болѣе объ этомъ предметѣ въ прибавочномъ томѣ къ своей исторіи, въ которомъ онъ намѣренъ изложить конституціонныя, соціальныя и нравственныя отношенія Чеховъ между 1253 и 1526 годами.

44. *Zprávy některé o mravech českých šestnactého věku*, od Iosefa Iirečka. Časopis Mus. 1864. I. стр. 17—35. Весьма тщательное собраніе изъ проповѣдей и нравоучительныхъ сочиненій; ибо иныхъ источниковъ для изученія древнихъ чешскихъ обычаевъ почти нѣтъ: здѣсь занимательны свѣдѣнія о туалетѣ (между прочимъ о старочешскомъ кринолинѣ), пищѣ, напиткахъ, забавахъ, суевѣрности и пр.

45. *Geschichte des böhmischen Nationaltanzes.* Culturstudie von Alfred Waldau (т. е. Iaroš). Prag, 1861, in 12°, стр. 260. Авторъ чешскій патріотъ, но воспитанный по нѣмецки, хотѣлъ представить культурно-историческое описаніе чешскихъ народныхъ танцевъ въ тѣсной связи съ перемѣнами въ настроеніи мыслей народа (стр. 10); но, за неимѣніемъ достаточныхъ извѣстій о танцахъ, онъ предлагаетъ отрывокъ для исторіи веселій, забавъ и обычаевъ чешскихъ вообще. Изъ скудныхъ источниковъ, которыхъ онъ сверхъ того не знатокъ, онъ успѣлъ только доказать существованіе танцевъ и плясокъ и тщету напрасныхъ жалобъ проповѣдниковъ, писателей и сеймовъ чешскихъ противъ «бѣсовскихъ» увеселеній народа.

IV. Обычаи, игры, торжества, суевѣрія и миѳологія.

Не возможно отрицать, что многіе простонародные обычаи имѣютъ свой корень въ суевѣріяхъ, а суевѣрія въ старой миѳологіи и въ испорченныхъ понятіяхъ новорелигіозныхъ, такъ что невозможно отдѣлить нѣкоторыхъ обычаевъ отъ суевѣрій и суевѣрій отъ миѳологическихъ и религіознымъ понятій, которыя обнаруживаются въ оныхъ. Эта естественная связь дала въ Чехахъ поводъ очень не естественной *миѳологіоманіи*, которая почти всегда отвращала вниманіе отъ народныхъ обычаевъ, кои нельзя относить къ миѳологіи, а часто ослѣпляла наблюдателя, который, гоняясь за ложными предположеніями и смѣлыми миѳологическими теоріями, забывалъ о существеннѣйшихъ обычаяхъ, для миѳологіи же за рѣдкими исключеніями не успѣвалъ сдѣлать ничего положительнаго. Вотъ по чему, несмотря на особое прилежаніе чешскихъ писателей по сей части литературы, доселѣ сдѣлано такъ мало основательнаго.

Самый ревностный и самый неудачный собиратель этихъ вещей покойный католическій священникъ В. С. Крольмусъ или съ вывороченнымъ именемъ Сумлоркъ. Онъ собралъ и издалъ:

46. *Staročeské pověsti, špevy, hry, obyčeje, slavnosti*, á napěvy, ohledem na bájeslovi česko-slovanské. U Praze 1845—1851 in 16°, 13 выпусковъ или 3 тома съ четырьмя пагинаціями (стр. 610, 120, 584, 240). Это изданіе представляетъ совершенный безпорядокъ, удивительный хаосъ; здѣсь все спутано и смѣшано: миѳологія славянская, греческая, индійская и пр., зоологическія и ботаническія свѣдѣнія, странныя псевдологическія объясненія, хозяйственныя поученія, народныя пѣсни, чешскія и ино-славянскія, новыя искуственныя стихотворенія, историкотопографическія монографіи, астрономическія свѣдѣнія, отрывки путевыхъ описаній изъ различныхъ земель, *дѣтскія игры и стихи*, католическія литургическія изъясненія, *народныя сказки, суевѣрія, обычаи, описанія народныхъ торжествъ, увеселеній, обрядовъ, танцевъ*, анекдоты, легенды и пр. и пр. и пр. Но во всемъ этомъ Крольмусъ имѣлъ единственною цѣлью миѳологію: во всякомъ движеніи человѣка онъ видитъ скрытый остатокъ миѳологическихъ понятій. Не смотря на такой чрезмѣрный и безполезный балластъ, этнографъ найдетъ въ изданіи Крольмуса много матеріаловъ о Чехахъ, болѣе нежели въ какой нибудь другой книгѣ.

47. *Hra v míč v semel, v prasata* od Jozefa Chmely, въ ученомъ журналѣ Krok 1831, стр. 510—515. Подробное описаніе трехъ дѣтскихъ игръ въ Моравіи.

48. *Dětské hry, zábavy*, sebrané od Stepána Bačkory. V Praze, 1855, in 12° стр. 128. Назначеніе этой книжечки—педагогія, но г. Бачкора послужилъ также и этнографіи, собравъ *всѣ* дѣтскія игры, о которыхъ только онъ могъ узнать странствуя по Чехіи и Моравіи. Страницы 7—14 заняты обыкновенными предъ игрою исчисленіями (для первоначальнаго назначенія задачъ играющимъ); затѣмъ слѣдуетъ 47 игръ въ избѣ и 56 внѣ избы, далѣе уплата фантовъ, дѣтскія басни и стихи, и говоры животныхъ (народныя толковыя подражанія ихъ пѣнію и звукамъ). Отсутствіе миѳологическихъ и прочихъ «изъясненій» съ удовольствіемъ будетъ принято каждымъ, кто читалъ объ этомъ смутныя поясненія у Крольмуса.

49. *Svatba, v národě československém*, čili svadební obyčeje, reči, promluvy, přípitky, a 73 svadebních písní a napevu, jichžto s oblibou se užívá v námluvách, v svadebním veselí a při čepení nevesty. Pro zváče, starky, družky, rečníky, mládence, družičky a hudebníky svadební, sebral a spracoval Beneš Metod Kulda, farář Chlumsky 2 vydání, v Olomouci, 1866 in 12° стр. 138. Бракъ у Чехо-Славянъ—средоточіе народныхъ обычаевъ и обрядовъ, и въ этой книжечкѣ находится самое точное, а въ отношеніи къ Моравіи, и самое полное описаніе его. Издатель свидѣтельствуетъ о себѣ, что онъ ничего новаго не приводитъ, но собралъ необ-

ходимое въ различныхъ мѣстностяхъ и справилъ риѳму и стихъ рѣчей. Только описаніе обрядовъ есть собственное дѣло издателя. Пѣсни приводятся съ народными своими мелодіями, исчисляются всѣ танцы, обыкновенные при бракахъ въ Моравіи, и описываются нѣкоторые, о коихъ нѣтъ свѣдѣній въ другихъ книгахъ. Объ обычаяхъ, которые издатель съ нравственной точки зрѣнія считаетъ наблагопристойными, онъ также говоритъ, имѣя цѣлію отучить народъ отъ нихъ: но эта вторичная его цѣль—интересъ нравственности—не уменьшаетъ этнографической цѣнности его совершеннаго въ своемъ родѣ сочиненія.

Предшественникомъ Кульды былъ простой чешскій самоучка *Вавакъ*, собраніемъ котораго пользуются въ чешскихъ деревняхъ. Онъ воспользовался подобными же изданіями 1612 и 1696 годовъ и сочинилъ самъ 40 тостовъ и нѣсколько рѣчей (въ 1865 году); новѣйшая перепечатка его собранія (старыхъ не видать даже въ публичныхъ библіотекахъ) называется:

50. *Smlouvy aneb chvalitebnè ríći svatební* pro družku, neb držitele svatby, jakoz i mnoha připíjeni o venec pannám, družićkám a jejích odpovidání mládencům, s připojenymi písnemi V Hradci Králové u J. H. Pospíšila, 1831, in 16° стр. 126. Книжечка во всякомъ отношеніи стоящая ниже изданія Кульды, который впрочемъ имѣлъ и ее въ своихъ рукахъ, точно также какъ и прочія подобныя руководства для участвующихъ въ народныхъ обрядахъ брака.

51. *Ueber die alterthümlihce Sitte derangebinde* bei Deutschen, Slaven und Litauern. Beitrag zur comparativen deutsch-slavischen Archäologie, entworfen von I. I. Hanuš. Prag. 1855, in 8° стр. 42. Эта брошюра предлагаетъ большой запасъ филологической и археологической учености, но для этнографа мало интереснаго. Авторъ доказываетъ между прочимъ, противъ Гримма, что обычай подарковъ называемыхъ въ Чехіи «vázané,» не заимствованъ Славянами отъ Нѣмцевъ.

52. *Ceske prostonárodní obyćeye a písně*. Od Jaroslava Langera, Časopis Mus. 1834, I стр. 58—65; III стр. 268—282. Пространное и увлекательное описаніе нѣкоторыхъ обычаевъ и обрядовъ при чешскомъ сельскомъ бракѣ, и свѣдѣнія о нѣкоторыхъ народныхъ танцахъ и ихъ распространеніи за границею.

53. *Doby ze živobytí* v Hradci Králové a slavnost v Sàdové. Въ журналѣ: Jindy a Nyné, v Praze a v Hradci Králové 1833, II pulleti, st. 39—49. Краткое извѣстіе о такъ называемомъ обычаѣ сожиганія чародѣекъ (30 апрѣля) и объ одномъ сельскомъ привѣтственномъ торжествѣ.

54. *Slavnost svatovítská* v Jemnici na Morave, od Jozepa Menšíka, въ пражскомъ журналѣ Lumír 1853 стр. 544—547. Свѣдѣнія о годовомъ торжествѣ въ память Елизаветы Прѣмысловны, супруги короля Яна, нашедшей убѣжище въ Ямницѣ въ 1314 году. Объ этомъ же предметѣ говорится въ въ статьѣ: Slavnost vyroćní v Jamnicí na Moravě, od J. U. ze Svabenova, v Céchoslave. 1831, VI.

55. *Slavnost sv. Prokopa v Praze*, замѣтка въ пражскомъ журналѣ Rodinná Kronika 1862, стр. 206, о прогулкѣ пражанъ въ долину св. Прокопа и о почитаніи этого чешскаго святаго въ прежнія времена.

56. *Cerveny palouček*, v Ceské Včele 1833 стр. 22. О небольшой нивѣ въ Уѣздцѣ близъ Полички, не оранной и розами поросшей съ той поры, какъ Русскіе во время французскихъ войнъ тутъ стояли на бивакахъ.

57. *Podivná daň*. Od J. Bartàka. Květy, 1838, стр. 388. О давней обязанности села Жалковицъ близъ Кромержижа въ день св. Мартина давать помѣщику курицу и крейцеръ.

58. *Pozustatky rusadelních svátku* v Cechách od faràre Iana Stépána. Časopis Mus. 1834, II 183—190. Подробное описаніе народныхъ обычаевъ и обрядовъ въ уѣздахъ Прахенскомъ и Будеёвицкомъ, наблюдаемыхъ во время Духова дня (ставленіе маевъ, гоненіе короля и пр.), которые авторъ по Шафарику считаетъ сходными съ малорусскою вѣрой въ русалки; не такъ точно говорится далѣе о иныхъ обычаяхъ народныхъ. Мало дополнительнаго о томъ же самомъ предметѣ найдется въ двухъ статьяхъ:

59. *Slavnosti ćeského lidu v Květnu*, Rodinná Kronika 1862; стр. 60—61. Honění Krále na Hané, ibidèm, стр. 182.

60. *Kolédy v Sadsce*, od F. A. Paroubka. Lumír 1856, стр. 741—734 приводятся формулы и пѣсни, употребляемыя при коледахъ учителей бѣдныхъ дѣтей и женщинъ въ дни Рождества Христова.

61. *Národni obyćeje tatranskych Slovanuv v Uhřích* Sepsal Kaspar Fejerpataky. Ćeská Ucela 1834, стр. 124—125. Какъ мальчики «ходятъ съ годомъ» въ послѣдней недѣлѣ года: объ игрѣ въ «Кокеша» (свр. «Kokěs». у Крольмуса I. 256).

62. *Pohřbívání masopustu*. Rodinná Kronika 1862, стр. 566. О выходящихъ изъ употребленія обрядахъ съ «Бахусомъ» и его «женою», которыя еще можно видѣть на масляницѣ въ нѣкоторыхъ старыхъ гостинницахъ пражскихъ (u Sturmu, u Orla na dobytcim trhu, u Rozvarilu).

63. *Smertna nedele na Moravè*, od Iulia Fejfalíka, Lumir 1858 II, стр. 640—641, 660—663. Объ изношеніи смерти изъ села въ воскресеніе «смертное» (Lætare); 10 пѣсней поющихся въ различныхъ мѣстностяхъ и дѣтское празднованіе этого воскресенія.

64. *Aby z oći nepřslo*. Lichardův Kalendár «Casník» na rok 1858. Víden, стр. 217. О суевѣрномъ обычаѣ Словаковъ и италіянцевъ взглянуть сквозь пальцы на

гостя входящаго въ избу, чтобъ уберечься отъ вредительности его глазъ.

65. *Der Aberglaube und die Volksgebräuche* in der mährischen Walachei, gesammelt und mitgetheilt von B. M. *Kulda.* Schriften der historisch-statistischen Section der k. k. mährisch-schesichen Gesellschaft des Ackerbaues, der Natur und Landeskunde. IX Bd. Brünn, 1856, стран. 67—132, in 8. Самая лучшая записка о суевѣріяхъ и обычаяхъ народа въ окрестностяхъ Рожнова. Главнымъ содержаніемъ послужили суевѣрія и связанные съ ними обычаи и сказки народныя; но говорится также объ обычаяхъ независимыхъ отъ суевѣрій. Записка раздѣлена на 5 отдѣловъ, и толкуетъ о предметахъ, поставленныхъ въ ея заглавіи: 1) по отношенію къ сверхъестественнымъ существамъ (ангеламъ, святымъ, бѣсамъ и пр.) 2); къ людямъ сверхъестественнаго могущества (чародѣямъ и пр.); 3) къ извѣстнымъ порамъ и днямъ церковнаго года; 4) къ скотоводству и хозяйству; 5) къ праздникамъ семейнымъ и общественнымъ. Драгоцѣнныя преимущества этого сочиненія, въ сравненіи съ большинствомъ другихъ изданій по тому же предмету,— полнота свѣдѣній, порядочность ихъ составленія, трезвость въ сужденіяхъ и отсутствіе губительной миѳологіоманіи и не состоятельной все обѣщающей теоризаціи. Чуждый языкъ здѣсь служитъ не въ ущербъ достоинствамъ сочиненія; ибо издатель приводитъ названія, формулы и также нѣкоторыя пѣсни въ подлинникѣ. Къ сожалѣнію на долю суевѣрій и обычаевъ въ другихъ странахъ чешко-славянскаго племени не досталось до сихъ поръ такой же прочной обработки.

66. *Ceska zaříkadla v nemocech.* Podava K. I. Erben. Casopis. Mus. 1860 I, стр. 50—58. Въ введеніи есть историческій пересмотръ существованія чародѣйныхъ средствъ противъ болѣзни въ Чехіи; говорится также о превращеніи языческихъ боговъ въ святыхъ; приводится 16 формулъ употребляемыхъ доселѣ при леченіи болѣзней. Нѣкоторыя подобныя формулы находятся также въ статьѣ:

67. *Pověry*, od Iosefa Vojaćka. Obrazy Života 1860, стр. 434—439; упоминается здѣсь также объ ордаліяхъ, но мало спеціально чешскаго.

Засимъ слѣдуютъ собраніе суевѣрій и суевѣрныхъ обычаевъ безъ связи и порядка.

68. *Bájeslovné zvyky, svátky a pověry Slováků.* Napsal Kaspar Fejerpataku. Kvety, 1839, стр. 85—87, 302.

69. *Bájeslovné zvyky a pověrné důminky Slováků.* Kvety 1840, стр. 292, 343, 351; 1841, стр. 52.

70. *Národni pověry a obyceje v Cechách* Kvety 1839; стр. 356—357; 1846. стр. 158, 186, 195, 216, 293—294.

Есть большое собраніе, раздѣленное по предметамъ въ 7 отдѣлахъ, гдѣ также перепечатаны «суевѣрія» изъ Kvetův:

71. *Pověry národni v Cechách*, sebral I. v. Houska. Casopis. M. 1853. III, 466—498; 1854, IV, 525—551; 1855, I, 45—56, II, 178—185; III, 327—332; 1856, III, 58—68. Издатель Профессоръ Гоушка при собираніи суевѣрій изъ устъ народа, пользовался помощью своихъ учениковъ и молодыхъ знакомыхъ; но не всѣ изъ его помощниковъ при этомъ дѣлѣ отличались требуемою добросовѣстностью, именно авторъ слѣдующихъ Zlomkův похваляется тѣмъ, что они обманывали Гоушку, изобрѣтая не существующія суевѣрія.

72. *Zlomky z ćeskè demonologie,* od Iosefa Svatka. Obrazy Zivota, 1861, стр. 310—316; 1862 стр. 5—7. Безъ личной повѣрки невозможно судить о достовѣрности этихъ привлекательно составленныхъ извѣстій о судичкахъ, водникахъ, дивыхъ женахъ и лѣсныхъ мужахъ; а повѣрка почти не возможна, потому что суевѣрія не приписываются ни какимъ особеннымъ мѣстностямъ.

73. *Bájeslovny kalendář slovansky,* cili pozüstatky pohansko-svátećních obradův slovanskych, od I. I. Hanuse; v Praze, 1860, стр. 264, in 12°. Цѣль этаго календаря «описать праздничную сторону старославянской жизни, но лишь на столько, на сколько бы языческіе обычаи могли явиться родственными по цѣлой Европѣ.» Такая цѣль совершенно отступаетъ отъ требованій этнографіи, и настоящее сочиненіе сдѣлалось чрезъ то смѣлымъ опытомъ, такъ сказать окосмополитизированія миѳологіи, о возможной или дѣйствительной успѣшности котораго было бы неумѣстно говорить здѣсь. Но и этнографъ найдетъ въ календарѣ многочисленныя, хотя краткія, извѣстія о суевѣрныхъ обычаяхъ, распредѣленныя и легко отыскиваемыя по порамъ и днямъ года.

Многочисленныхъ опытовъ и цѣлыхъ курсовъ миѳологіи чешской или славянской мы не приводимъ: славистамъ очень хорошо извѣстна ихъ неудача въ области миѳологіи и безполезность для этнографіи. Но нельзя, по крайней мѣрѣ мимоходомъ, не замѣтить мысли, высказанной г. Іосифомъ Иречкомъ (Studia v oboru mythologie ćeské. Casopis Mus. 1863 стр. 3—28, 141—166, 262—269; и потомъ въ разборѣ: «Очерка старославянскаго баснословія, Я. Ѳ. Головацкаго», Casopis 1864, стр, 218—221), которая черезъ чуръ противоположна направленію почти всѣхъ дотеперешнихъ писателей о славянской миѳологіи: эта основная мысль возстаетъ противъ произвольныхъ обобщеній, и запрещаетъ à priori приписывать какое-либо явленіе, найденное въ извѣстномъ вѣкѣ, всѣмъ порамъ и временамъ и распространять его отъ одного на всѣ славянскія племена, или предполагать его наконецъ у всѣхъ народовъ индо-европейскихъ. Извѣстный пражскій филологъ Гаттала отъ приложе-

нія этого принципа ожидаетъ твердаго успѣха и построенія самостоятельной системы славянской миѳологіи.

V. Народныя сказки.

Чешскія и словацкія сказки, собранныя Боженою Нѣмцовой (смотри подъ № 24), К. Я. Эрбеномъ (подъ № 10), Крольмусомъ (подъ № 46).

74. *Dlouhy, široky a byštrozraky.* Cesko-národní pohádka od K. I. Erbena. Въ альбомѣ Perly české vydánim Matice českè 1855, стр. 320=331. Издатель присоединилъ на стр. 331—339 первый въ своемъ родѣ и довольно удачный опытъ натуралистическаго толкованія аллегорическаго смысла этой сказки, сравниваемой имъ съ другими славянскими и германскими.

75. *Pohádky a povesti naroda Moravského.* Pořadatel Beneš Metod Kulda. V Brne, I svazek in 12°, 1854 стр. 766; II svazek in 8°, 1857. Ганушъ упрекаетъ это собраніе тѣмъ, будто бы въ немъ текстъ сказокъ былъ измѣненъ подъ вліяніемъ стремленія къ нравственности и правильности языка. См. его редакцію въ Kritische Blätter; Prag. 1858; II, 3, 19.

76. *Slovenské povesti,* vydávají August Skultety a Pavel Dobsinsky. V Rožnavé 1853, 3 Svazečky; 4 svazky v Bánské Bystrici a Pesti.

77. *Povesti slovenskje.* Vidal Janko Rimevski. V Levoći 1845.

78. *Báchorky a povesti* od Iakuba Maleho (подробныя свѣдѣнія въ Knihopisném Slovníku *Douchy*).

79. *Ceské národni a báchorky,* числомъ 11, въ пражскомъ журналѣ для молодежи Zlaté Klosy, red. Ö. V. Houška, 1355.

VI. Пѣсни, музыка и танцы.

80. *Pisne narodni v Cechach.* Sebral K. I. Erben, V Praze 1842. три тома; изданіе 1852—1856. Къ первому изданію прибавленъ четвертый томъ народныхъ мелодій, положенныхъ на музыку Мартиновскимъ. Новое расширенное изданіе этаго собранія:

81. *Prostonárodni ceské pisne a rikadla,* od K. I. Erbena. V Praze 1862—1864, in 8° стр. 553; s prilohou 800 nápévu. Въ введеніи опредѣляется различіе между пѣсней искуственною и народною и характеризуется послѣдняя. Чешскія пѣсни, которыхъ здѣсь самое полное собраніе, и простонародные обряды хорошо распредѣлены по вѣкамъ человѣка, годовымъ и другимъ торжественнымъ случаямъ, занятіямъ и событіямъ въ жизни. На ряду съ пѣснями приводятся соотвѣтственныя имъ по случаю и значенію стихи, и загадки, игры (послѣднія не такъ полно какъ въ № 48), чародѣйно-лѣкарскія формулы (28 числомъ); описываются коледы, игра въ короли очень пространно, обычаи при бракахъ и пр. Весьма богатый этнографическій матеріалъ отлично составленный.

82. *Národni pisné moravské.* Vydal František Susil, 2 vydain V Brně 1853—1860, in 8° стр. Равно полное и тщательное собраніе пѣсенъ, раздѣленныхъ на священныя, историческія, любовныя, свадебныя, семейныя, жатвенныя, солдатскія и обрядовыя. Описываются игры, нѣкоторые обряды и суевѣрные обычаи. Мелодіи напечатаны при текстѣ пѣсней.

83. *Pisné světské lidu slovenského v Uhrach,* vydal P. I. Safarík. Pest 1822—27. in 12° стр. XXX и 168.

84. *Národne zpévânky,* čili písně světskě Slovaku v Uhrách, Vydal Jan Kollár; Budín 1834—35; 2 svazky str. 454 a 566 in 8.

85. *O národnich písnich a pověstech plemen slovanskych* od Ludevíta Stúra. Spisů musejních číslo 46. V. Praze стр. 146, in 8°. Здѣсь изслѣдуются свойства, присущія пѣснями всѣхъ Славянъ всѣхъ временъ; объ играхъ и сказкахъ говорится кратко. Сочиненіе извѣстное каждому образованному Славянину.

86. *Ceske národní písně,* od Ios. Leop. Zvonare, Obrazy Ziovota 1859, стр. 397—310, 390—394. Изящная записка, въ которой съ музыкальной точки зрѣнія разсматривается характеръ чешскихъ пѣсенъ древнихъ (мужественныхъ, in moll, подъ вліяніемъ римскаго хорала) и новѣйшихъ (нѣжныхъ, веселыхъ in dur), въ послѣднихъ различаются три рода. Музыкальнымъ сочинителямъ даются указанія, что имъ надо соблюдать, чтобъ компонировать согласно народному духу.

87. *Néco o hudebnictví Slovanu.* Od K. Hofmana—Květu 1847, стр. 554—555, 559. О музыкальности Чеховъ и о причинахъ ея, которыя авторъ находитъ въ обязательныхъ музыкальныхъ занятіяхъ народныхъ учителей и въ общемъ употребленіи церковной музыки у католическихъ Чеховъ.

88. *Sedlsky otćenaś.* Zpominky z temné doby, od A. Waldau. Obrazy života 1861, стр. 330—332. Приводится простое стихотвореніе изъ семидесятыхъ лѣтъ прошедшаго вѣка, въ которомъ высказываются жалобы на злую судьбу чешскихъ крестьянъ.

89. *Boehmische Nationaltänze.* Culturstudie von Alfred Waldau. Prag, 1859, I стр. 86, 1860, II стр. 62 in 12°. Книжечка удовлетворяющая своему назначенію, хотя должна пополняться. Говоритъ о значеніи танцевъ вообще, о многочисленности ихъ у Чеховъ, ихъ употребленіи въ разныхъ случаяхъ, ихъ возниканіи и исчезаніи, характеризуетъ группы сродныхъ между собою танцевъ, описываетъ нѣкоторые подробно, различаетъ туземныя отъ внесенныхъ изъ-за границы, разсказываетъ о происхожденіи польки (изъ Тынца на Лабѣ 1835 г.), о распространеніи ея и нѣкоторыхъ другихъ танцевъ за границей: за тѣмъ исчисляются всѣ танцы, о которыхъ авторъ узналъ (1135 числомъ); описываются нѣкоторыя народныя торжества, при коихъ танцы необходимы, приводятся свѣ-

дѣнія о танцовальномъ цехѣ въ Прагѣ съ 1788 г. и т. п.

90. *Ceski národní tance* od Iana Nerudy, Obrazy života 1859, стр. 22—27, съ ксилографическою группою, представляющею нѣкоторые танцы. Послѣ книги Вальдау-Яроша здѣсь мало новаго; но приводятся тексты къ танцамъ, о которыхъ говорится.

Отъ редакціи. Въ дополненіе къ этому списку считаемъ нужнымъ указать на три большія сочиненія, изъ коихъ два еще печатались, когда г. Калоусекъ составилъ свой списокъ; — это: 1) *Pravěk země Ceské*. Složil Jan Erazim Wocel. W. Praze. 1866—68, 2 выпуска со множествомъ рисунковъ рѣзанныхъ на деревѣ. Сочиненіе это весьма важно для антропологіи, археологіи и исторической этнографіи; такое же значеніе имѣетъ сочиненіе: 2) *Západni Slovanè v pravěku*. Od Sembery Al. V. Ve Vidni 1868. О третьемъ сочиненіи авторъ зналъ, но не имѣлъ его подъ руками, ибо оно даже въ Прагѣ сдѣлалось библіографическою рѣдкостью. Это: *Zrcadlo Slovenska* od Venj. Prawoslawa Cerwenaka. Wpešti. 1844. Это весьма важное въ свое время, сочиненіе о Словакахъ потеряло нынѣ свою цѣну. Ему предпослано предисловіе (въ XIX стр.), написанное въ 1843 году Гурбаномъ. Сочиненіе (стр. 1—140) дѣлится на восемь главъ: обзоръ словацкихъ поселеній, краткая исторія ихъ земель; древняя религія Славянъ; Словаки при своихъ князьяхъ и подъ владычествомъ Мадьяръ. Большая часть сочиненія имѣетъ политическій характеръ, чѣмъ отличается и весьма замѣчательная брошюра Ходжи: «Der Slovak».

ЗАСѢДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

(12 октября 1868 года).

Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ Н. А. Попова, въ присутствіи 19 членовъ общества и многихъ стороннихъ посѣтителей.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ втораго засѣданія.

2. Предсѣдатель отдѣла сообщилъ нижеслѣдующее: «Между бумагами, которыя переданы бывшимъ распорядительнымъ комитетомъ по устройству этнографической выставки въ отдѣлѣ этнографіи, состоящій при Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, есть нѣсколько краткихъ описаній народнаго быта въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Всѣ они впрочемъ касаются инородцевъ, населяющихъ востокъ и юговостокъ нашего обширнаго отечества. Не составляя изъ себя ничего систематически цѣльнаго, эти описанія представляютъ иногда не лишенныя интереса замѣтки о мѣстныхъ условіяхъ и отличіяхъ народной жизни, которыя при большемъ накопленіи подобныхъ же извѣстій могутъ принести свою пользу. При постановкѣ *вопроса о географическомъ распространеніи* тѣхъ или другихъ народныхъ обычаевъ, такихъ или иныхъ одѣяній, той или другой постройки жилищъ и т. д. всѣ эти мелкія описанія, касающіяся какого либо клочка земли, всѣми забытаго захолустья, получаютъ несомнѣнную цѣну. А потому прочту здѣсь какъ матеріалъ два таковыхъ отрывка. Первый есть описаніе народныхъ одѣяній, носимыхъ Русскими и Мордвою, живущими въ окрестностяхъ, села Каменнаго Брода красно-слободскаго уѣзда Пензенской губерніи, составленное приходскимъ священникомъ Александромъ Примѣровымъ. Второй есть описаніе домашняго быта маріупольскихъ Грековъ, присланное отъ маріупольскаго городскаго головы Акима Анторинова». Опредѣлено: прочитанные предсѣдателемъ отрывки приложить къ протоколу засѣданія (см. ниже).

3. К. А. Поповъ прочелъ нѣсколькихъ главъ изъ своего обширнаго сочиненія: «Зыряне и Зырянскій край». Послѣ нѣсколькихъ замѣчаній со стороны предсѣдателя о прочитанныхъ главахъ, К. А. Поповъ изъявилъ согласіе внести нѣкоторыя поправки въ свое сочиненіе по сдѣланнымъ въ засѣданіи указаніямъ, Опредѣлено: имѣть въ виду сочиненія К. А. Попова для напечатанія его или въ «Трудахъ» или при «Протоколахъ» этнографическаго отдѣла.

4. Предсѣдатель прочелъ годичный отчетъ о дѣятельности отдѣла такого содержанія:

«Этнографическій Отдѣлъ возникъ изъ всей предшествовавшей дѣятельности нашего Общества, но свои особыя занятія открылъ лишь въ декабрѣ 1867 г. Дѣятельность его обращена была главнымъ образомъ на приведеніе въ извѣстность всего, что сдѣлано до сихъ поръ по русской и славянской этнографіи и на собираніе новыхъ этнографическихъ матеріаловъ. Въ трехъ засѣданіяхъ Отдѣла были прочитаны и разсмотрѣны слѣдующія статьи: 1) «Описаніе быта Болгаръ населяющихъ Македонію», составленное Сербскимъ и

Болгарскимъ археологомъ Стефаномъ Верковичемъ. Въ этомъ описаніи впервые сообщены были систематическія свѣдѣнія о македонскихъ Болгарахъ. 2) «Обзоръ этнографической литературы о Чехахъ и Словакахъ», составленный молодымъ чешскимъ писателемъ Іосифомъ Калоусекомъ. За отсутствіемъ въ русской литературѣ подробнаго указателя славянскихъ этнографическихъ сочиненій, обзоръ этотъ можетъ быть полезенъ для желающихъ ознакомиться съ Чехами и Словаками по ихъ собственнымъ сочиненіямъ. 3) «О появленіи ламаизма въ Забайкальѣ и о вліяніи его на бытовую жизнь Бурята кочевника», записка д. ч. Н. Г. Керцелли. 4) «Записка объ одеждахъ Каменнобродскихъ Русскихъ и Мордвиновъ Пензенской губерніи», составленная приходскимъ священникомъ Александромъ Примѣровымъ. 5) «Описаніе домашняго быта Маріупольскихъ Грековъ», присланное отъ мѣстнаго городскаго головы Акима Анторинова. 6) Записка объ этнотрафическихъ сочиненіяхъ московскаго митрополита Иннокентія.

Кромѣ того, Отдѣломъ были разсмотрѣны два большія сочиненія: 1) г. Плотникова—Описаніе быта Киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства, и 2) г. Клавдія Попова—Зыряне и Зырянскій край. Оба эти сочиненія, изъ коихъ послѣднее будетъ исправлено авторомъ по указаніямъ Этнографическаго Отдѣла, предположено напечатать въ видѣ особаго тома того періодическаго изданія, начало котораго недавно появилось въ свѣтъ. Я разумѣю «Труды Этнографическаго Отдѣла», первый томъ которыхъ вышелъ подъ названіемъ: «Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ». изданный почетнымъ членомъ нашего Общества В. А. Дашковымъ. Включеніе этого сборника въ первую книгу «Трудовъ Этнографическаго Отдѣла» основывалось на слѣдующей мысли: необходимо было предпослать изданіямъ Отдѣла, хотя общее и краткое, разъясненіе самыхъ главныхъ и существенныхъ вопросовъ по части Антропологіи и Этнографіи. Лекціи, прочитанныя предъ открытіемъ Этнографической выставки въ мартѣ и апрѣлѣ прошлаго года, отчасти удовлетворяли этой потребности; и вотъ почему въ только что названномъ Сборникѣ, составляющемъ первую книгу «Трудовъ Этнографическаго Отдѣла», напечатаны слѣдующія четырнадцать статей: 1) Вліяніе очертанія материковъ и свойствъ почвы на умственное развитіе человѣка, Я. И. Вейнберга; 2) Вліяніе климата на организмъ человѣка и на развитіе въ немъ болѣзней, П. И. Медвѣдева; 3) Вліяніе растительнаго міра на культуру человѣка, А. С. Петровскаго; 4) Значеніе краніологіи, А. П. Богданова; 5) Объ общихъ покровахъ тѣла человѣческаго, Н. Д. Никитина; 6) Этнографія и право, М. Н. Капустина; 7) Человѣкъ въ области права В. Н. Лешкова; 8) Этнографическіе вымыслы нашихъ предковъ, Ѳ. И. Буслаева; 9) Значеніе племеннаго характера въ народномъ хозяйствѣ, И. К. Бабста; 10) Объ историческомъ движеніи русскаго народонаселенія, С. М. Соловьева; 11) О велико-русскомъ племени, И. Д. Бѣляева; 12) Потемкинъ и заселеніе Новороссійскаго края, П. К. Щебальскаго; 13) Погребальные обряды Грековъ и Скиѳовъ Босѳора Киммерійскаго, К. К. Герца; 14) О законахъ музыкальной гармоніи и національныхъ музыкальныхъ инструментахъ, доставленныхъ на этнографическую выставку, А. С. Владимірскаго.

Наконецъ во всѣхъ трехъ своихъ засѣданіяхъ Отдѣлъ обсуждалъ вопросъ объ изданіи «Народнаго Этнографическаго Календаря». Подъ такимъ названіемъ Отдѣлъ разумѣетъ по возможности полный и систематическій календарь народныхъ повѣрій, обрядовъ и обычаевъ, соединенныхъ съ сельско-хозяйственными и промысловыми занятіями, какъ у русскихъ и другихъ Славянъ, такъ и у инородческихъ племенъ населяющихъ Россію. Программа этаго календаря въ ея существенныхъ чертахъ уже вырабатана Отдѣломъ; но очень можетъ быть, что, по связи народнаго быта съ прикладнымъ естествознаніемъ, эта программа будетъ въ послѣдствіи расширена. «Народный Этнографическій Календарь» изъ всѣхъ изданій нашего Отдѣла болѣе другихъ можетъ привлечь къ себѣ участіе прочихъ Отдѣловъ Общества и отмѣтить такимъ образомъ Труды Этнографическаго Отдѣла тѣмъ же общимъ направленіемъ, которое до сихъ поръ господствовало въ дѣятельности нашего Общества». Опредѣлено: внести сей отчетъ въ годичное засѣданіе Общества.

5. Предсѣдатель прочелъ дополненіе къ обзору этнографической литературы о Чехахъ и Словакахъ, представленному въ Отдѣлъ г. Калоусекомъ. Опредѣлено: приложить сіе дополненіе къ нынѣшнему протоколу.

6. Предсѣдатель предложилъ принять въ число членовъ Отдѣла: президента южно-славянской академіи наукъ и искуствъ Франьо Рачки; профессора Пражскаго университета Еразма Воцеля, профессора въ высшей реальней школѣ въ Прагѣ Іосифа Эрбена и каноника А. С. Петрушевича во Львовѣ. Опредѣлено: признать упомянутыя лица членами Отдѣла и довести о томъ до свѣдѣнія Совѣта Общества.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. ОДЕЖДА КАМЕННОБРОДСКИХЪ РУССКИХЪ И МОРДВИНОВЪ.

Мѣстность именуемая Каменнобродскимъ приходомъ принадлежитъ къ Покровской церкви села Каменнаго Брода, что въ Краснослободскомъ уѣздѣ Пензенской губерніи. Граница съ Лукояновскимъ уѣздомъ Нижегородской губерніи, лежитъ она отъ своего города въ 30 верстахъ на сѣверъ и состоитъ кромѣ села изъ семи деревень: Бутырки, Урейскій Выселокъ, Полочино, Большой Уркатъ, Каржиманы, Малый Уркатъ и Мельсаны. Въ самомъ селѣ и въ Бутыркахъ съ Урейскимъ выселкомъ живутъ исключительно русскіе крестьяне, а въ прочихъ деревняхъ всѣ вообще Мордва *мокшанскаго нарѣчія*. Но принадлежа къ одному приходу и слѣдовательно сообщаясь нерѣдко другъ съ другомъ, эти двуплеменные обыватели (не включая впрочемъ сюда мужчинъ) далеко не сходятся между собою въ употребленіи своихъ народныхъ одѣяній. А потому и настоящее описаніе оныхъ должно состоять изъ двухъ рубрикъ — изъ разбора одеждъ русскихъ и изъ разбора одеждъ мордовскихъ.

Начнемъ съ русскихъ одѣяній.

Русскія бабы и дѣвки, какъ и всѣ вообще деревенскія крестьянки, не взыскательны въ нарядахъ. Кромѣ цвѣтныхъ бумажныхъ платковъ на головѣ, кругло-широкихъ мѣдныхъ серегъ въ ушахъ и дутыхъ бусовъ или янтарей на шеѣ ничего почти съ базара у нихъ не увидишь. Домашнихъ простыхъ овецъ шкура и шерсть, пенька и лепъ — вотъ весь матеріалъ для зимняго и лѣтняго платьевъ. Зимою наряжается русскій женскій полъ въ шубу, а лѣтомъ въ зипунъ и сарафанъ съ рубахою. Шуба шьется обыкновенно изъ дубленныхъ домашнихъ овчинъ съ опушкою кругомъ безъ воротника и съ мелкими сборами на поясницѣ; а зипунъ кромѣ того отъ плечъ по шву и до самыхъ бросовъ на поясницѣ убирается двуцвѣтными изъ шерстянаго гаруса полосками, законченными и сверху и снизу кружками въ мѣдный пятакъ величины. Убранство же сарафана заключается въ слѣдующемъ: онъ обыкновенно держится на плечахъ, такъ называемыми, проймами, не закрывая грудей женщины или дѣвушки. Спереди пришивается на немъ въ двѣ продолины шерстяной зеленаго цвѣта гарусъ; между этими продолинами унизывается по мѣстамъ пространство оловянными съ верхнаго края до самаго подола пуговками; верхній край сарафана облагается кругомъ набивною парчею. Самый же сарафанъ весь состоитъ изъ синей простой крашенины, или и изъ краснаго кумача,—и только. Что касается до рубахи, какую носятъ русскія бабы и дѣвки,—то это ничто иное какъ бездонный изъ поскони мѣшокъ, къ коему по животъ пришиваются льняные или ситцевые рукава съ широкими на концахъ и ошейникѣ брыжами и съ прорѣхою противъ груди, застегиваемою подъ горломъ, такъ называемымъ, запонкомъ. Къ числу всегдашняго убора женщинъ относится еще стеганецъ. Это, проще называемый, волосникъ, выстегивается на холстѣ съ хлопьями толщиною почти въ ½ вершка. Онъ, изображая фигуру четвероугольника съ небольшимъ переваломъ ко лбу, прикрываетъ заплетенныя въ двѣ косы волосы женщины и прикрѣпляется къ головѣ повязкою либо ситцеваго, либо самотканнаго платка *). А объ обуви здѣсь, кажется, и говорить не стоитъ. Она очень незатѣйлива и даже, можно сказать, скаредна. Онучи въ простыхъ лаптяхъ, обернутыя черною суконкою и конопляными оборами,— вотъ и вся прикраса для ногъ женскихъ. Впрочемъ въ послѣднее время у нѣкоторыхъ молодыхъ бабъ и дѣвокъ стали появляться и, такъ называемыя, чахчуры, или иначе, коты; но эта обувь скорѣе можетъ служить безобразіемъ, чѣмъ нарядною прикрасою, потому что она, по формѣ своей, ничѣмъ не отличается отъ арестанскихъ калигъ, которыя надѣваются на шерстяные толстые съ навѣсомъ чулки и держатся на ступнѣ ременными завязками. Затѣмъ болѣе описаннаго здѣсь на русскихъ бабахъ и дѣвкахъ ничего видѣть нельзя. О мужскихъ русскихъ костюмахъ не упоминается потому, что они точь-въ-точь во всемъ сходны съ мордовскими, которые имѣютъ разбираться ниже сего.

Переходимъ къ одѣяніямъ мордовскимъ.

Разборъ верхняго платья, которое носитъ Мордва зимою, не подлежитъ различію между мужескимъ поломъ и женскимъ. Дубленые полушубки—недлинные, сшитые, назади со сборками, а напереди офигурованные чернымъ гарусомъ и синими нитками съ сурковою опушкою въ полахъ и на ожерельѣ, также изъ чернаго самодѣльнаго сукна чепаны съ плисовою об-

*) Описанный волосникъ русскимъ дѣвкамъ не приличествуетъ. Онѣ прикрываютъ волосы, заплетенные въ одну косу, убранную разноцвѣтными лентами и вынущенную на спину, однимъ ситцевымъ лишь платкомъ, котораго два конца сложенные ровно перевиваются на затылкѣ.

ложкою вокругъ шеи—суть самые лучшіе наряды для того и другаго пола. Та же форма, но только безъ сборокъ и убранствъ съ продольною, перехваченною въ поясницѣ, спинкою на сермяжномъ полушубкѣ соблюдается Мордвою и въ обыкновенное время. Впрочемъ у мужчинъ сверхъ полушубка съ чепаномъ есть еще штаны, употребляемые для теплоты въ запускъ за онучи, и, такъ называемый, шушпунъ *). Сшитый на подобіе короткаго чепана изъ толстаго полотна, онъ служитъ при лѣсной или домашней работѣ мордвина защитою шубы и зипуна. Но лѣтомъ это преимущество мужчинъ всегда переходитъ на женскій полъ. Мужчины въ лѣтнее время, кромѣ красной ситцевой, или бѣлой самотканной рубахи съ пестрымъ ожерельемъ, съ прорѣхою къ лѣвому плечу и съ красными на плечахъ, подолѣ и рукавахъ каймами никакого особеннаго платья въ нарядъ не употребляютъ. Напротивъ женскій полъ сверхъ рубахи имѣетъ еще и шушпунъ изъ льнянаго полотна, обшитый въ подолѣ и рукавахъ сплошными рядами красной бумаги, разноцвѣтныхъ шелковыхъ лентъ и мишурнаго позумента. Сего еще мало; кромѣ шушпуновъ въ каждомъ возрастѣ и состояніи женскаго пола употребляются и другіе многознаменательные наряды. Подробность таковыхъ нарядовъ скорѣе можно видѣть на молодой бабѣ и на взрослой дѣвкѣ, которыя преимущественно предъ прочими возрастами соблюдаютъ всѣ возможные уборы въ своемъ костюмѣ. Итакъ вотъ нарядъ Мордовки 1) *Платка*, или иначе сорока, — высокая двухугольная кичка на головѣ изъ бѣлаго полотна съ широкою лопастью на затылкѣ. Она убирается разными матеріалами въ слѣдующемъ порядкѣ: спереди вышивается разноцвѣтными шерстяными узорами и мишурными въ блесткахъ нитками (у иныхъ шерстяные здѣсь узоры замѣняются часто широкимъ серебряннымъ гасомъ съ тремя, на самой вершинѣ подъ пуговками бантиками), а въ томъ мѣстѣ, которое прикрываетъ нѣсколько лобъ, унизывается часто въ видѣ жемчуга прошивками, смѣшанными съ разными фигурками, и испещряется шелковыми съ узкимъ гасомъ лентами и селезневыми изъ хвоста въ рядъ косичками. Задняя же сторона, ея имѣющая въ верху лоскутъ ситца, облагается по бокамъ краснымъ кумачемъ, который, образуя въ срединѣ ничѣмъ неубранный параллелограмъ, офигуровывается мишурными нитками съ шерстью, а отъ круговъ, усыпанныхъ и бѣлыми раковинами **), и разноцвѣтными мелкими пронизками, и мѣдными пуговицами,—отъ этихъ, повторяемъ, круговъ, которые—надъ затылкомъ, до самой оконечности лопасти, простирающейся на 6 вершковъ въ длину, межъ длинныхъ надъ ушами, изъ раковинъ, и мелкихъ пронизокъ съ теньками кистей, убирается въ сплошныхъ рядахъ разноцвѣтнымъ стеклярусомъ, пересѣченнымъ въ четырехъ мѣстахъ мѣдными цѣпочками *). 2) *Пилькъ*—это оловянныя или мѣдныя серги въ ушахъ съ продолговатыми стеклярусными въ завитой проволокѣ привѣсками и съ гусиными, растертыми въ мукѣ съ окраскою, пушками. 3) *Сёкыня*; это кисти при ушахъ, унизанныя сверху въ два ряда межъ сгрупированныхъ мишурныхъ нитокъ бѣлыми раковинами, а къ низу 10 нитокъ разноцвѣтнымъ въ теньках **) стеклярусомъ, пересѣченнымъ въ двухъ мѣстахъ мѣдными цѣпочками. Онѣ прикрѣпляются къ убранному пронизками вѣнку, который надѣвается на лобъ такъ, что обхватываетъ уши и опутываетъ затылокъ. 4) *Паанаръ*, или иначе тонкая, бѣлая рубаха. Узкая длинная съ прорѣхою противъ груди безъ обшивки на шеѣ, по краямъ окаймленная шитьемъ, и вышитая на рукавахъ и плечахъ шерстяными разноцвѣтными узорами, а отъ сихъ чрезъ лопатки по спинѣ и на каждомъ швѣ до самой широкой каймы подола—синею шерстію, она покрываетъ все голое тѣло Мордовки ***). 5) *Кирмижъ-карчиня*,—мѣдный перевитый проволоками, весь въ пуговицахъ съ висячими крупными пронизками и на мѣдныхъ цѣпочкахъ съ теньками,—имѣетъ форму кругообразную съ длинною въ срединѣ иглою; онъ служитъ посредствомъ иглы застежкою рубашечной на грудѣ прорѣхи. 6) *Каркъ*,—по-русски поясъ; вытесменный дощечками изъ простой разноцвѣтной шерсти въ $1/4$ вершка ширины съ унизанными изъ стекляруса на концахъ кистями, онъ, перевиваясь въ два пріема подъ животомъ и держа при бедрахъ шерстяныя кисти, къ низу раздвоенныя и унизанныя сперва кольцами и бляхами, потомъ въ два ряда раковинами, а затѣмъ мелкими разноцвѣтными пронизками въ ниткахъ, прижимаетъ къ тѣлу, собранную спереди сумою, а сзади морщинами, длинную рубаху Мордовки. 7) *Стамедна*,—это красный шалоневый кушакъ; онъ, ложась на животѣ, прикрываетъ нѣсколько выпущенную изъ-подъ пояса суму рубахи: а также придерживаетъ, привѣшенныя къ бедрамъ за поясъ шерстяныя съ помяну-

*) Шушпунъ есть исключительная принадлежность Мордвы. Русскіе ни въ какомъ полѣ и возрастѣ его никогда не употребляютъ.

**) Раковина иначе называется жуковкою.

*) Кичка или сорока есть исключительно принадлежность бабъ; а къ дѣвичьему наряду она не подходитъ. Вмѣсто кички дѣвка въ числѣ прочихъ нарядовъ надѣваетъ на голову съ выпускомъ на спину заплетенной косы, унизанной широкими мѣдными бляхами, такъ называемую по-мордовски, *пархця руця*. Она похожа на старинный солдатскій киверъ безъ крышки, которая замѣняется впрочемъ шелковымъ краснымъ платкомъ, перевѣшаннымъ изнутри черезъ край къ затылку. Убранство ея состоитъ кругомъ изъ разноцвѣтныхъ лентъ, позумента, мишурныхъ нитокъ, мелкихъ пронизокъ, селезневыхъ изъ хвоста косичекъ какъ и на женской кичкѣ.

**) Тенькою называется битая въ листокъ на подобіе мелкой монеты мѣдь.

***) Мордовки носятъ рубаху безъ сарафана, который сроденъ одному женскому полу русскихъ крестьянъ.

тымъ уборомъ, длинныя кисти и, такъ называемыя *мáзы руця* (хорошія полотенца), разстянутыя большою массою вокругъ пояса. 8) *Кáштазынь - цúвксъ*, иначе, наплечникъ, сплетенный дугообразно нитками въ разноцвѣтныхъ мелкихъ пронизкахъ, съ длиннымъ переваломъ на спину, унизаннымъ межъ сгруппированныхъ мишурныхъ нитокъ, въ нѣсколько продольныхъ рядовъ, пересѣченныхъ по мѣстамъ мѣдными бляхами въ проволокахъ,—бѣлыми крупными раковинами съ висячими въ концѣ мелкими пронизками, онъ возлагается на плеча, и разстилаясь по груди всей и спинѣ, служитъ круговымъ украшеніемъ для Мордовки. 9) *Ярмакынь пúлькстъ*—это двѣ длинноватыя изъ сшивнаго холста съ дугообразными концами лопасти, унизанныя съ боковъ нѣсколько рядами разноцвѣтныхъ мелкихъ пронизокъ, а въ срединѣ мельчайшимъ серебрянымъ битьемъ, и обложенныя въ нижнихъ концахъ мѣдными пуговками, держащими по три крупныхъ пронизки съ перевитыми наглухо — поперегъ проволоками и съ разными на мѣдныхъ цѣпочкахъ привѣсками, онѣ надѣваются на шею посредствомъ пришивнаго къ верхнимъ концамъ ремня и служатъ украшающимъ покрываломъ грудей Мордовки. Впрочемъ часть этого наряда въ большинствѣ лицъ, какъ излишняя, уже исчезаетъ. 10) *Оцюкрёстъ вéдьме*, или по просту: большой гайтанъ, унизанный весь одинаково-узорчато на сшивномъ въ полтора вершка ширины холстѣ разноцвѣтными меленькими пронизками и, соединяясь посредствомъ нѣсколькихъ пронизочныхъ нитокъ съ двумя въ низу концами, увѣшанный на цѣпочкахъ теньками, старинными копѣйками, крестиками, сросшимися орѣхами медвѣжьими когтями, человѣчьими въ пучкахъ волосами, разными позвонками и всякой всячиной,—онъ, подобно хомуту, надѣвается на шею и носится на поверхности всѣхъ означенныхъ нарядовъ. 11) Наконецъ *сéрге*,—это ничто иное какъ вытканный изъ разноцвѣтныхъ шерстей полосатый кушакъ; имъ обвертываются при крестообразной перевивкѣ ременныхъ оборъ, сверхъ онучъ ноги, обутыя въ прямые съ маленькою головкою лапти.

Обыкновенное же платье лѣтнее женскаго пола состоитъ изъ той же формы и изъ того же покроя, какъ и нарядное только съ тѣмъ различіемъ, что тутъ нѣтъ ни особыхъ уборовъ на кичкѣ, нѣтъ ни длинныхъ кистей при ушахъ, нѣтъ ни разнообразныхъ навѣсовъ на шеѣ, нѣтъ ничего что относится къ нарядному убранству тѣла Мордовки. Въ обыкновенное время Мордовки ходятъ просто въ замазанныхъ рубищахъ съ навѣсомъ на груди какихъ-нибудь незатѣйливыхъ въ кирпичѣ пронизочныхъ нитокъ и тесекъ. Въ дополненіе нельзя пройдти здѣсь молчаніемъ и того, что женскій полъ Мокшанъ никогда не оставляетъ носить, какъ въ нарядномъ, такъ и въ ежедневномъ платьѣ, изъ посконнаго полотна, *пóнсытъ* или по нашему, порты съ двумя по обоимъ бокамъ, завязками.

Вотъ и все, что пришлось сказать о костюмахъ Каменно-Бродскаго прихода.

II. ДОМАШНІЙ БЫТЪ МАРІУПОЛЬСКИХЪ ГРЕКОВЪ.

Греки, живущіе въ Маріупольскомъ округѣ, переселились изъ Крыма. Они занимаютъ всю мѣстность Екатеринославской губерніи между рѣками *съ востока* Кальміусомъ, *съ сѣвера* Береснѣговатою, Осиковою и Волчею, *съ запада* Ялами, Кобыльною и Каратышемъ, *съ юга* берегомъ Азовскаго моря, и живутъ на землѣ дарованной по привилегіи императрицею Екатериною II отъ 21 мая 1779 года, всего по конфирмованному плану 1.237.475 десятинъ. Дома Маріупольскихъ Грековъ построены частію изъ сырцоваго кирпича, а частію изъ дикаго камня на каменныхъ фундаментахъ, покрыты соломою, камышемъ и черепицею, длиною отъ 4 до 6 саженей, шириною въ 3 сажени; у нѣкоторыхъ есть крылечки деревянныя, поддерживаемыя четырьмя столбами въ родѣ колонъ съ дверцами половинчатыми. Входъ во внутренность дома: двери одинокія на желѣзныхъ крючьяхъ и петляхъ съ приборами и желѣзною задвижкою; сѣни просторныя. Въ нихъ устроены изъ камня кабицы или очаги съ топкою въ печь (устья) закрытые заслонкою; на кабицѣ или таганахъ приготовляется пища въ чугунныхъ котлахъ для семейства: *въ скоромные дни* ежедневно супъ съ бараниною, каша пшенная, которую ѣдятъ съ арьяномъ (кислое молоко). Супъ ѣдятъ съ пшеничнымъ хлѣбомъ, печенымъ не на дрожжахъ, а прѣснымъ, тѣсто приготовляется утромъ на теплой водѣ; въ тѣсто кладутъ довольно соли, отчего хлѣбъ имѣетъ соленый и пріятный вкусъ. Часто пекутъ калачи на бараньемъ салѣ и сухарики для гостей. Въ праздничные дни и въ особенности на заговѣнье и на крестинахъ приготовляются изъ пшеничнаго тѣста съ мелко рубленною бараниною ушки (въ родѣ малороссійскихъ вареничковъ): ѣдятъ съ кислымъ молокомъ и пережареннымъ на бараньемъ салѣ лукомъ. *Хаурма* приготовляется изъ мелко рубленой баранины, обжаривается въ особомъ большомъ чугуномъ котлѣ, ее приготовляютъ осенью въ прокъ на зиму и лѣто, наливаютъ ея бараньимъ саломъ, крѣпко посоленнымъ въ бараньи требухи (т. е. внутренность). *Хахачь* приготовляется изъ соленой и вяленой на солнцѣ баранины. *Колбаса* изъ бараньяго мяса порядочно посоленаго, тоже вяленная на открытомъ воздухѣ, которая вѣшается подъ крышею домовъ: кушанья эти потребляются при закускѣ. *Солонина* приготовляется на зиму изъ

баранины и говядины въ особыхъ большихъ кадкахъ, съ употребленіемъ гнета. Солонину варятъ въ супѣ изъ пшена приправляя лукомъ. *Молочная пища* приготовляется въ особомъ широкомъ лопачѣ—*каймакъ*. По снятіи каймака дѣлаютъ *арьянъ* въ прокъ, хранятъ въ большихъ кадкахъ, который употребляютъ въ пищу во время полевыхъ работъ, разводя его водою. *Сыръ греческій* тоже приготовляется въ прокъ соленый, посредствомъ гляганки, доставаемой весною изъ молодыхъ барашекъ. *Въ постные дни* варятъ въ котлѣ лапшу, въ которую кладутъ для вкуса не много бекмеза, вареннаго изъ фруктовъ, и экши, густой сиропъ изъ кислыхъ яблокъ. Рыбу приготовляютъ на водѣ и жарятъ, также солятъ въ большихъ кадкахъ и вялятъ; гнетую употребляютъ въ лѣтнее время на полевыхъ работахъ. *Соленья* для зимы: струковатый перецъ, огурцы, арбузы и дыни, также приготовляютъ на зиму фасоль, горохъ и чечевицу и тыквы, изъ арбузовъ приготовляютъ вкусный и сладкій бекмезъ, приготовляютъ изъ тыквы варенье на меду.

На стѣнкахъ очага выведена изъ камня выше крыши широкая неуклюжая труба. *Въ сѣнцахъ устроены* кладовая для храненія домашней посуды и припасовъ, ходъ на чердакъ, гдѣ хранятся разное имущество, садовые и огородные овощи.

Горница есть не что иное, какъ большая комната о трехъ окнахъ, въ двухъ изъ нихъ устроены желѣзныя рѣшетки; печь безъ сводовъ, круглая съ тремя уступами, придѣлана къ сѣнничной стѣнѣ, откуда производится топка; полъ земляной мазаной, потолокъ досчатый не крашенный, на сволокахъ котораго и по стѣнамъ вокругъ горницы развѣшаны для украшенія ручники или полотенцы въ свернутомъ видѣ, вышитые шелкомъ и бумагою разными фигурами и пріятными рисунками. Съ двухъ сторонъ подъ потолкомъ *костеломъ* устроены съ рѣзными наличниками деревянныя полки, на коихъ размѣщены мѣдныя вылуженныя чашки и глиняныя миски; къ надворной стѣнѣ подъ полкою прибито зеркало, а на досчатыхъ подпоркахъ, поддерживающихъ полки, повѣшено бѣлье, вышитыя полотенца. Въ углу возлѣ дверей устроенъ съ глухими дверцами о трехъ полкахъ шкафъ, для храненія столовой посуды; возлѣ него въ стѣнкѣ устроенъ въ нишѣ тоже небольшой шкафъ съ дверцами для храненія хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ. Въ переднемъ углу устроенъ кіотъ деревянный, въ которомъ размѣщены св. иконы, передъ ними виситъ простая лампадка. Надо замѣтить при этомъ, что здѣсь описанная постройка домовъ твердо сохраняется во всѣхъ 24 селеніяхъ. Встрѣчающіяся иногда измѣненія очень незначительны.

Къ числу домашней и столовой посуды принадлежатъ:

Тазъ красной мѣди большой въ діаметрѣ $1^1/_2$ аршина для мытья бѣлья. *Сковорода*, большая, красной мѣди, вылуженная для печенія пироговъ. *Ведра* красной мѣди, вылуженныя къ верху съ узкой шейкою и внизу широкіе съ ручкою, которыми женщины носятъ на головѣ изъ колодцевъ воду. *Сковорода* красной мѣди, съ обѣихъ сторонъ вылуженная съ ручкою для приготовленія яишни, печенія пирожковъ и разогрѣванія хаурмы. *Чашка*, большая круглая деревянная для приготовленія хлѣбовъ. *Столъ* большой круглый низенькій, на которомъ раскатывается тѣсто для пироговъ, калачей, булокъ и слоеныхъ пирожковъ: онъ же употребляется для обѣда и ужина всего семейства на устроенномъ широкомъ полу (въ родѣ наръ). *Котелъ* красной мѣди съ дужкой, вылуженный съ обѣихъ сторонъ для приготовленія шорбы и кутьи, употребляемыхъ на похоронахъ при поминовеніи покойниковъ. Подсвѣчникъ желѣзный высокій о двухъ свѣтахъ на желѣзномъ тазикѣ для предохраненія отъ огня. *Супникъ* красной мѣди, вылуженный съ обѣихъ сторонъ. *Чашка* красной мѣди вылуженная съ обѣихъ сторонъ, въ которой подаются на столъ приготовленныя ушки съ бараниною и арьяномъ. *Ложки* употребляются обыкновенныя деревянныя. *Солонка* красной мѣди вылуженная съ обѣихъ сторонъ четырехъ-угольная. *Ножъ* въ деревянныхъ ножнахъ небольшой, находящійся у каждаго изъ мущинъ при поясѣ; кромѣ того употребляется обыкновенный ножъ кухонный. *Чашка* маленькая съ носкомъ красной мѣди, вылуженная съ обѣихъ сторонъ, употребляется для питья. *Рукомойникъ* съ носкомъ красной мѣди, вылуженный съ обѣихъ сторонъ. *Кувшинъ* красной мѣди, вылуженный съ обѣихъ сторонъ. *Фляжка* глиняная формой бутылки съ узкимъ горлышкомъ для водки. *Чайникъ* красной мѣди, вылуженный съ дужкою и крышкою для приготовленія напитка,—тримонъ (напитокъ этотъ приготовляется изъ крымскаго вина съ примѣсью въ него краснаго перцу и меду, употребляется отъ простуды), а также для варенія водки съ медомъ и фруктами и пряными кореньями въ родѣ пуншу для особеннаго угощенія,—во время свадебъ и крестинъ подаютъ его въ чашкахъ вмѣсто чаю. *Чарка* большая съ ручкою турецкаго серебра, которою угощаютъ во время свадебъ новобрачныхъ по приводѣ ихъ изъ церкви, а потомъ по окончаніи брачнаго стола подчуютъ всѣхъ гостей, подарившихъ молодыхъ супругу чѣмъ-либо на хозяйственное обзаведеніе въ новой ихъ жизни. *Чарка* обыкновенная водочная изъ турецкаго серебра. *Чашка* маленькая изъ турецкаго серебра, изъ коей пьютъ Греки шарапъ (крымское вино). *Топоръ* съ деревянною ручкою въ родѣ кирки съ обѣихъ сторонъ съ острымъ лезвіемъ. *Пила* съ деревянною ручкою, длиною въ $^1/_2$ аршина, шириною въ $1^1/_2$ вершка. *Чётъ* въ родѣ молотка, одна сторона съ острымъ широкимъ лезвіемъ, набитъ на деревянной ручкѣ для оструги-

ванія осей. *Буравъ* въ верху четырехъ-гранный съ деревянною ручкою особеннаго крымскаго устройства, укрѣпленный маленькими деревянными клинками.

Изъ музыкальныхъ инструментовъ употребляются: *барабанъ* большой, сдѣланный изъ деревянной обычайни и выкрашенный, вышиною въ $1\frac{1}{2}$ аршина, въ діаметрѣ 1 арш., обтянутый съ обѣихъ сторонъ телячьею кожею, съ двумя обручами переплетенными ременными шнурками. При игрѣ употребляются двѣ палочки: одною бьютъ въ барабанъ съ верху, а другою съ низу, отчего производится громкій, дикій и страшный гулъ. *Зурна* или дудка, въ родѣ маленькаго кларнета, изъ орѣховаго дерева, издающая пискливый и дикій звукъ. *Тулупъ-зурна*, въ родѣ русской волынки, сдѣланная изъ козлиной кожи съ тремя дудками, одна изъ нихъ для надуванія инструмента, другая въ родѣ баса, а третья съ ладами для игры, которая издаетъ дикіе нестройные звуки. *Бубенъ*, обтянутый кожею съ игральными побрякушками и колокольчиками, употребляемый при игрѣ на скрипкѣ. *Балалайка* турецкая съ длинною ручкою о семи металлическихъ струнахъ. *Скрипка* небольшая обыкновенная. При исполненіи этимъ дикимъ оркестромъ на свадьбахъ веселыхъ піесъ Греки, мущины и женщины, ловко выплясываютъ свой національный танецъ.

Мебель, которая встрѣчается въ домахъ Грековъ, составляютъ: широкая деревянная *софа* во всю длину комнаты, отъ печи, покрытая полстями; при стѣнахъ положены длинныя подушки, набитыя шерстью и покрытыя шерстяною матеріею собственнаго издѣлія;— на софѣ этой все семейство спитъ на особыхъ тюфякахъ, шерстью набитыхъ, и укрывается одѣялами, настеганными на шерсти, на этой же софѣ или нарахъ обѣдаетъ и ужинаетъ все семейство. Вокругъ комнаты до широкой софы устроены *лавки* въ родѣ дивановъ, на которыхъ размѣщены длинныя узенькія подушки набитыя шерстью. *Складной столъ* круглый ставится въ переднемъ углѣ; во время посѣщенія священника съ крестомъ на праздникахъ, на столѣ этомъ складывается всякій разъ особенное жестяное блюдо и покрывается скатертію и, когда минетъ надобность, выносится въ кладовую для храненія.

Къ игрушкамъ и дѣтскимъ вещамъ можно отнести слѣдующіе предметы: на люлькахъ, устроенныхъ особеннымъ образомъ, вѣшаются разныя погремушки и кольца изъ слоновой кости для забавы ребенка, который, ручками хватая игрушки, нечувствительно уснетъ, пока мать управится съ домашнимъ дѣломъ. Дѣти отъ одного года до трехъ лѣтъ носятъ: мальчики на головѣ круглую вязаную тибитейку, на азіатскій манеръ сдѣланную съ кисточками, сверхъ рубашечки кафтанчикъ аладжевой и красные сафьянные сапожки. Дѣвочки покрываются маленькими бумажными платочками, ходятъ въ кафтанчикахъ стеганныхъ, съ фартучкомъ, въ башмакахъ и шерстяныхъ чулкахъ.

Къ земледѣльческимъ и промысловымъ орудіямъ относятся: *плугъ* съ желѣзнымъ лемышемъ, устроенный для оранья земли въ четыре пары воловъ. *Борона* съ желѣзными зубьями употребляется для рыхленія земли парою воловъ. *Арба* воловья длинная на большихъ козлахъ собственнаго издѣлія, весьма помѣстительная, но неуклюжая, употребляется для возки волами всѣхъ домашнихъ и степныхъ произведеній;— эта же повозка простая, запрягаемая въ дышло парою лошадей, употребляется для ѣзды въ сосѣднія мѣста и на ярмарки, для разныхъ промысловъ и закупки нужныхъ припасовъ, а также въ Крымъ за виноградным виномъ и фруктами.

Снаряды для вѣса, мѣры и счета употребляются: *кантарь* турецкій желѣзный, вѣсящій въ одинъ разъ до 10 пудовъ, его прикрѣпляютъ на двухъ невысокихъ столбахъ, а часто два человѣка кладутъ на плечи шесты и тогда производятъ вѣшаніе продуктовъ. *Мѣры:* ведра, кварты, обыкновенныя 8 мѣръ составляютъ четверть 10-ти пудоваго вѣса хлѣба. *Счетъ* производится на языкѣ греческомъ и турецкомъ, а разговоръ производится въ иныхъ селеніяхъ по гречески, а иныхъ по турецки. Обычаи же начали измѣняться по причинѣ образованія юношества.

Что касается домашнихъ и общественныхъ обрядовъ, то о нихъ можно замѣтить слѣдующее, и прежде всего о свадьбахъ. Послѣ обыкновенныхъ приготовленій съ обѣихъ сторонъ жениха и невѣсты, отправляются всѣ участвующіе на свадьбѣ гости въ церковь; молодую женихъ выноситъ на рукахъ изъ дому и сажаетъ ее на приготовленную арбу, запряженную волами, покрывая ее особымъ покрываломъ, и въ такомъ видѣ весь поѣздъ отправляется въ церковь, въ сопровожденіи молодыхъ людей верхами съ музыкою и пѣснями, при этомъ одинъ изъ нихъ идетъ впереди съ обнаженною саблею. По окончаніи обряда вѣнчанія такимъ же порядкомъ вся церемонія возвращается въ домъ и по приходѣ въ комнату молодыхъ, кумъ и кума державшіе вѣнцы подносятъ новобрачнымъ по чаркѣ водки; затѣмъ начинаются поздравленія и открываются танцы, и поютъ пѣсни до брачнаго стола продолжающагося до свѣта.

Панагири выполняются въ храмовые праздники: изъ ближайшихъ селеній съѣзжаются много обоего пола Грековъ, вмѣстѣ съ прихожанами отправляются въ церковь и послѣ божественной литургіи на избранномъ заранѣе мѣстѣ все общество располагается обѣдать приготовленною изъ баранины и говядины кашею, при этомъ пьютъ водку и бузу, напитокъ въ родѣ браги; послѣ обѣда начинается борьба молодыхъ людей и кто останется побѣдителемъ, тотъ по-

лучаетъ въ награду воловью голову и нѣсколько рублей денегъ, потомъ разъѣзжаются и расходятся по домамъ.

Обрядъ крещенія таковъ: обыкновенно послѣ родовъ на третій день, женщины почти со всего селенія приносятъ въ домъ родильницы самое лучшее кушанье, потомъ собираются туда же послѣ окрещенія младенца и мущины, пьютъ, ѣдятъ и веселятся цѣлый день и къ полночи расходятся по домамъ.

Греки судоходствомъ не занимаются, нѣкоторые изъ маріупольскихъ Грековъ имѣютъ небольшія каботажныя лодки, а также имѣютъ лодки и баркасы на рыболовныхъ заводахъ, но суда эти обыкновенныя русской постройки.

III. ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ОБЗОРУ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ЧЕХАХЪ И СЛОВАКАХЪ.

Въ дополненіе къ статьѣ г. Калоусека считаемъ нужнымъ привести здѣсь еще нѣсколько сочиненій и статей, касающихся преимущественно народныхъ одѣяній у Чеховъ у Словаковъ.

Одѣяніе бретиславскихъ Словаковъ въ Моравіи описалъ профессоръ вѣнскаго университета А. В. Шемберa въ статьѣ: *O Slovanech v Dolnich Rakousich*, Časopis Českého Muzeuma за 1845 годъ, стр. 163 и слѣд. Одѣяніе моравскихъ Хорватовъ въ Фрелиховѣ, Новомъ Преровѣ и Добромъ Полѣ описаны имъ же въ статьѣ: *Chorvátské osady na Morave*, въ Týdeniku Brněském за 1848 годъ, стр. 2 и слѣд. Одѣянія рожновскихъ Валаховъ описалъ Бенешъ М. Кульда въ статьѣ: *Národní obyčeje moravských Valachů*, въ Světozoru на 1859 годъ (въ Вѣнѣ), стр. 10 и слѣд. Одѣяніе лукновскихъ Валаховъ описаны Фр. Брзобогатымъ въ статьѣ: *Valaši a ich průmysl.* въ Květech за 1866 годъ, стр. 271. Вообще же одежды одежды Словаковъ, Ганаковъ и Гораковъ пересчитаны «Knize pro Každeho Moravana» Вик. Брандля (въ Брюннѣ, 1863); стр. 53—58.

Изъ нѣмецкихъ сочиненій, въ которыхъ встрѣчается описаніе народныхъ одѣяній, употребляемыхъ въ Моравіи, кромѣ извѣстной книги Коржистки, стоитъ упомянуть слѣдующія: Hanke von Hankenstein, *Bibliotek der maehrischen Staatskunde* (Wien, 1786), s. 2 — 10; Gregor Wolny, *Die Markgrafschaft Maehren* (Brünn 1835—41), именно ганацкія и валашскія одѣянія въ Преровскомъ краѣ (стр. 53 — 55), словацкія въ Бреславлѣ и хорватскія въ Дрногольцѣ (Новомъ Преровѣ и около), въ Брненскомъ краѣ (стр. 44 — 46), горацкія въ Зноимскомъ краѣ (стр. 34) и словацкія въ Градиштскомъ краѣ (стр 35).

О чешскихъ одеждахъ въ средніе вѣка писалъ Янъ Ер. Воцель въ Casopise Muzeuma за 1844 годъ, стр. 261. О чешскомъ одѣяніи XIVI столѣтія писалъ Іос. Иречекъ въ томъ же Casopise за 1864 годъ, стр. 17. Одѣянія въ окрестностяхъ Высокаго Мыта описаны А. В. Шемберою въ его сочиненіи: *Vysoké Myto* (въ Оломуцѣ, 1845), стр. 13 и слѣд.

Изображеніе чешскихъ и моравскихъ народныхъ одѣяній можно имѣть: 1) въ собраніи гравюръ весьма извѣстнаго чешскаго гравера В. Коллара въ Прагѣ, у котораго есть нѣсколько рисунковъ чешскихъ одеждъ XVII столѣтія; 2) въ вышеупомянутой книгѣ Ганке фонъ-Ганкенштейна есть шесть изображеній моравскихъ одеждъ: ганацкая дѣвушка, Ганачка на рынкѣ, молодой Ганакъ, Ганакъ въ тулупѣ, Словакъ изъ Угорскаго Градиштя и Залѣшакъ (Валахъ) изъ Венетина. 3) Когда императоръ Фердинандъ I, или V, какъ чешскій король, ѣхалъ въ 1836 г. въ Прагу для коронованія, моравскіе чины устроили для него въ Брнѣ народное празднество, къ которому приглашены были обыватели цѣлой земли въ парадныхъ ихъ одѣяніяхъ, преимущественно пары обрученныхъ жениховъ и невѣстъ или молодыхъ супруговъ. Тѣ же чины заказали потомъ рисунки 30 паръ, участвовавшихъ въ празднествѣ; рисунки эти были литографированы и раздаваемы на память, а въ продажу поступили въ весьма ограниченномъ числѣ: 22 рисунка изображали жителей славянскаго происхожденія, 8—жителей нѣмецкихъ округовъ; рисовалъ и гравировалъ I. Горнъ. Изъ Славянъ въ это собраніе попали слѣдующіе: Гораки изъ Лишны, близъ Брна, изъ Трнавки; Подгораки—изъ Рожинки въ иглавскомъ краѣ; Долаки изъ Жидлоховицъ и Клобоука; Ганаки изъ Моршницъ и Товачева; Словаки изъ Бретиславля и Милотицъ; Валахи изъ Гошталкова, Вшетина и Рожнова; Хорваты изъ Фрелихова на Дрноголецку. Кромѣ того былъ изображенъ гайдошъ (играющій на гайдѣ) изъ Бретиславля вмѣстѣ съ нѣмецкимъ гусляромъ изъ Иглавы; да нѣсколько полуславянскихъ, полунѣмецкихъ одѣяній изъ Бзенца. 4) Далѣе слѣдуетъ упомянуть изданное вѣнскимъ купцомъ Ф. Па-

терно собраніе одѣяній всѣхъ европейскихъ земель, гдѣ встрѣчаются 17 изображеній изъ Моравіи, Чехіи, Силезіи и словацкихъ комитатовъ въ Венгріи, рисованныхъ съ натуры Колародой и литографированныхъ Коларомъ. Здѣсь изъ жителей Моравіи изображены: Гораки изъ Вилимовицъ у Бланска, Ганаки изъ Оломуца и Товачова, Лахи съ границъ, Валахи изъ Лукова и Рожнова, Словаки изъ Угорскаго Градишта, Угорскаго Брода и Бретиславля; изъ жителей собственной Чехіи взяты: дѣвушка и сельчанинъ изъ Писецкаго края, дѣвушка и сельчанинъ изъ Пильзенскаго края, жители Силезіи представлены только въ двухъ фигурахъ обывателей Тѣшинскаго округа; изъ сѣверной Венгріи представлены: Словаки изъ Трнавской столицы и тренчинскій дротарь. 5) При «Spěvankác slovenských» Колара (изд. 1834 года) изображена Словачка изъ турчанской столицы. 6) Извѣстный чешскій живописецъ Гвидо Манесъ, проживающій въ Прагѣ и посѣтившій въ прошломъ году Россію во время этнографической выставки, собралъ много замѣчательныхъ рисунковъ народныхъ одѣяній чешскихъ, моравскихъ и словацкихъ. 7) Въ Дашковскомъ этнографическомъ музеѣ, устроенномъ при содѣйствіи Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, и находящемся въ зданіи Московскаго публичнаго музея, есть альбомъ акварелей, присланныхъ профессоромъ живописи Свободою, изображающихъ народныя одѣянія Моравань прошлаго столѣтія, именно: дѣвица изъ Ганы въ лѣтнемъ платьѣ 1780 года; мужчина изъ Ганы на торгу въ зимнемъ платьѣ 1786 года; женщина изъ Ганы въ лѣтнемъ платьѣ 1786 года; мужчина изъ Ганы въ лѣтнемъ платьѣ 1780 г.; Словакъ изъ окрестностей Градища 1771 г.; Залѣшакъ изъ Валетина и Брунова 1786 года.

ЗАСѢДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

(27 марта 1869 года).

Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ г. предсѣдателя Отдѣла Н. А. Попова, въ присутствіи г. вице-президента Общества А. Ю. Давидова, г. предсѣдателя антропологическаго Отдѣла А. П. Богданова и 27 членовъ Общества.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ 3-го засѣданія.

2) Предсѣдатель заявилъ, что изъ денегъ, назначенныхъ почетнымъ членомъ В. А. Дашковымъ на этнографическія преміи, за неприсылкою сочиненій на заданныя темы, выдано, согласно желанію г. Дашкова и опредѣленію Совѣта Общества, въ видѣ награды: 50 руб. чешскому писателю Іосифу Калоусеку за его статью «Обзоръ этнографической литературы о Чехахъ и Словакахъ»; 200 руб. К. А. Попову за его рукописное сочиненіе «Зыряне и зырянскій край»; 250 руб. назначено на приготовительныя работы по составленію «Народнаго Календаря»; 500 руб. на составленіе этнографическаго описанія латышскаго племени. Для послѣдней цѣли предсѣдатель отдѣла пригласилъ присутствовавшихъ членовъ постановить, чтобы было приступлено, въ видѣ продолженія этнографическаго изученія инородческихъ племенъ Россіи, къ собиранію этнографическихъ свѣдѣній о Латышахъ, населяющихъ значительную часть Прибалтійскаго края, и различныхъ предметовъ изъ ихъ семейнаго, домашняго и хозяйственнаго быта. Всѣ собранныя такимъ образомъ свѣдѣнія предположено издать въ видѣ особаго сборника, въ составъ котораго должны войти, описаніе физическаго типа Латышей, ихъ жилищъ, пищи, домашней обстановки, будничной и праздничной жизни, семейныхъ и общественныхъ обрядовъ и обычаевъ (напримѣръ соблюдаемыхъ при жатвѣ, собираніи плодовъ и т. п.), ихъ народныя преданья и повѣрья, пословицы, сказки и пѣсни, опредѣлить ихъ географическое распространеніе и племенное дѣленіе, ихъ отношенія къ другимъ племенамъ Латышско-Литовской группы, особенности языка и народной литературы; при этомъ желательно имѣть образцы, модели или рисунки ихъ жилищъ и одѣяній; главныя же работы по редакціи сборника, въ составъ котораго должны войти собранныя такимъ образомъ свѣдѣнія о Латышахъ, поручить Ѳ. Я. Трейланду. При этомъ представлены были: программа описанія, списокъ мѣстностей, лицъ и учрежденій, съ которыми полезно было бы войти въ сношенія по этому дѣлу. Опредѣлено: утвердить проектъ работъ, необходимыхъ для составленія этнографическаго описанія латышскаго края, заявленный предсѣдателемъ отдѣла.

3) Читано письмо ученаго управительскаго помощника, при горныхъ заводахъ графа Строганова, П. А.

Вологдина, такого содержанія: «Изъ неоднократныхъ моихъ заявленій Обществу не безъизвѣстно, что я предоставилъ себѣ выясненіе съ возможною полнотою, насколько это доступно предпріимчивости частнаго лица, быта Пермяковъ или, какъ себя называютъ эти инородцы, «Комі». Таковая задача даже независимо отъ интереса изученія жизни и положенія нашихъ русскихъ инородцевъ вообще, на мой взглядъ, не только своевременна, но даже не отложно насущна въ виду совершающагося на нашихъ глазахъ сліянія остатковъ инородческихъ (финскихъ по преимуществу) племенъ съ господствующимъ населеніемъ. Составляемый мною этнографическій альбомъ (часть котораго я уже имѣлъ счастіе принести въ даръ чрезъ Общество любителей Естествознанія Дашковскому этнографическому музею еще въ прошломъ 1867 г.) имѣетъ цѣлію посильное рѣшеніе изложенной выше задачи. Такимъ образомъ въ первый отдѣлъ альбома подъ рубрику: «мѣстность населенная Пермяками, *места, кытöн кóміез óваны*, должны войти этнографическія карты мѣстностей, населенныхъ Пермяками: 1-е по бассейну рѣки Иньвы (сѣверозападная часть Соликамскаго уѣзда) 2-е по бассейну р. Косы (въ Чердынскомъ уѣздѣ) и 3-е по р. Сюзьвѣ (въ глазовскомъ уѣздѣ). Первая изъ этихъ картъ есть предлагаемая при семъ просвѣщенному вниманію Общества любителей Естествознанія. Она въ видѣ подлиннаго экземпляра приносится мною въ даръ Дашковскому этнографическому музею, гдѣ хранится и упомянутый мною выше отдѣлъ моего альбома. Само собою разумѣется, что право изданія, а также и право поднесенія кому-либо изъ высочайшихъ особъ, какъ этого, такъ прежнихъ и имѣющихъ послѣдовать моихъ трудовъ, приносимыхъ въ видѣ подлиннаго экземпляра въ даръ музею, я оставляю за собой. Описательная часть къ предлагаемой картѣ будетъ стоять изъ списка населенныхъ мѣстъ, описанія урочищъ, городищъ и пр., описанія населенія по отношенію къ языку, происхожденію, бытовымъ особенностямъ и пр. т. п. Все это уже подготовляется. За симъ я долженъ засвидѣтельствовать предъ Обществомъ мою глубочайшую благодарность мѣстному мировому посреднику Дмитрію Степановичу Игнатьеву за содѣйствіе, постоянно оказываемое мнѣ при собираніи этнографическихъ матеріаловъ, и заявить что въ занятіяхъ по этнографіи и антропологіи Пермяковъ мнѣ съ весны настоящаго года сотрудничаетъ братъ мой Александръ Александровичъ. Предлагаемая карта составлена нами сообща. Такъ какъ описаніе въ картѣ при семъ не посылается, то нѣкоторыя приложенія, сдѣланныя къ ней требуютъ объясненій. Сюда относятся: *родовые знаки Пермяковъ и расположеніе селеній*. То и другое суть образцы или примѣры. *Родовые знаки, пятна, тавра*—это такъ сказать зачатки гербовъ. Такими знаками вырубленными на деревьяхъ неграмотный пермякъ изстари обозначалъ предѣлы захваченнаго въ лѣсу угодья, свои *бóрти* и чурки (ульи), деревья нужныя для хозяйства и т. п.; тѣ же знаки, начертанные вмѣсто подписи и печати, можно встрѣтить на роспискахъ и др. документахъ. Въ другихъ мѣстностяхъ Пермской губерніи (по р. Чусовой и на Трахѣ) подобными знаками, сдѣланными изъ желѣза, выжигаютъ шерсть на ляжкахъ лошадей, пускаемыхъ на подножный кормъ (это называется *таврить*). Профессору казанскаго университета Н. А. Фирсову доставлена изъ здѣшнихъ краевъ рукопись (довольно старая), содержащая въ себѣ изображеніе подобныхъ знаковъ (*знаменій*) съ описаніемъ, какому *роду* знакъ принадлежитъ и гдѣ родъ обитаетъ. Къ сожалѣнію я не имѣю копіи съ этого списка, и даже не знаю къ какому времени относится рукопись. Можетъ быть изъ сличенія существующихъ знаковъ родовъ старинныхъ съ *знаменіями*, изображенными въ рукописи, эта послѣдняя послужитъ ключемъ къ выясненію нѣкоторыхъ сторонъ темной исторіи пермяковъ, зырянъ, вогулъ и др. финновъ. Родовой знакъ въ большинствѣ случаевъ вмѣстѣ съ имуществомъ переходитъ къ старшему въ родѣ. Съ возникновеніемъ новаго рода является и новый знакъ. Во взаимныхъ отношеніяхъ между пермяками, знаки до сихъ поръ не утратили своего значенія. Административныя же власти, разумѣется, пренебрегаютъ значеніемъ этихъ пятенъ. На картѣ изображено въ видѣ примѣра шесть знаковъ очень старинныхъ родовъ. Иногда вмѣстѣ съ знакомъ присвоивается роду особое прозваніе, напримѣръ изъ приведенныхъ на картѣ родъ *Гыровниныхъ* происходитъ отъ фамиліи *Васькиныхъ*, *родъ Оленичей* изъ фамиліи *Щукиныхъ* и т. п. Иногда же родъ не имѣетъ особаго прозванія и, нося одну фамилію, роды имѣютъ только свои особые знаки. Что касается до образцовъ *расположенія селеній*, то они приведены для поясненія, имѣющаго поступить, спеціальнаго описанія какъ расположенія жилыхъ, хозяйственныхъ и др. построекъ, такъ и взаимнаго расположенія усадебъ. Къ этому меня побуждаетъ то разнообразіе въ размѣщеніи строеній и ихъ обстановкѣ, какое наблюдается на разныхъ пунктахъ нашего обширнаго отечества: «что городъ, то норовъ» Малороссійскій хуторъ уже совсѣмъ не то, что сѣверный починокъ. Пермяцкія населенныя мѣста вообще раздѣляются на: однодворокъ, починокъ, деревню, или посадъ и заводъ». При семъ предложена была на разсмотрѣніе присутствовавшимъ въ засѣданіи членамъ «Этнографическая карта пермяцкаго населенія, въ сѣверозападной части Соликамскаго уѣзда», а предсѣдательствующій въ отдѣлѣ Н. А. Поповъ прочелъ слѣдующій отзывъ о ней:

«Карта мѣстности, населенной пермяками и находящейся въ верхней части бассейна р. Иньвы, въ сѣверо-западномъ углу соликамскаго уѣзда, пермской

губерніи, представленная г. Вологдинымъ, принадлежитъ къ числу такихъ трудовъ, которые заслуживаютъ всякую похвалу. Представляя только третью часть труда, задуманнаго ея авторомъ, эта карта даже безъ описанія, которое обѣщано впереди, уже сама по себѣ представляетъ богатый и неисчерпаемый матеріалъ для этнографіи пермяцкаго племени и мѣстной топографіи. Въ этомъ можно убѣдиться изъ сравненія ея съ извѣстною этнографическою картою Россіи покойнаго Кеппена. На картѣ послѣдняго пермяцкое населеніе показано въ 4-хъ уѣздахъ: Соликамскомъ и Чердынскомъ Пермской губерніи, Глазовскомъ и Орловскомъ Вятской; но только въ двухъ мѣстностяхъ пермяки составляютъ значительную группу сплошнаго населенія: въ западной оконечности Соликамскаго уѣзда и въ западной части Чердынскаго. Затѣмъ есть еще нѣсколько отдѣльныхъ этнографическихъ острововъ, имѣющихъ пермяцкій характеръ. Два главные изъ нихъ лежатъ на сѣверѣ Орловскаго уѣзда и на востокѣ Чердынскаго; остальные восемь разсыпаны не подалеку отъ главныхъ группъ. Группа, представленная на картѣ г. Вологдинымъ, есть самая наиболѣе изъ всѣхъ группъ пермяцкаго населенія. Въ ней, на картѣ Кеппена, показаны 44 важнѣйшихъ селенія; она пересѣкается вдоль отъ запада къ востоку рѣкою Иньвою; населеніе показано сплошнымъ пермяцкимъ. На картѣ г. Вологдина нанесено болѣе 800 населенныхъ мѣстностей; указаны всѣ рѣчки и важнѣйшіе ручьи а также озера, расположенныя въ этой мѣстности; отмѣчены мѣста, заселенныя одними пермяками и одними русскими, а также имѣющія смѣшанное населеніе. Масштабъ кеппеновской карты таковъ, что въ одномъ англійскомъ дюймѣ помѣщается 75 верстъ; въ картѣ г. Вологдина на одномъ дюймѣ только нанесены 4 версты; стало быть вся мѣстность представлена въ размѣрѣ увеличенномъ противъ карты Кеппена въ 19 разъ. Кромѣ того на картѣ г. Вологдина указаны: села, деревни, однодворки и починки, рудники, заводы и мукомольныя мельницы, а также большія и малыя дороги. Опредѣлить точность мѣстныхъ названій на картѣ г. Вологдина я не могу, ибо до сихъ поръ въ «спискахъ населенныхъ мѣстъ Россіи», издаваемыхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, еще не издана Пермская губернія; въ описаніи же Пермской губерніи, помѣщенномъ въ «матеріалахъ для географіи и статистики Россіи», издаваемыхъ генеральнымъ штабомъ, нѣтъ для того никакихъ данныхъ. Мало того, авторъ этого описанія, г. Мозель говоритъ, такъ: «подъ названіемъ инородцевъ разумѣются здѣсь (т.-е. въ Пермской губерніи) одни вогулы» (томъ 1, стр. 365), хотя въ другомъ мѣстѣ своей книги и представляетъ характеристику пермяцкаго быта, отличнаго отъ быта русскаго. Мѣстность, населенная пермяками и представленная на картѣ г. Вологдина, раздѣлена между 9 волостями, изъ коихъ Кундыкорская лежитъ какъ бы въ центрѣ, остальныя же по сторонамъ отъ нея именно: Кувинская, Бѣлоевская, Ошибская, Іогвинская, Архангельская, Іюствинская, Верхьюствинская и Верхиньвенская. Съ боку карты показаны взаимныя разстоянія въ верстахъ между 31 мѣстностью; самое наибольшее разстояніе представляетъ 139 верстъ. Затѣмъ на поляхъ карты представлены: гербъ Соликамскаго уѣзда, т.-е. сельскій колодезь съ высокимъ деревяннымъ журавлемъ, знаки 6 пермяцкихъ родовъ: Гировниныхъ, Зубовыхъ, Шадриныхъ, Митевыхъ, Кочатовыхъ и Оленичей. Кромѣ того представлены планы: Куринскаго завода, села Сюзьвы, деревни Кониной и починка Косогора, въ масштабѣ 100 саж. въ одномъ англійскомъ дюймѣ, что дало возможность автору нанести на карту не только церкви каменныя, деревянныя, жилыя и не жилыя зданія, но также огороды, дворы, гуменники, сады, кладбища, опушки лога и водоотводные каналы. Карта г. Вологдина можетъ служить образцомъ для трудовъ подобнаго же рода и заставляетъ горячо желать, чтобы ея авторъ окончилъ свой трудъ, включивъ въ него не только группы пермяцкаго населенія, расположенныя по бассейну р. Косы въ Чердынскомъ уѣздѣ и по р. Сюзьвѣ въ Глазовскомъ уѣздѣ, но и группу находящуюся на картѣ Кеппена въ Орловскомъ уѣздѣ. Правда дальность разстоянія этой группы отъ мѣста жительства автора не даетъ почти никакой надежды на исполненіе нашего желанія, но надобно думать, что примѣръ г. Вологдина возбудитъ кого-либо изъ жителей Орловскаго уѣзда пополнить этотъ невольный пробѣлъ въ его трудѣ. Карты же г. Вологдина навсегда останутся драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для нашей этнографической литературы». По прочтеніи сего отзыва, присутствовавшій въ засѣданіи предсѣдатель антропологическаго отдѣла, А. П. Богдановъ, предложилъ чтобы Общество имѣло въ виду, при первой же возможности, назначить награду г. Вологдину за его труды и содѣйствовать изданію ихъ въ свѣтъ. Опредѣлено: передать присланную г. Вологдинымъ карту, согласно его желанію, въ Дашковскій этнографическій музей; просить автора продолжать свои труды и принять предложеніе А. П. Богданова.

4) Сотрудникъ Общества К. И. Жинзифовъ прочелъ свою статью о свадебныхъ обычаяхъ у Болгаръ: О сѣдѣнкахъ «посидѣлки», тлъкѣ «вечерникахъ», помолвкѣ, годежѣ «сговорѣ» и собственно обычаяхъ.

Своей статьѣ г. Жинзифовъ предпослалъ слѣдующее предисловіе: «года два тому назадъ сербскій и болгарскій археологъ, живущій въ Сересѣ, что въ Македоніи, С. Верковичъ помимо костюмовъ и другихъ вещей для бывшей этнографической выставки прислалъ, какъ извѣстно, въ Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи нѣсколько статей

сь описаніемъ быта, нравовъ и обычаевъ Болгаръ населяющихъ Македонію. Трудъ этотъ уже прочитанъ былъ въ одномъ изъ засѣданій Отдѣла за 1868 годъ. Но такъ какъ достоуважаемый С. Верковичъ ограничился одними только предѣлами Македоніи, то мы не лишнимъ считаемъ дополнить статью его описаніемъ нравовъ и народныхъ обычаевъ Болгаръ, населяющихъ собственно такъ называемую въ географіи Болгарію. Для этого мы воспользовались весьма мало извѣстною въ Россіи книгою болгарскаго писателя г. Раковскаго, который дѣятельно способствовалъ умственному и нравственному развитію болгарскаго народа; онъ умеръ въ концѣ 1867 года въ Букарестѣ. Книга Раковскаго носитъ названіе въ русскомъ переводѣ «Указатель или руководство къ отысканію и изслѣдованію древнихъ чертъ, нашего бытія, языка, народопоколѣнія».. и пр. и издана въ Одессѣ въ 1850 году. Авторъ этой болгарской книги, указавъ сначала на жилища Болгаръ въ Турціи и внѣ ея предѣловъ съ замѣчательною подробностію и знаніемъ, описываетъ внѣшнее и внутреннее устройство дома болгарскаго поселянина; домашнія занятія мужчины и женщины, хозяйственныя дѣла послѣдней; какую пищу употребляютъ Болгары въ разныя времена года, названіе лествъ и ихъ приготовленіе, домашнее ихъ движимое и недвижимое имущество; образъ жизни, отношенія мущины къ женщинѣ и наоборотъ, старшаго къ младшему и пр., земледѣліе, садоводство, шелководство, огородничество, обработываніе виноградныхъ садовъ, виноделіе, разведеніе розовыхъ садовъ и добываніе розовой воды; затѣмъ описываетъ домашнее занятіе женщинъ, взаимныя сходки молодыхъ людей обоего пола и свадебные обряды; къ концу книжки приложена одна сказка и одна пѣсня». На основаніи этой-то книги и составлена статья, прочитанная г. Жинзифовымъ въ засѣданіи отдѣла. Особенное вниманіе присутствовавшихъ обратили на себя главы о Сѣдѣнкахъ и Толокахъ.

Сѣдѣнка.

«Какъ только поселяне уберутъ посѣвы съ поля и окончатъ молотьбу хлѣба, болгарскія дѣвушки въ селахъ начинаютъ составлять вечеромъ сборища, которыя у нихъ называются *сѣдѣнками* (отъ глаг. сидѣть, сѣсть). Осенью, когда еще погода стоитъ хорошая, дѣвушки и молодыя женщины въ нарядныхъ платьяхъ, съ букетами изъ живыхъ цвѣтовъ на головѣ, отправляются обыкновенно на гумно или же на сельскую площадь, гдѣ прежде всего онѣ раскладываютъ огонь, потомъ поставивши вокругъ огня длинныя деревянныя лавки, садятся на нихъ и начинаютъ всѣ вмѣстѣ работать, т.-е. прясть ленъ, или хлопчатую бумагу и тому подобное. Работа эта сопровождается безпрерывными пѣснями. Съ другой стороны, сельскіе парни тоже собираются вмѣстѣ, и раздѣлившись на нѣсколько дружинъ, вооружаются ножами и толстыми палками изъ опасенія, чтобъ не случилось какого-либо несчастія. Какъ только эти дружины услышатъ дѣвическія пѣсни, доходящія до нихъ съ разныхъ сторонъ, немедленно отправляются на дѣвичье собраніе; ихъ лица веселы и взоры полны радости и надежды, что каждый изъ дружины увидитъ свою возлюбленную и получитъ отъ нея смѣшанную *китку* (букетъ изъ различныхъ цвѣтовъ) въ знакъ любви. При каждой изъ дружинъ долженъ быть человѣкъ, умѣющій играть на свирѣли или скрипкѣ, а въ иныхъ мѣстахъ случается, что всѣ парни умѣютъ играть на какомъ-либо народномъ музыкальномъ инструментѣ. Какъ только придутъ на мѣсто, гдѣ собраны дѣвушки, прежде всего привѣтствуютъ ихъ обыкновенно словами: *добрый вамъ вечеръ сестрицы;* а дѣвушки при этомъ привѣтствіи немедленно встаютъ на ноги и отвѣчаютъ имъ: *далъ бы вамъ Богъ добро, хорошо пожаловали*, и стоятъ до тѣхъ поръ, пока всѣ парни не сядутъ на одной сторонѣ кругообразнаго сѣдалища, при чемъ приглашаютъ дѣвушекъ сѣсть, говоря: *садитесь сестрицы и попойте намъ;* послѣднія садятся на противоположной сторонѣ и составляютъ другой полукругъ. Огонь же въ срединѣ ихъ безпрерывно горитъ сильно, освѣщая большое пространство, и представляетъ веселое зрѣлище, особенно же при лунной ночи. Дѣвушки, желая показать себя парнямъ достойными работницами, начинаютъ прясть скоро и искусно со рвеніемъ одна передъ другой, и сообща поютъ различныя народныя любовныя пѣсни, которыя поютъ слѣдующимъ порядкомъ: дѣвушки раздѣляются на двѣ партіи; одна изъ нихъ начинаетъ пѣть одинъ стихъ пѣсни, по окончаніи которого другая партія повторяетъ тотъ же самый стихъ и прибавляетъ къ нему еще другой (слѣдующій стихъ) и такъ далѣе. Парни же во все время пѣнія сидятъ смирно и со вниманіемъ слушаютъ пѣсни, выражая при этомъ веселость и удовольствіе. Послѣ того парни, съ своей стороны, всѣ встаютъ съ мѣста и начинаютъ вести хороводы. Каждый парень беретъ за руку ту дѣвушку, которая ему нравится, такъ что хороводы составляются изъ дѣвушекъ и парней вмѣстѣ. По окончаніи хоровода дѣвушки даютъ, каждая своему любовнику, въ знакъ любви букетъ изъ цвѣтовъ, обвитый красною шелковою ниткою. Парни же, принявши букеты и поблагодаривши дѣвушекъ за цвѣты и за пѣсни, прощаются съ ними, говоря: *спокойной вамъ ночи!* прощайте сестрицы; *скоро снова навестимъ васъ;* отсюда они отправляются на другую *сѣденку*, а дѣвушки остаются и продолжаютъ работать и пѣть пѣсни. На зарѣ каждый изъ парней отправляется на

ту *сѣденку*, гдѣ находится его сестра, или же его будущая невѣста, неимѣющая брата и сопровождаетъ ее до дому. Это и называется у Болгаръ *сѣденка*, или вечеринки».

Тлъка.

«Слово *тлъка* происходитъ отъ глагола *тълкамъ* или *тлъкамъ, толку* (*тълците и отверзется вамъ*). Подъ этимъ названіемъ у Болгаръ подразумѣвается такое же вечернее собраніе дѣвушекъ, какъ и на *сѣденкахъ*, съ тою только разницею, что послѣднія бываютъ подъ открытымъ небомъ, а *тлъки* начинаются съ наступленіемъ зимы, когда уже на дворѣ холодно, и собраніе должно состоятся въ домѣ; при томъ же нужно замѣтить, что на *сѣдѣнкахъ* каждая дѣвушка приноситъ свою работу и работаетъ для себя самой; между тѣмъ какъ теперь всѣ дѣвушки должны работать въ пользу хозяина, созвавшаго ихъ на *тлъку*. Безъ сомнѣнія у Болгаръ съ незапамятныхъ временъ завелся обычай созывать родственниковъ, друзей и знакомыхъ для исполненія какой-либо работы, требующей много рабочихъ рукъ, безъ денежнаго вознагражденія трудящимся. Напримѣръ, если домохозяинъ увидитъ, что онъ съ своимъ семействомъ не въ состояніи справится съ уборкою винограда, или кукурузы, и т. п., то онъ за одно только угощеніе созываетъ всѣхъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, которые помогли бы ему убрать во время виноградъ или кукурузу и даже достроить домъ. *Тлъки* бываютъ вечеромъ въ будни или же въ небольшіе праздники. Желающій созвать знакомыхъ и родственниковъ въ подобную рабочую вечеринку (тлъку), приготовивши и работу и хорошее угощеніе, сперва посылаетъ свою дочь, или молодую сноху, одѣтую въ праздничное платье, къ родственникамъ и сосѣдямъ и знакомымъ, которая и приглашаетъ дѣвушекъ пожаловать сегодня вечеромъ къ нимъ на *тлъку*, т.-е. общую работу. Такимъ образомъ вечеромъ, послѣ сумерокъ, каждая изъ приглашенныхъ дѣвушекъ считаетъ своею священною обязанностью отправиться туда, и не обращаетъ никакого вниманія на то, богатый ли поселянинъ пригласилъ ее, или же самый бѣдный. Такимъ образомъ каждая изъ приглашенныхъ на вечеръ дѣвушекъ, одѣвшись въ самое лучшее и чистое платье, съ цвѣтами на головѣ, приготовивши смѣшанную *китку* (букетъ), беретъ свою разукрашенную прялку и въ сопровожденіи своего брата и друга изъ домашнихъ отправляется въ домъ, куда ее пригласили. Въ извѣстное время, когда приглашенныя дѣвушки собрались въ домъ, онѣ всѣ вмѣстѣ начинаютъ исполнять предлагаемую имъ домохозяиномъ работу и во все время занятія, поютъ приличныя для этого случая народныя пѣсни. Съ другой стороны парни составляютъ нѣсколько дружинъ и, имѣя во главѣ свирѣльщиковъ, отправляются въ домъ, гдѣ происходитъ *тлъка*. Парни входятъ въ домъ свободно; на встрѣчу имъ выходитъ самъ домохозяинъ, который на привѣтъ: *добраго вамъ вечера*, отвѣтивши словами: *добро пожаловали юнаки*, приглашаетъ ихъ войти въ комнату, гдѣ находятся дѣвушки. Вошедши въ комнату, парни прежде всего здороваются съ дѣвушками, которыя въ знакъ уваженія тотчасъ встаютъ на ноги и стоятъ до тѣхъ поръ пока, по ихъ просьбѣ, парни не сядутъ на противоположной сторонѣ. Послѣ того сами парни приглашаютъ дѣвушекъ сѣсть, прося ихъ попѣть имъ пѣсни. Дѣвушки начинаютъ пѣть, а хозяинъ и хозяйка дома приносятъ имъ все что необходимо для работы; напр. шерсть, или ленъ, веретена и проч., оконченную же работу они берутъ у дѣвушекъ, которымъ подсобляютъ и женщины-старушки. Спустя часъ или больше, дѣвушки прекращаютъ свои пѣсни, и ихъ замѣняетъ игра на свирѣли или другомъ какомъ-либо инструментѣ. Поработавши такимъ образомъ довольно долго, встаютъ всѣ вмѣстѣ, выходятъ на дворъ и начинаютъ вести хороводъ; если же этого не позволяетъ погода, то хороводъ ведется въ той самой комнатѣ, гдѣ работаютъ; разумѣется, что въ хороводѣ каждый изъ парней становится рядомъ съ той дѣвушкой, которую онъ любитъ: въ серединѣ же хоровода стоитъ самъ хозяинъ и со свѣчами или лучиною въ рукахъ освѣщаетъ хороводъ. Послѣ того опять отправляются всѣ въ комнату и снова начинаютъ работать. Хороводы возобновляются нѣсколько разъ. По полуночи хозяинъ накрываетъ на столъ и, выставивши, смотря по состоянію, различныя кушанья, а вино цѣлыми ведрами, угощаетъ работницъ. Парни ѣдятъ вмѣстѣ съ дѣвушками, приглашая и подчивая другъ друга, но дѣвушки ведутъ себя весьма скромно, вина же онѣ или вовсе не пьютъ, или же очень мало. Имъ прислуживаетъ самъ хозяинъ и всѣ его домашніе. По окончаніи ужина всѣ выходятъ на дворъ и снова ведутъ хороводы. Послѣ этого, отправившись въ комнату, парни просятъ принести имъ рѣшето съ шерстью и веретенами, которое немедленно приносятъ и кладутъ его въ серединѣ комнаты. Тогда каждый изъ парней беретъ изъ рѣшета немного шерсти и веретено, которыя передаетъ своей возлюбленной, прося ее показать ему, какъ прядутъ. Отъ этого предложенія ни одна дѣвушка не можетъ отказаться, ибо въ противномъ случаѣ, значило бы сильно оскорбить молодаго человѣка. Поэтому дѣвушки съ радостью и готовностью берутъ предлагаемыя имъ веретена и, намотавши на нихъ немного пряжи, снова возвращаютъ ихъ парнямъ. Послѣдніе, желая задоволить дѣвушекъ и показать имъ, что и они участвуютъ въ женскомъ трудѣ и почитаютъ его, прядутъ немного; послѣ чего они

опять кладутъ веретено въ рѣшето. Это означаетъ, что наступила пора разойтись каждому и каждой по домамъ. Но прежде чѣмъ всѣ разойдутся, дѣвушки величаютъ пѣснями каждаго изъ парней съ той дѣвушкой, которая приняла отъ парня веретено, и этимъ дала знакъ, что и она не прочь любить его. Въ это время дѣвушка, которую величаютъ, не поетъ, но молча и краснѣя глядитъ внизъ до тѣхъ поръ, пока не начнутъ величать другую дѣвушку. Тогда въ пѣніи принимаетъ участіе и прежде молчавшая дѣвушка. Для образца приведемъ одну коротенькую изъ подобныхъ пѣсенъ:

Кърши, Тодоро, лилѣкя, (2)
Прави, Тодора, мостове, (2)
Чи ще да мине (2) Тодоро,
Царь и царица, (2) Тодоро;
Не мина царь и царица, (2)
Не мина Стоянъ и Рада,

Переводъ.

Ломай, Тодора, сирень,
Построй, Тодора, мосты,
Ибо пройдутъ, Тодора,
Царь и Царица, Тодора;
Не прошли царь и царица,
Не прошли Стоянъ и Рада.

«По окончаніи подобной пѣсни остальныя дѣвушки и парни поздравляютъ величаемыхъ ими парня и дѣвушку, говоря имъ: *да будетъ она тебѣ счастливою Стоянъ или Драганъ! Пусть будетъ онъ тебѣ счастливымъ Рада или Златка!* Послѣ этого дѣвушки раздаютъ парнямъ, каждая своему, смѣшанную *китку* (букетъ) и, начинаютъ расходиться по домамъ, въ сопровожденіи брата или родственника; а тѣхъ, у которыхъ нѣтъ брата, сопровождаютъ ихъ любовники. Если же число присутствующихъ дѣвушекъ превышаетъ число парней, и на оборотъ, то мѣсто недостающихъ лицъ замѣняютъ малолѣтнія дѣти и дѣвушки, которыя не принимаютъ никакого участія въ дѣлѣ взрослыхъ; это дѣлается лишь только для того, чтобы число парней равнялось числу дѣвушекъ и наоборотъ. Эти малолѣтніе мальчики и дѣвушки называются *курытанами* или *корытанами* отъ слова корыто. Такъ какъ у Болгаръ и до сихъ поръ существуетъ обычай, по которому младшая сестра не можетъ выйти замужъ прежде старшей сестры (тоже нужно сказать и относительно братьевъ), то преданіе говоритъ, что въ древности, когда кто-либо сватался, то родители прятали подъ *корытомъ* младшую дочь, для того чтобы женихъ не могъ бы случайно видѣть младшую, если эта красивѣе своей старшей сестры. Если же по какимъ-либо важнымъ причинамъ старшая дочь не можетъ выйдти замужъ, то младшая должна просить у своей старшей сестры дозволенія выйдти за мужъ. То же самое нужно замѣтить и относительно братьевъ.»

5) Присутствовавшій въ засѣданіи предсѣдатель антропологическаго отдѣла А. П. Богдановъ прочелъ донесеніе, присланное въ Общество его уполномоченнымъ въ городѣ Коломнѣ, членомъ основателемъ А. Н. Анастасьевымъ, о раскопкахъ кургановъ въ Коломенскомъ уѣздѣ, такого содержанія:

«По обстоятельствамъ, отъ меня независящимъ, я не имѣлъ чести около полутора года заявлять о моей дѣятельности Обществу; но эти полтора года у меня не утратились даромъ и не прошли безслѣдно. Я не терялъ изъ вида ни на одну минуту интересовъ Общества и постоянно стремился къ пріобрѣтеніямъ тамъ, гдѣ это было хоть сколько-нибудь доступно. Принявъ на себя обязанность къ дальнѣйшему изслѣдованію кургановъ Коломенскаго уѣзда, я въ то же время обращался къ Обществу съ покорнѣйшею просьбою объ исходатайствованіи мнѣ правъ, или открытыхъ листовъ на эти работы у губернскихъ начальствъ, московскаго и рязанскаго. Открытые листы мнѣ были необходимы съ одной стороны, чтобы оградить себя отъ постороннихъ притязаній и запрещеній касаться къ курганамъ, а съ другой чтобы имѣть какую-либо возможность обезпечивать цѣлость находимаго при раскопкахъ отъ грубаго любопытства и корыстныхъ видовъ мѣстныхъ жителей, крестьянъ, которые, предполагая существованіе кладовъ, бросаются въ разрываемые курганы, если они остаются по чему-либо хотя на минуту безъ рабочихъ, ломаютъ и разбрасываютъ все тогда, что попадется имъ подъ руку. Такимъ образомъ, вслѣдствіе ходатайства Общества, отъ московскаго губернатора открытый листъ мною былъ полученъ, отъ рязанскаго же нѣтъ, а потому моя дѣятельность сосредоточивалась исключительно въ Коломенскомъ уѣздѣ.

«Заручившись открытымъ листомъ губернатора, я хотя и приступилъ къ работамъ довольно смѣло, но на повѣрку дѣло не обошлось безъ затрудненій; мнѣ приходилось много и долго хлопотать, чтобы безпрятственно производить мои изысканія, особенно тамъ, гдѣ курганы находились на церковной землѣ. Сельское духовенство иногда не рѣшалось допустить къ работамъ безъ разрѣшенія епархіальнаго начальства, иногда же стѣснялось грѣхомъ, не похоронены ли мученики въ курганахъ? Совершенно по другимъ причинамъ получался отказъ отъ свѣтскихъ владѣтелей; они не допускали къ работамъ, предполагая не сохраняютъ ли курганы какихъ либо сокровищъ, драгоцѣнностей, кладовъ. Въ подтвержденіе своихъ опасеній тѣ и другіе приводили довольно курьезныя легенды. Иные изъ духовенства разказывали, что старые люди иногда видали какъ изъ

кургановъ выходили два священника въ облаченіяхъ, ходили кругомъ кургановъ и кропили святою водою. Свѣтскія власти утверждали, что въ лунную ночь, въ полночь, старики видали, какъ изъ кургановъ выходили двѣ черныхъ свиньи и бѣгали кругомъ возвышенностей, а потомъ исчезали неизвѣстно куда. Потомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень мудрено было добиться: кому именно принадлежатъ курганы? Послѣднее разверстаніе угодій между помѣщиками и крестьянами, кажется, было главною причиною этого не совсѣмъ обыкновеннаго обстоятельства. Наконецъ были и такіе случаи, гдѣ требовалась слишкомъ большая цѣна за допущеніе къ раскопкамъ. Встрѣча съ исчисленными мною препятствіями на столько мѣшала успѣху дѣла, что слишкомъ много требовалось и терпѣнія и матеріальныхъ средствъ, чтобы добиться чего-либо положительнаго. Не могу однако пройти молчаніемъ и о тѣхъ случаяхъ, гдѣ я встрѣчалъ слишкомъ обязательное сочувствіе въ дѣлѣ моихъ стремленій. Вмѣняю себѣ въ непремѣнный долгъ заявить объ этомъ Обществу и покорнѣйше просить о засвидѣтельствованіи благодарности лицамъ, такъ много меня одолжившимъ своимъ содѣйствіемъ. Особенно я долженъ поименовать: ея превосходительство Марью Александровну Шпееръ и, уже не въ первый разъ оказывавшихъ нашему Обществу свое вниманіе, Марью Николаевну Стрекалову и Николая Александровича Глѣбова. Лучшія пріобрѣтенія мною получены въ ихъ владѣніяхъ.

«Всѣхъ кургановъ мною разрыто 73. Многіе изъ нихъ оказались совершенно пустыми; во многохъ открыты костяки настолько истлѣвшими, что не было никакой возможности вынуть ни одной кости. Пустыми оказывались большею частію тѣ изъ кургановъ, которые отличались своею громадностью (8 саженъ вышины). Истлѣвшіе костяки попадались тамъ, гдѣ курганы болѣе, или менѣе занимали сырыя низменныя мѣста, поросли кустарниками и были перерыты норами земляныхъ обитателей. Наружныя отверстія и ходы этихъ животныхъ давали полную возможность проникать во внутрь кургановъ, сырости и воздуху, какъ главнымъ дѣятелямъ процесса гніенія, что вѣроятно и составляло причину тлѣнности костяковъ.

«Вообще же отдавая отчетъ о моихъ занятіяхъ за все время, я долженъ сказать:

«1) Что всѣ курганы, которые мнѣ доводилось видѣть, занимали большею частію возвышенныя, открытыя, красивѣйшія мѣста.

«2) Что размѣщались они чаще при началѣ склона возвышенности, или по срединѣ его и рѣже при подошвѣ; притомъ вблизи или при самыхъ рѣчкахъ.

«3) Что планъ и форма замѣчались болѣе, или менѣе однообразными. Полукружная линія мелкихъ кургановъ примыкала къ одному большому, какъ ожерелье къ фермуару. Сравненіе это одинъ разъ уже было мною употреблено при описаніи кургановъ села Никульскаго тоже Коломенскаго уѣзда. И мнѣ кажется, говоря о Коломенскомъ уѣздѣ, едва ли не всѣ курганы возникали по одному плану, въ одинаковой формѣ т. е. въ видѣ ожерелья съ фермуаромъ. Гдѣ же встрѣчались группы этихъ насыпей, повидимому не удерживавшихъ подобнаго размѣщенія между собой, то это вѣроятно только потому, что время и рука человѣка многія изъ нихъ уничтожили. Такъ мы разслѣдовали курганы при деревнѣ Безсонихѣ, которые съ перваго взгляда кажутся стоящими безъ всякой опредѣленной правильности, но присмотрѣвшись ясно можно было увидѣть, что и эти курганы были похожи на Никульскіе: между большими насыпями пристальному взору нельзя было не замѣтить очень легкихъ возвышенностей когда-то бывшихъ кургановъ, въ чемъ на мѣстѣ и убѣдились: стоило только нѣсколько разъ копнуть, чтобы открыть въ землѣ остатки костяка. Такимъ образомъ, еслибы эти едва замѣтныя возвышенности увеличить до гораздо большаго объема, то вся группа кургановъ получила бы видъ ожерелья съ фермуаромъ.

«4) Что всѣ насыпи, которыя образовывали курганы, состояли изъ той же почвы, на которой стояли; но гдѣ была брата земля для нихъ, часто мудрено было догадаться.

«5) Что во всѣхъ тѣхъ курганахъ, или насыпяхъ, въ которыхъ можно было надѣяться открыть костякъ, отъ начала и до конца попадались мелкія угольи; курганы, въ которыхъ не было угольевъ, оказывались пустыми, ничего не содержащими.

«6) Во всѣхъ курганахъ попадались горшечные черепки, или и самые горшки, находимые обыкновенно въ ногахъ, съ признаками пепла, или безъ него.

«7) Что въ курганахъ, гдѣ не попадались угольи, не попадались и горшечные черепки.

«8) Костяки открывались большею частью на материкѣ и рѣдко углубленными въ землѣ; если это случалось, то глубина ямы никогда болѣе полуаршина не была находима.

«9) Что положеніе костяковъ вездѣ замѣчалось одинаковое: или ногами на востокъ, головою на западъ, или ногами на сѣверовостокъ, головою на юго-западъ.

«10) Что относительно правильное размѣщеніе костей между собою въ скелетѣ находимо было рѣдко вслѣдствіе смѣшенія ихъ, вѣроятно отъ неравномѣрнаго давленія осѣдавшей насыпи. Болѣе же всего смѣшеніе было усматриваемо относительно головы и костей реберъ, менѣе въ другихъ остальныхъ.

«11) Двухъ-ярусныхъ кургановъ не попадалось ни одного, въ одномъ курганѣ два костяка открываемы были рѣдко; большею частію по одному въ одномъ курганѣ.

«12) Что въ каждой мѣстности или въ извѣстной группѣ кургановъ, между общими всѣмъ курганамъ вещами, находимы были свои особенныя, какихъ въ другой группѣ не попадалось. Такъ въ курганахъ деревни Безсонихи почти вездѣ встрѣчается головной уборъ въ видѣ витаго обруча; этого обруча по сосѣдству нигдѣ не оказалось; найдено въ курганахъ села Ачкасова, но другой формы, плоской. Этихъ ачкасовскихъ, въ свою очередь, нигдѣ не найдено въ другихъ мѣстахъ. Въ курганахъ села Суворова найдено: изображеніе дракона, чего, сколько мнѣ извѣстно, еще не встрѣчалось нигдѣ. Былъ ли этотъ драконъ простымъ украшеніемъ, не выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ, или ему слѣдуетъ дать гораздо большее значеніе, я не беру на себя права рѣшенія этого вопроса. Изображеніе дракона въ Коломенскомъ уѣздѣ можно встрѣтить на церковной паперти подгороднаго села Городищъ. Церковь тамъ вся изъ бѣлаго камня и почитаетття очень древнею. Драконъ рельефный, высѣченный изъ бѣлаго камня (известняка). Какъ объяснить это явленіе на православной церкви? Городищенскіе старики расказывали о драконѣ слѣдующее: что когда-то, часто набѣгавшіе на Коломну Татары принялись грабить церковь и когда дошло дѣло до обдиранія ризъ съ образовъ, то стали слѣпнуть, когда останавливались, то зрѣніе ихъ опять возвращалось. Повторяя это неоднократно Татары убѣдились, что великъ русскій Богъ, и въ ознаменованіе этого событія положили печать неприкосновенности къ церкви изображеніемъ дракона. Найденный драконъ въ курганахъ села Суворова не бросаетъ ли тѣнь на племя, которое мы условились называть курганнымъ?»

Непр. чл. И. Д. Бѣляевъ прочелъ составленное имъ весьма подробное, археологическое описаніе тѣхъ вещей, которыя найдены были А. М. Анастасьевымъ въ 16 курганахъ и были представлены въ засѣданіе.

Послѣ А. П. Богдановъ заявилъ о важности краніологическихъ изслѣдованій на ряду съ археологическими открытіями и выразилъ надежду, что собравшійся въ Москвѣ археологическій съѣздъ постановитъ за правило, чтобы въ программы археологическихъ раскопокъ включаемо было сохраненіе костяковъ и череповъ, находимыхъ въ курганахъ. Н. А. Поповъ сообщилъ нѣкоторыя изъ соображеній, къ коимъ пришелъ археологическій съѣздъ по отдѣленію сѣверныхъ древностей: о границахъ распространенія и о признакахъ славянскихъ могилъ, о путяхъ которыми проникали на сѣверъ вѣщи бронзоваго вѣка, о важности химическихъ изслѣдованій бронзовыхъ вещей, о средствахъ изучать фауну и флору доисторическихъ временъ по курганнымъ остаткамъ, о нѣкоторыхъ характерическихъ признакахъ могилъ литовскаго края и древнихъ поселеніяхъ финскаго племени. А. П. Богдановъ указалъ на нѣкоторое различіе въ выводахъ относительно раскопокъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, къ которымъ приходятъ русскіе археологи и краніологи.

6) Предсѣдатель предложилъ въ члены Отдѣла: К. А. Попова и Ф. Я. Трейланда. *Опредѣлено*: признать ихъ членами Отдѣла и довести о томъ до свѣдѣнія Совѣта Общества.

ЗАСѢДАНІЕ ПЯТОЕ.

(9 октября 1869 года).

Засѣданіе происходило въ библіотечной залѣ Университета подъ предсѣдательствомъ Н. А Попова, въ присутствіи 32 членовъ и нѣсколькихъ стороннихъ лицъ.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ прошедшаго засѣденія.

2. Предсѣдатель заявилъ, что, по соглашенію съ почетнымъ членомъ Общества В. А. Дашковымъ, рѣшено было въ засѣданіи 27 марта употребить изъ денегъ, назначенныхъ на этнографическія преміи, 500 руб. на собираніе матеріаловъ для этнографическаго изученія латышскаго племени. Съ этою цѣлію особою коммиссіею разсмотрѣны были и утверждены: а) изчисленіе расходовъ, необходимыхъ для поѣздки въ латышскій край съ вышеозначенною цѣлію; б) списокъ мѣстамъ, посѣщеніе которыхъ желательно во время означенной поѣздки, и в) русскій, латышскій и нѣмецкій тексты циркулярнаго отношенія отъ имени Отдѣла къ различнымъ Обществамъ, учрежденіямъ и лицамъ, могущимъ содѣйствовать Отдѣлу и уполномоченному имъ члену Ф. Я. Трейланду, при собираніи этнографическихъ матеріаловъ о Латышахъ. Предварительные расходы на сношенія по этому предпріятію и на трехъ-мѣсячную поѣздку Ф. Я. Трейланда въ разныя мѣстности Курляндіи, Лифляндіи и латышской части Витебской губерніи, замѣчательныя какими-

либо остатками латышскихъ народныхъ особенностей, и на пріобрѣтеніе различныхъ предметовъ, употребляемыхъ въ домашней жизни Латышей, могли быть покрыты вышеназванною суммой. «Что касается маршрута, которому слѣдовалъ нашъ собиратель матеріаловъ для этнографическаго изученія Латышей, то онъ приблизительно былъ слѣдующій. 1) Уѣздный городъ *Рѣжица* (по лат. Rehsekne), окрестности котораго представляютъ въ нѣкоторомъ отношеніи какъ бы средоточіе витебско-латышской или лифляндской народной жизни; 2) мѣстечко *Варкляни* или имѣніе Новое Рыково (по лат. Faun-Rikowa), въ окрестностяхъ котораго можно замѣтить нѣкоторыя своеобразныя отличія въ народномъ бытѣ Латышей; 3) г. Рѣжица; 4) уѣздный городъ *Динабургъ* или *Двинъ-городъ* (по лат. Daugawpils или Dinaburga),—народная жизнь около Двиньгорода замѣтно приближается къ такъ-называемой «чисто латышской», встрѣчающейся около Митавы и Риги; инородческая примѣсь, коею витебское латышество такъ богато, около Динабурга значительно теряется; 5) Крейцбургъ и уѣздный городъ *Якобштатъ* или *Яковгородъ* (по лат. Jehkalmeesto); 6) имѣніе *Саукенъ* (по лат. Sauka); 7) *Яковгородъ*; 8) имѣніе Кокенгаузенъ или *Коконосъ*; 9) городъ *Фридрихштатъ* или *Новая Митава* (по лат. (Faun Felgama). Около послѣднихъ четырехъ пунктовъ представители латышско-народной группы, извѣстной подъ именемъ «Земгаловъ», находятся въ наиболѣе чистомъ видѣ; 10) губернскій городъ *Рига*, почтенный пунктъ искаженія народной жизни Латышей, какъ и попытокъ возстановленія ея; 11) Губернскій городъ *Митава*, городъ почти латышскій. Народный типъ и народная жизнь въ окрестностяхъ послѣднихъ двухъ пунктовъ считаются наиболѣе латышскими; 12) Уѣздный городъ *Баускъ* (по лат. Bauska). Непосредственное соприкосновеніе пріубасскихъ Латышей съ литовскимъ племенемъ имѣло послѣдствіемъ нѣкоторое общительное вліяніе литовскаго племени на окрестныхъ Латышей Бауска; 13) г. Митава; 14) мѣстечко Добленъ (по лат. Dohbelle); 15) городъ Фрауенбургъ (по лат. Salda), 16) имѣніе *Лютрингенъ* (по лат. Luttrini); оба послѣдніе пункта находятся почти на границѣ «чисто-латышской» и «таменекенской» латышско-народныхъ группъ, значительно отличающихся другъ отъ друга; 17) городъ *Фрауенбургъ*; 18) уѣздный городъ *Газенпотъ*, находящійся внутри района, занятаго таменькенскою латышско-народной группой; 19) имѣніе барона Штиглица *Эззернъ*, въ которомъ Латыши, состоящіе въ непосредственномъ соприкосновеніи съ Литвинами Ковенской губерніи, усвоили себѣ отъ послѣднихъ довольно много въ этнографическомъ отношеніи, 20) г. *Газенпотъ*; 21) уѣздный городъ *Гробинень* (по лат. Grohbina); 22) городъ *Либава* (по лат. Leepaja). Въ окрестности двухъ послѣднихъ пунктовъ находятся имѣнія, въ которыхъ Латыши, какъ по народнымъ своимъ костюмамъ, такъ и обычаямъ, видимо отличаются отъ окружающей массы ихъ соплеменниковъ. Отличія эти въ особенности рѣзко выступаютъ на видъ въ 23) имѣніи *Руцау* (по лат. Ruzawa) и въ немногихъ другихъ имѣніяхъ; 24) уѣздный городъ *Голдингенъ* (по лат. Kuldiga), бывшая вторая резиденція герцогства Курляндіи, въ окрестности котораго тоже находятся имѣнія, въ которыхъ народъ сохранилъ любопытныя отличія отъ окружающихъ его соплеменниковъ. Таковыя имѣнія, наприм. 25 и 26) *Альшванигенъ* (по лат. Alschwanga) и *Эдвальнъ* (по лат. Ehdole); 27) городъ *Пильтенъ* (по лат. Piltene). Въ окрестностяхъ Пильтена Латыши уже имѣютъ въ своемъ народномъ составѣ нѣкоторую примѣсь древне-ливской народности, населявшей эту страну во время нашествія на Латышію балтійскихъ Нѣмцевъ; 28) уѣздный городъ *Виндава* (по лат. Wenstpille); 29) имѣніе *Донданигенъ* (по лат. Dundaga). Около послѣднихъ двухъ пунктовъ ливскій народный элементъ довольно сильно и оглядываетъ сквозь народную жизнь тамошнихъ Латышей, отличающихся значительно отъ Латышей перечисленныхъ выше мѣстностей; 30) города *Митава*, *Рига*; 31) имѣнія *Трейденъ*, *Кремонъ* (по лат. Turraide, Krimulde); 32) уѣздный городъ *Венденъ* (по лат. Zehsis), въ окрестности котораго найдутся не мало новыхъ особенностей въ народной жизни; 33) уѣздный городъ *Вольмаръ* (по лат. Walmeere). Окрестныхъ Латышей считаютъ не менѣе «чистыми Латышами», чѣмъ приижскихъ и примитавскихъ Латышей. 34) Мѣстечко *Руйенъ* (по лат. Ruyene). Вслѣдствіе пріобрѣтенія подъ выгодными условіями поземельной собственности, внѣшняя сторона народной жизни въ окрестности Руйена приняла совсѣмъ новый, небывалый видъ. На сѣверъ отъ отъ Руейна уже замѣтна смѣсь Латышей съ эстонскимъ народнымъ племенемъ; 35) г. *Вольмаръ*; 36) уѣздный городъ *Валкъ* (по лат. Walka), находящійся на границѣ между Латышами и Эстонцами. Въ окрестности Валка народная жизнь представляетъ пеструю смѣсь латышскаго и эстонскаго народныхъ элементовъ; 37) имѣніе *Аглукенс*, въ окрестности котораго Латыши приняли въ народной жизни своей не только много эстонскаго, но и русскаго; 38) имѣніе *Пебалгъ*, въ которомъ Латыши представляютъ весьма рѣзкія отличія отъ всѣхъ прочихъ ихъ соплеменниковъ; у нихъ сохранились особаго рода костюмы и обычаи, у нихъ въ значительной степени развита промышленность и благосостояніе, что у прочихъ Латышей рѣдко встрѣчается; 39) имѣніе *Вьстенъ*; 40) *Стокмансгофъ* (станція Риго-Динабургской желѣзной дороги)».

Что касается приглашеній къ содѣйствію и участію

въ предпріятіи Отдѣла, разосланныхъ въ прибалтійскія губерніи, то они были слѣдующія:

А) На русскомъ языкѣ:

«Этнографическій Отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, въ своемъ засѣданіи 27 марта сего года постановилъ приступить, въ видѣ продолженія этнографическаго изученія инородческихъ племенъ Россіи, къ собиранію этнографическихъ свѣдѣній о Латышахъ, населяющихъ значительную часть Прибалтійскаго края, и различныхъ предметовъ изъ ихъ семейнаго, домашняго и хозяйственнаго быта. Всѣ собранныя такимъ образомъ свѣдѣнія предположено издать въ видѣ особаго сборника, въ составъ котораго должны войти: описаніе физическаго типа Латышей, ихъ жилищъ, пищи, домашней обстановки, будничной и праздничной жизни, семейныхъ и общественныхъ обрядовъ и обычаевъ (напримѣръ соблюдаемыхъ при крестинахъ, свадьбахъ, похоронахъ и сельскихъ праздникахъ, при жатвѣ, собираніи плодовъ и т. п.), ихъ народныя преданія и повѣрья, пословицы, сказки и пѣсни, опредѣлить ихъ географическое распространеніе и племенное дѣленіе, ихъ отношенія къ другимъ племенамъ Латышско-Литовской группы, особенности языка и народной литературы; при этомъ желательно имѣть образцы, модели или рисунки ихъ жилищъ и одѣяній. Такая широкая программа этнографическаго изученія Латышскаго племени заставляетъ Этнографическій Отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи въ Москвѣ обратиться къ Вамъ, милостивый государь, съ покорнѣйшею просьбой оказать возможное и зависящее отъ Васъ содѣйствіе, такому чисто-научному предпріятію.

«Въ случаѣ, еслибы Вамъ, милостивый государь, угодно было оказать это содѣйствіе, то Этнографическій Отдѣлъ проситъ Васъ почтить увѣдомленіемъ о томъ г. члена Совѣта Общества, директора Московскихъ публичныхъ музеевъ, гофмейстера Двора Его Императорскаго Величества, Василія Андреевича Дашкова (на Тверскомъ бульварѣ, домъ Горчаковой).

«Главныя же работы по редакціи сборника, въ составъ котораго должны войти собранныя такимъ образомъ свѣдѣнія о Латышахъ, поручены дѣйствительному члену Отдѣла и сотруднику Общества Ѳедору Яковлевичу Трейланду, которому кромѣ того поручено войдти въ сношенія о томъ же предметѣ съ мѣстными учеными Прибалтійскаго края».

Б) На нѣмецкомъ языкѣ:

«Die ethnographische Section der Kaiserlichen naturforschenden Gesellschaft der Anthropologie und Ethnographie bei der Kaiserlichen Universität zu Moscau beschloss in ihrer am 27 März dieses Jahres Statt-gehabten Sitzung, anzuordnen, dass in Fortsetzung ihrer detaillirten Erforschung der einzelnen Volksstämme Russlands, ethnographische Nachrichten über Letten, welche einen dedeutenden Theil des baltischen Küstengebiets bewohnen, gesammelt werden, so wie auch Auskünfte über verschiedene Gegenstände aus ihrem häuslichen, wirthschaftlichen und Familienleben. Alle gesammelten Nachrichten sollen durch den Druck in der Gestalt eines besonderen Werkes veröffentlicht werden, welches enthalten soll: eine Beschreibung des physischen Typus der Letten, ihre Wohnungen, Speisen, häuslichen Einrichtungen, ihr Leben an Arbeits-und Feiertagen, ihre Sitten und Gebräuche im Familien-und öffentlichen Leben (z. B. bei Kindtaufen, Hochzeiten, Begräbnissen, landmännischen Feierlichkeiten, bei der Ernte etc. etc. etc.), ihren Aberglauben, ihre Volkssagen, Sprüchwörter, Fabeln, Lieder, ihre geographische Verbreitung und Stammestheilungen, ihre Beziehungen zu anderen Stämmen der lettisch-lithauischen Gruppe, besonders bezüglich der Sprache und Volksliteratur. Dabei wäre es wünschenswerth Muster, Modelle oder Abbildungen von ihren Wohnungen und Kleidern zu haben. Dieses umfassende Programm ethnographischer Studien über das Lettenvolk veranlasst die ethnographische Section der Kaiserlichen Gesellschaft der Naturkunde, Anthropologie und Ethnographie, sich an Sie, geehrter Herr, von Ihrem Eifer zur Förderung der Wissenschaft überzeugt, mit der ergebensten Bitte zu wenden, diesem Unternehmen Ihre möglichste Beihülfe gewähren zu wollen.

«In Falle Sie, geehrter Herr, dieser Bitte der Section einige Beachtung zu schenken willens sind, ersucht dieselbe Sie ausserdem, den Director der Moskauer Museen, den Hofmeister des Hofes Sr. Kaiserlichen Majestät, Wassilij Andrejewitsch Daschkow mit einer Benachrichtigung über Ihre Mitwirkung beehren zu wollen.

«Die Hauptarbeiten bei der Redaction des Werkes, das die auf solche Weise gesammelten Nachrichten über die Letten enthalten wird, sind dem wirklichen Mitgliede der Section und Mitarbeiter der Gesellschaft, F. Treuland, anvertraut, dem auch übertragen worden, mit den örtlichen Gelehrten der baltischen Gouvernements wegen dieses Unternehmens sich in Beziehung zu setzen".

В) На латышскомъ языкѣ:

Etnografijas nodalla tahs Keišariskas dabbas šinnatnibas, antropologijas un etnografijas Beedribas, kas pee Keišariskas Maskawas universitetes pastahw, nospreeda sawâ sehdeschanâ no 27 Merza tekkoschâ gaddâ, ussahkt etnografijas šinnu wahkschanu par Latweescheem, kas leelu dallu no Baltijas peekrastes apdšihwo, ka arri daschadas leetus no Latweeschu fami-

lijas, mahjas un saimneezibas buhschanahm; winna to darra pehz sawa padallai jau iśwesta nodohma: ikweenu no tautahm, kas Kreewijâ mahjo, sawrup etnografigi isdibbineht.—Jrr nodohmats, wissas sakrahtas śiņņas drukkaht ihpaschâ grahmatâ, kurrâ atraddisees: Latweeschu fiśiska tipa (auguma, sejas) aprakstischana, par Latweeschu dśihwokleem, chdeeneem, mahjas buhschanu, par Latweeschu dsihwi darbdeenâs, swehtdeenâs un swehtkôs, par winnu familijas un beedrigahm eeraschahm (p. pr. eeraschahm, kurras wehl eewehro un ispilda kristibâs, kahśâs, behrês, lauzineeku swehtkôs jeb dsihrâs, pee plauschanas, auglu eewahkschanas un t. j. pr.), par Latweeschu tautas teikahm, mahneem, sakkameem wardeem, pasakkahm, dseesmahm un śiņgehm, par Latweeschu tautas geografigu isplahtischanohs un isschkirschanohs sawâ starpâ, par Latweeschu tautas śihmeschanohs us zittahm tautahm no Latweesch-Leischu tautu gruppas, ihpaschi wallodâ un tautaś rakstneezibâ. Turklaht buhtu lôhti geldigas: prohwes, modelles, zeikinejumi jeb bildes no Latweeschu mahjahm un apgehrbeem. Lai schadu plaschu programmu par Latwju tautas etnografigas iśdibbineschanu jo labbaki ispildiht varretu, Etnografijas nodalla tahs Keiśariskas dabbaś śinnatnibas, antropologijas un etnografijas Beedribas Maskawâ, no Juhsu zenschanahs preeksch śinnatnibahm pahrleezinata, Juhs, zeenigs kungs, pasemmigi luhds, schim nodohmahm Juhsu zikspehdamu peepalidśibu parahdiht.

«Ja Jums, zeenigs kungs, labpatiktu palidsigy rohku pee schi darba sneegt, tad Etnografijas nodalla Juhs luhdś, par Juhsu paliga prahtu paśiņņoht Maskawas atklahtu museju direktori, Winna Keisariskas Majistetes augsta Namma Hofmeisteru, Wassiliju Andrejewitschu Daschkowu. Tas darba wairums redakzijas leetâ, pee sawahktu siņņu sastahdischanas preeksch drukkas, irr ustizzets tam ihstenam etnografijas nodallas beedram un Beedribas lihdśstrahdneekam, F. Treuland kungam, kurram turklaht irr uswehlets schi leetâ ar mahziteem wihreem Baltijâ sarakstitees».

Въ отвѣтъ на эти приглашенія получено бы лонѣсколько отвѣтовъ, частію на имя Отдѣла, частію на имя В. А. Дашкова, пожертвовавшаго суммы, необходимыя для выполненія предпріятія, частію на имя Ф. Я. Трейланда. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ.

Отъ члена Высочайше утвержденнаго Общества для изученія исторіи и древностей Прибалтійскаго края въ Ригѣ (Allerhöchst bestätigte Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostsee-Provinzen), А. Бютнера такого содержанія:

«Будучи приглашенъ этнографическимъ Отдѣломъ Московскаго Общества Испытателей Природы доставлять свѣдѣнія о характеристикѣ и прочемъ, касающемся Латышей, нахожу нужнымъ обратиться къ вамъ съ слѣдующими строками. Лѣтъ 30 назадъ я усердно занимался собираніемъ латышскихъ народныхъ пѣсенъ, изъ которыхъ въ 1844 г., при пособіи Латышскаго Литературнаго Общества, напечатано около 2800, изданныхъ въ одной тетради. Хотя эти пѣсни большею частію стары, очень стары, однако онѣ можутъ служить достовѣрнымъ свидѣтельствомъ латышскаго національнаго характера въ теперешнее время. Въ 1859 году, отобравъ около 50 нумеровъ пѣсенъ, я пытался перевести ихъ, дабы издать съ примѣчаніями, но это не удалось мнѣ. Мой переводъ, конечно не годится для печати, но онъ вѣренъ буквально и по смыслу, и потому можетъ быть будетъ не безполезенъ для цѣлей Московскаго этнографическаго Общества. И такъ, м. г., если вы пожелаете получить мой манускриптъ, то всепокорнѣйше прошу извѣстить меня, какъ бы я могъ переслать его къ вамъ; я готовъ служить вамъ именно чѣмъ могу. Вотъ содержаніе этой рукописи: 1) пѣніе — 30 пѣсенъ, 2) миѳологическихъ—38; 3) созерцаніе природы—66; 4) любовныхъ пѣсенъ—124; 5) свадебныхъ—34; 6) наставительныхъ и нравственныхъ — 45, 7) шуточныхъ, насмѣшливыхъ—21; 8) жалобныхъ - 73; 9) воинственныхъ—13; 10) застольныхъ—6; 11) колыбельныхъ — 25; 12) дѣтскихъ — 20; всего 496 пѣсень. Изъ числовыхъ отношеній этихъ группъ одна къ другой вы можете нѣкоторымъ образомъ составить себѣ понятіе о духѣ латышской народной поэзіи, о сильныхъ и слабыхъ сторонахъ ея. Группы 9 и 10 очень скудны, за то нѣтъ можетъ быть никакой другой націи, которая бы такъ искренно сочувствовала природѣ, такъ глубоко, всей душой погружалась бы въ нее и такъ исчерпывала бы ее какъ Латыши. Можно сказать, что формальный характеръ латышской народной пѣсни состоитъ въ слѣдующемъ: картина, взятая изъ природы, служитъ ей символомъ человѣческой жизни. Во всѣхъ пѣсняхъ лежитъ отпечатокъ грусти, вызванный не столько обстоятельствами, какъ собственно національнымъ характеромъ, побуждающимъ Латышей пѣть, хотя впрочемъ эта грусть можетъ быть именно обстоятельствами усиливалась и питалась».

«P. S. Если у васъ нѣтъ латышскаго текста пѣсенъ, и если вы не можете получить ихъ отъ президента Латышскаго Литературнаго Общества, пастора Биленштейна въ Добленѣ, то въ случаѣ надобности я могъ бы доставить вамъ мой собственный экземпляръ».

Пасторъ казеннаго имѣнія Дубенау Б. Мюлендорфъ прислалъ такое письмо: «Вслѣдствіе отношенія этнографическаго Отдѣла московскаго Общества любителей Естествознанія отъ 12-го апрѣля сего года за № 82, ниже подписавшійся имѣетъ честь заявить свою готовность, въ случаѣ если упомянутому Отдѣлу понадобятся дополнительныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ пунктахъ обильнаго и всѣмъ доступнаго матеріала,

собраннаго изслѣдованіями нашего латышскаго Общества, доставлять означенныя свѣдѣнія, по мѣрѣ его знанія въ этомъ дѣлѣ и времени, какимъ онъ можетъ располагать».

Отъ г. Мольтуха изъ Фрауенбурга получено было слѣдующее письмо: «Имѣвъ честь получить циркуляръ отъ 12-го апрѣля сего года (за № 40), препровожденный ко мнѣ отдѣломъ Антропологіи и Этнографіи Императорскаго Общества Естествоиспытателей, я къ сожалѣнію долженъ сознаться, что могу по этому предмету оказать лишь незначительныя услуги. — Я могу сообщить только нѣкоторыя личныя мнѣнія, но не точныя свѣдѣнія, ибо мнѣ никогда не представлялось случая изучить домашнюю жизнь балтійскихъ народныхъ племенъ; притомъ это была бы и весьма трудная задача, ибо въ этой, такъ сказать, странѣ особенностей и народная жизнь, на самыхъ незначительныхъ разстояніяхъ, представляетъ разительныя особенности и различія. Мое мнѣніе заключается въ слѣдующемъ: такъ какъ балтійскія народныя племена Латышей и Эстовъ должны быть почитаемы весьма отсталыми въ культурѣ и цивилизаціи, то у нихъ оказывается еще весьма рѣзко выступающій недостатокъ благороднѣйшихъ человѣческихъ качествъ. Это люди очень несчастные, положеніе которыхъ дѣйствительно заслуживаетъ, чтобы въ настоящее время на нихъ было обращено особенное вниманіе. Вѣроятно въ скоромъ времени мнѣ случится туда ѣхать, и тогда я не премину озаботиться о ближайшемъ освѣдомленіи. Теперь имѣю въ виду только обратить ваше вниманіе на то обстоятельство, что самыя надежныя свѣдѣнія можно получить преимущественно отъ пасторовъ, и поэтому присоединяю нижеслѣдующіе адресы двухъ изъ нихъ».

Приходскій учитель мѣстечка Руіена Э. А. Швахъ увѣдомлялъ Отдѣлъ: «нижеподписавшійся имѣетъ честь всепокорнѣйше заявить о своей готовности заняться собираніемъ для Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества испытателей природы, состоящаго при московскомъ университетѣ, этнографическихъ свѣдѣній о Латышахъ руіенскаго прихода, на сколько это возможно для простаго, не очень ученаго, и при томъ имѣющаго весьма много дѣла школьнаго учителя. По этому ниже подписавшійся всепокорнѣйше проситъ извѣстить его, къ какому позднѣйшему сроку и какимъ путемъ желаемыя свѣдѣнія должны быть высланы. Нижеподписавшійся позволяетъ себѣ поставить на видъ, что назначеніе нѣкоторыхъ денежныхъ средствъ для снятія фотографическаго изображенія иныхъ лицъ и предметовъ и проч. могло бы значительно способствовать этому дѣлу.“

Всѣ эти письма писаны были по нѣмецки, но прочитаны въ засѣданіи предсѣдателемъ Отдѣла въ русскомъ переводѣ. Также сочувственно отнеслось къ предпріятію Отдѣла Рижское Латышское Общество и еще нѣсколько лицъ, ограничившихся на первый разъ простымъ одобреніемъ предпріятія этнографическаго отдѣла. Предсѣдатель Н. А. Поповъ предложилъ благодарить письменно отъ имени Отдѣла всѣхъ тѣхъ, кто выразилъ готовность участвовать въ изданіи матеріаловъ для этнографическаго изученія Латышей. Это предложеніе было принято и опредѣлено: увѣдомить всѣхъ отнесшихся въ Отдѣлъ съ своими заявленіями слѣдующимъ письмомъ: «Участіе и сочувствіе, которыя Вы, Милостивый Государь, оказываете намѣреніямъ Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Естествознанія относительно этнографическаго изслѣдованія латышскаго народнаго племени, обязываютъ Этнографическій Отдѣлъ Общества Любителей Естествознанія къ выраженію искренней Вамъ признательности. Ваши же предложенія касательно собранныхъ Вами, Милостивый Государь, этнографическихъ матеріаловъ, будутъ предметомъ подробнаго обсужденія, по приведеніи въ извѣстность всѣхъ собранныхъ Отдѣломъ матеріаловъ. Исполненіе же сего дѣла возложено на д. ч. Общества Ф. Я. Трейланда».

3) Предсѣдатель напомнилъ, что во время этнографической выставки 1867 года присланъ былъ въ общество барономъ Эммануиломъ Зассъ-Касселемъ проэктъ этнографическаго изслѣдованія Эстовъ острова Эзеля (на нѣмецкомъ языкѣ) и прочелъ его въ русскомъ переводѣ. Вотъ оно:

«Изслѣдованія могутъ имѣть двоякое направленіе: составленіе по возможности точной коніи современнаго состоянія народонаселенія или собраніе всего доступнаго матеріала, относящагося до прежняго быта его.

I. Для изображенія современнаго состоянія представляются необходимыми:

1) Коллекція фотографическихъ портретовъ.

Выполненіе этой коллекціи не встрѣтитъ особыхъ затрудненій при существованіи въ Аренсбургѣ хорошей фотографіи. Для выбора лицъ слѣдуетъ руководствоваться наиболѣе типическими чертами лица въ различныхъ мѣстахъ острова. Практическое выполненіе достигнется нѣсколькими поѣздками въ праздничные дни въ различные приходы. Необходимо только опредѣлить размѣры и число портретовъ. Каждый портретъ получитъ обозначеніе имени, сословія, возраста, занятія, мѣстожительства и т. п.

2) Скелеты, черепа, мумифицированныя головы. Должно получить особое разрѣшеніе правительства на произведеніе раскопокъ.

3) Костюмы. Со времени независимости острова, когда имъ управляли нѣсколько старшинъ (wannens), сохранились въ 12 церковныхъ округахъ (соотвѣтствующихъ прежнимъ областямъ Kisselgonden) совер-

шенно различные костюмы, которые приближаются или къ береговому типу, или къ нормано-шведскому, и потому могутъ быть собраны:

a) Рисунки костюмовъ всѣхъ церковныхъ приходовъ съ изображеніемъ характеристическихъ группъ и раскрашенные. Для этого должно опредѣлить размѣръ и эта работа могла бы быть поручена учителю рисованія при аренсбургской гимназіи, уже издавшему въ небольшомъ размѣрѣ таковые рисунки.

b) Образцы всѣхъ костюмовъ и принадлежностей.

c) Коллекціи манекеновъ въ костюмахъ. Для выполненія въ человѣческій ростъ надо пригласить особыхъ художниковъ; если же можно въ уменьшенный ростъ, какъ модели, то пишущій охотно возметъ на себя изготовленіе такой коллекціи. Если манекены должны быть анатомически вѣрны, то выполненіе ихъ надо производить на мѣстѣ.

4) Принадлежности домашняго быта, орудія, убранство горницъ, музыкальные инструменты, земледѣльческіе и рыболовные снаряды, могутъ быть получены покупкой настоящихъ или изготовленіемъ моделей, хотя и не всѣхъ, какъ напр. музыкальныхъ инструментовъ.

5) Модели жилищъ съ окружающими ихъ принадлежностями суть важные характеристическіе признаки для этнографіи и исторіи народовъ.

6) Чучелы животныхъ. Образцы породъ почвы, строительныхъ матеріаловъ и пр., такъ какъ и они имѣютъ несомнѣнное значеніе для характеристики.

Изъ домашнихъ животныхъ лошадь особой породы. Въ отношеніи этой лошади должно замѣтить, что ея порода также древняя, какъ и населеніе. Объ ней появится вскорѣ сочиненіе, которое будетъ доставлено въ Общество.

Какъ свидѣтельство древне-акклиматизованнаго животнаго изъ средиземныхъ странъ (до sachsische Escurialwarderung)—овцы.

Кромѣ того могутъ быть изготовлены чучелы всѣхъ домашнихъ животныхъ по желанію для музеума.

II. Для исторіи и изображенія прежняго быта необходимы:

1) Раскопки. На островѣ Езелѣ ихъ еще не производили. Но случайныя находки даютъ во всякомъ случаѣ увѣренность, что отъ раскопокъ будутъ получены интересные результаты. Наиболѣе замѣчательная находка до сихъ поръ—каменный топоръ каменнаго періода (Гревингъ). Кромѣ того находятъ монеты датскія и шведскія, оружіе германскихъ завоевателей, орудія туземцевъ, ножницы для стрижки овецъ, желѣзные топоры, клещи, бронзовыя украшенія. Мѣстонахожденіе—древнія поля битвъ. Эти вещи сохраняются въ частныхъ собраніяхъ и съ нихъ могутъ быть сдѣланы рисунки, которые будутъ препровождены вмѣстѣ съ новыми найденными оригиналами.

2) Рисунки и планы укрѣпленій (Bauerburgen), сохраняющіеся въ церковныхъ приходахъ.

3) Изслѣдованіе церквей, кладбищъ, памятниковъ и пр. Изслѣдованіе памятника народнаго героя Föllo.

Кромѣ этихъ коллекцій письменное краткое изложеніе фактовъ, относящихся до этнографіи. Въ это изложеніе могутъ быть включены:

1) Исторія народа,

2) Всѣ доступныя преданія (Sagen),

3) Описаніе обычаевъ и нравовъ,

4) Описаніе ежедневныхъ занятій, земледѣлія, скотоводства, рыболовства и техническихъ производствъ;

5) Гражданское право населенія,

6) Религія и богослуженіе.

Референтъ охотно предложилъ бы свои усулуги для такого труда, если бы возможно было его издать.

Примѣчаніе.

Весьма важной мѣрой для изученія чудскихъ племенъ была бы научная экспедиція.

Находки, сдѣланныя въ настоящее время на Днѣпрѣ и въ Остзейскихъ провинціяхъ, представляютъ для для такихъ изслѣдованій обширное поле. Они отодвинули этотъ народъ къ классической древности. Эти изслѣдованія могутъ доказать, что Эсты не автохтоны ихъ настоящей теперешней страны, что въ нихъ сохранились первоначальные предки періода датскихъ кухонныхъ отбросковъ, единственными представителями которыхъ являются современные Лапландцы, что они составляютъ горсть чудскаго племени оставшагося между Ливами на южномъ берегу балтійскаго моря во время перехода племени къ сѣверу.

Въ виду этого были бы желательны изслѣдованія надъ всѣми чудскими племенами, какъ то: Лапландцами, Финнами, Эстами, (Летами, Литвою), Чувашами, Черемисами и пр.

Не только филологическое изученіе, но также и изслѣдованіе преданій, обычаевъ, нравовъ, права и религіи, вмѣстѣ съ тѣмъ составленіе коллекцій портретовъ и рисунковъ костюмовъ, домашняго быта, хозяйства, орудій и пр. и въ особенности раскопки, должны быть задачей экспедиціи. Эта экспедиція должна быть произведена начиная съ Эстляндіи, такъ какъ Эсты и Финны сравнительно далѣе ушли въ цивилизаціи, чѣмъ всѣ остальныя чудскія племена. Для экспедиціи надо избрать кого либо изъ остзейскихъ провинцій, кто былъ бы знакомъ съ населеніемъ и съ его обычаями, занятіями и проч. Для ученаго кабинетнаго такое изслѣдованіе труднѣе.

Къ лицу, которому будетъ поручена экспедиція было бы желательно прикомандировать Эста изъ простонародья.»

При этомъ Предсѣдатель замѣтилъ, что издержки на подобныя изслѣдованія острова Эзеля, высчитанныя самимъ авторомъ проэкта, весьма значительны и много превышаютъ расходы, употребленные Отдѣломъ на этнографическое изслѣдованіе Латышей. Опредѣлено: ограничиться въ настоящее время изданіемъ матеріаловъ по этнографіи латышскаго племени, а проэктъ барона Зассъ-Касселя, коимъ не могъ воспользоваться даже комитетъ Этнографической выставки, располагавшій не малыми средствами, имѣть въ виду на будущее время.

4. Д. ч. Ф. Я. Трейландъ прочелъ историческій очеркъ собиранія остатковъ народнаго творчества Латышей. Опредѣлено: напечатать его въ видѣ предисловія къ Сборнику этнографическихъ матеріаловъ о латышскомъ племени.

5. Напр. чл. Общ. Н. Г. Керцелли прочелъ нѣсколько слѣдующихъ при семъ замѣтокъ, изъ коихъ нѣкоторыя могли бы быть, по его мнѣнію, помѣщены въ этнографическомъ календарѣ, предположенномъ Отдѣломъ къ изданію:

«1) *Простонародныя средства лѣченія, которыя состоятъ въ травахъ*: вероника — пьютъ отъ простуды и остановки мѣсячныхъ очищеній. Въ послѣднемъ случаѣ ставятъ ноги въ ванну изъ вероники, шалфея, мяты и богородской травы. Ріонскій щавель,—на корняхъ его настаиваютъ простое вино и примачиваютъ имъ лишаи. Вообще пьютъ какъ декоктъ отъ нечистотъ на тѣлѣ. Полынь пьютъ отъ лихорадки. Материнка употребляется вмѣсто чаю противъ грудной боли и недостатка мѣсячныхъ очищеній. Изъ нея же дѣлаютъ ванны. Подорожникъ—прикладываютъ къ нарывамъ. Чабрецъ варятъ и моютъ имъ голову, если она болитъ. Заячья капуста—сѣмена ея кладутъ въ чай божьяго дерева и пьютъ по утрамъ отъ глистовъ. Болиголовъ или мать-мачиха, смѣшанная пополамъ съ прибавленіемъ мяты, употребляются противъ грудницы. Къ грудямъ же прикладываютъ охлопья окуренныя ладономъ. Въ этомъ же случаѣ прикладываютъ тертую морковь со сливками и листья толченой лебеды. Если же грудница съ нарывомъ, то прикладываютъ тѣсто изъ льняныхъ сѣмянъ на молокѣ и медѣ. Сокъ изъ сѣмянъ, огуречныхъ, конопляныхъ, цикорныхъ, просфирковыхъ или льняныхъ, а еще лучше изъ сѣмени остро-пестро, пьютъ съ медомъ отъ колотья въ груди. Отъ заваловъ дѣлаютъ ванны изъ травъ: ромашки, душицы, бархотцевъ, бѣлой буковицы, золототысячника, богуня, чернобыльника, Божьяго дерева, шандры, маточной травы, чадра и корокъ ясневой и калиновой. Внутрь употребляютъ сокъ мать-мачихи или одуванчиковъ. Для послабленія употребляютъ въ небольшомъ количествѣ порошокъ изъ второй или зеленой травы съ деревъ черемухи или бузины, если эта плева была наскоблена съ дерева сверху внизъ. Если же наскоблена снизу вверхъ, то употребляется какъ рвотное; скоблятъ на Ивановъ день, когда всѣ растенія въ полномъ цвѣту.

2) *Заговоръ противъ укушенія змѣи въ Малороссіи.* Заклинаю васъ, гадюки (змѣи), именемъ Господа нашего Іисуса Христа и св. великомученика и побѣдоносца Георгія и всѣми небесными силами; заклинаю васъ три царицы, Куофію, Невію и Полію, чтобъ не вредили младенцу Петри (или старцу, или паробку, называя его по имени, прибавляя, смотря по цвѣту волосъ: бѣлявому, рудому и пр.). Послѣ заклинанія, читаютъ молитвы: «Пресвятая Троица» пять разъ, «Отче нашъ» семь разъ. Если змѣя очень ядовита, то заговоръ повторяютъ три раза.

3) *Заговоръ отъ глаза:* Помогаешь ты вода явленная, очищаешь ты вода явленная и луга и середину. Очищай ты вода явленная моего нарожденнаго отъ прозора, подумана, и погадана и встрѣчна, и водяного, и вѣтрянаго и женоцько и мужицько, и порубоцько, и дивоцько. Подите вы на сороки, на луга, на очерета, на болота за моря.—При этомъ заговорѣ даютъ пить святую, или заговоренную воду. Нѣкоторые только вспрыскиваютъ водою.

4) *Средство отъ грыжи.* Грыжею называютъ въ Малороссіи ломъ въ рукахъ или ногахъ. Его вылѣчиваютъ такимъ образомъ: призываютъ мальчика или дѣвочку, но чтобъ они были первенцы или послѣ рожденные у отца и матери, у которыхъ уже не можетъ быть дѣтей. Даютъ такому ребенку слегка три раза кусать колѣно или локоть больной руки или ноги. Послѣ каждаго укуса ребенокъ долженъ плюнуть. Отъ этого повидимому страннаго средства, по увѣренію людей просвѣщенныхъ, болѣзнь проходила въ самомъ скоромъ времени. Точно также унимаютъ боль въ животѣ; младенцъ кусаетъ слегка три раза пупочекъ и послѣ каждаго укуса, сплевываетъ по три раза.

5) *Финны вѣрятъ въ вампировъ, и для удержанія ихъ появленія на землѣ, разрываютъ могилу покойника*, оборачиваютъ его трупъ внизъ лицемъ и заколачиваютъ въ пяты желѣзные гвозди. Вѣрятъ въ домовыхъ, что они обогощаютъ и раззоряютъ хозяина дома, смотря по расположенію къ нему. Вѣрятъ въ русалокъ и представляютъ ихъ женщинами съ волосами до земли и съ длинными висящими грудями. Вѣрятъ въ лѣшихъ и воображаютъ ихъ мужчинами или даже безполыми существами, потому что призывая его въ помощь поютъ: меценъ итти, меценъ отти! меценъ султанинъ купнигась! туле путъ митутъ тюкони! т. е. отецъ лѣсной, мать лѣсная! ты добрый

царь лѣсной, поди ко мнѣ! Этотъ лѣшій, по ихъ понятіямъ, выростаетъ и сокращается какъ захочетъ.

6) *Въ Малороссіи каждая родильница на девятый день послѣ родовъ* должна садиться въ легкую ванну изъ травъ, между которыми необходима въ этомъ случаѣ золотникъ трава. Слабаго ребенка купаютъ въ теплыхъ ваннахъ съ сухою травою молодой ржи, сорванной раннею весною, когда трава не пошла на колосъ. Это купанье, по словамъ достовѣрныхъ людей, приноситъ скорую и вѣрную помощь.

7) *Юга* въ Черниговской губерніи называются дни, во время продолжительныхъ жаровъ, когда воздухъ туманится, небо красно и солнце безъ лучей.

8) Отъ укушенія бѣшеными животными въ Курской и Харьковской губерніяхъ употребляютъ травы: лядвенецъ (lotus corniculotus) и приточеникъ, дикую бузину, козлиную бороду и теволгу (spiraca ulmaria).

9) Саратовской губерніи, Аткарскаго уѣзда въ селѣ Сидячемъ существуетъ слѣдующій обычай: въ день Вознесенія Господня на небо, жители этого селенія пекутъ пироги называемые лесенками; они дѣлаются продолговатой формы и укладываютъ ихъ поперегъ палочками. Потомъ приносятъ эти пироги въ церковь. Священникъ служитъ молебенъ съ водоосвященіемъ, кропитъ св. водою пироги и предстоящихъ; часть пироговъ остается въ пользу церковно-служителей, а остальные раздаются нищимъ въ родѣ милостыни. Эта милостыня означаетъ духовную лѣстницу отъ земли на небо, по которой должно восходить нашей душѣ.

10) Народныя примѣты и повѣрья въ Тобольской губерніи. Лѣто дѣлятъ на три части: жаркое и постоянное продолжается съ 1 го Іюня по Іюль, дождливое съ Іюля по 15 августа, свѣтлое съ утренниками по 15 сентября. Съ 8 сентября начинается бабье лѣто. Жестокіе морозы бываютъ въ половинѣ ноября и называются веденскими, за ними слѣдуютъ екатерининскіе, рождественскіе, крещенскіе, афанасьевскіе, срѣтенскіе. По этому ходу говорятъ Покровъ не лѣто, Срѣтенье не зима. Бываетъ такъ, что къ 1-му апрѣля земля обнажается отъ снѣговъ, а въ 20-хъ числахъ того же мѣсяца идутъ снѣга и бываютъ морозы, это то время называется отзимками. Названія праздниковъ имѣютъ свои добавленія. Евдокія плющиха 1-го марта: замѣчаютъ, напр. что если солнце грѣетъ такъ сильно, что подъ порогомъ избы растаетъ снѣгъ, и въ этой лужѣ можетъ купаться курица, то этотъ годъ не будетъ огурцевъ. Василій капетель 7 марта: въ это время обыкновенно капаетъ съ кровель. Арина урви берега 16 апрѣля: около этого времени показываются забережи. Георгій съ водою 23 апрѣля; Никола съ травой 9 мая. Около Георгіева дня вскрывается Иртышъ. Еремея запрягальника 1 мая; выѣзжаютъ въ поле съ сохою. Ирина разсадница 5 мая; сажаютъ капусту для разсады. Лукерья комарница 13 мая; если въ этотъ день покажутся комары, то ягоды родятся въ большомъ изобиліи. Сидора 20 мая: если сѣверъ свиваетъ съ полей сѣно, то будетъ неурожай на сѣно. Акулина задери хвосты 13 іюня; это странное названіе дано по виду, съ которымъ коровы и овцы, не находя покоя отъ оводовъ, бѣгаютъ съ мѣста на мѣсто. Аграфена купальница 23 іюня, въ этотъ день боятся купаться. Ивана гуляшаго 24 іюня, народный праздникъ; Никола обыденный 27 іюня. Авдотья сѣногнойка 4 августа; въ это время идутъ мелкіе дожди. Дмитріевъ день переворота не ждать, 26 октября. Димитрій съ мостомъ, Никола съ гвоздемъ. Замѣчаютъ, что если на рябинѣ листья завянутъ и останутся на зиму, то будутъ сильные морозы. Если молоко скиснется безъ особенной причины, то ждутъ грозы. Если молоко во время доенія сильно пѣнится, то навѣрное будетъ дождь.

11) Въ Малороссіи и до сихъ поръ существуетъ повѣрье для предохраненія ребенка отъ глаза; мать третъ себѣ рукою подъ мышкой и тою же рукою отираетъ лице младенца. Иногда замѣтивши недобрый взглядъ на ребенка, или услыхавъ недоброе слово противъ него отъ кого либо, мать выпроводивъ гостя, садится на порогъ и смотритъ пристально на потолокъ, а потомъ на свои ногти».

6. Въ заключеніе предсѣдатель прочелъ краткій отчетъ одѣятельности Отдѣла за истекшій годъ. Опредѣлено: внести этотъ отчетъ въ годичное засѣданіе Общества.

ЗАСѢДАНІЕ ШЕСТОЕ.

(12 октября 1870 года).

Засѣданіе происходило въ залѣ минералогическаго кабинета при Университетѣ подъ предсѣдательствомъ Н. А. Попова въ присутствіи 14 членовъ и нѣсколькихъ стороннихъ лицъ.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ прошедшаго засѣданія.

2. Предсѣдатель заявилъ, что вслѣдствіе недостатка матеріаловъ, собранныхъ для Этнографическаго календаря, программа коего обсуждалась еще въ первыхъ засѣданіяхъ Комитета, и по соглашенію съ почетнымъ членомъ Общества В. А. Дашковымъ, рѣшено Совѣтомъ Общества остававшіеся отъ этнографическихъ премій и предназначенные было для календаря 250 руб. употребить на дополнительную поѣздку д. ч. Ф. Я. Трейланда въ Латышскій край. Главнымъ побужденіемъ къ принятію такого рѣшенія были слѣдующія обстоятельства. Собранный во время объѣзда Латышскаго края въ прошломъ году этнографическій матеріалъ не имѣлъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ той полноты и того объема какіе, по мнѣнію собирателя его, желательны для болѣе удовлетворительнаго и болѣе характеристическаго описанія Латышской народной жизни. Для пополненія этого недостатка Ф. Я. Трейландъ поддерживалъ письменныя сношенія съ тѣми знатоками Латышскаго края, которые извѣстны своимъ пріязненнымъ взглядомъ на предпріятіе Отдѣла. Собираніе такихъ дополнительныхъ свѣдѣній требуетъ не малаго времени, и потому его нельзя еще считать оконченнымъ. По мимо того Ф. Я. Трейландъ приступилъ къ литературной обработкѣ тѣхъ разнородныхъ этнографическихъ свѣдѣній, которыя имѣются уже у него подъ руками для описанія Латышскаго племени. Такъ какъ народныя пѣсни представляютъ собою какъ бы зеркало, въ которомъ точно и наглядно отражается вся народная жизнь; то представилась сама собою необходимость удѣлить собраннымъ лирическимъ остаткамъ латышскаго народнаго творчества, собраннымъ вышепомянутымъ путемъ, особый томъ «Сборника». Около девяти сотъ народныхъ пѣсенъ уже распредѣлены по отдѣламъ соотвѣтственно ихъ содержанію, переведены на русскій языкъ и снабжены объяснительными примѣчаніями. Эти пѣсни можно было бы уже отдать въ печать. Однако желаніе почетнаго члена нашего Общества В. А. Дашкова, отсрочить печатаніе «Сборника» на нѣкоторое время, дало возможность увеличить число произведеній латышской народной поэзіи, назначенныхъ для «Сборника», новыми матеріалами. Изъ стараго Пѣбалга (въ Лифляндіи) и изъ окрестностей Митавы удалось получить въ послѣднее время еще до 300 тщательно записанныхъ пѣсенъ, которыя и сочтено полезнымъ присоединить къ имѣвшимся уже на лицо. Послѣ литературной обработки, то есть распредѣленія по отдѣламъ, перевода на русскій языкъ и объясненія каждой изъ вновь полученныхъ пѣсенъ, типографскія работы надъ будущимъ «Сборникомъ» могутъ начаться въ любое время. За тѣмъ приступлено будетъ къ обработкѣ всѣхъ остальныхъ произведеній латышскаго народнаго генія, находящихся въ распоряженіи отдѣла, какъ то: пословицъ, поговорокъ, сказокъ, преданій, повѣрій и заговоровъ. Но можно надѣяться, что и эта часть матеріаловъ для изученія латышскаго племени можетъ современемъ значительно пополниться, и тогда только будетъ приступлено къ ея изданію. Опредѣлено: утвердить предложенный предсѣдателемъ порядокъ работъ по изданію этнографическаго Сборника о Латышахъ.

3. Д. ч. Ф. Я. Трейландъ прочелъ статью: «о народной поэзіи Латышей». Опредѣлено: напечатать ее въ вышеупомянутомъ «Сборникѣ» тотчасъ же послѣ предисловія.

4. Д. ч. К. А. Поповъ прочелъ статью подъ заглавіемъ: «Замѣтки о свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ въ Вологодской губерніи». Опредѣлено: напечатать ее въ приложеніяхъ къ протоколу настоящаго засѣданія.

5. Предсѣдатель представилъ краткій отчетъ о дѣятельности Отдѣла за истекшій годъ. Опредѣлено: внести этотъ отчетъ въ годичное засѣданіе Общества.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. ЗАМѢТКИ О СВАДЕБНЫХЪ ПѢСНЯХЪ И ОБРЯДАХЪ ВЪ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Нравы и обычаи, вѣрованія и предразсудки жителей Вологодской губерніи, а также нарѣчіе, пѣсни и поговорки населенія русскихъ уѣздовъ ея, представляютъ разнообразный и чрезвычайно богатый матеріалъ не только для этнографа, но и для историка и филолога.

Къ сожалѣнію, этотъ громадный по своимъ размѣрамъ и драгоцѣнный по содержанію рудникъ почти не початъ еще нашею ученою литературою. Хотя въ Вологодской губерніи и нѣтъ недостатка въ досужихъ грамотныхъ людяхъ, которые могли бы, если не разработать, то собрать мечущіяся въ глаза сокровища, но эти люди до сихъ поръ болѣе, нежели равнодушно относились къ нашему предмету: въ то время когда неоффиціальная часть Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей преизобилуетъ описаніями мелкихъ сельскихъ торжковъ, часто только тѣмъ и замѣчательныхъ, что на нихъ продается по нѣскольку десятковъ пудовъ гороховаго киселя,— лишь изрѣдка на столбцахъ ихъ встрѣчаются замѣтки, касающіяся народнаго быта по большей части вскользь, и еще рѣже—пѣсни. Притомъ авторы замѣтокъ и собиратели пѣсенъ всегда какъ-то свысока и иронически смотрятъ на все простонародное, а послѣдніе, сверхъ того, позволяютъ себѣ произведенія народной поэзіи передѣлывать на свой вкусъ, для чего, въ видахъ литературнаго благоприличія и провинціалянаго патріотизма, выпускаютъ мѣстныя слова и обороты, замѣняя ихъ щеголеватыми фразами собственнаго сочиненія. Одни составители списковъ областныхъ словъ не допускаютъ произвола, но за то впадаютъ въ противоположную крайность: они столь бережно обращаются съ своими матеріалами, что въ спискахъ ихъ главное мѣсто занимаютъ слова общеупотребительныя, съ латинскими объясненіями, значенія ихъ какъ напр. волкъ—lupus, медвѣдь—ursus, мѣсяцъ—luna, mensis и т. д.,—въ силу того, что вологжане произносятъ ихъ: вовкъ, медвидь, мисець, и даже безъ всякой удобопонятной причины, какъ напр. слова: молодой, капуста и мн. др.

Однако-же я не имѣю въ виду настоящею моей статьей пополнить столь крупный пробѣлъ въ этнографической литературѣ: я не предлагаю обстоятельнаго изслѣдованія по какой либо части этнографіи Вологодской губерніи. Цѣль моя — только обратить вниманіе нашего Общества на богатый матеріалъ для той науки, посильное служеніе которой составляетъ нашу нравственную обязанность, и притомъ, для оправданія вѣрности моего взгляда на дѣло, сообщить нѣкоторыя данныя, не лишенныя, какъ мнѣ кажется, и непосредственнаго научнаго интереса.

I.

Я упорно держусь убѣжденія, что ни одинъ изъ нашихъ сборниковъ народныхъ пѣсенъ не содержитъ въ себѣ столь замѣчательныхъ произведеній поэзіи, какъ цѣлыя гнѣзда свадебныхъ пѣсенъ, причетовъ и припѣвовъ, до сихъ поръ раздающихся въ многочисленныхъ захолустьяхъ Вологодской губерніи. Для доказательства я сдѣлаю извлеченіе изъ помѣщенной въ Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ статьи г. Н. Четверухина подъ заглавіемъ: «Янгосарская волость». Хотя эта статья и невполнѣ свободна отъ тѣхъ недостатковъ, на которые я указалъ ранѣе, говоря вообще о литературныхъ пріемахъ сотрудниковъ неоффиціальной части Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей по части этнографіи; хотя, какъ будетъ видно изъ самаго извлеченія изъ нея, г. Четверухинъ не могъ воздержаться отъ легкаго исправленія слога записанныхъ имъ пѣсенъ и причетовъ: но, несмотря на то, онъ не исказилъ дѣла въ существѣ и измѣнилъ лишь немногія малозначительныя слова.

Сватьбы въ Янгосарской волости, по словамъ г. Четверухина, начинаются безъ всякихъ особенностей. Задумавъ женить сына, крестьянинъ отправляется къ отцу невѣсты и прямо объявляетъ ему о своемъ намѣреніи. Если послѣдній согласенъ на предложеніе, то въ то же время приглашаетъ будущихъ тестя и зятя на смотрины. На смотринахъ ничего особеннаго не бываетъ: пріѣзжихъ угощаютъ чѣмъ Богъ послалъ — и только, при прощаньи соглашаются, когда отправиться въ городъ пропивать невѣсту и закупать что нужно для сидинъ и сватьбы.

Въ день сидинъ женихъ съ роднею пріѣзжаетъ въ деревню, гдѣ живетъ невѣста, но останавливается не у нея въ домѣ; одинъ сватъ, будущій дружка, отправляется къ отцу ея. Послѣдній, покончивъ съ дружкою переговоры о приданомъ, приглашаетъ пріѣзжихъ къ себѣ. По пребытіи ихъ ударяютъ по рукамъ. Этотъ обрядъ называется рукобитьемъ. Здѣсь кон-

чается проза и начинается поэзія.—Какъ скоро ударятъ по рукамъ, невѣста съ подружками, начинаетъ такой причетъ:

Что не ключики брякнули,
Не замочки щелкнули:
По рукамъ у насъ ударили!
Что меня родимый батюшко
Запоручилъ молоденьку;
Что закрыла родна матушка
Половину свѣта бѣлаго
Такимъ бѣлымъ полотенечкомъ.

Послѣ этаго причета невѣсту выводятъ къ жениху и благословляютъ: сперва образомъ, а потомъ хлѣбомъ солью—что называется оброзованье. Потомъ сажаютъ гостей за столъ и угощаютъ на славу. По окончаніи стола мать жениха срываетъ съ головы невѣсты повязку и покрываетъ ее платкомъ. Съ этого времени до княжаго стола невѣста постоянно остается покрытою.

Наканунѣ сватьбы въ домѣ невѣсты бываютъ плакуши (дѣвичникъ). Собираются дѣвицы — подружки и поютъ пѣсни, начиная съ слѣдующей:

Расшаталася грушенька
Передъ яблонцей стоючи;
Порасплакалась дѣвица
Передъ батюшкой, передъ матушкой:
Государь мой, родный батюшко!
Государыня, моя матушка!
Вамъ нельзя это сдѣлати—
Мою сватьбу отложити?
Ужь, ты дитятко милое,
Наша дочка любезная,
У насъ дѣло это сдѣлано:
По рукамъ ужь мы ударили
И дарами задарили всѣхъ...
Не безчести насъ на старости,
Не порочь нашихъ сѣдыхъ волосъ,
Чтобы люди не смѣялися,
Старики не удивлялися:
Молъ-де слова не могли сдержать,
Отказали не раздумавшись;
Или послѣ за отказъ съ тобой
Не случилось бы печали злой;
Чтобы ты, наша красавица,
Не досталась мужу—ворогу
И свекрови—людоѣдицѣ.

Послѣ пѣсенъ подружекъ невѣста причитаетъ:

Ужь зачѣмъ я засидѣлася?
На кого я заглядѣлася?
И кого я здѣсь заслушалась?
Я заслушалась младенька
У подруженекъ своихъ пѣсенокъ,
У сосѣдокъ своихъ басенокъ.
Всѣ сидятъ онѣ по прежнему,
Говорятъ рѣчи по старому;
Только я одна не какъ прежде:
Говорю да забываюся...
Видно давитъ меня думушка,
Дума горькая, тяжелая:
Растрепало косу русую
Горе злое, печаль лютая!
Вы скажите мнѣ, подруженьки
Отчего все это сдѣлалось?
Не ужели родной батюшко
Не желаетъ счастья дочери?
Иль моя родная матушка
Рада что-ли горю дитятка?
Отдаютъ меня родители
За неровню, за постылаго.
Какъ подумаю, отъ думушки
Обольется сердце кровью вдругъ:
Какъ мнѣ будетъ привыкать младой
Жить съ чужими, незнакомыми?...
И посмотришь—все неладно имъ;
Слово молвишь—имъ не нравится;
На полъ ступишь—не какъ слѣдуетъ...
Золотая моя волюшка
Улетѣла въ лѣсъ и скрылася....
Мнѣ въ удѣлъ досталась долюшка,
Доля злая, незавидная!...

Послѣ этаго причета подружки отправляются по деревнѣ приглашать сосѣдей въ баню:

Есть-ли въ теремѣ дядюшка?
Въ высокомъ есть-ли тетушка?
Вы пожалуйте, милые,
Мыться въ баню—теплу парушу!

Сосѣди выносятъ подружкамъ хлѣбъ и деньги. Получивъ подарки, подружки припѣваютъ:

Не прогнѣвайтесь, родимые:
Не для васъ баня истоплена,
Только честь одна приложена!

Обойдя деревню, подружки ведутъ невѣсту въ баню, при чемъ она причитаетъ:

Ты свѣти, младъ свѣтелъ мѣсяцъ,
Съ вечера да до полуночи,
Съ полуночи до бѣлаго дня,
Чтобы мнѣ не обступитися
Во коневое во копытечко:
Не сронить-бы дѣвью красоту!
Ужь и то на русой косѣ
Чуть-чуть она держится...
Оборвется не узнаешь какъ...

Утромъ въ день вѣнчанья невѣста и встаетъ, и умывается, и одѣвается, и молится съ причетами соотвѣтствующими каждому дѣйствію.

Вставая, она причитаетъ:

Ужь я встану молоденька
На свои на ноги рѣзвыя
Посмотрю—мои подруженьки
Всѣ умылись, причесалися,
Только мнѣ одной не надобно
Ни воды, ни полотенечка:
Я умоюсь, бѣдна горькая,
Во тоскѣ, слезами горькими!
Я утру не полотенечкомъ,
А руками лицо бѣлое!
Мнѣ ненадо дорогихъ румянъ:
Горе злое нарумянило,

Мнѣ не надо дорогихъ бѣлилъ:
Отъ горючихъ слезъ лицо бѣло.

Молясь она причитаетъ:

Ужъ я первый поклонъ положу
За царя благовѣрнаго;
Я второй поклонъ положу
За царицу благовѣрную;
Я третій поклонъ положу
За себя молодешеньку,
Чтобы Спасъ меня помиловалъ
На чужой дальней сторонушкѣ.

Одѣваясь, она причитаетъ:

Посмотри, родимый батюшко
И моя родная матушка,
Какъ бѣло я набѣлилася,
Какъ румяно нарумянилась!

Когда раздается въ избѣ: «ѣдутъ, ѣдутъ»! невѣста глядя въ кутнее окно, во весь голосъ причитаетъ:

Ужъ ты, мой родимый батюшко!
Ты зачѣмъ-же молоденьку
Отдаешь въ дальню сторонушку,
Ко чужому, незнакомому,
Ко чужимъ отцу и матери?...
Видно я-то вамъ, родители,
Досадила, напрокучила,
Видно, я у васъ родители,
Пять сусѣковъ хлѣба выѣла;
Видно, я у васъ, родители,
Весь колодецъ воды выпила

Тутъ входитъ въ избу дружка съ гостинцами для невѣсты, и, подавая ихъ ей, *правитъ челобитье* отъ жениха, говоря: «Господи, Іисусе Христе! Князь остался въ чистомъ полѣ, въ широкомъ раздольѣ, на «зеленомъ на лугу, на шелковой на травѣ, подъ «краснымъ солнышкомъ, подъ свѣтлымъ мѣсяцемъ. «Меня послалъ скорымъ посломъ; я летѣлъ яснымъ «соколомъ. Князь молодой приказалъ кланяться—не «чваниться».

Я ранѣе сказалъ, что начальными словами перваго причета: «Что не ключики брякнули» началась поэзія; теперь замѣчу, что словами дружки: «Не велѣлъ чваниться» опять начинается проза.

Какъ ни замѣчательны по своимъ художественнымъ достоинствамъ записанные г. Четверухинымъ пѣсни и причеты, но и по содержанію и по формѣ они много уступаютъ выписаннымъ нѣкогда мною въ окрестностяхъ г. Никольска и помѣщеннымъ бывшимъ учителемъ Вологодской гимназіи Н. И. Иваницкимъ въ Москвитянинѣ за 1841 или 1842 годъ. Это не мое только мнѣніе: редакція Москвитянина также назвала ихъ «драгоцѣнными перлами русской народной поэзіи». Я не привожу ихъ, потому что они обнародованы въ болѣе распространенномъ и долговѣчномъ изданіи, нежели Вологодскія Губернскія Вѣдомости, въ которыхъ напечатана статья г. Четверухина. Ограничиваюсь выпиской одной строфы:

Что не рѣчки, не рѣчушки
Въ одно мѣсто сбѣгалися,
Не рѣки глубоки
Въ одно мѣсто стекалися;
Собирался родъ племечко
У родимаго батюшки
У родимыя матушка.....

Какъ сильно чувствуется вѣяніе глубокой славянской старины при чтеніи подобныхъ поэтическихъ сравненій.

Кромѣ своихъ художественныхъ достоинствъ свадебныя пѣсни и причеты Вологодской губерніи, по мнѣнію моему, на которомъ, впрочемъ, я не сильно настаиваю, замѣчательны и по происхожденію: выраженія «расшаталася грушенька, передъ яблонцой стоючи», заставляетъ думать, что они родились на отдаленномъ югѣ Россіи, такъ какъ яигосарскій крестьянинъ, не имѣя понятія о грушѣ, не могъ употребить такого сравненія. Изъ этого опять вытекаетъ предположеніе, если не убѣжденіе, что они импровизованы были въ глубокой древности. Правда, молитва за благовѣрныхъ Царя и Царицу, какъ будто не допускаетъ подобнаго вывода, но молитва эта можетъ быть позднѣйшею вставкою въ древнее цѣлое. При томъ она и менѣе поэтична, нежели прочія части его, хотя также проникнута чувствомъ.

II.

Въ той-же статьѣ г. Четверухина встрѣчается извѣстіе, что въ одномъ приходѣ яигосарской волости случаются сватьбы по выраженію автора, чисто романическія. Онѣ называются тамъ *самохотками*: «Люба «парню дѣвка, пишетъ г. Четверухинъ, радъ-бы взять «себѣ въ жену; да родители запрещаютъ, не отдаютъ «за него. Что дѣлать? На что рѣшиться? Вотъ и за«думалъ жениться безъ согласія родителей. Подгово«ривъ двухъ-трехъ молодыхъ товарищей, онъ отправ«ляется къ невѣстѣ для назначенія дня свадьбы. Ро«дители думаютъ, что дочь ихъ на посидѣлкѣ, а она «въ это время стоитъ у брачнаго налоя. Ловкая дѣв«ка и нарядъ свой также воровски перевезетъ въ домъ «своего жениха, а родители и не подумаютъ, что сун«дуки, стоящіе въ чуланѣ съ нарядомъ дочери, пусты. «На другой день вдругъ пріѣзжаютъ молодые и про«сятъ благословить ихъ; побранятся, посердятся, да и простятъ, скажутъ въ утѣшеніе себѣ: «ну, дѣтушки теперь не воротишь: Богъ васъ проститъ». Послѣ этого благословляютъ своихъ дѣтушекъ и свое согласіе запечатлѣваютъ поцѣлуями».

Это извѣстіе, само по себѣ, отдѣльно взятое, не имѣетъ особеннаго значенія, такъ какъ «самохотки»

существуютъ только въ одномъ приходѣ волости, и поэтому представляются явленіемъ случайнымъ, зависящимъ, быть можетъ, отъ личности одного священника. И дѣйствительно, вдумываясь въ подробности его, я не нахожу здѣсь признаковъ древняго обычая и именно обрядности.

Совсѣмъ иную обстановку и другое значеніе имѣетъ похищеніе невѣстъ у Зырянъ. Свѣдѣніе объ этомъ способѣ заключенія брачныхъ союзовъ я уже сообщилъ въ представленномъ мною въ Этнографическій Отдѣлъ Общества Любителей Естествознанія сочиненіи: «Зыряне и Зырянскій край», но сообщилъ, какъ фактъ, не сопровождая его никакими соображеніями. Теперь-же хочу объ немъ распространиться.

У Зырянъ Яренскаго уѣзда, а, вѣроятно, и Устьсысольскаго похищеніе невѣстъ производится или, покрайней мѣрѣ, производилось въ 1830 годахъ, какъ сообщилъ мнѣ очевидецъ, такимъ образомъ:

Въ случаѣ взаимной любви бѣднаго молодаго человѣка и богатой дѣвушки, и въ виду несогласія со стороны родителей послѣдней выдать ее за бѣдняка, влюбленный, на игрищѣ, срываетъ съ невѣсты платокъ и уноситъ его съ собою. Если дѣвица, въ продолженіе извѣстнаго времени, не проситъ о возвратѣ отнятаго, то это значитъ, что она согласна, во что бы то ни стало, выйдти за похитителя. Послѣ этого влюбленные вѣнчаются, разумѣется тайно. Между тѣмъ они пріискиваютъ какого нибудь посредника изъ родныхъ или близкихъ пріятелей родителей невѣсты. — Сватъ — посредникъ, запасшись приличнымъ количествомъ водки, отправляется въ домъ невѣсты. За чаркой онъ уговариваетъ стариковъ выдать дочь за милаго ей парня. Само собой разумѣется, что тѣ сначала и слышать не хотятъ объ этомъ, хотя, безъ сомнѣнія, знаютъ или догадываются о случившемся. Даже и послѣ объявленія свата, что дѣло ужъ сдѣлано, они упрямятся и, только уступая продолжительнымъ убѣжденіямъ, соглашаются простить виноватыхъ. А молодые за дверями уже ждутъ этой минуты, и тотчасъ входятъ въ избу; падаютъ, какъ водится, въ ноги, и получаютъ благословеніе.

Здѣсь мы уже видимъ обрядность — признакъ древняго происхожденія обычая.

Я слышалъ также, что еще недавно Зыряне невѣстъ покупали, но мнѣ неизвѣстны подробности этого способа заключенія брачныхъ союзовъ. — Надобно замѣтить, что въ Зырянскомъ краю крѣпостнаго права никогда не существовало, и слѣдовательно продажа и покупка невѣстъ не могли зависѣть отъ посторонняго произвола и вытекали изъ нравовъ самаго народа.

Итакъ здѣсь встрѣчаются рядомъ два, повидимому существенно противоположные, способа заключенія брачныхъ союзовъ, которые преп. Несторъ приписываетъ разнымъ славянскимъ колѣнамъ. Онъ говоритъ: «Имяху-бо обычаи свои и законъ отець своихъ и преданья, кождо свой нравъ. Поляне-бо своихъ отець обычай имутъ, кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ и деверемъ велико стыдѣнье имѣху; брачныи обычаи имѣху, не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завтра приношаху по ней, что вдадуче. А Древляне живяху звериньскимъ образомъ, живуще скотьски, убиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвиця. — И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто; срамословье въ нихъ предъ отьци и предъ снохами; браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовьская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею-же кто съ вѣщашеся; имяху-же по двѣ и по три жены» *).

Обычай умыканья невѣстъ, существующій или недавно существовавшій у Зырянъ, подробностями своими объясняетъ и пополняетъ сказаніе Нестора. Лѣтописецъ, упоминая о соглашеніи жениха и невѣсты на игрищахъ, ограничивается выраженіемъ: «съ нею-же кто совѣщашеся»; мы-же теперь видимъ, въ какой символической формѣ выражалось такое соглашеніе. Можетъ быть въ древности отнимался у дѣвицы не платокъ, а какая нибудь другая принадлежность дѣвичьяго наряда; но это частность.

Профессоръ С. М. Соловьевъ, по обыкновенію, мѣтко взглянулъ на приведенное сейчасъ лѣтописное извѣстіе и, объясняя его, весьма близко подошелъ къ истинѣ: по его мнѣнію, и умыканье невѣстъ, какъ у Древлянъ, Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ, и бракъ, по соглашенію между родителями жениха и невѣсты съ платою «вѣна», какъ у Полянъ, — вытекаютъ изъ родоваго быта, изъ хозяйственной замкнутости родовъ тогдашнихъ Славянъ. Онъ успокоивается, останавливаясь на такомъ выводѣ, который миритъ логику съ авторитетомъ Нестора. Но почтенный профессоръ, преслѣдуя богатую по своимъ послѣдствіямъ мысль и конечно, не имѣя въ виду сообщаемыхъ мною теперь данныхъ, свидѣтельствующихъ о совмѣстномъ существованіи умыканья и вѣна, просмотрѣлъ логическую непослѣдовательность нашего правдиваго, но простодушнаго лѣтописца. — Для меня теперь ясно, что умыканье есть необходимое послѣдствіе вѣна, что то и другое, какъ въ послѣднее время встрѣчаются у Зырянъ, въ Янгосарской волости и, вѣроятно, еще гдѣ нибудь, такъ и во время Нестора и ранѣе существовали одно рядомъ съ другимъ — и у Полянъ, и у Древлянъ и т. д., только можетъ быть въ неравномѣрныхъ сочетаніяхъ. Я думаю, что профессоръ Со-

*) Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. Томъ I стр. 6.

ловьевъ вполнѣ овладѣлъ-бы истиною, еслибы, не трогая въ существѣ своего взгляда на родовой бытъ нашихъ предковъ и не выходя изъ вѣрно очерченнаго имъ круга, согласился съ тѣмъ, что бракъ съ вѣномъ есть бракъ по разсчету, а умыканье—бракъ по страсти.

Я сообщилъ лишь немногіе факты для оправданія своего убѣжденія въ томъ, что свадебные обряды и пѣсни Вологодской губерніи заслуживаютъ внимательнаго изученія. Конечно, эти факты, сами по себѣ, не великая находка; но они даютъ возможность по малой частицѣ сдѣлать заключеніе объ огромномъ цѣломъ, не грѣша противъ логики, такъ какъ я не дѣлалъ выбора, а взялъ только то, что прежде всего подсказала мнѣ память.

ЗАСѢДАНІЕ СЕДЬМОЕ.

(4 октября 1871 года).

Засѣданіе происходило въ залѣ Минералогическаго Кабинета при Университетѣ подъ предсѣдательствомъ Н. А. Попова въ присутствіи 12 членовъ и нѣсколькихъ стороннихъ лицъ.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ прошедшаго засѣданія.

2. Предсѣдатель заявилъ, что въ истекшемъ году невозможно было приступить къ печатанію «Сборника» Латышскихъ пѣсенъ, отчасти вслѣдствіе постоянно прибывавшихъ въ Отдѣлъ новыхъ матеріаловъ, а отчасти вслѣдствіе того, что издатель «Сборника», почетный членъ Общества В. А. Дашковъ, возъимѣлъ намѣреніе приложить къ нему 6 хромолитографическихъ рисунковъ, изображающихъ слѣдующія изъ находящихся въ Дашковскомъ Этнографическомъ музеѣ группъ: Латышъ и Латышка изъ Люцинскаго уѣзда Витебской губерніи, Финнъ изъ Яскинскаго прихода Выборгской губерніи и Финка изъ прихода Сентъ-Андре, Зырянинъ Охотникъ изъ Вологодской губерніи Устьсысольскаго округа Печерской волости, Казанская Татарка, слушающая гадальщицу Черемишенку (дѣвушку) изъ Нижегородской губерніи, Караимъ старикъ и Караимка дѣвушка изъ Бессарабской области, Граничаръ изъ Хорватской Военной Границы. Исполненіе этихъ рисунковъ приняло на себя Московское заведеніе Баумана, но потребовало для сего весьма продолжительный срокъ. Что касается текста Латышскихъ пѣсенъ, предназначенныхъ для «Сборника», и русскаго перевода ихъ, то они уже давно готовы. Имѣя въ виду преимущественно русскую публику ея справедливыя требованія и удобства, издатели рѣшились печатать латышскій текстъ пѣсенъ русскими буквами. Разумѣется, что, при изображеніи звуковыхъ различій и особенностей латышскаго языка алфавитными знаками языка русскаго, пришлось въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольствоваться лишь приблизительною точностію, а въ другихъ вовсе отказываться отъ употребленія новыхъ знаковъ. Въ «Сборникъ» войдутъ слѣдующіе двѣнадцать отдѣловъ народныхъ латышскихъ пѣсенъ: а) пѣсенъ о пѣніи 39, б) миѳическихъ пѣсенъ 125, в) пѣсенъ о созерцаніи природы 180, г) любовныхъ пѣсенъ 140, д) свадебныхъ пѣсенъ 112, е) насмѣшливыхъ пѣсенъ 102, ж) нравоучительныхъ пѣсенъ 182, з) жалобныхъ пѣсенъ 123, и) военныхъ пѣсенъ 47, і) застольныхъ пѣсенъ 8, к) колыбельныхъ и крестинныхъ пѣсенъ 40, л) дѣтскихъ пѣсенъ 22; всего тысяча сто пѣсенъ. Объяснительныя замѣчанія къ нѣкоторымъ пѣснямъ еще некончены; но вообще къ изданію можно приступить тотчасъ же. Первую и третью корректуры будетъ держать Ф. Я. Трейландъ; вторую принимаетъ на себя предсѣдатель Отдѣла. Опредѣлено: выразить Ф. Я. Трейланду благодарность Отдѣла за его труды, по собиранію и обработкѣ матеріаловъ для этнографическаго изученія Латышскаго племени, и просить Н. А. Попова принять на себя окончательную редакцію «Сборника».

3. Н. ч. Н. Г. Керцелли прочелъ свою статью подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ о Мезенскихъ Самоѣдахъ». Опредѣлено: напечатать ее въ приложеніяхъ къ протоколу настоящаго засѣданія.

4. Предсѣдатель прочелъ описаніе сельскихъ обычаевъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Суражскаго уѣзда Черниговской губерніи, составленное крестьяниномъ той же губерніи и того же уѣзда, деревни Потуровки, Степаномъ Артемовымъ Дударевымъ. Опредѣлено: напечатать его въ тѣхъ же приложеніяхъ.

5. Предсѣдатель представилъ краткій отчетъ о дѣятельности Отдѣла за истекшій годъ. Опредѣлено: внести его въ годичное засѣданіе Общества.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О МЕЗЕНСКИХЪ САМОѢДАХЪ.

На всероссійской этнографической выставкѣ въ Москвѣ, устроенной Императорскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія, помѣщена была въ числѣ прочихъ группъ и группа Мезенскихъ Самоѣдовъ, приготовляющихся къ языческому обряду жертвоприношенія. Распорядительному Комитету по устройству выставки желательно было представить эту группу въ моментъ самаго жертвоприношенія, но къ общему сожалѣнію эта картина не могла быть вполнѣ скомпонована на выставкѣ, по независящимъ отъ Комитета обстоятельствамъ; однакожь что не было достигнуто на выставкѣ, то пополнено въ Дашковскомъ этнографическомъ Музеѣ.

Пользуясь этимъ случаемъ, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о Самоѣдахъ Мезенскаго уѣзда, и объ обрядѣ ихъ жертвоприношенія. Матеріяломъ для настоящаго моего сообщенія послужили мнѣ: Записки Им. Русскаго географическаго Общ. за 1853, Этнографическій Сборникъ за 1858 и разсказы Г. Соколова, близко знакомаго съ Самоѣдами.

Мезенскій уѣздъ есть одинъ изъ самыхъ обширнѣйшихъ уѣздовъ Архангельской губерніи, и занимаетъ собою сѣверную оконечность Россіи. Все пространство этого уѣзда безотрадно и мало разнообразно. Сѣверные берега его омываются Ледовитымъ океаномъ и лишены слѣдовъ всякой растительности, подвергаясь постояннымъ бурямъ и непогодамъ этой сѣверной природы. На востокѣ высятся Уральскія горы, на югѣ естественною границею служитъ рѣка Мезень и губернія Вологодская; а западныя окраины этого уѣзда омываются Мезенскою губою.

Въ этомъ отдаленномъ, холодномъ, малоизвѣстномъ и негостепріимномъ краѣ, гдѣ и солнце почти по полугоду не показывается на горизонтѣ, гдѣ человѣкъ каждый шагъ свой долженъ брать силою у безжизненной природы, вы встрѣтите однѣ лишь сплошныя тундры, да кочковатыя болота, поросшія ягелемъ и мхами. Тундры эти прорѣзаны множествомъ рѣкъ, надъ которыми царствуетъ владычица Печора. Все ровно и гладко; изрѣдка попадаются холмы и горы, тамъ и сямъ разбросаны мелкіе кустарники, а лѣсъ считается почти лишь рѣдкостью.

Это громадное пространство населяютъ Самоѣды: Пустозерцы, Ижемцы и Устьцелемцы, число которыхъ простирается до 27000.

Мезенскіе Самоѣды не коренные жители этой мѣстности, но состовляютъ небольшую часть многочисленнаго племени, нѣкогда заселявшаго огромныя пространства Сибири. Это подтверждается сходствомъ ихъ съ азіатскими народами, какъ въ отношеніи языка и языческихъ обрядовъ, такъ и въ отношеніи типа, нравовъ и обычаевъ. Но когда, въ какое время они вышли изъ Сибири, неизвѣстно. Нѣкоторые этнографы полагаютъ, что настоящее отечество Самоѣдовъ находится около верховья рѣки Енисея, что они оттуда распространились сначала по Сибири, потомъ, во время переселенія народовъ и нашествія Монголовъ, нѣкоторые самоѣдскія племена, тѣснимыя пришельцами, подались къ сѣверу и заняли пустыныя мѣста по берегамъ Ледовитаго океана. Въ послѣдствіи часть ихъ перешла за Уральскій хребетъ и мало по малу достигла до береговъ Бѣлаго моря. Не лишено вѣроятія также и мнѣніе, что общее названіе Самоѣдовъ перешло на Самоѣдовъ мезенскихъ лишь въ позднѣйшее время (т. е. около XVI вѣка); въ древности же они были извѣстны подъ именемъ *Печоры*, т. е. народа, обитавшаго въ пещерахъ.

Это названіе Печоры перешло какъ на самый край, такъ и на рѣку, протекающую чрезъ всю его ширину. Лербергъ говоритъ, что пещера, въ древнія времена печера, значитъ подземный ходъ; и въ самомъ дѣлѣ въ этой землѣ есть много пещеръ въ горахъ и пригоркахъ, которые нѣкогда были обитаемы, что доказываютъ печи, глиняная, желѣзная и мѣдная посуда и даже человѣческія кости. Слѣдовательно, нѣтъ ничего вѣроятнѣе, заключаетъ онъ, что какъ земля и главная рѣка, такъ и жители тамошніе названы: отъ русскихъ по симъ пещерамъ. Но спросятъ многіе, отъ чего же названія: *Печора*, *печорскій край* остались до нашего времени, а народъ, населявшій этотъ край, получилъ названіе Самоѣдовъ?

Названіе русское и весьма странное! Съ перваго взгляда, судя по названію, Самоѣдовъ можно бы принять за людей, которые ѣдятъ сами себя. Но нѣтъ ни одпаго факта, который бы оправдывалъ такую мысль; нѣтъ ни одпаго свидѣтельства, которое бы говорило о Самоѣдахъ, какъ о людоѣдахъ, и относительно этого названія существуютъ однѣ лишь догадки.

Тѣмъ болѣе, что сами мезенскіе Самоѣды на однѣхъ мѣстностяхъ (конанскіе и тиманскіе) называютъ себя *немецъ* (человѣкъ), въ другихъ (большеземельскіе) *хасово* (мужъ), а въ ряду тѣхъ названій, которыя получили Самоѣды отъ сосѣднихъ народовъ, нѣтъ ни

одного, въ которомъ бы хоть сколько-нибудь можно было бы усмотрѣть это странное названіе, данное имъ русскими.

Я не стану прибѣгать ни къ какимъ догадкамъ для объясненія этого слова, опасаясь придти къ тому, къ чему пришелъ Лербергъ, который имя Самоѣдъ считаетъ образовавшимся отъ слова *семоѣдъ*. Проще и, какъ кажется, вѣроятнѣе всего такое объясненіе: русскіе, замѣтивъ, что народъ этотъ употребляетъ въ пищу сырое мясо съ звѣрскою жадностію, естественно могли сдѣлать о немъ ложное заключеніе, какъ о народѣ — людоѣдѣ. Такое мнѣніе можетъ отчасти подтверждаться и тѣмъ, что въ старинныхъ русскихъ приказныхъ вѣдомостяхъ Самоѣды назывались иногда *сыроѣдцами*.

Но каковъ бы ни былъ корень этого слова, мы не можемъ принимать этотъ народъ за людоѣдовъ: не было и теперь нѣтъ ни одного указанія, чтобы Самоѣды были лакомы до человѣческаго мяса. А потому, оставивъ въ сторонѣ это названіе, лучше я позволю себѣ обратится къ самому народу, и къ его незавидной исторіи и религіи.

Самоѣды—народъ кочевой, занимающійся рыбнымъ и звѣринымъ промысломъ; въ исторіи они появляются около XI столѣтія, но свѣдѣнія объ нихъ самыя ограниченныя. Такъ знаемъ, что *Печора* или *Самоѣды* платили дань новгородцамъ и Печорскій край былъ извѣстенъ подъ именемъ Двинской области. По присоединеніи же Новгорода къ Москвѣ вмѣстѣ съ Двинскою областью, и Самоѣды, населяющіе нынѣшній Мезенскій у., поступили въ полную зависимость отъ московскихъ князей, платя имъ подать или ясакъ.

До принятія христіанской вѣры Самоѣды были послѣдователи шаманской вѣры, суевѣрные обычаи и обряды которой еще и теперь значительно распространены даже среди тѣхъ Самоѣдовъ, которые уже исповѣдуютъ ученіе Христа. Эта языческая вѣра некрещенныхъ Самоѣдовъ Мезенскаго у. состоитъ въ вѣрованіи въ Бога, дьявола, духовъ (тадебціевъ) и хеговъ (идоловъ).

Бога они называютъ *нумъ*, и почитаютъ его за верховное существо, существующее отъ вѣчности, все сотворившее и надъ всѣмъ владычествующее. Нумъ, по ученію Самоѣдовъ, возсѣдаетъ на воздухѣ и посылаетъ оттуда громъ, молнію, дождь, снѣгъ и бурю. Его часто смѣшиваютъ съ видимымъ небомъ, которое также называется у нихъ нумомъ. Звѣзды считаются у нихъ частями нума, радуга краемъ плаща этого бога; солнце тоже по ихъ мнѣнію нумъ. Нѣкоторые же Самоѣды говорятъ, что земля и море, и вся природа нумъ. По тѣ, которыхъ, вѣроятно, уже коснулось христіанское ученіе, обыкновенно его почитаютъ творцемъ міра и твердо убѣждены, что онъ же и управляетъ міромъ,—онъ даруетъ человѣку счастіе, благо, оленей, лисицъ и всякаго рода богатства. Если же люди согрѣшаютъ, то онъ ввергаетъ ихъ въ нищету, напасти и посылаетъ имъ преждевременную смерть. О будущей жизни у нихъ нѣтъ никакого представленія и они вполнѣ вѣрятъ, что награда или наказаніе воздаются здѣсь на землѣ. Самоѣды оказываютъ нуму особенное почтеніе, такъ что даже самое имя его произносятъ рѣдко и съ чрезвычайнымъ благоговѣніемъ, призывая только въ самыхъ важныхъ случаяхъ. И не смотря на высокое понятіе, которое имѣютъ Самоѣды — язычники о христіанской религіи, они твердо соблюдаютъ свою, по увѣренности, что содержать ее повелѣлъ самъ нумъ.

Дьявола мезенскіе Самоѣды называютъ А, что значитъ сатана, и представляютъ злымъ; вслѣдствіе чего всячески стараются умилостивлять его, принося ему въ жертву или оленя или собаку.

Тадебціи существа духовныя, недоступныя для не посвященныхъ, духи хитрые и злые, подвластные нуму. Число ихъ неопредѣленное, и они часто вредятъ людямъ, не смотря на запрещенія нума. Эти духи сходны съ хегами или хаями. Хеги — домашніе боги, которымъ Самоѣды открываютъ свои желанія и труды, обращаются къ нимъ за помощію во всѣхъ предпріятіяхъ и особенно въ охотѣ. Съ ними можетъ бесѣдовать каждый—вотъ чѣмъ они отличаются отъ тадебціевъ, доступныхъ однимъ лишь тадибеямъ (жрецамъ). Хеги эти бываютъ двухъ родовъ — естественные и искусственные. Къ первымъ принадлежатъ особенные какіе нибудь каменья, деревья и др. предметы природы. Наткнется ли Самоѣдъ на подобную рѣдкость, которая, по его богословскимъ понятіямъ, годится въ боги, онъ окутываетъ ее разными пестрыми повязками и таскаетъ ее всюду, куда ни отправится. Надо замѣтить, что Самоѣды — язычники имѣютъ особыя небольшія санки, гдѣ они прячутъ своихъ домашнихъ боговъ и берутъ ихъ съ собою въ дорогу.

Но есть и такіе хеги, которые принадлежатъ цѣлому народу и становятся при такихъ урочищахъ, гдѣ Самоѣды собираются въ большемъ количествѣ для промысла звѣрей, для ловли рыбы, или для пастьбы оленей. Кумиры эти состоятъ изъ скалъ и каменьевъ. По виду же похожи на человѣка, только вмѣсто головы просто остріе. По этому образцу, какъ говоритъ преданіе, составили Самоѣды изъ дерева большіе или меньшіе кумиры, которыхъ они называютъ *сядеями*. Сядеи—божества мужскія и женскія, одѣты въ обыкновеный самоѣдскій нарядъ, украшены разными поясами, повязками и всякими блестящими бездѣлушками. Но на мѣстахъ охоты Самоѣдовъ встрѣчаются сядеи совершенно нагіе съ лицемъ обращеннымъ на западъ. По большей части они ставятся при песцовыхъ и лисьихъ порахъ. Въ случаѣ неудачнаго улова, этимъ сядеямъ не только ничего

не жертвуютъ, но бьютъ ихъ и свергаютъ съ горъ, не признавая въ нихъ дѣйствительныхъ боговъ. Наконецъ въ случаѣ нужды, хеги дѣлаются на скорую руку, за недостаткомъ дерева, изъ земли и снѣгу.

Обращаясь съ просьбою къ нуму, діаволу, хегу или сядею, Самоѣдъ непремѣнно долженъ принести жертву. Если просятъ о счастливой охотѣ, то жертву можетъ приносить всякій; при болѣе же важныхъ обстоятельствахъ жертвоприношеніе необходимо должно совершиться тадибеемъ (жрецомъ).

Тадибей или жрецъ небольше, ни меньше какъ фокусникъ. По понятіямъ Самоѣдовъ, этотъ волшебникъ самъ собою почти ничего не значитъ, или очень мало. Все его значеніе состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что онъ можетъ вступать въ общеніе съ тадебціями, духами хитрыми и лукавыми, которые надъ старикомъ тадибеемъ только подсмѣиваются и запутываютъ его ложными изрѣченіями. А потому главное достоинство въ тадибеѣ — сила и здоровье; кромѣ того, тадебціи нерѣдко заставляютъ тадибея бить и рѣзать себя ножемъ и другими острыми орудіями, а для того нужна сила и ловкость. Впрочемъ обычай этотъ уже исчезаетъ; но въ прежнія времена, когда народъ легче поддавался обаяніямъ волшебства, тадибеи прокалывали себя копьями и изранивали стрѣлами, давали себя рѣзать на куски и потомъ, по повѣрью Самоѣдовъ, снова воскресали. Теперь такіе смѣльчаки попадаются очень рѣдко, потому что подобныя операціи не всегда обходятся дешево, и бѣдному тадибею нерѣдко приходится ожидать *всеобщаго воскресенія мертвыхъ*. Вообще нынѣшніе тадибеи гораздо проще прежнихъ и не творятъ чудесъ: не летаютъ по воздуху, не плаваютъ подъ водою, не спускаются въ глубь земли, не принимаютъ какого угодно вида, что расказываютъ о ихъ предшественникахъ. Вся ловкость и сила нынѣшнихъ тадибеевъ главнымъ образомъ сосредоточивается на жертвахъ, которыя они истребляютъ съ изумительною быстротою, удѣляя божеству самую скудную частицу.

О происхожденіи тадибея извѣстно очень мало. Званіе его наслѣдственное, слѣдовательно онъ съ самаго младенчества начинаетъ втягиваться, подъ руководствомъ отца, въ ту таинственную область, которая потомъ сдѣлается его ремесломъ.

Если тадибей хорошо посвященъ въ свое искусство, то онъ ходитъ всегда въ особомъ нарядѣ съ бубномъ (или пензеремъ). Бубенъ этотъ имѣетъ для тадибея огромное значеніе: рѣзкіе, пронзительные звуки его воспламеняютъ тадибея и, проникая въ мрачный міръ духовъ, пробуждаютъ ихъ отъ постояннаго сна.

Общеніе это съ тадебціями совершается такъ: тадибей въ свой особенной одеждѣ сперва тихо ударяетъ въ бубенъ ладуранцемъ (или деревянною колотушкою) и подогрѣваетъ кожу бубна на разведенномъ огнѣ, чтобы сдѣлать его туже и звучнѣе, потомъ, постепенно усиливая удары, производитъ весьма сильные, рѣзкіе звуки. Эти звуки онъ сопровождаетъ тихою протяжною пѣснею. Немного спустя тадибей умолкаетъ, знакъ, что тадебціи — вступили съ нимъ въ разговоръ. По окончаніе нѣмаго и мнимаго разговора тадибея съ тадебціями, онъ напряженнымъ голосомъ расказываетъ своимъ слушателямъ будто бы сообщенное ему рѣшеніе, которое большею частію состоитъ въ приказаніи принести жертву или нуму, или дьяволу, или же самимъ тадебціямъ.

Нуму обыкновенно приносятъ въ жертву бѣлаго оленя на высокой горѣ, дьяволу оленя или собаку, какъ и тадебціямъ и хегамъ. Только нѣкоторымъ изъ женскихъ идоловъ приносятся въ жертву коты и жеребцы. Жертвоприношеніе совершается почти одинаково для всѣхъ. Животное обыкновенно удавливаютъ и отрубленную голову втыкаютъ на колъ, обращая мордою на востокъ или западъ. Мясо тутъ же сырое съѣдается.

Хотя для постояннаго совершенія языческихъ обрядовъ и жертвоприношеній Мезенскіе Самоѣды не имѣютъ ни храмовъ, ни кумирень, но все таки у нихъ есть для этого избранныя мѣста. Мѣста эти: или горы, или берега примѣчательныхъ рѣкъ и озеръ, или урочища, изобилущія звѣрями или оленями. Теперь не много такихъ урочищъ; большая часть изъ нихъ очищена отъ идоловъ или нашими миссіонерами, или новокрестившимися Самоѣдами.

II. СЕЛЬСКІЕ ОБЫЧАИ ВЪ НѢКОТОРЫХЪ МѢСТНОСТЯХЪ СУРАЖСКАГО УѢЗДА ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

I. Свадьба.

Начало сватаньи невѣсты происходитъ слѣдующимъ порядкомъ: отецъ жениха изыскаетъ лицъ, извѣстныхъ домогательствами, краснорѣчіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изощренныхъ посему дѣлу познаніями (ихъ называютъ сватами). Пригласивъ такихъ сватовъ къ себѣ въ домъ, угостивъ особо уважаемою пищею: яичницею съ саломъ, да кромѣ того навантаживъ водкою такъ, что была случай отказа въ сватовствѣ не было бы зазорно для глазъ, и окончивъ угощеніе снаряжаемымъ сватамъ даютъ бутылку водки, бахо-

нокъ хлѣба и указывается отцомъ жениха—невѣста, заранѣе обдуманная имъ. Едва успѣютъ отправиться сваты къ назначенной невѣстѣ, какъ остающееся семейство жениха не медля приступаетъ къ перевязкѣ попарно всѣхъ вещей находящихся въ избѣ, каковы: кочерги, ухваты, чепелники, ложки, и проч. Это дѣлается для того исключительно, чтобы дѣла сватовства связывались (или ладились).

Сваты, явившись въ семейство невѣсты, объясняются о причинѣ, побудившей ихъ придти, дѣлаютъ со стороны своей слегка доводы о возрастѣ невѣсты уже имъ извѣстной, представляютъ безпорочность жениха,—и семейный объемъ его, заключаютъ догадками о неподлежности его къ рекрутству, представляютъ въ примѣръ другія подобныя семейства, уже освобожденныя рекрутствомъ, или въ нѣкоторыхъ случаяхъ возлагаютъ неподлежность къ рекрутству на какіе либо тѣлесные недостатки, какъ-то: одноглазость, хромоту, сухорукость, и тому подобное, что въ подобныхъ случаяхъ не считается порокомъ. Отецъ же невѣсты, хотя разумѣется знаетъ положительно семейство жениха, и душевно радъ свести родство, но во избѣжаніе въ послѣдствіи укоризнъ дочери за то, что будто неуспѣли сваты слово выговорить, онъ и согласился, остаеся непреклоненъ, а занимъ мать сидящая на печи: они отзываются и малолѣтствомъ невѣсты, и неимѣніемъ шубы, свиты, синей юпки, напослѣдокъ и тѣмъ, что надо принять въ соображеніе старыя ихъ лѣта, ибо остальныя малолѣтнія за невѣстою дочери не въ силахъ сжать посѣвы, напрясть на рубашки, выткать, а такъ же и сшить. Безотвязные же сваты кромѣ доводовъ и увѣреній, что невѣста въ случаѣ нужды будетъ имѣть время и на вспомоществованіе имъ, прибавляютъ, что въ семействѣ жениха есть нѣсколько сестеръ (золовокъ), которыя, судя по ихъ трудолюбію, будутъ въ силахъ помогать и свату. Независимо отъ этихъ доводовъ налитая чарка горилки попеременно подносится то отцу, то матери, но упрямые старикъ со старухою ни подъ какимъ видомъ водки въ руки взять не хотятъ, зная то, что выпита рюмка значитъ отдана уже и дочка. Далѣе здѣсь еще бываютъ волокитства, такъ что отецъ невѣсты не имѣетъ силъ отдѣлатся отъ сватовъ, ссылается нерѣдко на рѣшеніе невѣсты, по приводѣ которой въ избу становится она бѣдняжка, разумѣется, возлѣ курной печи спиною къ сватамъ и на вопросъ о желаніи ея, потупя глаза въ землю, а пальцемъ ковыряя глину съ печи, отвѣчаетъ: якъ батька да матка—такъ и я; въ довершеніе мнимаго несогласія отца невѣсты, и дабы не дать повода упрекнуть его въ легкомъ соглашеніи на выдачу дочки, онъ проситъ оставить хлѣбъ и водку на нѣсколько дней, а въ это время посовѣтуется де онъ съ ближайшими родными, и тогда такъ или иначе они получатъ настоящее извѣстіе. Возвратившіеся сваты, за оставленіемъ хлѣба и водки, извѣщаютъ о томъ отца жениха, и если по истеченіи условленнаго времени отецъ невѣсты не возвратитъ хлѣба и водки, то дѣло считается оконченнымъ.

2. Заручины.

За неполученіемъ отъ отца невѣсты въ условленное время хлѣба и водки, сваты отъ жениха отправляются къ невѣстѣ, и тутъ уже безъ лишнихъ обиняковъ подносится и распивается водка, бывшая у отца невѣсты, затѣмъ дѣлается условіе: сколько отецъ жениха обязанъ дать отцу невѣсты на свадьбу водки, а также какіе сапоги матери невѣсты, рантовые или пришвы (рантовыми сапогами называются тѣ, къ которымъ пришиты новые голенищи (холявы), а пришвы — къ которымъ пришиты старыя); послѣ ухода сватовъ отецъ невѣсты дѣлаетъ распоряженіе о созывѣ сосѣдей и родственниковъ, на что посылаетъ сына, который подойдя подъ окошко говоритъ слѣдующее: «добры вечеръ! звавъ батька и матка, и я зову на заручины», продолжая такимъ образомъ просить, сколько лицъ отецъ указалъ ему.

Собравшіеся гости каждый приноситъ коврижку хлѣба обернутую въ холстину; вошедши въ избу, перекрестясь предъ иконою и положивши хлѣбъ настолъ, усаживаются почтительно; когда же всѣ собрались, являются назначенные со стороны отца невѣсты дружки (маршалки), которые и начинаютъ угощать водкою. Невѣста же вовсе это время собираетъ на посадѣ любыхъ ей подругъ для сидѣнія; собравшіяся подруги садятся на лавкѣ и поютъ разныя увеселительныя пѣсни: нѣсколько времени спустя собравшіеся со стороны отца и жениха гости отряжаются въ домъ невѣсты, и при входѣ въ избу хозяинъ дома принимаетъ ихъ почтительно; гости, прежде собравшіеся, уступаютъ мѣсто, и кутнее старшинство занимаетъ отецъ и мать жениха; дѣвушки, также угощенныя, сходятъ съ своихъ мѣстъ, и начинается новое угощеніе и попойка, послѣ чего сваты, которые прежде сватали невѣсту, говорятъ всѣмъ находящимся въ избѣ: «ну, чтожь мы трудились, торговали, хлопотали: покажите же намъ вашъ товаръ». Вдругъ изъ за дверей съ двумя или тремя хлѣбами и нѣсколькими полотенцами является невѣста, кланяется всѣмъ гостямъ; подаетъ первоначально отцу жениха хлѣбъ и холстинный платокъ. Тотъ получа, привставъ съ мѣста, обводитъ кругомъ своей головы холстиной три раза. Довершается тѣмъ, что онъ долженъ выпить съ будущей невѣсткой водки; такимъ точно обрамомъ поступаютъ мать жениха и всѣ, коимъ достанется подарокъ; невѣста послѣ этого уже больше не является, и гости, распивши водку, отправляются по домамъ. Отцы жениха и

невѣсты до дня свадьбы кланчутъ у священника и причетниковъ, которые нерѣдко или за неотдачу роковщиннаго хлѣба, или за другое что либо, такъ уманежатъ бѣдныхъ сватовъ, что имъ и сонъ въ голову нейдетъ; радъ бы другой отказаться, да ба! порокъ дѣвкѣ, да и за безчестье не помилуютъ.

3. Начало свадьбы.

Вечеромъ предъ днемъ, въ который назначено вѣнчать молодую чету, въ домѣ невѣсты и жениха собираются гости, пьютъ водку и закусываютъ, а въ домѣ жениха кромѣ того играетъ музыка; въ это время дѣвушки убранный елецъ (сосновое съ гольемъ дерево, увѣшанное разными засохшими цвѣтами, покрытое полотенцомъ, и сверху прикрѣпленное въ родѣ креста) взносятъ на столъ и устремляютъ въ цѣлый хлѣбъ. Затѣмъ слѣдуетъ сыну благословеніе родительское, послѣ чего женихъ, два дружка и прочіе гости отправляются въ домъ невѣсты, гдѣ уже сходятся гости съ гостями, обводятъ жениха съ невѣстою три раза кругомъ стола и сажаютъ возлѣ него; въ это время старшій дружокъ становится на лавкѣ позади молодыхъ, беретъ зажженную свѣчу и икону, обводитъ три раза кругомъ молодыхъ, провозглашаетъ громко: «отецъ, мати! благослови своего дитяти въ честную дорогу ступати, вы пановья мужовья, вы бабочки бѣляночки, вы хлопчики худопохолки, вы дѣвочки красноперочки!» вся красная бесѣда въ отвѣтъ ему: Богъ благословитъ. Потомъ вторично: «другимъ разомъ, Божьимъ часомъ, отецъ, мати!» продолжаетъ тѣ же слова до трехъ разъ, и ему отвѣчаютъ то же. Вслѣдъ за этимъ молодыя женщины вмѣстѣ съ играющимъ музыкантомъ продолжаютъ распѣвать слѣдующую пѣсню: «яжъ его благословила, якъ его породила; вдруги благословила, якъ его оженила». Вечеръ кончается тѣмъ, что молодые отправляются за нѣсколько верстъ на лошадяхъ въ церковь, остальные же гости, наскуча безъ лишней выпивки, отправляются по домамъ.

4. Возвращеніе молодыхъ отъ вѣнца.

Въ домѣ жениха съ вечера заквашивается каравай (житнее тѣсто), а утромъ молодыми женщинами раскатывается и обдѣлывается разными фигурками, и по истопленіи печи всаживается въ оную. Въ это время одна изъ приготовляющихъ каравай должна перескочить три раза около столба, находящагося возлѣ печи, также и мужчина съ кнутомъ, имѣющимся въ рукахъ; когда же испечется всаженный въ печь каравай, вынимаютъ таковый, ставятъ на столъ и устремляютъ въ него елецъ, находившійся до того въ хлѣбѣ съ припѣвомъ: «караваю, мой раю, я съ тобою играю, съ дудками, съ скрыпками, съ молодыми свашками». Чрезъ нѣсколько времени появляются молодые, отецъ съ матерью встрѣчаютъ ихъ въ сѣняхъ съ иконами въ рукахъ, и молодые, поклонившись до земли по три раза, отправляются въ особую хижину, куда имъ подается обѣдъ; гости же свадебные обѣдая веселятся себѣ, танцуютъ до самаго вечера, невѣста же пообѣдавши отправляется въ домъ отца своего, и вновь къ вечеру собираетъ подругъ на посадъ, которыя цѣлый вечеръ кричатъ во все горло пѣсни; при наступленіи вечера усаживаютъ жениха на лошадь, а женщины поютъ пѣсню: «ѣдь Иванька, не стой, въ тебѣ кончикъ не свой, дорожка не торная, Марьячка не вѣрная;» отправляются такимъ образомъ къ невѣстѣ. По пріѣздѣ же на дворъ, мать невѣсты, выворотивъ шубу вверхъ шерстью, обсыпавъ зерномъ кругомъ жениха, подходитъ съ глиняннымъ горшкомъ, въ которомъ находится водка, наливаетъ въ рюмку и подноситъ жениху, который, не вставая съ повозки, первую, вторую и третью рюмку выливаетъ чрезъ голову на землю, слѣдующую за тѣмъ выпиваетъ. Потомъ съ крикомъ вводятъ жениха въ хату, и по нѣкоторой церемоніи сажаютъ возлѣ невѣсты; дѣвушекъ же по угощеніи водкою просятъ уступить мѣсто слѣдующею пѣснею: «а домой дѣвки домой, а домой ляги домой, а не будитя прясти, будитя рубьямъ трясти». Далѣе продолжаются гулянья и танцы, кто и какъ можетъ, другой за столъ взявшись катае такого гопака, что ожъ лобъ мокоръ. Кончается тѣмъ, что обоихъ молодыхъ везутъ въ домъ жениха; здѣсь же до прибытія молодыхъ приготовляется изъ соломы столбъ, который при появленіи молодыхъ зажигаютъ, и чрезъ это пожарище перевозятъ ихъ, далѣе отправляютъ молодыхъ на спокой, послѣ котораго на невѣсту надѣваютъ очепокъ и сверху прикрываютъ платкомъ, музыкантамъ же при цѣломудренности невѣсты привязываютъ на скрипку ленты; а на другой день съ нѣсколькими хлѣбами отправляются въ домъ отца невѣсты и съ тѣхъ поръ уже начнется почестка во всѣхъ тѣхъ дворахъ, которые участвовали въ свадьбѣ такъ, что продолжается почти цѣлую недѣлю, молодые же остаются въ домѣ въ спокойномъ наслажденіи другъ другомъ.

5. Причины нерѣдко возбраняющія обогащеніе людей.

Главные доходы хозяйства въ нашемъ краю имѣются отъ пеньки и конопли, а частію и меда; каждый же изъ насъ знаетъ положительную цѣну товару въ то только время, когда вышелъ изъ рукъ, когда же товаръ въ рукахъ, то цѣны словно какъ въ острогъ заперты: причина этому есть та, что капиталисты изъ нашихъ же жителей часто занимаютъ общественныя

должности, которыя за нѣсколько недѣль до ярмарки, напримѣръ покровской, гдѣ бываетъ порядочный сбытъ конопли, прижмутъ крестьянъ къ платежу, такъ что бѣднякъ мужикъ, недождавшись ярмарки, волею или неволею идетъ къ капиталисту, беретъ деньги, и отдаетъ свою коноплю по цѣнамъ, какую ему дадутъ. Такъ точно бываетъ и въ крещенскую ярмарку во время пеньковой промышленности; этимъ то народъ обезсиливается во первыхъ, что онъ не дополучаетъ настоящихъ цѣнъ за товаръ, а во вторыхъ что онъ, не покрывъ товаромъ хозяйственныхъ нуждъ, затягивается у богатыхъ людей въ долгъ, беретъ безъ расчету деньги, а также и товару своему не знаетъ никакихъ расчетовъ. Я думаю, что не безизвѣстны подобные обороты и тѣмъ лицамъ, которыя покупаютъ съ вторыхъ рукъ товаръ, но не обращаются къ крестьянамъ за тѣмъ только, что капитальный богачъ до прибытія ихъ ссудилъ деньгами жителей, а по этому перетолкуютъ кабинетнымъ образомъ вдвоемъ, и ведутъ дѣла свои темно.

6. Лѣченіе или вовѣреніе.

Мѣстность наша славится преимущественно знахарствомъ отъ всякихъ болѣзней, и знахарство это несмѣтное число народовъ отправляетъ прежде времени на тотъ свѣтъ; народъ же, по суевѣрному своему понятію, такъ увѣренъ въ этомъ знахарствѣ, что за пріобрѣтеніе нелѣпыхъ въ познаніи тѣхъ словъ лишается многаго, и достаетъ премудрость у человѣка пьянаго, который самъ не помнитъ, что говоритъ, хотя нѣкоторые въ убѣжденіи томъ, что пустыя слова знахарства нисколько не облегчаютъ болѣзненаго состоянія человѣка, а все таки вѣрятъ имъ и съ трудомъ довѣряютъ лѣченіе ученымъ врачамъ. Напримѣръ поколотили другъ друга до такой степени, что не въ силахъ ходить, отправляются куда? къ знахарю, простудился, учадилъ, сломалъ ногу, обрѣзалъ палецъ все туда же и къ тому знахарю, и знахарь на всѣ болѣзни, прочитавъ какую то безсмысленную басню; «ступай говоритъ домой, будешь здоровъ». Жаль смотрѣть какъ народъ гаснетъ, другой быть можетъ прожилъ бы еще годовъ десятокъ или другой на свѣтѣ, да по милости знахаря отправился на тотъ свѣтъ.

7. Суевѣрныя понятія о мертвецахъ и вѣдьмахъ.

Вѣдьмами и мертвецами въ нашей мѣстности такъ напуганъ народъ, что каждый малютка почти отъ колыбели начинаетъ страшиться вѣдьмъ и мертвецовъ. Причина этому бываетъ слѣдующая: мать малютки послѣ дневныхъ трудовъ своихъ, отправляется съ дитятею на спокой въ особую каморку, и при безпокойномъ состояніи малютки она начинаетъ страшить дитя или вѣдьмами или другимъ чѣмъ. Такимъ образомъ въ малюткѣ уже съ дѣтства зарождается страсть къ суевѣрнымъ понятіямъ, которая, зародясь съ малолѣтства и необуздываясь никакимъ ученіемъ, остается на всю жизнь. Бываютъ даже такіе случаи, что человѣкъ подобныхъ суѣверныхъ понятій, слѣдуя путемъ въ ночное время, встрѣчается нечаянно съ запоздалою въ деревнѣ свиньею, которая хрюкнувъ убѣгаетъ отъ человѣка, а встрѣтившій ее полагаетъ, что убѣжала отъ него никто иной какъ вѣдьма. Вотъ какимъ родомъ достаются въ наслѣдство понятія суевѣрныя, которыя такъ укореняются, что потомъ человѣка ничѣмъ не разувѣришь. Одинъ разъ пришлось слышать мнѣ, что крестьянинъ жаловался на посѣщеніе его дома мертвецомъ; онъ разказывалъ слѣдующее: при наступленіи каждой ночи что-то страшное въ родѣ чучела входитъ къ нему на дворъ, и походивши отправляется въ амбаръ. Впослѣдствіи мнимыя посѣщенія мертвеца разъяснились слѣдующимъ образомъ: дочь хозяина постоянно ночевала въ амбарѣ, а къ ней приваднлся женихъ, и тогда только отецъ понялъ причину посѣщеній мертвеца, когда дочь родила сына.

8. Замѣтки при посѣвѣ гороха.

Въ нашей мѣстности по большей части есть любители сѣянія гороха; но нерѣдко встрѣчаются жалобы на твердость гороха, что считаютъ послѣдствіемъ неопытности въ посѣвѣ таковаго. На дняхъ случилось мнѣ слышать мнѣніе одного мужика, повидимому знающаго посѣвъ гороха, и вотъ какъ онъ разказывалъ: я прожилъ уже до старости и рѣдко случалось, чтобъ горохъ мой былъ твердъ; а на то, чтобъ горохъ былъ мягокъ, нужно познанье и очень простое, напримѣръ: когда ты собрался сѣять горохъ, возьми мѣшокъ съ сѣменами и заразъ втопчи босыми ногами въ свѣжій коровій навозъ, и топчись въ ономъ долгое время, и повѣрь, что послѣ таковой операціи посѣянный горохъ будетъ мягокъ. Другой разсказъ приходилось мнѣ слышать отъ одного старика, что онъ, во время досады на твердость посѣяннаго гороха, слышалъ отъ сосѣда слѣдующую замѣтку на счетъ посѣва гороха: если хочешь, чтобы горохъ твой былъ мягокъ, то прежде посѣва три раза переволочи сѣмена гороха чрезъ липовый кустъ и вѣрь, что уродившійся горохъ не такъ будетъ твердъ. Дѣлать нечего: нужно было слушать сосѣда, и старикъ мой въ слѣдующій затѣмъ посѣвъ насыпалъ полмѣха гороха и чрезъ первый же попавшійся липовый кустъ началъ переволакивать таковый; правда первый разъ перетащилъ благополучно, другой тоже, а затретьимъ разомъ попавшійся пень дерева уцѣпился

въ мѣшокъ, разорвалъ до половины, и весь горохъ изъ мѣшка высыпался. Бѣдный стерчокъ на подобіе птицы собиралъ позернушку разсыпанный горохъ цѣлый день. Нѣсколько лѣтъ занимаюсь и я хозяйствомъ, но перемѣну въ мягкости и твердости гороха замѣчалъ не болѣе, какъ отъ влажности лѣта.

9. Бабины.

Столь же торжественно, какъ и другія увеселенія, совершаются у насъ бабины (бабины значатъ то, что молодые мужья собираются на другой день послѣ Рождества Христова къ пупорѣзной ихъ бабкѣ). Онѣ начинаются слѣдующимъ образомъ: мужъ съ женою за каждое дитя одинъ разъ пекутъ семь небольшихъ хлѣбовъ, кладутъ ихъ въ корзину, и покрывъ чистымъ полотенцемъ, отправляются къ бабѣ; пришедши въ избу, ставятъ около печки корзину съ пирогами (такъ называютъ принесенные хлѣбы). Затѣмъ, по предложенію дѣда и бабы, садятся за столъ; когда же соберутся къ бабкѣ всѣ внуки, тогда баба первоначально ставитъ сковороду съ саломъ и колбасами, а дѣдъ начинаетъ безотвязно угощать водкою (замѣтно также и то, что который дѣдъ попьянѣе напаиваетъ водкою внуковъ, то и бабу ту больше берутъ въ пупорѣзныя, а пупорѣзная бабка въ средѣ народонаселенія нашей мѣстности имѣетъ немалое значеніе). Когда дѣдъ напоитъ до полупьяна, а баба переноситъ разныхъ яствъ до дюжины, тогда молодыя женщины начинаютъ распѣвать разныя пѣсни; впрочемъ и мужчины не отстаютъ; далѣе пойдутъ остроты, какъ и кто отгонялъ волковъ отъ лошадей, кому перебѣгъ чрезъ дорогу заяцъ, и послѣ того были послѣдствія худыя, другому сонъ, снившійся въ то-то время, какъ въ руку далъ. Дѣдъ же послѣ всего этого говоритъ бабѣ: «а ну ка старуха взноси внукамъ орѣхи», и баба приноситъ несколько орѣховъ, изъ которыхъ дѣдъ взявъ въ руку загадываетъ внукамъ: узнай цотъ, аль лишка (цотъ означаетъ пары, а лишка напротивъ). Кто узналъ, тотъ получаетъ орѣхи, а кто не узналъ долженъ возвратить дѣду неузнанное количество орѣховъ; въ промежуткѣ всего этаго водка безпрестанно истребляется радушными внуками и внучками, продолженіе этой бесѣды бываетъ чуть не до свѣта слѣдующаго дня. Въ заключеніе баба ставитъ горшокъ съ крутой кашей, въ которую внуки обязаны положить бабѣ или по копѣйкѣ денегъ, или по нѣскольку баранокъ, или же по грошовому прянику, и послѣ того горшокъ разбиваютъ; покушавъ кашу, и выпивъ на дорогу еще по чаркѣ водки, внуки, сдѣлавъ ряду: къ кому на завтра впередъ собираться, отправляются по домамъ, гдѣ хлопочутъ какъ бы лучше угостить и по больше угоститься и побольше напоить дѣда съ бабою. На другой день внукъ, которому назначена очередь угощать дѣда, является въ домъ и проситъ къ себѣ дѣда и бабу на праздникъ, куда также собираются и всѣ бывшіе на вечерѣ у бабы: разопьютъ тутъ съ полведра водки, поѣдятъ несмѣтное множество яствъ. Отбывъ такимъ образомъ у одного, вся компанія приглашается къ другому, и такъ далѣе покамѣсть не обрядуются всѣ. Нерѣдко случается, что дѣдъ съ бабой отъ радушнаго угощенія внуковъ въ силахъ только обойти пополовину; въ такомъ случаѣ внуки носятъ на себѣ полумертваго дѣда съ бабой, зная что безъ присутствія дѣда и пиръ не пиръ. Тѣмъ кончается, что очухавшусь отъ пьянства и припоминая, что онъ кажись у такого то внука не былъ, дѣдъ, коему въ разъясненіе его недарозумѣнія говорятъ, что онъ былъ и тамъ, но немного хмѣльнымъ идетъ, въ заключеніе махнувъ рукою говоритъ: ну нехай себѣ.

10. Чистый четвергъ.

(На страстной недѣлѣ великаго поста.)

Предъ началомъ этого дня до разсвѣта, у кого есть баня, истапливается таковая, и въ оную отправляется все семейство, сперва мужчины, а за тѣмъ женщины; знающіе же мудрость знахарства до разсвѣта заставляютъ своихъ женъ прясть съ права-налѣво нитки, съ которыхъ ссучивается шнурокъ, и этимъ шнуркомъ онъ цѣлый годъ побѣждаетъ всѣ нападенія колдуновъ. Напримѣръ, изъ шалости, какой либо мальчишка связалъ нѣсколько колосьевъ въпосѣянной ржи,—это называютъ завоемъ, или наговоромъ, куда призывается знахарь, который, прочитавъ свои слова и зацѣпивъ ниткою за завязанные колосья, вытягиваетъ ихъ, иноида упадетъ на землю, и говоритъ, что нечистая сила не допускаетъ его.

Взволочетъ ли собака съ палой скотины часть говядины, и будучи не въ состояніи съѣсть, прячетъ въ навозъ или иное мѣсто, чтобъ другая собака несъѣла. Нашедши таковую несъѣденную, хозяинъ говоритъ, что это подносъ: злой человѣкъ подкинулъ на его безголовье; заразъ за знахаремъ, и тотъ пришедши, зацѣпивъ четверговымъ шнуркомъ: тащитъ со двора спотыкаючись, да приговаривая: ага попала коса на камень, и мало ли подобные люди спасаютъ въ несчастныхъ случаяхъ людей, незнающихъ знахарства; всему же этому народъ вѣритъ.

11. Свѣча.

Въ числѣ общественныхъ увеселеній въ нашей мѣстности замѣчательны такъ же свѣчи (свѣча значитъ то, что въ селеніи, гдѣ нѣтъ церкви, существуетъ въ году одинъ день избранный для праздновa-

нія, и память того дня чтится народомъ), напримѣръ въ день Флора и Лавра,—угодниковъ, которые чтимы жителями деревни Батуровки Суражскаго уѣзда. Предъ этимъ днемъ собираетс общество крестьянъ и вызываетъ желающихъ на торги, гдѣ рѣшается на имѣющій быть собраннымъ хлѣбъ цѣна, послѣ чего съ жидомъ шинкаремъ также сходятся цѣною на водку, и при несогласіи разумѣется покупаютъ водку въ другой мѣстности. Когда же все это уладятъ, вечеромъ назначаютъ двухъ бѣдныхъ крестьянъ, для того, чтобы тѣ крестьяне просили у жителей на Божью свѣчу (свѣча какъ то: иконы, восковыя свѣчи, находятся въ домѣ одного крестьянина, на другой же годъ переносятъ таковыя къ другому хозяину); назначенные бѣдные люди, надѣвъ на себя по большому чрезъ плечо мѣшку, отправляются въ каждый домъ и просятъ хозяевъ такъ: звавъ бращикъ и староста на Божью свѣчу (бращикъ называется то лицо, которое завѣдываетъ доходами свѣчи). Хозяинъ, получивъ таковое приглашеніе, посланцу даетъ ковригу хлѣба, затѣмъ собирается къ свату, беретъ съ собою ржи или другаго зерна столько, сколько Богъ положитъ на мысль; явившись на свѣчу, сдаетъ принесенный хлѣбъ бращику, затѣмъ тотъ же хозяинъ, отбивъ несколько поклоновъ предъ угодниками Божіими, садится на лавкѣ, а бращикъ въ это время угощаетъ вошедшаго водкою. Цѣлую ночь просиживаютъ тутъ хозяева, и чего-чего тутъ не перетолкуютъ; нерѣдко случается, что какой либо грамотѣ читаетъ попавшійся номеръ губернскихъ вѣдомостей, или дѣтскій букварчикъ, и всѣ хозяева со сномъ пополамъ слушаютъ чтеца.

На другой день утромъ рано опять являются тѣ же хозяева, а иногда приходятъ и изъ окрестныхъ деревень, и уже выжидаютъ прибытія священника, по прибытіи котораго и за отправленіемъ священныхъ обрядовъ, а также за перенесеніемъ въ другой домъ свѣчи, крестьяне сдаютъ собранный хлѣбъ купившему и полученныя деньги, напримѣръ, если пришлось имъ получить 20 руб., изъ которыхъ отчислятся священнику за молебенъ 1 руб., на церковь 1 руб., остальныя безъ остатка пропиваются; когда же окончатъ всѣ деньги, тогда уже ходятъ группами по домамъ, цѣлую недѣлю пьютъ водку до нельзя; разумѣется, не было еще примѣра, чтобы въ этомъ праздникѣ половина деревни не передралась, другаго знакомаго человѣка трудно узнать послѣ таковыхъ событій. Въ прошедшія времена до введенія акциза крестьяне въ эти праздники варили медъ и распродавали таковый жителямъ. За мою памятью былъ одинъ смѣшной случай: помѣщавшимся въ банѣ медомъ торговалъ отъ общества крестьянинъ; къ несчастью крестьянинъ, тотъ былъ неграмотный, а баня непокрыта, и продавецъ, дабы не забыть кому отпустилъ на вѣру медъ замѣчалъ на стѣнѣ мѣломъ; но въ ту же ночь сдѣлался такой проливной дождь, что явившійся на другой день продавецъ не нашелъ и слѣда своей грамоты; долго онъ послѣ того припоминалъ, кому именно давалъ въ долгъ медъ, и за всѣмъ тѣмъ все таки остался въ недочетѣ на нѣсколько рублей.

Въ 1872 году Этнографическій Отдѣлъ имѣлъ засѣданіе, соединенное съ Антропологическимъ Отдѣломъ, въ протоколахъ коего и помѣщено описаніе этого *восьмаго* засѣданія. Кромѣ того нѣкоторые изъ членовъ Отдѣла принимали участіе въ устройствѣ историческаго отдѣленія въ Политехнической выставкѣ, въ составленіи каталоговъ ея и въ изданіи «Туркестанскаго Сборника». Въ этомъ же году началось печатаніе «Сборника латышскихъ пѣсенъ» и доведено до 11-го листа (См. Изв. Общ., т. X, вып. 2, стр. 97).

ЗАСѢДАНІЕ ДЕВЯТОЕ.

(1 ноября 1873 года).

Засѣданіе происходило въ помѣщеніи Политехническаго Музея подъ предсѣдательствомъ Н. А. Попова, въ присутствіи г. президента Общества Г. Е. Щуровскаго, 16 членовъ и нѣсколькихъ стороннихъ посѣтителей.

1) Предсѣдатель прочелъ краткой отчетъ о дѣятельности Отдѣла за послѣдніе годы. Опредѣлено: внести этотъ отчетъ въ годичное засѣданіе Общества.

2) Предсѣдатель представилъ только что отпечатанный подъ его редакціей, на иждивеніи почетнаго члена Общества В. А. Дашкова, 2-й томъ «Трудовъ этнографическаго Отдѣла», носящій заглавіе: «Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ; томъ II-й». Въ этомъ томѣ помѣщены: латышскія народныя пѣсни, доставленныя въ Отдѣлъ различными лицами изъ Прибалтійскихъ губерній, приведенныя въ порядокъ Ф. Я. Трейландомъ, снабженныя русскимъ переводомъ

и примѣчаніями, а также статья Ф. Я. Трейланда: «о латышской народной поэзіи» и 6 хромолитографическихъ рисунковъ, изображающихъ нѣкоторыя изъ группъ Дашковскаго этнографическаго музея. Опредѣлено: принести благодарность г. издателю и Ф. Я. Трейланду.

3) Предсѣдатель предложилъ Отдѣлу имѣть въ виду для III-го тома «Трудовъ» его давно уже одобренное Отдѣломъ сочиненіе К. А. Попова «О Зырянахъ и зырянскомъ краѣ», а также дальнѣйшіе матеріалы для этнографическаго изученія латышскаго племени, собранные Ф. Я. Трейландомъ. Кромѣ того предсѣдатель предложилъ не отлагать далѣе печатаніе протоколовъ прежнихъ засѣданій Отдѣла, включая въ оные и статьи, въ этихъ засѣданіяхъ прочитанныя. Опредѣлено: немедленно приступить къ печатанію протоколовъ; относительно же печатанія 3-го тома «Трудовъ» Отдѣла снестись съ совѣтомъ Общества.

4) Предсѣдатель сообщилъ Отдѣлу письмо С. П. Микуцкаго къ почетному члену Общества В. А. Дашкову о необходимости составленія и изданія словарей Мордовско-русскаго и Черемисско-русскаго. Опредѣлено: а) признать полезнымъ и нужнымъ составленіе и напечатаніе означенныхъ словарей, хотя Отдѣлъ и не вполнѣ раздѣляетъ взглядъ г. Микуцкаго на чудскія племена, и б) просить В. А. Дашкова войти въ сношеніе съ г. Микуцкимъ о способахъ къ приведенію въ исполненіе этого предложенія, или же отнестись въ Казанское братство св. Гурія съ просьбою о рекомендаціи ему лицъ, способныхъ взяться за такое дѣло.

5) Секретарь Отдѣла Е. В. Барсовъ прочиталъ: «Обзоръ этнографическихъ данныхъ, помѣщенныхъ въ разныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за текущій годъ.»

6). Непр. чл. О. Н. Г. Керцели прочелъ статью: «Объ историческомъ значеніи праздника въ честь Бурхана Майдори, совершаемаго бурятами». При семъ предложенъ былъ рисунокъ, изображающій самое торжество.

7) Секретарь отдѣла Е. В. Барсовъ прочелъ свою статью: «Сѣверныя сказанія о лембояхъ и удѣльницахъ».

Опредѣлено: статьи, упомянутыя въ параграфахъ 5, 6 и 7, напечатать въ видѣ приложеній къ протоколу засѣданія.

8) Предсѣдатель предложилъ въ непремѣнные члены Общества: профессора Московскаго университета Ѳ. И. Буслаева и доцента Московской Духовной академіи В. О. Ключевскаго; секретарь Отдѣла предложилъ въ члены онаго и въ сотрудники Общества Н. А. Покровскаго и г. Квашнина-Самарина. Опредѣлено: войти съ представленіемъ о непремѣнныхъ членахъ въ совѣтъ Общества, гг. же Покровскаго и Квашнина-Самарина признать членами Отдѣла.

9) Секретарь Отдѣла высказалъ мысль, что для усиленія дѣйствій Отдѣла необходимо было бы пригласить къ участію въ его трудахъ наиболѣе замѣчательныхъ сотрудниковъ Губернскихъ Статистическихъ комитетовъ и Губернскихъ вѣдомостей. Опредѣлено: предоставить предсѣдателю и секретарю Отдѣла войти въ сношеніе съ лицами, занимающимися этнографіей и, по поступленіи отъ нихъ какихъ либо статей или матеріаловъ, признавать ихъ членами Отдѣла, т. е. сотрудниками Общества.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. ОБЗОРЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ ДАННЫХЪ, ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ РАЗНЫХЪ ГУБЕРНСКИХЪ ВѢДОМОСТЯХЪ ЗА 1873 ГОДЪ.

Не много новыхъ данныхъ принесъ настоящій годъ для исторіи народнаго міросозерцанія и суевѣрія. Въ Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ мы встрѣчаемъ молитву преподобному Сисинію о 12 сестрахъ Иродовыхъ (№76), заклинательную молитву священномученика Кипріана (№ 78) и заговоръ отъ порѣза (№ 75). Матеріалы не новые, но тѣмъ не менѣе не лишенные нѣкотораго значенія въ научномъ отношеніи. Въ молитвѣ Сисинію дочери Ирода называютъ себя нѣсколько иными именами, чѣмъ въ другихъ подобныхъ спискахъ. Такъ 8-я Унея здѣсь величаетъ себя *Пухліей*: «начнетъ подымать и шатать и тотъ человѣкъ въ опуху бываетъ»; 10-я *Коркота* «и та ручны и ножны жилы сорываетъ»; 11-я *Голодея*: «кого возьму, тотъ человѣкъ съ ума выступаетъ, ошалѣетъ»; 12-я *Невея* болѣе всѣхъ страшная, окаянная и проклятая, сильная и крѣпкая. Встрѣтились съ ними Ангелы Господни у чернаго моря и узнавъ что онѣ дочери Ирода царя, дали имъ окаяннымъ по 1,300 ранъ и сказали: «не приходите къ роду христіанско-

му, а наипаче къ сему рабу Божью (имярекъ) и рабѣ Божьей (имярекъ) «и паки даша имъ Ангелы Господни по три тысящи и по тридесяти ранъ всякой окаянной».

Заклинательная молитва Кипріана—есть произведеніе какого-нибудь вѣдуна, который, обратившись въ христіанство, рѣшился дѣйствовать, именемъ его, ко благу людей противъ всевозможной порчи и языческаго волшебства. «Господи Боже сильный и держай вся! Ты вѣси, яко вся чародѣйства *дьяхъ* и вси лукавіи бѣси *мнѣ* работаху; связываю и проклинаю вся духи лукавыя вочи злыхъ человѣкъ и сусѣдъ ближнихъ и дальнихъ *и вся чародѣйства* отъ раба Божія (имярекъ)». Далѣе изчисляются всѣ виды, въ которыхъ проявлялось чародѣйство. «И еще молюся, рабу своему (имрекъ) и въ домъ той, въ немъ же лежитъ святая сія молитва, да разрѣшено будетъ: или на пути, или на распутіи, или въ рѣцѣ, или во источницѣ, или въ кладезѣ да разрѣшится; или въ кровли, или въ дверѣхъ, или во оконцы, или въ верхнемъ порозѣ, или въ тинѣ, или во основѣ да разрѣшится, или во придворѣ, или во дворцѣ, или въ ходѣ, или во неходѣ, или въ дерну—стѣнѣ или на полѣ, или въ горахъ и пещерахъ и пропастѣхъ земныхъ да разрѣшится; или во брезѣ или въ стремнинѣ, или въ ровѣ или въ древѣ, или въ листѣ или въ корени или вѣтви да разрѣшено будетъ; или на полѣ въ нивахъ, или во рвѣхъ, или въ ямахъ, или въ травѣ, или въ пищѣ, или въ банѣ, или въ капищѣ идольскомъ, или въ кожи змѣиной, или въ бровѣхъ или въ волосѣхъ брадныхъ или во главномъ обрусѣ, или во обрѣзаніи когтѣхъ ручныхъ и ножныхъ, или въ кожныхъ обувеніяхъ, или въ златѣ и серебрѣ, или въ меди и свинцѣ, или въ оловѣ и железѣ, или во лбѣ человѣческомъ или въ крови звѣриной, или въ кожи рыбной или въ животныхъ четвероногихъ земныхъ или въ летающихъ по воздуху, движимыхъ же и недвижимыхъ, или въ хартіи, въ чернилѣ и пѣ въ которой вещи или отъ студа сотворенная да разрѣшится. Азъ разрѣшихъ и разрѣшаю, прогнахъ и прогоняю *Наталуса*, *Пуэзмаруса*, *Лукмилуре*, *Мираханань*. И еще прогоняю имена та: *Хія*, *Сисахія*, *Елизду*, *Идаилъ* отъ раба Божья (имярекъ) и отъ дому его, имущему молитву сію».

Заговоръ отъ порѣза — небольшой и носитъ на себѣ печать эпическаго склада хотя и обращенъ ко Владычицѣ-Богородицѣ.

«Владычица пресвятая Богородица! Христа родила себя не вредила, не слышала ни скорби, ни великихъ ранъ. Такъ и у раба Божія (имярекъ) боль утиши, кровь останови, —

Въ ночь при мѣсяцѣ,
Въ день при солнушкѣ,
При частыхъ звѣздахъ,
При буйныхъ вѣтрахъ".

Заговоръ для властей любопытенъ въ томъ отношеніи, что крестьянинъ подступаетъ ко власти въ сопровожденіи Георгія на конѣ и Михаила Архангела съ пращею... «Есть на семъ свѣтѣ *милъ день*, читается въ заговорѣ, и *въ оный день* начнутъ меня любити князи и бояра и судьи и вельможи. И есть на семъ свѣтѣ рѣка *Лукозарь* и на той Лукозари есть камень литарь, у того камени стоитъ древо плотно и не гніюще и около того древа вьется хмѣль накрѣпко, и такъ бы вился тотъ рабъ Божій (имярекъ) ко мнѣ крѣпко на крѣпко». Заговоръ этотъ сопровождается указомъ, какъ итти ко властямъ: взять съ берега воды въ ставецъ, да учни говорить надъ водою платкомъ накрывая, да положить въ ту воду копѣйку, а какъ пойдешь ко власти да тою водою умойся, а ту копѣйку положи за щеку, да ты на власть заглядывая, на землю не плюй (№ 35).

Между крестьянами Зарѣчной стороны, Муромскаго уѣзда, Владимірской губерніи держится извѣстное повѣрье, что къ женщинамъ лишившимся мужа летаетъ огненный змѣй и обольщаетъ ихъ. Чтобы избавить несчастную отъ тоски и навожденія этого змія, захватываютъ ее въ какомъ нибудь уединенномъ мѣстѣ и бьютъ до тѣхъ поръ, пока покажется кровь (№ 35 Влад. Губ. Вѣд.). Въ Симбирскѣ въ подобныхъ случаяхъ втыкаютъ въ порогъ и во всѣ щели избы траву *мордвинникъ* и читаютъ заклятье:

„Какъ мертвому изъ земли не вставать,
„Такъ и тебѣ ко мнѣ не летать.
„Утробы моей не распаляти,
„А сердцу моему не тосковати.

«Заговоромъ я заговариваюсь, железнымъ замкомъ запираюся, каменнымъ тыномъ ограживаюсь, водой ключевой прохлаждаюся, пеленой Божьей Матери покрываюся» (Ср. Великор. закл. Л. Майкова, стр. 161).

Изъ другихъ суевѣрныхъ обычаевъ обращаетъ на себя вниманіе у жителей Боевскаго поселка, въ 30 верстахъ отъ Воронежа, обычай погруженія попа въ воду. По окончаніи молебствія на полѣ молящіяся берутъ своего священника подъ руки и погружаютъ его во всемъ облаченіи въ рѣкѣ или озерѣ. По ихъ понятіямъ, чрезъ это Богъ пошлетъ дождь и намочитъ землю такъ, какъ они намочили священника. Впрочемъ молодые священники отказываются принимать подобныя ванны на вольномъ воздухѣ, что очень огорчаетъ стариковъ, которые относятъ плохіе урожаи послѣднихъ лѣтъ именно къ тому, что перестали купать священниковъ.

Среди множества святочныхъ извѣстныхъ уже гаданій въ Зарѣчной сторонѣ Муромскаго уѣзда держится между прочимъ *«опусканіе огня въ колодезь и измѣреніе амбара локтями»*. Амбаръ мѣряютъ такъ: отъ низу амбара протягиваютъ руку кверху, на эту руку

кладутъ другую руку и т. д. приговаривая: ниже, выше, ниже, выше... У которой дѣвицы рука будетъ выше, та станетъ въ высокихъ хоромахъ жить; а у которой ниже, та въ бѣдной избушкѣ. Опусканіе огня въ колодезь происходитъ такимъ образомъ: зажигаютъ лучину, спускаютъ ее въ колодезь и смотрятъ, какъ она горитъ; если ярко горитъ, то женихъ будетъ богатый; если же вовсе не горитъ, то бѣдный.

Свадебные обряды, описанные отъ части въ газетѣ «Донъ» (№ 70) и отчасти во Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ не представляютъ ничего особеннаго отъ того, что уже извѣстно объ этомъ предметѣ. Стоитъ развѣ вспомнить здѣсь обычай *величанія жениха невѣстою* у крестьянъ Подольской волости. Когда невѣсту приводятъ въ баню,—она ложится на полокъ; подруги ея берутъ въ руки вѣники, мочалки и жгуты и начинаютъ бить невѣсту приговаривая: «величай жениха.» Невѣста, по принятому обычаю, не смотри на то, что ее бьютъ, нѣсколько времени отказывается называть жениха по имени и отечеству и называетъ кого нибудь другаго и затѣмъ уже обращается *къ величанію своего суженаго.*

Этотъ обычай, очевидно, указываетъ на то время, когда невѣста бралась захватомъ и внѣшнею силою вынуждалось ея расположеніе къ чужому чужанину.

На иныя и чисто свободныя, нравственныя отношенія невѣсты къ жениху указываетъ обычай сватовства—у Боевцевъ, Воронежской губерніи, хотя этотъ обычай совершается въ новѣйшей народной формѣ.

Въ Воронежской губерніи отецъ или родственникъ съ двумя или болѣе близкими, взявъ съ собою полуштофъ водки, идутъ въ избранное для сватовства мѣсто. Пришедши ставятъ на столъ *водку* и говорятъ: «будете-ли пить водку или нѣтъ»? Тогда родители спрашиваютъ невѣсту: *пить водку или нѣтъ?* Если невѣста скажетъ: «*а мнѣ щожъ, пейте*», значитъ она согласна вытти замужъ за предлагаемаго жениха. Если же скажетъ: «*ни, ни,—не пейте*», то значитъ не нравится женихъ и она не согласна вытти за него. Въ послѣднемъ случаѣ принесшіе водку, взявъ назадъ со стола полуштофъ, отправляются въ другое мѣсто. При согласіи же невѣсты, распивая принесенную водку, начинаютъ толковать о приданомъ, которое берется не съ невѣсты, а съ жениха. Съ приближеніемъ времени къ свадьбѣ, будущіе свекровь и свекровка, взявъ съ собою невѣсту, отправляются въ Воронежъ, гдѣ по мѣстному выраженію, *откармливаютъ* ее разными *лакомствами* дня два или три, и за тѣмъ *откормленную* невѣсту доставляютъ въ домъ родителей. Невѣста, какъ и вездѣ до свадьбы причитаетъ, но здѣсь для этого она всего чаще удаляется въ какое нибудь уединенное мѣсто, въ огородъ вербы, въ ригу и т. п.

Изстаринная борьба между родами изъ-за невѣсты здѣсь продолжаетъ бытовать въ той же формѣ, какъ и обычай сватовства. Въ день свадьбы передъ вѣнцемъ невѣсту изъ клѣти приводятъ въ избу и садятъ рядомъ съ женихомъ; при этомъ гостей размѣщаютъ такъ, чтобы родные жениха сидѣли прямо противъ родни невѣсты. Съ той и другой стороны здѣсь начинается *споръ чье вино пить: невѣстино или женихово.* Обѣ стороны обыкновенно не уступаютъ другъ другу, и вотъ подается заранѣе приготовленное *полотенце;* за одинъ конецъ его берутся родные жениха, а за другой родные невѣсты и черезъ столъ начинается *перетяжка;* успѣхъ всегда остается на сторонѣ родныхъ жениха: невѣстина водка убирается, а женихову начинаютъ пить.

Обрядныя свадебныя пѣсни (записанныя впрочемъ въ одной подольской волости Владимірской губерніи) мало даютъ данныхъ, восходящихъ къ эпической эпохѣ.

Любопытно въ одной пѣснѣ изображеніе нравственнаго состоянія молодца, который задумалъ жениться. Онъ ходитъ не весело, гуляетъ нерадостно, повязалъ свою голову тафтою зеленою и увилъ ее лентою лиловою. Мать это замѣтила и спрашиваетъ, — что съ нимъ случилось?

„Родимая матушка! отвѣчаетъ онъ.
Къ чему веселитися?
Всѣ мои товарищи,
Да всѣ пережилися.
Одинъ у васъ, матушка,
Холостъ—не женатъ хожу".

Нѣкоторыя пѣсни прямо указываютъ на свободный выборъ жениха невѣстою:

Какъ у Ирины была матушка
И добра и ласковая;
Посылала она свою дочь
Изъ новыхъ сѣней во горницу и говорила:
„Выбирай-ко мое, дитятко,
Изъ чиновъ-то ты чиновника,
Изъ бояръ-то ты боярина,
Изъ приказныхъ-то приказнова,
Изъ купцовъ-то купчика,
Изъ хресьянъ-то ты хресьянина.

Дочь отвѣчаетъ:

Не нашла я лучше, матушка,
Лучше чину-то хресьянскова
Лучше Ѳедора Ивановича.

На такой же свободный выборъ суженаго указываетъ и другая пѣсня, въ которой подруги упрекаютъ невѣсту, зачѣмъ *она прельстилася* и выходитъ замужъ.

Ты злодѣй-злодѣй измѣнница,
Измѣнница красна дѣвица;
Говорила, што замужъ нейду
Говорила: не подумаю.
А теперечи за мужъ идешь,

На чого ты такъ прельстилася?
На орѣшки ль, на пряники,
На изюмъ ли—сладки ягодки?
На какова ты прельстилася?
На дурнова, не хорошава,
На сутулава, горбатаго,
На носастава, глазастова.
На горбу-то птицы гнѣзда вьютъ,
На носу-то грыбы выросли,
И на саму-то горьку пьяницу.

Подобное же нравственное отношеніе сказывается въ одной пѣснѣ и жениха къ невѣстѣ.

Ты не плачь, не плачь Иринушка,
Ты не плачь да свѣтъ Ивановна!
. . . . . .
Я солью тебѣ чашу золоту,
Чашу золоту съ офинистами;
Ужь и буду я соловьемъ въ саду
Ужь и буду я утѣшать тебя

Изъ пѣсенъ свадебныхъ укорительныхъ—обращаютъ на себя вниманіе—пѣсни къ *свахѣ* и *свату*.

У насъ сваха-то прядлива,
Въ часъ по ниточкѣ водила.
Что денекъ то простенекъ,
А въ недѣлю навитокъ;
Что годокъ то мотокъ,
Мутовильцо съ локотокъ.
У насъ сваха рукодѣльня,
И поставила кросна
Имъ девятая весна;
На коклюшкахъ, на подножкахъ
Трава выросла;
На просѣсти-то насѣдка
Цыплятъ высѣдѣла,
Семьдесятъ молодокъ
Девяносто кочетовъ.

Къ свату:

Ужъ какъ свату-то сводныку,
Лихорадка ему съ хворостью;
На печи лежать подъ шубою,
Умереть ему безъ ладона,
Схоронить его безъ савана,
Положить его поверхъ земли;
Кто ни пойдетъ, запинается.
Всякъ надъ сватомъ надругается..

Указанія на нѣкоторые похоронные обычаи встрѣчаются во Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ (№ 35). Лишь только начнется съ умирающимъ предсмертная агонія, сейчасъ же тащатъ его съ печи подъ образа; затепливаютъ свѣчу и ждутъ, когда кончится «*хоробрецъ*», такъ называется здѣсь послѣднее предсмертное хрипѣніе. Чтобы покойникъ или, какъ его называютъ здѣсь, родитель еще кого-нибудь не выглядывалъ, глаза его скорѣе закрываютъ мѣдными деньгами, избу, гдѣ онъ лежитъ, не метутъ до выносу: «*если*, говорятъ, *тотъ покой вымести, всѣхъ изъ дому вынести*»; по выносѣ же тотчасъ полъ подмываютъ или, какъ говорятъ, *вымываютъ смерть изъ избы*. Если кто изъ сосѣдей провожалъ покойника до могилы, тотъ, возвращаясь назадъ, непремѣнно долженъ зайти въ избу, гдѣ лежалъ покойникъ, и погрѣть руки у печки, чтобы не занести домой смерти. Если у покойника нѣтъ родныхъ, которые могли бы оплакать его, то Боевцы Воронежской губерніи въ складчину нанимаютъ плакальщицъ, большею часть *за полуштобъ водки*, которыя, идя за гробомъ, голосятъ, пересчитывая хорошія черты изъ жизни умершаго (Донъ № 70).

Обратимъ далѣе вниманіе на нѣкоторыя явленія народнаго обычнаго права.

Въ Муромскомъ уѣздѣ—Владимірской губерніи, лѣтъ 5 тому назадъ, существовалъ слѣдующій юридическій обычай. Женщинъ, заспавшихъ младенцевъ, посылали въ церковь на стояніе. Придя съ женщиной въ церковь, попъ ставилъ ее по срединѣ, очерчивалъ около нея кругъ и не приказывалъ ей оглядываться назадъ, а все молиться Богу. Сдѣлавъ это, онъ уходилъ, замыкалъ церковь и оставлялъ женщину на единѣ. Можно себѣ представить положеніе здѣсь напуганной и суевѣрной крестьянки! Выдержавшія такой искусъ много страстей разсказывали потомъ своимъ сосѣдкамъ (Владимір. Губ. Вѣд. № 35).

Инаго рода мѣры принимались на Дону, въ Казанской станицѣ къ искорененію преступленій. Кромѣ тягилевки—или станичной тюрьмы здѣсь были въ ходу гоньба по улицѣ, такъ называемый *магрычъ и обдираніе*. Гоньбою по улицѣ наказывали за воровство и прелюбодѣяніе. Ворамъ связывали руки и все ими украденное навязывали имъ на шею; прелюбодѣевъ же связывалъ рука съ рукою и въ такомъ видѣ водили по улицамъ, били, увѣчили и при этомъ стучали въ заслонки, кадушки и т. п. *Магрычъ* или покупка вина всему собравшемуся обществу назначался всего чаще. Если же виновный самъ не соглашался на это, то общество обдирало его, т. е. насильно снимали съ него платье, шапку, сапоги и закладывали кабатчику или продавали тутъ же съ аукціона желающимъ изъ присутствующихъ. При искахъ и тяжбахъ, какъ въ прежнее время, такъ и теперь бываютъ случаи, что судъ рѣшаетъ *грѣхъ пополамъ*, т. е. опредѣляетъ платить отвѣтчику только половину той суммы, которая съ него ищется (Донскія Областн. Вѣд. № 40). Этотъ обычай существуетъ и въ Сибири у Яхтышскихъ казаковъ (Тобол. Губ. Вѣд. 1859 г. № 45). Та же особенность упоминается еще въ эпическихъ пѣсняхъ. Такъ Илья Муромецъ говоритъ своему крестному отцу:

„Батюшка крестный Самсонъ Самойловичъ!
„Покажи ты половину грѣха на меня!
(Рыбн. III, стр. 110).

Изъ судебныхъ доказательствъ обычнаго права обращаетъ на себя вниманіе «*цѣлованіе преступникомъ*

дула у заряженнаго ружья со взведеннымъ курокъ». Если преступникъ неизвѣстенъ, то въ наказаніе ему ставятъ *обидящую свѣчу:* это обыкновенная свѣча, только ставится она *комлемъ вверхъ;* въ этомъ случаѣ, говорятъ, загорится совѣсть у преступника. Для подобнаго же наказанія вора, лоскутокъ украденной вещи (если только сохранился) относятъ въ кузницу и кладутъ *въ мѣхъ:* тотъ, кто укралъ, говорятъ, станетъ пухнуть, раздувать его будетъ подобно мѣху, не проживетъ году, непремѣнно умретъ.

То же самое случится, если часть украденнаго бросить *подъ жерновъ мельницы.*

На самоубійство народъ смотритъ, какъ на навожденіе нечистой силы. Стоитъ только задумать наложить на себя руки,—нечистые не дадутъ отстать отъ этой мысли: они будутъ ходить всюду и постоянно побуждать на преступленіе. Стоитъ надѣть на шею петлю,—и они тотчасъ навѣшаются со всѣхъ сторонъ въ видѣ кошекъ, собакъ, зайцевъ и уже не выпустятъ изъ нея.

Дѣтей, по народному выраженію, *заѣдаютъ* еще въ утробѣ матери. Обыкновенно дѣлаютъ для этого настой на водкѣ изъ какихъ-то кореньевъ. Но чаще употребляютъ *ртуть.* Ее растираютъ на рукѣ и лижутъ языкомъ. Отъ этого прежде всего разстраивается пищевареніе, появляется слюнотеченіе, нагноеніе глазъ, а затѣмъ извергается и плодъ. Пьютъ также сулему на водкѣ или водѣ. При этомъ пускаютъ въ ходъ и суевѣрныя средства. Моютъ рубаху, снятую во время менструацій, и воду, въ которой моютъ, *относятъ на рѣку* съ разными приговорами, или же наливаютъ эту воду въ какую нибудь посуду и *зарываютъ въ землю,* или *варятъ на ней кашу и ѣдятъ,* или *мѣсятъ на ней глину и обмазываютъ ею печку изнутри,* или наконецъ *льютъ ее въ банѣ на каменку* Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ,—говорятъ,—на каменкѣ или въ печкѣ слышится крикъ дѣтей.

Въ нѣкоторыхъ губернскихъ вѣдомостяхъ встрѣчаются еще любопытныя свѣдѣнія о жизни и бытѣ раскольниковъ. Таковы напр. данныя о Ѳедосѣевцахъ мѣстечка Городецъ, Новгородской губерніи. Эти раскольники, по замѣчанію Новгородскихъ губернскихъ вѣдомостей тщательно наблюдаютъ, чтобы *уши у святыхъ* на иконахъ изображаемы были *явственно;* иначе молитвы, приносимыя предъ ними, не будутъ услышаны. Иные изъ нихъ не кланяются иконамъ, на коихъ *изображены какія нибудь безсловесныя животныя.* Вѣруютъ, что молитва, приносимая *замаранными руками,* не дойдетъ до неба. На моленіяхъ мущины снимаютъ съ себя кушаки, чтобы, какъ они говорятъ, кадильный дымъ безпрепятственнѣе проходилъ въ пазуху и благодать, въ немъ состоящая, могла бы свободнѣе проникать въ сердце. Наставникъ кадитъ предъ каждымъ молящимся и говоритъ: «*Духъ Святый и сила Вышняго осѣнитъ тя».* Предстоящій хватаетъ руками дымъ кадильный и шепчетъ: «*и наставитъ мя на землю праву».*

Старообрядцы г. Черкасъ, Кіевской губерніи, приводятъ слѣдующее мнимое пророчество противъ курительнаго табаку:

И настанутъ вѣки
И народятся человѣки
Во мѣсто кадила,
Будутъ употреблять табачное курило,
И молися Богу,
Станутъ оттопыривать все ногу.

Нюхать табакъ, по ихъ понятію, еще омерзительнѣе, нежели курить. По этому поводу разсказываютъ слѣдующее преданіе. Іуда Искаріотскій, ростившій и продававшій табакъ нюхательный, продавалъ его лептою дешевле, чѣмъ курительный съ тою именно цѣлію, дабы уступкою осквернить и погубить больше народа.

Псальмы, которыя поются раскольниками за рукодѣльемъ, не лишены характера народнаго творчества и отчасти знакомятъ съ основнымъ внутреннимъ настроеніемъ раскола. Въ Новгородскихъ Вѣдомостяхъ приведены три подобныхъ пѣсни.

Псальма о ключѣ церковномъ.

Идетъ старецъ по пустынѣ
И самъ слезно плачетъ.
Попадаетъ на встрѣчу самъ Господь:
— Што ты старецъ плачешь?
„Какъ мнѣ Господи не плакать;
„Со младыхъ лѣтъ постригся я,
„Одолѣли худы мысли и дѣла;
„Потерялъ я ключъ церковный.
— Старецъ! въ пустыню возвратися,
— Съ усердіемъ Богу ты молися.
— У синяго моря становися.
— Сине море всколыбаетъ,
— Рыба ключъ тебѣ взрыгаетъ,
— На крутой бережокъ,
— На желтой песокъ,
— На траву зелену.
. . . . . .
Кто эту псальму услыхаетъ
И трою въ день пропѣваетъ,
Тотъ будетъ рабъ спасенъ,
Грѣхи его убавятся, убудутъ.

Псальма о пустынѣ.

Господи! построй пустыню
Не въ пути, въ дорогѣ,
Въ шохрѣ—болотѣ,
Такъ молился старецъ въ кельѣ,
Горячо и слезно плакалъ.
Народился звѣрь нечистый:

Вы рабы—рабыни!
Можете—живите,
А не можете—бѣгите
Въ горы и пещеры.
Заметайтеся метлами,
Засыпайтеся песками!

Любопытно совершенно эпическое изображеніе чаемаго ложа Авраамова.

„А и прейду я отъ сего житія,
„А и возмутъ ангелы, архангелы
„Мою душеньку на воскриліяхъ
„И принесутъ ко Авраамію.
„У Авраамія храмина свѣтлая.
„Отче нашъ за столомъ сидитъ,
„Матерь Божья подъ окошечкомъ
„Пророцы, мученицы, праведницы по лавочкамъ.
„Самъ Авраамій на ложѣ возлежитъ,
„Інсусъ Христосъ въ головахъ сидитъ,
„Ангелы, Архангелы, Херувимы и Серафиміи
„Всюду и обоюду.
И глаголетъ Авраамій ми грѣшному:
— Пріиди чадо ко мнѣ Авраамію
— Добрѣ житіе провождалъ еси;
— Мѣсто злачно ти уготовано:
— Самъ я Авраамій подвинуся
— И тебя возложу за собою
— На ложе мое на злачное

Наконецъ намъ остается коснуться инородческаго населенія.

Въ Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ — въ статьѣ «Корелъ, его бытъ и занятія» (№ 7) между прочимъ говорится, что Лодейно-Польскій уѣздъ у корельскихъ крестьянъ называется «Русью». *Корелу на свѣтѣ природа не терпитъ.* Этой поговоркой выражается то, что русская колонизація, идущая по берегамъ озеръ и рѣкъ, оттиснула кореловъ или на безплодный горный кряжъ, или же въ дикіе повѣнецкіе мхи и болота, Въ характерѣ кореловъ есть упрямство, устойчивость въ нравахъ, нелегко поддающаяся чужому вліянію, что также подмѣчено въ поговоркѣ, которою дразнятъ кореловъ: *корела, корела, три года горѣла, а не выгорѣла!* Въ корельскихъ деревняхъ Повѣнецкаго уѣзда донынѣ въ величайшемъ употребленіи обрядъ *«прощенія»*. Всякой малѣйшей, какъ и всякой величайшей неудачѣ или немочи тотчасъ же пріискивается причина въ кругу согрѣшеній передъ столомъ, печкой, веретеномъ, рукомойникомъ, хлѣбомъ и т. п., и потерпѣвшая неудачу тотчасъ спѣшитъ къ тому или другому изъ этихъ предметовъ, низко кланяется и говоритъ: *«прости меня* печенька, рукомойничекъ» и т. п.

Не удивительно, что вполнѣ правдива о нихъ пословица, *«въ лесѣхъ живутъ, такъ пню и покланяются»* (№ 13).

Но самыя важныя и любопытныя данныя встрѣчаются въ Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ относительно сибирскихъ инородцевъ финскаго, самоѣдскаго и монголо-тюркскаго происхожденія (№№ 25, 26, 27, 33, 34).

Мы остановимся только на однихъ южныхъ Алтайцахъ и притомъ на однихъ свадебныхъ обрядахъ, полныхъ мѣстной поэзіи.

Сватовство совершается здѣсь такъ:

По прибытіи въ юрты, одинъ изъ сватовъ становится на колѣни предъ отцемъ невѣсты и говоритъ слѣдующую рѣчь:

„Я пришелъ, преклоняя колѣна предъ порогомъ твоимъ;
„Я пришелъ, кланяясь вереѣ твоей.
„Я пришелъ и радуюсь твоему житью-бытью,
„Я пришелъ головы просить.

«Пусть сватовство будетъ подобно щекамъ не разлучающимся; пусть будетъ оно, какъ желѣзная кольчуга съ воротникомъ не разрывнымъ, пусть будетъ родство между нами, подобно слоямъ бересты; пусть будетъ оно какъ шелковый шовъ.

«Я пришелъ просить черенъ для ножа, у котораго его нѣтъ. Назадъ тому девять лѣтъ война была. Я пришелъ заключить миръ. Какой отвѣтъ дадите»?

Говоря это, сватъ продолжаетъ стоять на колѣнахъ и держитъ предъ отцемъ трубку; другой же сватъ держитъ въ это время зажженный древесный трутъ, чтобы тотчасъ же зажечь табакъ, если отецъ невѣсты протянетъ руку къ трубкѣ. Это вѣрный знакъ, что предложеніе принято и сватовство непремѣнно состоится. Въ такомъ случаѣ отецъ невѣсты, обращаясь къ первому свату, говоритъ:

„Глазъ мой глубокъ и животъ мой широкъ“.

Сватъ на все въ переговорахъ соглашается и *«трубка мира и согласія»* закуривается. Другіе сваты, стоявшіе доселѣ неподвижно,—тотчасъ проворно начинаютъ подносить большіе кожаные сосуды съ кумысомъ и виномъ. Затѣмъ начинаются пирушки какъ у жениха, такъ и у невѣсты.

Чрезвычайно любопытны обряды при переѣздѣ невѣсты къ жениху. Кромѣ благословенія родительскаго въ этомъ случаѣ она напутствуется еще благословеніями семи избранныхъ старцевъ.

Поклонившись въ землю предъ домашнимъ очагомъ, на которомъ въ это время долженъ горѣть огонь, невѣста падаетъ въ ноги отцу и матери и говоритъ:

„Очи богатаго Ульгеня да видятъ меня!
„Солнце и Луна! Вамъ голова моя!
„Семь старцевъ! благословите меня!

Выходитъ первый старецъ и низводитъ на нее благословеніе свѣта:

„Да коснутся тебя очи Господа Бога! говоритъ онъ.
„Да пріидетъ на тебя благословеніе стараго человѣка!
„Спереди тебя пусть мѣсяцъ свѣтитъ,
„Сзади пусть солнце освѣщаетъ!

Затѣмъ выходитъ второй старецъ и низводитъ благословенія на домъ ея:

„На высокомъ мѣстѣ поставь домъ твой!
„Плотно утвердится доможительство твое!
„Пусть жилье твое будетъ красиво!
„Каменный таганъ твой пусть будетъ крѣпокъ!
„Огонь твой пусть будетъ неугасимъ!

Третій старецъ призываетъ на нее во всемъ полное довольство:

„Стойбище твое пусть изобилуетъ пепломъ;
„Какъ толокно, пусть будетъ зола у тебя!
„Земля тобою попираемая пусть будетъ тверда!
„Мѣсто жительства твоего пусть будетъ согрѣто!
„Мѣстохожденіе твое пусть будетъ исполнено веселья.

Четвертый старецъ призываетъ благословенія многолѣтія и многочадія:

„Жизнь твоя пусть будетъ продолжительна;
„Лѣта твои да будутъ безконечны:
„Сто лѣтъ живи и здравствуй.
„Умъ твой пусть будетъ веселъ,
„Мысль твоя да будетъ свѣтла.
„Подобно тальнику, развѣтвляясь, разростайся:
„Какъ многостеблистое просо становись;
„Умножайся больше овцы многоягнятной,
„Множься больше глухаря многочаднаго!

Пятый старецъ надѣляетъ благословеніями скотъ ея:

На переднія полы твои чтобы дѣти наступали,
„За подоломъ сзади пусть скотъ гонится;
„Трехлѣтнія кобылы твои пусть жеребятся;
„Четырехлѣтній скотъ твой пусть плодится;
„Что только родится, пусть живетъ и плодится!
„На холмистыхъ мѣстахъ пасп скотъ твой;
„Хотя бы гдѣ и нельзя получать прибыли, получай;
„Хотя бы гдѣ и нельзя изловить звѣря, изловляй!

Шестой старецъ:

„Щекастому не будь предана на злословіе;
„Плечистому будь неодолима!
„Противъ наступающаго на тебя будь крѣпка, какъ желѣзо;
„Съѣденная тобою пища пусть будетъ питательна!
„Хлѣба-соли пусть будетъ у тебя много!
„На бѣгунахъ ѣзди;
„Кони твои да не знаютъ устатка!
„Спина твоя и руки да не болятъ,
„Подмышки твои пусть не ноютъ!

Старецъ седьмой:

„Богъ твой да укрѣпитъ тебя!
„Да умножится потомство въ слѣдованіи за тобой:
„Создавъ чадъ твоихъ въ красотѣ наслѣдственной,
„Къ блаженству ихъ пусть еще прибавитъ блаженства!

По окончаніи этого обряда, невѣста отправляется къ жениху; ее сопровождаютъ два молодыхъ человѣка; у каждаго изъ нихъ въ рукахъ по небольшой березкѣ и къ нимъ прикрѣплена занавѣска: они ѣдутъ по обѣимъ сторонамъ невѣсты, держа предъ нею занавѣску; въ теченіе пути невѣста не должна видѣть ни дороги, ни новой юрты жениха прежде, чѣмъ войдетъ въ нее.

Прибывъ на мѣсто, она прежде всего кланяется огню, кладетъ въ него кусокъ мяса и кусокъ масла и затѣмъ брыжжетъ на огонь брагой въ водѣ жертвоприношенія.

Опуская изъ виду брачные пиры,—остановимъ вниманіе на свадебныхъ Алтайскихъ пѣсняхъ.

1.

Звѣрь, не находя свое дитя,
Въ сокрушеніи дни проводитъ;
Взлелѣянное свое въ люди выдавая,
Отецъ въ слезахъ проводитъ дни;
Козелъ, не находя своего козленка,
Въ томленіи ходя, дни проводитъ.
Нѣжное свое въ люди отпуская,
Мать въ слезахъ проводитъ дни.

2.

Ходилъ я, ходилъ по бѣлому камню;
Трещины въ бѣломъ камнѣ не нашелъ.
Выбиралъ я, выбиралъ по роду;
Ахъ, красивѣе тебя не нашелъ.
Ходилъ я, ходилъ по синему камню,
Щели въ синемъ камнѣ не нашелъ.
Выбиралъ я, выбиралъ изъ многихъ,
Тебя умнѣе не нашелъ.

3.

Гусь мой! Куда ты машешь,
Утомляя мышцы крылъ своихъ?
Сердечный мой! Куда идешь ты,
Обожженное сердце мое обжигая?
Лебедь мой! Куда машешь ты,
Утомляя мышцы вертлюговъ твоихъ?
Утѣха моя! Куда идешь ты,
Опаленное сердце мое опаляя?

4.

Когда былъ у меня Баянъ-богатырь, носила я шубу
Канфовую съ золотымъ воротникомъ;
Не стала боярина моего, стала я носить,
Какой и рабыни не носятъ—бѣдный кожанъ!
Когда былъ мой бояринъ, ѣла я хлѣбъ,
Китайское просо я ѣла!
Не стало моего боярина, ѣмъ хлѣбъ мой
Какого не ѣдятъ рабы—крупу истолченную.
Баянъ-богатырь былъ статный, красивый собою;
Постель моя съ нимъ была полна утѣхъ;
Кладовыя мои были полны богатствъ.
Лебеди не смѣли сѣсть на его озеро,
Теперь прожорливыя вороны будутъ садиться.
Лиходѣи мои не смѣли подходить близко.
Теперь придутъ и скажутъ: все, что есть, наше!
Гуси не смѣли садиться на его озера;
Теперь нечистыя вороны будутъ садиться;
Люди, близко подойти не смѣвшіе,
Мнѣ скажутъ: „И ты наша“,
А твой Баянъ-богатырь въ Иртышѣ.

II. ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЗНАЧЕНІИ ПРАЗДНИКА ВЪ ЧЕСТЬ БУРХАНА МАЙДОРИ, СОВЕРШАЕМАГО БУРЯТАМИ.

Въ Дашковскомъ Этнографическомъ Музеѣ въ числѣ прочихъ бурятскихъ духовныхъ музыкальныхъ инструментовъ и другихъ религіозныхъ предметовъ, какъ напр. длинныхъ мѣдныхъ трубъ *(бурэ)*, издающихъ весьма пронзительный звукъ, *гандунъ* и *бишкуръ*, издающихъ пискливые звуки, мѣдныхъ тарелокъ *цановъ*, сосудовъ *бомбо*, употребляемыхъ для освященія воды или аршіяна; *мондала*, или металлическаго кружка, служащаго для освященія хлѣба, и *хурдьо* молитвеннаго колеса, или мельницы, находится картина, исполненная мѣстными художниками, которая изображаетъ торжественную духовную процессію, въ честь бурхана *Майдори* (или будущаго властителя міра.) Торжество это совершается каждогодно въ праздникъ *Сагонъ-Сора* или бѣлый мѣсяцъ. По поводу этого изображенія я позволю себѣ коснуться историческаго значенія и самаго праздника Сагонъ-Сора, и затѣмъ перейду къ разсказу о самомъ торжествѣ въ честь Майдори.

Буряты едвали не единственный народъ въ мірѣ, который бы такъ мало удѣлялъ времени на праздники, и въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ мы, русскіе, изъ годичнаго капитала времени проматываемъ болѣе трети въ народныхъ и религіозныхъ праздникахъ, посвященныхъ обыкновенно лѣни и праздности, буряты жертвуютъ едва только тремя днями въ году, на единственный ихъ праздникъ Сагонъ-Сора. Нѣтъ у нихъ ни народныхъ, ни установленныхъ вѣрою праздниковъ, не празднуютъ они дней воскресныхъ, дней рожденія, или имянинъ, дней, посвященныхъ историческому и семейному воспоминанію, или даже посвященныхъ какому либо народному обычаю, и жизнь бурята тянется также однообразно, какъ однообразна степь его окружающая, у него сегодня какъ вчера и какъ завтра. Празднованіе Соганъ-Сора казалось бы должно сопровождаться особливою торжественностію, или всеобщимъ участіемъ уже потому, что это единственный ихъ праздникъ; но на дѣлѣ выходитъ совершенно противное, у нихъ все холодно, все вяло и скучно. Тутъ не увидите вы того простодушнаго, веселаго разгула нашего русскаго мужика, когда онъ празднуетъ свои праздники, особенно главные. Причинъ впрочемъ къ этому слишкомъ много: во *первыхъ* отсутствіе ламъ, которые къ началу бѣлаго мѣсяца, всѣ собираются къ своимъ дацонамъ (или кумирнямъ), во *вторыхъ* разсѣянное кочевье и отдаленіе кумирень отъ ихъ земныхъ стоянокъ, а въ *третьихъ*, что у бурятъ нѣтъ аристократическаго родоваго дворянства или, какъ они вообще называютъ, бѣлыхъ костей, которое бы, сосредоточивая въ своемъ лицѣ власть, уваженіе и богатство, тѣмъ самымъ придавало бы своимъ присутствіемъ торжественность празднествамъ.

Праздникомъ Сагонъ-Сора или бѣлымъ мѣсяцемъ начинается новый годъ у всѣхъ Буддійцевъ и Калмыковъ. Но первоначально это празднованіе было установлено въ память особеннаго историческаго событія. Легенды индѣйскія повѣствуютъ, что въ городѣ Шровасти былъ соборъ, гдѣ *Шакья-Муни* основатель Буддизма, родившійся за 1027 л. до Р.Х., состязался съ *тортатоками* или противниками Буддійскаго ученія и въ блистательной своей побѣдѣ надъ шестью учителями *торты*, доказалъ превосходство Буддійскаго ученія; вслѣдствіе чего 90,000 тортоковъ обратились въ эту вѣру. Въ память этого событія въ южной части города Шровасти воздвигли ему *субургонъ* *) или памятникъ. Въ Индіи цари, ученые, чиновники и вообще всѣ граждане начали приносить у себя дома жертвы и праздновать торжество: Рити-хубалгонъ **) въ честь Шакья-Муни. Потомъ это учрежденіе торжества перешло въ Тибетъ и особенно утвердилось съ тѣхъ поръ, какъ основатель желтой секты въ 1384 году въ элассійскомъ храмѣ, построенномъ китайскою царевною Выньчень, поставилъ статую, изображающую Шакья-Муни, передъ тремя другими изображеніями Будды, при стеченіи 70,000 ховораковъ т. е. вѣрующихъ; а въ слѣдующій 1385 годъ установилъ въ честь Шакья-Муни богослуженіе съ 1 по 15-е число первой весенней луны т. е. съ началомъ года. Въ Китай это празднество перешло около XVII столѣтія.

Ночь рожденія бѣлаго мѣсяца посвящается бурятами посту и молитвѣ. Они вынимаютъ изъ сундуковъ завѣтныхъ своихъ бурхановъ, которые свернутые въ трубку отдыхали цѣлый годъ и развѣшиваютъ ихъ надъ *ширэ*, ***) по стѣнамъ юрты и зажигаютъ передъ ними въ жертвенныхъ чашечкахъ (изъ мѣди) свѣтильни, залитыя коровьимъ масломъ, ставятъ зажженныя *худжи*—алоевыя свѣчки и молятся всѣмъ семействомъ, кланяясь въ землю и произнося свою молитву о-ма-ни-бет-ме-

---

*) *Сурбурго* есть часовня или пирамидка, сдѣланная изъ камня, дерева или металла, въ честь святаго; внутри ея ставится *цаца* заключающая прахъ святаго.

**) *Будды*, какъ существа чисто духовныя, имѣютъ свойства принимать на себя всѣ видимые образы и тогда они называются *хубалгонъ*.

***) Есть ничто иное какъ жертвенникъ, въ нѣсколько ступеней, на который ставятся жертвенныя чашечки и другіе религіозные предметы: какъ то трубы, хурда и проч.

хумъ, до появленія новой луны, а какъ ее трудно иногда бываетъ увидать, то обыкновенно до полуночи. Утромъ у нихъ начинается взаимное посѣщеніе другъ друга и угощеніе: кирпичнымъ чаемъ, сыромъ, а у богатыхъ—бараниной. За неимѣніемъ *орока* *) потчиваютъ иногда простымъ нашимъ виномъ. Нѣкоторые буряты начинаютъ празднованіе съ ночи и уже встрѣчаютъ день совершенно пьяные, чисто по русской пословицѣ: кто празднику радъ, тотъ до свѣта пьянъ. Кавалькады наѣздниковъ ѣздятъ изъ улуса въ улусъ и угощаются. На другой день эта церемонія повторяется прекраснымъ поломъ, далеко на самомъ дѣлѣ весьма некрасивымъ, а на третій день праздникъ только потому, что они еще не начинаютъ работать.

У ламъ богослуженіе по кумирнямъ въ этотъ праздникъ носитъ печать постояннаго однообразія. За нѣсколько дней до *Бѣлой луны*, всѣ ламы безъ исключенія собираются по своимъ приходскимъ кумирнямъ и размѣщаются по кельямъ; выстроеннымъ вокругъ (дацоновъ) кумирень, или въ юртахъ, нарочно на этой случай привозимыхъ. Бѣдные же ламы хубураки помѣщаются, гдѣ случится, и прислуживаютъ богатымъ ламамъ, питаясь скуднымъ запасомъ кирпичнаго чая. Съ рожденія луны до новой никто не можетъ отлучиться отъ кумирни и обязанъ всякій день присутствовать при богослуженіи, которое производится три раза въ день, а иногда однажды въ день, и тогда они высиживаютъ по шести и даже по десяти часовъ въ кумирнѣ, при 40-градусныхъ морозахъ распѣвая молитвы, которыхъ почти никто изъ нихъ не понимаетъ. Съ третьяго дня часть ламъ подъ надзоромъ *гурумбы-ламы* (главнаго ламы) отдѣляются въ *бунхоны* (часовни), посвященныя гнѣвнымъ или злымъ богамъ, и такъ по очереди служатъ *гурулы* (молебны); а другихъ подъ надзоромъ *Джюдба-ломы* назначаютъ для чтенія *Ганжуро*, священныхъ книгъ, писанныхъ на тибетскомъ языкѣ и состоящихъ изъ 107 томовъ. Чтеніе производится почти каждодневно, и чтобъ успѣть окончаніемъ чтенія до исхода мѣсяца, то имъ раздаются книги по листамъ и всѣ читаютъ вдругъ. Въ тибетскихъ и китайскихъ кумирняхъ нѣсколько дней въ этотъ мѣсяцъ назначается торжественный экзаменъ ламамъ, приготовляющимся на высшія степени Гелюнговъ. Этотъ обрядъ установленъ въ воспоминаніе славной побѣды Шакья-Муни надъ тартаками и состоитъ въ томъ, что испытуемый лама выходитъ на средину храма въ сопровожденіи Номунъ-Ламы вооруженнаго плетью и его начинаютъ экзаменовать другіе ламы, которые, сопровождая свои вопросы крикомъ, щелканьемъ и хлопаньемъ въ ладони, стараются сбить экзаменующагося съ толку и привести въ смущеніе. Ежели испытуемый потерялъ присутствіе духа и запинается въ отвѣтахъ, экзаменаторы имѣютъ полное право сѣсть на него верхомъ, и Номунъ-лама выгоняетъ его плетью изъ кумирни. Тамъ же въ главныхъ кумирняхъ и въ честь того же святаго и славнаго основателя ихъ религіи въ концѣ праздника *Сагонъ-Сора* или бѣлаго мѣсяца, совершается ламами танецъ, называемый *Вуджикъ*. Но по недостатку драгоцѣнныхъ костюмовъ и масокъ, а главное, по трудности изученія разнообразныхъ прыжковъ, этотъ обрядъ совершенно забытъ бурятами. Въ городѣ Элассѣ этотъ праздникъ заканчивается 27 ч. Февраля особымъ торжествомъ, состоящимъ въ томъ, что ламы идутъ въ храмъ *Сэла*, построенный Дзонковою въ 10 миляхъ отъ Эласса на горѣ, и взявъ оттуда хранящійся тамъ священный *пестъ* *), прилетѣвшій туда изъ Индіи, несутъ его въ храмъ Лабрангъ, а потомъ къ Далай-ламѣ и получивъ подарки за гурулъ (молебенъ), относятъ его обратно въ храмъ *Сэла*

У бурятскихъ ламъ единообразіе ихъ мѣсячнаго богослуженія прерывается только въ половинѣ Сагонъ-Сара, когда они празднуя будущее пришествіе грядущаго властителя міра *Майдори*, торжественно вывозятъ его изображеніе на колесницѣ изъ кумирни. Это торжество, по разсказу очевидца покойнаго М. А. Бестужева, записанному мною съ его словъ, совершается такъ: въ 1840 году спустя 14 дней послѣ февральскаго новолунія, говоритъ Бестужевъ, ночью я отправился изъ Селенгинска въ Гусиноозерскую кумирню, чтобы съ разсвѣтомъ поспѣть къ началу богослуженія. По пріѣздѣ къ гусино-озерскому дацону, я былъ встрѣченъ 500 ламами и священнымъ хоромъ музыкантовъ и остановился въ домѣ занимаемомъ Хамбо-ламою Едва металлическій звукъ *хурангу* **) раздался для призыва къ утреннему богослуженію, какъ я уже былъ въ кумирнѣ, чтобы не пропустить начала службы. Главные *ламы* въ *шасерахъ*—желто-красныхъ шапкахъ съ наушниками, употребляемыхъ только при богослуженіи, и желтыхъ шелковыхъ *намджерахъ* въ родѣ простынь, накутанныхъ съ ногъ до головы и перекинутыхъ съ праваго на лѣвое плечо, а прочіе ламы съ непокрытыми головами, и *оркминжами*, красными кушаками, перекинутыми черезъ лѣвое плечо, входили въ дацонъ, троекратно совершая земные поклоны при входѣ, на срединѣ передъ алтаремъ и потомъ занимали свои мѣста.

Шеретуй или управляющій дацаномъ садился по лѣвую сторону Хамбы-ламы, *Лацубъ* почетный помощникъ Шеретуя по правую, *Сорджей* заступающій мѣсто въ отсутствіе Шеретуя по должности, по лѣвую руку въ переднемъ ряду ламъ, *Шензова* т. е. прото-

*) Родъ водки.

*) Пестъ этотъ желѣзный, трехгранный длиною въ 2 фута.

**) Родъ сковороды, въ которую ударяетъ *дунчи* (пономарь маленькою булавою.

попъ дацана по правую руку въ переднемъ же ряду ламъ. *Унзыты* въ родѣ нашихъ дьяконовъ помѣстились около середины въ третьемъ ряду. *Дуюнчи* музыканты у своихъ инструментовъ, на концѣ въ переднемъ ряду; всѣ иисшіе ламы во второмъ ряду и наконецъ восемь *Губыгаевъ* или наблюдателей за порядкомъ у входа по обѣ стороны двери, чтобы удобнѣе наблюдать за благочиніемъ службы и за правильнымъ чтеніемъ молитвъ, съ жезлами въ рукахъ въ родѣ архіерейскаго посоха. Вскорѣ подъѣхалъ самъ хамба-лама, везомый на маленькой тележкѣ ламами. Сдѣлавъ три земные поклона, какъ и прочіе ламы, съ тою только разницею, что ему при всякомъ поклонѣ подстилали коверъ, онъ сѣлъ на свой святительскій престолъ и служба началась. Четверо изъ Унзытовъ встали съ своихъ мѣстъ и стали крестообразно, обратившись лицомъ къ четыремъ металлическимъ зеркаламъ, называемымъ *толи-мандалъ*, висѣвшими по срединѣ кумирни, и начали густымъ басомъ читать молитвы, которымъ вторили всѣ ламы мѣрнымъ речитативомъ. Въ продолженіе этого торжественнаго пѣнія, переходившаго изъ одного тона въ другой, причемъ тактъ мѣнялся по голосу Унзытовъ, а иногда заканчивался трескомъ ихъ музыки, звономъ колокольчиковъ и бубенъ, главные ламы и Унзыты поворачиваясь къ зеркаламъ отирали ихъ своимъ оркминджи (поясами), тогда какъ четыре ламы медленно лили воду изъ *бомбо* сосудовъ въ родѣ чайниковъ въ мѣдные тазы передъ зеркалами. По окончаніи этого обряда, называемаго освѣщеніемъ *аршіяна* или святой воды, которымъ обыкновенно начинается каждодневно служба, ламы бережно слили воду изъ тазовъ въ бомбо, посредствомъ маленькихъ вороночекъ, прилаженныхъ къ горлышку бомбо въ видѣ пробокъ съ павлиньими перьями, и начиная съ хамбы-ламы, разносили всѣмъ присутствующимъ ламамъ, которые, принявъ въ горсть нѣсколько капель этого аршіяна, мочили имъ сперва глаза, потомъ лобъ и ротъ, для того, по ихъ вѣрованію, чтобы открыть духовныя очи души, просвѣтить умъ и очиститься для восхваленія великаго Будды въ молитвахъ. Послѣ этого обряда, сдѣлавшаго ламъ прозорливѣе и умнѣе, они тотчасъ принялись пить кирпичный чай, который разносили *Джюнджюки* (музыканты) въ мѣдныхъ *домбахъ* или чайникахъ и наливали въ деревянныя чашки, явившіяся изъ запазухи каждаго ламы. Когда они достаточно утолили жажду, прерванная служба началась снова освѣщеніемъ хлѣба. Для этого спустили *мандалъ* или металлическій кругъ и одинъ изъ ламъ приблизился къ нему съ блюдомъ, наполненнымъ ячнымъ зерномъ, и при пѣніи молитвъ всѣмъ хоромъ лама началъ осыпать находящіяся на мандалѣ зерна—принесенными зернами, тогда какъ *тохильчи*, прислужники при кумирнѣ, съ завязанными ртами, чтобы не осквернить святыни своимъ дыханіемъ, кадили вокругъ бурхановъ.

Послѣ обряда освѣщенія хлѣба часть зеренъ сыпали на мѣдныя блюда и тохильчи разносили ихъ по ламамъ, которые взявъ каждый по горсти начали ихъ бросать вверхъ, какъ жертву добрымъ божествамъ, продолжая пѣніе молитвъ, а на опущенный мандалъ присутствующіе въ этотъ день прихожане: буряты и бурятки, входя въ храмъ для принятія благословенія отъ Хамбы-ламы, клали деньги. Это было пожертвіе въ пользу кумирни.

Речитативное пѣніе ламъ не переставало ни на минуту; ежели только Хамба-лама читалъ одинъ тоже речитативомъ, и всѣ ламы хоромъ отвѣчали ему: аминь. Но вдругъ послѣ этого всталъ одинъ изъ Унзытовъ, и стоя на колѣняхъ началъ пѣть басомъ какое-то странное, и дикое соло, переходя отъ высокихъ до самыхъ низкихъ гробовыхъ тоновъ. Самое странное въ его пѣніи было то, что онъ не говорилъ ни одного слова, а только слышались звуки *ой* или *уй*. По видимому уставши онъ сѣлъ на свое мѣсто, а его замѣнилъ другой.

Затѣмъ ламы по отслуженіи гурула—молебна передъ бурханомъ Майдори, выдвинули деревянный шкапикъ изъ алтаря, въ которомъ онъ находился и вынесли его съ торжественнымъ пѣніемъ изъ кумирни, и всѣ ламы послѣдовали за нимъ. У паперти уже дожидалась его торжественная колесница подъ балдахиномъ, въ родѣ Индѣйскаго паланкина, со всѣхъ сторонъ закрытая драпировкою изъ грубой матеріи и кругомъ обвѣшанная тканями съ изображеніемъ женщинъ, какъ бы идущихъ къ нему на встрѣчу, и несущихъ въ рукахъ разнаго рода приношенія. Это служитъ предзнаменованіемъ торжества женскаго пола, который по понятію Буддистовъ при появленіи Майдори, долженъ властвовать надъ міромъ. Колесница же была ни что иное, какъ русскіе сани (роспуски) на четырехъ колесахъ и деревянные кони, выкрашенные зеленою краскою, съ гривою и хвостомъ изъ гарусу и шелку, кони запряжены были въ русскую упряжь съ дугами. Когда шкапикъ съ бурханомъ поставили на колесницу, то ламы, схвативъ концы веревокъ прикрѣпленныхъ къ поддону, на которомъ были утверждены кони, повезли его за ворота, предшествуемые двумя знаменами въ родѣ хоругвей, *) и какимъ-то 8-ми угольнымъ зонтикомъ съ кистями и лоскутами по угламъ и нѣсколькими изображеніями, бурхановъ, наклеенныхъ на доскахъ и прикрѣпленныхъ къ палкамъ; эта процессія замыкалась хоромъ музыкантовъ. Оркестръ нестройной музыки состоялъ: изъ оглу-

*) Эти два знамени подарены кумирнѣ въ 1832 году государемъ императоромъ Николаемъ I. Голубыя шелковыя съ золотыми двухъглавыми орлами.

шительныхъ какъ громъ большихъ и малыхъ литавръ, сиплыхъ звукомъ огромныхъ мѣдныхъ трубъ (бурэ), пискливыхъ гоплиновъ и раздирающихъ душу своими ударами мѣдныхъ тарелокъ или цоновъ одну объ другую, звона колокольчиковъ и бубенчиковъ. Наконецъ вся эта торжественная процессія останавливалась передъ бункономъ (часовнею) въ степи на сѣверной сторонѣ кумирни. Ламы сѣли полукругомъ по разостланныхъ на снѣгу войлокахъ, а музыканты помѣстились за ними во второмъ ряду и начался гурулъ (молебенъ). Главная часть его состояла изъ освященія воды (аршіяна) черезъ отраженный ликъ бурхана-Майдори, въ металлическомъ зеркалѣ, которое держали Унзыты передъ нимъ. Освященную воду сливали въ бомбо (сосуды) и разносили присутствующимъ ламамъ. Это переливаніе воды въ бомбо служило преобразованіемъ явленія Майдори въ мірѣ, какъ будущаго властителя. Потомъ началось угощеніе чаемъ, затѣмъ опять пѣніе молитвъ и музыка. Послѣ того колесницу перевезли къ восточному бурхану, гдѣ началось повтореніе той же церемоніи, и когда полная луна выкатилась изъ за горъ, торжество окончилось.

III. СѢВЕРНЫЯ СКАЗАНІЯ О ЛЕМБОЯХЪ И УДѢЛЬНИЦАХЪ.

Находясь въ непрерывной и неустанной борьбѣ со стихіями суровой природы, не вѣдая силъ и законовъ ея явленій, страдный сѣверный крестьянинъ живетъ подъ воздѣйствіемъ страхованій другодольныхъ. Едва ли гдѣ до нынѣ эпическое міросозерцаніе имѣетъ такое широкое, всевластное жизненное значеніе, какъ въ предѣлахъ этаго края. Въ силахъ и явленіяхъ природы жители его до нынѣ видятъ и ощущаютъ дѣйствія живыхъ существъ другаго міра. Туманъ демонологіи облегаетъ жизнь народа и отравляетъ его покойныя минуты. Надъ страдой крестьянства высится еще болѣе тяжкая страда нравственная. Всюду преслѣдуетъ его нечистая сила: въ горахъ, лѣсахъ, мхахъ и болотахъ, она гонится за нимъ въ полѣ, озерѣ и морѣ; онъ встрѣчаетъ ее въ подовинѣ, на дворѣ и у себя дома; она сидитъ наконецъ за его столомъ и ждетъ, когда онъ сядетъ и немытыми руками возметъ кусокъ или ложку и будетъ ѣсть безъ благословенія. Поднимется ли и завоетъ вихорь, — то воетъ и бушуетъ она, нечистая сила; высыхаетъ-ли рѣчка, взволнуется-ли озеро, треснутъ-ли ущелья каменисты, это она пируетъ или борется — нечистая сила. Вотъ одержатъ человѣка разные боли и недуги, — это приманилось или сдѣлось, это она нечистая сила или хватаетъ, или студитъ, или разжигаетъ тѣло человѣка.

Такое жизненное и всевластное значеніе этой другодольной силы показываетъ, что изученіе народныхъ демоносказаній представляетъ не одинъ только научный интересъ, но имѣетъ и практическую важность для народнаго образованія.

Сѣверныя народныя сказанія о происхожденіи демонической силы гностико-манихейскаго происхожденія. Они проникли къ намъ съ богомильскою повѣстію—о зачатіи неба и земли и тѣмъ легче усвоены народомъ, чѣмъ больше отвѣчали его дуалистическому міровоззрѣнію. Если въ рукописяхъ передаются они съ риторскими распространеніями и узорами, то въ живыхъ народныхъ пересказахъ они обнаруживаютъ эпическій характеръ.

Было время, когда не было ни земли, ни неба, а была одна вода. И спустился Саваофъ на землю и спросилъ: *кто здѣ е?* И откликнулся сатана и рекъ: *я здѣ е.* И спросилъ Саваофъ сатану: Есть ли гдѣ земля, не видалъ ли?

Есть на днѣ моря отвѣчалъ сатана. Сходи же на дно моря и достань земли.

Обернулся сатана гоголемъ, нырнулъ на дно морское и въ ротъ земли напихалъ. Но поколь оттоль воздымался, водой размыло землю и онъ вынырнулъ ни съ чѣмъ.

Саваофъ послалъ его другожды. Но и на другой разъ тоже случилось. Стыдно стало сатанѣ, а Саваофъ его укоряетъ и говоритъ: *«немощенъ братъ ты.* —Иди въ третій разъ, да вотъ на днѣ морскомъ увидишь икону-дѣву съ младенцемъ, на камени стоящу; благословись у младеня и тогда возми земли».

Нырнулъ сатана въ третій разъ: сдѣлалъ такъ, какъ велѣлъ ему Саваофъ и принесъ земли. Взялъ Саваофъ эту землю и разсѣялъ въ восточную сторону и стала чудная, прекрасная земля. И спросилъ Саваофъ сатану: *вся ли тутъ земля?* Вся, сказалъ сатана, а самъ держитъ частицу за щекой. А земля за щекой стала рости-прибывать, а щеку стало раздувать. Видитъ сатана, что не обмануть ему Саваофа: взялъ да разсѣялъ ту землю въ сѣверную сторону и стала тутъ земля *холодная, каменистая и нехлѣбородная.*

И задумалъ Саваофъ создать себѣ полки воиновъ, далъ сатанѣ молотъ въ руки и велѣлъ бить въ каменную гору правой рукой, а самъ пошелъ на востокъ рай насаждать. Боговъ товарищъ началъ молотомъ въ камень бить, изъ каменя воины свѣтлы начали выскакивать, да на востокъ Богу кланяться, билъ до

того, что рука устала, попробовалъ бить лѣвой рукой. Лишь только ударилъ, выскочилъ черный чертъ да и поклонился молотобойцу. Смѣкнулъ сатана въ чемъ дѣло, да и давай лѣвой рукой колотить; до того билъ, што чуть чуть со свѣтлыми полками не сравнился. Той порой Саваофъ дѣло свое сдѣлалъ и пришелъ къ сатанѣ. Пришелъ и видитъ дѣло плохо; что дѣлать? взялъ скорѣй заамипилъ. Перестали выскакивать силы нечистыя, а сталъ выскакивать только огонь, какъ и теперь бываетъ при ударѣ желѣзомъ въ камень. Возгорчился Саваофъ и задумалъ раздѣлиться съ товарищемъ; но тотъ не то и говоритъ; сталъ хвастаться силы богачествомъ. Пошло на раздоръ; Саваофъ построилъ небо, а сатана другое-выше того, Саваофъ построилъ еще небо, а сатана выше того. Сдѣлали они по семи небесъ—а сатана все выше забирается. Заамипилъ скорѣй Саваофъ и велѣлъ Михаилу Архангелу столкнуть сатану на землю со всѣми его небесами и со всей его силой невидимой. Пошелъ Архангелъ Михаилъ, а тотъ и на версту недопуститъ его къ себѣ. Саваофъ послалъ его другожды, но сатана отогналъ его еще дальше. Сталъ посылать его Саваофъ третій разъ, но онъ отвѣчалъ: *боюсь, Господа, опалитъ*. Тогда Саваофъ сказалъ Михаилу Архангелу: «опустись ты на землю къ черному морю, увидишь на берегу икону, дѣву съ младенцемъ; благословись у младеня и ступай на сатану». Сдѣлалъ Архангелъ по слову Господню, столкнулъ сатану съ неба, спровергъ небеса и всю силу его и валилось сатанинской силы, аки мелкаго дождя, шесть недѣль. Много пало ее на землю, а больше того осталось на воздусѣхъ.

Кромѣ силъ сверженыхъ съ небесъ, которые дерзновеніе имутъ ко Престолу Господню, есть еще, такъ называемыя, Лембои, силы посредствующія между духами воздушными и человѣкомъ. Воздушные пищи не принимаютъ, а эти пьютъ и ѣдятъ. Тыи знаютъ погоду, забра́нки, а Лембои къ этому дѣлу не касаются.

Лембои это тѣже люди, только потаенные,—изъ заклятыхъ дѣтей. Когда отецъ или мать, возгорчившись на ребенка, говорятъ недобрыя слова: *ой Лембой тя дери, ой, изымитко-тя*; нутя къ лѣшему,—Лембои тутъ и есть: они похищаютъ заклятыхъ, уносятъ ихъ въ свои жилища, поятъ, кормятъ, ростятъ и за тѣмъ посылаютъ ихъ крещенымъ на доброе или злое дѣланіе. Они берутъ подъ свое попеченіе и тѣхъ дѣтей, которыхъ родители оставляютъ въ лѣсу или полѣ безъ благословенія.

«Разъ я жала на за́палькѣ, расказывала намъ одна женщина, а мужъ сѣялъ рожъ. Подъ вечеръ этакъ я и говорю мужу:

Пётрей! мнѣ пора идти убирать скотину, такъ я пойду домой; а ты, когда Мишенька то проснется, привези его домой, да смотри не забудь.

Ладно говоритъ. Ну я и пошла. Вечеръ приходитъ, гляжу, и Пётрей пріѣхалъ.

А гдѣ же ребёнокъ? Спросила я.

Тутъ онъ хватился, что ребенка то онъ и забылъ взять; *ой*, говоритъ, я ребёнка-то и забылъ.

Охти мнѣ, што ты сдѣлалъ, сказала я и бросилась на за́полёкъ. Прибѣжала туды, гляжу у ребёнка кто-то стоитъ и байкаетъ. Я остановилась и слухаю; а онъ и не глядитъ въ ту сторону, знаетъ самъ приговариваетъ: «*мати оставила, отецъ позабылъ; мати оставила, отецъ позабылъ*». Меня всю такъ обдало холодомъ. Я ужъ смѣкнула, што Лембой тутъ стоитъ а покинуть ребёнка нельзя. Сотворила про себя молитву и думаю: пусть будетъ что будетъ, а пойду. Пришла и говорю; *кумушко, ты качаешь?* Онъ какъ поглядѣлъ на меня, да какъ захохочетъ, одно лѣсъ-то такъ и задрожалъ: *Кумушко, Кумушко*! Загорланилъ, засвисталъ, въ ладоши захлопалъ и былъ таковъ. А я схватила ребенка и тягу дала, што нога взяла. Не смѣла оглянуться. До того бѣжала, чуть не пала и едва духъ переводила».

Впрочемъ Лембои не всегда такъ ласково обращаются съ похищенными дѣтьми. По разсказу Леонтія Богданова въ деревнѣ Середкѣ мать выбранила мальчика и мальчикъ пропалъ. Мѣсяца черезъ два послѣ этаго Леонтій Богдановъ шелъ въ лѣсу и, подходя къ дому, видитъ на воротахъ что-то колышется, анъ сидитъ на воротахъ младенецъ, только бы его взять да крестъ надѣть, съ рукъ-то бы его не взяла не чистая сила. Но пока Леонтій Богдановъ проклаждался, разсуждаючи такимъ образомъ, мальчикъ сгинулъ изъ виду.

Другодольные Удѣльницы собой,—черныя волосатыя голова растрепана, волосье распущено; онѣ преждевременно вынимаютъ младенцевъ изъ утробы матерней, уродуютъ ихъ и мучатъ родильницъ.

Если поносная женщина спитъ навзничь, на роспашку, пояса нѣту, а случится на столѣ ножикъ, Удѣльницы вынимаютъ имъ младенца. Оттого раждаютъ уродовъ, или женщина понесетъ, а животъ окажется пустой. Въ Толвуѣ одинъ мужикъ ночевалъ подъ лодкой. Прилетѣла сорока, защекотала, и другая защекотала. Одна другой и говоритъ: «ты гдѣ была»?

— Я была въ Лопскомъ объ Онего-къ Донилову.

— А што ты сдѣлала?

— Я сдѣлала—ребенка выняла и клала на мѣсто голикъ.

— А ты што сдѣлала?

Мужикъ кашлянулъ. Онѣ пристали. Мужикъ далъ клятву не сказывать. Ихъ послѣ видали.

Удѣльницы же производятъ *жильне-трясущій ударъ* или родимецъ: бьютъ и ломаютъ человѣка, какъ попало. Для спасенія одержимаго этимъ недугомъ-садятъ его на три соломенныхъ креста—и спитъ онъ на

нихъ шесть недѣль—и призываютъ Илью Пророка, чтобы шелъ онъ на помощь, на «черной облакѣ и на огненной колесницѣ, и натянулъ бы лукъ свой, и спустилъ бы калену стрѣлу, и убилъ бы врага, и очистилъ бы раба отъ жильне-трясущихъ ударовъ».

Двѣ минуты бываютъ худыя во дню, когда Лембои и Удѣльницы доступаютъ къ человѣку: одна въ самый полдень, другая по закатѣ солнца.

Въ Токвуѣ и Кижахъ, заонежскихъ селеніяхъ, есть ущелья, называемыя *Ижгоры* и *Мяньгоры*. На этихъ горахъ нѣкогда витали двѣ сестры; то и дѣло дѣлали, что блины пекли и съ горы на гору перекидывали. И находилось тамъ многое множество нечистой силы и живутъ тамъ Лембои, имъ же нѣсть числа. По дорогѣ между деревней Пактягой и Якорь-лядиной, (токвуйской волости) есть ручей по нынѣ называемый чортовъ ручей: въ прежнее время выходило тутъ большое чудовище—по закатъ солнца сидѣло оно на продольныхъ мостовинахъ, что сложены для переходу изъ деревни въ деревню.

По дорогѣ изъ Космозера черезъ гору въ Фоймугубу есть ручей, донынѣ называемый Букинъ порогъ; отъ древности выходили отсюда Удѣльницы и показывались на розстаняхъ: волосы у нихъ длинные, роспущенные, все равно какъ у нынѣшнихъ барышенъ, а сами черныя. Какъ поставили на розстаняхъ кресты, онѣ исчезли. У самаго Букина порога стоитъ крестъ, поставленъ лѣтъ пять сотъ тому назадъ, толстый, здоровый съ вырѣзью, и до втораго пришествія хватитъ его.

Жители деревни Павловицъ Петрозаводскаго уѣзда, кондопожской волости боятся похулить свое озеро: поней, говорятъ, да похули, врядъ ли живъ будешь. Они не терпятъ и того, если кто другой будетъ хаять воду въ ихъ озерѣ. Скажи только «*у васъ водишко худое, воденко мутное, грязное*, да *въ бубыркахъ*»,—они тысячу разъ будутъ повторять: «*у насъ водушка хороша, у насъ водушко хорошее*».

Въ Паозерскихъ озеркахъ близъ Ладожскаго скита рыбу ловятъ молча; уходя изъ дому, не сказываютъ куда пошли; если сказать, что пошли рыбу ловить, не скоро съ озеръ и выйдешь, а то и совсѣмъ туда ускочишь.

Живутъ также Лембои съ полверсты отъ Космозера,—въ щельѣ, на заболотьѣ.

Въ Острѣчинскомъ погостѣ, въ 85 верстахъ отъ Петрозаводска, указываютъ четыре мѣста, гдѣ живутъ Лембои: на дорогѣ Князевской, въ пустоши, у мельницы и въ деревнѣ Скуровской.

Лембой живущій въ лѣсу называется *Шишко* или *Подкустовникъ*, некрещенный, неблагословленный. Которая ягода ростетъ, ту не можешь взять, а тогда берешь, когда подъ ноги подернешься, да заклянешь: будь проклятъ я, што подъ ногами не видѣлъ. Шишко также стережетъ, когда кусокъ кладутъ за обѣдомъ безъ благословенія; хватаетъ его и тѣмъ питается.

Если придется ночевать въ лѣсу, надо попроситься *у Лѣсоваго хозяина*; а то ночь не пройдетъ тебѣ даромъ, *Шишко* выгонитъ съ ночлега. А угодишь ему, будешь благополученъ.

Жировикъ—настоятель жиры, хозяинъ всего дома. Онъ особенно заботится о скотѣ, сообщаетъ иногда радостныя вѣсти, но чаще всего предсказываетъ невзгоды. Буйный нравъ его сказывается только тогда, когда онъ *жируетъ* въ нежилыхъ хоромахъ.

Если жировикъ не любитъ скотины, лучше и не держи; не будетъ она ни сыта, ни гладка, ни здорова; которая ему по-люби, ту онъ холитъ и кормитъ. Взялъ ты напр. лошадь или корову черную и гляди: если нравится эта масть жировику, скотъ твой свитѣетъ и веселъ; если нѣтъ, то хохлатъ, скученъ, запачканъ и всегда мокрый.

На Тихвинской дорогѣ у одного крестьянина такая была бѣда, что не могъ накупить лошадей. Купитъ лошадь, утромъ придетъ, а она подъ яслями лежитъ, и овесъ и сѣно не тронуты. Раззорился бѣдный мужикъ. Какъ водится изстари, сталъ онъ по закатъ солнца по угламъ кланяться и прощаться: «*хозяинъ батюшко и хозяйка матушка!* Простите нетроньте милой скотинушки». Вдругъ послышался голосъ: «*хоть бы худенька, дн пегенька*» (пестрая). Завелъ мужикъ пегенькую лошадку, и стала она и сыта и гладка и дюжа, и сталъ мужикъ разживаться.

Самый недружелюбный къ человѣку Лембой — это Баяннникъ—съ огненными-сверкающими глазами, съ взъерошенными волосами и всегда босой. Онъ часто сдираетъ кожу съ живыхъ людей и давитъ ихъ. Тотъ, кто послѣ всѣхъ моется въ банѣ, не долженъ крестить ничего, а всѣ сосуды оставить на опашку и сказать: «*мойся хозяинъ*». Онъ всегда бываетъ доволенъ, когда оставляютъ ему воды и пару.

Лембой, живущій въ водѣ, называется царемъ водянымъ; онъ небольшой ростомъ, съ сѣдыми роспущенными волосами, съ длинными руками и короткими ногами. Онъ живетъ обыкновенно въ водѣ, но по нуждѣ выходитъ и на сушу. Водяной царь злѣе бываетъ тогда, когда зрѣетъ рожь; въ это время маленькихъ ребятъ не пускаютъ купаться; водяники въ это время *перестятся*, т. е. свадебничаютъ.

Водянаго Лембоя ловцы въ водѣ доставаютъ. Если клещицей неткнуто, если въ праздникъ неводъ не вязанъ и не починиванъ, съ того неводу онъ невыйдетъ.

Разъ, говорятъ въ такъ называемомъ, бѣсовомъ ручью, гдѣ Лачиновскій заводъ, вытащили водянаго Лембоя; не большой недоросточекъ, волоса пестрые, весь истыканъ. И спросили его: на гору тебя?

— Нѣ-нѣ.

Въ воду?

— Да-да. И сталъ онъ просить и молить: нагору не пошто, пустите въ воду.

Если спустимъ, такъ будешь ли рыбы давать?

— Буду-буду.

Ловцы сжалились и пустили его *въ бѣсовъ ручей*. Послѣ онъ, ахти, много рыбы давалъ.

Лембои передвигаются съ мѣста на мѣсто, и не рѣдко ведутъ борьбу изъ за своихъ владѣній. Любопытна одна хитрость, которую придумалъ одинъ Лембой съ своими врагами, которая впрочемъ характеризуетъ не столько народный взглядъ на Лембоевъ, сколько на духовенство, торгующее святыней.

Приходитъ этотъ Лембой къ попу и проситъ одной вещи, а какой выговорить не можетъ: обѣщаетъ только шапку золота. Попъ былъ не простой: догадался, чего у него просятъ. Взялъ съ божницы крестъ и отправился съ Лембоемъ къ озеру. Пришли на самую середину и стали спускаться въ водяное царство. Тутъ Лембой указалъ попу на крестъ и велѣлъ его выпустить изъ рукъ. Лишь только тотъ выпустилъ, вдругъ поднялся рыкъ, шумъ и визгъ; загорѣлось все водяное царство и сгорѣло до тла. Разбѣжались всѣ тамошніи жители. Лембой велѣлъ опять взять попу крестъ, вывелъ на берегъ, далъ ему шапку золота и сказалъ: «ну, спасибо попъ; тутошніи совсѣмъ было выжили меня изъ своего жилища,—они выселились изъ сосѣднаго озера; нуть—сжегъ ты все ихъ водяное царство, а я вновь его построю и буду въ немъ царствовать. Спасибо тебѣ! если тебѣ что понадобится, приходи сюда, вызови меня—я буду тебѣ вѣчнымъ слугой. Прощай». Затѣмъ Лембой скрылся.

Въ двадцати верстахъ отъ Петрозаводска на юго-западъ находятся два озера—Машезеро и Лосинское, на разстояніи одно отъ другаго около десяти верстъ. Изъ нихъ вытекаютъ двѣ рѣчки, кои на половинѣ своего теченія соединяются въ одну общую рѣчку, называемую Лосинскою. Водою этой рѣчки дѣйствуетъ Александровскій пушечный заводъ.

Въ 1800 году здѣсь было наводненіе отъ сильныхъ проливныхъ дождей, продолжавшихся отъ половины іюля до половины августа. Вода прорвала плотину, разрушила рудяные сараи и даже унесла въ Онего нѣсколько домовъ, стоявшихъ на сѣверномъ его берегу, у самаго ея устья.

Съ изумленіемъ и страхомъ толпы народа смотрѣли на это явленіе. Въ ихъ глазахъ это событіе было ни чѣмъ другимъ, какъ свадьбой въ водяномъ царствѣ другодольныхъ. «Машезерскій водяникъ сосваталъ, скажутъ, за своего сына дочку у водяника Лососинскаго, а въ Машезерѣ жить нельзя, тѣсно, да при томъ надо переѣзжать водой, а переѣзжать то нельзя. Лососинскіе положимъ до соединенія рѣчекъ доѣдутъ легко, а тамъ вѣдь въ Машезеро надо идти противъ воды, а другодольныи противъ воды плыть не могутъ».

«Вотъ и уговорились выѣхать съ обѣихъ озеръ; у соединенія рѣчекъ соединить и молодыхъ, а оттуда и плыть вмѣстѣ въ Онего. По этому уговору то они и ѣдутъ теперь большимъ свадебнымъ поѣздомъ въ Онего, гдѣ имъ жить будетъ просторно, и съ собой везутъ приданое, а сверхъ того заводскіе сараи, руду и проч., а сами ѣдутъ скрытно, смѣшали все свое добро съ пескомъ и глиною, такъ что мы ничего не можемъ видѣть, кромѣ сѣрой массы, стремящейся съ шумомъ. Шумъ этотъ ихъ музыка: онѣ веселятся, а мы то грѣшимъ, горюемъ. Вотъ не говоря о казенномъ имуществѣ, общественныхъ мѣстахъ и заводахъ, сколько видите разорили частныхъ домишекъ со всѣмъ имѣніемъ, оставили бѣдныхъ въ однѣхъ платьяхъ, а тамъ все увлекли въ Онего, да еще веселятся. О, Господи, прости насъ грѣшныхъ!»

Есть наконецъ Лембои, владѣтели кладовъ. Въ деревнѣ Скуровской, Острѣчинскаго погоста, на правомъ берегу рѣки, подъ двумя елями есть, говорятъ, богатый кладъ; имъ владѣетъ Лембой, великой старичище. Достать его, говорятъ, не трудно. Надо только три Ивана, которые бы были въ одинъ день рождены, крещены и имянинники. Они должны предъ Ивановымъ днемъ придти на то мѣсто, гдѣ кладъ, угостить Лембоя свинцовыми орѣхами и три раза сказать: *отдай наше царское имѣніе*.

Любопытно еще знать, что русскій крестьянинъ и Лембоевъ заводитъ въ своихъ разсказахъ туда, куда самъ любитъ заходить—это именно *во царевъ кабакъ*; разница между ними здѣсь та, что тогда какъ крестьянинъ выпиваетъ рюмку, Лембой успѣваетъ выпивать цѣлое ведро. Таковы особенно каргопольскіе разсказы про Лембоевъ Семенковскаго, обитавшаго въ Семенковскомъ лѣсу, и Звонковскаго—на лѣшовой горушкѣ. Оба они часто любили заходить въ кабакъ-Разгуляй и пить тамъ до зѣла зелено вино; «узнавать ихъ здѣсь, говорятъ, есть вѣрныя примѣты: тогда какъ у крещенныхъ всегда правая пола на лѣвой, у Лембоевъ на оборотъ, всегда лѣвая на правой». Можно себѣ вообразить, какъ часто цѣловальники, по этой примѣтѣ видятъ у себя *Лембоевъ*!

ЗАСѢДАНІЕ ДЕСЯТОЕ.

(29 января 1874 года).

Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ Н. А. Попова, въ присутствіи президента Общества Г. Е. Щуровскаго, 22 членовъ и нѣсколькихъ стороннихъ посѣтителей.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2) Секретарь доложилъ отношеніе въ Отдѣлъ г. Олонецкаго губернатора, въ коемъ онъ между прочимъ проситъ, не будетъ ли признано возможнымъ высылать «Труды» Отдѣла, гдѣ будутъ помѣщаемы наблюденія и матеріалы, касающіеся Олонецкой губерніи, въ ея губернскій статистическій комитетъ, который съ своей стороны будетъ сообщать въ Отдѣлъ свои изданія. Опредѣлено: принять въ уваженіе просьбу г. Олонецкаго губернатора и отнестись въ Совѣтъ Общества для зависящихъ съ его стороны распоряженій.

3) Предсѣдатель предложилъ на обсужденіе Отдѣла переданный изъ Совѣта Общества вопросъ: о составленіи популярнаго текста къ имѣющимся въ распоряженіи Совѣта снимкамъ на стеклѣ съ рисунковъ, взятыхъ изъ книги Паули и изображающихъ различныя племена Россіи. По мнѣнію Совѣта, эти снимки, при освѣщеніи посредствомъ фонаря, могли бы служить пособіемъ для популярнаго этнографическаго курса. Вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдатель обратилъ вниманіе Отдѣла на первую попытку въ нашей литературѣ составить учебное пособіе для этнографическаго изученія Россіи. Предсѣдатель разумѣлъ сочиненіе г. Мостовскаго: «Этнографическіе очерки Россіи» (М. 1874 г.). Въ этомъ учебникѣ о каждомъ племени, населяющемъ Россію, сообщаются краткія свѣдѣнія по слѣдующимъ вопросамъ: разселеніе его, кое-что о внутреннемъ его устройствѣ, за тѣмъ описаніе его наружности, характера, жилищъ и главныхъ занятій, религіозныхъ обрядовъ и народныхъ обычаевъ; рѣдко говорится о народныхъ пѣсняхъ. Подвергая критическому разбору эту книгу, предсѣдатель указалъ на слѣдующіе ея недостатки. Географическое разселеніе племенъ предпочтено здѣсь ихъ этнографической близости. Изъ Славянскаго населенія совсѣмъ опущены болгарскіе и чешскіе колонисты; о Полякахъ же сказано кратко. За Славянами вмѣсто Литовской помѣщена семья Татарская, а Латыши почти не выдѣлены изъ состава Литвы. Румыны описаны подъ неправильно употребленнымъ вмѣсто этнографическаго имени географическимъ терминомъ Молдаване. Изъ Евреевъ не выдѣлены Караимы. Сибирскія племена описаны по такой номенклатурѣ, которой не отвѣчаютъ изслѣдованія Вагнера и Бема, этихъ безспорныхъ и всеобщихъ авторитетовъ въ области этнографіи. По изслѣдованіямъ послѣднихъ, между Сибирскими племенами различаются три расы: Гиперборейская, Монгольская и Иранская—съ 6 отраслями Монгольской расы. Между тѣмъ г. Мостовскій всѣ Сибирскія племена помѣстилъ въ одну рубрику и описалъ только девять изъ нихъ—и при томъ во многихъ случаяхъ или неполно или неточно. Изъ Гиперборейской расы онъ совсѣмъ опустилъ Коряковъ, Курильцевъ, Гиляковъ, енисейскихъ Остяковъ и Коттовъ, изъ коихъ послѣдніе составляютъ переходъ къ Монгольской расѣ. Изъ Тунгусской отрасли Монгольской расы—Манджуровъ и Ламутовъ онъ описалъ подъ общимъ именемъ Тунгусовъ. Изъ отрасли Монгольской—описаны только Буряты (опущены Телеуты и Аймаки); Калмыки же отнесены къ Татарской семьѣ. Изъ отрасли Тюркской—на мѣстѣ поставлены одни только Якуты; Сибирскіе Татары совсѣмъ опущены; Киргизы описаны подлѣ Калмыковъ, взятыхъ туда изъ Монгольской отрасли. Узбеки и Туркмены—также не упомянуты. Самоѣдская отрасль, имѣющая пять подраздѣленій съ различными нарѣчіями, описана подъ общимъ именемъ безъ всякаго вниманія къ разницамъ между отдѣлами этой отрасли. При обзорѣ Финской семьи не указано раздѣленіе ея на вѣтви Финскую и Угорскую, а съ другой стороны большая часть Угорской вѣтви отнесена къ Татарской семьѣ, что совершенно несправедливо, ибо ни Башкиръ, ни Мещеряковъ съ Тептярями нельзя причислять къ Татарамъ и отдѣлять отъ Мордвы, Черемисовъ и другихъ племенъ, составляющихъ переходъ въ одной и той-же семьѣ отъ Финской вѣтви къ Угорской. Точно также и рубрика Кавказскихъ народовъ имѣетъ болѣе географическое значеніе, чѣмъ этнографическое. Тутъ есть Кавказская отрасль (Лезгины, Чеченцы, Черкесы, Грузины, Абхазцы) и Иранская (Осетины, Курды, Армяне) и есть наконецъ огнепоклонники, до которыхъ этнографіи вообще мало дѣла, которые уже вымираютъ, но у автора показаны въ числѣ 700 душъ. Указавъ на всѣ эти недостатки, г. предсѣдатель нашелъ однакожъ, что учебникъ г. Мостовскаго, хотя и не отвѣчаетъ строго научнымъ требованіямъ, пригоденъ на столько въ практическомъ отношеніи, что описанія нѣкоторыхъ племенъ могутъ быть приняты

въ видѣ объяснительнаго текста при этнографическихъ рисункахъ. При этомъ онъ выразилъ, что съ номенклатурой автора (Славяне, Татары, Финны, Литва, Молдаване, Евреи и Цыганы), можно помириться, если авторъ выдѣлитъ изъ Татарской семьи (которая сама по себѣ есть ничто иное, какъ одна изъ отраслей Монгольской расы) Тюркскую отрасль той-же расы и Угорскую вѣтвь Финской отрасли, отнеся ихъ на свои мѣста; если онъ поставитъ семьи въ такомъ порядкѣ: Славяне, Литва, Финны и Татары; если укажетъ на этнографическія подраздѣленія въ Польскомъ племени (Великополяне, Малополяне, Мазуры, Краковяки и т. д.) и подробнѣе разовьетъ свѣдѣнія о Латышахъ. Вообще онъ желалъ бы отъ автора того, чтобы племена одной и той же семьи поставлены были въ описаніи другъ подлѣ друга. За симъ предсѣдатель спросилъ: считаютъ ли члены Совѣта Общества, поднявшіе вопросъ о текстѣ къ рисункамъ изъ книги Пауля, достаточнымъ изложеніе г. Мостовскаго? Секретарь Общества Н. К. Зенгеръ замѣтилъ, что учебникъ, каковъ бы онъ ни былъ, не можетъ отвѣчать условіямъ «объяснительнаго текста къ этнографическимъ рисункамъ» уже потому самому, что онъ учебникъ. Сжатость и школьная метода—необходимыя условія учебника—менѣе всего идутъ къ чтенію объяснительному, гдѣ живость, изобразительность и увлекательность разсказа должны имѣть главное значеніе. При томъ желалось бы, чтобы, при составленіи объяснительнаго текста, имѣлись въ виду не столько полнота и многосторонность описанія того или другаго племени, сколько особенно характерныя, отличительныя и существенныя стороны его жизни. Это мнѣніе поддерживали Гр. Е. Щуровскій и Ф. Н. Королевъ.

Секретарь отдѣла Е. В. Барсовъ указывалъ кромѣ того, что при удовлетвореніи ученымъ требованіямъ въ предполагаемомъ объяснительномъ текстѣ—нужна большая осторожность, чтобы не пожертвовать имъ живостію и увлекательностію текста, чтобы однимъ словомъ онъ не отзывался школьнымъ учебникомъ. Г. Королевъ говорилъ, что требованіе научности въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ ее г. предсѣдатель, совершенно совмѣстимо съ условіями текста, коихъ желаютъ г. Зенгеръ и г. Барсовъ.

Г. Варрава предложилъ объявить конкурсъ на составленіе подобнаго текста, по примѣру петербургскаго Солянаго городка; онъ говорилъ въ пользу этого текста, пріурочивая его къ простонародной массѣ. На это предсѣдатель замѣтилъ, что Общество озабочивается составленіемъ такого объяснительнаго чтенія, которое бы несъуживалось интересами простонародья, но служило бы предметомъ, въ равной степени любопытнымъ и для образованнаго класса. Результатомъ всѣхъ этихъ преній—было избраніе коммиссіи, назначенной спеціально для разработки «программы курса публичныхъ этнографическихъ лекцій.» Въ нее вступили: г. предсѣдатель, секретарь, Зенгеръ, Королевъ, Дювернуа, Ключевскій, Нефедовъ и Варрава.

4) Предсѣдатель указалъ на то, что приглашеніе провинціальныхъ сотрудниковъ неизбѣжно вызоветъ вопросъ о программахъ для собиранія этнографическихъ данныхъ, что заставитъ Отдѣлъ подумать о составленіи такихъ программъ. При этомъ предсѣдатель обратилъ вниманіе на то, что Отдѣленіе этнографіи Русскаго Географическаго Общества въ Петербургѣ, какъ видно изъ его протоколовъ, занято въ настоящее время тѣмъ же вопросомъ, а потому просилъ разрѣшенія своего Отдѣла войти въ сношенія съ Петербургскимъ отдѣленіемъ о вышеупомянутыхъ программахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдатель обратилъ вниманіе присутствовавшихъ членовъ на то, что Московское Археологическое Общество помѣщаетъ въ своихъ «трудахъ» матеріалы для археологическаго словаря, между коими попадаются иногда замѣтки чисто этнографическаго свойства. Такъ какъ Археологическое Общество, повидимому не имѣетъ намѣренія ни входить въ подробности при объясненіи этнографическихъ терминовъ, ни включать въ свой словарь всѣхъ этнографическихъ выраженій; то предсѣдатель находитъ полезнымъ, чтобы члены этнографическаго Отдѣла сами занялись изготовленіемъ матеріаловъ для этнографическаго словаря. Опредѣлено: просить г. предсѣдателя снестись съ Отдѣленіемъ этнографіи Русскаго Географическаго Общества касательно вышеупомянутыхъ программъ, принять мысль о матеріалахъ для этнографическаго словаря къ свѣдѣнію и исполненію, и, по мѣрѣ доставленія такихъ матеріаловъ въ отдѣлъ, печатать ихъ въ видѣ приложеній къ протоколамъ.

5) Предсѣдатель снова возбудилъ (см. засѣд. 2 и 3) вопросъ о составленіи этнографическаго календаря для Россіи, какъ образцоваго и подробнаго указанія для сотрудниковъ при дальнѣйшемъ собираніи этнографическихъ данныхъ, при этомъ онъ доложилъ о томъ, что уже сдѣлано въ этнографическомъ Отдѣлѣ по этому вопросу. Въ составъ этого календаря, по рѣшенію Отдѣла, должны войти миѳологическія, хозяйственныя и бытовыя свѣдѣнія, изложенныя въ календарномъ порядкѣ. За тѣмъ Отдѣлъ просилъ А. Л. Дювернуа докончить составленіе начатой имъ подробной программы и представить образецъ календарнаго этнографическаго описанія; а предсѣдателя снестись по этому вопросу съ Отдѣленіемъ этнографіи Географическаго Общества.

6. По вопросу объ этнографическомъ изученіи Москвы и ея древняго уѣзда, г. предсѣдатель опредѣлилъ задачу этого изученія—въ сторико-описательномъ

его направленіи, указавъ на значеніе въ данномъ случаѣ антропологическихъ и археологическихъ изысканій въ курганахъ, городищахъ и другихъ урочищахъ, на постепенное заселеніе Москвы и ея уѣзда, на мѣстныя поднарѣчія, коими говорятъ на окраинахъ Москвы, на бытъ разныхъ сословій и т. п. Признавая всю важность этого вопроса, отдѣлъ поручилъ г. предсѣдателю войти въ сношенія съ извѣстными историками и статистиками и просить ихъ, не могутъ ли они принять участія въ предположенномъ этнографическомъ изученіи Москвы и ея древняго уѣзда.

7) Секретарь отдѣла Е. В. Барсовъ прочиталъ свою статью подъ заглавіемъ: «Замѣтки изъ этнографіи сѣвернаго края», въ коиѣ коей коснулся нѣкоторыхъ историческихъ воспоминаній мѣстнаго населенія и обратилъ вниманіе присутствовавшихъ членовъ на царскую грамоту 1667 года на имя Каргапольскаго воеводы Ивана Онуфр;ева Евдокимова, при коей послана была каргопольскому земству ковришка въ благодарность за поздравленіе съ рожденіемъ царевича Іоанна Алексѣевича. Опредѣлено: статью г. Барсова напечатать въ приложеніи къ сему протоколу.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. ЗАМѢТКА ИЗЪ ЭТНОГРАФІИ СѢВЕРНАГО КРАЯ.

Въ Заонежскихъ предѣлахъ есть преданіе, что будто бы тамъ жилъ въ незапамятное время особый народъ — *Берегоулы*; но что былъ это за народъ — неизвѣстно.

Гораздо опредѣленнѣе сохранилось преданіе о первоначальномъ заселеніи нѣкоторыхъ мѣстностей. Таково напримѣръ преданіе о крестьянинѣ Варзамаѣ, первоначальномъ насельникѣ такъ называемыхъ Кондушъ—мѣстности, въ которой теперь насчитываютъ до 56 деревень—въ 3,522 души обоего пола.

Неизвѣстно откуда пришелъ сюда этотъ старецъ Варзамай; родъ его и понынѣ еще существуетъ и носитъ то же самое прозвище. Онъ дошелъ сначала до того мѣста, гдѣ нынѣ находится деревня Мостовая. Лѣсъ и глушь въ этихъ мѣстахъ были страшные; непроходимыя чащи изрѣдка пересѣкались тропинками дикихъ звѣрей и оленей, водившихся здѣсь во множествѣ. Ему понравилось это дикое, уютное мѣсто и онъ подлѣ ручья, протекающаго въ оврагѣ, построилъ первую хату и сталъ тутъ жить. Разъ онъ отправился за охотой и забрелъ такъ далеко, что со всѣмъ заблудился; долго бродилъ онъ и наконецъ палъ въ изнеможеніи и далъ обѣтъ, что если выйдетъ изъ лѣсу и не погибнетъ, то построитъ часовню во имя Николая чудотворца и закажетъ написать его образъ. Лишь только произнесъ онъ свой обѣтъ, какъ услышалъ голосъ пѣтуха, разносившійся по зарѣ. Забывъ свою усталость, мужикъ пошелъ на голосъ пѣтуха и скоро узнаетъ знакомыя ему мѣста — онъ былъ уже недалеко отъ дома. Не откладывая своего обѣта, Варзамай на другой же день выбралъ высокій холмъ близъ ручья и построилъ на немъ часовню во имя Николая чудотворца. Скоро часовня была готова, но иконы святителя заказать было нѣкому. Но вотъ въ одинъ ненастный вечеръ глубокой осени, когда все семейство Варзамая ложилось спать, кто-то постучался въ окно его избушки и попросилъ пріюта. Мужикъ впустилъ въ избу нежданнаго гостя. Оказалось, что это былъ старецъ божественной наружности и, несмотря на дождливую и холодную погоду, нисколько не обмокшій и не озябшій. Въ разговорахъ старецъ сказалъ между прочимъ, что онъ иконописецъ. Этого-то и ожидалъ Варзамай. Онъ тутъ же подрядилъ его написать икону Николая чудотворца. Старецъ согласился и тотчасъ принялся за работу. Къ утру икона была готова. За работу незнакомецъ взялъ три горошины и съ тѣхъ поръ его не видали. Теперь на томъ же самомъ мѣстѣ построена новая часовня, окруженная тѣнистою рощею; образъ же этотъ внесенъ въ мѣстную приходскую церковь, гдѣ его можно видѣть и теперь. А гдѣ стояла первая хата Варзамая, находится теперь полуразвалившійся домъ; изъ рода Варзамая, по словамъ однихъ — это третій, а по словамъ другихъ, это четвертый домъ, послѣ первой хаты.

Характеръ расположенія деревень и ихъ названія указываютъ на характеръ первой колонизаціи. Особенно названія рѣчекъ, озеръ, ручьевъ и вообще мѣстностей, на которыхъ стоятъ нѣкоторыя деревни доказываютъ, что до русскихъ поселеній здѣсь обитала Чудь. Таковы напр. населенія: *Самягъ - ручей*, *Легъ-ручей*, *Льпъ—ручей*, *Сязь - ручей*, *Май—ручей*, *Шашъ — корба*, *Урмъ - островъ*, *Вичь -островъ*, *Суландо - озеро* и т. п.

Деревни состоятъ большею частію изъ двухъ или трехъ домовъ, и расположены одна отъ другой не-

рѣдко на 200 или 300 саженъ. Въ старинныхъ памятникахъ сохранились даже имена многихъ основателей ихъ. Таковы напр. деревня на Май-ручьѣ *Ефремки Пришлаго*, деревня—Данилки Андреева, деревня—Гришки Выскочева, деревня—Олешки Ларючка.

Въ домахъ даже донынѣ семья доходитъ до 30 человѣкъ и больше, такъ что, по словамъ Касьянова, молодые люди выходятъ изъ родства и женихи, въ своемъ собственномъ домѣ, по закону берутъ себѣ невѣстъ.

Изъ этихъ же началъ родоваго быта возникъ, какъ намъ кажется, обычай общаго пользованія водой на р. Сунѣ. Такъ въ селеніи близь Киваса крестьяне ловятъ рыбу поочередно и затѣмъ, что изловятъ, дѣлятъ на всю деревню; избытокъ же отвозятъ въ городъ, продаютъ и затѣмъ вырученныя деньги опять-таки дѣлятъ на всю деревню.

Затѣмъ коснемся нѣкоторыхъ историческихъ народныхъ воспоминаній.

Во всей Олонецкой губерніи сохранилось множество преданій о панахъ. Въ устныхъ разсказахъ съ словомъ «панъ» народъ соединяетъ эпитетъ варвара, нехристя. Литовскій погромъ въ началѣ XVII в. оставилъ особенно глубокіе слѣды въ народѣ.

Вотъ въ какихъ выразительныхъ краскахъ одна пѣсня описываетъ этотъ погромъ:

Не пеки ты солнце красное,
Не свѣти ты золотой мѣсяцъ;
Будь ты ночка не проглядная,
Пусть не видятъ люди добрыи
Нашей горести—несчастьица.
Знать прогнѣвали мы Господа,
Что послалъ намъ бѣду лютую.
Поднималась туча черная
Что ль со той ли со полуночи.
Да не туча поднималася;
По лѣснымъ нашимъ дорожечкамъ,
По гористымъ тропиночкамъ,
Шла велика рать несмѣтная.
Былъ тутъ лягъ—душа поганая,
Былъ чухна изъ за синя моря,
Борода его кошеная;
И козаки люди вольныи
Забубенныи головушки,
Раззорили наши домики,
Раскатили наши дворики
И повывели скотинушку, —
Разорили да ограбили
Наше тепленькое гнѣздышко,
Вѣковое, насиженное.
Загубили братьевъ родныхъ,
Зарубили мужей милыхъ.

Въ 1667 г., пріѣзжали въ Москву представители Каргопольскаго земства, староста Ефимъ Евиловъ Кипріяновъ, да цѣловальникъ Петръ Еремѣевъ съ товарищи для поздравленія царя Алексѣя Михайловича съ новорожденнымъ Іоанномъ Алексѣевичемъ и подносили ему два кубка серебряныхъ, съ кровлями и позолочены, два бархата, бархатъ алой и бархатъ рудожелтый, персидской атласъ красный и сорокъ соболей.... Государь пожаловалъ земству отъ своего радостнаго стола ковришку.... Ковришка эта была раздроблена на части и въ церквахъ послѣ благодарственнаго молебна была раздаваема священниками, такъ что никто въ обдѣлѣ не былъ.

А вотъ и самый указъ, при которомъ послана была эта ковришка:

«Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея великія, и малыя и бѣлыя Росіи Самодержца въ Каргополь воеводѣ нашему Іоанну Онуфріеву Евдокимову. Въ нынѣшнемъ ρος году (175) генваря въ 6 день пріѣзжали къ Намъ Великому Государю къ Москвѣ и челомъ ударяли сыну нашему государеву царевичу, великому князю Іоанну Алексѣевичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи для роженія Его, Каргопольцы посацкіе люди Семенъ Евиловъ Кипріяновъ, да Семенъ Аѳонасьевъ Марковъ съ товарищи (подносили) два кубка серебряны съ кровлями и позолочены, два бархата, бархатъ алой, бархатъ рудожелтой, персицкой отласъ красной, сорокъ соболей, и по нашему великаго государя указу у Каргопольцевъ тѣ дары въ нашу великаго государя казну на казенной дворъ принять велѣно и подносщики нашимъ государевымъ жалованьемъ пожалованы, были у стола и съ Москвы отпущены въ Каргополь и старостамъ и цѣловальникамъ и ко всѣмъ посадскимъ людямъ указали мы великій государь отъ нашего государева радостнаго стола послать ковришку, и ковришка послана съ тѣми посадскими людьми, которые были у стола, и какъ къ тебѣ ся наша великаго государя грамота придетъ и ты бъ Каргопольцевъ, земскихъ старостъ и всѣхъ посацкихъ людей, велѣлъ собрати въ съѣзжую избу и нашу великаго государя милость имъ объявить, что мы великій государь ихъ жалуемъ и милостиво похваляемъ и объявляемъ имъ нашу государскую милость, ковришку, что послана къ нимъ, велѣли отдать имъ. Писано на Москвѣ 7175 лѣто генваря въ день».

На грамотѣ приписано:

«Отъ Каргопольскаго отъ посацкаго, отъ земскаго старосты отъ Еѳима Евилова Кипріянова, до отъ цѣловальниковъ отъ Петра Еремѣева съ товарищемъ Тихономъ, въ Крайноляжскую и въ Печниковскую волости священницамъ Стефану Григорьеву, да Симіону Григорьеву благословенія вашего требуемъ и челомъ бьемъ и тѣхъ волостей старостамъ церковнымъ и дьяцкамъ и всѣмъ мірскимъ людямъ отъ мала и до велика челобитье, да посылаемъ вамъ изъ Каргополя Крайноляжской волости съ церковнымъ старостою со Власомъ Хотіевымъ въ обѣ волости на всякій дворъ по писцовымъ книгамъ царскаго жалованья ковриш-

ки, что послана къ намъ отъ государева радостнаго стола, и велѣли мы, какъ примете царскаго жалованья коврижки, собраться въ церковь за государево здравіе пѣть молебенъ, а что прислали списокъ великаго государя съ жалованной грамоты прочесть всѣмъ людямъ въ слухъ и списокъ къ намъ и отослать, а коврижки часть, что мы послали, раздѣлить всѣмъ, и ни кто бъ въ обдѣлѣ не былъ».

ЗАСѢДАНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

(19 марта 1874 года).

Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ Н. А. Попова, въ присутствіи г. президента Общества Г. Е. Щуровскаго, 21 члена и нѣсколькихъ стороннихъ лицъ.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2) Доложено письмо члена томскаго губернскаго статистическаго комитета, князя Николая Кострова, въ которомъ онъ изъявляетъ готовность принять участіе въ трудахъ Отдѣла и обѣщаетъ въ непродолжительномъ времени выслать статью «о минусинскихъ инородцахъ». Опредѣлено: записать о семъ въ протоколъ.

3) Доложено письмо члена владимірскаго губернскаго статистическаго комитета Е. П. Добрынкиной, при коемъ она препровождаетъ свою статью: «Обычай хороненія Костромы въ Муромскомъ уѣздѣ». Секретарь Отдѣла Е. В. Барсовъ прочелъ эту статью въ самомъ засѣданіи и представилъ о ней свой отзывъ. Опредѣлено: напечатать статью г-жи Добрынкиной въ «Приложеніяхъ» къ сему протоколу.

4) Доложено было письмо члена-сотрудника Общества, редактора оффиціальной части «Донскихъ Областныхъ Вѣдомостей, Ѳ. К. Траплина, слѣдующаго содержанія: «Вслѣдствіе сообщеннаго мнѣ отношеніемъ Общества, отъ 30 числа прошлаго января за №140, свѣдѣнія о признаніи меня членомъ сотрудникомъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія Антропологіи и Этнографіи, имѣю честь заявить полную свою готовность трудиться на пользу Общества. Такъ какъ жизнь народа, населяющаго область Войска Донскаго, изучалась весьма немногими и то случайными этнографами, почему она до сихъ поръ неизвѣстна большинству русскихъ людей, — то изслѣдованіе ея представляетъ для Общества изобильный матеріалъ для проявленія своей дѣятельности. Я почту за особенное удовольствіе участвовать въ трудахъ Общества, при выполненіи имъ одной изъ своихъ задачъ—этнографическаго описанія быта Донскихъ казаковъ. Казакъ по рожденію, я провелъ большую часть жизни своей на Дону въ *верховыхъ* станицахъ (въ округахъ 2-мъ Донскомъ и Усть-Медвѣдицкомъ), а отчасти и въ *хуторахъ*, почему имѣю нѣкоторое практическое знакомство съ народомъ. Теперь же подъ руководствомъ Общества, при помощи программъ его, въ особенности же (вѣроятно имѣющихъ быть изданными) предпринимаемыхъ въ предстоящемъ академическомъ году публичныхъ курсовъ Этнографіи, вызванныхъ «крайней скудостію знаній въ публикѣ по части Этнографіи» и Этнографическаго календаря *), — я искренно желаю попытаться дополнить, хотя бы только собраніемъ матеріала сыраго, что необнято *Красновымъ* въ его «Статистическомъ описаніи Земли Войска Донскаго» **), *Сенюшкинымъ* въ историческомъ сочиненіи его «Донцы», *Савельевымъ* въ его «Донскихъ народныхъ пѣсняхъ» и «Трехсотлѣтіе В. Д.», въ изданіи мѣстнаго статическаго комитета «Историческое описаніе Земли Войска Донскаго», сборникѣ *Пряничникова*—«Грамотахъ», наконецъ исторіяхъ *Ригельмана* и *Броневскаго*. До сихъ поръ не разъ мнѣ доводилось составлять краткія газетныя статьи о нѣкоторыхъ явленіяхъ въ окружающей средѣ, попадавшихся подъ руку случайно; но о системѣ ихъ собиранія, а тѣмъ болѣе всестороннемъ изученіи народнаго быта я серьезно не думалъ. Если угодно будетъ Обществу поручить мнѣ собираніе матеріаловъ историческихъ, устныхъ преданій и наблюденій надъ современными проявленіями жизни изъ казачьяго быта, то я немедленно приступлю къ этимъ занятіямъ. На первый разъ мнѣ нужно единственное пособіе — содѣйствіе со стороны гражданскаго управленія краемъ, представителемъ котораго теперь въ отсутствіе войсковаго наказнаго атамана—помощникъ предсѣдателя областнаго правленія свѣтлѣйшій князь Николай Константиновичъ Имеретинскій. Разрѣшеніе его имѣть мнѣ доступъ въ Войсковой архивъ, какъ равно къ дѣламъ многихъ войсковыхъ учрежденій, дало бы полную возможность ознакомиться съ оффиціальною стороною

---

*) „Русскій Инвалидъ“ 1874 г. № 43.

**) „Матеріалы для геогр. и статистики Зем. В. Донск.“ Спб. 1863 г.

жизни на Дону, которая нигдѣ такой видной роли не играетъ, какъ въ быту казаковъ. Изъ среды самихъ обитателей края можно ожидать капитальнаго пособія отъ приходскихъ учителей, какъ посредниковъ для переложенія на бумагу *преданій* и *воспоминаній* ветерановъ-казаковъ, этихъ живыхъ страницъ народной исторіи, день ото дня все болѣе исчезающихъ съ лица земли. Занимаясь же изданіемъ «Донскаго Календаря» на третій (1875) годъ, я намѣренъ приложить къ нему «Сборникъ сказаній изъ быта Донцовъ» и уже отнесся къ приходскимъ учителямъ съ приглашеніемъ ихъ къ участію составленія этаго сборника по слѣдующей, въ общихъ чертахъ, программѣ: внутренняя жизнь народа—общественная и семейная, празднества, увеселенія, обряды, обычаи, примѣты, повѣрья, преданія, легенды (о сверхъестественномъ), способы лѣченія болѣзней — простые и чародѣйскіе; народныя сказки и пѣсни съ переложеніемъ старинныхъ напѣвовъ на ноты, и проч. Это будетъ началомъ моихъ этнографическихъ работъ. Представляю нѣсколько брошюръ, составленныхъ и изданныхъ мною въ разное время. Прошу выслать мнѣ экземпляръ устава Общества, а также руководящія программы и другія образцовыя сочиненія по этнографіи; если же есть свободные экземпляры отчетовъ за прошлые года, то снабдить меня ими, какъ средствомъ вѣрнаго ознакомленія съ дѣятельностію Общества». Изъ присланныхъ господиномъ Траплинымъ брошюръ особенное вниманіе Отдѣла обратила на себя носящая заглавіе «Санакринъ-Курэдэ—священное калмыцкое изображеніе и свѣдѣнія о донскихъ калмыкахъ. (Новочеркаскъ 1872 г.)». Опредѣлено: обратиться въ совѣтъ Общества съ просьбой объ удовлетвореніи по возможности желаній, заявленныхъ г. Траплинымъ отъ коего ожидать дальнѣйшихъ сообщеній.

5) Предсѣдатель Отдѣла доложилъ, что, согласно рѣшенію, принятому Отдѣломъ въ прошломъ засѣданіи, онъ сообщилъ чрезъ письмо предсѣдательствующему въ Отдѣлѣ этнографіи Императорскаго Географическаго Общества Л. Н. Майкову о работахъ, предпринимаемыхъ Отдѣломъ въ нынѣшнемъ году при чемъ спрашивалъ: не приметъ ли Петербургскій Отдѣлъ участія въ составленіи «Этнографическаго Календаря», или, по крайней мѣрѣ, не откроетъ ли, имѣющіеся въ его распоряженіи, рукописные матеріалы для лица, которое пожелаетъ заняться составленіемъ означеннаго календаря. Нынѣ получено письмо отъ Л. Н. Майкова такого содержанія: «Отдѣленіе Этнографіи въ засѣданіи 20 февраля текущаго года, съ большимъ сочувствіемъ выслушало письменное сообщеніе ваше о работахъ, предпринимаемыхъ Этнографическимъ Отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи въ 1874 году; въ этомъ сообщеніи отдѣленіе справедливо увидѣло выраженіе того умственнаго общенія между учеными учрежденіями, преслѣдующими одинаковыя цѣли, которое столь необходимо для успѣшнаго развитія науки; считая себя весьма счастливымъ, что могу передать Вамъ, Милостивый Государь, эту мысль Отдѣленія и его желанія, чтобы вновь возникающія сношенія упрочились и повели къ благимъ результатамъ. При чтеніи Вашего письма Отдѣленіе не могло не остановиться въ особенности на предположеніи о составленіи и изданіи въ свѣтѣ русскаго Этнографическаго Календаря. Позволяю себѣ сообщить Вамъ, Милостивый Государь, сущность тѣхъ сужденій, которыя были высказаны въ Отдѣленіи по этому поводу. Гг. члены не могли не признать, что соотвѣтствіе многихъ явленій народнаго быта со смѣною времени года само собою указываетъ на большое удобство календарной формы для описанія этихъ явленій; но съ другой стороны, было обращено вниманіе и на то, что въ совокупность явленій народнаго быта, образующихъ собою содержаніе науки Этнографіи, входятъ и такія, которыя отнюдь не могутъ быть подчинены вышеуказаннымъ рамкамъ описанія; таковы, напримѣръ, обычаи и обряды семейной жизни народа, или народная медицина; таковы еще болѣе— другіе предметы Этнографіи, какъ-то: внѣшняя обстановка народной жизни, физическія свойства народа, нравственное и умственное его развитіе, его мѣстные говоры, выражаемыя народною рѣчью и словесностію понятія, или, наконецъ, вещественные остатки первобытной культуры; между тѣмъ изученіе этихъ именно предметовъ, сравнительно менѣе изслѣдованныхъ нашею наукою, чѣмъ обрядовая жизнь народа, преимущественно желательно въ настоящее время; напротивъ того, новая обработка свѣдѣній о народныхъ обрядахъ и повѣрьяхъ, послѣ многочисленныхъ опытовъ Снегирева, Сахарова, Терещенко, Афанасьева и др. въ этомъ отношеніи, представляется отчасти научною роскошью, не смотря даже на то, что въ сочиненіи помянутыхъ авторовъ вошелъ, въ качествѣ фактическихъ данныхъ, далеко не весь этнографическій матеріалъ, собранный въ литературѣ и въ архивахъ ученыхъ обществъ. При всемъ томъ, гг. члены признали большую пользу предпріятія Этнографическаго Отдѣла и выразили желаніе болѣе ознакомиться съ Вашею программою, о предстоящемъ сообщеніи которой Вы изволили заявить въ Вашемъ письмѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣленіе Этнографіи постановило представить въ распоряженіи Этнографическаго Отдѣла всѣ соотвѣтствующіе содержанію Этнографическаго календаря матеріалы, которые имѣются въ Географическомъ Обществѣ; о возможности же участія Географическаго Общества въ назначеніи преміи Отдѣленіе въ состояніи будетъ судить, лишь по ознакомленіи съ самою программою предполагаемаго сборника. Обращаясь затѣмъ къ другимъ вопросамъ Ва-

шего письма, считаю долгомъ сообщить, что составленіе новыхъ программъ по разнымъ отраслямъ этнографіи, предпринятое Отдѣленіемъ этнографіи въ концѣ прошлаго года, до сихъ поръ весьма мало подвинулось впередъ, почему я и лишенъ возможности удовлетворить Вашему желанію о сообщеніи задуманныхъ программъ». При семъ предсѣдатель объяснилъ, что вышеозначенная мысль объ Этнографическомъ календарѣ для Россіи принадлежитъ А. А. Дювернуа, который довольно подробно развилъ ее въ докладѣ, прочитанномъ имъ во второмъ засѣданіи Отдѣла 20 апрѣля 1868 года (стр. 22—25). Тогда въ календарѣ признавалось лишь простѣйшее средство удалить тѣ препятствія, которыя до сихъ поръ мѣшали успѣшному собиранію этнографическихъ данныхъ о славянскихъ племенахъ населяющихъ Россію, по программѣ изданной географическимъ Обществомъ въ 1847 году, — или лучше сказать, какъ образецъ или готовое руководство для наблюдателя народныхъ обычаевъ. *Опредѣлено*: благодарить Отдѣленіе этнографіи географическаго Общества за предложеніе имъ рукописныхъ матеріаловъ для лица, которое займется составленіемъ этнографическаго календаря; сообщить о томъ А. А. Дювернуа, отсутствовавшему въ этомъ засѣданіи, и представить въ совѣтъ Общества къ избранію въ непремѣнные члены Л. Н. Майкова за сочувствіе, оказанное имъ предпріятіямъ Отдѣла.

6) Прочитанъ былъ докладъ коммиссіи по устройству публичныхъ этнографическихъ курсовъ, такого содержанія:

«Коммиссія, обсуждавшая вопросъ о публичныхъ этнографическихъ курсахъ, имѣла четыре засѣданія. Изъ первыхъ же сужденій, высказанныхъ въ коммиссіи, стало ясно, что ни одинъ изъ ея членовъ не считаетъ возможнымъ, при нынѣшнемъ положеніи этнографической литературы о Россіи и племенахъ, ее населяющихъ, открытіе полнаго, систематическаго и равномѣрнаго въ своихъ частяхъ курса. Но это самое недостаточное состояніе русской литературы по этнографіи, въ глазахъ коммиссіи, было важнымъ побужденіемъ для признанія полезности научно-популярныхъ чтеній изъ области антропологіи и этнографіи вообще и въ частности относительно Россіи. Такія чтенія должны съ одной стороны ознакомить московскую публику съ задачами и взаимными отношеніями антропологіи и этнографіи, съ исторіей ихъ постепеннаго развитія, а съ другой—дать по возможности образцовые очерки одного, двухъ или даже нѣсколькихъ племенъ изъ числа населяющихъ Россію, преимущественно тѣхъ, по этнографіи которыхъ ученая литература представляетъ наиболѣе матеріаловъ. Кромѣ этихъ чтеній общаго содержанія, коммиссія признала не менѣе, если еще не болѣе, важными и полезными чтенія объ отдѣльныхъ вопросахъ изъ области антропологіи и этнографіи теоретическаго содержанія. Такое соединеніе чтеній этнографическихъ съ чтеніями антропологическими основано отчасти на томъ, что обѣ науки имѣютъ общій предметъ изученія, а различаются между собою только по методу изслѣдованія, отчасти на томъ, что въ нашемъ Обществѣ существуютъ оба Отдѣла: антропологическій и этнографическій, и постоянная связь между ихъ занятіями признана желательною. Составить подробную программу, или лучше сказать списокъ вопросовъ, которые моглибы послужить предметомъ для отдѣльныхъ чтеній, коммиссія не признала возможнымъ потому, что гораздо удобнѣе и прямѣе будетъ выполнить это дѣло послѣ личныхъ заявленій каждаго члена Общества, который бы пожелалъ принять участіе въ предполагаемыхъ курсахъ. А для этого прежде всего необходимо заручиться согласіемъ всѣхъ лицъ, которыя могли бы представить хоть одно чтеніе по какому либо частному вопросу изъ антропологіи и этнографіи. А потому коммиссія и признала полезнымъ, чтобы этнографическій Отдѣлъ занялся приглашеніемъ всѣхъ желающихъ принять участіе въ помянутыхъ курсахъ.

«Что касается порядка, въ которомъ должны слѣдовать чтенія одно за другимъ, то коммиссія признала возможнымъ въ этомъ отношеніи заявить съ своей стороны одно только требованіе, чтобы публичные курсы открылись чтеніями, которыя представили бы собою попытку—уяснить какъ предметъ антропологіи и этнографіи, такъ и исторію постепеннаго развитія обѣихъ наукъ до настоящаго времени. Составить нѣсколько чтеній по этимъ вопросамъ пожелалъ предсѣдатель этнографическаго Отдѣла. Послѣ такого общаго введенія не будетъ никакой надобности въ установленіи какой либо послѣдовательности въ чтеніяхъ, по вопросамъ спеціальнымъ. Только относительно одного разряда чтеній желательно бы соблюсти нѣкоторый порядокъ и нѣкоторую преемственность. Это тѣ чтенія, которыя были бы попыткою представить болѣе или менѣе полный очеркъ этнографическихъ свѣдѣній о томъ или другомъ племени, населяющемъ Россію. Въ этомъ отношеніи желательно было бы начать съ племенъ славянскихъ вообще и съ русскаго въ особенности, перейти къ племенамъ литовскимъ, отъ нихъ къ финскимъ и т. д. При этомъ коммиссія признала рѣшительно невозможнымъ, при нынѣшнемъ состояніи нашей литературы, требовать подробныхъ этнографическихъ очерковъ по всѣмъ племенамъ, населяющимъ Россію. Самыя программы и выполненіе подобныхъ очерковъ не могутъ быть одинаково полны и равномѣрны: объемъ и содержаніе такихъ чтеній лучше всего опредѣлятся самимъ матеріаломъ, какой дается литературою для для того или другаго племени. Равнымъ образомъ нельзя требовать, чтобы каждое изъ этихъ чтеній представляло собою полный антропологическій и

этнографическій очеркъ племени, избраннаго предметомъ для такого чтенія. Какая либо одна сторона племеннаго быта, какой либо частный вопросъ изъ этой области, могутъ съ такимъ же правомъ составлять предметъ отдѣльныхъ чтеній. Каждое лицо, спеціально знакомое съ бытомъ какого либо племени, или спеціально изучавшее какой либо антропологическій или этнографическій вопросъ, можетъ избрать его предметомъ для своего чтенія. Желательно при этомъ, чтобъ каждый изъ членовъ, изъявившихъ желаніе участвовать въ публичныхъ курсахъ, представилъ программу своего чтенія въ Отдѣлъ Антропологіи или Этнографіи. Наконецъ въ томъ случаѣ, если кто либо заявитъ, что нуждается въ указаніяхъ, напримѣръ библіографическихъ, для избраннаго имъ чтенія, то такое лицо можетъ обращаться въ соотвѣтствующій Отдѣлъ, и его заявленіе должно быть по возможности удовлетворено въ ближайшемъ засѣданіи того Отдѣла. Какъ привлеченіе возможно большаго числа участниковъ въ предполагаемыхъ курсахъ, такъ и содѣйствіе такимъ лицамъ въ случаѣ ихъ желанія, по мнѣнію коммиссіи, должны составлять предметъ постоянныхъ заботъ обоихъ Отдѣловъ нашего Общества: Антропологическаго и Этнографическаго». Опредѣлено: поручить предсѣдателю войти въ сношенія съ лицами, желающими принять участіе въ публичныхъ курсахъ, на условіяхъ вышеизложенныхъ.

7. Д. ч. Общества М. А. Саблинъ сообщилъ нѣкоторые выводы о составѣ населенія города Москвы, извлеченные изъ данныхъ, доставленныхъ однодневною переписью, произведенною въ декабрѣ 1871 года. По поводу сего сообщенія д. ч. В. Н. Бензенгръ замѣтилъ, что большая часть выводовъ, представленныхъ г. Саблинымъ, вполнѣ подтверждается статистическими наблюденіями, произведенными имъ въ теченіе пяти лѣтъ въ больницѣ Общества русскихъ врачей. Опредѣлено: выразить М. А. Саблину благодарность за его сообщеніе.

8. Предсѣдатель сообщилъ о полученномъ имъ приглашеніи на седьмую сессію международнаго конгресса Антропологіи и доисторической Археологіи, имѣющую открыться въ Стокгольмѣ въ послѣднихъ числахъ іюля сего года. Вопросы, которые будутъ обсуждаться на этой сессіи, суть слѣдующіе: 1) каковы самые древнѣйшіе слѣды существованія человѣка въ Швеціи? 2) Какъ характеризуется вѣкъ полированнаго камня въ Швеціи? должно ли приписывать древности этого вѣка одному народу, или можно принять одновременное существованіе многихъ племенъ, которыя населяли различныя части Швеціи? 3) Какъ характеризуется бронзовый вѣкъ въ Швеціи? каковы были сходныя черты въ нравахъ и искусствахъ этого вѣка въ Швеціи съ нравами и искуствами въ другихъ странахъ Европы? каковы отношенія ихъ къ предшествовавшему вѣку? 4) Какъ характеризуется желѣзный вѣкъ въ Швеціи? каковы его отношенія къ предшествовавшимъ вѣкамъ? можно ли опредѣлить таковыя же отношенія къ быту современныхъ ему народовъ южной Европы? 5) Можно ли опредѣлить пути, по которымъ въ древности слѣдовала торговля янтаремъ? 6) Каковы анатомическія и этнологическія свойства доисторическаго человѣка въ Швеціи? При семъ предсѣдатель сообщилъ, что правилами конгресса допускается и заочное участіе въ ономъ, для чего достаточно внести въ бюро конгресса, чрезъ книжную лавку Дейбнера въ Москвѣ, 12 франковъ; участникъ получитъ изданія седьмой сессіи конгресса. *Опредѣлено*: занести объ этомъ въ протоколъ.

9. Предсѣдатель сообщилъ слѣдующій докладъ объ этнографическихъ матеріалахъ, доставленныхъ въ Отдѣлъ П. С. Ефименкомъ изъ Воронежа: «П. С. Ефименко, извѣстный своими изслѣдованіями о бытѣ жителей Архангельской губерніи, прислалъ намъ нѣсколько сборниковъ произведеній народнаго слова съ крайняго сѣвера Россіи.

«Первый сборникъ заключаетъ въ себѣ заклинанія и заговоры, отчасти списанные съ старинныхъ тетрадокъ, отчасти записанныя со словъ мѣстныхъ жителей, какъ лично, такъ и при помощи другихъ лицъ. Сборникъ этотъ распадается на 8 отдѣловъ. Въ первомъ заговоровъ 26. Они употребляются, чтобы привлечь любовь вообще, или чтобы присушить дѣвокъ къ заклинающему, разжечь сердца въ нихъ, или напустить тоску, или облегчить подходъ къ дѣвицѣ на любовь, или снять тоску, или навести красоту, или напустить тоску парню, а также остудныя слова или наговоры на остудну или разлученіе. Кажется только одинъ изъ нихъ, записанный А. Харитоновымъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ, напечатанъ въ статьѣ его: «Очеркъ демонологіи крестьянъ Шенкурскаго уѣзда», помѣщенной въ «Отечественныхъ запискахъ» за 1848 г., № 4, стр. 149—150.

«Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ собранные совершенно такимъ же способомъ приговоры на брачный союзъ: вымаливаніе жениха, подходъ свата, умываніе лица невѣсты пивомъ, отпускъ свадьбы, на входъ послѣ вѣнца въ домъ мужа, на пріемъ зятя въ домъ невѣсты, на чадородіе; всего 8 наговоровъ. Тутъ же два заклинанія, списанныя съ старыхъ рукописей на любовь молодыхъ; и наконецъ «свадебный оберегъ», списанный со старинной рукописи, доставленной изъ селенія Усть-острова, Холмогорскаго уѣзда, помощникомъ миссіонера Батраковымъ. Этотъ оберегъ заключаетъ въ себѣ молитвы, обряды и указы, которыхъ надо держаться, чтобы уберечься отъ вѣдуна и отъ вѣщицы, отъ волхва и отъ кудесника, отъ всякаго злаго человѣка недобраго и отъ порчи.

«Въ третьемъ отдѣлѣ находятся заклинанія противъ разныхъ болѣзней: при родахъ (7), отъ родимца (1), отъ полуночницы (8), для чистоты тѣла младенца (1), отъ чесотки (1), зубныя слова, при выпаденіи или боли зубовъ (11), отъ ячменя (1), отъ сучьяго сучка (1), отъ боли глазъ со зѣву (1), отъ ушной боли (1), утинъ присѣкать (1), чтобы спина не болѣла (1), отъ стрѣлъ (1), еще у кого сердце болитъ (1), отъ трясцы, лихорадки, дрожалки, трясавицы и отъ всѣхъ сестеръ ихъ (8), отъ грыжи (5), отъ мужскаго безсилія (1), отрочныя (1), на чирей, вередъ, нарывъ и пупышъ (5), на кровавыя раны и на унятіе крови или руды (23), отъ уразу или ушибу, (3), отъ ожогу или обвару (3), противъ болѣзней скотины рогатой (4), на болѣзни лошадей (2), для предохраненія теленка отъ падежа или болѣзни (1), червь умолвити въ человѣкѣ, или въ конѣ, или въ нивѣ (1), отъ пьянства или похмѣлье умолвить (3), отъ лѣни и долгаго спанья (1), составъ о голосу Ѳпламента философа аринейскаго (1), отъ портежа съ вѣтра (1), на манокосъ (1), отъ дурнаго глаза (5), оприкосныя слова на уроки, призоры и прикосы (7), на притчу (1), озѣвны или призорные шепотки (2), отъ всякихъ болѣзней (1), отъ напускныхъ колдунами порчъ и болѣстей (3), какъ икоту напускать (4). Послѣдніе выписаны изъ дѣлъ пинежскаго земскаго суда за 1815 годъ о чародѣѣ, признавшемся въ напускѣ болѣзней подъ названіемъ икотъ, крестьянинѣ Пильгорской волости Михаилѣ Чухаровѣ. Краткія свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ помѣщены были въ сочиненіи Максимова «Годъ на Сѣверѣ». Такимъ образомъ въ этомъ сборникѣ мы имѣемъ всего 124 наговоровъ.

«Четвертый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ молитвы, употребляемыя при различныхъ случаяхъ изъ частной жизни и при домашнихъ занятіяхъ: на сонъ грядущій, при высѣканіи огня, при купаньи, при собираніи папоротника, при исканіи кладовъ, при святочныхъ гаданьяхъ, чтобъ скотина стояла, отъ ляганья коровы, отъ клоповъ,—всего 14.

«Пятый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ наговоры, употребляемые при промыслахъ и сельскохозяйственныхъ занятіяхъ, какъ то: правила, молитва и отпускъ пастуху скотъ пасти, молитва скотъ сводить, на охрану скота отъ медвѣдя; у скотины путь украсть, отпускъ пастуха лошадей пасти, для удачи на промыслѣ, молитва прикосная на звѣря вообще, на зайца, отпускъ лисицъ ловить, векшъ, горностаевъ, иначе слова горносталіе, на птицъ вообще, на утицъ, иначе слова утечьи, отъ ворона обережъ, рыбій прикосъ, рыбный лучъ и ловъ, при наживѣ червей на крючокъ на ловлю крупной рыбы, молитвы пчелиныя, на кулачные бои, оберегъ отъ оружія и отъ всякаго погубленія, на удачную стрѣльбу,—всего 43.

«Въ шестомъ отдѣлѣ собраны мотивы на различные общественные случаи и событія: на царскія очи, на подходъ ко властямъ, ко всякому нужному человѣку—всего 13.

«Въ седьмомъ отдѣлѣ помѣщены молитвы, обличающіе отношенія человѣка къ природѣ: къ грому, къ дождю, къ вѣтру,—всего 5.

«Въ восьмомъ помѣщены наговоры и молитвы противъ демоническихъ существъ, какъ то: призываніе домоваго на новоселье или при покупкѣ новаго скота, наговоръ чтобы увидѣть двороваго, при знакомствѣ съ лѣшимъ, къ банному, молитвы нежиту, молитва отъ нечистаго духа,—всего 12. Затѣмъ слѣдуютъ молитвы христіанскія: Архангелу Михаилу, грозному воеводѣ небесныхъ силъ, Пресвятой Богородицѣ и сонъ Богородицы,—всего 4.

«Обо всѣхъ этихъ сборникахъ я долженъ замѣтить, что большая часть содержащагося въ нихъ или записана П. С. Ефименкомъ, или мѣстными священниками отъ ихъ прихожанъ, или крестьянами — грамотѣями, со словъ ихъ односельчанъ; остальная часть выписана изъ старинныхъ рукописей, и лишь очень немногіе отрывки заимствованы изъ печатныхъ книгъ.

«Далѣе слѣдуютъ сборники былинъ, пѣсенъ, загадокъ, сказокъ, пословицъ, поговорокъ, прибаутокъ, причудокъ, шутокъ, народныхъ изреченій и т. п., а также подлинники нѣкоторыхъ старинныхъ рукописей, заключающихъ въ себѣ заклинанія и заговоры.

«Прежде всего остановимъ наше вниманіе на старинахъ или былинахъ. Въ одномъ сборникѣ старинъ, записанныхъ священникомъ Розановымъ на зимнемъ берегу Бѣлаго моря, въ селеніи Зимней Золотицѣ, помѣщены слѣдующія былины: про Добрыню Никитича и Илью Муромца, про Владимірову свадьбу, про Иванушку Годинова, про Дюка Степанова, про Илью Муромца, про Василья Окульева, стихъ про пьянство и сквернословіе. Въ другомъ сборникѣ былинъ или, какъ ихъ называютъ на сѣверѣ Россіи, старинъ есть пѣсни: про Алешу Поповича, про Илью Муромца, про Дюка Степанова; затѣмъ слѣдуютъ стихи про нищію братію, — всего 10, изъ коихъ названный еленинскимъ стихомъ скорѣе можно назвать былиною; впрочемъ вмѣстѣ съ десятымъ Алексѣевскимъ стихомъ онъ поется каликами перехожими. Далѣе идутъ стихи, именуемые виноградіе краснозеленое: для женатыхъ, для холостыхъ, для дѣвушекъ, счетомъ 3. Потомъ записано 55 наличныхъ пѣсенъ, 78 вечерниочныхъ, 22 свадебныхъ, 2 рекрутскихъ, рождественскіе стихи и наконецъ мѣстныя присловья. Составленъ этотъ сборникъ, бывшимъ студ. Петерб. унив. А. М. Никольскимъ въ Мезени. Есть также сборникъ вечерниочныхъ пѣсенъ въ Пинежскомъ уѣздѣ, записанныхъ И. Селиверстовымъ, съ краткимъ описаніемъ самихъ вечеринокъ. Эти пѣсни суть собственно хороводныя, утратившія въ Пинежскомъ уѣздѣ свой первоначаль-

ный характеръ вмѣстѣ съ переходомъ веселыхъ и разнообразныхъ игръ, пріуроченныхъ къ этимъ пѣснямъ въ другихъ губерніяхъ, въ довольно однообразныя вечерниочныя игры, свойственныя сѣверу Россіи. Ихъ 33; изъ нихъ 31 не были напечатаны. Кромѣ того есть небольшая тетрадка, заключающая въ себѣ 6 пѣсенъ, 1 сказку и замѣтку о пословицахъ; но тетрадка эта писана весьма небрежно крестьян. Холмогор. уѣзда Дохтуровымъ. Затѣмъ слѣдуетъ сборникъ, составленный П. А. Ивановымъ въ Пинегѣ, въ видѣ отвѣта на программу для собиранія миѳологическихъ свѣдѣній, разосланную Архангельскимъ Статистическимъ Комитетомъ. Прежде всего въ этомъ сборникѣ идутъ пословицы, потомъ поговорки, далѣе прибаутки, шутки, изреченія и обращенія, затѣмъ загадки; послѣ нихъ шуточные стихи, наконецъ пѣсни: колыбельныя и поющіяся на дѣвичникахъ, двѣ сказки и вышеупомянутыя молитвы Архангелу Михаилу и Богородицѣ. Есть небольшой сборникъ загадокъ (70), записанныхъ еще въ 1847 году въ Холмогорскомъ уѣздѣ смотрителемъ мѣстнаго училища Павломъ Базилевскимъ. Есть сборникъ, составленный Иваномъ Костылевымъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ, въ коемъ записаны: пословицы и поговорки, присловья, присказки и прибаутки, загадки, колыбельныя пѣсни, пѣсни для дѣтскихъ игоръ, шуточныя названія. Есть сборникъ изъ 377 пословицъ и поговорокъ, записанныхъ въ Холмогорахъ тѣмъ же Базилевскимъ. Есть сборникъ составленный писаремъ Аншуковымъ въ 1847 году, подъ заглавіемъ: нарядъ о доставленіи г. исправляющему должность управляющаго архангельскою удѣльною конторою свѣдѣній о сказкахъ и пословицахъ разнаго рода и о прочемъ на 25 листахъ, изъ коихъ, однакожь, два первые потеряны. Этотъ сборникъ интересенъ болѣе, какъ опытъ собиранія этнографическихъ данныхъ оффиціальнымъ путемъ, и какъ произведеніе досужаго пера волостнаго писаря, желавшаго дать посильный отвѣтъ на всѣ вопросы, присланные изъ удѣльной конторы. Наконецъ, какъ я уже сказалъ, при сборникахъ находится нѣсколько старинныхъ рукописей, писанныхъ скорописью разныхъ временъ, изъ которыхъ П. С. Ефименко извлекъ свои сборники заклинаній, заговоровъ и молитвъ. Между ними есть и новѣйшія рукописи съ практическими замѣтками, въ родѣ слѣдующей: «Исправнику возили сѣно, Степанъ на двухъ лошадяхъ возилъ.» Позднѣйшія рукописи любопытны тѣмъ, что изъ нихъ видно, какъ и теперь на сѣверѣ Россіи сельчане продолжаютъ переписывать изъ старинныхъ сборниковъ полезные въ ихъ домашнемъ обиходѣ совѣты и обряды.»

Опредѣлено: благодарить П. С. Ефименко за присланные имъ матеріалы и просить о дальнѣйшемъ сообщеніи таковыхъ; кромѣ того пригласить членовъ Отдѣла, спеціально занимающихся изученіемъ народныхъ пѣсенъ, былинъ, сказокъ, пословицъ, заговоровъ и т. д. къ систематической обработкѣ вышеназванныхъ матеріаловъ.

10. Членъ-сотрудникъ общества Н. А. Покровскій прочелъ статью подъ заглавіемъ: «Изъ исторіи народнаго двоевѣрія.» Опредѣлено: просить г. Покровскаго о доставленіи дальнѣйшихъ сообщеній на ту же тему, а статью напечатать въ приложеніяхъ.

11. Предсѣдатель предложилъ въ члены отдѣла или въ сотрудники общества: К. В. Гереши и Ф. Ф. Шупалу изъ Венгріи, И. Е. Аспелина и Э. И. Селина изъ Финляндіи, А. Н. Ѳедорова и Р. К. Цедельмана изъ Дерпта, секретаря Нижегородскаго губернскаго статистическаго комитета А. С. Гацискаго, В. Ф. Кудрявцева, М. С. Мостовскаго и Ф. Д Нефедорова въ Москвѣ, Е. П. Добрынкину въ Муромѣ, П. С. Ефименко въ Воронежѣ, П. В. Шейна въ Шуѣ, и въ непремѣнные члены общества Н. С. Тихонравова и Д. И. Иловайскаго. Опредѣлено: представить о семъ въ Совѣтъ Общества.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. ОБЫЧАЙ ХОРОНЕНІЯ КОСТРОМЫ ВЪ МУРОМСКОМЪ УѢЗДѢ.

Обычай хоронить Кострому слишкомъ разнообразенъ своими обрядовыми подробностями, но однако идея одна и та же: это проводы весны. Прослѣдимъ, же, насколько разнообразенъ этотъ обычай въ фантазіи своихъ исполнителей.

Передъ нами картина вечера: жаръ началъ спадать, съ воды пахнулъ прохладный вѣтерокъ, солнце начало клониться къ западу, золотя послѣдними своими лучами всю окрестность и всюду бросая длинныя и широкія тѣни; березы тихо лепечутъ, шелестя своими молодыми листьями, ласкаемыми легкимъ и игривымъ вѣтеркомъ, прилетѣвшимъ, Богъ вѣсть, откуда и сейчасъ же безвозвратно исчезнувшимъ; вотъ опять налетаетъ онъ и снова слышится ласкающій тихій ше-

лесъ березъ, какъ бы склоняющихся другъ къ другу. Гдѣ-то неподалеку послышалось блеяніе стада, а вотъ и оно весело бѣжитъ домой, сопровождаемое пастухомъ, которому также отрадно отдохнуть послѣ жаркаго лѣтняго дня: вся природа утомилась отъ дневнаго солнечнаго зноя и мирно засыпаетъ до новаго утра, до новой дѣятельности, до новаго пробужденія. Отрадно и легко дышится всѣмъ и каждому при лѣтней вечерней прохладѣ; весело выбѣгаютъ изъ душныхъ избъ молодые парни и дѣвки; чумазые босоногіе ребятишки съ неудержимымъ гамомъ и шумомъ *паляютъ* (бѣгаютъ) по улицѣ, пуская изъ-подъ своихъ ногъ непстовую пыль и подвергаясь энергическимъ окрикамъ взрослыхъ, въ родѣ слѣдующихъ: «вишь, провалъ васъ возьми, какъ напылили проклятые!»—Домовитыя, заботливыя хозяйки стараются какъ можно скорѣе *убрать* коровъ, чтобъ на ряду со всѣми выдти на улицу и подышать чистымъ воздухомъ; тихо и задумчиво выплетаются на заваленку старики и старухи, завистливо глядя на молодежь, собирающуюся гульнуть на славу, да затянуть веселую пѣсню позвончѣе, во все разудалое, молодецкое горло. «А ну ка, погодь, мы поглядимъ, что тутъ будутъ дѣлать,» какъ будто говорятъ глаза стариковъ; «такъ что-ль будутъ какъ мы бывало, аль *инакъ* (иначе) какъ, какую ни на есть новую моду затѣютъ».—«Нонѣ, мать моя, не то какъ *допрежь* (прежде) бывало, прошамкаетъ одна другой старуха, нонѣ батъ *мальцы*-то (парни) все *новности* затѣваютъ; мы бывало все по просту, да по тиху, а нонѣ гордыни—то этой больно много стало.» «Чего *баять* (говорить), матка, отвѣчаетъ старушка, и впрямь въ стары-те годы *лутше* было, нонѣ ишь дѣвки-то сами къ парнямъ лѣзутъ-*страмотища* да и только, видано-ль это было, баушенька болѣзная моя, въ наши-те годы.»—«Скоро свѣтопреставленіе будетъ, толкуютъ старики, больно народъ-то *мудеръ* сталъ; нѣтъ, мы были дураки, а нонѣ что? ишь вонъ парнишка малюсенькій и тотъ наровитъ тея кругомъ обвести; нѣтъ нонѣ и ребята-то всѣ какъ большіе, не то какъ *допрежь*.»—Скоро *анцихристъ* (антихристъ) народится, говоритъ другой, и будетъ *свей* (своей) печатью всѣмъ лбы припечатывать.—Наперсникъ-отъ *анцихристовъ* онамеднись здѣсь былъ, глубокомысленно произноситъ третій, да еще какую исторію подвелъ, младенцамъ на ручки хотѣлъ печать прикладывать, чтобы говоритъ *воспы* (оспы) не было; ну *рай* (развѣ) же можно ей не быть, на то она отъ Бога узаконена? —Въ Писаніи сказано: народъ на народъ, царство на царство, мнѣ *ономнясь* (намедни) дьячекъ Онисимычъ въ книжкѣ читалъ, перебиваетъ четвертый и прошамкавъ: «о Господи, Господи, грѣхи наши тяжкіе!...» задумчиво понуриваетъ голову. Прочіе-же собесѣдники продолжаютъ разговоръ на ту же тему.

А молодежи, между тѣмъ, нѣтъ дѣла до этихъ разговоровъ; жизнь ея кипитъ быстрымъ и неудержимымъ ключемъ, черезъ край бьетъ она и выдумываетъ веселье за весельемъ, пѣсню за пѣснями, игру за игрою. «А что, дѣвки, вѣдь пора бы ужь и Кострому хоронить?» вывернется какая нибудь бойкая бабенка изъ толпы.—А ну-те къ жидамъ и съ Костромой-те, отзывается недовольнымъ тономъ другая, мнѣ *намесь* (намедни) *хозяинъ* (мужъ) говорилъ—грѣхъ, потому тутъ въ пѣсняхъ-те гробъ поминаютъ, слышь на томъ свѣтѣ за это языкъ вытянутъ, да сковороду раскаленную лизать заставятъ.—«Ну еще того свѣта долго ждать, пока еще вытянутъ, а теперь мы въ вольную голову погуляемъ: иди дѣвки, кто хочетъ Кострому *сряжать* (одѣвать), а кому грѣхъ тотъ на мѣстѣ сиди, всего не переслушаешь *тутотки* (тутъ).» И съ весельемъ, гиканьемъ, шумомъ и смѣхомъ бѣжитъ цѣлая ватага молодыхъ дѣвушекъ, женщинъ и парней хоронить Кострому. Изъ избы выносятъ деревянную скамью и ставятъ ее посреди улицы, на скамью ставятъ корыто и начинается дѣланіе Костромы. Притаскивается большой пукъ соломы и всѣ находящіеся тутъ парни и дѣвки дѣлаютъ куклу на подобіе женщины, при чемъ поютъ слѣдующее:

Кострома, моя, Костромушка,
Моя бѣлая лебедушка.
У моей ли Костромы
Много золота, казны;
У костромскаго купца
Была дочка хороша,
То Костромушка была!
Костромушка, Кострома,
Лебедушка-лебеда.
У Костромы-то родства
Кострома полна была;
У Костромина отца
Было всемеро.
Кострома-то разгулялась,
Кострома-то расхвалилась.
Какъ Костроминъ-то отецъ,
Сталъ гостей собирать,
Гостей собирать,
Большой пиръ затѣвать;
Кострома пошла плясать,
А чужіе-то притаптывать.
Кострома, Кострома,
То Костромушка была.
Я къ теѣ кума незваная пришла;
Я ли тея Костромушка
За рученьку возьму,
Виномъ съ макомъ напою,
Въ хороводъ тебя введу.
Стала Кострома поворачиваться,
Съ вина-маку покачиваться;
Вдоль по улицѣ пошла,
На подворьице зашла,
На подворье Костромское,
На купецкое.
Кострома ли, Кострома,
То Костромушка была.

Костромушка расплясалась,
Костромушка разыгралась,
Вина съ макомъ нализалась.
Вдругъ Костромка повалилась:
Костромушка умерла.
Костромушка, Кострома!
Къ Костромѣ стали сходиться,
Костромушку убирать
И во гробъ полагать.
Какъ родные-то стали тужить:
По Костромушкѣ выплакивати;
А чужіе-то плясать, притапывати:
„Была Кострома весела,
„Была Кострома хороша!
„Костромушка, Кострома,
„Наша бѣлая лебедушка!..

(Пѣсня эта принадлежитъ мѣстности села Климова).

Въ продолженіе этой-же пѣсни, женщины и дѣвушки одѣваютъ чучело въ сарафанъ и рубашку, голову повязываютъ косынкою и убираютъ цвѣтами, на ноги надѣваютъ башмаки и, убравъ такимъ образомъ Кострому, и дѣвушки и женщины кладутъ ее въ корыто. «А что, робя, вѣдь важнецъ Кострома вылпта?» вылетаетъ вновь съ разговоромъ парень изъ толпы.— Важно *скурали* (сдѣлали), ничего!—А вотъ я *тея*, пострѣлъ, какъ по спинѣ-то хвачу, такъ *ажъ искоры* у тея изъ глазъ-отъ посыпятся, вотъ и узнаешь тогда, каковъ важнецъ, отвѣтствуетъ ему дѣвка. «Ну, а вы полно-ка ссориться-то, слышится изъ толпы, *кочевряжутся* (ломаются) когда не надоть, становись въ рядъ парни, неча шалить, понесемъ Кострому!» раздается команда. Сейчасъ-же всѣ тутъ стоящіе парни одѣваются въ рогожи и идутъ впередъ, одинъ изъ нихъ беретъ лапоть, изображающій собою какъ бы кадило и всѣ шествуютъ медленно не спѣша. А женщины и дѣвушки, покрывъ головы бѣлыми платками, берутъ корыто съ куклою на руки и точно также медленно несутъ ее по направленію къ рѣкѣ; при чемъ одна группа дѣвушекъ, изображающая собою плакальщицъ, поетъ:

Кострома, Кострома,
Ты нарядная была,
Развеселая была,
Ты гульливая была.
А теперь, Кострома,
Ты во гробъ легла,
И къ теѣ-ль Костромѣ
Сошлись незваныя сюда.
Стали Кострому собирать, одѣвать,
Собирать, одѣвать и оплакивать.
Кострома, Кострома,
Костромушка моя.
У тея-ль, Кострома,
Блины масляные,
Браги сыченыя,
Лошки крашеныя,
Чашки липовыя.

(Пѣсня села Климова).

Пришедши къ рѣкѣ или озеру, Кострому разоблачаютъ, снимаютъ съ нея всѣ уборы и бросаютъ ее въ воду, при чемъ поютъ слѣдующее:

Во полѣ, было во полѣ,
Стояла береза,
Она ростомъ высока,
Листомъ широка.
Какъ подъ этой подъ березой
Лежала Кострома;
Она убита, не убита,
Тафтою покрыта.
Дѣвица-красавица
Къ ней подходила,
Тафту открывала,
Въ лице признавала;
Спишь ли, милая Костромка,
Или чего чуешь;
Твои кони вороные
Во полѣ кочуютъ;
Дороженьку чуютъ.
Дѣвица-красавица
Водицу носила,
Дождичка просила:
„Создай, Боже, дождя,
Дождичка частова,
Чтобы травыньку смочило,
Костромѣ косу остру притупило.“
Какъ за рѣчкой, за рѣкой,
Кострома сѣно коситъ;
Бросила косу,
Середи покосу.

(Пѣсня Акиманской слободы).

Этотъ обычай называется провожаніемъ весны, или хороненіемъ Костромы, и совершается онъ въ послѣднее воскресенье передъ Петровымъ постомъ въ пригородныхъ слободахъ Мурома и другихъ селеніяхъ, расположенныхъ по сю сторону рѣки Оки, однако съ нѣкоторыми измѣненіями, такъ напр.: въ сѣверо-западной и западной сторонѣ уѣзда, въ селѣ Климовѣ съ окружающими селеніями, Кострому хоронятъ такъ: обряжаютъ молодую женщину, или дѣвушку, *кладутъ ее въ ящикъ, или корыто и несутъ ее съ причетомъ и воемъ до лѣсу;* корыто ставятъ подъ березою и поютъ пѣсню, помѣщенную нами выше, и еще заимствованную ими у Акиманской слободы: «во полѣ было во полѣ, стояла береза» и т. д. Подъ березу помѣщаютъ Кострому, вѣроятно по недостатку воды въ селеніи. Корыто съ женщиною, изображающей собою Кострому, оставляютъ въ лѣсу и уходятъ назадъ съ веселыми пѣснями, а женщина или дѣвушка, называемая Костромой, уже послѣ присоединяется къ своимъ товаркамъ.

Въ сельцѣ Зименкахъ, западной сторонѣ того же уѣзда, Кострому хоронятъ такъ: дѣлаютъ изъ соломы *чучело*, точно такъ же какъ и въ слободѣ, съ тою только разницею, что тамъ Кострома изображаетъ собою

женщину, а здѣсь *мужчину*. Его сряжаютъ въ мужское платье и кладутъ въ корыто; одну изъ находящихся тутъ *молодыхъ женщинъ выбираютъ въ жены умершаго* Костромы и когда вся процессія двинется въ путь, то жена впереди всѣхъ идетъ за корытомъ и причитываетъ: «батюшка Костромушка, на кого ты меня покинулъ, закрылись твои ясны оченьки» и т. п. Когда же чужаго *кинутъ въ воду*, то изображавшая собою жену Костромы начинаетъ плясать, говоря: *«поди душа прямо, таки въ рай, таки въ рай, таки въ рай!»* Въ ближайшихъ къ городу селеніяхъ зарѣчной стороны (за р. Окой) дер. Ольховкѣ съ прочими обычай этотъ справляется такъ: берутъ снопъ соломы, одѣваютъ его въ новый сарафанъ и платокъ, увѣшиваютъ снопъ лентами, цвѣтами, по омъ несутъ до рѣчки или болота, тутъ снопъ кидаютъ въ воду, говоря:

Костромушка, Кострома,
Куда твоя голова?
Къ бѣсу, къ лѣсу,
Въ омутъ головей!..

Подвигаясь далѣе на остальное пространство той части Муромскаго уѣзда, этотъ обычай исчезъ совершенно между взрослыми, которые считаютъ его за грѣховную забаву и приписываютъ ему: голодъ, болѣзни и др. народныя бѣдствія. И такъ, обычая хороненія Костромы здѣсь между взрослыми не существуетъ; но между дѣтьми (дѣвочками) онъ составляетъ любимую игру въ весеннее и перволѣтнее время. Въ дер. Чулковѣ и др. береговыхъ селеніяхъ, дѣвочки играютъ Костромою такъ: одна изъ играющихъ садится на траву, другая ложится къ ней на колѣна, изображая собою Кострому; нѣсколько другихъ дѣвочекъ ходятъ вокругъ и поютъ слѣдующее:

Костромушка, Кострома,
Лебедушка—лебеда,
Бѣлая румяная,
У Костромушки, Костромы
Блины съ творогомъ,
Кисель съ молокомъ,
Каша масляная,
Теща ласковая.

Когда вся эта пѣсня пропоется ходящими вокругъ дѣвочками, то онѣ начинаютъ спрашивать у дѣвочки, сидящей на землѣ: жива-ль Кострома? Дѣвочка отвѣчаетъ: жива; такъ распросы продолжаются до трехъ разъ, когда же послѣ послѣдняго вопроса, получатъ отвѣтъ, что Кострома *переставилась*, всѣ дѣвочки начинаютъ тащить Кострому за руки и за ноги, потомъ бросятъ и побѣгутъ отъ нея, крича: *«зелены глаза»*. Умершая Кострома вскакиваетъ и ловитъ бѣгущихъ. Кого поймаетъ Кострома, то онѣ уже вдвоемъ ловятъ остальныхъ; изловивъ третью,—втроемъ и т. д. до послѣдней, тѣмъ и оканчивается игра. Въ дер. Ѳедурино съ окрестными селеніями, при той же игрѣ, дѣвочки поютъ такъ:

Кострома, Кострома
Лебедушка, лебеда,
Скажи Кострома,
Что дѣлается дома.
У Костромушки пирогъ и блинокъ
Каша масляная
Теща ласковая.

Въ деревнѣ Сапунѣ, Клину и др. селеніяхъ, Костромою играютъ такъ: дѣвочки берутъ подружку за руки и за ноги, и несутъ ее за деревню, гдѣ и кладутъ на лужокъ, причемъ поютъ: Кострома Костромушка; Костромушка бѣлянушка и т. д.

У взрослыхъ же, въ этой части Муромскаго уѣзда, существуетъ обыкновеніе съ Пасхи до Петрова поста собираться молодымъ людямъ обоего пола изъ нѣсколькихъ окрестныхъ деревень и селеній на сосѣднюю гору, гдѣ поютъ пѣсни, пляшутъ, водятъ хороводы. Это гулянье съ заговѣнами передъ Петровымъ постомъ прекращается вовсе, что не составляетъ ли также служеніе божеству весны, называемому Костромою?

По всему вышеизложенному видно, что Кострома олицетворяетъ собою весну и есть божество, принадлежавшее финскому племени Меря. Племена Меря и Мурома, жившія на Сѣверо-Востокѣ, какъ племена сосѣдственныя, были дружественны между собою, а потому обычаи, почитанія божествъ и самыя божества могли перейти отъ племени Мери къ Муромѣ и обратно. Что обычай хоронить Кострому возникъ въ городѣ Костромѣ, не можетъ быть никакого сомнѣнія на это указываетъ пѣсня: «у Костромы то родства Кострома полна была«, и далѣе: «у Костромскаго купца была дочка хороша, то Костромушка была». Разсматривая славянскія божества, мы видимъ много схожихъ, но однако не составляющихъ тождества съ Костромою, такъ напр. у Западныхъ Славянъ Мара, Марана или Марена, но она олицетворяетъ собою зиму, а Кострома весну; чучелу Мары сожигаютъ, а Кострому бросаютъ въ воду. У русскихъ Славянъ есть нѣчто, схожее съ этимъ обычаемъ, а именно: въ первый понедѣльникъ Петрова поста, бывало игрище: *провожаніе русалокъ въ могилы*. Женщины снаряжали изъ соломы два чучела въ видѣ женщинъ. Вечеромъ женщины и дѣвушки выходили на улицу, раздѣлялись на двѣ половины и тихими хороводами приближались къ концу улицъ. Здѣсь раздѣвались хороводныя пѣсни, во время пѣнія хороводница съ чучеломъ плясала. Послѣ пѣсенъ игроки сближались. Здѣсь открывалась война. Соломенное чучело русалки дѣвицы принимали на свои руки, какъ бы для защиты, а женщины, стоя кругомъ ихъ, нападали на другой

хороводъ, или сами защищались отъ нападенія. Бойцы изъ улицъ переселялись въ поле, гдѣ оканчивалось побоище растерзаніемъ чучелъ и разбрасываніемъ соломы по полю. Въ это время дѣвицы причитывали похоронныя завыванья, а отчаянныя, распустивъ косы, припадали къ землѣ, какъ бы къ могиламъ. * Разсматривая далѣе божества древнихъ Славянъ, находимъ *богиню весны Зимцерлу* и прошедшую отъ нея дочь Мерцану, богиню, властвующую надъ началомъ дня, супругу царя морскаго, она уподоблялась миѳологической Аврорѣ, изображая собою зарю; у Поляковъ же она занимала мѣсто Цереры и почиталась богинею жатвы, ее возили на колесницѣ и со многими празднествами погружали въ рѣку. Не составляетъ ли эта богиня нѣкотораго тождества съ Костромою; какъ ту такъ и другую погружаютъ въ воду. Однако между ними все-таки есть разница; здѣсь прямо Кострома богиня весны, а тамъ происшедшая отъ богини весны дочь ея, богиня дня и жатвы; тамъ съ почестями погружаютъ ее въ воду, здѣсь же Кострома кидается въ воду обнаженная и поются веселыя пѣсни. Не смотря однако на видимое различіе этихъ богинь, тождество между ними должно было непремѣнно существовать; такъ въ пѣснѣ, помѣщенной нами выше, сказано: *твои кони вороные, во полѣ кочуютъ, дороженьку чуютъ*,—не указываютъ ли эти слова на то, что истуканъ этой богини возили прежде, а не носили какъ теперь это дѣлается. Далѣе въ пѣснѣ произносится молитва о дождѣ «*Создай Боже дождя, чтобы травыньку смочило*», здѣсь видно уже обращеніе человѣка къ Богу, призывъ его могущества, и далѣе «*Кострома сѣно коситъ*, бросила косу середи покосу». Этими словами вѣроятно обозначается и то, что Кострома была также богинею косьбы и жатвы; «бросила косу середи покосу», обозначаетъ то, что трава еще не настолько выросла и время косить еще не настало. Послѣ пѣсенъ поется величаніе, или припѣвъ, который собственно не составляетъ пѣсни, а лишь обращеніе къ величаемому лицу. Въ припѣвѣ говорится: *блины масляные, брага сыченая, ложки крашеныя*»; этимъ самымъ указывается на языческую тризну, совершавшуюся въ Муромѣ, что видно изъ житія св. Константина чудотворца муромскаго. «Невѣрніи людіе видяще сія, дивляхуся, еже не по ихъ обычаю погребеніе творятъ, яко погребаему благовѣрному князю Михайлу въ знакъ на востокъ лицемъ, а могилы холмомъ не сыпаху, но равно со землею, ни тризнища, ни дыни (?) не дѣяху, ни битвы, ни кожи кроенія не творяху, ни лица дранія». Подъ именемъ тризны разумѣлись вообще поминки, и потомъ борьба въ честь умершаго; съ поминками соединяется веселый, пьяный пиръ, также рѣзаніе и царапаніе лица, въ знакъ печали *.

Разсматривая все вышеизложенное нами, мы видимъ тотъ фактъ, что существовалъ и теперь еще существуетъ, въ пригородныхъ селеніяхъ Мурома, обычай хоронить Кострому, или провожать весну. Анализируя предметъ ближе, мы нашли тождество богини Марены или Мерцаны съ Костромою, нашли еще то, что обитавшее въ Костромѣ племя Меря передало племени Мурома свой обычай, теперь уже далеко не соотвѣтствующій своему первоначальному назначенію и утратившій свою первоначальную чистоту. Въ пѣсняхъ этого обычая слышится призывъ христіанина къ Богу, и *лапоть*, изображающій собою кадило, и *гробъ* и всѣ прочіе аттрибуты христіанства. Эта невинная и простая игра, повела однако за собою громкій протестъ священнослужителей, считающихся законодателями въ селахъ, настращавшихъ крестьянъ бѣдствіями голода, неурожая, будущей кары на страшномъ судѣ и т. п. Мужички невольно поддаются увѣреніямъ грамотниковъ, и въ простотѣ сердца думаютъ, что совершаютъ великій грѣхъ, а потому боятся думать даже о хороненіи Костромы. Вотъ одна изъ самыхъ главныхъ причинъ, почему этотъ обычай изсякъ совершенно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и перешелъ въ руки дѣвочекъ, какъ игра; въ другихъ селеніяхъ его помнятъ многія пожилыя женщины, когда то сами, бывши дѣвушками, совершавшія этотъ обычай, и частію помнятъ его старухи, въ памяти которыхъ перемѣшалось уже все прежде видѣнное и слышанное.

По такимъ-то неполнымъ и неяснымъ сказаніямъ, описали мы этотъ обрядъ; совершенно же точное понятіе о немъ мы оставляемъ для болѣе опытнаго изслѣдователя.

---

* Соловьевъ Исторія Россіи стр. 83-я Т. I.

* Соловьевъ Истр. Россіи стр. 70-я Т. I.

II. ИЗЪ ИСТОРІИ НАРОДНАГО ДВОЕВѢРІЯ.

При знакомствѣ съ народными обрядами и повѣрьями рѣзко брасается въ глаза тотъ фактъ, что одни и тѣже предметы постоянно употребляются простонародьемъ при совершеніи разныхъ загадочныхъ, таинственныхъ дѣйствій. Кочерга, помело, соль, уголь, пѣтухъ, и проч. такъ или иначе фигурируютъ въ рукахъ суевѣрнаго простолюдина. Во многихъ селеніяхъ крестьяне прогоняютъ смерть метлами и кочергами; заклиная мышей, истребляющихъ скирды, знахарь бросаетъ въ печь колосья и сѣно и зажигаетъ раскаленною кочергою; предъ сватовствомъ отецъ жениха или сватъ (Курс. губ.), въ видахъ успѣха начинаемаго дѣла, связываетъ помело съ кочергой; при умываніи дѣтей отъ сглазу («призора очесъ») употребляются угли и соль; при постройкѣ новой избы, во избѣжаніе всякихъ бѣдъ, закапываютъ куриную голову или зарѣзаннаго пѣтуха подъ главнымъ угломъ; при переселеніи въ новую избу, на порогѣ ея отрѣзываютъ голову курицы; для изгнанія лихаго домоваго зарѣзываютъ пѣтуха, выпускаютъ кровь на голикъ и обметаютъ всѣ углы избы и двора. Чѣмъ же объясняется то особенное значеніе, какое придаетъ русскій народъ извѣстнымъ предметамъ, и почему именно они получили въ его сознаніи какую-то сверхъестественную силу? Для отвѣта на этотъ вопросъ заглянемъ въ періодъ языческаго богопочтенія.

Извѣстно, что наши предки чествовали Перуна-громовника, покланялись такъ же и Огню-Сварожичу. Свидѣтельства о поклоненіи земному огню находимъ не только въ письменныхъ памятникахъ старины (свид. Дитмара. Сл. Христолюбца: «огневи молятся, зовутъ его Сварожичемъ»), но и во многихъ доселѣ живущихъ у народа обычаяхъ и повѣрьяхъ, равно и въ языкѣ. Вздувая огонь, крестьянинъ крестится и говоритъ: Святый огонекъ! дайся намъ; тушитъ его всегда благоговѣйно. Плевать на огонь считается нечестіемъ; кто плюетъ, у того является на губахъ и языкѣ *огникъ* (прыщи) (Поэт. воззр. Аѳ. 11 8, 9.) Въ Рязанской губерніи хозяйка, сажая насѣдку на яйца, молится богу и обращается къ Козмѣ и Даніилу съ такими словами: Кузьма Демьянъ! зароди цыплятокъ къ осени, курочку да пѣтушка тебѣ зарѣжемъ. (Селивановъ Р. Вес. 1857 г. 111, 60). Самое названіе огня богачь (у малор.), богатье, а грозы—милость божія (арх. вол. новг.) показываетъ на его обоготвореніе (Бусл. Арх. ист. юр. кал. 11, приб. 11, 44). Чествуя Перуна, какъ представителя небеснаго огня — молніи, и земной огонь, какъ стихію божественную, нельзя было не придать очагу священнаго значенія: на немъ пылалъ божественный огонь, на немъ, такъ или иначе, проявляла себя грозная стихія, на немъ приносились разныя жертвы огню, какъ напр. хлѣбъ, соль, деньги. Окруживъ очагъ, какъ мѣсто пребыванія божественной стихіи, благоговѣніемъ, естественно было относиться съ тѣмъ же чувствомъ благоговѣнія и ко всѣмъ аттрибутамъ священнаго очага. И вотъ кочерга, помело, зола, угли и пр. выдѣляются изъ ряда обыкновенныхъ предметовъ. Особенное почтеніе къ подобнымъ предметамъ понятно, но не видно еще — какимъ образомъ они получили въ глазахъ язычника силу сверхъестественную? Отвѣтъ на этотъ вопросъ кроется въ существѣ славянской миѳологіи. Основою ея служитъ борьба боговъ свѣтлыхъ съ богами тьмы, добрыхъ съ злыми. Эта вѣчная вражда въ сонмѣ стихійныхъ боговъ по временамъ сказывалась страшными побѣдами свѣтлаго начала. Боги тьмы, питая постоянную вражду къ свѣтлымъ богамъ, ведя съ ними неустанную борьбу, трепетали предъ своими противниками, исчезали при ихъ появленіи, бѣжали, узнавъ только объ ихъ приближеніи. Такое представленіе борьбы у язычника славянина естественно возникало подъ неотразимымъ вліяніемъ видимой природы, въ которой онъ замѣчалъ непрерывную борьбу враждебныхъ силъ: свѣта и тьмы, дня и ночи и т. д. Ночь — это царство тьмы, злаго губительнаго начала; день—царство свѣта, благодѣтельныхъ силъ. Еще и доселѣ народъ не отрѣшился отъ такого представленія. «Когда солнышко закатилось, не починай кавриги разстроится богатство.» «Не гляди въ окно до утренней зари—грѣшно.» На ночь не оставляютъ раскрытую посуду съ напитками и кушаньями, иначе въ нее наплюетъ злой духъ. Если нечѣмъ покрыть ее, то слѣдуетъ перекрестить, или положить сверху двѣ лучины на крестъ (Ист. оч. Бус. 1249. Поэт. воззр. Аѳ. 11. 8. 9. Фил. Зап. 1868 г. вып. 111, стр. 273.). Съ наступленіемъ утра разсѣевается ночная мгла, благодѣтельныя силы дневнаго свѣта гонятъ губительныхъ духовъ мрака. Пѣніе пѣтуха, какъ вѣстника утра, заставляло трепетать темное царство, потому что съ появленіемъ свѣтлой, благодѣтельной силы, кончалось владычество тьмы. Такимъ образомъ пѣтухъ естественно сталъ птицею священною: его приносятъ въ жертву свѣтлымъ божествамъ, имъ пользуются, какъ вѣрнымъ средствомъ, для прогнанія темной силы; этимъ-то и объясняется его сверхъестественное значеніе при разныхъ таинственныхъ дѣйствіяхъ.

Выходя изъ такого взгляда на борьбу свѣтлаго начала съ темнымъ и отношенія послѣдняго съ предметомъ, напоминающимъ о господствѣ свѣтлаго божества и въ какомъ нибудь отношеніи близкимъ къ

нему, само собою объясняется значеніе и употребленіе въ быту народномъ такихъ предметовъ, которые служили при жертвоприношеніи (пѣтухъ, курица, соль, ножъ и проч.), были посвящены свѣтлому богу (напр. дубъ), имѣли символическое значеніе въ культѣ громовника (плеть, безъ которой не обходится дѣло почти ни на одной свадьбѣ, по объясненію Аѳанасьева,—символъ молніи; колъ, вбиваемый въ грудь колдуна,—символъ Перуновой палицы; топоръ, или косарь, ударомъ котораго изгоняется боль поясницы,—символъ громовой сѣкиры). Тѣмъ-же взглядомъ объясняется и цѣлебная сила подобнаго рода предметовъ. Болѣзни, по представленію народному, порожденіе темнаго начала, существа злыя. Двѣнадцать сестеръ лихорадокъ постоянно рыскаютъ по свѣту и ищутъ удобнаго случая—въ кого бы вселиться. Чтобы овладѣть человѣкомъ, они изобрѣтаютъ всевозможныя средства: то явится лихорадка къ спящимъ и называетъ ихъ по имени, ожидая отклика на свой зовъ, послѣ чего немедленно вселятся въ нихъ; то оборачивается мухою, падаетъ въ кушанье и вмѣстѣ съ пищею входитъ въ свою жертву. Холера—злая старуха, съ искаженнымъ отъ страданія лицомъ. Какъ духи мрака, болѣзни бѣгаютъ свѣтлаго божества, и всѣ ихъ козни, все то зло, какое они причиняютъ человѣку, разрушается священными предметами, которые потому и обладаютъ цѣлебною силою. Когда кто заболѣетъ въ крестьянской семьѣ лихорадкой, берутъ ключевой воды, кладутъ въ нее горячихъ угольевъ и немного золы, мѣшаютъ ножомъ и, прочитавъ заговоръ, взбрызгиваютъ больнаго. При дѣтской безсонницѣ мѣряютъ прядями льна руки, ноги и ростъ больнаго и сжигаютъ пряди на печной заслонкѣ, при чемъ держатъ хвораго надъ дымомъ. Для исцѣленія отъ сухотки, или собачьей старости, всовываютъ младенца на лопатѣ въ устье печи. Если это не помогаетъ, несутъ ребенка въ лѣсъ, отыскиваютъ дубъ, прорубаютъ его и за тѣмъ въ отверстіе протаскиваютъ младенца до трехъ разъ. (От. зап. 1848 г. № 2, 203. Аѳ. 11, 17.). Такимъ образомъ всякое губительное явленіе природы, всякое вообще зло, какъ проявленіе темныхъ силъ человѣкъ старался уничтожить посредствомъ дѣйствія священныхъ для него предметовъ.

Выработанный взглядъ на отношенія стихійныхъ божествъ и значеніе предметовъ религіознаго культа на столько окрѣпли въ сознаніи славянина язычника, что сдѣлавшись христіаниномъ, онъ не могъ отрѣшиться отъ это взгляда. Возвыситься до чистоты христіанскаго ученія онъ былъ не въ состояніи, при отсутствіи въ его жизни образовательныхъ началъ. И на новую, принятую имъ, религію онъ сталъ смотрѣть съ точки зрѣнія своихъ миѳическихъ представленій. Спаситель, богородица, святые замѣняютъ у него древнихъ боговъ, священники — жрецовъ, христіанскіе праздники—языческіе и вотъ естественная религія смѣшалась съ откровенною, явилось двоевѣріе. Съ теченіемъ времени, разумѣется, смыслъ древнихъ обрядовъ, обычаевъ, повѣрій, все болѣе и болѣе затеривался. Тѣмъ не менѣе самые обряды и повѣрья продолжали жить въ народѣ. Въ настоящее время русскій крестьянинъ хотя и прибѣгаетъ къ предметамъ, имѣвшимъ въ свое время священное значеніе и употребленіе которыхъ въ глазахъ предковъ имѣло смыслъ, хотя онъ и приписываетъ имъ сверхъестественную силу, но не знаетъ, почему они должны имѣть ее: онъ прибѣгаетъ къ нимъ безсознательно, по преданію. Но дѣйствуя такъ при употребленіи предметовъ стариннаго религіознаго культа, простолюдинъ въ тоже время хорошо сознаетъ, съ точки зрѣнія своего религіознаго развитія, что церковными предметами—свѣчами, ладономъ, просвирой и пр.—пользуется для извѣстныхъ цѣлей, какъ предметами священными и потому имѣющими силу прогонять злыхъ духовъ, уничтожать ихъ разрушительныя дѣйствія. Разница только въ пониманіи причинъ, а не въ сознаніи сверхъестественнаго дѣйствія предметовъ. Значитъ пѣтухъ, курица, кочерга, уголь, пепелъ, ножъ и т. п. съ одной стороны, и церковныя свѣчи, ладонъ, просвира и пр. съ другой, по смыслу употребленія, имѣютъ одинаковое значеніе въ глазахъ народа. Да оно такъ и должно быть по существу дѣла. Народная мысль, воспитанная миѳическими представленіями, внесла и въ новый міръ идей и образовъ свои прежніе взгляды, наложила на все свои любимыя краски. Потому то и предметы церковнаго употребленія получили въ рукахъ народа широкое и обычное примѣненіе въ житейскомъ быту.

Крещенскія восковыя свѣчи, т. е. тѣ, которыя ставятъ предъ образомъ Богоявленія Господня въ крещенскій сочельникъ, крестьяне тщательно сохраняютъ и во время грозы зажигаютъ ихъ, для предотвращенія ударовъ молніи. Во время пожара по сосѣдству точно такъ же зажигается крещенская свѣча, для предохраненія дома отъ пожирающаго пламени. Ее зажигаютъ и во время трудныхъ родовъ, для облегченія страданій родильницы. Страстную свѣчу, съ которою стояли въ церкви въ великій четвергъ, крестьяне втыкаютъ въ коровья стойла противъ вѣдьмъ и оборотней, прилетающихъ портить скотину, зажигаютъ во время грозы (четвергъ былъ посвященъ громовнику), при трудныхъ родахъ и дѣтской болѣзни, извѣстной подъ именемъ родимца или веснухи. Въ великій четвергъ послѣ всенощной, когда принесутъ домой изъ церкви восковыя свѣчи, выжигаютъ ими на дверяхъ и потолкахъ кресты для отогнанія злыхъ духовъ, и для предохраненія дома отъ удара молніи. Пчеловоды ставятъ страстную свѣчу въ пчельникѣ, для обильнаго сбора меда. Срѣтенскую свѣчу во время посѣвовъ и

жатвы выносятъ на поля (Витеб. губ.). Въ купальскую ночь, когда нечистая сила на полномъ просторѣ, предусмотрительные хозяева на дверяхъ хлѣвовъ прикрѣпляютъ на́ крестъ кусочки срѣтенской свѣчи. Ее даютъ такъ же въ руки умирающему, когда надъ нимъ читается отходная молитва. Рыбаки Вятской губерніи во время пасхальной утрени запасаются воскомъ отъ горѣвшей свѣчи и, когда наступитъ время лова, къ каждой сѣти прилѣпляютъ понемногу воску (Этн. сб. V. 75. Р. Б. 1857 г. IV, стр. 122. Аѳ. 11, 12—13; III, 486, 699).

Кромѣ церковныхъ свѣчей народъ съ такою же увѣренностью въ ихъ силу прибѣгаетъ къ благовѣщенской просвирѣ, ладану, богоявленской водѣ, освященной вербѣ и такъ называемой четверговой соли. Просвира, освященная въ Благовѣщенье, привязывается къ сѣялкамъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ крестьяне ее высушиваютъ, стираютъ въ порошокъ и смѣшиваютъ съ хлѣбными зернами, приготовляемыми къ посѣву. Въ Орловской и Калужской губ. священники, по свидѣтельству Терещенка, къ дню Благовѣщенья приготовляли ржаныя просвиры изъ муки, собранной съ поселянъ и раздавали ихъ православнымъ послѣ обѣдни. Приготовляясь засѣвать поле, крестьянинъ вынималъ изъ—запазухи благовѣщенскую просвиру и съѣдалъ ее (Бытъ. Р. пар, VI. 22.) Въ Курской губ. поселяне съѣдаютъ благовѣщенскую просвиру предъ посѣвомъ вмѣстѣ съ крестами, которые пекутъ на четвертой недѣлѣ великаго поста, и пчеловоды благовѣщенскою просвирою въ первый разъ закармливаютъ пчелъ. Ладономъ окуриваютъ хлѣва и загоны. Его носятъ въ наузахъ, надѣваемыхъ на шею, которыя потому и стали называться вообще ладонками, хотя бы въ нихъ и не было ладану. Ихъ носятъ въ предохраненіе отъ болѣзней и всякихъ бѣдъ. Ладонъ въ христіанскую эпоху замѣнилъ уголь, соль, змѣиныя головки и пр., которымъ приписывали цѣлебную силу. У пчеловода украинскаго ладонъ всегда лежитъ на первомъ или покутнемъ ульѣ. Богоявленская вода въ Рязанской губ. употребляется во время грозы; ее выставляютъ на открытомъ мѣстѣ въ какой нибудь посудинѣ. Въ иныхъ мѣстахъ ею окропляютъ скотъ, чтобы онъ не болѣлъ, такъ же пьютъ ее въ разныхъ болѣзняхъ. Освященною вербою выгоняютъ коровъ на Юрьеву росу. На Юрьевъ день ее втыкаютъ въ коровьихъ стойлахъ, чтобы вѣдьмы не высасывали молоко у коровъ. Четверговую соль (пережженную въ великій четвергъ) употребляютъ при болѣзняхъ, какъ цѣлебное средство; ее даютъ и хворой скотинѣ. Въ Рязанской губ. ею солятъ ветчину, чтобы не заводился червь (Селивановъ, Русск. бес. 1856 г. 1, 4.) По свидѣтельству Стоглава, попы «невѣгласи» въ великій четвергъ клали соль подъ престолъ и держали тамъ до седьмаго четверга, послѣ чего она получала силу врачевать болѣзни (Вопр. 26.).

Артосъ, пасхальное яйцо и яства, освященныя церковью, имѣютъ такое же значеніе въ глазахъ суевѣрнаго народа. Артосомъ окуриваютъ безплодныхъ женъ (Аѳ. 11, 16, прим.). Его даютъ отелившимся коровамъ. Въ Малороссіи его употребляютъ какъ средство отъ лихорадки, даютъ также скоту при повальныхъ болѣзняхъ (Молодикъ 1844. 105). Въ Украйнѣ пасѣчникъ въ день Святыя Пасхи христосуется съ своими пчелами и кладетъ писанку подъ первый улей (Максим. Р. Б. 1856 г. 1. 70) Къ заутренѣ свѣтлаго праздника крестьяне (въ малор.) приносятъ въ церковь для освященія пасхи, яйца, жареныхъ поросятъ и ягнятъ, колбасы, морковь, хрѣнъ и соль. Остатки свяченаго тщательно сберегаются. При уборкѣ хлѣба свяченое кладутъ по четыремъ угламъ и въ срединѣ пода (основанія) скирдъ, для охраненія ихъ отъ мышей (Сементовскій, Молодикъ 1844) Какъ цѣлебное средство, оно дается отелившимся коровамъ. Въ Бѣлорускихъ губерніяхъ кости освященнаго барашка зарываютъ на пашняхъ, для предохраненія нивы отъ града, — а во время лѣтнихъ грозъ, чтобы отвратить ударъ молніи, бросаютъ ихъ въ огонь, разведенный на очагѣ (Макс. Р. Б. 1856. 1. 79. Аѳон. 111. 702.)

Смѣшеніе христіанскихъ понятій съ языческими, или вѣрнѣе – пріуроченіе первыхъ къ послѣднимъ, сказывается не только въ употребленіи священныхъ, по понятію народа, предметовъ двухъ періодовъ — языческаго и христіанскаго, но и въ замѣнѣ однихъ другими, въ безразличномъ и одновременномъ примѣненіи ихъ къ дѣлу. Для предохраненія младенца отъ нечистой, вредоносной силы крестьяне въ пеленки завертываютъ молотъ; съ тою же цѣлію вѣшаютъ надъ колыбелью крестъ. (Аѳ. 111 497.) Во многихъ случаяхъ, гдѣ прежде былъ необходимъ молотъ, стали употреблять крестъ. Замѣна молота крестомъ условливалась крестообразною формою старинныхъ молотовъ. Протаскивая младенца до трехъ разъ сквозь дубъ для избавленія отъ сухотки, крестьянинъ въ тоже время каждый разъ произноситъ имя Св. Троицы (Отеч. зак. 1848 № 2. 203) Въ Виленской губерніи знахарка предъ наступленіемъ родовъ женщины, къ которой призвана на помощь, зажигаетъ срѣтенскую свѣчу и держитъ ее предъ носомъ больной, а въ то же время стучитъ метлой въ потолокъ избы (В. р. г. общ. 1857 ч. XX, 258.). Въ однихъ мѣстахъ, какъ знаемъ, крестьяне во время грозы, для охраненія дома отъ молніи, прибѣгаютъ къ крещенской и страстной свѣчамъ, къ богоявленской водѣ или костямъ освященнаго пасхальнаго агнца; въ другихъ они, для такой же цѣли, выбрасываютъ изъ хаты на дворъ кочергу, лопату и помело (Макс. Р. Б. 1856 111. 85) Въ существующемъ бычаѣ крестьянъ селенія Барскихъ Кусонь, Новго-

родской губерніи, при выгонѣ коровъ въ поле 23 Апрѣля, употребляется икона св. Георгія и въ тоже время молотъ. Выгнавъ коровъ въ поле, крестьяне отправляются за ними въ новыхъ платьяхъ съ топорами за кушакомъ; съ собой берутъ пукъ вербы, наполненный овсомъ, въ который ставятъ стаканъ съ солью и кладутъ два яйца, зажигаютъ восковую свѣчу, берутъ образъ св. Георгія и обходятъ свою скотину. Пастухъ также обходитъ коровъ съ образомъ, потомъ беретъ топоръ и яйцо и бросаетъ ихъ чрезъ все стадо. По увѣренію крестьянъ, если яйцо останется невредимымъ, урожай будетъ хорошій,—разбитое же яйцо сулитъ неурожай (Новг. губ. В. 1864. 25) При извѣстномъ обрядѣ опахиванія, не смотря на его языческій характеръ, носятъ икону съ прилѣпленной къ ней восковой свѣчкой и читаютъ молитвы (Р. Б. 1857. 111, 46—47.). Когда нагоняютъ на кого нибудь любовную тоску, прибѣгаютъ и къ содѣйствію церкви и къ силѣ заговора. Это совершается такимъ образомъ: подаютъ въ три церкви за упокой того человѣка, на котораго нагоняютъ тоску, берутъ съ кладбища земли и въ теченіи трехъ дней, на утренней зарѣ, бросаютъ ее на вѣтеръ, при чемъ читаютъ существующій на этотъ случай заговоръ (А. Майков. Велик. рос. заклин. 15). Для уничтоженія закрутки на поляхъ крестьяне иногда приглашаютъ священника; онъ вырываетъ ее и сжигаетъ дровами изъ осины, разбитой молніей. Въ этомъ случаѣ священникъ замѣняетъ колдуновъ. Колдуны, имѣвшіе въ старину богослужебное значеніе, въ настоящее время призываются простонародьемъ для унятія кикиморъ, чужаго домоваго и разныхъ злыхъ духовъ. Замѣчательно, что способъ уничтоженія закрутокъ вошелъ въ чинъ молитвословія въ нѣкоторыхъ уніатскихъ требникахъ. Въ нихъ предписывается священникамъ быть, при совершеніи обряда, въ полномъ облаченіи (Тр. К. Ав. 1871 г. сент., ст. Петрова 9—10).

Очевидно, въ представленіи народномъ колдунъ и священникъ, молотокъ и крестъ, топоръ и образъ, заговоръ и молитва и т. п. сближаются по своему значенію.

ЗАСѢДАНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

(23 апрѣля 1874 года).

Засѣданіе происходило въ помѣщеніи Политехническаго музея подъ предсѣдательствомъ Н. А. Попова, въ присутствіи 16 членовъ и нѣсколькихъ стороннихъ посѣтителей.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ прошлаго засѣданія.

2. Читаны благодарственныя письма лицъ, избранныхъ въ члены въ предшествовавшемъ засѣданіи, съ заявленіями съ ихъ стороны о готовности содѣйствовать своими трудами къ достиженію цѣли общества. Въ письмѣ П. П. Ефименко, кромѣ сего заявленія, было сказано: «При моихъ занятіяхъ, состоящихъ въ изученіи народнаго быта, преимущественно со стороны обычно-правовой,—мнѣ естественно желать, чтобы званіе члена ученаго Общества сколько-нибудь помогло въ этомъ дѣлѣ. Въ планъ моихъ занятій обычнымъ правомъ входитъ между прочимъ и изученіе такихъ важныхъ сторонъ народнаго быта, какъ крестьянская семья, наслѣдованіе, раздѣлы, общинное поземельное владѣніе и артели, слѣдовательно такихъ явленій, которыя наиболѣе всего характеризуютъ бытъ народа и находятся въ тѣснѣйшей связи съ его экономическимъ положеніемъ. Главный матеріалъ для своихъ изслѣдованій я добылъ собственными усиліями и стараніями (при помощи мѣстнаго Статистическаго комитета), въ Архангельской губерніи; къ сожалѣнію, другія мѣстности Россіи мнѣ вовсѣ неизвѣстны въ этомъ отношеніи, между тѣмъ у меня есть непремѣнное желаніе познакомиться съ двумя—тремя губерніями Россіи, представляющими разнородные экономическіе типы, именно съ цѣлію изученія указанныхъ выше сторонъ народной жизни. Конечно, я буду стремиться къ этому и личными усиліями и средствами. Но дѣло изученія значительно облегчилось бы и многія препятствія къ достиженію цѣли были бы устранены, если бы можно было мнѣ разсчитывать на содѣйствіе какого-либо ученаго Общества. Мнѣ хотѣлось бы знать: не могу ли я найти въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія матеріальной, или по крайней мѣрѣ, нравственной поддержки моимъ цѣлямъ. Послѣдняго рода поддержка можетъ состоять къ порученіи мнѣ отъ имени Общества производить научныя изысканія по указаннымъ выше предметамъ въ той губерніи, которую я изберу мѣстомъ своего жительства, и въ ходатайствѣ Общества предъ мѣстной администраціей и Статистическимъ комитетомъ объ оказаніи мнѣ содѣйствія съ ихъ стороны». Опредѣлено: принимая

во вниманіе важность и достоинство трудовъ г. Ефименко по этнографіи удовлетворить его просьбу о рекомендаціи; объ ученомъ же порученіи, какое можетъ быть дано ему Обществомъ, просить отъ него болѣе подробныхъ объясненій, и тогда уже приступить къ обсужденію вопроса о матеріальной поддержкѣ.

3. Д. ч. о. М. А. Саблинъ доставилъ въ засѣданіе свѣдѣнія о распредѣленіи крестьянъ, живущихъ въ городѣ Москвѣ, по частямъ ея и съ обозначеніемъ губерній, изъ коихъ они прибыли. Свѣдѣнія эти основаны на данныхъ, доставленныхъ однодневною переписью Москвы 12 декабря 1871 года. При семъ г. Саблинъ заявилъ, что эти данныя могутъ имѣть интересъ лишь тогда, когда къ нимъ присоединены будутъ данныя о занятіяхъ, по которымъ распредѣляется крестьянское населеніе Москвы; въ настоящее время эти данныя еще не разработаны. Опредѣлено: благодарить г. Саблина за доставленныя имъ свѣдѣнія и просить его о дальнѣйшемъ сообщеніи таковыхъ же.

4. Секретарь отдѣла Е. В. Барсовъ, напомнивъ, что засѣданіе происходитъ въ день, посвященной памяти св. Георгія, прочелъ статью подъ заглавіемъ: «Юрьевъ день». Опредѣлено: напечатать ее въ «Приложеніяхъ» къ сему протоколу.

5. Предсѣдатель предлагаетъ отдѣлу краткія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ антропологическаго и этнографическаго содержанія, принадлежащихъ недавно избранному Обществомъ иностранному члену Альфонсу Пинару. Они любопытны для русскихъ тѣмъ, что относятся къ бывшимъ русскимъ владѣніямъ въ Сѣверной Америкѣ. Вотъ эти статьи: 1) «Voyage a la Cote Nord—ouest d'Amérique, d'Ounalashka a Kadiak (iles aléoutiennes et péninsule d'Aliaska), напечатанная сперва въ декабрьской книжкѣ Bulletin de la Société de géographie за 1873 годъ, а потомъ отдѣльною брошюрой уже въ нынѣшнемъ году; 2) Notes sur les Coloches, прочитанная въ засѣданіи антропологическаго общества въ Парижѣ 7 ноября 1871 года и напечатанная въ его бюллетеняхъ, а потомъ отдѣльною брошюркой въ 1873 году; 3) Eskimeaux et Coloches,—idees religieuses et traditions des Kaniagmioutes, напечатанныя въ № 4 Revue d'anthropologie за 1873 годъ и отдѣльною брошюрой.

«Упомянувъ въ нѣсколькихъ словахъ объ изученіи Аляски и прилежащихъ къ ней острововъ русскими, авторъ въ первомъ своемъ сочиненіи приступаетъ къ описанію собственнаго путешествія, начавшагося 4 сентября 1871 года и окончившагося 10 ноября того же года, при чемъ въ теченіи 64 дней объѣхано имъ до 600 миль. Описаніе этого путешествія имѣетъ чисто географическій интересъ, или же изрѣдка прерывается сообщеніе о правахъ и обычаяхъ мѣстныхъ жителей. Къ сочиненію приложена подробная карта пути пройденнаго авторомъ. Второе сочиненіе имѣетъ уже интересъ этнографическій и отчасти лингвистическій. Авторъ дѣлитъ семью Колошей на три главныя племени: гайдасъ или кайганисъ, ситка—кванъ и якутатсъ. Первыхъ онъ насчитываетъ до 2000, вторыхъ до 4200, третьихъ только 280. Описывая внѣшній видъ ихъ, авторъ сближаетъ Колошъ съ чистыми поселенцами нѣкоторыхъ округовъ въ земляхъ американскихъ индѣйцевъ. Въ доказательство терпѣливости и выносливости Колошъ онъ описываетъ, существующій у нихъ обычай бичеванія. Этимъ оканчивается физическое описаніе Колошъ. Далѣе, онъ говоритъ о родовыхъ союзахъ, существующихъ у Колошъ, о дѣленіи ихъ на колѣна, о ихъ селеніяхъ, и о начальникахъ родовъ, сообщаетъ легенду объ одномъ изъ героевъ Желлѣ и сестрѣ его Китхужинеи, легенду о происхожденіи свѣта, о происхожденіи огня, воды, о героѣ Кханукѣ и сообщаетъ довольно подробныя извѣстія о религіи Колошъ и шаманахъ, о ихъ вліяніи на народъ. Въ третьей брошюрѣ о Каніагміутахъ, самомъ южномъ племени изъ семьи Эскимосовъ, считающимъ въ себѣ въ настоящее время не болѣе 1500 душъ, авторъ говоритъ, постоянно сравнивая ихъ съ западными Колошами. Онъ считаетъ ихъ племенемъ смѣшаннаго происхожденія, находившемся не только подъ вліяніемъ и въ подчиненіи у Колошей. Даже между религіозными вѣрованіями и легендами Каніагміутовъ можно встрѣтить много заимствованнаго отъ Колошей, имя которыхъ часто попадается въ религіозныхъ и миѳическихъ пѣсняхъ Каніагміутовъ. Но слѣды первоначальнаго культа, существовавшаго у Каніагміутовъ и западныхъ Эскимосовъ, указываютъ на идеи болѣе возвышенныя, чѣмъ религіозныя понятія Колошей, и болѣе близкія къ азіятскимъ религіямъ. При этомъ авторъ подробно излагаетъ почитаніе солнца и луны. Наконецъ авторъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности о нравахъ и обычаяхъ китолововъ, находящихся, по мнѣнію туземцевъ, въ сношеніяхъ съ нечистымъ духомъ. Такимъ образомъ г. Пинаръ въ своихъ изслѣдованіяхъ является продолжателемъ тѣхъ трудовъ, которыя предприняты были въ сороковыхъ годахъ о. Іоанномъ Веніаминовымъ, нынѣшнимъ митрополитомъ Московскимъ, и о которыхъ я имѣлъ честь докладывать во второмъ засѣданіи нашего отдѣла. Г. Пинаръ отдаетъ справедливость трудамъ высокопреосвященнѣйшаго Инокентія, что не мѣшало ему не согласиться съ мнѣніемъ русскаго ученаго о томъ, что Колоши вѣрятъ въ переселеніе душъ только подъ видомъ перехода изъ одного человѣка въ другаго. Кромѣ описанія своихъ путешествій г. Пинаръ извѣстенъ уже тѣмъ, что представилъ Парижскому антропологическому обществу большое количество антропологическихъ и этнографическихъ предметовъ, соб-

ранныхъ имъ въ тѣхъ же странахъ. Каталогъ ихъ въ настоящее время изданъ. При семъ предсѣдатель сообщилъ, что г. Пинару высланы нѣкоторыя изъ изданій Общества. Опредѣлено: записать о семъ въ протоколъ.

6. Предсѣдатель сообщилъ свой отзывъ о присланной въ отдѣлъ В. Сперанскимъ статьѣ: «Первоверховное божество восточныхъ славянъ - язычниковъ.» Указавъ на то, что въ религіяхъ многихъ первобытныхъ народахъ главное мѣсто занималъ культъ солнца, авторъ идя по пути, указанному изслѣдованіями покойнаго Афанасьева, доказываетъ, что у восточныхъ славянъ культу солнца подчинялись въ началѣ всѣ другія вѣрованія, и съ этой точки зрѣнія объясняетъ пѣсню, слышанную имъ еще въ дѣтствѣ въ деревняхъ Подольской волости Владимірской губерніи и уѣзда:

„Солнышко—батюшко!
Выглянь, повыглянь:
Твои дѣтки плачутъ,
На камешкѣ скачутъ,
Медокъ ковыряютъ,
Тебя поминаютъ.“

Вѣрованіемъ же въ солнце авторъ объясняетъ возникновеніе цѣлаго цикла праздниковъ, извѣстныхъ теперь подъ названіями каляды, масленицы, красной горки и Ивана-Купалы. Кромѣ того живучесть миѳологическихъ вѣрованій въ солнце выразилась въ хороводахъ, свойственныхъ всей Россіи. Идею прекраснаго восточный славянинъ также выразилъ въ цѣломъ рядѣ сказокъ о солнцѣ; отъ солнца же переносилъ русскій народъ идею добра и милости на своихъ героевъ. Изъ идей о солнцѣ развились уже и дальнѣйшія миѳическія представленія у восточныхъ славянъ и олицетвореніе ихъ въ отдѣльныхъ богахъ. Въ заключеніи авторъ касается вопроса: въ какомъ быту могла появиться у восточныхъ славянъ пѣсня: «Солнышко батюшко», въ кочевомъ или осѣдломъ? и рѣшаетъ въ пользу осѣдлаго быта. Не смотря на то, что въ статьѣ встрѣчается нѣсколько довольно вѣрныхъ замѣчаній, она написана слишкомъ растянуто, переполнена безпрестанными отступленіями, въ коихъ говорится о религіяхъ восточныхъ народовъ, и въ общихъ выводахъ своихъ не представляетъ ничего особенно новаго. Опредѣлено: возвратить статью автору.

7. Прочитана была статья члена сотрудника Общества Квашнина-Самарина: «О кладоискателяхъ и кладахъ въ Зубцовскомъ уѣздѣ.» (Тверской губерніи). Опредѣлено: напечатать эту статью въ приложеніяхъ къ сему протоколу.

8. Секретарь отдѣла Е. Б. Барсовъ прочиталъ свой разсказъ: «На Онегѣ». Опредѣлено: благодарить г. Барсова за его постоянныя сообщенія въ засѣданіяхъ Отдѣла.

9. Предсѣдатель представилъ присутствовавшимъ въ засѣданіи восемь, уже совершенно отпечатанныхъ листовъ протоколовъ Отдѣла, причемъ заявилъ, что въ печатаемую нынѣ книгу «Трудовъ Отдѣла» войдутъ протоколы всѣхъ 12 засѣданій, имѣвшихъ мѣсто въ теченіе времени отъ 22 декабря 1867 года по 23 апрѣля 1874 года, и съ приложеніями къ нимъ, и что книга будетъ окончена печатаніемъ въ іюнѣ мѣсяцѣ. Опредѣлено: благодарить г. предсѣдателя за труды по редакціи оной книги, и цѣну послѣдней назначить въ 1 руб. 25 коп.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. ЮРЬЕВЪ ДЕНЬ.

Во всемъ христіанскомъ мірѣ чествуется славный воевода, великомученикъ и побѣдоносецъ Георгій—какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ, а особенно у племенъ Славянскихъ. Сей Святый Витязь—на бѣломъ конѣ, красный взоромъ и храбрый душею, особенно прославленъ, какъ низложитель Лвійскаго змія, а по своему имени Георгій-земледѣлецъ—еще у Грековъ издревле считался покровителемъ земледѣлія и скотоводства.

Но тогда какъ на западѣ—почитаніе его ограничивалось высшимъ классомъ общества,—у насъ въ Россіи онъ сдѣлался самымъ извѣстнымъ—всенароднымъ Святымъ. Еще у нашихъ предковъ этотъ витязь извѣстенъ былъ подъ именемъ Егорья—свѣта бѣлаго, Егорья—свѣта храбраго, Юрья-чада милаго, весенняго—и самый праздникъ въ честь его назывался «*Юрьевъ день*».

Вскорѣ съ введеніемъ въ Россіи Христіанства—сдѣлался извѣстнымъ у насъ и св. Великомученикъ и побѣдоносецъ Георгій. Уже внукъ Святослава, Ярославъ Владиміровичъ, носилъ христіанское имя Георгія и въ 1032 году, строя города на Руси, онъ

основалъ городъ *Юрьевъ*, при которомъ была и особенная *Юрьевская епархія* (извѣстная съ 1072 г. и до нашествія Батыева). А въ послѣдніе годы своего княженія, Ярославъ поставилъ въ Кіевѣ церковь съ монастыремъ, *во имя св. Георгія*, предъ вратами Софійскаго храма и, по освященіи ея митрополитомъ Иларіономъ 26 ноября, заповѣда по всей Руси творить праздникъ св. Георгія ноября 26 дня, какъ это было тогда у Грековъ. Въ XII и XIII вв. еще чаще встрѣчаемъ случаи, что наши князья, какъ удѣльные, такъ и великіе, украшаютъ себя именами св. Георгія. Особенно Юрій Долгорукой—чтилъ своего ангела-покровителя. Устроя сѣверовосточную часть великой Руси, проносясь по ней вдоль и поперекъ, въ теченіе двадцати двухъ-лѣтнихъ походовъ, отъ Приднѣпровья до Новгорода и отъ верховья и до низовьевъ Волги, строя города и ставя въ уѣздахъ села, онъ любилъ строить первыя церкви во имя своего ангела—сподвижника Георгія храбраго; точно также благодаря Новгородскимъ колонизаторамъ, во всемъ сѣверо-поморскомъ краѣ—основались во множествѣ Георгіевскіе погосты, Георгіевскіе храмы и престолы. Послѣ куликовской битвы въ сентябрѣ 1380 года, Дмитрій Донской, измѣнивъ гербъ Московскаго государства, повелѣлъ изображать «въ красномъ полѣ св. Георгія на бѣломъ конѣ, поражающаго копьемъ змія». Изображеніе это стало русскимъ государственнымъ гербомъ и чеканилось на Московской монетѣ.

Церковь съ своей стороны, установивъ праздникъ въ честь великомученика Георгія 23 апрѣля, и воспѣвая его, какъ непобѣдимаго страстотерпца, распространяла вмѣстѣ съ тѣмъ и византійское сказаніе о немъ, какъ умертвилъ онъ змія-Дракона и избавилъ отъ него дѣвицу царскую-дочь.

Такъ распространялось и утверждалось у насъ имя св. побѣдоносца Георгія и такъ составлялся и утверждался праздникъ въ честь этого великаго имени!

Но, кромѣ обще-государственнаго и церковнаго значенія, это имя имѣетъ еще значеніе народное. Для насъ всего важнѣе знать, какъ отражается нравственный образъ этого святаго въ наличномъ сознаніи народа, какъ понимаютъ и какъ относятся къ нему простые русскіе люди.

Съ именемъ и праздникомъ св. Георгія — донынѣ связаны въ народѣ самыя разнообразныя вѣрованья и обычаи. Одни изъ нихъ носятъ на себѣ слѣды разныхъ миѳологическихъ эпохъ, другіе напротивъ, относятся къ историческому эпосу. Въ глазахъ народа—Георгій Великомученикъ выступаетъ, какъ герой-полубогъ, какъ побѣдитель темныхъ силъ, какъ покровитель скота и нивы и русскій могучій богатырь, защитникъ и поборникъ земли Святорусской.

Необыкновенно велики были страданія непобѣдимаго страстотерпца Георгія, по церковному сказанію, и чудно было торжество благодатной его силы. Въ этихъ необыкновенныхъ страданіяхъ нашъ народъ увидѣлъ свои собственныя *страды*, тяжкія страды крестьянства, подъятыя имъ въ заселеніи и устроеніи земли святорусской и въ борьбѣ съ погаными и бусурманами за вѣру крестьянскую; а въ этихъ чудесныхъ его побѣдахъ — свое собственное торжество надъ своими естественными и историческими врагами.

Житія сѣверо-восточныхъ отшельниковъ русскихъ отчасти указываютъ, съ какими величайшими трудностями совершалъ народъ «земское устройство». Онъ долженъ былъ бороться съ лѣсами темными, съ чащами и дебрями непроходимыми, съ мхами Камскими и Поволожскими, съ водами быстрыми, глубокими и широкими; онъ долженъ былъ бороться и съ цѣлыми стадами дикихъ звѣрей—и съ Чудью бѣлоглазою, и съ Корелой проклятой — и съ бусурманомъ Татариномъ—змѣемъ-Тугариновымъ.

Превосходно олицетворилъ онъ всѣ эти *«страды»* въ образѣ Георгія великомученика и побѣдоносца.

Наѣзжалъ царище Кудріянище,
Онъ невѣрный царь да Мудріянище.
. . . . . .
Онъ сталъ Егорья свѣта мучити....
Онъ ужь сталъ Егорья топоромъ рубить.
. . . . . .
Егорья свѣта топоръ нейметъ...
Въ топору лѣзвье да отвалилося.
. . . . . .
Онъ ужь сталъ Егорья на воды топить,
На воды топить колесомъ вертѣть;
На воды Егорей гоголемъ плыветъ,
Гоголемъ плыветъ, да онъ стихи поетъ.
. . . . . .
Онъ повелъ Егорья во чисто поле,
Онъ спустилъ Егорья во глубокъ погребъ—
И пошелъ невѣрный приговхвастался:
„Не бывать Егорью *на святой Руси*,
„Не видать Егорью свѣта бѣлаго,
„Пеньемъ-кореньемъ призакатыванъ,
„Муравой травой замуравливанъ.
Прибѣжалъ добрый конь со чиста поля,
Катучіе камешки сповыкатилъ,
Дубья-коренья сповыворотилъ,
Желты пески вѣтры повынесли!
Выставалъ тутъ Егорей на Святую Русь!
И строилъ тутъ Егорей Божіи церквы!..

Но еще любопытнѣе то, какъ Св. Георгій устраиваетъ свято-русскую землю...

Въ то время, когда земля русская была словомъ заказана, заповѣдана, когда по той землѣ ни пѣшъ человѣкъ не прохаживалъ, ни на конѣ никто по ней не проѣзживалъ, ѣдетъ къ ней на своемъ конѣ ретивомъ Св. Егорей храбрый.

Наѣзжаетъ онъ, Егорей, на темныи и дремучіи лѣса
И хочетъ онъ, Егорей, туто проѣхати, и туто проторити;

Нельзя Егорію, туто проѣхати,
Нельзя, храброму, туто и подумати.

Но вотъ сказалъ онъ вѣщее слово:

По его слову изростали лѣса темныи, раскидались по всей землѣ Святорусской,
По крутымъ горамъ по высокіимъ.
Ѣдетъ онъ дальше — и наѣзжаетъ „на горы на высокіе и шеломы окатисты“,
Хочетъ онъ Егорей туто проѣхати,
Хочетъ онъ храбрый туто проторити;
Нельзя, Егорью туто проѣхати,
Нельзя, храброму, туто и подумати.

Но вотъ, по его моленію, разсыпались горы высокія по степямъ, по полямъ по зеленымъ.

Наѣзжаетъ онъ дальше на волковъ на рыскучіихъ
На тѣхъ ли звѣрей на рогатыихъ.—И также
Нельзя Егорію туто проѣхати,
Нельзя храброму туто и подумати.

Егорей отсылаетъ ихъ въ степи и поля, и самъ имъ заповѣдуетъ:

А есть про васъ на съѣдомое
Въ поляхъ трава муравчата,
А и есть про васъ на пойлице—
Въ рѣкахъ вода студеная.
Наѣзжаетъ онъ наконецъ
На то стадо зміиное,
На то ли стадо на лютое.
Хочетъ онъ Егорей туто проѣхати.
Хочетъ онъ, храбрый, туто проторити
И стадо зміиное возговоритъ:
Али ты, Егорей, не вѣдаешь
Что та земля заказана, заповѣдана,
Что по той ли землѣ свято-русской,
Пѣшъ человѣкъ не прохаживалъ,
На конѣ никто не проѣзживалъ.
Воротися ты храбрый самъ назадъ,
Вынималъ тутъ Егорей саблю вострую
Нападалъ онъ на стадо зміиное,
Посѣкъ-порубилъ стадо лютое.
Выходятъ тутъ къ нему красны дѣвицы,
И какъ тутъ ли ему проглаголуютъ:
А тебя ли мы, Егорей, дожидаючись,
Держимъ народу великъ обѣтъ:
Отдать тебѣ землю свято-русскую,
Принять отъ тебя вѣру крещеную.
Пріемлетъ тутъ Егорей
Тую ли землю свято-русскую
Подъ свой ли великъ покровъ—
Строитъ онъ церкви богомольныи
И утверждаетъ онъ вѣру крещеную.

Таковы историческія черты Георгія Великомученика и побѣдоносца, отразившіяся въ народномъ сознаніи. На него страстотерца—перенесъ народъ свои собственныя великія *страды*, подъятыя имъ въ устроеніи земли русской и за вѣру крестьянскую—и въ лицѣ его побѣдоносца ликуетъ народъ свои собственныя побѣды надъ всѣми своими естественными и историческими врагами. Воспѣвая славу «Егорью Храброму» народъ поетъ свою *собственную Славу*!

Но кромѣ этого историческаго—богатырскаго образа, Св. Георгій храбрый носитъ въ народномъ сознаніи еще и миѳическій ликъ. Ликъ этотъ узнаемъ мы отчасти въ народныхъ сказаніяхъ о немъ, отчасти въ томъ же народномъ пѣснотворчествѣ,—а главнымъ образомъ въ бытующихъ донынѣ обрядахъ, относимыхъ къ Юрьеву дню и имѣющихъ свою основу въ чисто миѳологическихъ представленіяхъ.

Вотъ какъ напр. рисуется его ликъ въ народныхъ разсказахъ: «Молодой Егорій,—свѣтло-храбрый; по локоть руки—въ красномъ золотѣ; по колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ; и во лбу солнце и въ тылу мѣсяцъ, по концамъ звѣзды перехожіи». Въ этомъ изображеніи нельзя не узнать древне-русскаго языческаго божества—и при этомъ божества свѣтлаго, какимъ былъ Перунъ.

Въ одномъ стихѣ объ Егорьѣ храбромъ, записанномъ нами въ Олонецкой губерніи—указывается на его космогоническое значеніе. Онъ представляется *побѣдоносцемъ той лютой зміи*, которая служитъ *родоначальницей*—всего нечистаго и вреднаго. Онъ Егорей

Свелъ змѣю во чисто поле
И ударилъ ее о сыру землю.
Тутъ разсыпалась земля на мелки куски,
На гадеиыши, на червеныши
И на всякую нечисть.

Въ этомъ космогоническомъ представленіи кроется безъ сомнѣнія причина того, почему византійское сказаніе «о низложеніи Св. Георгіемъ Ливійскаго дракона», такъ по душѣ пришлось народу, что стало предметомъ его пѣснопѣній и распространилось по всей Руси отъ конецъ земли по конецъ земли. Естественно, народъ перенесъ затѣмъ на Св. Георгія побѣдоносца и прочія свойства главнаго свѣтлаго божества Перуна.

Въ Олонецкой и Новгородской губерніяхъ во многихъ приходахъ въ Егорьевъ день дѣлаютъ такой завѣтъ: «Егорей—свѣтъ храбръ дай росу, тихую да смирную—и сохрани мою скотинку—нынѣшнимъ лѣтомъ, а я *завичаю* тебѣ въ день Ильи свѣта преподобнаго барана, или корову или лошадь.» Такимъ образомъ и Егорей—свѣтъ храбрый и Илья свѣтъ преподобный (который въ изданныхъ нами причитаніяхъ прямо называется *громовнымъ*) смѣшиваются народомъ въ одномъ и томъ же образѣ «Подателя тихой и смирной росы и Покровителя. О чемъ просятъ въ Егорьевъ день, за то благодарятъ въ Ильинъ день.

Какъ податель весенней живительной влаги, Св. Егорій называется въ народѣ водоносомъ. Золотыми ключами, взятыми съ неба, отмыкаетъ онъ замокъ—и пускаетъ теплую росу на всю святую Русь и на весь

бѣлый свѣтъ. Въ такихъ прекрасныхъ образахъ воспѣваютъ его бѣлоруссы:

„Святый Юрья, Божій посолъ,
„До Бога пашовъ;
„Узявъ ключи золотые,
„Атамкнувъ землю сырусеньку,
„Пусцивъ росу цеплюсеньку
„На Бѣлую Русь и на у весь свитъ.

Эта Юрьева роса считается полезной для здоровья и въ Юрьевъ день заставляютъ дѣтей купаться въ лужахъ и котловинахъ. О безнадежно же больныхъ въ весеннее время говорятъ, что имъ *«не выйти уже на Юрьеву росу*. Но особенно эта теплая, цеплюсенькая Юрьева роса благотворна и живительна для полей. 23-го апрѣля въ Малороссіи совершаютъ общіе крестные ходы на нивы и поля и простой людъ вѣритъ, что въ это время «самъ Св. Юрій ходитъ по полямъ и родитъ жито.» А въ Сѣверозападной Руси въ Юрьевъ день крестьяне рано утромъ обходятъ засѣянныя поля съ пирогомъ, водкою и другими съѣстными припасами, обтыкаютъ *межу* косточками, сбереженными отъ пасхальнаго стола, или посыпаютъ ими тѣ мѣста, гдѣ ростетъ *«осока»*. При этомъ они поютъ:

„Юрій, вставай рано,
„Отмыкай землю,
„Выпущай росу,
„На цеплое лѣто,
„На буйное жито,
„На ядронистое,
„На полосистое,
„Людзямъ на здоровье!

Въ виду такого значенія св. Георгія въ сельскохозяйственномъ быту, съ Юрьевымъ днемъ связано не мало примѣтъ и наблюденій—относительно *урожая и погоды*:

На Егорья морозъ—будетъ просо и овесъ;
На Егорья морозъ—подъ кустомъ овесъ;
На Егорья морозъ—гречи хороши;
Егорій съ лѣтомъ, а Никола съ кормомъ;
Егорій съ водой, а Никола съ травой и т. п.

Въ Егорьѣ храбромъ—одномъ изъ народныхъ стиховъ—ему усвояются еще миѳическія черты отдаленной доисторической эпохи пастушескаго быта. Такъ Св. Егорій наѣзжаетъ, вмѣсто людей, на стада чудовищныхъ миѳическихъ животныхъ, на стада летучихъ змѣевъ и звѣрей рогатыхъ; да и самыя пастухи этихъ стадъ носятъ чудовищный видъ и напоминаютъ собою миѳическія стихійныя существа.

„И пастятъ стада три пастыря,
„Три пастыря, да три дѣвицы,
„На нихъ тѣла, какъ еловая кора,
„Власъ на нихъ, какъ ковыль трава.

Впрочемъ, св. Георгію скотъ перешолъ во владѣніе уже отъ другаго верховнаго божества, котрому подчиненъ былъ скотъ—Власьевъ родъ. Такимъ божествомъ, какъ мы выше замѣтили, былъ, по народному воззрѣнію, Перунъ—отождествляемый съ Ильей Пророкомъ и Егорьемъ храбрымъ.

На это же указываетъ повсюдный всероссійскій обычай выгонять скотъ въ поле—не иначе, какъ вербой. Миѳологи не безъ основанія утверждаютъ, что въ употребленіи этой вербы скрывается стародавнее преданіе о той вѣткѣ или дубинѣ, которая, по вѣрованію нашихъ предковъ, была принадлежностію Перуна. Тоже подтверждаютъ и обычаи, наблюдаемые пастухами въ Юрьевъ день, когда выгоняютъ со двора скотъ; пастухъ обязанъ, въ числѣ другихъ обрядовъ—по одну сторону положить ключъ и по другую замокъ, а по спинѣ каждой скотины провести въ теченіи этаго дня или молотомъ, или топоромъ, или какимъ нибудь желѣзнымъ орудіемъ. Всѣ этѣ обычаи, очевидно, связаны съ вѣрованіемъ въ то Божество, въ рукахъ котораго молотъ — символъ молній—ключь и замокъ отъ земли сырусенькой, о которыхъ упоминается въ приведенной нами пѣснѣ.

Народъ вѣруетъ, что св. Георгій 23-го апрѣля лично выѣзжаетъ въ поле на бѣломъ конѣ и охраняетъ скотину отъ хищныхъ звѣрей и волковъ—и потому въ честь его, къ его празднику, во многихъ мѣстахъ приготовляютъ изъ хлѣбнаго тѣста разныя изображенія коровъ, лошадей и другихъ домашнихъ животныхъ; или же дѣлаютъ ихъ изъ глины въ видѣ дѣтскихъ игрушекъ. Онъ же, говорятъ, св. угодникъ слѣдитъ за пастухами и помогаетъ имъ и наказываетъ ихъ, а потому отпуская свой скотъ на пастбище, крестьяне въ Юрьевъ день окачиваютъ пастуховъ холодной водой, чтобы они были бдительнѣе при уходѣ за этими животными. Да и всякой пастухъ считаетъ своимъ патрономъ св. Георгія; обходя скотъ съ его иконой, пастухъ непремѣнно имѣетъ при себѣ такъ называемый и *«Божественный обходъ роговаго скота»*, въ коемъ умоляетъ св. Георгія за свой животъ и крестьянскій скотъ, власіевъ родъ. «Пошли Всемогущій Боже, читаетъ онъ въ одномъ изъ такихъ обходовъ, св. великомученника Георгія побѣдоносца съ пламеннымъ копьемъ на сохраненіе счетнаго моего стада, крестьянскаго скота, милаго живота—отъ чернаго звѣря, медвѣдя и медвѣдицы, отъ звѣря широколапаго, насланнаго и жироваго, отъ одношестнаго бураго звѣря, отъ рыси и отъ рысихи, отъ призору человѣческаго худаго глаза, отъ ползучаго змѣя, отъ вѣтра, падары, отъ падучія заразныя болѣзни, отъ лѣснаго, водянаго бѣса и бѣсихи, отъ колдуна и колдуньи, отъ вѣщуна и вѣщуницы, отъ лихого глаза и лихія думы злаго человѣка, отъ чернеца и черницы, отъ бѣльца и бѣлицы, отъ попа и попадьи худого глазу, отъ дьякона и дьяконицы, отъ дьячка и дьячихи, отъ пономаря и пономарихи, отъ просвирни, отъ дѣвки простоволоски, отъ жены бѣ-

логоловки, русоголовки и черноголовки, отъ встрѣчнаго, вслѣдъ идущаго и мимоидущаго худаго глаза человѣка. Закрой и защити Господи—раба Божья имрека пастуха и мое счетное стадо коровье, конное и овечье святымъ храбрымъ Георгіемъ».

Къ тому же св. Георгію обращаются съ молитвами и въ случаяхъ скотской заразы и падежей.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Нов. губ.) въ подобныхъ случаяхъ устраиваютъ за селеніемъ большія ворота, убираютъ ихъ полотенцами и вверху надъ ними ставятъ мальчика съ иконой св. Георгія; а внизу подъ воротами вырываютъ яму, добываютъ живой огонь—чрезъ треніе дерева о дерево, разводятъ—его въ вырытой ямѣ и за тѣмъ въ ворота прогоняютъ весь скотъ. Этотъ живой огонь св. Георгія попаляетъ ходячую заразу.

Таковъ св. Георгій съ побѣдными и живительными силами Перуна!

Извѣстно, что еще до принятія Русью христіанства, и въ Греціи и въ другихъ славянскихъ земляхъ—въ Сербіи, Иллиріи и Черногоріи—считали св. Георгія покровителемъ земледѣлія и скотоводства. Въ самомъ византійскомъ сказаніи о св. Георгіи есть указанія на эти особенныя черты его покровительства. Такъ въ житіи его повѣствуется, что однажды онъ оказалъ помощь какому—то пахарю простецу Гликерію, возвративши къ жизни вола, упавшаго съ обрыва въ дебрь и убившагося до смерти. Точно также читаемъ въ Прологахъ, что онъ однажды чудеснымъ образомъ возвратилъ одной бѣдной вдовѣ овцу, проданную пастухомъ; наказалъ за это пастуха укушеніемъ змія, а потомъ чудесно возвратилъ ему здоровье, наставивъ его быть внимательнѣе къ своей обязанности. Имѣя это въ виду не трудно понять, какъ легко миѳическій образъ Перуна могъ быть перенесенъ въ народномъ сознаніи на св. Великомученика и побѣдоносца Георгія.

Наконецъ, намъ остается упомянуть еще объ одной особенности въ народномъ почитаніи этого угодника. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Руси, подобно тому какъ въ Сербіи, считаютъ его покровителемъ невѣстъ, и потому въ Юрьевъ день дѣвицы особенно наряжаются, идутъ въ церковь и молятся св. Георгію о дарованіи имъ жениховъ. Вѣрованіе это, кажется, связано съ византійскимъ сказаніемъ о томъ, какъ св. Георгій спасъ царскую дочь отъ Ливійскаго дракона. Въ нашемъ народномъ стихѣ, воспѣвающемъ это событіе, чрезвычайно картинно выражается это сочувствіе молодаго витязя къ молодой дѣвицѣ, которую отецъ и мать обрекли было на съѣденіе лютаго дракона.

Вотъ показалась лютая змѣя
И дѣва стала будить добра молодца,
Но не могла разбудить и жалабно расплакалась!
Мнѣ не жаль головы, говоритъ, лебединыя,
Мнѣ жаль головы да молодецкія,
Выпадала слеза изъ права глаза,
На его личико на бѣлое.
Пробудился тутъ добрый молодецъ;
Что же ты, красна дѣвица,
Будить не будишь, а огнемъ палишь?
Тутъ садился онъ на добра коня,
Сталъ онъ лютую змѣю конемъ топтать,
Ай конемъ топтать, да копьемъ колоть.—

Остается припомнить, что нѣкогда, до временъ перваго прикрѣпленія у насъ крестьянъ къ землѣ, Юрьевъ день былъ однимъ изъ сроковъ для перехода земледѣльцевъ съ усадьбы одного землевладѣльца на усадьбу другаго. Память объ уничтоженіи этаго срока указами Бориса Годунова сохранилась и до сихъ поръ въ пословицѣ народа, опять нынѣ свободнаго:

„Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!“

И такъ Юрьевъ день — день знаменательный въ русской народной исторіи, день важный—въ обычномъ ходѣ жизни природы, день равно драгоцѣнный и для пастуха, и для земледѣльца, и для красной дѣвицы!

II. О КЛАДОИСКАТЕЛЯХЪ И КЛАДАХЪ ВЪ ЗУБЦОВСКОМЪ УѢЗДѢ.

Немного можно найти мѣстностей въ Россіи, которыя были бы такъ раздроблены въ удѣльную эпоху, какъ Зубцовскій уѣздъ. При своей весьма ограниченной территоріи, онъ дѣлился въ старину на четыре совершенно самостоятельныя части, изъ которыхъ двѣ въ свою очередь дробились самымъ разнообразнымъ способомъ. Въ то время, какъ его сѣверозападная часть, то есть самый городъ Зубцовъ съ округомъ, составляла почти всегда волость великаго княженія Тверскаго и только однажды получила особеннаго князя, сѣверовосточный уголъ былъ занятъ Дорогобужскимъ удѣломъ съ городомъ Дорогобужемъ Тверскимъ (нынѣ село Дорожаево) и нѣкоторыми другими городками, въ которыхъ сидѣла младшая линія Тверскихъ князей—Тверскіе Константиновичи, потомки младшаго сына св. Михаила. На юговостокѣ находилось Новгородское поселеніе Погорѣлое Городище (ранѣе Ховрачъ или, если вѣрить преданію, Держиславъ), тянувшее со свѣмъ околоткомъ къ Волоку Ламскому, а югозападъ: Асуга и Вазуза, были во владѣніи князей Ѳоминскихъ, младшей вѣтви Смоленскихъ. Городами ихъ были: Ѳоминское городище, при

сліяніи Вазузы и Асуги и выше по Вазузѣ, Березуй, Хлѣпень и Нѣгомиръ (нынѣ деревня Нѣмирь). Равнымъ образомъ и смежные края представляли большею частью такую-же черезполостность: на западъ и сѣверъ Ржевское княжество съ удѣлами, на востокѣ Великое княженіе Тверское и удѣлы его Холмъ и Микулинъ, на югѣ Волокъ Ламскій, о которомъ уже говорено, а за нимъ Москва, Вяземское княженіе, раздѣленное на много частей, и уголъ великаго княженія Смоленскаго. Понятно, что край столь раздѣленный, никогда не могъ имѣть большаго значенія въ исторіи и всегда долженъ былъ подвергаться захватамъ со стороны болѣе сильныхъ княжествъ; понятно, что и внутренней безопасности тамъ долгое время не было. Не говоря уже объ усобицахъ, которыя при подобномъ раздробленіи не должны были быть рѣдкимъ явленіемъ, мы знаемъ, что весь этотъ край сильно страдалъ отъ другаго бича. Бичемъ этимъ были Литовскіе набѣги, начавшіеся въ концѣ XII вѣка, и продолжавшіеся до начала XIV. Не мало было въ это время пролито русской крови, не мало сожжено деревень, а подчасъ и городовъ, не мало совершено и подвиговъ, оставшихся по большей части неизвѣстными въ своихъ подробностяхъ. Такъ напримѣръ великая битва при Олешнѣ (кажется, въ Старицкомъ уѣздѣ), въ которой противъ Литвы стояло ополченье всѣхъ городовъ верхней Волги (Тверичи, Новоторжцы, Ржевичи, Зубчане, Волочане и Московская рать) и кончившаяся полнымъ пораженіемъ разбойниковъ и смертью ихъ князя Довмонта. Эта битва (1285) была едвали не послѣдней, гдѣ Русскимъ пришлось имѣть дѣло съ простыми хищниками. Вскорѣ великое княженіе Литовское сложилось и приняло общій христіанско-русскій отпечатокъ; тѣмъ не менѣе съ половины XIV вѣка начинаются новыя нашествія Литвы, но уже съ завоевательнымъ характеромъ. Верхняя Волга, раздѣленная между многими княжествами и слишкомъ слабая, чтобы сохранить свою независимость, сдѣлалась предметомъ споровъ между двумя великими княженьями: Литовскимъ и Московскимъ, при чемъ вмѣшивалось иногда и третье—Тверское, болѣе слабое. Наконецъ, при Иванѣ III, Литва была окончательно выбита изъ Верхневолжскаго водоема и границы ея отступили къ Смоленску. Затѣмъ, этотъ край пользовался болѣе или менѣе миромъ до временъ междуцарствія, когда ему снова пришлось испить горькую чашу. Поляки, Тушинцы и пр. хозяйничали въ немъ нѣсколько лѣтъ сряду; города, то приставали къ мятежникамъ, то опять цѣловали крестъ законной власти, и этимъ еще болѣе подвергали себя опасности. Не мудрено, что объ этомъ времени до сихъ поръ сохранилась память въ народѣ. Въ то время, когда въ большей части Россіи въ ходу выраженіе: «это было еще до французовъ,» у насъ пишущему эти строки еще удавалось слышать: «это было еще до литовскаго разоренья.» Подъ этимъ разореньемъ преданіе, разумѣется, понимаетъ главнымъ образомъ время междуцарствія; но, кажется, что и древніе и новые набѣги слились въ народной памяти въ одно цѣлое и народъ уже не различаетъ настоящую Литву отъ ополяченной. Нѣкоторыя преданія прямо указываютъ на междуцарствіе, отличаясь при томъ замѣчательной точностью. Такъ, напримѣръ, въ Зубцовскомъ уѣздѣ около погоста и древняго городка Рогачова на Асугѣ до сихъ поръ показываютъ оврагъ, гдѣ, по словамъ стариковъ, стояла Литва въ Литовское разоренье. «Отсюда она взяла Зубцовъ, а Ржевъ Богородица оборонила.» Преданіе совершенно согласное съ лѣтописями, говорящими, что Лисовскій, во время своего знаменитаго круженія по Россіи, взялъ Зубцовъ и тщетно приступалъ ко Ржеву. Замѣтимъ, что Ржевъ вообще былъ очень крѣпкимъ мѣстомъ. Кромѣ неудачной осады Лисовскаго, извѣстны еще двѣ такія же: Святослава Всеволодовича въ началѣ XIII столѣтія и Владиміра храбраго въ XIV. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда нападеніе кончалось успѣшно, оно происходило обыкновенно въ расплохъ, или находило поддержку въ самихъ жителяхъ. Необыкновенная крѣпость Ржевскаго кремля вполнѣ объясняетъ это явленіе.

И такъ преданіе, приведенное нами, относится къ историческому факту временъ междуцарствія. Но есть много такихъ, которыя, повидимому, принадлежатъ болѣе древней эпохѣ, то есть XIII и XIV вѣкамъ, именно, преданія о кладахъ, которыхъ не мало въ нашей мѣстности. Большая часть изъ нихъ приписываютъ зарытіе клада какому нибудь Литовскому князю, а содержаніе ихъ довольно однообразно. «Ѣхалъ Литовскій князь по такой-то дорогѣ и зарылъ въ такомъ-то мѣстѣ добычу; столько-то возовъ золота, да столько-то серебра, а взять ихъ трудно: нужно слово знать.» Обиліе подобныхъ слуховъ породило въ нашихъ краяхъ даже особенный классъ людей—кладоискателей, изъ которыхъ нѣкоторые положили на это дѣло не маловажныя для нихъ суммы и, разумѣется, безъ успѣха. Лѣтъ восемь тому назадъ случилось довольно характеристичное происшествіе въ этомъ родѣ. Одинъ крестьянинъ подалъ просьбу въ подлежащее мѣсто, въ которой онъ ходатайствовалъ, чтобы разрѣшили ему раскопать курганъ, находящійся противъ города за Волгой, и подъ которымъ преданіе помѣщало кладъ. Стоимость этого клада онъ опредѣлялъ приблизительно въ нѣсколько милліоновъ, изъ которыхъ бралъ себѣ только половину, а остальное распредѣлялъ заранѣе на городъ, церкви, богоугодныя учрежденія и т. д., при чемъ не были забыты и власти отъ становыхъ и до губернатора. Когда его стали спрашивать, на какомъ осно-

ваніи онъ полагаетъ, что подъ курганомъ лежитъ кладъ и при томъ столь огромный, онъ далъ такое показаніе. Шелъ онъ въ такой-то праздничный день изъ собора берегомъ Волги и разсуждалъ самъ съ собой, а разсужденія его были такія: «вѣдь городъ нашъ Зубцовъ, сказываютъ, въ старину былъ очень великъ и были въ немъ князья (одинъ только и то малолѣтній), а у этихъ князей, разумѣется была казна—то гдѣ же она теперь находится.» Въ такихъ размышленіяхъ онъ легъ и заснулъ и видитъ во снѣ, что всему городу Зубцову была великая радость. Спрашивали его, въ чемъ заключалась эта радость и чемъ себя проявляла? «Не могу прямо объяснить, въ чемъ она была, а только надъ всѣмъ городомъ отъ радости какъ будто туманъ стоялъ.» Проснувшись онъ сообразилъ, что, должно быть, ему суждено найти казну Зубцовскихъ князей и обогатить свой городъ. Сталъ придумывать, гдѣ бы могла лежать эта казна, и рѣшилъ, что, конечно подъ курганомъ. О просьбѣ этой сообщили въ губернію, тамъ разсмѣялись и позволили, и вотъ крестьянинъ вошелъ въ долю съ однимъ мѣщаниномъ и сталъ копать, но не нашелъ ничего. Въ этомъ нѣтъ ничего страннаго, такъ какъ этотъ, такъ называемый, курганъ, по всему вѣроятію, есть отчасти естественное возвышеніе, отчасти могъ быть обдѣланъ въ видѣ небольшаго укрѣпленія. Рыли съ боку такъ, что вреда большаго не вышло. Въ народѣ объясняютъ неудачу тѣмъ, что искатели не знали *слова*.»

Пріятное исключеніе изъ многочисленныхъ преданій о кладахъ составляетъ *любопытная роспись*, съ которой намъ удалось снять копію и ради которой мы главнымъ образомъ рѣшились написать эту замѣтку. Она принадлежитъ одному ревностному кладоискателю изъ крестьянъ, передана имъ одному помѣщику, котораго онъ старался завлечь въ кладоискательство, а помѣщикомъ этимъ сообщена мнѣ. Я снялъ копію, но самую рукопись долженъ былъ возвратить, такъ какъ первый владѣлецъ очень дорожилъ своимъ сокровищемъ. Написана очень безграмотно. Она замѣчательна, во первыхъ своимъ почтеннымъ объемомъ, во вторыхъ тѣмъ, что сообщаетъ извѣстія о кладахъ въ очень подробныхъ и, можно сказать, *эпическихъ чертахъ*, основываясь притомъ на преданьяхъ историческаго характера. Потому я счелъ своей обязанностію предохранить ее отъ окончательнаго истребленія. Вотъ она отъ слова до слова (правописаніе и очевидныя описки, какъ не заключающія въ себѣ ничего характернаго, мы нѣсколько исправили):

«Сіе писаніе списано съ подлиннаго листа слово въ слово о поклажѣ разныхъ королевскихъ интересовъ, какъ-то денежной казны и посуды и прочего, и о положеніи въ разныхъ мѣстахъ, о чемъ и значится ниже сего. Во дни Аглемента, короля Польскаго, ему сынъ и имени его неизвѣстно... Король Аглементъ, не соизволяя сынови своему королевичу идти крещеніемъ и исповѣданіемъ въ православную и христіанскую вѣру, утвержденную на семи соборахъ, и недопуская разными препятствіями, чего ради вельми ярящеся на русскіе и совѣтъ сотворивше со всѣми своими начальниками, опредѣлилъ главнымъ правителемъ въ полки свои Фабіана Васильевича Щимилова съ войскомъ идти въ Москву и погубити мечемъ всѣ ту живущіе. Бысть же сіе грѣхъ ради нашихъ допущено въ недѣлю православія великаго поста, и погубиша народу и въ прочихъ градахъ, въ началѣ въ Китаѣ и въ Бѣломъ, разнаго званія и коликое число людей погубиша отъ меча польскаго и то Богъ вѣсть, а болѣе изъ купечества, и собра въ Москвѣ и въ прочихъ градѣхъ великія корысти и пошелъ изъ Москвы въ Смоленскъ. На пути ихъ случися великое собраніе людей: ярмонка въ селѣ Суботникахъ и тогда оный народъ весь погубиша, и пошелъ между уѣздами Можайскимъ, Волоколамскимъ, Старицкимъ и Зубцовскимъ, и шелъ мѣстами лѣсными и пришелъ къ нѣкоему мху-болоту, имѣвшу въ немъ великія зыбели, и чрезъ переправляясь съ великимъ трудомъ и много коней въ оной зыбели погуби, и перебравшись сталъ на погостѣ называемомъ Никола-Лапотный; сдѣлался великой въ коняхъ его падежъ и осталось очень малое число, и походу его учинилось великое препятствіе, чего для и остановившись на ономъ мѣстѣ съ таковымъ несчастіемъ, и между тѣмъ, опасаясь полковъ Россійскихъ, повелѣлъ своему войску награбленныя корысти въ землѣ скрывати. У села Никольскаго погоста въ трехъ верстахъ есть погостъ (сверху написано: и сія св. Великомученника Георгія), ещежь у Никольскаго погоста есть рѣка, называется Хворосня, и другая есть Яшня, третья Черновка, вышедшая изъ черныхъ болотныхъ мѣстъ, и есть же близь погоста Николы Лапотный снято съ колокольни семь вѣнцовъ, и врыто въ землѣ вмѣсто погреба, и насыпано королевской казны, и покрыто сверху потниками, и засыпано мелкимъ камнемъ съ угольемъ и съ пепломъ, и сверху того немного землею и, заровнявши огни, на томъ мѣстѣ клали, дабы положеннаго по шествіи никому не возможно бы было знать, а глубина засыпки три аршина. Есть сокровище пониже на томъ же погостѣ недалеча—вырытъ погребъ и накладено въ него сокровище посуды серебряной курганы: блюды, стаканы, цѣпи и кресты, образа окладные и разныхъ матерій множество и накрыто сверху потниками и засыпано землею; и примѣты сей поклажи: по сторонкамъ погреба положены два камня и на нихъ выбиты желѣзомъ по одному пѣтуху, одинъ къ другому головами стоятъ тутъ, и погребъ между ними сокровенъ есть. На томъ же погостѣ противъ алтаря есть колодецъ: изъ него те-

четъ вода кипучая и въ колодцѣ опущено воску тридцать пудъ и посуды мѣдной и оловянной и денегъ мѣдныхъ множество и заметанъ кирпичемъ и камнемъ. На томъ же погостѣ для пушечнаго стрелянія выкопана яма короткосыпью, отсыпана подобно котлу и просторна собою, и въ ней стоялъ королевскій шатеръ, и съ той засыпи сдѣланъ проходъ къ рѣчкѣ, и въ томъ выходѣ закопанъ котелъ поварскій и насыпанъ деньгами, и на той рѣчкѣ плотина каменна; по ней ѣхать въ двѣ телѣги можно, и среди той плотины кубъ поставленъ съ деньгами, тутъ же поставлены и пушки и насыпаны деньгами, а плотина взята отъ погоста и приведена къ крутому берегу; въ концѣ сей плотины поставленъ и зарытъ колоколъ вѣсомъ 332 пуда и въ немъ положенъ мѣдный листъ, на которомъ выписано обо всѣхъ королевскихъ поклажахъ явственно гдѣ и что положено. Есть близь плотины по Хворостнѣ же отъ погоста болѣе вереты двадцать печей къ востоку и между печей къ рѣчкѣ поставленъ кубъ съ деньгами. Есть же еще луга, отъ того погоста верста, въ которыхъ внизъ по рѣкѣ на правой рукѣ отъ печей есть камень неподалеку; на немъ выбита подкова лошадиная, на немъ лошади стоять можно и повернуться. Отъ сего камени мѣрою два-три аршина котелъ въ 12 ушатовъ съ деньгами поставленъ въ землѣ. Того жъ погоста двѣ версты жилъ великій вельможа, имѣлъ онъ у себя прудъ одинъ лебединый, великъ круглостію, валъ кривое колѣно. Въ кривомъ колѣнѣ повозной котелъ, въ томъ же валу двѣ сажени въ концѣ опущенъ котелъ съ деньгами. У того же селенія есть другой прудъ круглый и близъ его прудокъ на подобіе челнока. Изъ круглаго пруда течетъ вода и около той проточки поставлены 12 кубовъ, и все съ деньгами, и цѣпь продѣта сквозь ушей во всѣ кубы, а на концѣ цѣпи той приведена шпага, а подлѣ пруда лебединаго есть валъ-окопъ, и тотъ валъ пошелъ колѣномъ; противъ вала поставленъ котелъ съ деньгами. На Лапотномъ же погостѣ у пономарья гумна стояли 4 дуба и тутъ неподалеку схороненъ королевскій шуринъ, и въ головахъ его положены 4 трубы насыпаны червонцами. Есть того погоста въ 2 верстахъ или менѣе три сопки. Въ одной сопкѣ рублены клади, и въ другой ружья и прочее военное оружіе, а въ третьей поставленъ котелъ 12 ушатовъ весьма великъ съ деньгами зарытъ глубоко. Близъ того же погоста лежитъ камень, на немъ выбитъ посохъ и писано тако: здѣсь чернецъ лежитъ схороненъ, а вмѣсто того подъ симъ камнемъ поставленъ котелъ съ деньгами въ 5 ушатовъ, и какъ скрыли все свое имѣніе и воины свое: людей и награбленной ими россійской казны и прочія драгія вещи, которыя ему увести въ своя земля за неимѣніемъ лошадей невозможно; а находившихся тогда у него въ плѣну россійскихъ людей всѣхъ велѣлъ мечемъ погубить, дабы о положенномъ его сокровищѣ никому неизвѣстно было. Такъ началъ отправляться въ свою землю и такъ.. (нѣсколько словъ не разобрано) садиться на конь и въ ту же минуту конь палъ и король (нѣсколько словъ неразобрано) сего сказалъ: такъ будь же отъ сего дне Никола Лапотный, когда я принужденъ идти пѣшъ отъ сего мѣста и до своего отечества. Конецъ».

Владѣлецъ объяснялъ иначе: оттого Лапотный, что воины, испортивъ сапоги, обулись въ лапти. Мѣстность Кривое Колѣно лежитъ отъ Зубцова верстъ 10 по Старицкой дорогѣ. Какъ видно, она получило названіе отъ бывшаго тутъ большаго пруда. Тамъ же въ сторонѣ отъ дороги помѣщаютъ и погосты, о которыхъ идетъ рѣчь, нынѣ не существующіе. Все мѣсто дикое, лѣсное и болотистое. Осмотрѣть его въ подробности я еще не успѣлъ; кое что могло бы найтись, такъ, напримѣръ, сопки и слѣды прудовъ.

Но какъ относится преданіе къ дѣйствительной исторіи? Очевидно, что въ немъ есть сшивки; король не отпускающій сына въ православіе, есть Жигимонтъ III. Взятіе имъ Москвы относится къ сожженію ея Гонсевскимъ въ смутное время. Хотя владѣлецъ и увѣрялъ, что въ рукописи стоитъ, будто Литовскій королевичъ влюбился въ сестру Московскаго князя и ушелъ въ Москву, за что и началась война, но здѣсь онъ, очевидно, фантизируетъ: въ немногихъ изгладившихся строчкахъ вовсе не могло умѣститься такого разсказа. Впрочемъ, братъ Ольгерда Явнутій, дѣйствительно ушелъ въ Москву и принялъ христіанство, имя Аглементъ походитъ на Ольгерда, а еще болѣе на Ольгимонта, а Литовскій князь съ такимъ именемъ былъ современникомъ и Ольгерда и Явнутія, такъ что вѣроятно разсказъ крестьянина почерпнутъ изъ другихъ недошедшихъ преданій. Въ рукописи же все перепутано. Король идетъ на Москву, беретъ ее и грабитъ и направляется обратно къ Смоленску, и вдругъ возвращается и опустошивши бѣлый Колпь идетъ утопать въ Зубцовскихъ болотахъ. Весь разсказъ о кладахъ долженъ относиться къ какому нибудь набѣгу Ольгерда или его вождей; на это намекаютъ и архаическія черты, сохранившіяся въ записи. Считаемъ не лишнимъ указать на извѣстіе, помѣщенное въ Воскресенской лѣтописи подъ 1373 годомъ. Въ этомъ году Кейстутій-братъ Ольгерда и Ольгердовичи-Андрей и Димитрій—ходили помогать Михаилу Тверскому противъ Димитрія Донскаго, осаждали Переяславль и вернулись съ великими корыстями. Кейстутій пошелъ обратно мимо Торжка, а Ольгердовичи шли мимо Твери и сотворили великое зло христіанамъ (хотя и союзникамъ). Выходитъ, что ихъ путь пролегалъ именно чрезъ Зубцовскій уѣздъ.

Если уже зашла рѣчь о нашихъ мѣстныхъ преданіяхъ, то будетъ не лишнимъ привести изъ нихъ еще

два или три. Прежде всего упомянемъ о Погорѣльскомъ преданіи. Объ немъ ужъ было говорено въ печати, но никто еще не брался за его разборъ. По словамъ жителей посада Погорѣлаго Городища (въ Зубцовскомъ уѣздѣ) ихъ городъ назывался нѣкогда Держиславлемъ и управлялся нѣкоимъ княземъ Держиславомъ, присяжникомъ великаго Новгорода. Иванъ Грозный, идя на Новгородъ, взялъ и сжегъ Держиславль, и съ тѣхъ поръ этотъ городъ носитъ имя Погорѣлаго Городища. Имя Держиславль имѣетъ очевидную связь съ рѣкой Держей, на которой стоитъ упомянутый посадъ, и этого одного достаточно, чтобы отнесть и Держиславль и Держислава къ тѣмъ временамъ, когда Славяне еще давали новыя имена финскимъ рѣкамъ, то есть ко временамъ до историческимъ. Затѣмъ, преданіе о принадлежности этого края Новгороду весьма вѣроятно, ибо онъ граничитъ съ Волоколамскомъ. Но когда произошло взятіе Погорѣлаго Городища Москвой? Конечно, не при Иванѣ Грозномъ, равнымъ образомъ и не при Иванѣ Великомъ, ибо тогда самый Волокъ уже не былъ въ состояніи оказать какое нибудь сопротивленіе Москвичамъ. Въ Ростовской Лѣтописи упоминается о захватѣ Волока при Иванѣ Калитѣ. Можетъ быть его то и имѣло въ виду преданіе.

Погорѣльцы уже не помнятъ, что городъ ихъ имѣлъ еще третье названіе: именно Ховрачъ. Подъ этимъ именемъ онъ является въ лѣтописяхъ XIV столѣтія (лѣто 1368 взя Андрей Ольгердовичъ Ковpачъ и Роденъ). Родня село въ Зубцовскомъ уѣздѣ); ручей Хорвачъ впадаетъ въ Держу повыше Погорѣлаго Городища. Вѣроятно тамъ и стоялъ древнѣйшій городъ. Замѣтимъ, что и самые Погорѣльцы и жители окрестныхъ селъ понынѣ сохранили еще кое какія новгородскія черты. Народъ способный, промышленный и притомъ (что грѣха таить) съ нѣсколько ушкуйническими замашками. Сцены изъ Новгородской первой лѣтописи разыгрывались у нихъ еще въ нынѣшнемъ столѣтіи и не разъ подвергали ихъ большимъ бѣдамъ. А въ XVII столѣтіи, какъ извѣстно, изъ хранящейся у Погорѣльцевъ грамоты, они были разорены и выжжены воеводой Пушкинымъ за то, что держались Тушинскаго вора. Нынѣшніе Погорѣльцы божатся, что это вышло по ошибкѣ и что объ этомъ и въ самой грамотѣ прописано: «вѣдомый воръ и всего Московскаго государства разоритель Ѳедька Андроновъ былъ изъ Погорѣльцевъ».

Ѳоминское преданіе. Народъ увѣряетъ, что первымъ основателемъ села Ѳоминскаго Городища былъ нѣкоторый князь Ѳома (по родословью неизвѣстный). Напротивъ его въ усадьбѣ Аксиньинѣ жила княгиня Аксинья. Оба были богатыри и ради забавы кидали другъ въ друга палицами черезъ Вазузу.

Васильковское преданіе. Около Василькова (деревня на Асугѣ) есть оврагъ называемый Спаскимъ. До литовскаго разоренія тамъ стояла церковь Спаса. За грѣхи попа и причта она была поглощена землей, при чемъ и образовался оврагъ. Но и по нынѣ въ ней не видимо отправляется служба. Если въ воскресенье сойти въ оврагъ и приложить ухо къ землѣ, то услышишь звонъ колоколовъ. Мѣсто, гдѣ по словамъ стариковъ находилось кладбище, долго не пахалось, но теперь отъ него осталась только узенькая полоска, ничего особеннаго не представляющая. На самомъ же мѣстѣ, гдѣ была церковь, въ провалѣ, находящемся въ боку оврага, выросла большая ель. Долго ее не трогали, наконецъ одинъ мужикъ срубилъ ее и хотѣлъ истопить избу ее сучьями; но отъ нихъ пошелъ чадъ, убившій все семейство. Потомъ выросла другая меньше, но теперь и той нѣту.

Послѣднее преданіе относится къ исторіи одного дворянскаго рода. Во время Татарскаго ига жилъ въ березовой рощѣ надъ Асугой, около села Александровскаго или Михаила Архангела, Татарскій баскакъ. Онъ заболѣлъ и былъ близокъ къ смерти. Ночью видитъ онъ, что входитъ къ нему старецъ съ чашей въ рукахъ и говоритъ: если будешь изъ нее пить—живъ будешь. Проснувшись, онъ сталъ спрашивать, гдѣ бы найти подобную чашу; приближенные сказали, что точно такая есть въ церкви Михаила Архангела. Баскакъ послалъ за попомъ и требовалъ, чтобы онъ далъ ему напиться изъ упомянутой чаши. Тотъ объяснилъ смыслъ видѣнія и Татаринъ крестился и исцѣлѣлъ. И было ему прозвище Чашникъ; отъ него произошелъ родъ Чашниковыхъ, по нынѣ владѣющей этой мѣстностію. Надгробную плиту баскака еще не такъ давно показывали въ кладбищенской рощѣ, но я уже не могъ ее найти.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Засѣданіе первое (22-го декабря 1867 года)..... 1—3

Ст. Верковича, описаніе быта Болгаръ пасслящихъ Македонію..... 3—18

Н. Г. Керцелли, о появленіи ламаизма въ Забайкальи и о вліяніи его на бытовую жизнь Бурята-кочевника..... 18—21

Засѣданіе второе (20 апрѣля 1868 года)..... 21—26

Объ этнографическихъ трудахъ московскаго митрополита Иннокентія..... 26—29

Іос. Калоусека, обзоръ этнографической литературы о Чехахъ и Словакахъ..... 30—40

Засѣданіе третье (12 октября 1868 года)..... 40—41

Свящ. А. Примѣрова, одежда каменно-бродскихъ Русскихъ и Мордвиновъ Пензенской губерніи. 42—44

Ак. Анторинова, Домашній бытъ маріупольскихъ Грековъ..... 44—47

Дополненіе къ обзору этнографической литературы о Чехахъ и Словакахъ..... 47—48

Засѣданіе четвертое (27 марта 1869 года)..... 48—55

Засѣданіе пятое (9 октября 1869 года)..... 55—62

Засѣданіе шестое (12 октября 1870 года)..... 63

К. А. Попова, замѣтки о свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ въ Вологодской губерніи..... 64—68

Засѣданіе седьмое (4 октября 1871 года)..... 68

Н. Г. Керцелли, нѣсколько словъ о мезенскихъ Самоѣдахъ..... 69—71

Крест. С. А. Дударева, сельскіе обычаи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Суражскаго уѣзда Черниговской губерніи..... 71—76

Засѣданіе девятое (1 ноября 1873 года)..... 76—77

Е. В. Барсова, обзоръ этнографическихъ данныхъ, помѣщенныхъ въ разныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1873 годъ..... 77—83

Н. Г. Керцелли, объ историческомъ значеніи праздника въ честь бурхана Майдори, совершаемаго Бурятами..... 84—87

Е. В. Барсова, сѣверныя сказаніяхъ о лембояхъ и удѣльницахъ..... 87—9

Засѣданіе десятое (29 января 1874 года)..... 91—93

Е. В. Барсова, замѣтка изъ этнографіи сѣвернаго края..... 93—95

Засѣданіе одиннадцатое (19 марта 1874 года).... 95—100

Е. П. Добрынкиной, обычай хороненія Костромы въ Муромскомъ уѣздѣ..... 100—104

Н. А. Покровскаго, изъ исторіи народнаго двоевѣрія..... 105—108

Засѣданіе двѣнадцатое (23 апрѣля 1874 года).... 108—110

Е. В. Барсова, Юрьевъ день..... 110—114

Квашнина-Самарина, о кладоискателяхъ и кладахъ въ Зубцовскомъ уѣздѣ..... 114—118

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XIII, выпускъ 2-й.

ТРУДЫ
ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

Книга 3. Выпускъ 2.

ЗЫРЯНЕ И ЗЫРЯНСКІЙ КРАЙ.

Сочиненіе Клавдія Попова.

12 ЯНВАРЬ 1931

ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА.

подъ редакціею Н. А. ПОПОВА.

МОСКВА.
Типографія С. П. Архипова, на Кисловкѣ, близь Никитскаго монастыря, въ собственномъ домѣ.
1874.

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

ЗЫРЯНЕ

и

ЗЫРЯНСКІЙ КРАЙ.

Сочиненіе

Члена Общества К. А. Попова.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе . . . . . V.

ГЛАВА I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ.
Мѣстность, нынѣ занимаемая Зырянами.—Слово «Зыряне»—русское.—Собственное названіе Зырянъ. — Мѣсто, занимаемое ими въ семьѣ Финскихъ народовъ.—Число ихъ. — Обширность территоріи, которую они занимали въ древности.—Слово «Москва» — зырянское. — «Кучко» (бояринъ) — тоже. — Названія разныхъ урочищъ во внутреннихъ губерніяхъ. — Близость зырянскаго языка къ языку Финновъ прибалтійскихъ.—Сходство названій урочищъ въ нынѣшнемъ Зырянскомъ краѣ и недавно обрусѣвшихъ мѣстностяхъ Вологодской губерніи.—Сходство послѣднихъ съ нѣкоторыми собственными именами во внутреннихъ губерніяхъ:—слова «Ростовъ», «Кострома», «Муромъ» или «Мурома».—Постепенное съуженіе чудской территоріи:—Москва и Кучко; Весь на Кубенскомъ озерѣ; чудскіе землевладѣльцы по р. Вагѣ; Пермь въ Котласѣ; село Межогъ . 1.

ГЛАВА II. ПРОЦЕССЪ ОБРУСѢНІЯ ТЕПЕРЬ РУССКОЙ ЧАСТИ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНІИ.
Вступленіе. — Встрѣча племенъ славянскаго и чудскаго. — Нравственная несостоятельность послѣдняго. — Обрусѣніе Чуди главнымъ образомъ совершалось путемъ мирной колонизаціи.—Населеніе нижнихъ частей Вычегды обрусѣло совершенно мирнымъ образомъ. — О завоеваніи, въ прямомъ смыслѣ, остальной части Вологодской губерніи молчатъ лѣтописи.—Примѣръ правомѣрнаго пріобрѣтенія чудскихъ земель Новгородцами.—Частные случаи насильственныхъ захватовъ: преданія о томъ; археологическія находки; земляныя укрѣпленія; бранныя слова и преданіе объ основаніи Халевскихъ приходовъ. — Незначительность непріязненныхъ стычекъ.—Неспособность Чуди къ матеріальному сопротивленію: разсѣянность и разрозненность ея. — Смѣшеніе крови. — Порядокъ обрусѣнія. — Какими путями проникали Русскіе въ Вологодскую губернію? . 5.

ГЛАВА III. МАТЕРІАЛЬНЫЙ И НРАВСТВЕННЫЙ БЫТЪ ДРЕВНЕЙ ПЕРМИ.
Предки Зырянъ не знали прочной осѣдлости. — По крайней мѣрѣ не имѣли прочныхъ жилищъ.— Вопросъ объ отношеніи Чуди къ Зырянамъ. — Древніе Зыряне не занимались хлѣбопашествомъ. — Питались сырыми мясомъ и рыбой. — Ѣли мясо лошадей и бѣлокъ.—Не употребляли соли.—Родовой бытъ.—Отсутствіе гражданскихъ отношеній. — Семейный бытъ. — Равнодушіе къ цѣломудрію женщинъ.—Умыканье и вѣно.—Посланіе Митрополита Симона и ужичество. — Преданіе о происхожденіи Вогуличей. — Древняя религія Зырянъ. — Заключеніе. . . . . 12.

Стр.

ГЛАВА IV. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЗЫРЯНСКАГО КРАЯ.
«Устьвымъ» г. Михайлова. — Мнѣніе о происхожденіи Зырянъ. —Толкованіе слова Біармія.— Знакомство съ Зырянами Новгородцевъ и Норманновъ.—Разсказъ Гюряти Роговича. — Власть Москвы.—Св. Стефанъ Пермскій. — Приготовленіе его къ проповѣди. — Обстоятельства, облегчившія успѣхъ проповѣди: поддержка Вел. Князя; несостоятельность древней пермской религіи; предварительная пропаганда Новгородцевъ.—Начало проповѣди: Пырасъ; Гамъ; Устьвымъ. — Посрамленіе Пама и торжество христіанства. — Хиротонія Св. Стефана въ санъ епископа. — Результаты его дѣятельности.—Зырянскія письмена и переводы Св. Стефана. — Судьба ихъ.— Учрежденіе школъ и судьба ихъ. — Кончина Св. Стефана.—Преемники его: Исаакій; свв. Герасимъ, Питиримъ и Іона; Филофей. —Дальнѣйшая судьба Пермской епархіи . . . . . 21.

ГЛАВА V. КРАТКІЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ КРАЯ.
Астрономическое положеніе. — Границы. — Пространство.—Общій видъ страны.—Геологическій взглядъ. — Почва. — Гидрографическій очеркъ: рѣки, озера и болота.—Климатъ и метеорологическія наблюденія.—Вліяніе климата на здоровье.— Мѣстныя метеорологическія примѣты . . . . 30.

ГЛАВА VI. КАРТИНЫ ПРИРОДЫ ЗЫРЯНСКАГО КРАЯ И ПУТИ СООБЩЕНІЯ.
Общій видъ страны. Выдержки изъ путевыхъ записокъ г. Кашперова. — Путешествіе г. Мельникова къ Синдорскому озеру.—Первая поѣздка на Удору неизвѣстнаго автора. — Дороги. — Заключеніе . . . . . 34.

ГЛАВА VII. ЕСТЕСТВЕННЫЯ БОГАТСТВА КРАЯ.
Ископаемыя: золото, серебро, мѣдь, желѣзо, соль, точильный камень, антрацитъ, нефть, доманикъ, сердоликъ, графитъ, гипсъ и пр. — Растенія. — Животныя. . . . . 41.

ГЛАВА VIII. ФИЗИЧЕСКІЯ И НРАВСТВЕННЫЯ СВОЙСТВА ЗЫРЯНЪ.
Наружность Зырянъ вообще. — Ростъ. — Цвѣтъ волосъ. — Узкоглазость. — Выраженіи физіономіи. — Крѣпость тѣлосложенія. — Умственныя способности. — Религіозность. — Любовь къ родинѣ. — Отсутствіе нищенства. — Гостепріимство. — Честность. — Другія добрыя качества.— Выдержки изъ путевыхъ замѣтокъ г. А. Попова. — Пристрастіе къ горячимъ напиткамъ. — Недостатокъ цѣломудрія. — Лѣность. — Невѣжество.—Сутяжничество и мстительность.—Вспыльчивость. — Мнимые пороки. . . . . 45.

Стр.

ГЛАВА IX. ЗЫРЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ И ПРОИЗВЕДЕНІЯ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Зырянскія грамматики. — Характеристика алтайскихъ языковъ. — Нарѣчія Зырянскаго языка. — Его бѣдность. — Отзывы о его благозвучіи. — Переводы съ русскаго. — Народная поэзія. — Пѣсни. — Непонятное произведеніе зырянскаго слова. — Два образца зырянскаго творчества. — Преданія. — Сказки. — Загадки. — Заключеніе . . 53.

ГЛАВА X. ВѢРОВАНІЯ И ПРЕДРАЗСУДКИ ЗЫРЯНЪ.

Характеръ зырянскихъ вѣрованій. — Лѣшій. — Водяной. — Кикимора. — Домовой. — Сусѣдко. — Овинный. — Банный. — Ортъ. — Колдуны. — Еретники-Чакидчысь. — Порча. — Вѣдьмы. — Гаданья. — Предразсудки. — Объясненія явленій природы. . 57.

ГЛАВА XI. ДОМАШНІЙ БЫТЪ И ОБЫЧАИ.

Распредѣленіе народонаселенія. — Величина и наружность деревень. — Городъ Устьсысольскъ. — Постройки. — Одежда. — Пища. — Родины. — Воспитаніе. — Браки. — Похороны. — Праздники. — Увеселенія. — Братчина. — Бани . . . . . 60.

ГЛАВА XII. ХЛѢБОПАШЕСТВО, ОГОРОДНИЧЕСТВО И СКОТОВОДСТВО.

Общій взглядъ на земледѣліе въ Зырянскомъ краѣ. — Печора, Вишера и верховья Вычегды. — Удора. — Вымскій край. — Южная половина Зырянскаго края. — Степень урожая. — Ячмень, рожь, овесъ и пшеница. — Ленъ и конопля. — Обработываніе полей. — Порядокъ пользованія землями. — Работники. — Помочи. — Половники. — Особый земледѣльческій пріемъ. — Огородныя овощи: картофель, капуста, рѣдька, рѣпа, лукъ. — Скотоведство: рогатый скотъ, овцы, лошади, свиньи. — Домашнія птицы . . . . . 67.

Стр.

ГЛАВА XIII. ЗВѢРИНЫЕ И ПТИЧЬИ ПРОМЫСЛЫ.

Уменьшеніе числа пушныхъ звѣрей. Переселеніе бѣлки. — Сорты ея. — Цѣны. — Количество добычи. — Зайцы. — Горностаи. — Олени. — Лисицы. — Прочіе звѣри: Рябчики. — Количество добычи. — Куропатки. — Тетери. — Водяная дичь. — Лѣсованья. — Охотничьи партіи. — Охотничья провизія. — Ружья. — Собаки. — Матка. — Отправленіе на охоту. — Нарты. — Пывзины и щамьи. — Производство охоты. — Пимы. — Лыжи. — Ловушки. — Возвращеніе по домамъ. — Второе лѣсованье. — Особенности охоты на другихъ птицъ и звѣрей: охота на рябчиковъ; на оленей. — Заговоръ на петли. — Гоньба. — Охота на медвѣдей. — Охота на лисицъ. — Выкормка ихъ. — Заключеніе. . . . 71.

ГЛАВА XIV. РЫБОЛОВСТВО И ДРУГІЕ ПРОМЫСЛЫ.

Стерлядь. — Семга. — Способы рыбной ловли: въ заплетье кужами; крыленами. — Два способа ловли въ курьяхъ. — Ловля сырномъ. — Разные другіе промыслы: разработка Брусяной горы; разныя работы на заводахъ; доставка дровъ для Сереговскаго завода; судостроеніе и бурлачество; заработки въ Петербургѣ; лѣсопромышленность; ремесла . . . . . 78.

ГЛАВА XV. ТОРГОВЫЯ СНОШЕНІЯ ВЪ ЗЫРЯНСКОМЪ КРАѢ.

Торговые капиталы. — Лавочная торговля. — Торжки. — Ярмарки. — Чердынскіе купцы. — Развозная торговля. — Коммисіонеры. — Мѣстные кулаки . . . . . 80.

ГЛАВА XVI. ОБЩІЕ ВЫВОДЫ ИЗЪ ПРЕДЫДУЩАГО . . . 82.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изъ числа такъ называемыхъ инородцевъ, обитающихъ въ Россіи, едва-ли не всѣхъ менѣе извѣстны Зыряне. Между тѣмъ этотъ народъ по своимъ особенностямъ, обусловливаемымъ его происхожденіемъ и своеобразнымъ вліяніемъ природы заселенной имъ огромной и, въ свою очередь, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательной страны,—заслуживаетъ изученія и извѣстности, быть можетъ, болѣе, нежели многія разноплеменныя группы, разбросанныя по сѣверовостоку европейской части нашего отечества.

Кромѣ того, Зыряне все болѣе и болѣе расширяющимися шагами идутъ по пути къ окончательному обрусѣнію. Не говоря уже о томъ, что каждый годъ, если не каждый день, на многіе десятки и даже сотни единицъ сокращается и безъ того не многочленная сумма зырянской народности, и что то-тамъ, то-здѣсь, одна вслѣдъ за другой, стираются племенныя черты ея,—даже прирожденный цвѣтъ, лежащій на цѣлой совокупности зырянскаго народа, постоянно и быстро линяетъ подъ вліяніемъ многообразныхъ и со всѣхъ сторонъ дружно дѣйствующихъ причинъ; — и уже не за горами то время, когда слово «Зыряне» лишится живаго содержанія и будетъ достояніемъ исторіи. Но и исторія наслѣдуетъ лишь пустой звукъ, если въ современной литературѣ не останется слѣдовъ этого пока живаго, но безъ шума и огласки угасающаго народа.

Нельзя сказать, что о Зырянахъ было мало писано. Напротивъ, въ 30-ти большихъ томахъ неоффиціальной части Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей разсѣянно весьма много болѣе или менѣе обширныхъ статей, касающихся этого народа и населенной имъ мѣстности. Но во 1-хъ всѣ онѣ до того отрывочны, что даже вмѣстѣ взятыя не обнимаютъ предмета во всей его полнотѣ и притомъ, имѣя не рѣдко характеръ случайныхъ, торопливыхъ и неоснованныхъ на твердомъ предварительномъ ознакомленіи съ дѣломъ, замѣтокъ, не чужды ошибокъ, противорѣчій, а иногда и вымысловъ; а во 2-хъ, — и это главное — Вологодскія Губернскія Вѣдомости такъ мало распространены и такъ мало цѣнятся своими исключительно обязательными подписчиками, что полный экземпляръ этого изданія уже теперь болѣе, нежели библіографическая рѣдкость: даже въ архивѣ редакціи нѣтъ такого экземпляра; — вслѣдствіе чего почти все написанное о Зырянахъ рано или поздно можетъ быть невозвратно утрачено, если не будетъ воспроизведено въ болѣе прочномъ изданіи.

Мы провели нѣсколько лѣтъ впечатлительнаго дѣтства близь самой границы заселенной Зырянами мѣстности; послѣ того не одинъ разъ проѣзжали по этой мѣстности въ разныхъ направленіяхъ; находились въ сношеніяхъ съ множествомъ лицъ, по-долгу жившихъ между Зарянами, и даже съ природными Зырянами; и наконецъ черезъ наши руки прошла не одна сотня оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ бумагъ, статистическихъ таблицъ и т. п., касающихся Зырянъ и Зырянскаго края: однимъ словомъ, при помощи собственныхъ наблюденій и разспросовъ другихъ лицъ, мы скопили значительный запасъ разнородныхъ свѣдѣній объ этомъ народѣ.

Въ виду того, что мы сказали сей часъ о необходимости неотложно сдѣлать общедоступными всѣ, касающіяся Зырянъ и Зырянскаго края, свѣдѣнія, было-бы для насъ не простительно, если-бы мы оставили про себя то, что успѣли узнать объ этомъ предметѣ сами, а также и то, что могли почерпнуть изъ источниковъ, которыми развѣ не многіе имѣютъ случай пользоваться.

Сказаннымъ объясняется цѣль нашего труда, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣляется и составъ его. Мы не имѣемъ въ виду написать монографію, которая-бы обнимала предметъ равномѣрно со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ подробностяхъ. — Прежде всего выполненіе столь обширной задачи пока не возможно: одно систематическое изслѣдованіе природы огромной страны потребовало-бы усилій многихъ спеціалистовъ. Но въ этомъ пока нѣтъ и не отложной надобности: мы достигнемъ своей цѣли, если въ нашей монографіи будетъ отмѣчено: во 1-хъ все то, что въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени можетъ исчезнуть, какъ напримѣръ явленія, относящіяся къ области этнографіи и метеорологіи въ самомъ обширномъ смыслѣ этихъ терминовъ; во 2-хъ все то, что имѣетъ современный, такъ сказать практическій интересъ, какъ наприм. свѣдѣнія о мѣстонахожденіяхъ рудъ и другихъ ископаемыхъ, о наружномъ видѣ страны и производительныхъ силахъ природы; и въ 3-хъ все то, что касается древностей и исторіи Зырянъ, какъ напр. преданія и необнародованные памятники древней письменности. Остальное мы изложимъ въ самомъ сжатомъ видѣ: таковы свѣдѣнія о флорѣ и фаунѣ Зырянскаго края, объ орошающихъ его водахъ и т. п. Мы не будемъ также распространяться о движеніи населенія, хотя этотъ предметъ и относится къ области этнографіи; потому что съ одной стороны метрическія книги всегда будутъ доступны изслѣдователю, а съ другой—мы не желаемъ слишкомъ увеличивать объемъ нашего труда.

Само собой разумѣется, что мы оставляемъ за собой право пользоваться, кромѣ выше названныхъ, и другими источниками, когда того потребуетъ существо дѣла.

Такъ какъ содержаніе нашего труда, при всей его сжатости, разнообразно, то мы дѣлимъ его на главы, предпосылая каждой подробный перечень ея содержанія.

ГЛАВА I.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ.

Мѣстность, нынѣ занимаемая Зырянами. — Слово «Зыряне»—русское. — Собственное названіе Зырянъ. — Мѣсто, занимаемое ими въ семьѣ финскихъ народовъ. — Число ихъ. — Обширность территоріи, которую они занимали въ древности. — Слово «Москва» зырянское. — «Кучко» (бояринъ) тоже. — Названіе разныхъ урочищъ во внутренныхъ губерніяхъ. — Близость древнезырянскаго языка къ языку финновъ прибалтійскихъ. — Сходство названій урочищъ въ нынѣшнемъ зырянскомъ краѣ и недавно обрусѣвшихъ мѣстностяхъ, Вологодской губерніи.—Сходство послѣднихъ съ нѣкоторыми собственными именами во внутреннихъ губерніяхъ: — слова «Ростовъ», «Кострома», «Муромѣ» или «Мурома». — Постепенное съуженіе чудской территоріи: — Москва и Кучко, Весь на Кубенскомъ озерѣ, чудскіе землевладѣльцы по р. Вагѣ, Пермь въ Котласѣ, село Межогъ.

Обширный сѣверовосточный край Вологодской губерніи (весь Устьсысольскій уѣздъ и двѣ трети Яренскаго) и смежная съ нимъ часть Мезенскаго уѣзда, Архангельской губерніи [1]) заняты инородцами, которыхъ лингвисты причисляютъ къ финскому племени и которые у русскихъ извѣстны подъ именемъ *Зырянъ*.

Слово «Зыряне» — русское. Корень его «зыря» съ производными «зырить», «вызырить» и т. д., до сихъ поръ еще употребляется въ чисто русской части Вологодской губерніи, именно въ Кадниковскомъ уѣздѣ. «Зырей» тамъ называютъ человѣка, много чего нибудь выпивающаго: «все вызырилъ—мнѣ не оставилъ: экой зыря!» [2]). Въ Сольвычегодскѣ между мальчишками употребляется бранная прибаутка: «Зыря-баря! Кашу ѣла, дыра пропрѣла», утратившая уже, впрочемъ, ясный смыслъ.—Поэтому надобно полагать, что слово «Зырянинъ» произошло отъ укоризненнаго прозвища, даннаго Русскими части того народа, который въ древности извѣстенъ былъ подъ названіемъ «Перми». (Савельевъ *(Мухамм. Нумиз. стр. № III)* говоритъ, что Пермь слово финское и значитъ «украйна»; но ни одинъ изъ финскихъ народовъ не называетъ ни себя пермью, и при томъ украйною, ни своихъ соплеменныхъ сосѣдей этимъ именемъ). Такъ и теперь жителей Сольвычегодска сосѣди называютъ «ершеѣдами», Устюжанъ — «красноязыками», Вологжанъ — «телятниками» и т. п. Это слово, какъ оффиціальное названіе народа, стало употребляться не ранѣе XVIII столѣтія, потому что въ рукописяхъ, относящихся къ болѣе отдаленному времени, оно не встрѣчается. Правда, упоминаются иногда какіе-то Сурьяне, Сыряне, Сырьяне, Серьяне, (безъ сомнѣнія, варіанты названія одного и того же народа) [3]); но это не синонимы Перми и Зырянъ, потому что приведенные въ одной старинной рукописи алфавиты пермскаго и сурьянскаго языковъ существенно разнятся между собою: въ послѣднемъ есть буквы, соотвѣтствующія нашимъ «Ф» и «Х», тогда какъ въ зырянскомъ языкѣ нѣтъ звуковъ, обозначаемыхъ ими [4]). Кромѣ того въ путешествіи

[1]) Предупреждаемъ читателей, что предметъ нашего труда главнымъ образомъ составляютъ Зыряне, обитающіе въ Вологодской губерніи, и что о незначительной части этого народа, извѣстной подъ именемъ Пижемцевъ, которые, въ числѣ около 7000 душъ обоего пола, занимаютъ смежную съ Вологодскою губерніею часть Мезенскаго уѣзда Архангельской, мы будемъ говорить только тогда, когда это позволятъ источники, и когда, при томъ, заключающіяся въ такихъ источникахъ данныя имѣютъ общій интересъ.— Теперь-же вообще замѣтимъ, что Пижемцы отличаются, и довольно рѣзко, отъ остальныхъ Зырянъ и нарѣчіемъ, и образомъ жизни, и характеромъ: они славятся оленеводствомъ, которымъ не занимаются прочіе Зыряне; отличаются предпріимчивостью и способностью къ торговлѣ — качествами, которыми не обладаютъ ихъ соплеменники Вологодской губерніи; и наконецъ, нравы ихъ утратили ту простоту, которая рѣзко мечется всякому, кто наблюдаетъ бытъ Зырянъ Вологодскихъ. Объ Пижемцахъ см. Максимова «Годъ на сѣверѣ».

[2]) Вологодскія Губернскія Вѣдомости 1866 года № 16, «Историко-статистическія замѣтки о разныхъ частяхъ Кадниковскаго уѣзда.»

[3]) Тамъ-же, 1850 г. № 4: «Устьвымъ» г. М. Михайлова.

[4]) Тамъ-же, № 14. Подробнѣе въ примѣчаніи 124.

Игумена Даніила говорится, что въ Іерусалимѣ онъ христосовался съ православными *христіанскими* и *сурьянскими*; слѣд. сурьянами, вѣроятно, называли встарину Сирійцевъ. Г. Кичинъ производитъ слово «Зыряне» отъ зырянскаго «суръ» (любимый напитокъ Зырянъ, почти тоже, что наше пиво), не придавая впрочемъ, догадкѣ своей серьознаго значенія, и говоритъ, что «Зырянинъ» значитъ много пьющій пива. Хотя такое производство, по результату, и близко подходитъ къ нашему, но это ни что иное, какъ случайность [5]).

Сами себя Зыряне называютъ «Коми-войтыръ», когда говорятъ о цѣломъ народѣ и «Коми-мортъ», когда рѣчь идетъ объ одномъ человѣкѣ—зырянинѣ. Всѣ попытки объяснить филологически значеніе общей тому и другому выраженію половины «Коми» пока не привели къ удовлетворительнымъ результатамъ. Утверждаютъ, напримѣръ, что родственные Зырянамъ Остяки и Манцы называютъ ихъ «Саранъ-Кумъ», и что остяцкое «кумъ», а слѣд. и «коми», значитъ человѣкъ [6]); но столь незначительное созвучіе словъ «кумъ» и «коми» едва-ли даетъ право считать ихъ тожественными. Представляя спеціалистамъ, близко знакомымъ и съ зырянскимъ и остяцкимъ языками, разрѣшить наше сомнѣніе, замѣтимъ только, что по зырянски человѣкъ называется «мортъ», (въ именительномъ множественнаго «мортъясъ»), и слѣдовательно если «коми» значитъ тоже «человѣкъ», то выраженіе «коми-мортъ» будетъ лишенный смысла плеоназмъ. Правда, г. Михайловъ переводитъ его «человѣкъ-людинъ», но такой переводъ имѣетъ всѣ признаки натяжки, [7]) игры словъ, и едва-ли мы допустимъ болѣе произвола, если остяцкое «саранъ» примемъ за искаженіе русскаго слова Зырянинъ и выраженіе «Саранъ-Кумъ» переведемъ «зырянскій человѣкъ».—Слово «войтыръ» состоитъ изъ двухъ совершенно понятныхъ зырянскихъ корней: «вой»—ночь, сѣверъ или сѣверный, ночной [8]) и «тыръ»—полонъ, полный, и поэтому «Коми-войтыръ» значитъ коми, наполняющіе сѣверную, ночную страну. Другими словами, «Коми-мортъ» соотвѣтствуетъ нашему «русскій человѣкъ», а коми-войтыръ—«Сѣверные русскіе». Безспорно то, что словомъ «коми» Зыряне обозначаютъ особую народность, и именно ту, которая въ древности была извѣстна подъ именемъ пермской; такъ какъ въ памятникахъ нашей древней письменности пермскій народъ иногда называется «Коминами» [9]). Въ настоящее время Пермяки также, какъ и Зыряне, называютъ себя Коми, а Пермскую губернію, въ которой они обитаютъ,—«Ком-му», т. е. земля Коми [10]). Кромѣ того зная, что Зыряне, Пермяки и Вотяки говорятъ почти однимъ языкомъ, [11]) и имѣютъ весьма сходные обычаи, мы можемъ болѣе, нежели съ вѣроятностію утверждать, что народность Коми составляютъ эти три народа, и что всѣ другія древнія названія разныхъ частей страны, населенной нынѣ Зырянами, какъ-то: Печора, [12]) Вишера, Емцы и др. суть географическіе термины: такъ называлась Пермь или, пожалуй, нынѣшніе Зыряне, жившіе по р. Печорѣ, Вишерѣ и Выми (Вымь по зырянски Емъ-ва.) Такого-же свойства и собственное названіе Зырянъ—«Коми-войтыръ», т. е. Сѣверные Комины: эпитетомъ «войтыръ» Зыряне различаются отъ тожественныхъ съ ними южныхъ Коминовъ, т. е. Пермяковъ и Вотяковъ. Съ нашимъ взглядомъ на происхожденіе слова «войтыръ» не соглашается только г. А. Поповъ на томъ основаніи, что Зыряне живутъ не къ сѣверу, а къ сѣверозападу отъ Пермяковъ [13]); но ясно, что это авторская придирка къ слову. Г. А. Попову хотѣлось во что-бы то не стало доказать, что Зыряне переселились въ нынѣшнее мѣсто ихъ жительства или съ р. Сухоны или изъ Сольвычегодскаго уѣзда; но онъ не обратилъ вниманія на то, что и по отношенію къ Сухонѣ, а тѣмъ болѣе къ Сольвычегодскому уѣзду, этотъ народъ живетъ не прямо на сѣверѣ, а на сѣверовостокѣ.

Въ семьѣ финскихъ народовъ Зыряне, вмѣстѣ съ Пермяками и Вотяками, какъ мы сейчасъ видѣли, составляютъ особую группу, которую лингвисты называютъ Біармскою или Пермскою; ближайшая къ ней группа—Угрская, которую составляютъ Остяки, Манцы и Вогуличи; далѣе слѣдуетъ Болгарофинская, состоящая изъ Мордвы и Черемисы; и наконецъ Западнофинская — собственно Финны, Эсты, Ливы и Лапландцы. — Нѣкоторые къ послѣдней группѣ причисляютъ и Мадьяровъ; но этотъ народъ, какъ мы думаемъ, основываясь на историческихъ извѣстіяхъ о переселеніи его въ среднюю Европу, скорѣе долженъ быть причисленъ къ Угрской группѣ (Ungaren, Угры, Югра, т. е. нынѣшніе Остяки [14]).

Въ настоящее время всѣхъ Зырянъ считается до 91,000 душъ обоего пола, именно: въ Устьсысольскомъ уѣздѣ 65,000 д. (въ томъ числѣ 31,000 д. муж. пола и 34,000 жен. п.), въ Яренскомъ 19,000 д. (9,000 д. м. п. и 10,000 д. ж. п.) и въ Мезенскомъ 7,000 д. об. п. [15]).

---

5) Тамъ-же, 1866 года № 6: «Поѣздка въ Устьсысольскъ».

6) Тамъ-же, 1870 года № 14: «Устьвымъ» г. Михайлова.

7) Тамъ-же.

8) Въ зырянской рѣчи существительное, стоящее передъ другимъ существительнымъ, замѣняетъ наше прилагательное качественное.

9) Волог. Губерн. Вѣд. 1853 г. № 34: «Село Лена» г. Устюжанина.

10) См. примѣч. 6.

11) Тамъ-же, 1865 г. № 23: «Зырянскій языкъ», П. Куратова.

12) Мы пишемъ и будемъ писать *Печора,* потому что такъ всѣ пишутъ, хотя сами Зыряне печерскіе говорятъ *Печэра* (Вол. Губ. Вѣд. 1854 г. № 33 «Замѣтки и впечатлѣнія охотника по Вологодской губерніи,» г. Ю. Волкова).

13) Волог. Губ. Вѣдом. 1848 г. № 23: «Мнѣніе о происхожденіи Зырянъ и очеркъ нѣкоторыхъ свойствъ ихъ», г. Попова.

14) См. примѣч. 11,

15) Цифры Зырянскаго населенія Вологодской губерніи взяты круг-

Итакъ число Зырянъ невелико; но ими заселено весьма обширное пространство;—въ древности-же, конечно, подъ другими названіями, они занимали чуть не цѣлую сѣверную половину Европейской Россіи.

Замѣчательно, что слово «Москва» свободно объясняется даже нынѣшнимъ зырянскимъ языкомъ. Оно какъ и большая часть зырянскихъ названій урочищъ, образовалось изъ двухъ корней: «мöсъ» и «ва» [16]). «Мöсъ» значитъ корова, а «ва»—вода или рѣка, преимущественно большая. (Средней величины рѣка называется по зырянски «ю», что значитъ также и «пей»). Звукъ «к» бѣглый, и употребляется при соединеніи двухъ словъ, когда первое изъ нихъ кончается на «с» или «ш»; такъ напр. соотвѣтствующія нашимъ падежамъ видо-изменения слова мöсъ:—мöсъ-ось,—мöс-ыдъ выговариваются «мöскось», «мöскыд.» и. т. п. По этоту слово «Москва» значитъ коровья вода или коровья рѣка. По свойству зырянскаго языка, существительное, стоящее передъ другимъ существительнымъ замѣняетъ прилагательное, напр. «мортъ-юръ» значитъ человѣческая голова, хотя обѣ половины этого выраженія имена существительныя.—Такое толкованіе слова не натяжка, и не случайность; потому что и въ настоящее время конструкція названій всѣхъ почти зырянскихъ рѣкъ точно такая-же: Елъ-ва—молочная рѣка, Синъ-ва—ржавая рѣка, Вöлъ-ю—лошадиная рѣка, Льомъ-ю—черемуховая рѣка и. т. д.—Самое имя древняго владѣльца Москвы, такъ называемаго боярина «Кучко»,—зырянское. Чистый корень этого слова, какъ намъ кажется, вышелъ уже изъ употребленія у Зырянъ; но что онъ существовалъ въ древности,—не подлежитъ никакому сомнѣнію: нѣсколько рѣчекъ называются «Кучъ», а зырянскія названія урочищъ всегда имѣютъ ясный смыслъ. Окончаніе «ко», быть можетъ, русская частица, прибавленная къ слову для того, чтобы придать ему значеніе уменьшительнаго, примѣровъ чему много: Варяжко, Василько, Володимерко и т. д. —Впрочемъ, даже полное слово Кучкö и теперь употребляется, и значитъ «ударь», «ушиби». Хотя это собственно повелительное наклоненіе глагола, но такая форма рѣчи въ зырянскомъ языкѣ иногда употребляется вмѣсто имени существительнаго; напр. «ю», какъ мы уже видѣли, значитъ и «рѣка», и «пей».—Точно также и въ русскомъ языкѣ есть прозвища: угадай, сорви-голова и т. п.—По Нестору, въ его время, въ окрестностяхъ озеръ Ростовскаго и Переяславскаго, слѣд. по близости Москвы, обиталъ чудской, т. е. финскій народъ Меря; слѣд. весьма можетъ быть, что Кучко былъ туземный владѣтельный князекъ или родоначальникъ, у котораго русскій князь отнялъ земли. Не въ боевой-ли схваткѣ убитъ Кучко, а не за какую-то дерзость передъ княземъ, какъ говорятъ это *позднѣйшіе* лѣтописцы, передавшіе конечно уже исказившееся отъ времени преданіе? Иначе для чего бы было русскому князю строить во владѣніяхъ своего боярина городъ? Города строились тогда только для защиты отъ непріятелей и въ покоренныхъ странахъ; да намъ неизвѣстно и примѣровъ казни бояръ и конфискаціи ихъ частнаго имущества за дерзости въ ту эпоху. — Наконецъ, интриги противъ сына Юрія Владиміровича Долгорукаго, Андрея Боголюбскаго со стороны Кучковичей, не проще ли объяснятся, если мы допустимъ, что это были обиженные и лишенные наслѣдственныхъ владѣній инородцы?

Подобно слову «Москва» и въ названіяхъ многихъ другихъ урочищъ внутреннихъ губерній, каковы Волга, Ока и др., можно до сихъ поръ распознавать зырянскіе корни, несмотря на то, что они искажены отъ времени и неспособности русскихъ правильно выговаривать зырянскія слова, а также на то, что нынѣшній зырянскій языкъ уже не таковъ, каковъ былъ въ глубокой древности. Многіе слова и обороты рѣчи, встрѣчающіеся въ памятникахъ зырянской письменности, даже сравнительно не слишкомъ древнихъ, напр. въ переводѣ священныхъ книгъ св. Стефана (конца XIV в.) и въ одной рукописи XVII в., [17]) самимъ Зырянамъ теперь непонятны.

По свидѣтельству норвежскаго авантюрюста Отера, жители Біарміи, т. е. Перми, предки нынѣшнихъ Зырянъ, въ IX в. говорили почти однимъ языкомъ съ Финляндцами [18]), а теперь только спеціалистъ по части финской филологіи можетъ найдти сходство въ языкахъ этихъ одноплеменныхъ народовъ. Достовѣрность свидѣтельства Отера подкрѣпляется опять поразительнымъ сходствомъ названій урочищъ въ окрестностяхъ Финскаго залива и по берегамъ Балтійскаго моря съ одной стороны и въ Зырянскомъ краѣ—съ другой. Вотъ любопытныя сближенія этихъ названій, сдѣланныя авторомъ статьи «Село Лена» [19]). «Устьвымъ» (древнее село въ «Яренскомъ уѣздѣ, бывшая резиденція Пермскихъ епископовъ), говоритъ онъ, «по старинному «Старая Пермь», «а по зырянски «Эм-дынъ», или правильнѣе, «Эм-ва-дынъ» [20]). Какъ Эм-ва, такъ и погосты Гамъ, Ваш-

лыми числами: для Устьсысольскаго уѣзда изъ памятной книжки Вологодской губерніи на 1865 и 1866 годы, а для Яренскаго — изъ статьи г. В. Аврамова «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйственный бытъ», помѣщенной въ Вол. Губ. Вѣд. 1859 г. № 30. Первая показана за 1864 г., а послѣдняя по 10-й ревизіи. — Число Зырянъ въ Мезенскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи взято изъ статьи г. Куратова: «Зырянскій языкъ» (см. примѣч. 11).

16) Въ словѣ «мосъ» мы надъ буквою «о» поставили значки (¨), потому что Зыряне произносятъ этотъ звукъ съ легкою помощію гортани, какъ французское «оси».

17) Волог. Губ. Вѣд. 1850 г. №20: «Устьвымъ» г. Михайлова, и 1855 г. № 50: «Старинныя русскія и пермскія названія мѣсяцевъ», г. П. К—ва.

18) Истор. Госуд. Росс. тм. 1 гл. 2-я, по изд. 1830 г.

19) Волог. Губ. Вѣд. 1853 г. № 34: «Село Лена» примѣч. 1.

20) Не вдаваясь въ длинныя и здѣсь неумѣстныя филологическія объясненія, мы просто замѣтимъ, что авторъ ошибочно полагаетъ, будто Зыряне Устьвымъ неправильно называютъ «Эмдынъ», вмѣсто «Эмвадынъ».

«гордъ, Вен-дын-га и др. напоминаютъ Эмъ или Ямъ «(Häme) прибалтійскую; напр. Гамъ напоминаетъ такой-«же Гамъ, упоминаемый Олеаріемъ и находившійся не-«далеко отъ г. Нарвы [21]), Важгортъ, что̀ былъ на мѣстѣ «нынѣшняго Ревеля, а Венденга [22]) указываетъ на Вен-«денъ, что̀ въ Лифляндіи». Къ этому мы прибавимъ, что извѣстная рѣка Эмбахъ, быть можетъ, онѣмеченная Эм-ва (Вымь), тѣмъ болѣе, что нѣмецкое «Bach» и Зырянское «ва» служатъ для выраженія однородныхъ понятій-ручей и рѣка, или вода; при томъ же сосѣднія съ Эмбахомъ рѣки Нарова, Нева и другія имѣютъ чисто зырянскія окончанія.

Еще болѣе можно сдѣлать сближеній между названіями урочищъ въ нынѣшнемъ Зырянскомъ краѣ и въ обрусѣвшей части Вологодской губерніи съ одной стороны и этихъ послѣднихъ съ названіями разныхъ городовъ и рѣкъ во внутреннихъ губерніяхъ—съ другой. Такъ напр. Вотча есть и въ Устьсысольскомъ уѣздѣ и въ Кадниковскомъ (въ послѣднемъ обитала [23]) Весь), Ерга—и въ Яренскомъ и въ Устюжскомъ, Соденьга—и въ Устьсысольскомъ и въ Вельскомъ; есть озеро Воже въ Новгородской губерніи, близь границы Вологодской, а въ Яренскомъ уѣздѣ одна волость называется Воже-ма.—Точно также Ростовъ, — этотъ старый городъ въ землѣ Мери — напоминаетъ два Ростова въ Вельскомъ уѣздѣ. Замѣчательно, что оба послѣдніе окружены мѣстностями, носящими чисто зырянскія названія и по близости того и другаго находятся Ракулы, да и близь Ростова Ярославскаго и одного изъ Вельскихъ есть рѣка Устья. — Окончанія словъ Кострома и Муромъ (Мурома) чуть не на каждомъ шагу встрѣчаются въ Вологодской губерніи: Судрома, Чадрома съ Вельскомъ уѣздѣ, Катрома—въ Вологодскомъ или Кадниковскомъ (точно не помнимъ) и т. д.; между тѣмъ какъ корни того и другаго слова чисто зырянскіе: «косъ»—значитъ сухой, а «му» — земля.

Всѣ эти сближенія мы сдѣлали, повторяемъ, не для того, чтобы доказать, что въ древности цѣлая половина Европейской Россіи была занята именно Зырянами, но что всѣ встрѣчаемыя у Нестора названія чудскихъ народовъ суть мѣстныя, географическія названія почти однородной этнографической массы, отдѣльныя части которой еще не успѣли выработать себѣ особыхъ, болѣе или менѣе своеобразныхъ физіономій. Мы не можемъ не указать здѣсь на любопытное сближеніе собственныхъ названій Зырянъ, Мордвы, Мери и Муромы; сдѣланное г. Мельниковымъ, который говоритъ: «Мери или точнѣе Мöри по мордовски и на другихъ чудскихъ языкахъ, значитъ человѣкъ. Откуда и племенныя ихъ названія: Меря, Морд-ва, Муро-ма, Мари или Мори (такъ зовутъ себя Черемисы), Мортъ-Коми (такъ зовутъ себя Зыряне). Удъ-мортъ, (такъ зовутъ себя Вотяки). (*Русс. Вѣстн. 1867 г. кн. 6, Очеркъ Мордвы, стр. 491. Примѣч.*) По Ешевскому (*Вѣстн. Евр. 1866 томъ I. Русская колонизація, стр. 229*), южные Финны, Мордва, называютъ себя Удъ-Муртъ.

Какъ бы то ни было предѣлы территоріи, нѣкогда занятой предками Зырянъ, быстро, уже на глазахъ исторіи, съуживались. Мы видѣли, что въ половинѣ XII в. при Юріѣ Владиміровичѣ Долгорукомъ Москва имѣла своего чудскаго владѣльца—Кучко.—Въ половинѣ XIII в. чудской народъ, Весь, еще встрѣчается на сѣверовосточномъ берегу Кубенскаго озера [24]). — Черезъ полстолѣтія, именно около 1315 г., чудскіе князьки уступаютъ свои земли по р. Вагѣ въ нѣнѣшнихъ Вельскомъ и Шенкурскомъ уѣздахъ новгородскому боярину Своеземцеву [25]) Въ 1335 г. Чудь живетъ въ

---

21) Карамзинъ гамскую землю находитъ къ сѣверу отъ финскаго залива, (см. Ист. Госуд. Росс. т. VI, гл. 6-я по изд. 1830 г.

22) Нѣсколько выше авторъ пишетъ это слово «Вен-дын-га». но Венденга ближе къ чисто зырянскому произношенію.

23) Самое слово «весь» существуетъ въ нѣнѣшнемъ зырянскомъ языкѣ: такъ называется четверть (аршина), а производное отъ корня «весь»—же— «веськыдъ» значитъ вѣрный.

24) Волог. Губ. Вѣд. 1847 г. № 32: «О посѣщеніи Бѣлавинской пустыни, находящейся на Каменномъ островѣ», г. Н. Титова.

25) Обозначая здѣсь 1315 годъ, мы основываемся на перепечатанной въ Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ изъ Архангельскихъ (см. первыя за 1855 годъ № 41) статьѣ подъ заглавіемъ «Важская область». Въ статьѣ этой между прочимъ сказано, что «Василій Матвѣевичъ Своеземцевъ купилъ (1315 г.) всю Вагу у чудскихъ князьковъ Азики, *Хараганца Родда* и Игнаца за 20,000 бѣлокъ и 10 рублей». Намъ помнится, что грамота, въ которой заключается сдѣлка о землѣ между Своеземцевымъ и Азикой съ товарищами, напечатана въ какомъ-то спеціальномъ изданіи, но въ какомъ именно, къ сожалѣнію, указать не можемъ. Но можемъ утверждать, что она не купчая, а отступная со стороны Азики и пр., что Азика и пр. въ ней титулуются не князьями, а «старостцами»; что сумма (20,000 и 10 рубл.) въ ней таже и наконецъ, что она относится не къ 1315, а къ 1312 году. Послѣднее обстоятельство для насъ не важно. Въ бывшей у насъ подъ рукою одной рукописи второй изъ князьковъ называется не Хараганцемъ, а Караганцемъ, а третій не Роддою, а Ровдою. Мы думаемъ, что въ статьѣ «Важская область» вкрались опечатки; такъ какъ во 1-хъ въ Зырянскомъ языкѣ нѣтъ звука х и Зыряне всегда замѣняютъ его «к»; такъ напр., они говорятъ не грѣхъ, а грѣкъ, не—хочу, а—кочу и т. д.; и во 2-хъ г. П. Вороновъ въ одномъ изъ примѣчаній къ статьѣ своей «Устьянскія волости или Устье въ Вельскомъ уѣздѣ» (Волог. Губ. Вѣд. 1853 г. № 36), третьяго контрагента Своеземцева называетъ не Роддою, а Ровдою-же, цитируя «Записки Мясникова», помѣщенныя въ 9—12 №№ Сына Отечества за 1827 годъ. Въ Шенкурскомъ уѣздѣ, именно въ той части его, которая была пріобрѣтена Своеземцевымъ, (Благовѣщенское Волостное Правленіе удѣльнаго вѣдомства) есть въ настоящее время *Ровдинское* общество. Вообще въ обрусѣвшихъ уже частяхъ Вологодской, Архангельской и даже Пермской губерній многія мѣстности носятъ имя Ровды: такъ — въ Вельскомъ уѣздѣ есть деревня *Ревдино*. (Слово Ровда слѣдуетъ произносить, какъ сказано въ примѣч. 16); въ Устюжскомъ уѣздѣ—*Ровдинскій станъ* (волость); на одномъ изъ островов, находящихся въ низовьѣ Сѣв. Двины — *Ровдина гора;* въ Пермской губерніи — *Ревдинскіе заводы* и т. д. Все это заставляетъ думать, что слово «Ровда» было не собственное имя, а обозначало какое-нибудь званіе. Намъ извѣстно мнѣніе, что «Ровда»

окрестностяхъ Чухломскаго озера (*Чт. въ Импер. Общ. Ист. и древн. Росс. 1865. кн. 4. Разсужд. Прот. Діева:* Какой народъ въ древнія времена населялъ Костромскую губернію). Еще черезъ полстолѣтія, именно въ 1376 г. просвѣтитель Зырянъ, св. Стефанъ встрѣтилъ ихъ уже при впаденіи Вычегды въ сѣверную Двину [26]). Наконецъ теперь раздѣльная черта между русскимъ и зырянскимъ населеніемъ Вологодской губерніи проходитъ черезъ с. Межогъ, Яренскаго уѣзда — 200 верстъ выше устья Вычегды. Замѣчательно, что одна половина этого села говоритъ по русски, а другая еще по зырянски. Такъ было, покрайней мѣрѣ въ 1853 г. [27]).

ГЛАВА II.

ПРОЦЕССЪ ОБРУСЕНІЯ ЧУДСКАГО НАСЕЛЕНІЯ ТЕПЕРЬ РУССКОЙ ЧАСТИ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Вступленіе.—Встрѣча племенъ славянскаго и чудскаго.—Нравственная несостоятельность послѣдняго.—Обрусѣніе Чуди главнымъ образомъ совершалось путемъ мирной колонизаціи.—Населеніе нижнихъ частей Вычегды обрусѣло совершенно мирнымъ образомъ.—О завоеваніи, въ прямомъ смыслѣ, остальной части Вологодской губерніимолчатъ лѣтописи.—Примѣръ граждански-правомѣрнаго пріобрѣтенія чудскихъ земель Новгородцами.—Частные случаи насильственныхъ захватовъ: преданія о томъ; археологическія находки; земляныя укрѣпленія; бранныя слова и преданіе объ основаніи Халевскихъ приходовъ.—Незначительность непріязненныхъ стычекъ.—Неспособность Чуди къ матеріальному сопротивленію: разсѣянность и разрозненность ея.—Смѣшеніе крови.—Порядокъ обрусѣнія.—Какими путями проникали Русскіе въ Вологодскую губернію.

Хотя вопросъ о томъ, какимъ образомъ чудскіе обитатели теперь русскихъ уѣздовъ Вологодской, Архангельской и отчасти Олонецкой губерній уступили мѣсто славянскому племени, повидимому не имѣетъ прямой связи съ предметомъ нашего труда; но мы не можемъ обойдти его: потому что разрѣшеніе его дастъ возможность заблаговременно установить болѣе или менѣе вѣрный взглядъ на свойство того положенія, въ какомъ нынѣ находятся Зыряне, какъ народъ, быстро идущій по пути къ окончательной утратѣ своей племенной особенности.—Кромѣ того, вопросъ этотъ, на нашъ взглядъ, имѣетъ непосредственный и общій интересъ.

Исторія и наблюденія новѣйшихъ путешественниковъ обнаружили много видовъ исчезновенія разныхъ народностей. Такъ Обры, по словамъ Нестора, вымерли отъ какой то эпидемической болѣзни; древніе обитатели острова Мадеры и Вестъ-индскаго архипелага — истреблены Европейцами; Эльзасъ, по завоеваніи его французами, чуть не на нашихъ глазахъ усвоилъ себѣ французскую національность; Галлы, Бритты и др., слившись съ завоевателями, образовали самобытные этнографическіе типы; древніе Греки ассимилировали себѣ множество иноплеменниковъ, распространивъ между ними свою цивилизацію и міросозерцаніе; въ эпоху разрушенія Римской имперіи цѣлые народы, тѣснимые пришельцами, оставляли мѣста своего жительства и переселялись въ другія страны; и наконецъ существуетъ мнѣніе, что и нынѣ красные индійцы и океанійскіе островитяне вымираютъ отъ одного знакомства съ Европейцами, такъ какъ, заимствуя у послѣднихъ одни гибельные пороки, не усвоиваютъ ничего полезнаго.—Спрашивается: подъ который изъ исчисленныхъ сейчасъ видовъ исчезновенія народностей подходитъ исчезновеніе Заволоцкой чуди?—Чистые элементы въ природѣ и въ исторіи человѣчества рѣдко, и едва ли встрѣчаются. Такъ и здѣсь: чудское племя исчезло, усвоивъ славяно-русскую народность подъ вліяніемъ нѣсколькихъ причинъ, именно вслѣдствіе племеннаго превосходства русскаго народа, въ связи съ одной стороны съ завоеваніемъ, а съ другой—съ смѣшеніемъ крови. Мы, впрочемъ, слову «завоеваніе» не придаемъ того строгаго смысла, въ какомъ оно обыкновенно употребляется; ибо подчиненіе чудской земли русскому владычеству совершилось почти безъ матеріальнаго насилія и кровопролитія, и выразилось первоначально въ установленіи торговыхъ связей съ туземцами, а потомъ уже наложеніи на нихъ дани.—То, что чудское населеніе Заволочья не выселилось и не вымерло, мы увидимъ ниже, а пока замѣтимъ, что и теперь число жителей Вологодской губерніи въ зырянскихъ уѣздахъ отъ нарожденія увеличивается гораздо значительнѣе, нежели въ русскихъ [28]).

Гдѣ первоначально встрѣтились племена славянское и чудское—вопросъ едва ли разрѣшимый, и для насъ посторонній.—Положительно извѣстно, что финское племя вышло изъ глубины сѣверной Азіи, такъ какъ, по языку, оно принадлежитъ къ алтайской расѣ, а славянское двигалось въ Европейскую Россію съ береговъ Дуная. Исторія застаетъ передовые посты того и другаго племени

есть уменьшительное отъ Родіонъ; мы знаемъ также, что Зыряне гораздо болѣе, нежели Русскіе, коверкаютъ христіанскія имена: но трудно допустить, что отъ этого, рѣдко даваемаго имени произошло такъ много названій урочищъ въ отдаленныхъ одна отъ другой мѣстностяхъ.

[26]) Волог. Губ. Вѣд. 1853 г. № 39: «Село Лена» (въ примѣчаніи) г. Устюжанина. Впрочемъ, при Герберштейнѣ по Шекснѣ жители говорили *на своемъ языкѣ,* хотя знали и по русски.

[27]) Тамъ-же, и см. примѣч. 19.

[28]) Волог. Губ. Вѣдом. 1858 г. № 15: «Сельско-хозяйственный очеркъ Волог. губерніи,» г. Н. Бунакова.

въ бассейнѣ верховьевъ Оки и по направленію отъ верховьевъ Днѣпра къ озеру Ильменю [29]). Явно, что уже въ это время, т. е. тогда, когда въ Новгородѣ и Кіевѣ зачиналось русское государство, Славяне тѣснили Финновъ: новгородскіе Славяне глубоко и узкой полосой проникли во-внутрь чудской территоріи. И не мудрено! Финны вышли изъ Азіи дикими или полудикими трибами, а Славяне несли съ собою съ береговъ Дуная зачатки цивилизаціи. Въ слѣдующей главѣ мы представимъ фактическія доказательства того, что жизнь предковъ нынѣшнихъ Зырянъ не имѣла сколько нибудь упругаго нравственнаго содержанія. Чудская народность, если можно здѣсь употребить такое выраженіе, была мягкою, не выработавшею строгихъ очертаній формою, способною, безъ всякаго сопротивленія, принять какое угодно живое содержаніе, и—приноровиться къ нему.

Изъ этого уже о priori можно заключить, что обрусѣніе чуди могло совершиться безъ механическаго и даже нравственнаго насилія; но такое предположеніе не трудно оправдать и фактами, а именно:

1) Та часть Пермскаго народа, которая занимала нижнее теченіе Вычегды, именно пространство между селеніями Котласомъ и Межогомъ, обрусѣла уже послѣ XIV вѣка (1376 г.). За этотъ періодъ времени мы имѣемъ множество лѣтописныхъ и другихъ извѣстій, касающихся упомянутой мѣстности, и рѣшительно ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ даже косвеннаго намека на какія нибудь насильственныя или искусственныя мѣры Русскихъ и русскаго правительства къ искорененію въ ней пермской народности; она не подвергалась даже набѣгамъ новгородскихъ ушкуйниковъ, которые, впрочемъ, и нигдѣ не имѣли завоевательнаго характера и были направлены не только на Пермь и другихъ инородцевъ, но и на русскихъ.

2) Точно также молчатъ лѣтописи и о занятіи русскими той части чудскаго заволочья, которая обрусѣла до 1376-го года; между тѣмъ какъ въ нихъ очень часто встрѣчаются извѣстія о походахъ русскихъ князей на разноименныхъ обитателей Балтійскаго поморья, на Мордву и Камскихъ Болгаръ.

и 3) Напротивъ того есть несомнѣнныя, формальныя доказательства того, что огромныя пространства чудскихъ земель пріобрѣтались Русскими посредствомъ гражданскихъ—правомѣрныхъ сдѣлокъ: Таково отчужденіе едвали не цѣлой Важской области, т. е. нынѣшнихъ Шенкурскаго (Архангельской губерніи) и Вельскаго (Вологодской) уѣздовъ Азикою, Караганцемъ, Ровдою и Игнатцемъ въ пользу новгородскаго боярина Своеземцева, о чемъ мы уже упоминали [30]).

Но утверждая, что русская народность водворялась въ предѣлахъ чудской территоріи главнымъ образомъ путемъ мирной колонизаціи, мы обязаны указать и отдѣльные случаи насильственныхъ захватовъ новгородскими авантюристами болѣе или менѣе значительныхъ участковъ земли, хотя, повторяемъ, такіе захваты никогда не имѣли международнаго характера и дѣлались частными лицами безъ санкціи и иниціативы со стороны господина Великаго Новгорода.

Преданія прямо говорятъ, что Русскіе имѣли непріязненныя стычки съ туземцами. Нѣкоторыя изъ этихъ преданій обнародованы въ Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ [31]), а нѣкоторыя мы лично слышали въ городахъ Никольскѣ и Вельскѣ. Въ Никольскѣ разсказываютъ, что въ окрестностяхъ этого города въ незапамятныя времена жилъ не русскій, поганый народъ, который *прятался* отъ нашихъ въ ямахъ, прикрытыхъ сверху землею; наши-же обрушивали эти крыши на поганыхъ и тѣмъ душили ихъ. Остатки такихъ ямъ указывали около нынѣшняго кладбища, близь самаго города. Въ Никольскѣ поганый народъ этотъ прямо называется Чудью съ эпитетомъ «бѣлоглазая». Въ Вельскѣ-же разсказываютъ только, что нѣкогда тамъ жилъ какой-то поганый народъ *подъ землей*. Основательность такихъ преданій, въ существѣ сходныхъ между собою, подтверждается множествомъ ямъ, которыя находятся не только около Никольска и Вельска, но и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ. Въ Яренскомъ уѣздѣ эти ямы называются *чудскими могилами* [32]). Въ Вельскѣ нѣкоторые считаютъ ихъ заброшенными смолокурными печами; но это явная натяжка скептиковъ, потому что такіе памятники древности встрѣчаются часто, и, по большей части, тамъ, гдѣ никогда смолокуреніе не существовало. Но главное, въ ямахъ и около нихъ иногда попадаются, какъ напр. въ Вельскѣ и въ зырянскихъ уѣздахъ Вологодской губерніи, разныя древнія вещицы, именно: такъ называемые «мѣдные коньки», мѣдныя-же бусы и др. мелочи, явно не русскаго происхожденія [33]).

Кромѣ преданій, «могилъ» и находокъ мелкихъ вещей, есть и крупные, хотя и нѣмые, памятники чудской старины, прямо свидѣтельствующіе о непріязненныхъ столкновеніяхъ аборигеновъ Вологодской губерніи съ Русскими: это земляныя укрѣпленія, значеніе которыхъ опять объясняется преданіями и археологическими находками. Въ Вологодской губерніи очень много древнихъ земляныхъ укрѣпленій, иногда, какъ и во внутреннихъ гу-

---

29) Самое слово «Ока» имѣетъ корень зырянскій, отъ котораго происходитъ нынѣ уменьшительное «отикъ» — одинъ (маленькій), а также «ок—мысъ»—девять (десять безъ одного).

30) См. примѣч. 25.

31) Волог. Губерн. Вѣдом.: за 1845 г. № 11: «Объ основаніи 4-хъ Халевскихъ приходовъ.» г. Кичина; 1847 г. № 37: »Тарножскій городокъ,» г. К. Свистунова, и 1849 г. № 36: «Нѣсколько словъ о г. Устьсысольскѣ и его уѣздѣ» г. П. Богданова и нѣк. др.

32) Тамъ-же, 1853 г. № 46: «Прогулка по Княжпогосту,» г. П. Богданова.

33) Можетъ быть «коньки,» бусы и т. п., равно какъ и «чудскія могилы» находятся и кромѣ названныхъ въ текстѣ мѣстностей; но мы говоримъ то, что намъ лично извѣстно.—Тоже должно сказать и о самыхъ преданіяхъ о Чуди.

берніяхъ, называемыхъ «*осыпями*»; но народная молва сильно склонна относить происхожденіе ихъ къ смутному времени начала XVI вѣка, или ко времени набѣговъ Казанскихъ Татаръ и Вятчанъ; такъ что только тщательныя роскопки такихъ памятниковъ старины могутъ дать возможность положительно объяснить, когда они насыпаны. Впрочемъ есть и такія насыпи, которыя не требуютъ раскопки для того, чтобы быть увѣренпымъ въ томъ, что онѣ древне-чудскаго происхожденія. Въ 260 верстахъ отъ города Вельска, въ Дмитріевскомъ приходѣ, на мысу, образуемомъ рѣками Мехреньгой и Устьей (Мехреньга лѣвый притокъ Устьи, а Устья-Ваги), между лѣвыми берегами той и другой, посреди отовсюду открытой, голой низменности, возвышается очевидно искусственная насыпь. Насыпь эту со всѣхъ сторонъ окружаетъ болотина, зимой не замерзающая, а лѣтомъ —не высыхающая; такъ что мы только въ самую сильную засуху, и то съ большимъ трудомъ, могли добраться до нея. Это кругловатый валъ, имѣющій сажень 30 и ни какъ не болѣе 40 въ поперечникѣ; отвѣсную высоту его съ наружной стороны, по глазомѣру, мы опредѣляемъ въ двѣ сажени; внутренность имѣетъ видъ плоскодонной, весьма неглубокой впадины, поросшей лѣсомъ; на четырехъ сторонахъ вала, въ краяхъ его, замѣтны углубленія, имѣющія видъ съѣздовъ или спусковъ наружу.— Проѣзжая мимо этой мѣстности въ сообществѣ крестьянъ не изъ ближнихъ селеній, мы получили отъ нихъ только свѣдѣніе, что это огромный домъ о четырехъ воротахъ, въ которомъ давно когда-то жили поганые люди,—Чудь; что этихъ людей и съ самымъ домомъ засыпали землею русскіе; что мальчишки достаютъ здѣсь «мѣдные коньки», которыми играютъ; и что въ недавнее время (въ 1850-хъ или даже 1860-хъ годахъ), мѣстные крестьяне думали —было отыскать въ поганомъ мѣстѣ кладъ, и уже начали рыть канаву, но старики сказали, что тутъ засыпанъ поганый народъ, такъ если раскопать—«*не хорошій духъ пойдетъ*». Хотя мы и не могли получить ни одного «конька», потому что не имѣли возможности отрывать ихъ, да и не знали, гдѣ они достаются, и при томъ въ сосѣднихъ селеніяхъ не нашли ни одного человѣка (это было во время сѣнокоса); однако же послѣ всего того, что мы сейчасъ сообщили, едва-ли можно усомниться въ томъ, что описанный нами памятникъ древности свидѣтельствуетъ о враждебныхъ, непріятельскихъ столкновеніяхъ чудскихъ туземцевъ съ Русскими пришельцами: самая насыпь, и «мѣдные коньки», и преданія говорятъ за-одно.

Какъ на слѣды непріязненныхъ отношеній между двумя племенами, мы должны указать также и на нѣкоторыя, теперь потерявшія смыслъ, иногда русскія, а иногда явно иноязычныя выраженія, употребляющіяся въ разныхъ мѣстностяхъ Вологодской губерніи. Такъ, мы уже упоминали о томъ, что въ Сольвычегодскѣ слово «зыря» имѣетъ укоризненное значеніе, что въ Никольскомъ уѣздѣ, а также Устюжскомъ, слово «бѣлоглазый» —эпитетъ Чуди—употребляется, какъ брань; теперь-же сообщимъ весьма любопытный и имѣющій особенное значеніе фактъ.

Въ Никольскомъ уѣздѣ, въ Халевскихъ приходахъ, жители которыхъ считаютъ себя прямыми потомками новгородскихъ выходцевъ, употребляютъ въ видѣ брани, выраженія «куратъ-сига, коэра лига». Записавшій преданіе [34]) о поселеніи здѣсь Новгородцевъ отставной солдатъ

---

[34]) Въ № 11 Вологод. Губерн. Вѣд. 1845 г. помѣщена статья г. Е. Кичина «Объ основаніи четырехъ Халевскихъ приходовъ Никольскаго уѣзда», составленная по рукописи отставнаго солдата Страхова. Мы приводимъ эту статью цѣликомъ съ пропускомъ лишь не идущихъ къ дѣлу фразъ: «Въ далекія отъ насъ времена на правомъ берегу р. Юга, 27 верстъ ниже г. Никольска, жилъ *шведскій народъ, который въ то время звали Чудью, а по нынѣшнему зовется Чухнами* *) Когда Чудь на время или вовсе оставила это поселеніе, новгородскіе выходцы поселились на другой сторонѣ Юга, построивъ деревянный *молитвенный храмъ* во имя Великомученика Георгія. Эта гора, поднимаясь вверхъ саженъ на 15, вдается въ рѣку и оканчивается крутымъ къ ней скатомъ; подобныя-же крутизны находятся и съ другихъ сторонъ горы, и только на сѣверной имѣются большія отлогости. Чудь не замедлила явиться къ обиталищу Новгородцевъ и злобно *подступала* къ нему; Новгородцы катали съ горы бревна, каменья, лили горячую воду на *поганую Чудь*,—и ничто не помогало. Наконецъ осажденные обратились съ молитвою къ Великомученику Георгію, и вдругъ, около молитвеннаго храма, раздалось нѣсколько восторженныхъ восклицаній: *Слава Богу! Слава Богу! Чуди идутъ прочь!*

«Вскорѣ Чудь опять приблизилась къ новгородскому поселенію, жители коего, уже зная своего спасителя, снова просили его о своемъ спасеніи, и Чудь, даже не дѣлая нападенія, удалилась навсегда отъ этого мѣста, и *не творила больше Новгородцамъ пакости*. Нѣкоторые изъ Чуди полюбили тогда Христіанство, будучи подвигнуты къ тому двумя чудесами, впослѣдствіи ими разсказываемыми. Говорили *крещеные Чуди*, что когда въ первый разъ, при нападеніи ихъ, молились Новгородцы въ своей часовнѣ, тогда всѣмъ имъ видѣлся на крышѣ воинъ, сидящій на бѣломъ конѣ и грозящій копьемъ всей разъяренной Чуди, почему она и отступила. Во второй разъ Чудь видѣла того-же воина съ копьемъ, только не на лошади, а стоящаго просто въ полугорѣ.

«Въ оградѣ нынѣшней церкви видна и до нынѣ *перекопъ* (ровъ), идущая сажень на 30 отъ востока къ западу по отлогой сторонѣ горы. На правомъ берегу р. Юга мѣсто, гдѣ жили Чуди, называется «дворищами», а тутъ-же впадающая въ Югъ рѣчка Молоковица, которая такъ называется потому, что Чудь ее именовала *Пимъ*, что значитъ молоко **). Слово Халега, отъ котораго произошло названіе приходовъ *чудинское* слово ***), означающее *звукъ, сраженіе*.

«Въ настоящее время между жителями Халевскаго края можно слышать бранныя слова, употреблявшіяся Чудью во время сраженія: *куратъ—сига, коэра—лига*, что значитъ: *чертъ—свинья, собака —мясо*.

«Въ другомъ мѣстѣ Никольскаго уѣзда, тоже на р. Югѣ, во 100 верстахъ отъ Устюга, жила Чудь. Она имѣла здѣсь деревянную башню, сажень до 12 высоты и въ 5 ширины, съ малыми отверстіями по бокамъ и съ одной дверью для входа. Эта башня называлась у туземцевъ *городкомъ*, отчего и нынѣшній приходъ Архангела-Ми-

---

*) Какъ эти, такъ и другія курсивныя слова, также напечатаны и въ подлинникѣ: вѣроятно, это слова самаго Страхова.

**) По Зырянски молоко „Елъ“ или „Евъ“.

***) У Зырянъ, какъ мы видѣли, нѣтъ звука „х“.

Страховъ говоритъ, что эти бранныя слова произносилъ жившій тутъ *шведскій народъ Чухны*, что они объясняются современнымъ чухонскимъ языкомъ, и, будто-бы, значатъ: «чертъ-свинья, собака-мясо». Мы знаемъ, что древніе обитатели Никольскаго уѣзда, особенно мѣстности, занимаемой халевскими приходами (по средней части теченія р. Юга) были народъ, тожественный съ предками Зырянъ; такъ какъ приходы эти находятся только въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ, по прямой линіи, отъ нынѣшней границы чисто Зырянскаго края: но теперь свинью Зыряне называютъ «порсь», (надобно полагать отъ русскаго слова «поросенокъ», такъ какъ поросенкомъ и до сихъ поръ въ Вельскомъ уѣздѣ уже чисто русское населеніе называетъ свиней вообще, какого бы пола и возраста онѣ небыли) собаку—«понъ», черта—«куль».—Впрочемъ между корнемъ слова «куратъ» «кур» и «кул» разница не велика. Съ другой стороны, названія урочищъ въ Никольскомъ уѣздѣ явно зырянскаго происхожденія: Югъ—отъ Ю—рѣка, Рыстюгъ—сыръ—рѣка и т. д.; грамматическій смыслъ выраженій «куратъ-сига, коэра-лига», гдѣ существительныя «куратъ» и «коэра» замѣняютъ опредѣлительныя прилагательныя, чисто зырянскій; въ словахъ «куратъ», «сига» и даже «коэра» какъ будто слышатся зырянскіе корни, напр. «си»—волосъ и щетина, «копнъ»—волкъ.— Нельзя не вспомнить въ настоящемъ случаѣ, что, по свидѣтельству Отера, языкъ древнихъ прибалтійскихъ финновъ былъ почти тожественъ съ языкомъ обитателей Двинскаго края; и что нынѣшнія названія урочищъ въ балтійскомъ поморьѣ: Венденъ, Эмденъ, Эмбахъ и т. д. напоминаютъ Венденьгу, Эм-дынъ, Эмву и т. д. въ Зырянскомъ краѣ [35]). Повторяемъ,— это фактъ замѣчательный.— Мы не имѣемъ никакаго права не вѣрить простодушному разсказу и филологическимъ соображеніемъ солдата Страхова, тѣмъ болѣе, что утрата множества древнихъ словъ и формъ зырянскаго языка не подлежитъ никакому сомнѣнію: у Зырянъ и теперь есть какія-то старинныя прибаутки, никому не-понятныя [36]); въ переводахъ Св. Стефана священныхъ книгъ нѣкоторыя мѣста до сихъ поръ не объяснены даже природными и образованными Зырянами; тоже должно сказать и о сохранившихся не въ весьма древней (XVII вѣка) рукописи туземныхъ названіяхъ мѣсяцевъ [37]); и наконецъ названія нѣкототорыхъ урочищъ, обыкновенно имѣющія ясный смыслъ, утратили его теперь, хотя конструкція и звуки ихъ безспорно зырянскія.— Мы просили многихъ лицъ, которыя могли слышать говоръ чухонцевъ, объяснить намъ значеніе словъ «куратъ-сига» и «коэра-лига»; но, къ сожалѣнію, получили не вполнѣ удовлетворительные, хотя и одинаковые отвѣты, именно: что эти слова, судя по звукамъ, дѣйствительно чухонскія, но что онѣ значатъ—неизвѣстно.— Подождемъ, пока знатоки языковъ финскаго и эстскаго разрѣшатъ намъ недоумѣніе; а между тѣмъ замѣтимъ, что чухонская брань не могла быть занесена на берега рѣки Юга случайно, наприм. лицомъ, подобнымъ самому Страхову, т. е. солдатомъ, бывавшимъ гдѣ-нибудь около С.-Петербурга или даже въ С.-Петербургѣ, потому что Страховъ чухонскимъ-же языкомъ объясняетъ и происхожденіе названій нѣкоторыхъ урочищъ въ Халевскихъ приходахъ.

Преданія, записанныя и напечатанныя въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, хотя и касаются различныхъ мѣстностей, гдѣ находятся древнія, земляныя укрѣпленія, но также, какъ и преданія, нами слышанныя, имѣютъ общій смыслъ: по нимъ, насыпи сдѣланы новгородскими поселенцами для защиты отъ нападеній туземцевъ,— отъ нападеній, всегда неудачныхъ, вслѣдствіе чудеснаго заступничества за Русскихъ какого-нибудь святаго, напр. Великомученика и Побѣдоносца Георгія.— Надобно замѣтить, что этого рода укрѣпленія всегда устраивались по одному плану: всѣ они находятся при сліяніи двухъ рѣкъ, такъ что съ нѣсколькихъ сторонъ защищены самою природою.

Но, допуская непріязненныя столкновенія между Русскими и туземцами, даже какъ исключенія изъ общаго правила, мы должны также замѣтить, что они не могли быть кровопролитны и значительны; потому что съ одной стороны Новгородцы распространялись по нынѣшней Вологодской губерніи весьма малолюдными партіями, а съ другой—туземцы не въ состояніи были серьозно сопротивляться пришельцамъ, хотя и слабымъ числомъ, но привыкшимъ къ опаснымъ приключеніямъ и, разумѣется, сравнительно лучше вооруженнымъ.

Къ такому заключенію приводитъ во 1-хъ содержаніе всѣхъ преданій, и во 2-хъ незначительность размѣра устроенныхъ русскими укрѣпленій [38]). Кромѣ того, и сами туземцы не могли сопротивляться и нападать значительными массами, вслѣдствіе ихъ разсѣянности и разрозненности.

Если въ настоящее время въ цѣлой Вологодской губерніи приходится только по 2,81 душѣ на квадратную версту, а въ Зырянскихъ уѣздахъ: Яренскомъ по 0, 7 и въ Устьсысольскомъ—по 0, 5 душъ; то каково было это отношеніе за 1,000 лѣтъ назадъ [39])? Положительно извѣстно, что съ 1788 по 1864 г. населеніе губерніи почти

хаила называется также городкомъ. Городка не стало назадъ тому лѣтъ 25 *). Онъ сгорѣлъ. Говорятъ поселяне, что кто изъ нихъ покушался разрушить это строеніе Чуди, тотъ видѣлъ вылетавшія искры отъ ударовъ топора,—и послѣ скоро умиралъ».

35) См. въ текстѣ по примѣч. 19.

36) Волог. Губ. Вѣд. 1859 г. № 6: «Зырянскія загадки и пѣсни,» г. В. Ардашева.

37) Тамъ-же, 1855 г. № 50: «Старинныя русскія и пермскія названія мѣсяцевъ,» г. К—ва.

*) Отъ 1845 г.

38) Для примѣра мы сошлемся на «городокъ», упоминаемый въ преданіи объ основаніи четырехъ халевскихъ приходовъ (см. примѣч. 36). Хотя въ статьѣ этой основаніе деревяннаго городка и приписывается Чуди, но явно, по самому названію, что это русская древность.

39) Памятн. книжк. Волог. губ. на 1865 и 1866 гг.

удвоилось (въ 1788 году оно состояло изъ 544,000 душъ, а въ 1864—изъ 982,000), въ зырянскихъ-же уѣздахъ оно болѣе, нежели удвоилось (въ 1788 году тамъ было, считая и русскихъ, 47,000 д., а въ 1864 г. 100,000 д.); слѣд. во время появленія въ Заволочьѣ Русскихъ цифра туземнаго населенія его могла равняться развѣ нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ [40]).

Такая разсѣянность въ свою очередь была и причиною разрозненности чудскаго народа, препятствуя ему, для отпора непріятелямъ, сгруппировываться въ сколько-нибудь значительныя, связанныя единствомъ интересовъ,—общества. Это само собою разумѣется, и, по нашему мнѣнію, не требуетъ доказательствъ; а потому, для подкрѣпленія своего убѣжденія, мы приведемъ лишь одинъ, наиболѣе рѣзкій, фактъ: Устьвымъ уже въ то время, когда въ ней проживали Пермскіе епископы, трепетала набѣговъ вогульскаго князька Асыка; при нападеніи на нее этого разбойника въ половинѣ XV вѣка былъ убитъ самъ епископъ (Питиримъ) [41]). Между тѣмъ тотъ-же Асыка, послѣ того, былъ живымъ взятъ въ собственныхъ своихъ владѣніяхъ шайкою Вятчанъ, состоявшею всего изъ 120 человѣкъ [42]).

Во всякомъ случаѣ, и мирная колонизація, и насильственные захваты вводили въ Чудскую землю славяно-русскій элементъ, такъ сказать, механически; претвореніе-же чудской народности совершалось:—съ одной стороны путемъ смѣшенія крови, а съ другой—путемъ усвоенія туземцами славянскаго міросозерцанія, обычаевъ, языка и т. д.

Смѣшеніе крови было необходимымъ послѣдствіемъ поселенія въ краѣ Русскихъ, надобно полагать, преимущественно холостяковъ.— Если князь Юрій Владиміровичъ женилъ своего сына на дочери мерянина Кучко, то тѣмъ легче могли вступать въ браки съ чудинками какіе-нибудь проходимцы. Притомъ-же, какъ это мы еще не одинъ разъ увидимъ, чудское племя, покрайней мѣрѣ часть его, нынѣ извѣстная подъ именемъ Зырянъ, отличалась, и до сихъ поръ еще отличается, крайнимъ равнодушіемъ къ цѣломудрію женщинъ. Конечно, смѣшенію крови слѣдуетъ приписать то обстоятельство, что теперь не только въ обрусѣвшей уже части Вологодской губерніи вовсе не встрѣчается чудскаго типа, но и въ самомъ Зырянскомъ краѣ онъ сохранился,— и то только *можетъ быть*,— гдѣ-нибудь въ глухихъ захолустьяхъ.— Точно также обрусѣвшее населеніе губерніи на столько усвоило себѣ чисто славянское миросозерцаніе, словесное творчество, нравы и обычаи, что въ вѣрованіяхъ его, въ языкѣ, въ образѣ жизни и т. д. только развѣ микроскопическія наблюденія могутъ обнаружить случайные слѣды чудской примѣси. Мало того, бывшихъ предковъ своихъ народъ считаетъ не только иноплеменниками, но и *погаными* [43]).

---

[40]) Тамъ же, статья г. П. Сухарова: «О движеніи народонаселенія Волог. губерніи съ 1788 по 1862 годъ».

[41]) Вологод. Губ. Вѣд. 1850 г. № 34: «Устьвымъ,» Михайлова.

[42]) Тамъ же.

[43]) Въ Вологодскій Губернскій Статистическій Комитетъ нами была отослана статья подъ заглавіемъ: «Бѣглый этнографическій очеркъ Вологодской губерніи». Выписываемъ изъ нея нѣсколько §§: *Населеніе Вологодской губерніи не только обрусѣло, но и ославянилось.* Настоящее положеніе я разбиваю натрое: я утверждаю: А) что населеніе $8^1/_2$ уѣздовъ Вологодской губерніи, (говорящихъ по русски) и до сихъ поръ сохранило древне-славянскіе обычаи и повѣрья, въ то время, когда въ другихъ мѣстностяхъ Россіи такіе обычаи уже вымерли; Б) что оно (населеніе помянутыхъ $8^1/_2$ уѣздовъ) сохранило древній, напоминающій языкъ лѣтописей, складъ рѣчи и много славянскихъ корней, исчезнувшихъ уже въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ и поднарѣчіяхъ; и В) что въ самостоятельномъ развитіи славянской рѣчи пошло даже далѣе другихъ соплеменниковъ, безспорно чисто славянскаго происхожденія, и самостоятельно создало много словъ, подобныхъ существующимъ напр. у Дунайскихъ Славянъ:

1. Я приведу начало одной свадебной пѣсни, которая поется въ Никольскомъ уѣздѣ:

Штё не рицьки, не рицюшки
Въ одно мѣсто сбѣгалися:
Не рѣки́ — глубоки́
Въ одно мѣсто стекалися:...
Собирався родъ—племецько
У родимова батюшка,
У родимыё матушки! и т. д. *).

Нужно-ли комментаріи, чтобы почувствовать поэзію въ этомъ отрывкѣ и усмотрѣть живописное изображеніе древнеславянскаго родоваго быта? я не берусь перечислять здѣсь всѣ древнеславянскіе обычаи и повѣрья; потому что это было-бы длинно; притомъ-же и не могу этого сдѣлать, такъ какъ далеко не всѣ обычаи приведены въ извѣстность... Не могу не назвать только тѣхъ изъ нихъ, которые съ одной стороны служатъ доказательствомъ заявленнаго мною положенія, а съ другой — вообще интересны для русской этнографіи: а) Повсемѣстно въ Вологодской губерніи существуетъ обычай разуванья жениха невѣстою въ первую ночь послѣ вѣнчанья. Препод. Несторъ косвенно упоминаетъ о такомъ обычаѣ; разсказывая объ отказѣ Рогнѣды выйдти за мужъ за Владиміра (Святославича), онъ влагаетъ ей въ уста фразу: «не хочу розути робичича!» М. П. Погодинъ пользуется этимъ мѣстомъ лѣтописи съ тѣмъ, чтобы обрисовать норманнскую черту въ характерѣ гордой Рогнѣды. Но трудно согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго историка: трудно допустить, чтобы норманнскій обычай зашелъ такъ далеко въ то время, когда сами Варяги очень рано приняли славянскіе обычаи. б) Способы заключенія брачныхъ союзовъ въ разныхъ мѣстахъ Вологодской губерніи, даже у Зырянъ (въ Яренскомъ уѣздѣ), поразительно напоминаютъ разсказъ Нестора о бракахъ у Полянъ, Древлянъ и др.: существуетъ умыканье дѣвицъ; Волог. Губ. Вѣд. 1866 года №№ 13 и 14: „Янгосарь“ — г. Четверухина. в) Остатки древне-славянскихъ вѣрованій во множествѣ встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ губерніи. Я не говорю уже наприм. о вѣдьмахъ, домовыхъ и т. п. Гораздо интереснѣе остатки почитанія огня, огненныхъ метеоровъ и свѣта: вездѣ пѣтухъ-этотъ предвозвѣстникъ приближенія дня, переносится, вмѣстѣ съ огнемъ, при переходѣ въ новый домъ. Въ Устюжскомъ уѣздѣ пѣтуховъ даже не ѣдятъ, считая ихъ погаными. Конечно первоначальная причина этому заключается не въ томъ, что они искони слыли нечистыми: нечистымъ пѣтухъ сдѣлался уже тогда, когда Христіанство

*) Пѣсня эта была записана мною на мѣстѣ въ началѣ 1840 годахъ, и тогда-же, но въ которомъ именно году — не помню, напечатана бывшимъ учителемъ Вологодской Гимназіи Н. И. Иваницкимъ въ Москвитянинѣ.

Послѣдовательность обрусѣнія мы опредѣлимъ не многими словами. Прежде всего Чудь усвоивала себѣ славянское міросозерцаніе, обычаи, нравы и за тѣмъ уже языкъ. До св. Стефана обрусѣніе предшествовало при-

---

смѣнило язычество *). Есть мѣстности, гдѣ часть избы противъ печи считается какъ-бы неприкосновеннымъ мѣстомъ. Вѣрованія въ огненныхъ змѣевъ распространены повсюду. Мнѣ въ Верховажьѣ указывали на одного крестьянина, къ которому летаетъ огненный змѣй и носитъ ему деньги, почему мужикъ и богатъ; только мудрено было ему завести такое знакомство: для этого нужно дождаться, пока пѣтухъ, — все тотъ-же пѣтухъ, — снесетъ яйцо; яйцо это что-то долго нужно носить подъ мышкой, чтобы выпарить огненнаго змѣя. — Сженіе соломы о масляницѣ, Семикъ, Ивановъ день, Купальница, Власьевъ день, въ томъ или другомъ видѣ существуютъ повсемѣстно.

2. Если бы внимательно прочитать наши лѣтописи и древнѣйшіе акты, то можно бы было составить порядочный списокъ древнихъ словъ и выраженій, хотя исчезнувшихъ въ другихъ мѣстахъ, но сохранившихся въ Вологодской губерніи. Теперь я назову только интереснѣйшія: *Гоить*, съ производными выгоить, изгоить, гойный (въ Никольскомъ уѣздѣ) въ смыслѣ вымыть, вычистить, вымести, выбросить изъ избы нечистоту. Если-бы г. Костомаровъ зналъ, что у насъ существуетъ корень древняго слова «изгой», то не отстаивалъ-бы такъ настойчиво опрометчивую мысль, будто Варяги—Русь—Литовцы, между прочимъ потому, что въ литовскомъ языкѣ существуетъ слово «гоить». Наше «гоить» филологически совершенно соотвѣтствуетъ объясненію слова «изгои» въ извѣстной всеволодовой грамотѣ, по словамъ которой такъ назывались лица, исключенныя изъ общества: купецъ задолжаетъ, поповъ сынъ грамотѣ не ученъ и князь безъ стола.—*Лони, лонись*—прошлаго года (въ Никольскомъ уѣздѣ). Помнится, у Карамзина, а можетъ быть и у другаго изъ историковъ нашихъ, я встрѣчалъ разсужденіе о происхожденіи древняго слова «лончакъ». Оно употреблялось для обозначенія возраста домашнихъ животныхъ. Наше слово совершенно свободно объясняетъ смыслъ этого древняго выраженія... Теперь поговорю также о древнемъ выговорѣ нѣкоторыхъ словъ, сохранившемся въ вологодскомъ нарѣчіи: а) Рѣзкое произношеніе буквы «о». Такъ напр. говорятъ «боранъ»—(слово столь часто встрѣчающееся въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ древне-русской письменности) вмѣсто баранъ; б) Замѣна буквы «ь» въ окончаніи неопредѣленнаго наклоненія буквою «и»: по лѣсамъ-лѣсницети: по рѣкамъ—рыболовницети». II в) вставка буквы «о» между согласными, напр. «Володимеръ», «молонья», «молодшій», «морокъ» и т. п. Въ Вологодской губерніи легко встрѣтить слово «Володимерко».

3. Не менѣе замѣчательно, что въ нарѣчіи населенія Вологодской губерніи видна самобытность славянскаго словеснаго творчества. Прошу обратить вниманіе на слѣдующіе, на мой взглядъ, многознаменательные факты: а)... **). б) Поразительна въ этомъ отношеніи конструкція крестьянскихъ фамилій... На бумагѣ эти фамиліи имѣютъ окончанія: «овъ,» «евъ,» «инъ,» и «скій,» за весьма рѣдкими исключеніями. Извѣстно происхожденіе такихъ фамильныхъ окончаній: всѣ они образовались отъ выпуска изъ оффиціальныхъ, такъ сказать, прозваній слова «сынъ»: вмѣсто Иванъ, сынъ Сороки, Петръ, сынъ Голубя—Иванъ Сорокинъ, Петръ Голубевъ и т. п. Только послѣднее изъ этихъ окончаній «скій» имѣетъ двоякое происхожденіе: во 1-хъ имъ обозначается мѣсто, откуда происходитъ извѣстное лицо, напр. Верюжскій (съ Верюги), Плесовскій (съ Плеса) и т. д.; и во 2-хъ оно есть дальнѣйшее развитіе фамилій, кончающихся на «овъ» «евъ» и «инъ», напр. Угрюмовскій — сынъ Угрюмова, Суханов скій — сынъ Суханова и т. п. По рядомъ съ этими фамиліями, не оффиціально, не *по писаному*, какъ говорятъ въ Вельскомъ уѣздѣ, существуютъ другія, которыя оканчиваются на «ичъ» «енко». Первыя господствуютъ въ Вельскомъ, Кадниковскомъ; есть и въ другихъ уѣздахъ. Филологически онѣ совершено соотвѣтствуютъ предидущимъ, напр. Комаровичъ—сынъ Комара, Чиренко — сынъ Чирка... Вторая форма «енко» встрѣчается въ Никольскомъ уѣздѣ, третья форма на «скихъ» встрѣчается въ Устюжскомъ, а можетъ быть, и въ другихъ уѣздахъ. Она есть дальнѣйшее развитіе формы на «скій», того и другаго происхожденія: „Дементьевскихъ" значитъ сынъ Дементьевскаго, изъ роду Дементьевскихъ. в) Весьма замѣчательное слово встрѣчается въ самомъ глухомъ захолустьѣ въ волостяхъ, расположенныхъ по теченію р. Устьи въ Вельскомъ уѣздѣ—это *скупштына*: оно значитъ здѣсь праздникъ при приходской церкви, для котораго пиво и пр. приготовляются на общій счетъ цѣлой волости. Если трудно предположить, что раньше разобранное мною слово «гоить» занесено въ Никольскій уѣздъ изъ Литвы, то еще труднѣе допустить, что слово „скупштына", служащее для обозначенія народнаго собранія въ Сербіи на берегахъ Дуная, могло быть занесено оттуда на берега Устьи. Ясно, что и здѣсь, и тамъ оно образовалось самобытно для выраженія сходныхъ въ филологическомъ отношеніи понятій. г) Еще фактъ. Мнѣ много разъ случалось быть очевидцемъ того, что въ Москвѣ Вологжанъ, по ихъ выговору, принимали за малоруссовъ, — и не безъ основанія. Въ выговорѣ Вологжанъ слышится во 1-хъ рѣзкое «о»; во 2-хъ въ тѣхъ словахъ, гдѣ по правиламъ великорусской грамматики звукъ «е» изображается буквою «ѣ», произносятъ (Вологжане) «и»; и въ 3-хъ букву «л» передъ согласными и полугласною «ъ» выговариваютъ, какъ «в» и т. д. Теперь я предлагаю слѣдующіе выводы: аа) Вологодское нарѣчіе имѣетъ много общаго съ языкомъ лѣтописей, писанныхъ предками Малоруссовъ, и бб) Великоруссы XIV, XV и XVI столѣтій говорили тѣмъ-же нарѣчіемъ; и за тѣмъ поставляю два вопроса: аа) Какимъ образомъ въ нарѣчіяхъ Вологодскомъ и Малорусскомъ сохранились нѣкоторыя общія черты, которыхъ чуждо Московское, стоящее промежъ ними? и бб) Какимъ образомъ теперь Вологодское нарѣчіе ближе къ языку Нестора, нежели малорусское? Первый вопросъ могъ-бы разрѣшится предположеніемъ, что московское (такъ я называю чистое великоруское), быстрѣе того и другаго подвинувшись впередъ, оставило ихъ за собою; а второй тѣмъ, что Малорусское нарѣчіе, начавъ ранѣе, нежели Вологодское, и притомъ отдѣльно, развиваться подъ вліяніемъ разнородныхъ элеметовъ успѣло разойтись и съ нимъ, и съ Московскимъ. Но это гадательныя рѣшенія вопросовъ, прямо до меня не касающихся. Для меня важно только то, что Вологодское нарѣчіе, самобытно и независимо отъ Малорусскаго, успѣло выработать одинаковыя формы и характеристическія черты, чѣмъ доказывается, что населеніе Вологодской губерніи положительно ославянорусилось... Итакъ населеніе Вологодской губерніи не только обрусѣло, — оно ославянилось. Оно всецѣло, физіологически усвоило себѣ общеславянское словесное творчество и слѣд. въ жилахъ каждаго изъ лицъ, составляющихъ его, течетъ кровь, химически сродная съ кровью другихъ Славянъ; ибо и та, и другая производятъ одинаковыя явленія... Само собой разумѣется, что многимъ такой мой выводъ покажется слишкомъ рѣзкимъ и одностороннимъ,— и это справедливо; представивъ крупные факты въ оправданіе своего положенія, я не задалъ еще себѣ вопроса: если славянорусскій элементъ, такъ рѣшительно дѣйствовалъ на финскій, то въ свою очередь и финскій не имѣлъ ли обратнаго воздѣйствія?—Дѣйствительно, есть ли какая-нибудь вѣроятность, чтобы извѣстная народность, поглотивъ другую, нималѣйше не измѣнила ни своей субстанціи, ни даже ни одной внѣшней черты? A priori я не вправѣ утвердительно отвѣчать на послѣдній вопросъ и даже думалъ-бы противное, потому что самъ замѣчалъ разницу и въ наружности, и въ характерѣ напр. Малоруссa и Великоруссa.

---

*) Въ древности, вѣроятно, также не ѣли пѣтуховъ, но по противуположной причинѣ, т. е. считая ихъ священными.

**) Здѣсь пропущены разсужденія, подъ рубрикою „а)" о словахъ, имѣющихъ исключительно филологическій интересъ.

нятію Христіанства. Допуская противное, нельзя-бы было объяснить того, почему населеніе Вологодской губерніи сохранило древнеславянскія вѣрованія и почти ни одного чудскаго [44]). Замѣчательно, что многіе изъ русскихъ поселенцевъ въ чудской землѣ, по видимому, первоначально утрачивали свою народность, покрайней мѣрѣ усвоивали зырянскую рѣчь. И въ настоящее время въ Зырянскомъ краѣ есть много фамилій, несомнѣнно происходящихъ отъ новгородскихъ выходцевъ, но говорящихъ по зырянски и считающихъ себя Зырянами:—таковы фамиліи Титовыхъ, Савиныхъ, Муравьевыхъ. [45]) Латкиныхъ и мн. др.

Наконецъ, о томъ, какими путями-дорогами проникали славяноруссы въ глубину Вологодской губерніи, мы не видимъ надобности распространяться: если, какъ извѣстно, всѣ славяне разселялись по нынѣшней Европейской Россіи, слѣдуя направленію большихъ водныхъ путей; то тѣмъ

Но я имѣю въ виду третій вопросъ: эта разница не лучше-ли объясняется географическими и климатическими причинами, нежели этнографическими и историческими? На такой вопросъ нельзя сформулировать другаго отвѣта, кромѣ нижеслѣдующаго: географическія и климатическія условія несомнѣнно имѣли вліяніе на то, что типъ Великорусса отступилъ отъ типа Малорусса: другое распредѣленіе и другой родъ занятій, другая пища, другая одежда и т. д. очевидно не могутъ не имѣть вліянія на наружность и характеръ индивидуумовъ и цѣлыхъ народовъ. Но допустить, что финскій элементъ имѣлъ обратное вліяніе нѣтъ никакого основанія, пока тщательныя наблюденія не откроютъ примѣси въ типѣ Вологжанъ. Факты этого рода, которые я имѣю въ виду, ничего не доказываютъ. Напр. крестьяне Вельскаго уѣзда, тѣхъ самыхъ волостей, гдѣ встрѣчается слово „скупштына“ носятъ одежду весьма сходную съ одеждою Зырянъ; но такое явленіе опять таки объясняется не этнографическими условіями, а условіями мѣстности и сходствомъ занятій. Обрусѣвшее населеніе сѣверныхъ уѣздовъ губерніи, также какъ и Зыряне, преимущественно употребляютъ въ пищу ячмень; но это потому, что ячмень тамъ родится лучше, нежели всякій другой хлѣбъ. Гораздо болѣе можно придать важности слѣдующему доводу въ пользу предположенія, что финское племя, будучи поглощено славянскимъ, имѣло воздѣйствіе и на послѣднее: не помню гдѣ и когда я вычиталъ, что употребленіе буквы «ч», какъ «ц» есть признакъ финскаго вліянія. Дѣйствительно Вологодское нарѣчіе имѣетъ такой филологическій признакъ. Но несостоятельность подобнаго довода я надѣюсь обнаружить безъ особаго затрудненія: а) Подобное убѣжденіе могло-бы имѣть мѣсто, если бы зырянскій языкъ не имѣлъ звука «ч». Напротивъ, этотъ звукъ очень часто употребляется въ зырянской рѣчи, тогда какъ «ц» въ ней почти не встрѣчается *). Мало того русскія слова, переходя въ зырянскую рѣчь, перемѣняютъ его на «ч». Такъ напр. для названія курицы Зыряне заняли у Русскихъ кличку «ципа» и выговариваютъ это слово «чипа»... и б) Новгородцы, безспорно признаваемые чистыми славянами, искони вѣкъ «ч» замѣняютъ «ц», что доказывается и ихъ настоящимъ нарѣчіемъ, и самыми древними письменными документами».

[44]) Выписываемъ изъ той-же статьи нашей (см. примѣч. 43) главу: «*Христіанство и русскій языкъ проникли въ Вологодскую губернію послѣ того, какъ прежнее населеніе ея усвоило себѣ преданія, обычаи и языческія вѣрованія Славянъ.* Раньше я сказалъ во 1-хъ, что новгородская колонизація въ Вологодской губерніи началась очень рано; такъ, изъ переданнаго Несторомъ разсказа Гюряти Роговича видно, что Новгородцы около 1000 г., вскорѣ послѣ принятія Христіанства въ Кіевѣ, проникали даже на Печеру, и во 2-хъ, что убѣжденія Финновъ и особенно вѣрованія, по своей простотѣ, не могли представить твердой почвы для отпора высшимъ идеямъ другой, болѣе развитой націи. Эти двѣ посылки ведутъ за собой заключеніе, что славянское язычество принято Финнами прежде, нежели христіянство. Такое предположеніе для юго-западной части Вологодской губерніи тѣмъ болѣе справедливо, что здѣсь славяно-новгородская колонизація началась за нѣсколько вѣковъ до принятія Христіанства самими славянами: ибо если около 1000 года Новгородцы посѣщали Печору, то само собой разумѣется, что въ окрестностяхъ Вологды (Синеусъ на Бѣлѣозерѣ) они завели дѣла гораздо ранѣе... Здѣсь я ожидаю возраженія въ такомъ видѣ: положимъ, что Новгородцы проникли въ Вологодскую губернію до принятія Христіанства; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что они тотчасъ внесли съ собой и свои языческія вѣрованія и обычаи. Наши язычники были чужды религіозной пропаганды. Это такъ. Но я позволю себѣ сдѣлать вопросъ: отчего греческая миѳологія такъ мирно распространилась въ древнемъ мірѣ? Греки также не были религіозными пропагандистами (ex officio), но ихъ миѳологія привилась къ чуждымъ народностямъ сама собою, вмѣстѣ съ греческою цивилизаціею. Извѣстно, что большая часть языческихъ религій создана самими народами, и слѣд. онѣ не только имѣютъ органическую связь съ другими проявленіями духа народнаго, но такъ сказать тожественны съ ними. Точно также и славянскія вѣрованія проявились у Финновъ сами собою, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ эти послѣдніе усвоивали себѣ славянское міросозерцаніе. Это доказательства à priori; но вотъ болѣе фактическія: отчего въ настоящее время у жителей Вологодской губерніи, и даже необрусѣвшихъ еще Зырянъ, не осталось ни какихъ стародавнихъ вѣрованій? Въ этомъ отношеніи за ними стоитъ глушь не проходимая. Отчего они за тѣмъ сохранили, подобно всѣмъ славянамъ, и по принятіи Христіанства славянскія языческія повѣрья? Отъ того, что Христіанство не отъ міра сего, а славянизмъ есть созданіе людей; Христіанство взяло у финизма только то, что нужно для будущей жизни, а славянизмъ поглотилъ его цѣликомъ. Если бы было не такъ, и еслибы принятіе Финнами славянскихъ языческихъ вѣрованій не предшествовало принятію Христіанства, то, повторяю, и теперь-бы у Зырянъ были свои собственныя, оригинальныя повѣрья. Но этого нѣтъ; слѣд. они утратили ихъ до принятія Христіанства. Если св. Стефанъ засталъ еще у Зырянъ старыя вѣрованія или, точнѣе, суевѣрія, поддерживаемыя шарлатанствомъ *туновъ*, то изъ этого еще нельзя заключить, чтобы рядомъ съ ними не имѣли мѣста славянскія языческія вѣрованія и что этими вѣрованіями не было подрыто въ основаніи древнее шаманство. Напротивъ, легкость, съ которою Зыряне уступили проповѣди, говоритъ въ пользу моего убѣжденія. При томъ-же, при св. Стефанѣ Зыряне, хотя и крестились, но не были въ состояніи усвоить истинъ Евангельскаго ученія: у нихъ еще до сихъ поръ не достаетъ словъ для выраженія нѣкоторыхъ христіанскихъ вѣрованій...

«О томъ, что Русскій языкъ Финны усвоили послѣ того, какъ приняли славянскіе обычаи, вѣрованія и т. п., распространяться не стоитъ; потому что у насъ передъ глазами живое доказательство-это остатки Зырянъ».

[45]) Волог. губ. Вѣд. 1853 года № 6: «О поселеніяхъ Новгородцевъ въ Зырянскомъ Краѣ», г. Е. Кичина; и 1862 г. № 4: «В. Н. Латкинъ и Печорская компанія», г. С. Лашкарева.

*) Послѣ составленія цитируемой статьи нашей мы узнали, что въ Ижемскомъ нарѣчіи Зырянскаго языка буква „ц“ замѣняетъ „ч“, употребляемое въ другихъ зырянскихъ нарѣчіяхъ; но Ижемское нарѣчіе не могло имѣть вліянія на русскій языкъ, потому что оно самое сѣверное, и Ижемцы не сосѣди Русскихъ.— Да и у нихъ „ц“ выговаривается не чисто, а съ примѣсью звука „ч“.

болѣе такой порядокъ разселенія имѣлъ мѣсто въ Вологоской губерніи, которая изрѣзана многоводными рѣками и покрыта непроходимыми ни для коннаго, ни для пѣшаго болотами и лѣсными дебрями. По какимъ именно рѣкамъ и куда направлялась славянорусская колонизація—вопросъ, для насъ посторонній.

ГЛАВА III.

МАТЕРІАЛЬНЫЙ И НРАВСТВЕННЫЙ БЫТЪ ДРЕВНЕЙ ПЕРМИ.

Предки Зырянъ не знали прочной осѣдлости; по крайней мѣрѣ, не имѣли прочныхъ жилищъ.—Вопросъ объ отношеніи Чуди къ Зырянамъ.—Древніе Зыряне не занимались хлѣбопашествомъ; питались сырымъ мясомъ и рыбой; ѣли мясо лошадей и бѣлокъ; не употребляли соли.—Родовой бытъ.—Отсутствіе гражданскихъ отношеній.—Семейный бытъ: равнодушіе къ цѣломудрію женщинъ.—Умыканье и вѣно.—Посланіе Митрополита Симона и ужичество; преданіе о происхожденіи Воогуличей.—Древняя религія Зырянъ.—Заключеніе.

Мы не обязываемся предложить читателямъ подробный и обстоятельный очеркъ быта древней Чуди; потому что не имѣемъ въ виду достаточныхъ для того источниковъ: въ памятникахъ древней письменности, если иногда и встрѣчаются извѣстія объ этомъ предметѣ, то всегда въ видѣ риторическихъ, безсодержательныхъ фразъ; преданій почти нѣтъ, а если и есть, то сильно искаженныя; вещественныхъ древностей очень мало, да и тѣ, какъ должно, не обслѣдованы и, Богъ знаетъ, гдѣ находятся; и, наконецъ, зырянскій языкъ даетъ матеріалъ только для бѣдныхъ и скудныхъ выводовъ. Однимъ словомъ, даже совокупность всѣхъ названныхъ сейчасъ источниковъ вынуждаетъ насъ ограничиться лишь попыткою составить, по возможности, полный сводъ кое-какихъ свѣдѣній объ образѣ жизни предковъ нынѣшнихъ Зырянъ.

Мы видѣли, что финское племя вышло изъ глубины Азіи и принадлежитъ къ алтайской расѣ. Между тѣмъ извѣстно, что почти всѣхъ народовъ этой расы исторія застала въ кочевомъ или полукочевомъ состояніи. Зауральскіе сосѣди и близкіе родственники Зырянъ,—Вогуличи, Остяки и Манцы, до сихъ поръ не знаютъ осѣдлой жизни; да, наконецъ, и самихъ Зырянъ нельзя назвать народомъ прочно-осѣдлымъ: и теперь еще большая часть ихъ взрослаго мужскаго населенія, занимаясь звѣроловствомъ и птицеловствомъ, всю зиму странствуетъ по лѣсамъ и только лѣто проводятъ въ мѣстахъ такъ называемаго постояннаго жительства; Печорскіе-же Зыряне и лѣтомъ, вмѣстѣ съ семействами, проживаютъ или на Брусяной горѣ или на рыбныхъ промыслахъ, — за цѣлыя сотни верстъ отъ селеній.

Справедливость этого предположенія подтверждается другимъ, уже основаннымъ на болѣе твердыхъ данныхъ. Передавая сущность преданій объ аборигенахъ Вологодской губерніи, мы имѣли случай замѣтить, что жилищами Заволоцкой Чуди были землянки. Теперь-же намъ остается только прибавить, что нынѣшнее устройство избы Зыряпина, со всѣми ея принадлежностями, кромѣ не существенной — окна на печкѣ, — чисто русское, и что, слѣдовательно, постоянныя, прочныя жилища Зыряне стали строить послѣ того, какъ познакомились съ Русскими [46]). Едва-ли мы допустимъ много произволу, если позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о томъ, какимъ именно образомъ устроивало свои жилища древнее чудское населеніе Россіи. Указаніе на этотъ предметъ мы находимъ у Ибнъ-Даста (изд. Хвольсона 1869 г.). По словамъ его: «Въ землѣ Славянъ холодъ бываетъ до «того силенъ, что каждый изъ нихъ выкапываетъ себѣ «въ землѣ родъ погреба, который покрываютъ деревян«ною остроконечною крышею и на крышу накладыва-

---

[46]) Здѣсь, пользуясь случаемъ, мы приведемъ не упомянутое нами ранѣе толкованіе слово «Коми» сдѣланное авторомъ статьи «Село Лена» (Вол. Губ. Вѣд. 1853 г. № 39), г. Устюжаниномъ (псевдонимъ). Онъ утверждаетъ, что слово Коми (собственное названіе Зырянъ) происходитъ отъ «комынъ» хижина (не на оборотъ-ли скорѣе?), и значитъ живущій въ хижинѣ, что «Зыряне думали отличить себя отъ здѣшнихъ аборигеновъ—отъ *дикой Чуди*, которую они застали здѣсь живущую въ ямахъ и шалашахъ», что, вытѣснивъ ее отсюда далѣе въ сѣверныя тундры, или истребивъ на мѣстѣ, построили себѣ селенія сперва изъ хижинокъ. «Не отсюда-ли, можно думать, и Куманы, тоже потомки жителей сѣверной Россіи»? Явно, что такое толкованіе слова «Коми», есть незаслуживающая вниманія натяжка. Но для насъ важно то, что г. Устюжанинъ, вторя общему убѣжденію, отправляется какъ отъ факта, что древніе обитатели Зырянскаго края не имѣли домовъ. Замѣчателенъ также и не лишенъ основанія намекъ, что Половцы (Куманы) одного происхожденіе съ Зырянами. Созвучіе словъ Куманы и Комины ничего-бы не значило, если бы такія слова, каковы Саркелъ, Вежа, не были чисто зырянскими и если-бы намъ не было извѣстно, что въ курганахъ Новороссіи выкапываются иногда такія же вещи, какія найдены г. Сидоровымъ на Печорѣ (мѣдныя изображенія лошадей, — „коньковъ“, какъ называютъ ихъ въ Вологодской губерніи). Этому предмету мы предполагаемъ когда нибудь посвятить особое сочиненіе; теперь же ограничиваемся только настоящею замѣткою, чтобы не удалиться отъ прямой цѣли.

«ютъ земли. Въ такіе погреба переселяются со всѣмъ «семействомъ, и, взявъ нѣсколько дровъ и камней, рас«каляютъ послѣдніе до красна. Когда же камни раска«лятся, ихъ поливаютъ водой, отчего распространяется «паръ, нагрѣвающій жилье до того, что снимаютъ одеж«ду. Въ такомъ жильѣ остаются до весны». Хотя Ибнъ-Дастъ и говоритъ это о жителяхъ «земли Славянъ»; но во-первыхъ мы знаемъ, какъ часто арабскіе писатели смѣшивали одну съ другою обитавшія въ нынѣшней Россіи народности; во-вторыхъ извѣстно, что древніе Славяне съ незапамятныхъ временъ жили въ деревянныхъ избахъ, и что Новгородцы, по Нестору, даже парились въ баняхъ, построенныхъ изъ дерева; и въ третьихъ, наконецъ, сказаніе Ибнъ-Даста, ни мало не противорѣча до нашего времени сохранившимся въ Вологодской губерніи преданіямъ о жилищахъ Чуди, даже разъясняетъ ихъ въ подробностяхъ. Поэтому мы можемъ думать, что Ибнъ-Дастъ говоритъ здѣсь о жилищахъ Чуди. Такія именно жилища и пригодны были для звѣролововъ, перемѣнявшихъ мѣсто стоянокъ, смотря по обстоятельствамъ, и имѣвшимъ нужду только на зиму укрывать свои семейства отъ страшныхъ морозовъ. Сообщаемое Ибнъ-Дастомъ извѣстіе подтверждается и раскопками кургановъ въ Московской губерніи (см. г. Гатцука «Изслѣдов. кургановъ Московской губерніи 1863 и 1864 гг.» въ Труд. Московск. Археол. Общ. Т. 1.).

Замѣчательно, что сами Зыряне развалины или, точнѣе говоря, слѣды жилищъ своихъ предковъ, находящіеся въ Устьсысольскомъ и Яренскомъ уѣздахъ, также, какъ и Русскіе, называютъ «чудскими могилами», считая Чудь, т. е. древнихъ обитателей края, народомъ чуждымъ себѣ, иноплеменнымъ и даже враждебнымъ. Это ввело въ заблужденіе многихъ писателей, усиливавшихся объяснить происхожденіе Зырянъ на основаніи туземныхъ преданій безъ всякой критики ихъ. Принимая такія преданія за безспорную историческую истину, они впали въ натяжки и стали-было отыскивать прежнее мѣсто жительства этого народа: то—въ окрестностяхъ Финскаго Залива [47]), то въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, или на берегахъ Сухоны [48]), — и т. п. На самомъ-же дѣлѣ Зыряне такой взглядъ на Чудь, вмѣстѣ съ множествомъ повѣрій и т. п., заняли отъ Русскихъ черезъ посредство обрусѣвшихъ уже сосѣдей своихъ. Это убѣжденіе мы основываемъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: 1) Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что обрусѣвшіе теперь жители Сольвычегодскаго уѣзда были нѣкогда тѣже Зыряне, остатки которыхъ въ Устьсысольскомъ и Яренскомъ уѣздахъ до сихъ поръ сохранили свой языкъ; потому что самые достовѣрные памятники древней письменности, каково напр. житіе св. Стефана, называютъ ихъ однимъ именемъ — Пермь, и не дѣлаютъ между тѣми и другими никакого этнографическаго различенія. Между тѣмъ Сольвычегжане не отличаютъ Зырянъ отъ Чуди. 2) Чудью-же называютъ наши древнѣйшія лѣтописи всѣхъ обитателей Европейской Россіи, начиная съ Мери и Муромы, или къ сѣверу отъ верховьевъ Оки.—Между тѣмъ мы уже видѣли, что многія названія урочищъ даже въ южной части бывшей чудской территоріи объясняются зырянскимъ языкомъ. Слѣдовательно, если и предположимъ, что во времена доисторическія произошло въ предѣлахъ Вологодской губерніи какое нибудь передвиженіе народовъ, то народы эти были одноплеменные и одноязычные. При томъ-же ни лѣтописи, ни другіе письменные документы, называя жителей Заволочья Чудью, ни о какихъ болѣе инородцахъ неупоминаютъ.—Положимъ, что Финское племя, переходя изъ Азіи въ Европу, могло потѣснить какихъ-нибудь иноплеменниковъ; но это могло случиться въ столь отдаленное время, до котораго не способны досягать даже и преданія, особенно зырянскія, вообще начинающіяся не ранѣе эпохи просвѣщенія Перми христіанствомъ. 3) Нетуземное происхожденіе зырянскихъ преданій о Чуди, какъ о народѣ-иноплеменномъ, доказывается также безсодержательностію ихъ. Въ другихъ мѣстностяхъ, къ чудскимъ могиламъ, напримѣръ, всегда привязанъ какой-нибудь, болѣе или менѣе живой и своеобразный разсказъ о столкновеніяхъ Русскихъ съ туземцами; Зыряне же думаютъ только, что въ «могилахъ» скрываются зарытые Чудью клады и о международной враждѣ не знаютъ [49]). И 4) Чудскія могилы, какъ въ Устьсысольскомъ и Яренскомъ, такъ и въ другихъ уѣздахъ Вологодской губерніи и по наружности, и по находкамъ въ нихъ,—сходны; слѣдовательно опять Чудь Русскихъ и Чудь—Зырянъ одинъ и тотъ-же народъ.

Уже изъ того, что предки Зырянъ не имѣли прочной осѣдлости, вытекаетъ прямое заключеніе, что они не были народомъ земледѣльческимъ. Несмотря на то существуетъ противное мнѣніе, которое, впрочемъ печатно высказано и обставлено доказательствами однимъ г. М. Михайловымъ. Этотъ писатель утверждаетъ, что Зыряне искони были народомъ земледѣльческимъ; такъ какъ въ языкѣ ихъ есть собственныя слова для выраженія понятій о продуктахъ земледѣлія, земледѣльческихъ орудіяхъ и т. д., каковы наприм. «идъ» — ячмень, «зоръ» овесъ, «сю» — рожь, «тусь» — хлѣбное зерно, «шабды» — ленъ, «контусь» — конопля, «шепъ» — колосъ, «идзясъ» — солома, «кольта» — снопъ, «рынымъ» — овинъ, «горъ» — соха, «пиня» — борона, «чарла» — серпъ, «кодзьны» — сѣять, «вертны» — молотить и т. д. [50]). Мы считаемъ

[47]) См. примѣч. 9.

[48]) См. примѣч. 13.

[49]) Вологодскія Губернскія Вѣдомости 1859 года № 35, «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйственный бытъ», г. В. Аврамова.

[50]) Тамъ же 1852 г. № 33: «О земледѣліи и скотоводствѣ у Зырянъ», г. Михайлова.

нужнымъ, сколь можно подробно и осязательно, обнаружить несостоятельность этого мнѣнія: потому что такимъ образомъ получимъ новое подтвержденіе того, что уже сказано нами объ образѣ жизни древнихъ Зырянъ. Во 1-хъ, существованіе въ Зырянскомъ лексиконѣ исчисленныхъ г. Михайловымъ словъ ничего не доказываетъ; потому что если не во всѣхъ, то въ очень многихъ языкахъ есть собственныя слова для выраженія понятій, безспорно позаимствованныхъ у другихъ народовъ. Такъ и въ зырянскомъ есть напримѣръ: «вичько»—церковь, «пыртсьомъ» — крещеніе, «висьтасьомъ» — исповѣдь, «сьодъ-турынъ»—чай, «гижны»—писать и т. д. Во 2-хъ, г. Михайловъ приводитъ зырянское названіе овса—«зоръ». Мы къ этому прибавимъ, что и пшеница также имѣетъ зырянское названіе — «шабды». Но овесъ и пшеница только въ самое недавнее время появились въ Зырянскомъ краѣ; такъ напр. овесъ въ Княжпогостѣ,—мѣстности, относительно не слишкомъ удаленной къ Сѣверу, —стали сѣять только въ 1845 году [51]. И, при томъ, сами Зыряне до сихъ поръ его не употребляютъ ни въ видѣ муки, ни въ видѣ крупы, ни даже въ видѣ корму для скота (лошадей они кормятъ ячменемъ), — и весь урожай его продаютъ для сплава къ Архангельскому порту. — Въ 3-хъ, Зыряне вышли, какъ мы видѣли, вовсе не изъ земледѣльческаго отечества. Въ 4-хъ, многіе изъ нихъ и до сихъ поръ, какъ увидимъ, не занимаются земледѣліемъ и самая мѣстность, ими обитаемая, принадлежитъ къ полосѣ начальнаго хлѣбопашества. Въ 5-хъ, всѣ механическіе пріемы земледѣлія и хозяйственный распорядокъ (трехпольная система, новины, земледѣльческія орудія, половники, помочи и т. п.) заняты у Русскихъ. Въ 6-хъ, земледѣліе находится въ лучшемъ положеніи и составляетъ главное занятіе жителей только въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя несомнѣнно заселены Новгородцами, и, кромѣ того, преданія положительно говорятъ, что Новгородцы, поселяясь въ землѣ Заволоцкой Чуди, *вводили тамъ хлѣбопашество*. Такъ Своеземцевъ, пріобрѣвъ обширныя земли по Вагѣ, распродалъ ихъ «по частямъ, *для обработыванія*, другимъ Новгородцамъ, отчего эти частныя землевладѣнія и извѣстны были подъ именемъ *боярщинъ*» [52]. Въ 7-хъ, есть преданіе, которое прямо говоритъ, что Чудь не занималась земледѣліемъ [53]. И въ 8-хъ Зыряне не имѣли домашнихъ птицъ,—этихъ спутниковъ земледѣлія. Названія пѣтуха и курицы, которые одни и водятся въ Зырянскомъ краѣ,—и то не вездѣ,—заняты у Русскихъ: «пѣтукъ» и «чипа» (отъ ципа) [54]. Точно также у Русскихъ заимствовано и названіе свиньи — «порсь» (отъ «поросенокъ»), — этого по преимуществу хлѣбнаго домашняго животнаго.

Есть основаніе думать, что предки Зырянъ, даже не въ очень давнее время, рыбу и мясо ѣли въ сыромъ видѣ; потому что такое обыкновеніе, говорятъ и даже пишутъ, и теперь еще кое-гдѣ въ Зырянскомъ краѣ существуетъ [55].

Изъ преданій видно, что они ѣли лошадиное мясо. Мы много разъ слыхали въ Яренскѣ разсказъ, что послѣ того, какъ св. Стефанъ, просвѣтивъ св. крещеніемъ жителей селенія Гамъ, отправился далѣе вверхъ по Вычегдѣ, они обратились къ старымъ, поганымъ обычаямъ и когда онъ возвратился, съ насмѣшкою говорили ему: «Степанъ, Степанъ! Мы опять ѣдимъ кобылятину!»

По всей вѣроятности, до знакомства съ Русскими, Зыряне ѣли бѣличье мясо; потому что первые и теперь еще называютъ ихъ иногда, въ насмѣшку, «векшеѣдами». — Вообще въ древней письменности, какъ наприм. въ посланіи Московскаго Митрополита Симона къ Великопермскому князю Матвѣю Михайловичу отъ 22 августа 1501 года, встрѣчаются сѣтованія на пермскій народъ за употребленіе въ пищу нечистаго и идоложертвеннаго. Правда, названная нами грамота касается собственно новообращенныхъ тогда Пермяковъ, но Пермяки и Зыряне были въ то время одинъ народъ, даже и по названію.

Предки Зырянъ едва ли имѣли понятіе о соли. Не смотря на то, что Зырянскій край весьма изобиленъ соляными источниками, мы достовѣрно знаемъ, что первые солевары тамъ были русскіе. Тому обстоятельству, что соль и по зырянски называется «соль» мы не придаемъ особеннаго значенія; но не можемъ оставить его безъ упоминанія.

Г. И. Куратовъ положительно утверждаетъ, что древній бытъ Зырянъ былъ родовой, патріархальный; но, къ сожалѣнію, мнѣнія своего онъ не подкрѣпляетъ никакими фактами и даже соображеніями [56]. Правда, онъ говоритъ, что въ зырянскомъ языкѣ до сихъ поръ нѣтъ словъ для выраженія понятій, всегда существующихъ въ граждан-

---

[51]) Тамъ же 1853 г. № 46: «Прогулка по Княжпогосту», г. П. Богданова.

[52]) Тамъ же 1855 г. № 41: «Важская область».

[53]) См. послѣ, въ примѣч. 83.

[54]) Передѣлка слова «ципа» въ «чипа» еще можетъ быть объяснено какою нибудь случайностью; но о «пѣтукъ» этаго уже никакъ нельзя сказать, потому что здѣсь явно русское «х» замѣнено зырянскимъ «к», за неимѣніемъ въ языкѣ Зырянъ звука, выражаемаго первою буквою.

[55]) Г. Ф. Арсеньевъ въ статьѣ своей «о промышленныхъ и торговыхъ сношеніяхъ въ Зырянскомъ краѣ», помѣщенной въ Памятной книжкѣ Вол. Губ. на 1865 и 1866 гг. говоритъ: «когда Зыряне на рыбной ловлѣ проголодаются они дѣлаютъ перехваточку (закусываютъ) сырою рыбою, выдавивши изъ ней кишки и соскобливши ногтемъ чешую. Непріятно видѣть, какъ живая рыбешка трепещется и корчится въ зубахъ Зырянина, уписывающаго ее съ великимъ наслажденіемъ». — Объ употребленіи сыраго мяса см. Вол. Губ. Вѣд. 1866 г. № 6: «Поѣздка въ Устьсысольскъ», г. В. Кичина.

[56]) Волог. Губ. Вѣдом. 1865 г. №№ 23 и слѣд. «Зырянскій языкъ», г. И. Куратова.

скихъ обществахъ: а) *о различныхъ отношеніяхъ власти къ подчиненнымъ*, каковы: царь [57]), князь, подчиненный, господинъ, рабъ, милость и т. п.; б) *о законности, дисциплинѣ, приличіяхъ и другихъ условіяхъ жизни въ обществѣ*, какъ-то: законъ, судъ, казнь, честь, порядокъ, свобода, неволя, уваженіе, благодарность; в) *о движеніяхъ и потребностяхъ ума и души*, какъ напримѣръ: думать, любить и проч. и г) *о наукахъ, искусствахъ, торговлѣ и ремеслахъ, кромѣ самыхъ простыхъ*. Но изъ всего этого можно только заключить о низкой степени гражданскаго развитія народа—и ничего болѣе.—Напротивъ того, въ лѣтописяхъ и грамотахъ конца XV вѣка упоминаются великопермскіе князья (Михаилъ и сынъ его Матвѣй), какъ самостоятельные (сперва) владѣтели довольно обширной страны по р. Камѣ [58]); упоминаются также князья Вымскіе [59]); въ поступной грамотѣ на земли по р. Вагѣ въ пользу Своеземцева контрагенты его Азика, Карагапецъ, Ровда и Игнатецъ называются князьями и *старостцами* [60]); въ преданіи о Ягъ—мортѣ говорится о *старшинахъ*; и наконецъ противникъ св. Стефана—Памъ, по инымъ источникамъ «Панъ» иногда титулуется *сотникомъ* и вмѣстѣ съ тѣмъ называется волхвомъ и чародѣемъ [61]). Но что это были за князья, старосты, старшины, сотники и т. д.—источники положительно не говорятъ.—Только изъ великокняжескаго титула, даваемаго русскими властями въ оффиціальныхъ грамотахъ Пермскимъ владѣтелямъ, мы вправѣ заключить, что въ этомъ княжествѣ существовала даже цѣлая правительственная іерархія: титулъ великаго князя уже предполагаетъ существованіе простыхъ подчиненныхъ, младшихъ правителей. Что касается до прочихъ князей, старостъ и т. д., то мы уже имѣли случай замѣтить, что кругъ ихъ дѣятельности былъ чрезвычайно ограниченъ. Кромѣ того существованіе Вымскихъ князей пока подлежитъ сильному сомнѣнію. Хотя въ лѣтописяхъ одинъ разъ и говорится, что Вымскій князь Василій въ 1465 году, вмѣстѣ съ устюжскимъ атаманомъ Скрябою, принималъ участіе въ походахъ на Вогуличей и Югру [62]); но туземный-ли это былъ князекъ? Странно: ни раньше, ни послѣ того нигдѣ не упоминается о Вымскихъ князьяхъ, хотя случаевъ къ тому представлялось весьма много. Такъ, въ повѣствованіяхъ о проповѣди св. Стефана разсказывается о волхвѣ Памѣ, какъ о лицѣ, имѣвшемъ сильное вліяніе на «всю землю Пермскую»; послѣ, въ извѣстіяхъ о набѣгахъ на Вычегодкій край Вогуличей, Вятчанъ и Новгородскихъ ушкуйниковъ говорится о мѣрахъ, которыя принимали къ умиротворенію страны Устьвымскіе епископы, а о дѣятельности князей—ни слова. Г. Михайловъ думалъ даже отыскать *резиденцію* Вымскихъ князей, пользуясь русскимъ названіемъ одного зырянскаго селенія «Княжпогостъ» [63]); но онъ во первыхъ забылъ, что древній «погостъ» далеко не *резиденція*, т. е., что погостами назывались мѣста временныхъ остановокъ князей и даже ихъ чиновниковъ при разъѣздахъ по подвѣдомственнымъ имъ областямъ для сбора даней, суда и пр.; и во-вторыхъ не принялъ въ соображеніе, что погостовъ въ такомъ смыслѣ для Вымскихъ князей, если бы эти князья и существовали, вовсе не было нужно, по незначительности ихъ владѣній. Иные думаютъ, что Вымскіе князья живали въ сел. Турьѣ, но не видно на чемъ основывается такое мнѣніе [64]). Надобно замѣтить, что ни въ Княжпогостѣ, ни въ Турьѣ нѣтъ никакихъ древностей [65]), кромѣ кое-какихъ мелочей [66]), которыя часто и не тамъ только попадаются. Называютъ, наконецъ, Удорскихъ князей, основываясь на томъ, что въ царскомъ титулѣ есть выраженіе «Князь Удорскій» [67]). Основаніе шаткое; но если и такъ, то каково было это княжество, когда на Удорѣ въ настоящее время только 2000 душъ муж. пола? Намъ кажется, что своеобразностью, въ глазахъ нашихъ лѣтописцевъ и составителей правительственныхъ актовъ, власти всѣхъ этихъ князей, старостъ и т. д. и невозможностью точно мѣрять ее на нашъ аршинъ и объясняется то обстоятельство, что въ памятникахъ или вовсе не упоминается объ нихъ, какъ объ администраторахъ и политическихъ дѣятеляхъ, или если и упоминается, то, за недостаткомъ соотвѣтствую-

---

57) Г. Куратовъ, какъ природный и притомъ образованный Зырянинъ, въ дѣлѣ зырянской филологіи, конечно, долженъ пользоваться сильнымъ авторитетомъ; но мы не можемъ не замѣтить, что г. Михайловъ (Вол. Губ. Вѣд. 1850 г. № 20: «Устьвымъ»), объясняя употребленное въ древнемъ переводѣ на зырянскій языкъ Молитвы Господней выраженіе *каноланыдъ* (царствіе Твое), говоритъ, будто въ удорскомъ нарѣчіи и теперь существуетъ слово *канъ* (Ханъ) для выраженія понятія о царѣ. Впрочемъ, такъ какъ ни изъ одного историческаго документа или преданія не видно, чтобы у Чуди или Зырянъ были лица, коимъ бы придавался такой титулъ; то мы думаемъ, что слово «канъ», если оно дѣйствительно на Удорѣ употребляется, проникло туда случайно, именно посредствомъ переводовъ священнаго писанія. Переводчикъ могъ употребить его потому, что въ то время (во второй половинѣ XIV вѣка) слова Ханъ и Царь были синонимами. — Замѣчательно, что въ новѣйшемъ переводѣ той же молитвы Господней слово «*каналаныдъ*» замѣнено «саралóмыдъ», въ которомъ корень «саръ» уже не имѣетъ столь точнаго смысла, какъ царь или ханъ и, по словамъ г. Михайлова, «выражаетъ понятіе о почтеніи и уваженіи, приличныхъ царямъ, святости и всему высокому, блаженному».

58) См. Тамъ же.

59) Волог. Губ. Вѣд. 1850 г. № 34. Примѣч. къ ст. г. Михайлова—«Устьвымъ».

60) См. примѣч. 25.

61) Волог. Губ. Вѣд. 1849 г. № 20: «Стат. описаніе Яренскаго уѣзда», г. П. Протопопова, и 1847 г. № 2: „О св. Стефанѣ Пермскомъ“.

62) См. Тамъ же.

63) Тамъ же 1853 г. № 46: „Прогулки по Княжпогосту“, г. П. Богданова.

64) См. Тамъ же.

65) Волог. Губ. Вѣд. 1842 г. № 41: „Первая поѣздка на Удору“, неизвѣстнаго автора.

66) См. Тамъ же.

67) См. примѣч. 19.

щихъ туземнымъ понятіямъ русскихъ словъ, употребляются самыя разнообразныя и иногда даже странныя выраженія, напр. сотникъ. Въ виду этого, а также того, что напр. Паму приписывается и свѣтская власть и духовное значеніе — «его-же волхвованіемъ управляемой быти всей земли пермстей» — намъ приходитъ на мысль: не были-ли это старшины родовъ? Мы видѣли, что Азика, Рёвда, Караганецъ и Азика, называемые *старостцами* имѣли право отчуждать огромныя пространства земли, какова Важская область, какъ собственность, на частномъ правѣ, что̀ было-бы несовмѣстно съ предѣлами власти князей въ томъ смыслѣ, какой вообще усвоенъ у насъ этому слову. Кстати замѣтимъ, что слово «Рёвда» едва-ли не имя нарицательное, потому что «Рёвдъ» было очень много. Не обозначало-ли оно старшину рода? Если такъ, то для насъ не странно будетъ, что чудскіе князьки, какъ бы Русскіе ихъ ни титуловали, и продавали земли, какъ частную собственность, и имѣли религіозное, духовное значеніе. Самое слово Панъ, если оно такъ должно читаться, едва-ли не есть имя нарицательное, какой-нибудь титулъ; потому что, кромѣ Пана или Пама зырянскаго мы знаемъ пановъ въ разныхъ частяхъ бывшей чудской территоріи. Такъ близь г. Вельска (Вологодской губерніи) указываютъ по р. Вели мѣста осѣдлости какихъ-то пановъ и устроенныя будто-бы ими, для рыболовства, подводныя сооруженія. Въ статьѣ г. Мельникова «Очерки Мордвы» (Русск. Вѣстн. 1867 г. кн. 6) мы встрѣчаемъ извѣстіе, что въ разныхъ частяхъ Мордовской земли сохраняются преданія о древнечудскихъ князькахъ, называемыхъ «панками».

Столь-же, если не болѣе, скудны и извѣстія о домашнемъ, семейномъ бытѣ древнихъ Зырянъ.

Говоря о томъ, что равнодушіе къ цѣломудрію женщинъ было одною изъ причинъ обрусѣнія Пермскаго народа, мы обѣщали, въ другомъ мѣстѣ, распространиться о такомъ племенномъ порокѣ. Вотъ факты, на которыхъ мы основываемъ наше убѣжденіе. Въ настоящее время изъ всѣхъ уѣздовъ Вологодской губерніи самое большое число незаконнорожденныхъ бываетъ въ Устьсысольскомъ уѣздѣ, который сплошь заселенъ Зырянами. Такъ, въ 1864 г. тамъ одинъ незаконнорожденный пришелся на 17 законнорожденныхъ. За Устьсысольскимъ уѣздомъ слѣдуетъ Яренскій, часть котораго уже обрусѣла: здѣсь одинъ незаконнорожденный пришелся на $18^1/_2$ законнорожденныхъ. За Яренскимъ — Сольвычегодскій, обрусѣвшій послѣ всѣхъ остальныхъ уѣздовъ: здѣсь одинъ незаконнорожденный пришелся на $20^3/_4$ законнорожденныхъ. За Сольвычегодскимъ — нѣсколько ранѣе его обрусѣвшіе Вельскій и Никольскій: въ первомъ одинъ незаконнорожденный пришелся на 27 законнорожденныхъ, а въ послѣднемъ—на 29 и т. д. [68]).

Нельзя не замѣтить здѣсь, что процентъ незаконныхъ рожденій выше всего тамъ, гдѣ обѣ народности ближе одна къ другой, какъ напримѣръ въ Устьсысольскѣ, Сергіевскомъ заводѣ и т. п. Но вообще, сравнивая болѣе обширные округи, видимъ, что чѣмъ чище чудская кровь, тѣмъ выше процентъ незаконныхъ рожденій,—и это теперь, когда христіянская нравственность и новые обычаи имѣютъ сильное вліяніе на Зырянъ. Что-же было въ древности?

Трудно сказать, имѣетъ ли какое нибудь отношеніе къ сейчасъ названному пороку существовавшее у Зырянъ «умыканье дѣвицъ». Такой способъ заключенія брачныхъ союзовъ, можетъ быть, уже не существуетъ въ Зырянскомъ краѣ; но существовалъ недавно: о подробностяхъ его мы слышали отъ лица, непосредственно наблюдавшаго его въ 1830-хъ годахъ. Замѣчательно, что зырянское «умыканье» напоминаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поясняетъ и дополняетъ сказаніе Нестора о бракахъ у древнихъ славянъ. Лѣтописецъ говоритъ: «А Древляне жи-«вяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски, убиваху «другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не «бываше; но умыкиваху у воды дѣвиця. И Радимичи, «и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имѣяху; живяху «въ лѣсѣ, яко же всякій звѣрь, ядуще вся нечисто, «срамословье въ нихъ предъ отьцы и предъ снохами; «браци не бываху въ нихъ; но игрища межю селы. Схо-«жахусь на игрища и на вся бѣсовьская игрища, и ту «умыкаху жены себѣ, съ нею-же кто свѣщашеся; имяху-«же по двѣ и по три жены» [69]). У Зырянъ умыканье подготовлялось также на игрищахъ. Если молодому человѣку нравилась дѣвица, но онъ почему нибудь не могъ разсчитывать на согласіе родителей ея отдать ее за него; то на игрищѣ срывалъ съ нея платокъ и уносилъ съ собой. Если послѣ того дѣвица, имѣя случай просить о возвращеніи платка, не просила, — это считалось согласіемъ съ ея стороны, во что бы то ни стало, отдать свою руку. Въ такомъ случаѣ влюбленные вѣнчались тайно отъ родителей невѣсты. Послѣ вѣнчанья новобрачные выбирали посредника, какого-нибудь кума, свата или просто пріятеля родителей невѣсты, который и отправлялся къ послѣднимъ, запасшись виномъ. Отецъ молодой, конечно зная уже въ чемъ дѣло, сначала горячился, но потомъ, послѣ угощенія, уступалъ убѣжденіямъ посредника, перелагалъ гнѣвъ на милость и давалъ обѣщаніе простить виноватыхъ. А тѣ этого уже ждали: они тотчасъ же являлись, падали, какъ водится, въ ноги, — и получали благословеніе.

Мы слышали также, что въ недавнее время въ Устьсысольскомъ уѣздѣ бывали случаи покупки невѣстъ, что̀, какъ будто, соотвѣтствуетъ нашему древнему «вѣно» [70]).

---

[68]) Памятн. книжки Волог. губ. на 1865 и 1866 гг., таблица: «Число рожденій».

[69]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. томъ 1, стр. 6.

[70]) Покупка невѣстъ, какъ извѣстно, до выхода помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, имѣла мѣсто вездѣ въ Россіи,

Такимъ образомъ оба способа заключенія брачныхъ союзовъ, существовавшіе у Славянъ, по Нестору, каждый отдѣльно въ разныхъ мѣстностяхъ, — у Зырянъ встрѣчаются совмѣстно, рядомъ одинъ съ другимъ. Профессоръ Соловьевъ происхожденіе того и другаго обычая объясняетъ родовымъ бытомъ Славянъ. Мы-же не отвергая такого мнѣнія, замѣтимъ, что на нашъ взглядъ, бракъ посредствомъ умыканья есть бракъ по страсти, а бракъ за «вѣно» — бракъ по разсчету, что и тотъ и другой порядокъ, можетъ быть, и у Славянъ не исключали другъ друга, и что напротивъ того существованіе одного, именно брака за вѣно, предполагаетъ существованіе другаго и еще скорѣе на оборотъ: иначе «умыканье» не имѣло-бы смысла.

Особенности семейнаго быта пермскаго народа поражали современниковъ. Такъ, Митрополитъ Симонъ въ грамотѣ Великопермскому князю Матвѣю Михайловичу обращается къ Пермякамъ съ такимъ увѣщаніемъ: «Ни женитвъ незаконныхъ не чините, яко же слышу о васъ, что поимаются въ племени по ветхому, по татарскому обычаю: хто у васъ умретъ, а второй его братъ жену его поимаетъ; третій его братъ также творитъ; а жены ваши ходятъ простовласы, непокровенными главами... ино тò чините не по закону христіанскому» [71]).

Упоминаемое Митрополитомъ Симономъ обыкновеніе жениться на вдовахъ братьевъ, какъ будто, напоминаетъ еврейское ужичество; но намъ кажется, что тамъ и здѣсь разныя причины вызвали существованіе его: у евреевъ ужичество установлено для продолженія родовой крови, чѣмъ и объясняется удивительная живость еврейскихъ родовыхъ преданій и генеалогіи, тогда какъ у Зырянъ не только родовыхъ, но и никакихъ преданій почти нѣтъ, или очень мало; по типу нынѣшнихъ евреевъ мы узнаемъ предковъ ихъ въ изображеніяхъ древней египетской живописи, между тѣмъ какъ наружность Зырянъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ напоминаетъ выходцевъ изъ Приалтайскаго края. Итакъ, описываемый Митрополитомъ Симономъ обычай установился у древнихъ Пермяковъ скорѣе вслѣдствіе хозяйственныхъ разсчетовъ и хладнокровнаго, исключительно матеріальнаго воззрѣнія на отношенія мужчины къ женщинѣ.

Г. Михайловъ, основываясь, по его словамъ, на народномъ преданіи, о происхожденіи Вогуличей говоритъ между прочимъ слѣдующее: «Зыряне — идолопоклонники, любя проводить жизнь въ чувственныхъ удовольствіяхъ, не считали этой страсти порокомъ; побочныя дѣти ихъ росли и множились, и такимъ образомъ составили особенное племя, бывшее однакожь въ общемъ народномъ презрѣніи: подобно паріямъ, оно лишено было гражданскихъ правъ, довольствовалось самымъ грубымъ содержаніемъ и служило рабами Зырянамъ. Угнетаемое Зырянами, оно, въ глубокой древности, бѣжало отъ нихъ и составило особый народъ съ прозвищемъ Вогуличей, т. е. незаконнорожденныхъ» [72]). Г. Михайловъ, какъ увидимъ, любилъ украшать произведеніями своей фантазіи не только преданія, но и письменныя извѣстія; такъ и здѣсь онъ придумалъ паріевъ, рабовъ, грубое содержаніе и т. д., забывъ, что въ зырянскомъ языкѣ нѣтъ даже словъ для выраженія понятій о рабѣ, господинѣ и т. п.; но не смотря на то, а также на извѣстный фактъ, что Зыряне и Вогуличи принадлежатъ къ разнымъ, хотя и близкимъ группамъ, одни къ Пермской или Біармской, а другіе — къ Угорской, — самое голое содержаніе преданія, если только оно не чистая авторская выдумка, для насъ не лишено значенія; потому что выражаетъ взглядъ Зырянъ на чувственныя наклонности ихъ предковъ.

Тотъ же авторъ о древнепермской религіи написалъ цѣлыя полторы главы, и не сказалъ ничего положительнаго [73]). Онъ началъ съ голословнаго завѣренія, что религіею Зырянъ было самое грубое идолопоклонство, потомъ, запутавшись въ потокѣ фразъ, высказалъ убѣжденіе, что этотъ народъ имѣлъ самыя чистѣйшія понятія о божествѣ и кончилъ тѣмъ же, съ чего началъ. Разсуждая о кумирницахъ и идолахъ, онъ предварительно сказалъ, что объ этомъ предметѣ не сохранилось никакихъ извѣстій, а потомъ, забывшись, сдѣлалъ подробное описаніе наружнаго вида и внутренности посвященныхъ идолослуженію зданій, обозначилъ въ нихъ мѣста гдѣ хранились орудія жертвоприношеній и т. д. и т. д. Короче сказать, изъ всего многословія г. Михайлова можно понять только то, что все имъ написанное относится къ области фантазіи. Поэтому, умалчивая о подробностяхъ пышныхъ разсужденій его, мы сгруппируемъ болѣе основательныя, хотя и скромныя извѣстія, которыя способны дать возможность покрайней мѣрѣ приблизиться къ истинному взляду на дѣло.

Г. И. Куратовъ утверждаетъ, что предки Зырянъ были народъ шаманствующій [74]) хотя онъ опять ничѣмъ не подкрѣпляетъ своего мнѣнія, но тѣмъ не менѣе оно намъ кажется вѣрнымъ. Многое говоритъ въ пользу его: 1) Шаманство до сихъ поръ существуетъ у соплеменниковъ Зырянъ на ихъ азіатской родинѣ; 2) Чудское племя, судя по лѣтописнымъ извѣстіямъ, и по переселеніи въ Европу, даже во времена историческія, придерживалось шаманства. Чудскіе волхвы и знахари пользовались такою знаменитостью, что даже Русскіе обращались къ нимъ за предсказаніями. Извѣстно, что одинъ изъ нихъ едва не отвлекъ отъ христіанства только что принявшихъ его

вслѣдствіе злоупотребленій отдѣльными лицами помѣщичьей власти; но всѣ Зыряне искони государственные крестьяне; и слѣд. такое обыкновеніе у нихъ объясняется другими, болѣе общими причинами.

71). См. примѣч. 56).

72) Волог. Губ. Вѣд. 1850 г. № 5: „Устьвымъ“.

73) Тамъ же №№ 2 и 3-й.

74) См. по примѣч. 56, Вол. Губ. Вѣд. № 34.

Новгородцевъ; 3) Св. Стефану, какъ говорятъ его жизнеописатели и преданія, при просвѣщеніи Зырянъ христіанствомъ, пришлось бороться главнымъ образомъ съ волхвами и чародѣями, особенно съ вліятельнѣйшимъ изъ нихъ—Памомъ; 4) Тѣ захолустья Пермской земли, куда христіанство проникло позднѣе, еще до сихъ поръ славятся искусствомъ своихъ колдуновъ: таковы въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ—Пинега и въ Яренскомъ—Удора. Но не только Пинега и Удора, а и весь Зырянскій край переполненъ колдунами, пользующимися большимъ вліяніемъ на народъ, — о чемъ подробно скажемъ въ послѣдствіи, и 5) На Удорѣ и Пинегѣ, какъ мы слышали отъ людей, лично наблюдавшихъ бытъ населенія этихъ мѣстностей, дѣйствительно сохранилось замѣчательное искусство напускать нѣкоторыя болѣзни (портить) и вылѣчивать ихъ.

Изъ божествъ, бывшихъ предметами почитанія Пермскаго народа, мы можемъ назвать только двухъ: *Войпеля* и *Золотую бабу*. Первое слово совершенно свободно переводится на русскій языкъ: оно состоитъ изъ двухъ зырянскихъ словъ: «Вой»—сѣверъ, ночь и «пель»—ухо, и слѣд. буквально значитъ сѣверное или ночное ухо; но мы ничего незнаемъ о свойствахъ этого божества. Въ грамотѣ Митрополита Симона къ Великопермскому князю Матвѣю Михайловичу, къ слову Войпель прибавленъ только эпитетъ—«болванъ». Г. Михайловъ, основываясь на грамматическомъ смыслѣ имени идола, говоритъ: «мы думаемъ, что этотъ истуканъ почитался неусыпнымъ стражемъ, вѣрнымъ хранителемъ, защитникомъ народа» [75]); но такое толкованіе болѣе, нежели произвольно.

Что касается до Золотой бабы, то тотъ-же г. Михайловъ считаетъ ее тождественною съ Іомалой Финновъ: «у Финновъ, пишетъ онъ, это грозное, карающее божество «изображалось, какъ извѣстно, въ видѣ злой, безобразной старухи и было въ особенности ими почитаемо. «Зыряне, какъ ближайшая отрасль Финновъ, усвоивъ «формы ихъ языка, отъ нихъ-же заимствовали и миѳологію. Да и самый идолъ «Золотая Баба», упоминаемый «въ грамотѣ Архіепископа Симона, по нѣкоторымъ признакамъ, имѣетъ близкое сходство съ финскимъ «Іомала»; «по смыслу грамоты справедливо можно догадываться, «что онъ есть никто иной, какъ Іомала—въ чемъ убѣждаютъ насъ и преданія, и самыя слова лѣтописей, рѣзко «характеризующія это дикогрозное божество, которое «Зыряне, стараясь умилостивить богатыми приношеніями, всевозможно украшали драгоцѣнными камнями, «серебромъ и золотомъ, и мы думаемъ, что въ грамотѣ «истуканъ этотъ названъ «Золотою Бабою» собственно «по богатству украшеній» [76]). Хотя вся эта тирада состоитъ изъ фразъ и произвольныхъ выдумокъ, основная мысль ея, т. е., что Золотая Баба и Іомала тожественны, вѣрна: къ такому убѣжденію приводятъ слѣдующія соображенія: 1) Въ томъ, что Зыряне нѣкогда почитали Іомалу, трудно сомнѣваться. До сихъ поръ между ними существуетъ поговорка: «іома-баба кодь льокъ», что значитъ: страшна, зла, какъ «іома». Мы спрашивали одну Зырянку, свободно говорящую по-русски, о значеніи слова «Іома», и она не нашла выраженій, чтобы передать страшный смыслъ его. 2) Карамзинъ говоритъ, что [77]) Золотая Баба почиталась въ видѣ каменнаго идола старухи съ двумя младенцами, и что туземцы, убивая оленей, кровью ихъ мазали ротъ этого идола, который пророчествовалъ и *иногда въ окрестныхъ горахъ раздавался звукъ, подобный трубному* и пр. Послѣднее обстоятельство опять указываетъ на тожество Золотой Бабы и Іомалы; потому что, по сказаніямъ исландскихъ сагъ, Норвежцы Тореръ и Карлъ въ XI вѣкѣ, грабя истуканъ Іомалы гдѣ-то на Сѣверной Двинѣ, берега которой, какъ мы знаемъ, были заселены Пермскимъ народомъ [78]), пришли въ ужасъ, услышавъ страшный шумъ и трескъ, разбудившіе стражу, *которая затрубила въ рога* [79]). 3) Герберштейнъ, черезъ 500 лѣтъ послѣ того составлявшій свои записки о Московіи, сообщаетъ весьма интересныя для насъ свѣдѣнія о Золотой Бабѣ. Онъ между прочимъ говоритъ, что «Золотая Баба, т. е. золотая старуха есть идолъ у устьевъ Оби, «въ области Обдорѣ; онъ стоитъ на правомъ берегу». Далѣе: «Разсказываютъ или, справедливѣе, баснословятъ, «что этотъ идолъ Золотой Бабы есть статуя, представляющая старуху, которая держитъ въ утробѣ сына и «что тамъ уже виденъ другой ребенокъ, который, говорятъ, ея внукъ. Кромѣ того говорятъ, что тамъ поставлены какіе-то инструменты, которые издаютъ постоянный звукъ въ родѣ трубнаго. Если это такъ, то, «по моему мнѣнію, это дѣлается оттого, что вѣтры «сильно и постоянно дуютъ въ эти инструменты». Извѣстіе, сообщаемое Герберштейномъ, не только не противорѣчитъ сагѣ, но дополняетъ ее нѣкоторыми подробностями. Разница между ними только та, что идолъ Іомалы Торера и Карла находился въ низовьяхъ Сѣверной Двины, а идолъ Золотой Бабы Герберштейна—при устьѣ Оби, т. е. одинъ на западной, а другой на восточной оконечностяхъ территоріи, которая была занята перм-

---

75) Волог. Губ. Вѣд. 1850 г. № 2: «Устьвымъ».

76) Тамъ-же.

77) Ист. Госуд. Рос. томъ V, гл. 1, по изд. 1830 г.

78) Что берега Сѣв. Двины нѣкогда были заселены Пермью, не подлежатъ никакому сомнѣнію. Мы не будемъ утомлять вниманія читателя мелочными доказательствами такой истины, противъ которой никто не спорилъ; мы ограничимся указаніемъ на то, что св. Стефанъ, какъ увидимъ, въ концѣ XIV в. нашелъ еще Зырянъ на Двинѣ (Пырасъ); что ниже Пыраса и даже заштатнаго города Красноборска есть волость Пермогорье (Сольвычегодскаго уѣзда), и въ самомъ почти устьѣ Двины—Ровдина Гора (см. примѣч. 25).

79) Истор. Госуд. Росс. томъ II, примѣч. 62, по изд. 1830 г.

скою народностью; но такое разнорѣчіе намъ даетъ новый поводъ думать, что тоже божество почиталось и на всемъ пространствѣ, заключающемся между двумя названными рѣками. Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что Зыряне въ лицѣ Золотой-Бабы или Іомалы почитали какое-то страшное, кровожадное божество.

Вообще думаютъ, что въ жертву идоламъ Зыряне приносили звѣриныя шкуры, что̀, безъ всякаго сомнѣнія, справедливо: съ одной стороны, такого рода жертвоприношенія у народа, который исключительно занимался звѣроловствомъ, весьма естественны; а съ другой—добыча Торера и Карла, ограбившихъ храмъ Іомалы, состояла изъ драгоцѣнныхъ мѣховъ.—Нельзя сомнѣваться также и въ томъ, что въ жертву богамъ приносились не только шкуры животныхъ, но и самыя животныя. Не говоря уже о томъ, что ротъ идола Золотой-Бабы намазывался кровью убитыхъ оленей, даже нѣкоторые обычаи нынѣшнихъ Зырянъ напоминаютъ древнія приношенія въ жертву животныхъ: и теперь, въ праздничные дни и въ особыхъ случаяхъ общественныхъ бѣдствій, они колютъ при церквахъ домашнихъ животныхъ; тутъ-же ихъ варятъ и ѣдятъ,—чему противодѣйствуетъ даже духовенство, именно потому, что считаетъ такіе обряды остатками язычества [80]). Вспомнимъ наконецъ ранѣе сказанное нами о сѣтованіяхъ современнаго духовенства на новообращенныхъ Пермяковъ за то, что они употребляли въ пищу нечистое и идоложертвенное.—Кромѣ того, что уже выше сообщено о наружности идоловъ, мы не можемъ умолчать, что, какъ видно изъ одного извѣстнаго намъ преданія, они были и деревянные [81]).

---

[80]) Объ этихъ обычаяхъ въ своемъ мѣстѣ мы будемъ говорить подробно, а пока сдѣлаемъ слѣдующую выписку изъ статьи г. А. Попова „Путевыя замѣтки на пути отъ Устьсысольска къ Вышерскому селенію“ (Вол. Губ. Вѣд. 1848 г. №№ 10—12): «Съ того времени, «какъ на Вышерѣ явилась икона Божіей Матери, обычай жертвоприно«шенія началъ совершаться съ особенною торжественностью. Въ (?) «каждый разъ, когда нужно было совершить обрядъ жертвоприношенія «въ честь явившейся Божіей Матери, утромъ рано прибѣгалъ къ церкви «олень, самый красивый и тучный. Жители замѣчали, что онъ всегда «казался усталымъ, и потому съ вѣроятностью заключали, что про«странство его бѣга было далекое и что онъ не могъ кѣмъ нибудь «быть пріученъ къ явленію въ извѣстный день. Случалось, что иногда «животное опаздывало; но жители всегда были увѣрены въ непремѣн«номъ исполненіи непостижимой Воли, и вѣра въ такомъ случаѣ «всегда оправдывалась. Поэтому, если животное, сверхъ ожиданія, «долѣе обыкновеннаго не являлось, то и богослуженіе не начиналось «до его прихода. Но впослѣдствіи въ каждый годъ стали замѣчать «несвоевременное явленіе оленя и его чрезвычайную усталость и «худощавость. Незная причины неблагопріятныхъ признаковъ въ жи«вотномъ, все это стали относить къ ослабленію вѣры и къ умно«женію грѣховъ въ народѣ; немедленно обращались къ раскаянію и «молитвамъ и таинственное животное въ назначенный день немедленно «прибѣгало. Наконецъ, въ одинъ годъ необыкновенно долго ждали при«хода его, и когда, потерявъ уже всякую надежду, рѣшились, въ ис«полненіе обычая, принести жертву изъ домашнихъ животныхъ, «вдругъ, послѣ богослуженія, прибѣгаетъ жертвенное животное, и, «видя, что оно замѣнено другимъ, падаетъ тутъ же мертвымъ. Съ тѣхъ «поръ таинственный олень болѣе не являлся... При входѣ въ церковь «показываютъ обломокъ оленьяго рога, весьма похожаго на кисть «человѣческой руки съ пальцами; его считаютъ свидѣтельствомъ пре«данія о давноминувшемъ. Ижемцы, въ проѣздъ по здѣшнему селенію, «всегда стараются пріобрѣсти хотя маленькій кусочекъ, который у «нихъ почитается талисманомъ для умноженія своихъ стадъ и т. д. «Ижемцы занимаются оленеводствомъ». (См. примѣч. 1).

[81]) Здѣсь мы приведемъ это преданіе, на которое уже ссылались и будемъ еще ссылаться, въ томъ видѣ, какъ оно записано авторомъ статьи «Ягъ-Мортъ» (Волог. Губерн. Вѣдом. 1855 года №№ 19 и 20), за исключеніемъ не имѣющихъ никакого значенія фразъ. Для краткости мы разскажемъ также своими словами и вступленіе въ эту статью. Въ полуверстѣ отъ Ижемскаго селенія впадаетъ въ р. Ижму рѣчка Куча. На берегу послѣдней возвышается небольшой холмикъ. „Всякій (подлинныя слова автора статьи: „Ягъ-Мортъ), проходящій мимо этого холмика, непремѣнно дол„женъ бросить на него камень, сукъ, палку или что̀-бы то ни было „и, вдобавокъ, плюнуть. Это ведется съ незапамятныхъ временъ и „туземнымъ жителямъ обратилось въ привычку. Кто почему-либо „не исполнитъ такого обряда, того старики какъ разъ объявятъ „вольнодумцемъ, человѣкомъ легкомысленнымъ, неуважающимъ отеческихъ обычаевъ... Объ этомъ холмикѣ много странныхъ басенъ ходитъ въ народѣ, и всѣ они основаны на чертовщинѣ. Старики увѣряютъ, что въ прежнее время очень часто, особенно въ темныя осеннія ночи, запоздалые путники встрѣчали тамъ какихъ-то ужасныхъ страшилищъ, бродящихъ около кургана, и курганъ обнимался синеватымъ огненнымъ пламенемъ; нерѣдко слышались тамъ нечеловѣческіе вопли и завыванія. Вотъ образчикъ сѣверной легенды — преданіе, которое удалось мнѣ однажды слышать въ Ижемскомъ селеніи... Въ эпоху отдаленной древности, когда еще на берегахъ Печоры и Ижмы разсѣянно жили полудикія чудскія племена и, незная хлѣбопашества, питались отъ промысла звѣрей и рыбъ, когда они еще не знали истиннаго Бога и поклонялись богамъ *каменнымъ и деревяннымъ*,—въ дремучемъ лѣсу, окружающемъ одно изъ чудскихъ селеній, появился человѣкъ необыкновенный. Ростомъ онъ былъ едва-ли не съ добрую сосну, по голосу, по виду—дикій звѣрь. Лицо, обросшее черною, какъ смоль, бородою; глаза, налитые кровью и дико сверкающіе изъ подъ густыхъ бровей; косматая одежда изъ невыдѣланной медвѣжьей шкуры: вотъ примѣты этого человѣка, котораго туземцы назвали *Ягъ-Мортомъ*, т. е. лѣснымъ человѣкомъ; — и названіе это вполнѣ соотвѣтствовало образу его жизни: никто не зналъ ни роду, ни племени Ягъ-Морта, никто не вѣдалъ, откуда онъ появился между чудскими жилищами. Ягъ-Мортъ ни съ кѣмъ изъ туземцевъ не имѣлъ сообщенія. Онъ жилъ въ глубинѣ дремучаго лѣса въ недоступныхъ трущобахъ, разсѣянныхъ по берегамъ р. Кучи, и появлялся между людскими жилищами только для грабежа и убійствъ. Робкіе Чудинцы избѣгали всякой съ нимъ встрѣчи. Одно имя Ягъ-Морта наводило страхъ на окрестныхъ жителей; женщины стращали имъ шаловливыхъ дѣтей своихъ:

Ягъ-Мортъ ыджыдъ, кудзь буръ козъ;
Ягъ-Мортъ сіодъ, кудзь пацъ шомъ;
Инъ бордъ, ціо Ягъ-Мортъ воасъ;
Куцинъ бордны—тэнэ сеясъ.

т. е. Ягъ-Мортъ великъ, какъ добрая ель; Ягъ-Мортъ черенъ, какъ печной уголь! Не плачь—замолчи. Ягъ-Мортъ придетъ; станешь плакать—тебя съѣстъ:

«Такъ обыкновенно пѣла молодая чудинка, стараясь унять плачущее дитя свое.

«Для нападеній своихъ на селенія, Ягъ-Мортъ обыкновенно избиралъ ночное время, и тогда, во мракѣ, освѣщенномъ нерѣдко заре-

О почитаніи стихійныхъ божествъ источники вовсе не говорятъ, но оно, конечно, существовало. Въ настоящее время у Зырянъ есть водяные, лѣшіе, домовые, овинные, банные. Хотя нѣкоторыя изъ этихъ вѣрованій заносныя, каково напримѣръ вѣрованіе въ овиннаго, такъ какъ овиновъ у народа, незанимавшагося хлѣбопашествомъ, быть не могло; но другія, несомнѣнно, древняго происхожденія. Въ числѣ послѣднихъ первое мѣсто занимаетъ водяной. Замѣчательно, что названія всѣхъ другихъ нечистыхъ духовъ или чисто русскія, напр. домовой—«сусѣдко», или буквальные переводы съ русскаго; а водяной, кромѣ переводнаго, имѣетъ и чисто Зырянское—«*куль*». Отъ этого корня—«куль» произошло слово—смерть «кулö». Отъ него-же произошли названія множества рѣкъ въ Вологодской и Архангельской губерніяхъ [82]).

Есть основаніе думать, что древніе Зыряне почитали души умершихъ предковъ въ видѣ «Орта», изъ чего и

вомъ пожара, каждый шагъ его обозначался кровью и опустошеніемъ. Онъ уводилъ, рѣзалъ скотъ, похищалъ женъ и дѣтей. Ненависть Ягъ-Морта ко всему живущему простиралась до того, что онъ часто безъ всякой причины убивалъ встрѣчнаго и поперечнаго. Выведенные изъ терпѣнія злодѣйствами разбойника, Чудинцы всѣми мѣрами старались погубить его: они ловили его, какъ дикаго звѣря, строили засады, но ничто не помогало. Хитрости противопоставлялъ онъ хитрость; Открытая сила была не по плечу робкимъ Чудинцамъ. И во всемъ Запечорьѣ не выискалось молодца, чтобы осмѣлился помѣряться силами съ Ягъ-Мортомъ: размахъ вражескаго топора былъ ему ни почемъ, удары копій отражалъ онъ палицею, а стрѣлы отскакивали отъ косматой груди его. Въ добавокъ Ягъ-Мортъ слылъ въ народѣ великимъ чародѣемъ: въ водѣ не тонулъ, и въ огнѣ не горѣлъ... Скотскій падежъ, бездождіе, безвѣтріе и вообще всѣ физическія бѣдствія и даже нѣкоторыя необыкновенныя явленія природы суевѣрная Чудь приписывала мрачнымъ волхвованіямъ Ягъ-Морта. Онъ повелѣвалъ стихіями, помрачалъ звѣзды, солнце и луну и, по понятіямъ народа, не было предѣла темному могуществу чародѣя-разбойника, и потому онъ царствовалъ безнаказаннымъ опустошителемъ въ мрачныхъ лѣсахъ Запечорья.

«Разъ у *старшины* одного изъ чудскихъ селеній пропала дочь—красавица, какой не видывали еще между Чудью. Проходитъ день, два, проходитъ недѣля. — прекрасной Райды *) нѣтъ, какъ нѣтъ! Мать ея выплакала глаза отъ слезъ; отецъ, женихъ выходили всѣ ближнія селенія, всѣ лѣса окрестные; но не нашли нигдѣ Райды. Вотъ, кликнули кличъ, созвали народъ на совѣщаніе, объявили горестную утрату и всѣ безъ изъятія старые и малые утвердили, что „весеннему цвѣту Райдѣ нельзя такъ рано увянуть, что если она утерялась, то это непремѣнно должно быть дѣломъ рукъ злаго Ягъ-Морта: онъ позавидовалъ цвѣтущей красотѣ Райды, онъ похитилъ ее и увлекъ въ свою звѣриную берлогу... Но, горе намъ! промолвили старики: нѣтъ суда на Ягъ-Морта; мы ничего не можемъ противъ могучаго чародѣя. Райда погибла“... Но не удовольствовался такимъ рѣшеніемъ удалой женихъ Райды; не удовольствовались имъ и прочіе молодые парни, соискатели руки красавицы. Они снова кликнули кличъ; взволновали все Запечорье; собрали нѣсколько десятковъ удальцовъ завзятыхъ и въ общемъ совѣтѣ положили: во чтобы то ни стало отыскать жилище Ягъ-Морта, схватить его живаго или мертваго, погубить, сжечь окаяннаго чародѣя, хотя-бы самимъ погибнуть. И, вотъ, составилось ополченіе; ратники вооружились стрѣлами, копьями, копоригами (такъ называлось орудіе, родъ копача), вилами — кто чѣмъ могъ, и двинулись въ походъ — сто противъ одного! Но этотъ одинъ былъ не простой человѣкъ, а силачъ необыкновенный, страшный разбойникъ, и, въ добавокъ, чернокнижникъ (sic), а толпа отважныхъ охотниковъ не безъ тайнаго страха ожидала встрѣчи съ Ягъ-Мортомъ: онъ не являлся; нѣсколько сутокъ прошло въ тщетныхъ поискахъ. Но Чудинцы не отступались отъ принятаго намѣренія и не возвращались домой. Наконецъ, они вздумали подняться *на хитрость:* засѣли въ густомъ лѣсу на угорѣ р. Ижмы, близь тропинки, по которой обыкновенно проходилъ разбойникъ. Неизвѣстно долголи хитрецы наши таились въ засадѣ; но вотъ однажды Ягъ-Мортъ переходитъ въ бродъ р. Ижму, прямо противъ того мѣста, гдѣ они притаились и, казалось, прямо идетъ на нихъ: тутъ, вѣроятно, не одно чудское сердце замерло отъ страха; но трусить было уже поздно. Чудинцы поневолѣ должны были сдѣлаться храбрыми, и лишь только непріятель ступилъ на сухой берегъ,—копья, стрѣлы, каменья градомъ посыпались на него изъ чащи лѣса. Изумленный столь внезапнымъ нападеніемъ, ошеломленный первыми ударами, разбойникъ на минуту остановился; но не отступилъ ни шагу.... Онъ сталъ и, казалось, грознымъ взглядомъ измѣрялъ пространство, отдѣлявшее его отъ враговъ.... а безчисленные удары сыпались ему на грудь.... Потомъ взревѣлъ, какъ дикій звѣрь, взмахнулъ тяжелою сѣкирою, и понесся въ средину нападающихъ. Чудинцы на минуту окружили его со всѣхъ сторонъ и началась страшная битва..... Ягъ-Мортъ долго съ яростнымъ ожесточеніемъ отбивался отъ многочисленной толпы озлобленныхъ противниковъ; палица его разражалась смертью надъ головами Чудинцевъ; огромный топоръ его упился ихъ кровью. Онъ многихъ положилъ на мѣстѣ, и, наконецъ, самъ изнемогъ: усталость, раны обезсилили его; онъ палъ на землю, обагренную кровью своихъ побѣдителей; и торжествующіе Чудинцы схватили Ягъ-Морта, отсѣкли ему руки; но оставили живаго; грозили отрубить голову, если онъ не откроетъ своего жилища, и обезкураженный силачъ-волшебникъ долженъ былъ покориться волѣ своихъ побѣдителей; онъ повелъ ихъ далѣе въ чащу лѣса, гдѣ, на высокомъ берегу р. Кучи, выкопана была огромная пещера, служившая убѣжищемъ Ягъ-Морта. Близь устья этой пещеры, на большой грудѣ разнаго хламу, лежалъ полуистлѣвшій трупъ человѣческій. Это были обезображенные остатки прекрасной нѣкогда Райды, такъ рано погибшей жертвою лютаго разбойника. Въ глубинѣ пещеры Чудинцы нашли множество разной добычи, сложили все въ кучу и сожгли, а страшный притонъ Ягъ-Морта засыпали землею, забросали каменьями, заклали бревнами; потомъ привели обратно своего плѣнника на то мѣсто, гдѣ онъ попался имъ въ первый разъ, отрубили ему голову, въ спину забили осиновый колъ, а трупъ разбойника закопали въ землю (по другимъ преданіямъ Ягъ-Морта сожгли живаго и пепелъ его зарыли въ землю) въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится холмикъ, слывущій въ народѣ могилою Ягъ-Морта».

Мы не вступаемъ въ критическій разборъ преданія, которое явно разукрашено праздными цвѣтами просторѣчія, не смотря на то, что мы пропустили многія фразы, когда черезъ это не терялся общій смыслъ разсказа.

Наша Баба-яга не сродни ли Ягъ-Морту?

*) По примѣчанію автора Райда есть имя, общее почти всѣмъ чудскимъ преданіямъ.

82) Замѣчательно, что названіе рѣки Кулой въ Вельскомъ уѣздѣ не сконяется: куда ты поѣхалъ?—На Кулоэ. Откуда ты пріѣхалъ?—Съ Кулоэ. Черезъ какую рѣку переѣзжалъ? — Черезъ Кулоэ и т. д. Ясно, что это чисто зырянское «Кулö».—«Ракулö» есть въ Вологодскомъ и Кадниковскомъ уѣздахъ, въ Вельскомъ—2, а въ Сольвычегодскомъ еще болѣе.

слѣдуетъ заключить, что они вѣрили въ загробную жизнь. Къ этому вѣрованію мы возвратимся послѣ [83]).

Несомнѣнно также, что Зыряне покланялись священнымъ деревьямъ, какъ видно изъ дошедшаго до насъ преданія о срубленной св. Стефаномъ *прокудливой березѣ* [84]).

О волхвахъ, какъ посредникахъ между людьми и богами, мы уже упоминали. Теперь замѣтимъ только, что они пользовались большимъ вліяніемъ на общественныя дѣла: въ житіи св. Стефана о волхвѣ Памѣ сказано: «Его-же пермстіи людіе прежде крещенія своего почитаху паче всѣхъ волхвовъ и имѣяху того, яко отца, и учителя, и наставника, вѣрующе управляемой быти того волхвованіемъ всей земли Пермстей».

Изъ всего сказаннаго о древнепермской религіи видно, что принадлежность ея составляли идолы. Гдѣ они теперь? Положимъ, что деревянные могли сгорѣть, сгнить; но каменные? Кромѣ того, по находимымъ въ чудскихъ могилахъ мѣднымъ конькамъ, можно заключить, что были и металлическіе идолы. Неужели все это пропало и никогда не будетъ отыскано?—Этого вопроса мы еще коснемся въ слѣдующей главѣ, когда будемъ говорить о судьбѣ древнепермской письменности.

ГЛАВА IV.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЗЫРЯНСКАГО КРАЯ.

Устьвымъ г. Михайлова.—Мнѣнія о происхожденіи Зырянъ.—Толкованіе слова Біармія.—Знакомство съ Зырянами Новгородцевъ и Норманнова.—Разсказъ Гюряти Рогоича.—Власть Москвы.—Св. Стефанъ Пермскій.—Приготовленіе св. Стефана къ проповѣди.—Обстоятельства, облегчившія успѣхъ проповѣди: поддержка великаго князя; несостоятельность древней пермской религіи; предварительная пропаганда Новгородцевъ.—Начало проповѣди: Пырасъ, Гамъ, Устьвымъ.—Посрамленіе Пама и торжество христіанства. — Хиротонія св. Стефана въ санъ епископа.—Результатъ его дѣятельности.—Зырянскія письмена и переводы св. Стефана. — Судьба ихъ.—Учрежденіе школъ и судьба ихъ.—Кончина св. Стефана.—Преемники его: Исаакій, свв. Герасимъ, Питиримъ и Іона, Филофей.—Дальнѣйшая судьба Пермской епархіи.

Зыряне, какъ народъ, не имѣютъ исторіи въ собственномъ смыслѣ этого слова. Если-же считать исторіею процессъ обрусѣнія ихъ, то мы не имѣемъ возможности хронологически прослѣдить моменты его; такъ какъ, посамому свойству дѣла, нѣтъ необходимыхъ для того источниковъ, да и быть не можетъ: утрата Зырянами племенной особенности совершалась и совершается безъ скачковъ, безъ наружнаго насилія, такъ сказать органически, сама собою, и незамѣтно ни для посторонняго наблюдателя, ни для самихъ Зырянъ. Только одно событіе въ жизни Зырянскаго народа имѣетъ свойство факта историческаго—это принятіе христіанства. Потому-то г. Михайловъ, который видимо старался написать исторію Зырянъ, озаглавилъ свой трудъ «Устьвымъ», ибо только къ исторіи Устьвымской епархіи и можно механически привязать разныя событія, совершавшіяся въ предѣлахъ Зырянскаго края или близь него. Собственно же всѣ эти событія принадлежатъ русской исторіи.

«Устьвымъ» г. Михайлова, относительно весьма обмъемистый трудъ: онъ, вмѣстѣ съ отдѣльно напечатаннымъ продолженіемъ его «Достопримѣчательности Устьвыма» занимаетъ 40 нумеровъ неоффиціальной части Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей [85]). Но содержаніе далеко не соотвѣствуетъ объему монографіи. Растянутость ея только вредитъ дѣлу, и вредитъ сильно. Авторъ, видимо, желалъ чтобы сочиненіе его составило цѣлую большую книгу. Для достиженія такой цѣли, онъ безпрестанно употребляетъ голыя фразы и прибѣгаетъ къ повтореніямъ; входитъ въ разсужденія о предметахъ къ дѣлу не относящіяся, какъ наприм. объ отношеніяхъ Новгорода къ Великимъ Князьямъ Московскимъ, о покореніи Вятки и Сибири и т. п. Мало того, разсыпая фразы и ни начемъ не основанныя умозаключенія, онъ чуть не на каждомъ шагу забывается, самъ себѣ противорѣчитъ и иногда съ ироніею и упреками пространно опровергаетъ собственныя свои положенія, какъ чужія. —Всѣ эти недостатки сочиненія г. Михайлова особенно потому прискорбны, что самъ онъ отнимаетъ возможность провѣрить его слова по источникамъ: онъ любитъ цитировать Карамзина и нѣкоторыя другія общеизвѣстныя и всякому доступныя изданія, а между тѣмъ нигдѣ не указываетъ точно на тѣ источники, которыми онъ какъ будто пользовался

---

83) См. въ главѣ X.

84) См. примѣч. 106.

85) 1850 г. «Устьвымъ» — №№ 1—14, 16, 17, 19—22, 25, 27, 28, 30, 32, 34, 35, 38—42, 44—46, 49, 50 и 52 и 1851 г.—«Достопримѣчательности Устьвыма»—№№ 17 и 44.

и которыя только ему одному или немногимъ извѣстны, что даетъ даже поводъ сомнѣваться въ существованіи такихъ источниковъ. Наконецъ, желая придать неподобающую важность предмету своего труда, онъ явно искажаетъ историческую истину: такъ напр. о разбойничьихъ набѣгахъ на Устьвымъ не одинъ уже разъ нами упомянутаго Вогульскаго князька Асыки разсказываетъ, какъ о глубоко обдуманныхъ и строго разсчитанныхъ походахъ какого нибудь великаго завоевателя.

Поэтому мы, излагая исторію Зырянскаго края, хотя и будемъ имѣть въ виду труды г. Михайлова, такъ какъ въ нихъ все-таки заключаются нѣкоторыя интересныя данныя; но не иначе, какъ каждый разъ подвергая ихъ тщательной критикѣ.

Мы уже не одинъ разъ имѣли случай упоминать, что, по мнѣнію лингвистовъ, Зыряне, какъ и всѣ народы Финскаго племени, вышли изъ Азіи. Такое мнѣніе не подлежитъ спору. Но, желая быть вѣрными своей задачѣ—передать все то, что было писано объ этихъ инородцахъ, не можемъ не сообщить и несогласныхъ съ нашимъ мнѣній о томъ же предметѣ.

Большая часть лицъ, задававшихся вопросомъ о происхожденіи Зырянъ, впали въ одну общую ошибку, почему всѣ попытки ихъ правильно разрѣшить его не имѣли успѣха. Всѣ они, за недостаткомъ положительныхъ историческихъ извѣстій, обратились къ толкованію значенія слова «Зыряне», производя его отъ зырянскихъ корней и забывая, или не зная, что оно чисто русское.

Г. Михайловъ, не смотря на то, что въ перечнѣ содержанія XII-й главы своего «Устьвыма» намекнулъ, что слово «Зыряне» *не туземное*, все таки усиливается объяснить его зырянскимъ языкомъ и даже явно русское окончаніе множественнаго числа его „*яне*“ производитъ отъ Зырянскаго „*анъ*“—женщина. Самый корень онъ производитъ отъ „*саръ*“, которое, по словамъ его, «выражаетъ понятіе о чемъ то святомъ, высокомъ, неземномъ, блаженномъ, а иногда то блаженство и святость, «то почтеніе и уваженіе, приличныя царямъ», и такимъ образомъ выходитъ, что «Сарапе, Сырьяне, Серьяне, Сыряне, «изъ которыхъ окончательно образовалось нарицательное «Зыряне», значитъ люди, почитающіе святую женщину, т. е. золотую бабу или іомалу. Но такъ какъ изъ этого еще не видно, откуда произошли Зыряне, то г. Михайловъ обратился къ толкованію собственнаго названія ихъ «Коми-войтыръ», и пришелъ только къ одному справедливому заключенію, что Зыряне и Пермяки одинъ народъ [86]).

Г. Устюжанинъ (псевдонимъ) производитъ слово Зырянинъ отъ «*зыродоможъ*» *вытѣсненный*, и полагаетъ, что этотъ народъ переселился на мѣсто настоящаго жительства съ береговъ Балтійскаго моря. Такое мнѣніе онъ подкрѣпляетъ сближеніемъ названій урочищъ въ той и другой мѣстности [87]).

Г. А. Поповъ утверждаетъ, что слово Зыряне происходитъ отъ «зырны»—вытѣснять, и значитъ *вытѣсненные*, *сдвинутые*, и именно изъ Сольвычегодскаго уѣзда или съ береговъ Сухоны, о чемъ мы уже упоминали [88]); или отъ «*зыръ*» лопата. Въ послѣднемъ случаѣ онъ не дѣлаетъ никакого заключенія о происхожденіи Зырянъ, —да и не легко, кажется, сдѣлать это.

Вообще толкованія, основанныя на произвольномъ искаженіи словъ, ведутъ только къ курьозамъ. Для образца мы приведемъ попытку г. Михайлова отъ зырянскихъ корней произвести слово Біармія, а изъ Біарміи сдѣлать Пермь. По его словамъ, «Біармія», иначе «Біурмія» можетъ состоять: Во 1-хъ изъ словъ «би» огонь, «уръ»—бѣлка и «му»—земля: тогда выйдетъ: Біурму, Біурмія или Біармія, т. е. «земля огненой бѣлки,» во 2-хъ изъ «би» огонь, «аракъ» сокращенно «аръ»—годъ, осень и «му»—земля; тогда выйдетъ Біарму, Біармія, т. е. «Земля годоваго огня», и въ 3-хъ изъ «би» — огонь, «югеръ» — лучъ и «му» — земля, и тогда выйдетъ Біюгерму, Біюгрму, Біюгрмія, Біармія, т. е. «земля огненныхъ лучей». Изъ Біарміи опять выходитъ Пермь—такимъ образомъ: Біармія, Піерьмія, Перьмія, Пермь [89]). Вся эта игра словами пущена въ ходъ для того, чтобы доказать, что Пермь входила въ составъ Біарміи, съ чѣмъ никто никогда не спорилъ, да и надобности спорить нѣтъ и не было.

Норманны давно знали Біармію, покрайней мѣрѣ ту ея часть, которая прилегала къ Бѣлому морю [90]). Но собственно съ Зырянами, кажется, первые познакомились Новгородцы [91]). Не вдаваясь въ безполезныя подробности, мы прямо приведемъ переданный препод. Несторомъ разсказъ Гюряти Роговича о сношеніяхъ новгородскихъ промышленниковъ съ приуральскимъ народомъ Югрою, что нынѣ Остяки: «Сказа ми Гюряти Роговичь Новго«родецъ, глагола сице: яко посла отрокъ свой на Печору, «людіе, яже суть дань дающе Новугороду, и пришедшю «отроку моему къ нимъ и оттуду иде въ Югру. Югра же «языкъ есть нѣмъ и съсѣдятся съ Самоѣды на полночныхъ «странахъ. Югра же рѣкоша отроку моему: Дивно находимъ «чюдо, егоже несьмы слышали прежде сихъ лѣтъ, сеже «третье лѣто поча быти. Суть горы, зайдуче лукоморя, «имъ же высота до небеси и въ горѣ той просѣчено окон«це мало и ту де молвятъ, и есть не разумѣти языку ихъ, да «кажутъ на желѣзо, и помоваютъ рукою просяче желѣза.

---

[86]) См. по предъидущему прим. № 14 Волог. Губ. Вѣд. 1850 г.

[87]) См. примѣч. 9.

[88]) См. примѣч. 13.

[89]) См. примѣч. 86.

[90]) См. примѣч. 78.

[91]) Г. Мельниковъ въ статьѣ своей «Селеніе Синдоръ и озеръ того же имени въ Яренскомъ уѣздѣ» (Волог. Губ. Вѣд. 1853 г. № 24) говоритъ, что въ сѣверной части Яренскаго уѣзда есть урочище, называемое «Лапла-лунъ» и думаетъ, что это названіе скандинавское. Мы отказываемся высказать къ этому предмету какое-нибудь мнѣніе.

«Кто даетъ имъ ножъ, ли сѣкиру, даютъ скорою противу. «Есть же путь до горъ тѣхъ и не проходимо пропастьми, «снѣгомъ и лѣсомъ». Изъ этого разсказа вытекаютъ слѣдующіе выводы: 1) Новгородцы въ XI столѣтіи уже брали дань съ Печоры, слѣд. и со всѣхъ Зырянъ, находившися по пути туда; 2) уже въ это время Зыряне (Печора) по сравненію съ Югрою (Остяками) считались старыми знакомыми, потому что послѣднюю Гюряти называетъ языкомъ нѣмымъ; значитъ, языкъ Печорцевъ Новгородцамъ тогда былъ хорошо извѣстенъ; 3) Новгородцы имѣли понятіе даже о Самоѣдахъ; и 4) они имѣли тамъ торговыя дѣла, мѣняя металлическія издѣлія на мѣха.— Разсказъ Гюряти подтверждается и другими лѣтописными извѣстіями, каково наприм. о походѣ Новгородца Улѣба къ Желѣзнымъ Воротамъ [92]) въ 1032 году. За тѣмъ, мы не видимъ надобности перечислять безсодержательные факты, свидѣтельствующіе о сношеніяхъ Новгородцевъ съ Зырянскимъ краемъ; но должны замѣтить, что сношенія эти были весьма оживленны: есть извѣстія, что даже русскіе князья черезъ Пермскую землю ѣздили въ Орду, какъ напр. великій князь Дмитрій Михайловичъ Тверской въ 1324 году [93]).

Вскорѣ стали домогаться обладанія этою страною Московскіе Великіе Князья и въ XIV вѣкѣ вся она, кромѣ Печоры, уже принадлежала имъ; да и на Печору Иванъ Даниловичъ Калита и др. посылали своихъ *третниковъ и наймитовъ* [94]). Мы не знаемъ только, въ чемъ выражалась великокняжеская власть. Впрочемъ есть извѣстіе, что въ то время (послѣ 1376 г.), когда св. Стефанъ приступилъ къ проповѣди Евангелія Зырянамъ, волхвы ихъ говорили: «Отъ Москвы можетъ-ли что добро быти «намъ? Не оттуда-ли тяжести намъ быша, и дани тяж«кія, и насильства, и тивуны, и доводчикы, и приставницы?» [95]). Судя по званіямъ администраторовъ, можно думать, что Зырянскій край управлялся на общемъ тогда основаніи, а, по общему смыслу извѣстія, что власть Великаго Новгорода казалась туземцамъ болѣе сносною, нежели власть Москвы.

При такихъ обстоятельствахъ началъ св. Стефанъ дѣло просвѣщенія Пермскаго народа Христіанствомъ.

Онъ былъ урожденецъ Устюга-Великаго, сынъ соборнаго причетника, прозвищемъ Храпа. Рожденію его предшествовало пророчество Св. Прокопія устюжскаго. Когда мать св. Стефана Марія была еще 3-хъ лѣтнею отроковицею, св. Прокопій, замѣтивъ ее въ храмѣ, поклонился ей до земли, и сказалъ: «се, грядетъ мати великаго учителя пермскаго!» [96]) Такимъ образомъ еще въ юности св. Стефанъ могъ познакомится съ Зырянами, жившими тогда въ окрестностяхъ Устюга, а, можетъ быть, и въ самомъ Устюгѣ. По словамъ Герберштейна, въ его время, Устюжане еще говорили особымъ языкомъ; слѣд. этотъ городъ былъ тогда тоже, что теперь Устьсысольскъ, т. е. чиновничій классъ его жителей и, можетъ быть, купечество были русскіе, а всѣ остальные—Зыряне. Правда, достовѣрно извѣстно, что св. Стефанъ началъ проповѣдь Слова Божія съ Пыраса, находящагося въ 60 верстахъ отъ Устюга; но Пырасъ могъ составлять границу между крещеными и некрещеными Зырянами, а первые могли жить не только въ ближайшихъ окрестностяхъ Устюга, но и въ немъ самомъ. Тотъ-же писатель передаетъ, что еще до св. Стефана Зыряне съ какого-то проповѣдника—епископа содрали съ живаго кожу. Значитъ, попытки просвѣтить Пермь христіанствомъ были и ранѣе. Положимъ, что такое извѣстіе въ подробностяхъ дошло до Герберштейна въ искаженномъ видѣ; но въ существѣ оно не можетъ быть вымышленнымъ. Подозрѣвать же самого этого добросовѣстнаго писателя въ вымыслѣ нѣтъ никакого основанія.

Итакъ св. Стефанъ могъ и даже долженъ былъ знать Зырянскій языкъ, какъ природный, а можетъ быть еще, что и самъ онъ былъ зырянскаго происхожденія. — Родители съ юныхъ лѣтъ стали приготовлять его къ духовному званію и онъ, будучи еще отрокомъ, помогалъ отцу въ должности чтеца и канонарха. Въ 1366 году, достигнувъ совершеннолѣтія, онъ отправился въ Ростовскій Григорьевъ монастырь, гдѣ нашелъ будто-бы богатую, по тому времени, библіотеку. Вскорѣ онъ былъ возведенъ въ санъ іеромонаха; изучилъ, будто-бы, греческій языкъ [97]), и занялся переводами Священныхъ книгъ на Зырянскій языкъ, для чего изобрѣлъ особыя Зырянскія буквы. — Приготовивъ такимъ образомъ все, что было нужно для успѣшнаго достиженія давно поставленной цѣли, т. е. обращенія въ христіанство Пермскаго народа, онъ отправился въ Москву просить благословенія на подвигъ у завѣдывавшаго тогда Московскою Митрополіею Коломенскаго епископа Герасима.—Преосвященный Герасимъ снабдилъ его св. Мѵромъ и антиминсами на случай успѣха предпріятія, а великій князь Василій Димитріевичъ далъ ему охранныя грамоты, для личной безопасности.

Въ 1376 году св. Стефанъ изъ Москвы отправился въ Устюгъ.

Г. Михайловъ, приступая къ разсказу объ апостольскихъ подвигахъ св. Стефана, старался преувеличить предстоявшія ему препятствія. Но слава Пермскаго Апостола не нуждается ни въ преувеличеніи заслугъ его, ни, особенно, въ искаженіи истины. Однимъ изъ главныхъ

---

[92]) Мы думаемъ, что Желѣзныя ворота находятся на р. Щугорѣ (Чугуръ), впадающей въ Печору съ правой стороны (Волог. Губ. Вѣд. 1866 г. № 47: («Рѣка Щугоръ» г. Ф. Арсеньева).

[93]) Ист. Госуд. Росс. Т. IV, гл. 8-я, по изд. 1851 г.

[94]) Акт. Юрид. №№ 1, 2, 3 и др.

[95]) См. по примѣч. 85 № 2, Волог. Губ. Вѣд. 1850 г.

[96]) Волог. Губ. Вѣд. 1847 г. № 2: „О св. Стефанѣ Пермскомъ."

[97]) Тамъ же. Мы вполнѣ увѣрены, что св. Стефанъ не зналъ греческаго языка, ибо въ переводѣ его херувимской пѣсни, какъ скоро увидимъ, слово «дориносима» перевелъ — «дары носятся».

препятствій успѣху проповѣди авторъ «Устьвыма» считаетъ то, что при св. Стефанѣ были великокняжескія охранныя грамоты, такъ какъ, будто-бы, туземцы особенно нападали на эти грамоты, а не на личность проповѣдника. Странное соображеніе! Если бы грамоты могли вредить дѣлу, то св. Стефанъ, лучше насъ знавшій Зырянъ и современныя обстоятельства, имѣлъ полную возможность не брать ихъ, не обнаруживать и даже уничтожить. Дѣйствительно, Зыряне, можетъ быть, не были въ то время расположены къ Москвѣ: «отъ Москвы можетъ-«ли что добро быти намъ? Не оттуда ли тяжести намъ «быша? И дани тяжкія? и насильства, и тивуны и доводчики, и приставницы?» Но смиренный монахъ явился въ Зырянскій край не для сбора даней, не въ качествѣ тіуна, доводчика и приставника. При томъ-же Зыряне должны были знать, что онъ Устюжанинъ; они слышали, что онъ говоритъ на ихъ языкѣ.

Напротивъ, тогдашнія обстоятельства не только не препятствовали, но скорѣе способствовали успѣху проповѣди:

1. Вопреки соображеніямъ г. Михайлова, великокняжескія охранныя грамоты принесли огромную пользу: онѣ не только ограждали личность проповѣдника, но и придавали ему серьозный оффиціальный авторитетъ. Самъ г. Михайловъ, въ другомъ мѣстѣ, на этотъ разъ на основаніи факта, говоритъ, что Зыряне боялись бывшихъ тутъ при св. Стефанѣ грамотъ: «Пермяне не смѣяху убить Стефана, яко съ Москвы къ нимъ пришедшаго и грамоты имущаго» [98]).

2. Успѣхъ проповѣди много облегчался тѣмъ, что нравственная пустота древнепермской религіи, поддерживаемой единственно шарлатанствомъ волхвовъ, не могла представить никакого отпора христіанству, полному жизненной силы: могли-ли дикія, безотрадныя вѣрованія не уступить свѣтлымъ обѣтованіямъ христіанства; кровожадный образъ Іомалы, требующей кровавыхъ жертвъ,— кроткому лику Христа, самого себя принесшаго въ жертву за родъ человѣческій! Между тѣмъ нравственныя свойства Пермскаго народа, и до сихъ поръ еще имъ не утраченныя: честность, милосердіе, гостепріимство, были готовымъ и чистымъ сосудомъ для принятія христіанскаго содержанія. — Зыряне называютъ русскихъ Ротчъ, т. е. умный, хитрый, образованный. Одинъ такой взглядъ на русскихъ много значилъ. По словамъ Нестора, Кіевляне крестились, разсуждая, что если князь и бояре крестятся, то, значитъ, новая вѣра лучше. Точно также должны были разсуждать и Зыряне: если смышленый господствующій народъ принялъ христіанство, то, значитъ, Христіанскій Богъ сильнѣе и доступнѣе молитвамъ вѣрующихъ въ него, нежели наши страшные боги.—Бога Зыряне называютъ «Йенъ»—сильный.

98) См. примѣч. 95.

Говоря ранѣе о томъ, что принятію христіанства Пермскимъ народомъ предшествовало усвоеніе послѣднимъ славянскаго міросозерцанія, мы умолчали, что это не наше только убѣжденіе: ту-же мысль высказалъ хотя не прямо, но основываясь на фактахъ, и Карамзинъ [99]). Но если Зыряне разъ поддались вліянію русской народности, то она и для будущаго должна была сдѣлаться проводникомъ новыхъ убѣжденій. Однако же это еще не фактъ. Есть болѣе осязательныя основанія думать, что христіанство стало приниматься между Зырянами до св. Стефана. Карамзинъ говоритъ [100]), что, *по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ*, на Двинѣ уже въ XII вѣкѣ были монастыри и что новгородскіе поселенцы среди Чуди водворяли Христіанскую вѣру. Тоже самое утверждаютъ, основываясь на преданіяхъ, и нѣкоторые другіе изслѣдователи Пермской старины [101]). — Намъ извѣстно наприм., что богатый и вліятельный новгородецъ Своеземцевъ, тотъ самый, къ которому перешли отъ чудскихъ князьковъ Азика, Ровды и др. обширныя земли по р. Вагѣ, во владѣніяхъ своихъ построилъ монастырь, въ которомъ и постригся подъ именемъ Варлаама. — Иначе, какимъ образомъ распространилось-бы Христіанство въ той части Вологодской губерніи, гдѣ оно встрѣчаемъ задолго до св. Стефана? Проповѣдниковъ, подобныхъ Пермскому Апостолу не было: въ противномъ случаѣ лѣтописцы, не пропускавшіе самыхъ мелкихъ церковныхъ событій, не умолчали-бы о такомъ крупномъ событіи. Такъ, мы не встрѣчаемъ у нихъ извѣстія о томъ епископѣ, который, по словамъ Герберштейна, погибъ въ Перми: вѣроятно его проповѣдь была безуспѣшна. Хотя и существуетъ мнѣніе, что монахи Бѣлавитской пустыни, находившейся на одномъ изъ острововъ Кубенскаго озера, занимались проповѣдываніемъ Евангелія чудскимъ обитателямъ сѣверовосточнаго берега этого озера [102]); но такому предположенію противорѣчитъ характеръ мѣстности, на которой основана обитель: она явно избрана для личнаго спасенія ея иноковъ, въ сторонѣ отъ міра, нежели для спасенія другихъ. Конечно, подвиги отшельниковъ способствовали прославленію имени Христа, но это не было прямою цѣлью ихъ, и во всякомъ случаѣ подобное извѣстіе не противорѣчитъ нашему убѣжденію, а скорѣе подтверждаетъ его.

Всѣ источники единогласно свидѣтельствуютъ, что св. Стефанъ началъ проповѣдь въ селеніи Пырасъ или Котласъ, находящемся при впаденіи Вычегды въ Двину. —

99) Ист. Госуд. Росс. Т. II-й примѣч. 64, по изд. 1830 г.

100) Тамъ же.

101) Волог. Губ. Вѣд. 1845 г. № 11: «Объ основаніи 4-хъ халевскихъ приходовъ», г. Е. Кичина, и 1853 г. № 6: «О поселеніяхъ Новгородцевъ въ Зырянскомъ краѣ»—его же и др.

102) Тамъ же 1847 г. № 32: «О посѣщеніи Бѣлавинской пустыни, находящейся на Каменномъ островѣ», г. Н. Титова.

Обративъ ко Христу жителей этого селенія, онъ отправился вверхъ по теченію первой. О подробностяхъ этого апостольскаго путешествія по нижней части рѣки мы не имѣемъ свѣдѣній. Вѣроятно, здѣсь проповѣдникъ не встрѣтилъ особенныхъ препятствій, именно вслѣдствіе того, что населеніе мѣстности уже было подготовлено къ отрѣченію отъ ветхихъ заблужденій. Можно съ увѣренностію сказать, что на столь бойкомъ тогда пути уже были новгородскія поселенія, напр. дер. Лена, — Старый Яренскъ [103]) и т. д.

Только поднявшись до села Гамъ, 30 верстъ выше Яренска, Святой встрѣтилъ упорство со стороны язычниковъ, такъ какъ здѣсь была кумирница и жили вліятельные волхвы и *туны* (гадатели): здѣсь онъ подвергся даже оскорбленіямъ и угрозамъ: «И пакости ему творяху «многія: овіи-бо ругахуся ему; овіи-же словесы укориз-«ненными досаждаху, а иніи съ дрекольми нападали на «него, воеже убити; другіе-же сожещи того хотяху; «хврастіе-же и солому собираху на огонь» [104]). Если лѣтописецъ не преувеличилъ истины, то значитъ св. Стефану много помогли великокняжескія грамоты: «Пермяне же не смѣяху убити Стефана, яко съ Москвы къ «нимъ пришедшаго и грамоты имущаго». Но мы думаемъ, что, во всякомъ случаѣ, серьозной опасности для личности проповѣдника небыло; такъ какъ Гамичи все таки крестились. Преданія говорятъ, что, по удаленіи св. Стефана, они возвратились къ старымъ обычаямъ, за что онъ назвалъ ихъ слѣпыми, и будто-бы отъ этого, и до сихъ поръ они отличаются подслѣповатостью [105]).

Гораздо болѣе сопротивленія встрѣтилъ св. Стефанъ въ центрѣ Пермской земли, въ нынѣшнемъ Устьвыми (Емдынъ). Здѣсь ему пришлось бороться, такъ сказать, съ оффиціальными представителями шаманства — съ главными волхвами и чародѣями, лично въ дѣлѣ заинтересованными: «Какъ можно вѣрить человѣку, пришедшему «изъ Москвы, которая угнетаетъ насъ данями! Мы же родъ вашъ и давніе учители!» говорили Зырянамъ волхвы и туны. Несмотря на то, число крещеныхъ увеличивалось. Въ Устьвымѣ для состязанія со св. Стефаномъ, явился, много разъ уже упомянутый, главный волхвъ Памъ. — Диспутъ между представителями двухъ религій и вообще обстановка его, въ существѣ, напоминаютъ прописки какого-то чудскаго волхва, едва не отвратившаго отъ христіанства только что принявшихъ его Новгородцевъ. Какъ тотъ, такъ и пермскій Памъ пророчествовали и хвалились даромъ чудотворенія (Памъ предлагалъ св. Стефану вмѣстѣ перейдти черезъ огонь и воду); но того убилъ смѣлый князь, а этотъ былъ посрамленъ героическою рѣшимостью смиреннаго монаха: «хотя я не повелѣваю стихіями, сказалъ св. Стефанъ, но иду съ тобою во имя Бога истиннаго!» Результатъ былъ одинъ и тотъ-же: въ обоихъ случаяхъ Христіанство одержало надъ шаманствомъ рѣшительную побѣду. Посрамленный Памъ принужденъ былъ удалиться; послѣдователи отшатнулись отъ него. — Для новообращенныхъ была поставлена церковь во имя Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, «яко же Благовѣщеніе спасенія «нашего бѣ начало.» Шаманство, не имѣя нравственной основы, держалось только фокусничествомъ волхвовъ, и поэтому, какъ только шарлатанство послѣднихъ было разоблачено, не оставалось важныхъ препятствій къ распространенію истинной вѣры. Чтобы въ томъ-же смыслѣ сдѣлать послѣдній шагъ къ цѣли, св. Стефанъ сожегъ кумирницы, своеручно срубилъ и тоже сожегъ священное дерево — «прокудливую березу» [106]). Пораженные всѣмъ этимъ, т. е. видя съ одной стороны посрамленіе своихъ волхвовъ, а съ другой—безсиліе своихъ идоловъ, Зыряне со всѣхъ сторонъ начали стекаться въ Устьвымъ «йенэсъ видзедны» — посмотрѣть Бога и креститься. Вслѣдствіе этого были построены, кромѣ Благовѣщенской, еще двѣ церкви, одна во имя Архангела Михаила, а другая во имя Николая Чудотворца. — Само собой разумѣется, что побѣда Христіанства, хотя и рѣшительная, не однимъ разомъ, и не въ конецъ, истребила шаманство. Преданіе о сожженіи «прокудливой березы»

---

103) Яренскъ въ старину стоялъ не тамъ, гдѣ теперь, а на самомъ берегу р. Вычегды.

104) См. по примѣч. 85 № 4.

105) Замѣчательно, что нынѣ поговорка «слѣпой Гамъ» распространена далеко внѣ предѣловъ Зырянскаго края: мы слыхали ее въ г. Вельскѣ. Г. Михайловъ пишетъ, что «у прочихъ Зырянъ Гамичи слывутъ слѣпородами» (см. по примѣч. 85 № 4).

106) Мы передадимъ со словъ г. Михайлова (см. по прим. 85 № 9) сказаніе «о прокудливой березѣ».... «Стефанъ дважды удостоился получить откровеніе отъ Бога: мужайся, Стефане! Испепели и искорени березу прокудливую! Я твой помощникъ. Новообращенные разсказали Стефану свойства березы, которая служила искони оракуломъ, пользовалась общимъ народнымъ уваженіемъ, какъ обиталище духовъ.... Съ надеждою на Бога Стефанъ началъ рубить березу; за каждымъ ударомъ разносились въ воздухѣ жалобные стоны и крики *мужскіе и женскіе, старческіе и младенческіе:* Стефане, Стефане! Зачѣмъ насъ гонишь? Сіе есть наше древнее пребываніе! За каждымъ ударомъ струились изъ дерева разноцвѣтныя струи смрадной крови. Въ потѣ лица трудясь весь день, Стефанъ, за величествомъ, не могъ подрубить березы, оставилъ въ ней сѣкиру и удалился въ келью. Когда, на другой день, приступилъ къ работѣ, къ удивленію своему и къ ужасу бывшихъ идолопоклонниковъ, увидѣлъ березу цѣлою; сѣкира лежала на землѣ. Съ молитвою и твердымъ упованіемъ на Бога, онъ опять началъ рубить дерево, и когда оно на третій день готово было упасть, созвалъ весь народъ, чтобы видѣли сокрушеніе языческаго божества и познали могущество истиннаго Бога. Береза рухнулась съ ужаснымъ грохотомъ и воплемъ; земля подъ ней потряслась и воды рѣки всколыхнулись; народъ, въ изумленіи, простирая руки къ небу, взывалъ: «Господи, помилуй!» Страхъ миновался. Стефанъ велѣлъ рубить березу на части, разломать кумирницу, — наносить сухаго хворосту и поджечь: береза запылала не естественными огнями; черное облако дыму клубомъ поднялось на воздухъ; трескъ и шумъ раздавались далеко въ окрестностяхъ. Зыряне кидали безжалостно въ пламя своихъ домашнихъ *пенатовъ* (?), которыхъ боготворили въ язычествѣ».

въ подробностяхъ своихъ служитъ доказательствомъ того, что въ дѣйствительность туземныхъ боговъ вѣрили не одни Зыряне, но и Русскіе—и только уже считали ихъ нечистыми. Этимъ объясняется и то, что даже крещеные Зыряне продолжали приносить жертвы старымъ идоламъ [107]). Хотя г. Михайловъ и старается преувеличить число ново-крещеныхъ; однако-же оно не было, да и не могло быть велико. Онъ утверждаетъ [108]), что Епифаній, біографъ св. Стефана, будто бы не обозначилъ числа новообращенныхъ. Но авторъ статьи «О св. Стефанѣ Пермскомъ» [109]), ссылаясь на того-же Епифанія число это опредѣляетъ въ 700—что ни мало не невѣроятно, такъ какъ Зырянскій край тогда былъ малонаселенъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ его христіанство введено уже при преемникахъ св. Стефана, какъ напр. на Печорѣ [110]), вѣроятно на Удорѣ и въ др. мѣстахъ; и наконецъ не сплошь-же крестились всѣ Зыряне и тамъ, гдѣ св. Стефанъ лично дѣйствовалъ; не одинъ, конечно, Памъ не принялъ Св. крещенія.

Семь лѣтъ трудился св. Стефанъ, проповѣдуя вѣру истинную, и когда все населеніе береговъ Вычегды и большей части притоновъ ея было просвѣщено Св. крещеніемъ, онъ отправился въ Москву просить для новаго стада Христова епископа и, конечно, самъ получилъ этотъ санъ. Есть преданіе, занесенное въ житіе Преподобнаго Сергія Радонежскаго, что, когда св. Стефанъ, проходя мимо обители Сергія и не имѣя времени посѣтить Преподобнаго, остановился вдалекѣ на дорогѣ и заочно привѣтствовалъ его, этотъ послѣдній, бывшій вмѣстѣ съ иноками на трапезѣ, всталъ, поклонился въ ту сторону, гдѣ находился пермскій апостолъ и сказалъ: «Радуйся и ты, Пастырю Христова стада, и благослови насъ грѣшныхъ». На томъ мѣстѣ, гдѣ останавливался св. Стефанъ, въ семи верстахъ отъ Лавры,—стоитъ теперь часовня.

Утвердивъ свое мѣстопребываніе въ Устьвымѣ, св. Стефанъ обратилъ одну изъ мѣстныхъ церквей, именно Михайлоархангельскую въ монастырь, а Благовѣщенскую—въ каѳедральный соборъ. На содержаніе архіерейскаго дома и монастыря великій князь Димитрій Ивановичъ пожаловалъ разныя земли. Самый Устьвымъ сталъ называться «*владычнимъ городомъ*».

Кромѣ устьвымскихъ церквей и монастыря, св. Стефанъ основалъ въ своей епархіи еще нѣсколько; но подробныхъ и точныхъ свѣдѣній объ этомъ нѣтъ. Г. Михайловъ хотя и помѣстилъ въ двухъ главахъ своего сочиненія перечни такихъ церквей, но въ другомъ мѣстѣ проговорился, что время основанія ихъ неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ число ихъ незначительно; потому что самъ авторъ «Устьвыма», не смотря на всѣ натяжки, не могъ насчитать болѣе 4-хъ монастырей и пустыней и 15-ти церквей [111]).

Оставляя въ сторонѣ преданія, имѣющія характеръ чудеснаго, мы не можемъ пройдти молчаніемъ дѣятельности св. Стефана, какъ попечителя своей паствы въ гражданскихъ дѣлахъ.

Заслуживъ уваженіе великаго князя и вообще въ народномъ мнѣніи пользуясь извѣстностью святаго человѣка, онъ имѣлъ возможность много благотворить своей паствѣ. Такъ, во время голода онъ лично отправлялся за хлѣбомъ въ Устюгъ и Вологду; чтобы обезопасить предѣлы своей епархіи отъ набѣговъ Вятчанъ, Новгородскихъ ушкуйниковъ и дикихъ Вогуличей и избавить Зырянъ отъ притѣсненій московскихъ даньщиковъ, — онъ ѣздилъ въ Москву и Новгородъ,—и вездѣ встрѣчалъ высокій почетъ и щедрыя пожертвованія, которыя и употреблялъ на помощь бѣднымъ новокрещенцамъ. Разъ, онъ даже принималъ личное участіе въ отраженіи Вогуличей.

Такая дѣятельность св. Стефана, его праведная жизнь, безкорыстіе, щедрость и самоотверженіе, кромѣ непосредственной, матеріальной и временной пользы для настоящаго, принесли и пользу нравственную для будущаго. Высокія, истинно христіанскія качества и подвиги перваго архипастыря, безъ сомнѣнія, вселили въ просвѣщенныхъ и даже еще непросвѣщенныхъ Св. крещеніемъ туземцевъ благоговѣйное уваженіе къ святительскому сану, и тѣмъ облегчили упроченіе и дальнѣйшее распространеніе Христіанства.—Не даромъ подвиги пермскаго Апостола составляютъ предметъ, едва-ли не единственный, всѣхъ историческихъ Зырянскихъ преданій, и святая личность его заслоняетъ собою все прошедшее этого племени.

Прежде, нежели приступимъ къ разсказу о дальнѣйшей судьбѣ Пермской епархіи, распространимся объ изобрѣтенной св. Стефаномъ особой зырянской письменности, какъ о предметѣ, которому иные придаютъ большую важность.

Св. Стефанъ дѣйствительно пытался ввести между Зырянами письменность, по весьма понятной причинѣ,—именно для того, чтобы передать имъ на ихъ родномъ языкѣ христіанскія церковныя книги и священное писаніе и тѣмъ способствовать успѣху своего апостольскаго подвига. Съ этою цѣлію онъ взялъ, кажется, славянскую азбуку, примѣнивъ ее къ зырянскому произношенію, и перевелъ на зырянскій языкъ литургію, кромѣ тайныхъ молитвъ, нѣкоторыя богослужебныя пѣсни и пр. [112]) Объ

---

107) См. прим. 96 и по примѣч. 85 № 4.

108) См. по примѣч. 85 № 13.

109) См. прим. 96.

110) См. по примѣч. 85 № 25.

111) См. по примѣч. 85 №№ 9, 10 и 11.

112) Волог. Губ. Вѣд. 1849 г. № 2: «Статистическое описаніе Яренскаго уѣзда», г. П. Протопопова.

этомъ предметѣ г. Михайловъ написалъ нѣсколько главъ [113]): но изъ такого многословія ничего не вышло; потому что онъ безпрестанно самъ себя опровергаетъ. Такъ, въ одной главѣ (XIII) онъ усиливается доказать, что для составленія пермской азбуки, св. Стефанъ воспользовался зырянскимъ *пасомъ*. — «Пасъ» порусски значитъ знакъ. Въ существѣ это тоже, что наша бирка. Такимъ образомъ мысль г. Михайлова уже съ перваго взгляда кажется странною: буква и знакъ, нарѣзываемый на биркѣ, не одно и тоже; первая обозначаетъ отдѣльный звукъ, а послѣдній — цѣлое понятіе; буква для всѣхъ одна, а знакъ — у каждаго свой. — Послѣ того г. Михайловъ утверждаетъ, что Зыряне, будучи народомъ торговымъ и промышленнымъ (?), задолго до св. Стефана имѣли свои письмена, что̀ прямо противорѣчитъ словамъ современника и сподвижника Стефанова Епифанія, на котораго самъ-же г. Михайловъ часто ссылается. Кромѣ того, если бы были у Зырянъ свои письмена, то для чего-же было св. Стефану хлопотать о письменности?—Самымъ сильнымъ, въ глазахъ г. Михайлова, доводомъ въ пользу втораго его мнѣнія служитъ тотъ фактъ, что Зыряне боялись бывшихъ при св. Стефанѣ великокняжескихъ грамотъ; но на нашъ взглядъ этимъ доказывается противное [114]). Дѣйствительно, Зыряне имѣли извращенное понятіе о грамотахъ; потому что самая бумага на ихъ языкѣ называется *ка̀бала*, но изъ этого все-таки вытекаетъ только заключеніе, что они вовсе не имѣли понятія о письменности.— Наконецъ, г. Михайловъ опровергаетъ всѣхъ, писавшихъ о Зырянской грамотѣ и въ особенности самого себя, на этотъ разъ справедливо утверждая, что въ дошедшихъ до насъ Зырянскихъ рукописяхъ начертаніе буквъ славянское и что славянскими буквами писанъ и уцѣлѣвшій экземпляръ заупокойной обѣдни Стефановой.

Но какія-бы буквы ни приняты были Св. Стефаномъ, достовѣрно то, что зырянская письменность не принялась, доказательствомъ чего служитъ прежде всего то, что теперь ея не существуетъ. Переводы русскими на зырянскій языкъ нѣкоторыхъ священныхъ книгъ и правительственныхъ уставовъ нельзя еще назвать зырянскою письменностію, тѣмъ болѣе, что всѣ эти книги и брошюры пишутся и печатаются русскими литерами. По этому случаю урожденецъ Устьвыми г. Аврамовъ написалъ: «Протекторамъ зырянскаго языка не лишнимъ счи«таю замѣтить, что этотъ языкъ постепенно выходитъ «изъ употребленія жителей. Надобно ожидать, что онъ «съ теченіемъ времени совершенно замѣнится языкомъ «русскимъ. Сожалѣть объ этомъ неумѣстно и поддержи«вать зырянизмъ, какъ доселѣ дѣлало Министерство Го«сударственныхъ Имуществъ, безполезно; потому что Зы«ряне не имѣютъ никакихъ письменныхъ памятниковъ, «не знаютъ своей исторіи, и нынѣ издаваемыхъ на ихъ «нарѣчіи книгъ и переводовъ никогда не читаютъ, час«стію по неудовлетворительности самыхъ переводовъ, а «частію потому, что для нихъ удобопонятнѣе книги рус«скія. Самый языкъ бѣденъ словами, такъ что уже те«перь весьма много, почти на половину, употребляется «въ немъ словъ русскихъ» [115]). О неудовлетворительности новѣйшихъ переводовъ съ русскаго на зырянскій, кромѣ г. Аврамова тоже говорятъ и многіе другіе [116]); такого-же убѣжденія держимся и мы. Вслѣдствіе того, что съ одной стороны русскими буквами нѣтъ возможности изображать зырянскіе звуки, а съ другой — для русскихъ понятій нѣтъ соотвѣтствующихъ зырянскихъ выраженій,—переводы эти не понятны ни для Зырянъ, ни для Русскихъ; и только лица, знающія оба языка, могутъ добраться до смысла ихъ. Памятниковъ древнезырянской письменности сохранилось чрезвычайно мало и остались только отрывки заупокойной и златоустовской обѣдень и тропарей перевода св. Стефана. Они найдены академикомъ Лепехинымъ въ селѣ Киберскомъ. Существуетъ мнѣніе [117]), что св. Стефанъ перевелъ Евангеліе отъ Матѳея; но на чемъ это мнѣніе основано—неизвѣстно; самаго-же перевода не сохранилось. Найденныхъ Лепехинымъ рукописей даже Зыряне его времени ясно не понимали. Остались также надписи на нѣкоторыхъ иконахъ, именно: Яренскаго уѣзда въ Вожемской церкви (Св. Троицы въ видѣ трехъ Ангеловъ, угощаемыхъ Авраамомъ у Маврикійскаго дуба), Чердынскаго уѣзда Пермской губерніи въ Богородской церкви села Бондючи. Но надписей этихъ никто не могъ разобрать: ни одинъ изъ сохранившихся списковъ зырянской аз-

---

113) См. по примѣч. 85 №№ 17, 19 и 21.

114) Для того, чтобы судить о свойствѣ страха, внушаемаго Зырянамъ казенными грамотами, мы выписываемъ изъ помѣщенной въ Памятной книжкѣ Вологодской губерніи на 1865 и 1866 гг. статьи г. Ф. Арсеньева: «О промышленныхъ дѣлахъ и торговыхъ сношеніяхъ въ Зырянскомъ краѣ» слѣдующія интересныя строки: «Давно-ли было во всеобщемъ обычаѣ Зырянъ поразительное уваженіе къ выполненію обязанностей въ дѣлахъ общественныхъ. Какой-нибудь волости нужно внести значительную сумму податей въ казначейство. За сотни верстъ, глухими волоками отправляется, бывало, ходокъ съ деньгами, пѣшкомъ, въ городъ: «Казна нуа! (Казну несу)», говоритъ онъ встрѣчнымъ, и ему почтительно снимаютъ шапки и низко кланяются. Приходитъ на станцію, кладетъ суму въ передній уголъ, посохъ на лавку: хозяинъ уже догадался, высылаетъ лишній людъ изъ дома и не знаетъ какъ угостить почтеннаго гостя. Ходокъ преспокойно засыпаетъ на сѣновалѣ, ни сколько небезпокоясь о сумѣ... Между тѣмъ вѣсть, что «казна идетъ» (казна мунэ) мигомъ проносится по деревнѣ и производитъ магическое на всѣхъ вліяніе: языки любопытныхъ замолкаютъ, всякій бѣжитъ къ себѣ въ керку (изба) и съ какимъ-то благоговѣйнымъ страхомъ объявляетъ это домашнимъ; никого не видно на улицѣ; никто не заглянетъ на станцію до тѣхъ поръ, пока казна не выйдетъ изъ деревни».

115) Волог. Губ. Вѣд. 1859 г. № 28: «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйственный бытъ».

116) Тамъ же 1848 г. № 11: «Путевыя замѣтки на пути отъ Устьсысольска къ Вишерскому селенію». г. А. Попова.

117) См. примѣч. 112.

буки къ нимъ не подходитъ, да и сами они, по начертанію буквъ, не сходны между собою; слѣдов. сомнительно еще, надписи это или просто украшенія [118]). Въ Вологодскомъ соборѣ есть также икона Св. Троицы будтобы съ зырянской надписью, которая тоже не разобрана [119]).

Не смотря на все это, г. Михайлову очень хочется, чтобы у Зырянъ временъ св. Стефана и его первыхъ преемниковъ была своя обширная литература. Но онъ чувствуетъ, что въ такомъ случаѣ остались-бы какія-нибудь рукописи и кромѣ вышеупомянутыхъ. По этому онъ ухватывается за пожары когда-то бывшіе въ Устьвыми. Но если всѣ памятники зырянской письменности сосредоточивались въ однихъ устьвымскихъ церквахъ, то народъ не пользовался плодами и въ ней не участвовалъ. Затѣмъ г. Михайловъ говоритъ, что устюжскій штабъ-лекарь Фризъ не основательно пишетъ, будто, по уничтоженіи Пермской епархіи, большая часть пермскихъ книгъ увезена въ Москву, а другая въ 1779 году, *вмѣстѣ съ нѣкоторыми зырянскими идолами и другими рѣдкостями,* взята бывшимъ Ярославскимъ генералъ-губернаторомъ Мельгуновымъ и куда отъ него поступила—неизвѣстно, и что другіе дополняютъ такой вымыселъ Фриза тѣмъ, что Мельгуновъ зырянскія книги и рѣдкости представилъ Императрицѣ Екатеринѣ II-й, и, по ея повелѣнію, сдалъ ихъ въ Эрмитажную библіотеку. Неосновательность такихъ извѣстій, по словамъ г. Михайлова, обнаружена Митрополитомъ Евгеніемъ, который пишетъ, что «по справкамъ его съ Московскою «Патріаршею и иностранной коллегіи Архивою, а также «Эрмитажною библіотекою, не оказалось въ нихъ ни од«ной зырянской книги и въ Эрмитажъ отъ Мельгунова «никогда онѣ не поступали, да и сами Зыряне не по«мнятъ, что у нихъ во времена Мельгунова были Перм«скія книги». Намъ кажется, что безуспѣшность попытокъ Митрополита Евгенія отыскать *пермскія древности* еще не есть доказательство, что послѣднихъ нѣтъ и не было: мы знаемъ, что словесныя и даже письменныя справки въ какихъ-бы то ни было архивахъ и библіотекахъ не принадлежатъ къ числу строго научныхъ аргументовъ. Самъ-же г. Михайловъ думаетъ, что зырянскія книги увезены въ Вятку, къ епархіи которой была причислена Пермская, или въ Вологду. Но мы прежде всего замѣтимъ, что къ Вятской епархіи была причислена, какъ скоро увидимъ, только часть Пермской, безъ Устьвыми. Притомъ-же если-бы было и не такъ, то все же не предстояло никакой надобности вывозить изъ церквей богослужебныя и другія книги, особенно въ Вятку или Вологду, гдѣ въ нихъ не было никакой надобности. Наконецъ, утрату зырянскихъ книгъ г. Михайловъ приписываетъ невѣжеству; но это-то и значитъ, что письмена, изобрѣтенныя св. Стефаномъ, не принялись; потому что пожары и увозъ могутъ истребить книги, но не письменность, не грамотныхъ людей.

Изъ всего вышесказаннаго мы дѣлаемъ слѣдующіе выводы: 1) что св. Стефанъ придумалъ зырянскую азбуку — это фактъ; 2) что онъ кое-что перевелъ на зырянскій языкъ — это тоже фактъ; и 3) что переводы его были переписаны для основанныхъ имъ церквей, въ которыхъ богослуженіе, по словамъ г. Михайлова, производилось на зырянскомъ языкѣ, — это болѣе, нежели вѣроятно, потому что, въ противномъ случаѣ не для чего было и переводить обѣдню, особенно заупокойную и тропари. Но дѣло тѣмъ и должно было кончиться, такъ какъ переводы оказались неудовлетворительными и слѣдовательно не достигающими своей цѣли: они столько же были непонятны Зырянамъ, какъ и славянскіе подлинники, если еще не болѣе. Справедливость послѣдней мысли докажемъ примѣрами: такъ въ трисвятой пѣсни слово «крѣпкій» по-зырянски передано «чорыдъ», что собственно значитъ твердый, жесткій; въ херувимской пѣсни—слово «дориносима» переведено въ смыслѣ «дары носятся», и слѣдов. пѣснь эта, и въ славянскомъ подлинникѣ для незнакомыхъ съ конструкціею греческой рѣчи неудобопонятная,—въ зырянскомъ переводѣ потеряла всякій смыслъ. Бѣдность зырянскаго языка отнимаетъ возможность хотя приблизительно выражать на немъ сколько-нибудь отвлеченныя понятія: молиться напр. передается по-зырянски «юрбитны», т. е. стукаться головою, челомъ бить; слово «Йенъ» значитъ и Богъ, и икона и т. д. Такимъ образомъ переводы св. Стефана, не достигая цѣли, были скоро оставлены, замѣнены славянскими книгами и самая служба церковная стала совершаться на славянскомъ языкѣ,—съ чѣмъ, въ существѣ, согласенъ и г. Михайловъ.

Заключая разсужденія о судьбѣ зырянской письменности, мы считаемъ не лишнимъ замѣтить, что, по словамъ г. Михайлова, въ разныхъ древнихъ зырянскихъ рукописяхъ отыскано нѣсколько алфавитовъ, но онъ не приводитъ начертанія буквъ, а между тѣмъ замѣчаетъ, что существуютъ два мнѣнія объ этомъ предметѣ, что, по словамъ однихъ — св. Стефанъ взялъ за образецъ греческія буквы, а по словамъ другихъ—еврейскія. Мы можемъ указать любопытнымъ на Исторію Государства Россійскаго, гдѣ помѣщается зырянскій алфавитъ, отысканный Миллеромъ [120]), и пусть они сами разсудятъ о характерѣ его. Намъ кажется, что алфавиты, послѣ св. Стефана придуманные какими-нибудь досужими грамотѣями, подобными нынѣшнимъ изобрѣтателямъ зырянскихъ словъ, титулующимъ себя лексикографами,—никогда не

---

118) См. примѣч. 113.

119) Поѣздка въ Кириловъ-Бѣлозерскій монастырь С. Шевырева—въ 1847 г., изд. 1850 г.

120) Ист. Гос. Росс. къ т. V примѣч. 109 (изд. 1830 г.). Мы не перепечатываемъ изображеній буквъ, потому что и въ изданіи Ист. Госуд. Росс. они вышли слѣпо.

имѣли никакого приложенія, тѣмъ болѣе, что въ нихъ не достаетъ буквъ для выраженія нѣкоторыхъ коренныхъ звуковъ зырянскаго языка, какъ напр. ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ буквы, соотвѣтствующей нашей «у», въ иныхъ нѣтъ «ы», въ одномъ—«о» и т. д. Всѣ алфавиты разнятся названіями буквъ [121]).

Послѣ того, что сказано о введеніи и судьбѣ зарянской письменности, не предстоитъ уже надобности распространяться о судьбѣ школъ св. Стефана. Г. Михайловъ думаетъ, что св. Стефанъ учредилъ ихъ при всѣхъ церквахъ [122]); но это невѣроятно. Впрочемъ спорить не стоитъ; потому что, много-ли, мало-ли ихъ было, онѣ не пережили своего основателя, и распространенію зырянской письменности не содѣйствовали.

Св. Стефанъ скончался въ 1396 г. 26 Апрѣля въ Москвѣ, куда онъ отправлялся по вызову Митрополита Кипріана. Такимъ образомъ апостольская и архипастырская дѣятельность его продолжалась 20 лѣтъ. Мощи его почиваютъ въ Москвѣ, въ кремлевской церкви у Спаса на Бору, что за Золотой Рѣшеткой.

Два года, по кончинѣ св. Стефана, Пермская епархія оставалась праздною.

Первымъ преемникомъ его былъ Исаакій. Сколько времени управлялъ онъ Пермскою паствою — неизвѣстно: но имя его встрѣчается въ 1416 году. При немъ крестились Печорцы [123]).

За Исаакіемъ слѣдовали три святителя, памятные Зырянамъ добродѣтельною жизнію, почему и почитаются святыми, хотя и не прославленными. Управленіе ими епархіею не представляетъ ничего особеннаго; но всѣ они были благодѣтелями Зырянъ: въ случаяхъ голода, нападеній Вогуличей, Вятчанъ и т. д. они являлись ходатаями за свою паству. Вотъ въ какомъ порядкѣ они слѣдовали одинъ за другимъ:

Герасимъ. Онъ задушенъ своимъ слугою на возвратномъ пути изъ объѣзда епархіи.

Питиримъ. Убитъ во время набѣга на Устьвымъ Вогуличей и Вятчанъ. Онъ крестилъ Печорцевъ.

Іона. Вступилъ въ управленіе епархіею въ 1456 году. Во время его епископства обратились въ христіанство нынѣшніе Пермяки.

Филоѳей. Замѣчателенъ тѣмъ, что игралъ роль посредника въ сношеніяхъ Московскаго правительства съ разными сибирскими князьками. Онъ уволенъ на покой въ 1501 году.

Послѣ Филоѳея Пермь не имѣла уже особыхъ епископовъ, такъ какъ управленіе Устьвымскою и Вологодскою епархіями сосредоточилось въ лицѣ одного епископа, и епископы эти проживали въ Вологдѣ, которую, какъ городъ богатый, предпочитали малолюдной, бѣдной и находящійся въ глуши и суровомъ климатѣ Устьвыми.

Въ 1585 году Пермская епархія окончательно перестала существовать.

Въ 1676 году часть ея, именно: Соликамскъ, Чердынь, Верховье Вычегды, Сысола и Луза присоединены къ Вятской епархіи.

Въ 1682 году вся она, кромѣ Соликамска и Чердыни, перечислена къ Устюжской епархіи.

Въ 1788 году, по закрытіи послѣдней, она вошла въ составъ Вологодской.

Предѣлы Пермской епархіи съ теченіемъ времени измѣнялись [124]); но это насъ не интересуетъ.

---

[121]) Г. Михайловъ зырянскимъ письменамъ и переводамъ св. Стефана посвятилъ въ своемъ «Устьвымѣ» нѣсколько главъ (Вол. Губ. Вѣд. 1850 г. №№ 16, 17, 19—22). Вотъ выписка изъ его сочиненія (Губ. Вѣд. № 17): «Миллеръ открылъ нѣсколько списковъ зырянской азбуки въ древней рукописи «о житіи и дѣлахъ Стефана», а Лепехинъ отыскалъ названія нѣкоторыхъ буквъ ея. Къ сожалѣнію эта находка не озарила свѣтомъ спорнаго вопроса о письменахъ зырянскихъ; потому что *примѣненная при чтеніи надписей не принесла ожидаемыхъ успѣховъ:* смыслъ ихъ по прежнему остался таинственнымъ и едва-ли не навсегда сокрытымъ отъ потомства. Открытія Миллера и Лепехина послужили ни болѣе, ни менѣе, какъ убѣжденіемъ въ отличіи азбуки Зырянъ отъ азбукъ другихъ народовъ и познакомили насъ съ очертаніемъ и названіемъ буквъ ея. Въ одномъ спискѣ Миллера буквы названы: Анъ, Баръ, Гай, Дой, Е, Жей, Зата, И, Коке, Лей, Мено, Пено, О, Пей, Рѣй, Си, Тай, Цю, Чоры, Шой, Ю, Я. Другой немного полнѣе перваго гласными — Ы, Е, А, и отличается отъ него почеркомъ нѣкоторыхъ буквъ (примѣч: въ бумагахъ покойнаго Миллера въ Московск. Арх. Иностр. Дѣлъ). У Лепехина найденныя имъ буквы расположены въ такомъ порядкѣ: А, Букъ, Вой, Гой, Дой, Ежой, Жой, Зата, Зита, Коке, Лей, Мено, Пено, Пей, Рѣй, Сій, Тай, Сій, Черы, Шуй (примѣч: Зап. Лепехина, ч. III стр. 241.) Впослѣдствіи, въ концѣ одного древняго экземпляра зырянской обѣдни, писаннаго славянскими буквами съ удареніями на словахъ, нашли еще два списка зырянской азбуки, нѣсколько отличные отъ приведенныхъ нами и въ почеркѣ буквъ и въ названіяхъ ихъ. Приводимъ для сличенія съ первыми и эти списки. Въ одномъ они названы: Анъ, Баръ, Гой, Дой, Ежой, Жой, Зата, Зита, Коке, Лей, Мено, Пе, Онъ, Пей, Рѣй, Са, Той, Цю, Чоры, Шой, При, Ей, Ю, ѡ. Другой, послѣдній изъ всѣхъ, въ видѣ послѣсловія, приложенъ въ той же рукописи къ первому списку съ слѣдующимъ сравненіемъ съ другими азбуками: у жидовскія же азбуки первому слову имя Алфаръ, а у греческія Алфа, Вита; а у сурьянскія Але, Фобе, а у югорскія—Афака, Васака; а у русскія—Азъ, и у пермскія—Азъ, Буръ, Гай, Дой, Ежой, Джой, Зата, Зита, И, Кое, Лей, Мено, Не, Во, Пей, Рѣй, Сій, Тай, Цю, Черье, Шюй, Ы, Е, Ю, ѡ (примѣч. рукопись хранится въ Библ. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.) Оба эти списка, разнящіеся въ начертаніи буквъ отъ Миллеровскихъ, употребленные при разобраніи зырянскихъ надписей филологами, не объяснили нисколько значенія ихъ. Это обстоятельство заставляетъ сомнѣваться въ подлинности зырянскихъ азбукъ и наводитъ на мысль о подложности ихъ».

[122]) См. по примѣч. 85 № 13.

[123]) См. примѣч. 85.

[124]) Излагая судьбу Пермской епархіи послѣ св. Стефана, мы пользовались матеріалами, заключающимися въ сочиненіяхъ г. Михайлова (см. прим. 85), но съ осторожностію; а также статьею г. Н. Суворова «Споръ Вологодскихъ архіепископовъ Маркелла и Симона съ первыми двумя епископами Вятскими, Александромъ и Іоной, объ Устьвымской десятинѣ (Волог. Губ. Вѣд. 1864 г. №№ 8, 9, 11 и 12).

ГЛАВА V.

КРАТКІЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ КРАЯ.

Астрономическое положеніе.—Границы.—Пространство; общій видъ страны; геологическій взглядъ; почва; гидрографическій очеркъ: рѣки, озера и болота.—Климатъ и метеорологическія наблюденія.—Вліяніе климата на здоровье.—Мѣстныя метеорологическія примѣты.

Мы оговорились уже[125]) ранѣе, что предметъ нашего труда главнымъ образомъ составляетъ та часть Зырянскаго края, впрочемъ главная, которая находится въ Вологодской губерніи. Такая оговорка особенно относится къ настоящей главѣ, и также къ тѣмъ, въ которыхъ будемъ говорить о естесвенныхъ богатствахъ страны.

Граничныя точки Зырянскаго края астрономически не опредѣлены. Вообще полагаютъ, что, въ предѣлахъ Вологодской Губерни, онъ доходитъ до 65°,6' сѣверной широты и 77°,20' восточной долготы по Феррскому меридіану[126]). Впрочемъ, въ точномъ опредѣленіи границъ нѣтъ практической надобности; потому что большая часть ихъ проходитъ пустынными мѣстами.

Приблизительное понятіе о фигурѣ края читатель можетъ составить, если на любой географической картѣ возметъ: а) теченіе впадающей въ Вычегду съ правой стороны р. Яреньги, кромѣ самой нижней ея части (верстъ около 10-ти); б) дер. Межогъ въ 22 верстахъ отъ г. Яренска на почтовой дорогѣ въ г. Устьсысольскъ; в) точку пересѣченія р. Лузою границы между Устьсысольскимъ и Устюгскимъ уѣздами, пониже Ношульской пристани; г) Кажимскій заводъ близь р. Сысолы, въ 230 верст. отъ Устьсысольска; д) точку пересѣченія р. Печорою границы между Вологодскою и Пермскою губерніями; за тѣмъ соединитъ всѣ эти точки прямыми линіями, не выходя изъ предѣловъ Яренскаго и Устьсысольскаго уѣздовъ и по границамъ Вологодской губерніи съ Пермскою, Тобольскою и Архангельскою губерніями дойдетъ до вершины р. Яреньги: внутри обойденной такимъ образомъ площади населеніе сплошь зырянское, за исключеніемъ половины села Межогъ, заводовъ Кажимскаго, Нючпасскаго и Нювчимскаго—въ Устьсысольскомъ и Сереговскаго въ Яренскомъ уѣздахъ, села Устьвыми съ окрестнымъ Заручейскимъ обществомъ и села Важгортъ—въ Яренскомъ и общества чиновниковъ въ Устьсысольскѣ.

Хотя, при генеральномъ межеваніи, Устьсысольскій и Яренскій уѣзды были измѣрены; но это измѣреніе ни въ какомъ случаѣ не могло быть точнымъ, такъ какъ нѣтъ физической возможности обойдти въ натурѣ болотисто-топкія, пустынныя и вмѣстѣ съ тѣмъ на многія сотни верстъ простирающіяся граничныя линіи. Говорятъ, что межевые чины составляли планы, сидя на мѣстѣ, по разсказамъ охотниковъ. Мы принимаемъ пространство Зырянскаго края въ Вологодской губерніи приблизительно въ 180,000 кв. верстъ, или 3,670 кв. миль.

Это обширное пространство нѣкогда было морскимъ дномъ, которое еще и до сихъ поръ не совсѣмъ обсохло. Восточную границу его съ Сибирью составляетъ часть Уральскаго хребта, извѣстная подъ названіемъ Павдинскаго камня, отроги котораго въ видѣ лѣсистой плоской возвышенности, называемой «Большая парма» идутъ внутрь края до р. Печоры[127]). Далѣе къ Западу представляется болотистая низменность, въ видѣ впадины, центръ которой составляетъ долина р. Ирвы (притокъ Мезени)[128]). Берега этой рѣки до того низки, что она сливается съ окрестными озерами; теченіе ея незамѣтно и чрезвычайно извилисто. Отъ Ирвы и къ сѣверу, и къ югу тянутся возвышенія. Вообще возвышенности слѣдуютъ направленію рѣкъ Нема, Сысолы, Вычегды, Вишеры[129]) и особенно Выми[130]). Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они достигаютъ рѣкъ, пространства между подошвами ихъ и окраинами береговъ называются *наволоками*,

---

125) См. примѣч. 1.

126) Волог. Губ. Вѣдом. 1851 г. № 1: «Отрывокъ изъ статистическаго описанія Вологодской губерніи», г. Н. Данилевскаго.

127) *Пармою* въ Зырянскомъ краѣ называется, по опредѣленію г. Попова-Локчимскаго (Волог. Губ. Вѣдом. 1854 г. № 28: «Печорскій приходъ»), плоская возвышенность, покрытая густымъ лѣсомъ разныхъ породъ, имѣющая влажный грунтъ и ограниченная крутыми спусками; а по опредѣленію г. Данилевскаго, (Тамъ-же 1853 г. № 10: «Гидрографія Вологодской губерніи») поросшее лѣсомъ болото. Мы признаемъ болѣе точнымъ первое опредѣленіе.

128). Вол. Губ. Вѣд. 1847 г № 42: «Первая поѣздка на Удору».

129). Тамъ-же 1865 г. № 12: «Путевыя записки по Вологодской губерніи», г. Ив. Кашперова; 1858 г. № 41: «Описаніе физическихъ свойствъ Яренскаго уѣзда», г. В. Аврамова; 1858 г. № 2. «Взглядъ на геологическое состояніе села Вотчи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи», г. І. Попова, и 1857. г. № 47: «Брусяная гора въ Устьсысольскомъ уѣздѣ» и мн. др.

130) См. прим. 128.

которые считаются лучшими пашенными землями и часто покрыты роскошными лугами.

По Мурчисону, поверхность Зырянскаго края состоитъ изъ наносныхъ формацій. Только восточная часть Устьсысольскаго уѣзда, прилегающая къ Уральскимъ горамъ, представляетъ присутствіе горнокаменной породы. Между первыми и послѣднею находится формація метаморфическая.

Почва главнымъ образомъ состоитъ изъ песку и глины. Въ Яренскомъ уѣздѣ песокъ всякаго вида—бѣлый, красный и бурый встрѣчается вездѣ, а глина: бѣлая—преимущественно по Вашкѣ, синяя—по Мезени и Вашкѣ, а красная — повсемѣстно. Но эти главныя составныя части почвы въ разныхъ мѣстахъ перемѣшаны не въ одинаковой пропорціи, а именно: по берегамъ р. Вычегды, на мѣстахъ возвышенныхъ, глина чаще господствуетъ надъ пескомъ, въ долинахъ же *(на наволокахъ)* они смѣшаны по ровну, а иногда послѣдній господствуетъ надъ первою. По берегамъ Яреньги и Вашки господство песку представляется еще въ большей степени: здѣсь мало встрѣчается и такихъ мѣстъ, гдѣ-бы онъ соединенъ былъ съ глиною въ равной степени. По берегамъ р. Выми пространства, покрытыя пескомъ, являются также часто; однакоже встрѣчаются и глинистыя. При томъ здѣсь въ составѣ почвы не рѣдко присутствуютъ известковыя частицы. Напротивъ того по берегамъ р. Мезени почва земли болѣе глинистая и притомъ болотнаго свойства [131]).— Въ Устьсысольскомъ уѣздѣ таже смѣсь песку и глины. Послѣдній преобладаетъ въ Чуканбскомъ приходѣ по р. Вепри [132]) и по р. Печорѣ [133]). Каменистыя мѣста находятся преимущественно по р. Печорѣ, по верховьямъ Вычегды и по р. Сысолѣ, въ Вотчинскомъ приходѣ [134]).—Чернозему собственно нѣтъ. Мѣстные жители называютъ черноземными мѣста, образовавшіяся отъ осушки болотъ или отъ сильнаго долговременнаго удобренія. Такія мѣста есть въ Яренскомъ уѣздѣ по рѣкамъ Ирвѣ и Мезени [135]). Настоящій-же черноземъ встрѣчается только въ Устьсысольскомъ уѣздѣ по р. Визенгѣ [136]).

Трудно найдти край, который бы въ такой степени, какъ Зырянскій, изобиловалъ водою, какъ текучею, такъ и стоячею. Объ обиліи текучей воды можно судить по тому, что бассейнъ Печоры составляютъ только извѣстныхъ 319 рѣкъ и рѣчекъ, бассейнъ Мезени—430. Намъ неизвѣстно сколько рѣкъ принадлежатъ къ самому обширному бассейну Сѣв. Двины, такъ какъ мы имѣемъ только общія цифры для цѣлой Вологодской Губерніи.—Но мы не будемъ перечислять всѣ эти рѣки и рѣчки и скажемъ лишь нѣсколько словъ о главныхъ и такихъ, которыя замѣчательны какими нибудь рѣзкими особенностями.

Вычегда,—огромный притокъ Сѣв. Двины, имѣющій до 1000 верстъ длины, болѣе 300 саж. ширины въ средней части своего теченія и отъ 3 до 1 саж. глубины,— кромѣ нижней части (не много менѣе 200 верстъ), вся принадлежитъ Зырянскому краю. Самый большой притокъ Вычегды—*Вымь*, которая въ Вологодской губерніи (Яренскій уѣздъ) течетъ на пространствѣ 250 верстъ, имѣя въ верхней части до 160 саж. ширины, а при устьѣ—до 100 саж. Изъ рѣкъ, впадающихъ въ Вымь, замѣчательны *Ворыква* и *Ёлва*; первая въ одномъ мѣстѣ течетъ подъ землею, [137]) а послѣдняя, при 150-верстовой длинѣ, имѣетъ отъ 80 до 100 саж. ширины.— Изъ числа многихъ другихъ рѣкъ, впадающихъ въ Вычегду и замѣчательныхъ по величинѣ, мы назовемъ только *Сысолу*, которая имѣетъ отъ 400 до 500 верстъ длины, отъ 70 до 100 саж. ширины и отъ $2^1/_2$ до 4 арш. глубины.

Луза, притокъ Юга, который, по соединеніи съ Сухоною, образуетъ Сѣв. Двину, принадлежитъ Зырянскому краю только верхней частью, замѣчательною не по величинѣ, а тѣмъ, что на ней находятся большія пристани, гдѣ грузятся хлѣбные продукты Вятской губерніи, для сплава къ Архангельскому порту.

Печора—этотъ колоссальный водный потокъ беретъ начало въ Пермской губерніи; въ Вологодскую вливается

---

131) Волог. Губерн. Вѣдом. 1858 г. № 41: «Описаніе физическихъ свойствъ Яренскаго уѣзда», г. В. Аврамова.

132) Тамъ-же 1865 г. № 6: «Краткія статист. и этнограф. свѣдѣнія объ Устьсысольскомъ уѣздѣ», г. В. Кичина.

133) Тамъ-же 1854 г. № 29: «Печорскій—приходъ», г. Попова-Локчимскаго.

134) Тамъ-же 1858 г. № 2: «Взглядъ на геологическое состояніе села Вотчи и пр.», г. І. Попова.

135) См. прим. 131.

136) Составляя гидрографическій очеркъ, мы пользуемся слѣдующими статьями, помѣщенными въ Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ: а) 1853 г. № 10: «Гидрографія Волог. губерніи», г. Данилевскаго; б) 1858 г. №№ 42 и 43: «Описаніе физическихъ свойствъ Яренскаго уѣзда» г. В. Аврамова; в) 1858 г. № 7: «Сельско-хозяйств. очеркъ Вологодской губерніи» г. Н. Бунакова; г) 1854 г. №№ 32—34: «Замѣтки и впечатлѣнія охотника по Вологодской губерніи», г. Ю. Волкова; д) 1854 г. № 29: «Печорскій приходъ», г. Попова-Локчимскаго; е) 1847 г. № 15: «Описаніе Вычегды» и ж) 1854 г. № 16: «Замѣчательные изъ притоковъ Вычегды».

137) Г. Ю. Волковъ эту рѣчку называетъ Верк—ва (Волог. Губ. Вѣд. 1854 г. № 30: «Рѣчка Верк—ва») и говоритъ слѣдующее: «Все протяженіе этой рѣчки не превосходитъ 150 верстъ. Въ весеннее время она не представляетъ ничего особеннаго; но лѣтомъ, въ «90 верстахъ отъ истока, при 10-саженной ширинѣ, падаетъ она «съ пѣною и шумомъ въ круглую яму около 8 кв. саж. поверхности. «Брошенное туда легкое тѣло вскорѣ невозвратно тонетъ. Ниже ямы «рѣчка течетъ едва замѣтною струею, которая черезъ 2 версты тоже «исчезаетъ, совершенно скрываясь въ береговое отверстіе. Потомъ «русло рѣки на разстояніи 20 верстъ совершенно сухо, а дальше «начинаютъ пробиваться ключи и составляютъ опять рѣчку болѣе 30 «саж. ширины. До исчезанія рѣчки вода въ ней мутно-краснаго цвѣта, «рыба не вкусная, и ея мало; а по образованіи вновь теченія, вода «прозрачна, какъ хрусталь, рыбы больше и она особенно вкусна. «Вода рѣчки, по выходѣ изъ земли, до того прозрачна, что на 4-аршинной глубинѣ на днѣ ея можно видѣть булавку».

уже значительною рѣкою; течетъ по восточной части Устьсысольскаго уѣзда около 550 верстъ и уходитъ въ Архангельскую, гдѣ и впадаетъ въ Сѣверный Океанъ. Еще въ предѣлахъ Вологодской губерніи, принявъ нѣсколько спускающихся съ Уральскихъ горъ, многоводныхъ притоковъ, каковы: *Ылыдзъ*, *Пöччерэмъ* [138]) и *Чугуръ* (Щугоръ), эта рѣка расширяется до полуторы версты.

Мезень принадлежитъ Вологодской губерніи (Яренскому уѣзду) только средней частью своего теченія, на протяженіи около 150 верстъ. Изъ притоковъ ея—*Ирва* вся принадлежитъ Вологодской губерніи и имѣетъ до 150 верстъ длины при ширинѣ отъ 80 до 100 саженъ. *Вашка* течетъ по Вологодской губерніи только 250 верстъ, имѣя отъ 50 до 150 саж. ширины.

Озеръ много: но они незначительны, за исключеніемъ *Синдорскаго*, находящагося на границѣ Яренскаго и Устьсысольскаго уѣздовъ и имѣющаго болѣе 15 верстъ длины и 8 ширины.

Болотъ нѣтъ возможности перечислить: гораздо легче поименовать суходолы, которые представляются островами среди огромнаго болотистаго моря. Можно сказать вообще, что сухія мѣста находятся только по берегамъ большихъ рѣкъ, которыя здѣсь имѣютъ значеніе естественныхъ осушительныхъ каналовъ [139]).

Астрономическія условія края, его болотистая, покрытая лѣсомъ почва и открытое положеніе со стороны полярнаго моря уже говорятъ о суровости его климата. Но мы не считаемъ себя въ правѣ ограничится такой общей фразой тѣмъ болѣе, что имѣемъ подъ рукой болѣе точныя данныя.

Въ Сереговскомъ заводѣ съ 1845 по 1852 годъ включительно производились метеорологическія наблюденія, за добросовѣстность которыхъ мы ручаемся, по двумъ термометрамъ Реомюра, изъ коихъ одинъ былъ обращенъ на югъ, а другой—на сѣверъ. Въ пасмурные дни записывались показанія перваго, а въ ясные — послѣдняго, причемъ, иногда, одинъ изъ нихъ повѣрялся другимъ. Наблюденія производились въ 7 часовъ утра, въ полдень и въ 9 часовъ вечера. Вотъ выводы изъ нихъ [140]).

Средняя температура за весь 8-лѣтній періодъ равняется +0,29, а именно:

1845 г. — +0,12	1848 г. — +0,40	1851 г. — +1,11.
1846 » — +0,17	1849 » — +0,16	1852 » — +0,1.
1847 » — +0,52	1850 » — +0,14.	

По временамъ года: 3 весенніе мѣсяца—0,54, 3 лѣтніе+12,10, 3 осенніе+0,28 и 3 зимніе —11,28.

Морозныхъ дней пришлось на каждый годъ по 160, а теплыхъ—по 205. Морозы, хотя не каждый годъ, достигали до—35° и даже до—40°. Вѣтры дули: сѣверо-западные по 19 разъ въ годъ, сѣверные—по 150, сѣверо-восточные—по 23, восточные—по 9, юго-восточные—по 12, южные—по 184, юго-западные—по 29 и западные—по 12. Самые сильные — полярные. Число вѣтровъ не соотвѣтствуетъ числу дней, потому что они записывались по 3 раза въ день, одновременно съ показаніями термометра. Мятелей было по 25 въ годъ; снѣжныхъ дней по 108, а дождливыхъ — по 80. Въ томъ числѣ при вѣтрахъ

	Снѣжныхъ.	Дождливыхъ.
Сѣверо-западномъ.	3	4
Сѣверномъ.	32	28
Сѣверо-восточномъ. . . .	6	6
Восточномъ.	3	2
Юго-восточномъ.	2	4
Южномъ.	59	45
Юго-западномъ.	4	7
Западномъ.	2	3

Грозъ было по 10 въ годъ.

Съ 1832 г. по 1852 г. рѣки Вымь и Вычегда вскрывались между 16 Апрѣля (1848 г.) и 10 Мая (1845 г.), а льдомъ покрывались между 7 Октября (1840 г.) и 13 Ноября (1849 г.); среднимъ числомъ покрыты были льдомъ 185 дней; должайшій періодъ 203 дня, а кратчайшій—154.

Въ Устьсысольскѣ наблюденія термометра производились съ 1818 по 1850 годъ (32 года) [141]). По выводамъ изъ нихъ, средняя годовая температура равняется+0,7; температура весны+0,7, лѣта+12,2, осени —1,0 и зимы—10,9; по мѣсяцамъ: Январь — 12,2, Февраль — 9,7, Мартъ — 4,3, Апрѣль+0,6, Май+5,7, Іюнь + 11,2, Іюль + 13,8, Августъ + 11,5, Сентябрь + 6,5, Октябрь + 1,1, Ноябрь — 4,7 и Декабрь —10,9.

Рѣка Сысола въ Устьсысольскѣ съ 1816 по 1855 г., включительно, вскрылась: въ Апрѣлѣ—34 раза и въ первой трети Мая—6, а замерзала: въ Октябрѣ—29 разъ, въ первой трети Ноября—7 разъ и во второй—4 раза. Самое раннее вскрытіе было въ 1836 г., 4 Апрѣля, а позднѣе въ 1855 г. — 8 Мая. Самое раннее замерзаніе случилось 4 Октября—въ 1817 г., а позднее 17 Ноября—въ 1833 г. Всего болѣе рѣка была свободна отъ льда въ 1855 г.—217 дней, а менѣе въ 1819 г.—

---

138) Эту рѣчку чаще называютъ на русскій ладъ «Подчеремъ».

139) Вол. Губ. Вѣд. 1858 г. № 45: «Описаніе физическихъ свойствъ Яренскаго уѣзда», г. В. Аврамова.

140) Тамъ-же № 49.

141) Тамъ-же № 9: «Сельско-хозяйств. очеркъ Волог. губерніи», г. Н. Бунакова. Мы имѣемъ основаніе думать, что г. Бунаковъ пользовался подлинными отмѣтками самаго наблюдателя, которыя хранились въ Устьсысольской Публичной библіотекѣ и потомъ были вытребованы въ губернскій Статистическій Комитетъ.

152 дня. Среднее вскрытіе приходится на 9 Апрѣля, а замерзаніе—на 4 Октября. Среднимъ числомъ рѣка бываетъ покрыта льдомъ 185 дней [142]).

Какъ данныя для опредѣленія климата Устьсысольска, приведемъ также свѣдѣнія о времени посѣва и жатвы ячменя въ этомъ городѣ съ 1817 г. по 1874 г. Среднее число для посѣва ячменя есть 10 Мая, а для жатвы—9 Августа; средняя продолжительность растительности 91 день; наибольшая—115 дней (1836 г.) и наименьшая—76 дней (1823 г.). Самый раннiй посѣвъ былъ 26 Апрѣля (1826 г.), а самый поздній—22 Мая (1819 г.); самая поздняя жатва—25 Августа (1835 г.), а самая ранняя—23 Іюля (1844 г.) [143]).

Чтобы дать, такъ сказать, осязательное понятіе о степени суровости климата и континентальныхъ крайностяхъ зырянскихъ зимы и лѣта, мы сообщимъ нѣсколько замѣтокъ, касающихся болѣе удаленныхъ къ сѣверу мѣстностей. По наблюденіямъ съ 1849 по 1854 г. [144]), Печора вскрывается всегда въ половинѣ Мая; ледъ на ней бываетъ отъ 3 до 5 четвертей; иней въ Печорскомъ краѣ начинается въ первыхъ числахъ Августа; рожь поспѣваетъ между 10 и 20 Августа (въ сѣверной части этого края хлѣбопашествомъ вовсе не занимаются); ячмень сѣется между 25 Мая и 5 Іюня, а поспѣваетъ 10—18 августа; ленъ и конопля сѣются 1 Іюня, а поспѣваютъ: первый 6, а послѣдняя,—15 Августа; ягоды поспѣваютъ: земляника и морошка 15 Іюня; поляника, черника и брусника—1 Іюля, но холодъ повреждаетъ ихъ иногда въ цвѣту. Птицы прилетаютъ: лебеди 10 Апрѣля, утки 15, журавли и гуси—1 Мая. Вороны и галки не остаются на зиму.—Въ другой части Зырянскаго края, на Удорѣ (по рр. Мезени и Вашкѣ), лѣто бываетъ такъ коротко, что мѣстные жители, чтобы выиграть какой-нибудь лишній день, удобный для росту хлѣба, свозятъ весною снѣгъ съ полей [145]). Иней тамъ начинается иногда въ первой половинѣ Іюля [146]). Но даже сравнительно въ южной мѣстности, каковъ Устьсысольскъ, морозы бываютъ такъ сильны, что лопаются стекла [147]). За то сколь сильны зимніе морозы, столь-же велики лѣтніе жары. На Удорѣ иногда для росту ячменя, отъ посѣва до уборки, достаточно 40 дней [148]). Вода въ рѣкахъ нагрѣвается, какъ парное молоко [149]).

Несмотря однакожь ни на эту суровость климата и крайности его, ни на болотистое свойство мѣстности, ни на часто повторяющіеся неурожаи, когда Зыряне питаются, вмѣсто хлѣба, пихтовою корою, мохомъ, рябиновымъ листомъ и т. п., народное здоровье находится въ удовлетворительномъ состояніи: отъ перевѣса числа рожденій надъ числомъ смертныхъ случаевъ, населеніе зырянскихъ уѣздовъ Вологодской губерніи, особенно сѣверныхъ частей ихъ, какова наприм. Удора, увеличивается гораздо сильнѣе, нежели населеніе русскихъ [150]). Такое явленіе обыкновенно объясняютъ вліяніемъ климата и воды [151]). Вода р. Вишеры считается цѣлебною [152]);

---

142) Тамъ-же 1858 г. № 1: «Вскрытіе и замерзаніе р. Сысолы у Устьсысольска съ 1816 по 1855 г.» Павл. Кокшарова. Изъ этой статьи мы помѣстили въ текстѣ цифры, какъ онѣ есть; но такъ какъ г. Кокшаровъ, дѣлая выводы, явно допустилъ ошибки, или, можетъ быть, въ статью его вкрались опечатки, то здѣсь мы приводимъ тѣ данныя, которыми онъ пользовался:

Годы.	Дни вскрытія.	Дни замерзанія.	Число дней, въ которые рѣка была свободна.	Годы.	Дни вскрытія.	Дни замерзанія.	Число дней, въ которые рѣка была свободна.
1816	Апрѣля 27	Октября 12	168	1836	Апрѣля 4	Ноября 5	193
1817	— 17	— 4	170	1837	— 27	— 7	194
1818	Мая 2	— 19	170	1838	— 17	— 9	206
1819	— 8	— 7	152	1839	— 24	Октября 19	178
1820	Апрѣля 13	— 12	182	1840	— 23	— 7	167
1821	— 27	— 19	175	1841	— 21	— 31	193
1822	— 7	— 22	198	1842	— 29	— 24	178
1823	— 27	— 7	163	1843	Мая 3	Ноября 3	184
1824	Мая 1	— 20	172	1844	Апрѣля 20	Октября 23	195
1825	Апрѣля 19	Ноября 15	210	1845	Мая 7	— 20	166
1826	— 15	Октября 15	183	1846	Апрѣля 21	Ноября 2	195
1827	— 8	— 8	183	1847	— 30	— 9	193
1828	— 21	— 24	186	1848	— 11	Октября 20	192
1829	— 26	— 26	183	1849	— 18	Ноября 11	207
1830	— 27	— 5	161	1850	— 22	Октября 10	171
1831	— 20	— 7	170	1851	— 20	— 16	179
1832	— 25	— 29	187	1852	Мая 2	— 15	166
1833	— 18	Ноября 17	213	1853	Апрѣля 17	— 23	189
1834	— 22	Октября 29	190	1854	— 28	Ноября 5	191
1835	— 13	— 20	215	1855	Мая 8	— 11	217

Изъ этой таблицы видно во 1-хъ, что лѣто 1855 г. не было самое продолжительное, такъ какъ продолжалось не 217 дней, а 187; въ 2-хъ, что самое продолжительное лѣто было въ 1833 году, когда рѣка вскрылась 18 Апрѣля, а льдомъ покрылась 17 Ноября, т. е. 213 дней; въ 3-хъ, что среднимъ днемъ вскрытія и замерзанія, въ такомъ случаѣ, будутъ не 9 Апрѣля и 4 Октября (послѣднее число есть крайній предѣлъ ранняго замерзанія), а 21 Апрѣля и 26 Октября, и что, слѣдовательно, въ 4-хъ среднимъ продолженіемъ зимы будетъ не 185, а 177 дней. Мы не упоминаемъ объ ошибкахъ въ частныхъ выводахъ продолжительности зимы для каждаго изъ 40 лѣтъ; а что ошибки есть,— укажемъ на 1835 и 1836 гг.

143) Тамъ-же 1851 г. № 14: «О времени и количествѣ теплоты, нужныхъ для созрѣванія ячменя въ г. Устьсысольскѣ.», г. Н. Данилевскаго.

144) Тамъ-же 1854 г. № 31: «Печорскій приходъ» г. Попова-Локчимскаго.

145) Тамъ-же: а) 1849 г. №№ 20 и 21: «Статист. Опис. Яренскаго уѣзда», г. П. Протопопова, и б) 1858 г. № 9: «Сельско-хозяйств. очеркъ Волог. Губерніи», г. Н. Бунакова.

146) Тамъ-же. 1858 г. № 47: «Описаніе физическихъ свойствъ Яренскаго уѣзда» г. В. Аврамова.

147) Тамъ-же по примѣч. 136.

148) Тамъ-же 1865 г. № 12: «Путевыя записки по Вологодской губерніи», г. Кашперова.

149) Тамъ-же 1847 г. № 12: «Первая поѣздка на Удору».

150) Тамъ-же 1859 г. №№ 28—38: «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйственный бытъ», г. В. Аврамова.

151) Тамъ-же 1848 г. № 36: «Нѣсколько словъ о г. Устьсысольскѣ и его уѣздѣ», г. П. Богданова.

152) Тамъ-же 1848 г. № 12: «Путевыя замѣтки отъ г. Устьсысольска къ Вишерскому селенію», г. А. Попова.

Сандорскаго озера-тожъ [153]). Г. Аврамовъ утверждаетъ [154]), что до холеры 1848 года въ Яренскомъ уѣздѣ не слышно было ни о какихъ эпидемическихъ болѣзняхъ; но съ этого времени, хотя холера тамъ и не появлялась, стали свирѣпствовать лихорадки, которыя и до сихъ поръ не прекращаются. Однако и лихорадки губительнѣе въ южной, русской части уѣзда, нежели въ сѣверной.—Сами Зыряне удовлетворительность состоянія своего здоровья приписываютъ банямъ, къ которымъ имѣютъ, какъ послѣ увидимъ, сильное пристрастіе. Кромѣ того, они знаютъ и многія спеціальныя средства противъ болѣзней, и, съ замѣчательнымъ искусствомъ, умѣютъ въ этомъ случаѣ пользоваться тѣмъ, что даетъ имъ окружающая природа [155]).

Заключая настоящую главу, упомянемъ о мѣстныхъ примѣтахъ, имѣющихъ метеорологическій характеръ. Вотъ эти примѣты: хлѣбъ родится хорошо, когда полотно зимней дороги ниже уровня снѣгу, и наоборотъ. Появленіе въ большомъ количествѣ клестовъ или полевыхъ тетерь предвѣщаетъ неурожай. Если снѣгъ выпадетъ прежде, нежели опадутъ съ деревьевъ листья, будетъ много больныхъ. Если ледъ весною идетъ тихо, или истлѣваетъ на мѣстѣ, весна будетъ тяжелая. Если на сырой лѣсъ выпадетъ *кухта* (снѣгъ) и останется на немъ всю зиму, годъ будетъ тяжелый и для людей, и для скота. Если съ осени рѣки покроются не гладкимъ льдомъ,—будетъ урожай, и на оборотъ. Если вороны выкидываютъ изъ гнѣздъ яица, а иногда и дѣтей, будетъ годъ зяблый. Если въ началѣ весны у черныхъ жуковъ переднія ноги толще, то будетъ лучше ранній посѣвъ яроваго хлѣба; если среднія, то—средній; если заднія, то—поздній. Если тяжелѣе первое, снесенное курицею яйцо, то лучше будетъ ранній посѣвъ и т. д.—Тоже значитъ толщина передней, средней и задней частей пѣсни у весенній щуки. Весенняя вода разливается до той высоты, до которой поднимаются на берегъ гирки (утки мелкой породы). Если у этой утки спина чиста и бѣла, то лѣто будетъ ясное; если бѣла, но съ красными пятнами—не постоянное; если вся красная—дождливое; если передняя часть красна, то начало лѣта будетъ дождливое и т. д. Если съ осени снѣгъ выпадаетъ не одинъ разъ, то и весна начнется нѣсколькими оттепелями [156]).

ГЛАВА VI.

КАРТИНЫ ПРИРОДЫ ЗЫРЯНСКАГО КРАЯ И ПУТИ СООБЩЕНІЯ.

Общій видъ страны.—Выдержки изъ путевыхъ записокъ г. Кашперова.—Путешествіе г. Мельникова къ Синдорскому озеру.—Первая поѣздка на Удору неизвѣстнаго автора.—Отлетъ птицъ.—Желѣзныя ворота.—Дороги.—Заключеніе.

Обширная, равная пространству Португаліи и Даніи, площадь Зырянскаго края сплошь покрыта лѣсомъ, преимущественно хвойнымъ: по болотамъ—не высокимъ, тощимъ и рѣдкимъ, а по суходоламъ (боръ)—густымъ и достигающимъ громадныхъ размѣровъ. По этому темнозеленому фону тянутся голубыя ленты неисчислимаго множества рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ и только кое-гдѣ мелькаютъ оазисы 500 селеній (по одному на каждыя 7 кв. м.) съ окружающими ихъ полями.—Но это нѣмая, неспособная произвести никакого живаго впечатлѣнія, картина.—Поэтому мы познакомимъ читателя съ впечатлѣніями, которыя производила не картина, а сама природа на людей, находившихся подъ непосредственнымъ вліяніемъ послѣдней: мы сдѣлаемъ выдержки изъ записокъ, проѣзжавшихъ и проходившихъ Зырянскій край не по большимъ дорогамъ, а часто вовсе не по дорогамъ. Надѣемся, что изъ такихъ выдержекъ читатель почерпнетъ много интересныхъ свѣдѣній, которыя не войдутъ въ другія главы нашего труда. Начинаемъ съ записокъ г. Ив. Кашперова [157]).

---

153) Тамъ-же № 44: «Описаніе физическихъ свойствъ Яренскаго уѣзда», г. В. Аврамова.

154) Тамъ-же № 51.

155) Передаемъ, со словъ г. Кочіева (Вол. Губ. Вѣд. 1848 г. № 49: «Зырянскіе обычаи»,) объ одномъ медицинскомъ пріемѣ: «Зыряне «отъ болѣзней, соединенныхъ съ порчею крови, лѣчатся слѣдующимъ «образомъ: берутъ *пакулу* или сухую березовую губку, обрѣзываютъ «ее на подобіе плоскаго кружка, кладутъ на больное мѣсто и зажи«гаютъ сверху. Когда огонь зажженной губки начнетъ достигать до «тѣла и больной почувствуетъ боль,—это значитъ, что въ томъ мѣстѣ «нѣтъ скопленія дурной крови и что губку нужно приложить къ дру«гому мѣсту, и т. д. до тѣхъ поръ, пока губка, коснувшись тѣла, «не отскочитъ сама собою. Иногда она отскакиваетъ вершка на 4. «Это считается признакомъ того, что въ томъ самомъ мѣстѣ есть «сильное скопленіе дурной крови. Тогда губку снова прикладываютъ «къ этому мѣсту, и, придерживая ее чѣмъ нибудь несгараемымъ, вы«жигаютъ тѣло глубиною на 2 или 3 линіи. Послѣ сего начинается «гноеніе раны, и нерѣдко бываетъ, что, при наклоненіи ея книзу, «извергается черная сгустившаяся кровь; потомъ начнется совер«шенно гноетеченіе, и въ такомъ видѣ поддерживаютъ рану до тѣхъ «поръ, пока больной получитъ облегченіе. Для поддержанія такого со«стоянія раны употребляется трава, называемая *подкопытникомъ*, «также свѣжая заячья шкура и капустный листъ лѣвой стороною. «Тотъ-же капустный листъ употребляется и для заживленія раны, «только въ послѣднемъ случаѣ кладутъ его правою стороною, нома«завъ предварительно коровьимъ масломъ.»

156) Вол. Губ. Вѣд. 1849 г. № 6: «Зырянскія повѣрья,» г. Кочіева

157) Тамъ-же 1865, №№ 11 и 12.

«Отсюда (отъ Сереговскаго завода) мы должны были «отправиться верхомъ: иначе ѣхать невозможно. Дорога «или, лучше сказать, тропа извивается по правому и лѣ«вому берегамъ р. Выми, черезъ которую переправы дѣ«лаются вбродъ или вплавь. Замѣчательно, что здѣсь раз«стоянія считаются чемкосами, кои приблизительно имѣютъ «отъ 6 до 7 верстъ и въ сущности означаютъ какое-ни«будь примѣтное мѣсто, какъ напр. рѣчка, зырянскій «станъ и т. п. [158]). Трудно было съ непривычки про«ѣхать 130 верстъ безъ сѣдла; но на другія сутки мы «пріѣхали на Турьинскій погостъ, замѣчательный мѣсто«пребываніемъ князей Вымскихъ [159]). Здѣсь путешествіе «наше приняло другой видъ. Запасшись въ Турьѣ съѣст«ными припасами на цѣлую недѣлю, мы поѣхали въ ма«лыхъ и крытыхъ узкихъ лодочкахъ, управляемыхъ Зы«рянами двумя шестиками, и ѣхали быстро, не смотря «на быстрое теченіе рр. Выми и Елвы. Кромѣ пороговъ «и комаровъ, осаждавшихъ насъ тысячами, мы не встрѣ«чали другихъ неудобствъ. При устьѣ р. Пегышъ уви«дѣли послѣдній погостъ, и вступили потомъ въ Елву. «Отсюда взорамъ нашимъ представлялся одинъ лишь «дремучій лѣсъ; никакого населенія не встрѣчается на «разстояніи болѣе 300 верстъ. За то много здѣсь было «рыбы и дичи. Зырянскія винтовки, некрасивыя на видъ, «и вмѣщающія зарядъ, стоющій не болѣе $^1/_2$ коп., чрез«вычайно мѣтко поражали утокъ, гусей и рябчиковъ. «Берега гористы, но не далѣе, какъ въ полуверстѣ отъ «берега начинаются обширныя болота, поросшія изрѣдка «лѣсомъ.... Не смотря на быстроту рѣки, мы проѣзжали «до 50 верстъ въ день, раза по три останавливаясь для «отдыха. Черезъ три дня приплыли къ устью ручья Пе«гышъ, изобилующаго травою, подобною мокрецу и раз«стилающеюся по дну этого ручья. Трава эта вкусомъ «похожа на редисъ и составляетъ у Зырянъ главное лѣ«карство отъ простудной болѣзни.—Это мѣсто считается «половиною волока. Здѣсь лодку нашу и поклажу нуж«но было перевозить шесть верстъ сухимъ путемъ на «двухъ колесахъ;—почему работники должны были схо«дить за 6 верстъ и привезти эту одноколку, а потомъ, «съ большимъ трудомъ, общими силами, переправились «мы въ систему водъ р. Мезени, и поплыли по тихому «теченію Ирвы, впадающей въ первую. Ирва имѣетъ до «того низкіе берега, что они постоянно затоплены во«дою и поростаютъ ивою или елью. Извилиста она такъ, «что мы перетаскивали лодку за нѣсколько сажень, что«бы сократить путь на нѣсколько верстъ. Выходить на «такой берегъ невозможно, кромѣ тѣхъ суходоловъ, гдѣ «устроены зырянскіе станы. Въ 40 верстахъ отъ Мезени, «на правомъ берегу Ирвы есть небольшая деревня Кри«вуша, передъ коей рѣка представляетъ огромное озеро, «и, за тѣмъ, дѣлается быстрѣе.

«На другой день мы увидѣли село *Глотово* на высо«комъ и покатомъ берегу Мезени, противъ устья Ирвы. «Преданіе говоритъ, что селеніе это получило названіе «въ 1612 г. отъ какого-то чудовища *Глота*, который, «въ весеннее время, забравшись сюда по р. Мезени изъ «моря, глоталъ приближавшихся къ нему животныхъ и «даже людей, такъ что усилія крестьянъ цѣлой волости «и колдуновъ, съ большимъ трудомъ истребили это чу«довище. Здѣсь двѣ деревянные церкви и до 100 крестьян«скихъ домовъ; отсюда по р. Мезени, проплывъ 50 верстъ, «прибыли въ село Костланское, гдѣ намъ предстояли «работы. Въ 9,000,000 дес. дача требовала повѣрки «межъ, почему работы были за 100 и болѣе верстъ отъ «селеній, и я по нѣскольку недѣль жилъ подъ откры«тымъ небомъ. Лѣсъ изобилуетъ непроходимыми боло«тами и валежникомъ; поэтому доставка провизіи затруд«нительна и не разъ случалось жить безъ хлѣба по сут«камъ и болѣе. Межи не доставляютъ Зырянамъ пользы. «Потому-то они и не имѣютъ о нихъ понятія: не говоря «о лѣсныхъ угодьяхъ, даже сѣнокосами каждый поль«зуется гдѣ угодно. Пожни простираются на нѣсколько «сотъ верстъ по рѣкамъ и рѣчкамъ, и даютъ большое «количество превосходнаго корму [160]). Примѣчательно, «что здѣсь на покосахъ растетъ много луку, подобнаго «сѣянцу. Все пространство по р. Мезени и далѣе по «Вашкѣ извѣстно подъ именемъ *Удоры* и имѣетъ насе«ленія до 2000 д. м. п. Главное достоинство жителей «честность. Здѣсь не знаютъ замковъ; потому что во«ровства никогда не бывало; только амбары отъ живот«ныхъ запираются задвижками. Крестьяне вообще жи«вутъ хорошо. Постройка ихъ не отличается отъ обык«новенныхъ деревенскихъ избъ и весьма удобна. Лѣт«няя одежда мужчинъ состоитъ изъ бѣлой рубахи ниже «колѣнъ, безъ пояса; на головѣ—мѣшокъ съ волосяной «сѣткой отъ комаровъ и мошки, а на ногахъ—валяные «коты и опучи, коими обвертываются ноги по колѣно. «Зимнюю одежду составляетъ *малица*, длинная одежда, сшитая изъ оленьихъ шкуръ, шерстью внизъ, вмѣстѣ

---

158) Г. Ю. Волковъ слово «чемкосъ» пишетъ «чемкостъ». Правописаніе г. Кашперова правильнѣе. Точно также, какъ и опредѣленіе значенія этого слова у г. Кашперова вѣрнѣе, нежели у другихъ авторовъ, напр. у г. Мельникова, который какъ скоро увидимъ, считаетъ каждый чемкосъ въ 5 верстъ. По этому-то инымъ, какъ напр. г. Ю. Волкову, нѣкоторые чемкосы и кажутся слишкомъ длинными (Вол. Губ. Вѣд. 1854 г. №№ 32—34: «Замѣтки и впѣчатлѣнія охотника по Вологодской губерніи»). Впрочемъ авторъ статьи «Первая поѣздка на Удору» (будетъ сдѣлана выписка) тоже не считаетъ чемкосъ опредѣленною мѣрою, и говоритъ, что каждый чемкосъ имѣетъ свое собственное названіе. *Зырянскими станами* г. Кашперовъ явно называетъ охотничьи избушки Зырянъ—*пывзянъ*, о которыхъ рѣчь будетъ впереди.

159) Мы уже видѣли, что Княжъ-погостъ не имѣлъ такого значенія. См. въ текстѣ по примѣч. 63.

160) Это безспорно; но доставка сѣна изъ отдаленныхъ мѣстъ слишкомъ затруднительна. Сѣно возятъ въ селенія по рѣкамъ на маленькихъ лодкахъ иногда верстъ за сто.

«съ шапкою и рукавицами, пришитыми къ рукавамъ [161]). «Женщины носятъ сарафаны и круглые повойники. Пищу «составляетъ преимущественно вяленая оленина, либо «рыба, сухари и скоромное масло. Хлѣбопашествомъ за«нимаются очень мало; потому что посѣвы очень часто «вызябаютъ, но, въ случаѣ урожая, приростъ бываетъ «обильный. Быстрота растительности необыкновенная: «со дня посѣва въ 40-й день хлѣбъ убираютъ въ амбары. «Главный родъ хлѣба ячмень. Сѣется также рожь и от«части пшеница и горохъ. Главное занятіе Зырянъ звѣ«риные промыслы и скотоводство. Здѣсь весь скотъ «комолый. Зырянинъ съ Сентября по Мартъ, и далѣе, «живетъ въ лѣсу, стрѣляя бѣлокъ, рябчиковъ, лисицъ, «куницъ, выдру, медвѣдей и проч. Замѣчателенъ здѣсь «ловъ утокъ въ сѣти: дѣлаютъ широкую просѣку отъ «одного озера къ другому или къ рѣкѣ; потомъ завѣ«шиваютъ эту просѣку сѣтями на шестахъ и, въ ве«чернее время, когда утки готовятся на покой, начина«ютъ ихъ гонять. Утки не могутъ вдругъ подняться «вверхъ и перелетѣть черезъ высокій лѣсъ, и летятъ «просѣкою въ сѣти. До 200 и болѣе штукъ заразъ попа«даетъ въ эти ловушки.—Лѣтомъ Зыряне каждый день «вечеромъ ходятъ париться въ баню, но никогда не «моются. Рыбы у нихъ много: семга, лохъ и сиги—луч«шая. Религіозное чувство въ Зырянахъ очень развито; «раскольниковъ здѣсь нѣтъ; во всѣхъ деревняхъ, отда«ленныхъ отъ церквей есть часовни съ колокольнями, «на подобіе церквей, куда каждый праздникъ собира«ются большіе и малые; грамотные изъ нихъ читаютъ «и толкуютъ изъ книгъ Свящ. писанія, большая часть (?) «которыхъ переведены на зырянскій языкъ. — Про«бывъ въ селеніи Костланскомъ нѣсколько мѣсяцевъ, «я.... тѣмъ же путемъ возвратился на р. Вымь и изъ «сел. Керазъ, между Онежецкимъ и Княжь-погостомъ, «отправился пѣшкомъ съ 20 Зырянами въ Синдорскія «селенія, *построенныя послѣ генеральнаго межеванія.* «Одинъ изъ Зырянъ былъ проводникомъ, и шелъ съ «компасомъ (маткою), по прямому направленію безъ «всякаго признака дороги. Много болотъ и почти непро«ходимыхъ валежниковъ встрѣтили мы на этомъ пути; «только берега р. Весленьги представляютъ сухую по«верхность. Здѣсь Зырянскій станъ представилъ плохой «ночлегъ, и потому никто не спалъ, несмотря на усталость. «На другой день путешествіе наше продолжалось тоже боло«тами и лѣсами. Чрезвычайно трудно было идти въ осо«бенности тѣмъ, кто имѣлъ ноши, потому что во мно«гихъ мѣстахъ должны были стлать переходы черезъ «болота и ручьи. Къ вечеру достигли рѣки Іосеръ, ко«торая, соединяясь съ Синвою (Син-ва) и Чичь, выте«каетъ (?) изъ Синдорскаго озера, находящагося на вы«сокой мѣстности между Устьсысольскимъ и Яренскимъ «уѣздами. При устьѣ этихъ рѣчекъ, въ 2 верстахъ отъ «озера расположено 3 селенія: Синдоръ, Пудра и Петро«поль, раздѣленныя между собою только рѣчками. Что«бы переправиться черезъ р. Синву нужны были лодки, «замѣченныя нами на противоположномъ берегу; прово«жатые кричали о переправѣ жителямъ деревни, но тѣ «разбѣжались, испугавшись неожиданнаго нашего появ«ленія. Рабочіе сдѣлали плотъ изъ сухаго лѣсу и до«стали лодки. Переправившись, рабочіе отыскали жите«лей и растолковали имъ цѣль нашего прихода. Тогда «всѣ собрались смотрѣть на насъ, какъ на рѣдкость, «потому что къ нимъ не только чиновники, но даже и «Зыряне не бывали болѣе 50 лѣтъ, т. е. со дня ихъ «здѣсь поселенія [162]). Главный промыселъ этихъ Зы«рянъ рыбная ловля; бытъ ихъ не отличается отъ быта «Удорцевъ».

Записки г. Кашперова слишкомъ сжаты; онъ слишкомъ объективно смотритъ на предметъ, такъ что читатель не видитъ его личныхъ впечатлѣній, производимыхъ природою.—Слѣдующіе выписки изъ замѣтокъ лицъ, посѣщавшихъ тѣ-же мѣста, гдѣ былъ и г. Кашперовъ, но не столь нечувствительныхъ къ лишеніямъ и менѣе равнодушныхъ къ красотамъ природы, пополнятъ основательный, но сухой разсказъ его.

Ранѣе г. Кашперова тоже *ходилъ* въ Синдорскія селенія г. Мельниковъ. Вотъ что онъ пишетъ объ этомъ путешествіи [163]). «Въ 237 верстахъ отъ г. Яренска и «во 100 отъ Княжпогоста находится Синдорское селеніе. «Это селеніе слыветъ недоступнымъ для пѣшехода въ «лѣтнее время и только можно до него добраться во«дою, совершивъ до 600 верстъ.—Но, нетерпящій отла«тельства, случай заставилъ меня, въ товариществѣ трехъ «человѣкъ, для сокращенія времени, идти туда пѣшкомъ. «7-го Іюля отправились мы изъ дер. Кыръ-Кочь, въ 14 «верстахъ отъ Княжпогоста, съ провожатыми ямщиками. «Черезъ 8 верстъ намъ представилась огромная равнина, «въ которой тутъ-индѣ виднѣлись тощія сосны. Эта

---

161) Одежда съ пришитыми шапкою или рукавицами, и притомъ шерстью вверхъ, называется *„совикъ“*. *Малицы*-же бываютъ безъ всякихъ принадлежностей, и шерстью внизъ. Обѣ, также, какъ и лѣтняя рубаха, не имѣютъ полъ и надѣваются, какъ дьяконскій стихарь, черезъ голову. Надобно дополнить зимній костюмъ *„пимами“*. Это длинные, выше колѣна, изъ оленьей-же шкуры сапоги, шерстью вверхъ. Они чрезвычайно легки и теплы.

162) Здѣсь мы должны замѣтить, что г. Кашперовъ, не смотря на дѣльность своей статьи, ошибается, утверждая, что Синдорцы не видали никого, *даже Зырянъ,* болѣе 50 лѣтъ. Сей часъ мы увидимъ, что г. Мельниковъ былъ въ синдорскихъ селеніяхъ въ 1852 г. Самого г. Кашперова проводникъ велъ къ озеру прямо, безъ всякаго признака дороги; слѣд. бывалъ тамъ или слыхалъ о пути туда отъ бывалыхъ людей. Дорогою г. Кашперовъ встрѣчалъ *зырянскіе станы.* Наконецъ Синдорцы платятъ-же подати, отбываютъ повинности, покупаютъ и продаютъ и т. п.; слѣд. должны хоть не часто сообщаться съ другими жилыми мѣстами.

163) Волог. Губ. Вѣд. 1853 г. № 24: «Селеніе Синдоръ и озеро того-же имени въ Яренскомъ уѣздѣ».

«площадь, которой невозможно было окинуть взглядомъ, «казалась моремъ съ желтозеленою поверхностію; она «была ничто иное, какъ болото, заросшее мхомъ. Оно «имѣетъ въ поперечникѣ 3 чемкоса, т. е. 15 верстъ [164]), «а длина его неизвѣстна. Мы начали переходить болото «съ терпѣніемъ. Но увы! Болотомъ этимъ шли мы цѣ«лый день, встрѣчая во многихъ мѣстахъ непріятность «быть поглощенными его неизмѣримой глубиной.—Пере«купавшись въ тинѣ, въ моху, въ водѣ, мы кой-какъ «дотянулись до первой избушки. Оправившись нѣсколь«ко, снова пустились въ путь до второй избушки, от«стоящей за 2 чемкоса. Это пространство, не-смотря «на большія и топкія болота, казалось намъ сноснымъ. «Идя впередъ, мы шли по тропинкѣ, пересѣкавшейся «упавшими деревьями. Вскорѣ представился намъ слу«чай переходить новое болото, Кирча-нюръ. Это болото «было еще топче, еще опаснѣе прежняго, и насъ совер«шенно выбило изъ силъ; нѣсколько разъ утопая въ «немъ, мы съ трудомъ вытаскивали изъ мокраго и вяз«каго мха ноги, свалившись на-бокъ. Вотъ, добрались «до первой рѣчки Кылты-ва; но она низкими своими «берегами доставила намъ мало утѣшенія. Наконецъ, «достигши третьей избушки, пустились продолжать «остальной путь, заключающійся въ 4 чемкосахъ, 20 «верстъ. Перешли опять Кылты-ва и небольшія рѣчки «Каръ-Чекель и Сюдзь; послѣдняя совершенно насъ из«нурила. Представьте себѣ небольшую рѣчку, покрытую «тиною, шириною болѣе, чѣмъ на 100 сажень, довольно «порядочной глубины, протекающую между высокихъ «сѣдыхъ кочекъ. Нужно было осторожно пробираться «по этимъ кочкамъ, чтобы не упасть въ рѣку; скакать «по нимъ; и послѣ того очутилось передъ нами опять «новое болото. Такимъ образомъ, съ большими затрудне«ніями дошли мы до рѣчки Синъ-ва, отъ селенія Син«доръ въ 4 верстахъ, и по сдѣланнымъ перекладинамъ «достигли наконецъ деревни. Селеніе Синдоръ, состоя«щее изъ трехъ деревень, имѣетъ 14 дворовъ съ 62 ду«шами по 9 ревизіи. Земледѣліе въ Синдорѣ, по случаю «песчанаго мѣстоположенія и раннихъ инеевъ и замо«розковъ весьма ограничено: ржи высѣвается по 2 чет«верика на душу, ячменя по $1^1/_2$ четверика, а иногда «и болѣе. Огородныхъ овощей нѣтъ никакихъ. Луговъ «довольно, и скотоводство достаточно. Главное занятіе «жителей—рыбная ловля. Въ 5-ти верстахъ къ югу отъ «селенія находится озеро Синдоръ, 15 верстъ длины и «8 ширины. Изъ этого озера вытекаетъ рѣчка Визь; «въ озерѣ ловятся щуки, окуни, ельцы и множество «ершей. Въ этой рѣчкѣ сдѣлано до 400 чуповъ (ѣзовъ), «но средина не загорожена. Ерши, во время хода сво«его зимою, спускаясь по срединѣ рѣчки, заходятъ въ «разставленныя тамъ *гымъ-га* (морды) тысячами. — Съ «6 декабря жители всякаго возраста отправляются къ «истоку (?) озера, гдѣ едва успѣваютъ вынимать свои «гымъ-га, наполненныя рыбою. Сверхъ того, когда за«мерзнетъ озеро, дѣлаютъ на льду прорубъ и рыбу «черпаютъ саками на длинномъ шестѣ. Ершей налавли«ваютъ больше 500 пудовъ; цѣна имъ, свѣжимъ, бываетъ «отъ 30 до 16 коп. за пудъ. Отъ продажи рыбы выру«чается до 1000 руб. въ годъ».

Вотъ еще болѣе интересное пополненіе записокъ г. Кашперова — это «Поѣздка» неизвѣстнаго автора «на Удору», тѣмъ-же путемъ, которымъ слѣдовалъ туда и г. Кашперовъ [165]): «Въ Турьѣ мы запаслись провизіей «на 300 верстъ. Она состоитъ изъ бѣлыхъ и черныхъ «сухарей, не говоря о чаѣ. Здѣсь-же берутъ что нибудь «изъ мяснаго и то не въ большомъ количествѣ, потому «что черезъ сутки все испортится. Мы отъѣхали отъ «города (Яренска) уже 200 верстъ. Рѣка (Вымь) по«стоянно становилась шире и полнѣе, несмотря на то, «что мы плыли вверхъ. Правый берегъ ея постепенно «возвышался и наконецъ достигъ высоты значительной, «а именно не менѣе, если не болѣе полуверсты въ от«вѣсѣ; но, противъ обыкновенія, не былъ покрытъ лѣ«сомъ, а спускался къ рѣкѣ роскошнымъ лугомъ. Мы «шли по лѣвому берегу, и на вершинѣ противуполож«наго едва могли разсмотрѣть нѣсколько избушекъ, а «между тѣмъ это были довольно порядочные домы. — «Лѣвый берегъ разстилался богатыми пашнями, вечеръ «былъ чудно хорошъ, и мы вышли изъ лодки съ на«мѣреніемъ прогуляться версту или полторы, но про«шли 4, не замѣтивъ того; никогда еще не случалось «мнѣ видѣть такого богатаго и огромнаго цвѣтника: «цѣлая поляна на пространствѣ 3 или 4 верстъ была «густо усѣяна шапками, кашками, дикою гвоздикой, ко«локольчиками, душистою повителью и множествомъ дру«гихъ цвѣтовъ возможныхъ видовъ и колеровъ; косвен«ные лучи солнца придавали имъ необыкновенную яр«кость и живость. Эту поляну можно было безъ всякаго «преувеличенія назвать цѣлымъ моремъ цвѣтовъ, по ко«торому мы брели по колѣно и... Простились съ Вымью, «перешедши во впадающую въ нее рѣку Елву, на бе«регу которой почти возлѣ самаго устья и расположи«лись ночевать.... Мѣсто, на которомъ мы остановились, «могло бы быть съ честью помѣщено въ описаніи лю«баго чувствительнаго путешествія за границей, въ осо«бенности въ Швейцаріи или Америкѣ... Я проснулся «на другой день часу въ десятомъ, мучимый жаромъ и «жаждой; пологъ былъ закрытъ, и первымъ движеніемъ «моимъ было выйдти поскорѣе на чистый воздухъ; но я «не долго наслаждался имъ: въ одну минуту сотни ко«маровъ облѣпили мою голову; я не успѣвалъ ихъ да«вить—мнѣ приходилось плохо; кое-какъ намочивши го-

164) См. примѣч. 158.

165) Вол. Губ. Вѣд. 1847 г. №№ 41 и 42.

«лову и лицо, я попробовалъ напиться, но съ перваго «же глотка долженъ былъ отказаться и отъ этой дер«зости—вода была тепла, какъ парное молоко.... Мы «пустились въ путь. Жаръ былъ покрайней мѣрѣ гра«дусовъ въ 25 по Реомюру. (Это было въ половинѣ «Іюля)... Мы обѣдали и пили чай на берегу. Весь обѣдъ «состоялъ изъ обжареныхъ въ маслѣ сухарей, и въ до«бавокъ въ одной рукѣ нужно было держать вилку, «а другою отмахиваться отъ комаровъ. Жаръ и комары «съ каждымъ часомъ увеличивались; подъ сѣтками [166]) «было душно; поднять ихъ—новая бѣда; запереться въ «лодкѣ не хотѣлось: тамъ было еще душнѣе; притомъ «же мы порядочно належали бока; о купаньѣ нечего «было и думать, и два часа, данные ямщикамъ на отдыхъ, «показались мнѣ не менѣе двухъ дней... Шея, лицо и «руки мои были искусаны. Будучи не въ силахъ пере«носить зудъ, я безъ милосердія расчесывалъ искусан«ныя мѣста, отчего зудъ превращался въ сильную боль... «По Мезени... мы сдѣлали 70 верстъ и... были въ Разгортѣ. «Отсюда намъ предстояло перебраться 40 верстъ сухимъ, «или вѣрнѣе, полусухимъ путемъ. Мы переѣхали ихъ «на саняхъ, потому что верхомъ, за неимѣніемъ сѣделъ, «не поѣхали, а на колесахъ нѣтъ возможности: дорога «шла чрезъ болото, покрытое сплошь мостомъ изъ цѣль«ныхъ, не тесанныхъ бревенъ... [167]). День былъ не«обыкновенно жарокъ—солнце жгло насъ, сѣтки душили... «Поднять сѣтку, значило отдать себя на истязаніе, ко«торое нисколько не легче жара... Ко всему этому при«соединилась жажда... ротъ и горло совершенно засох«ли,—я не могъ говорить; еще нѣсколько верстъ—и я «почувствовалъ въ горлѣ сильную боль. Я чуть не пла«калъ, но никакъ не рѣшился на послѣднее средство, «къ которому иногда прибѣгаютъ проѣзжающіе, а имен«но, сходятъ съ мостовинъ, выбиваютъ въ сырой землѣ «каблукомъ сапога небольшую ямку, которая въ одну «минуту наполняется мутной водой, и пьютъ этотъ рас«творъ грязи... На обратномъ пути я ѣхалъ верхомъ и измучился не менѣе; лошадь безпрестанно спотыкалась, «и я, чтобы не сломать шеи, принужденъ былъ поддер«живать ее всю дорогу на уздѣ—занятіе, для непривыч«ныхъ рукъ, очень тяжелое. Этотъ волокъ по всѣмъ пра«вамъ можно назвать депо удорскихъ комаровъ. Можно «смѣло спорить съ любымъ астрономомъ, что какъ бы «далеко онъ не проникалъ въ неизмѣримую твердь не«бесную, никогда ему не открыть тамъ столько свѣтилъ, «сколько мы видѣли здѣсь этихъ докучливыхъ музыкан«товъ... Деревня Пучкомская, въ которую мы ѣздили «лежитъ отъ Яренска на сѣверо-западъ, по прямому пути «верстахъ въ 300, а мы сдѣлали 680... Ходятъ, правда, «прямымъ путемъ; но къ нему прибѣгаютъ только въ «крайности, именно въ началѣ весны и осени, когда ран«нія оттепели въ первомъ случаѣ и ранніе морозы—во «второмъ прекращаютъ сообщеніе рѣками. Онъ дѣйстви«тельно прямъ, но за то во все его протяженіе нужно «идти пѣшкомъ по поясъ въ водѣ; промежутки, по кото«рымъ можно переѣхать на лошади или въ лодкѣ, ни«чтожны; кромѣ того, онъ совершенно не обитаемъ и что«бы рѣшиться на него, нужно имѣть много увѣренности «въ своей силѣ и терпѣніи. Непріятности, перенесен«ныя нами, какъ онѣ ни тяжелы для новичка, ничтожны «въ сравненіи съ тѣми, которымъ подвергаются пѣше«ходы. Этотъ путь ведетъ берегами Яреньги и Вашки, «верховья которыхъ идутъ здѣсь недалеко одно отъ дру«гаго. Впрочемъ и водное сообщеніе не всегда такъ хо«рошо и удобно. Судьба благодѣтельствовавъ мнѣ на «первый разъ, послала намъ все, (безвѣтріе и большая «вода), что нужно было для самаго быстраго и удобнаго «переѣзда,—и мы воспользовались ея благосклонностію, «какъ нельзя лучше: въ Пятницу утромъ мы выѣхали «изъ Серегова, а въ Четвертокъ вечеромъ были на мѣстѣ, «слѣд. въ 6 сутокъ съ небольшимъ перешли водою 580 «верстъ, и на половину ихъ противъ воды. Изъ этихъ «6 сутокъ слѣдуетъ исключить полтора дня, убитые нами «на переѣздъ 46 верстъ: 40—отъ Разгорта до Венденг«скаго погоста и 6—на переволокѣ изъ Ёивы въ Ирву»...

«Все пройденное нами пространство представляетъ «какъ бы дно бассейна, возвышающееся съ одной стороны «къ городу (Яренску)., съ другой, и гораздо замѣтнѣе— «на сѣверъ, къ границѣ Мезенскаго уѣзда; самая низ«менная часть этого бассейна будетъ по теченію Ирвы, «болотистые берега которой совершенно слились съ «рѣкою въ широкія озера. Это пониженіе выражается «постепеннымъ сглаживаніемъ береговъ Ёлвы и Ирвы «и умелченіемъ покрывающаго ихъ лѣса; а съ другой «стороны—обратными признаками. Самая Вымь, по мѣрѣ «приближенія къ этому дну, становится шире и полно«воднѣе, несмотря на то, что отходитъ отъ устья сво«его на 100 слишкомъ верстъ и приближается къ истоку. «Вся эта ложбина пересѣкается въ двухъ мѣстахъ воз«вышеніями около устья впадающей въ Вымь Ёлвы, «идущими прямо на Сѣверъ правымъ берегомъ Выми, и «еще ранѣе—гребнемъ описанныхъ уже мною холмовъ, «идущихъ съ лѣвой стороны Выми на сѣверозападъ. «Узкая полоса песчаника, поросшая богатымъ сосновымъ «боромъ, по которой мы перебрались изъ Елвы въ Ирву, «есть продолженіе того-же гребня. Только здѣсь холмы «переродились въ плоскую возвышенность, постоянно и «очень замѣтно поднимающуюся по тому-же направленію. «Если-же взять постоянное измелченіе лѣса отъ береговъ «Выми до береговъ Ирвы, изъ которыхъ первые покры«ты порядочнымъ ельникомъ и, мѣстами, сосною, а вто«рые только бѣдной осиной съ мелкимъ кудрявымъ

---

[166]) О назначеніи сѣтки упомянуто въ выдержкахъ изъ записокъ Кашперова.

[167]) На Удорѣ на колесахъ никогда не ѣздятъ и не знаютъ колесныхъ повозокъ (Вол. Губ. Вѣд. 1849 г. №№ 20 и 21: «Статист. описаніе Яренскаго уѣзда», г. П. Протопопова).

«кустарникомъ, а потомъ постепенный переходъ его, «по мѣрѣ приближенія на сѣверъ, въ болѣе и болѣе «крупныя породы до богатыхъ лиственичныхъ и пих«товыхъ рощъ, попадающихъ не рѣдко по берегамъ «Вашки; то почти безошибочно можно предположить, «что самое дно этого бассейна было прежде все покрыто «водою. Не мало въ пользу этого предположенія гово«ритъ и необыкновенное извилистое теченіе Ирвы. [168]).

«Обратный переѣздъ мы совершили также скоро и «благополучно. Вся разница въ томъ, что мы, для раз«нообразія, ѣхали, гдѣ можно, верхомъ (всего верстъ «около 150)»...

Всѣ эти выдержки касаются мѣстностей, находящихся въ сѣверной части Яренскаго уѣзда. Хотя и нѣтъ недостатка въ замѣткахъ лицъ, путешествовавшихъ по Устьсысольскому уѣзду; но они уже не представляютъ новаго интереса. Мы замѣтимъ только, что природа этого послѣдняго уѣзда разнообразнѣе природы Яренскаго; потому что сюда проникаютъ отроги Уральскаго хребта и спускаются свѣтловодныя и быстрыя горныя рѣки, впадающія въ Печору, и сдѣлаемъ лишь двѣ небольшія выписки изъ разсказовъ г. Фл. Арсеньева. Во-первыхъ, объ осеннемъ отлетѣ птицъ, который онъ наблюдалъ въ окрестностяхъ г. Устьсысольска:

«....Я вышелъ на свѣжій воздухъ изъ баньки (охот«ничья избушка).... Ночь все еще была темная, звѣзды «заволокло облаками; только едва замѣтный слѣдъ утрен«ней зари, предвѣстникъ наступающаго дня, протянулся «на востокѣ узенькой ленточкой;... но диво дивное тво«рилось въ воздухѣ. Волны не исчислимыхъ звуковъ— «неслись на землю, будто шли надъ головою невидимыя «дороги, по которымъ путешествовали съ неимовѣрною «быстротою несмѣтные полки воздушныхъ странниковъ. «Говоръ гусей, звонъ и свистъ крыльевъ несущихся «стай утокъ, заунывное курлыканье журавлей, разнород«ный пискъ куликовъ мѣшались съ пронзительными пере«ливами трубнаго лебединаго голоса».

«Въ невольномъ изумленіи стоялъ я передъ этимъ «дивнымъ явленіемъ птичьяго отлета. Я вперилъ глаза «вверхъ, но, за темнотою ночи, ничего не могъ раз«глядѣть. Между тѣмъ звуки раздавались все громче и «громче; все плыли и плыли стаи, все гуще станови«лось ихъ въ воздухѣ, такъ что чувствовалось вѣяніе «звенящихъ отъ быстраго полета крыльевъ, будто надъ «головою неслись и парили духи... и т. д. [169])». — Впрочемъ, подобное явленіе можно наблюдать не только близь Устьсысольска, а и въ другихъ частяхъ Зырянскаго края. Но вотъ картина природы уже чисто пріуральской: это описаніе ущелья на р. Щугорѣ, называемаго Желѣзными воротами.

«...Въ этой-то странѣ протекаетъ р. Щугоръ, мало «извѣстная въ географіи, не ославленная ни въ про«мышленномъ, ни въ торговомъ мірѣ; но замѣчательная «по своимъ живописнымъ видамъ. Она беретъ начало изъ «Уральскихъ горъ, и впадаетъ въ Печору, сдѣлавши около «350 верстъ извилистаго пути. — Мѣстами, эта рѣка «довольно широка, глубока, почти вездѣ камениста; берега «ея круты и обрывисты. Прозрачность воды изумительна: «маленькій камешекъ, серебряный пятачекъ, нитка ми«шуры видны на глубинѣ 2-хъ и болѣе сажень. Вода «Печоры довольно чиста, но, когда вливаетъ въ нее «свои струи Щугоръ, онѣ рѣзко отличаются отъ Пе«чорской воды, не утрачивая своей прозрачности на «нѣсколько верстъ внизъ по теченію Печоры около пра«ваго ея берега. Одно изъ примѣчательнѣйшихъ мѣстъ «на Щугорѣ—это «Ульдоръ-Кырта»,—«Желѣзныя воро«та». — Широкая рѣка вдругъ стѣсняется съ обѣихъ «сторонъ каменными стѣнами, образующими настоящія «ворота. Эти каменныя стѣны длиною въ нѣсколько «сотъ шаговъ, а высотою — отъ 100 до 150 фут., со«стоятъ изъ известняка, лежащаго отвѣсными пласта«ми. Когда проѣдешь черезъ ворота и оглянешься на«задъ, то увидишь, какъ, начиная отъ самаго узкаго «мѣста, каждый новый пластъ отходитъ въ сторону «далѣе предшествующаго, отчего ворота принимаютъ «такой видъ, какъ будто онѣ устроены изъ натураль«ныхъ кулисъ. Самые пласты гладки, обнажены и «ослѣпительно бѣлы; но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они «прилегаютъ одинъ къ другому, въ узкихъ промежут«кахъ между ними, сбѣгаютъ внизъ по разсѣлинамъ «зеленыя полоски дерна и кудреватаго кустарника, какъ «гирлянды бальнаго убора; а на вершинахъ лѣсъ, вы«соко возносящій свои, зубчатыя вверху, верхушки къ «небу. Сквозь эти каменныя рамы видна по ту сторону «воротъ широкая, гладкая равнина рѣки съ ея зеле«ными берегами, а въ отдаленіи—хвойный дремучій боръ, «замыкающій ландшафтъ. Передъ воротами разстилает«ся такое-же великолѣпное водное зеркало.»

«Трудно себѣ представить то обаяніе, подъ вліяніемъ «котораго находится наблюдатель, окруженный величе«ственною панорамою природы въ видѣ безграничной ска«терти водъ, съ играющими на нихъ лучами яркаго «солнца, или въ видѣ дѣвственнаго, вѣчно зеленаго «лѣса, или въ видѣ смѣло нагроможденныхъ горъ, подъ«ятыхъ страшною силою за облака; но ни одна изъ «подобныхъ картинъ не поражаетъ наблюдателя такъ, «какъ картина воднаго зеркала, обставленнаго снѣго«выми обрывами известковыхъ скалъ, заключенныхъ «въ зеленую раму безграничнаго лѣса. Это такая кар-

---

[168]) Мнѣніе неизвѣстнаго автора «Первая поѣздка на Удору» окончательно подтверждается тѣмъ, что въ мѣстности, орошаемой рр. Ирвой, Мезенью и Вашкой, въ составѣ подпочвы, находится много раковинъ и окаменѣлостей (Вол. Губ. Вѣд. 1858 г. № 41: «Описаніе физическихъ свойствъ Яренскаго уѣзда).

[169]) Вол. Губ. Вѣд. 1861 г. №№ 45 и 46: «Осенняя ночь на берегахъ Вычегды. Глава не охотничьяго разсказа «Лайкоджъ,» г. Ф. Арсеньева.

«тина, которая, даже въ описаніи, заставляетъ сердце «любителя биться сильнѣе» [170]). Послѣднюю выписку мы сдѣлали не только для того, чтобы представить лишнюю картину оригинальной и живописной мѣстности, но и потому, что «Желѣзныя Ворота» имѣютъ нѣкоторую историческую извѣстность: сюда, какъ мы думаемъ, ходилъ въ древности Новгородецъ Улѣбъ.

Такова наружность Зырянскаго края; таковы способы сообщенія въ большей части его. Но въ южной части его есть и настоящія дороги: почтовая, соединяющая города Устьсысольскъ и Яренскъ на разстояніи 150 верстъ и 2 торговыя, соединяющія Устьсысольскъ съ г. Слободскимъ (Вятской губерніи) и съ Устюгомъ (Вологодской). Впрочемъ и на Печору проложена въ 1850-хъ годахъ [171]) дорога, которая проходима только въ самую сухую погоду, и на которой есть огромные волока, напр. въ 150 верстъ [172]) съ неизбѣжными *зимовками* [173]).— На Вишеру путешествуюмъ то пѣшкомъ, то верхомъ, то въ лодкахъ [174]).

Зимою болота и рѣки замерзаютъ; пути спрямляются; но каковы эти пути можно судить по тому, что никто не обнародовалъ замѣтокъ о поѣздкахъ въ глушь Зырянскаго края зимою. Только туземный охотникъ пробѣгаетъ на лыжахъ по глубокимъ снѣгамъ при помощи матки (компаса), да изрѣдка, изъ подъ сильной неволи, пробирается Богъ знаетъ какими способами, уѣздный чиновникъ въ ту или другую волость.

Въ заключеніе настоящей главы, не вдаваясь въ подробности, замѣтимъ, что въ Зырянскомъ краѣ весьма легко можно устроить, если когда нибудь представится въ томъ надобность, превосходную сѣть водныхъ сообщеній: Мезень, Печора, Кама и Вычегда, и даже Обь, во множествѣ пунктовъ могутъ быть безъ особыхъ издержекъ, соединены коротенькими каналами. — Въ настоящее время польза такихъ каналовъ, по малолюдству и бѣдности края, далеко не можетъ соотвѣтствовать издержкамъ на устройство ихъ, какъ бы послѣднія не были незначительны. Это видно изъ того, что Сѣверо-Екатерининскій каналъ, соединявшій Каму съ Вычегдой, былъ закрытъ, какъ совершенно безполезный.

Не лишнимъ считаемъ сдѣлать краткій перечень тѣхъ пунктовъ, гдѣ названныя большія рѣки могутъ быть соединены другъ съ другомъ въ предѣлахъ Зырянскаго края:

а) *Вычегда съ Печорою*—посредствомъ рѣкъ Мылвы Вычегодской и Мылвы Печорской, между которыми волокъ въ 4 версты.

б) *Мезень съ Печорою* — посредствомъ двухъ Ижмъ, между которыми волокъ въ 3 версты.

в) *Печора съ Обью*—посредствомъ Щугора съ одной стороны и Сосвы — съ другой. Величина раздѣльнаго пункта намъ неизвѣстна. Впрочемъ, въ предѣлахъ Архангельской губерніи, по изслѣдованію В. Н. Латкина, находится болѣе удобный пунктъ соединенія этихъ двухъ великихъ рѣкъ.

г) *Печора съ Камой* — посредствомъ Волосяницы съ одной и Вогулки — съ другой стороны, раздѣленныхъ 4-хъ верстнымъ волокомъ.

д) *Вычегда съ Мезенью*—посредствомъ Ирвы и Йолвы, между которыми, какъ мы уже видѣли, волокъ въ 6 вер.

и е) *Вычегда съ Камою*, какъ извѣстно, уже были соединены посредствомъ Сѣверо-Екатерининскаго канала между двумя Кельтмами.

---

170) Тамъ-же 1866 года № 47: «Рѣка Щугоръ (картины нашего сѣвера)» г. Ф. Арсеньева.

171) Тамъ-же 1854 г. №№ 32 и 33: „Замѣтки и впечатл. охотника по Волог. губерніи» г. Ю. Волкова.

172) Въ Вологодской губерніи вообще *волоками* называется лѣсистое пространство, отдѣляющее одно селеніе отъ другаго или, точнѣе прилегающія къ послѣднимъ поля. Въ Зырянскомъ-же краѣ слово волокъ отчасти еще сохранило свой первоначальный смыслъ переволока между двумя рѣками: таковъ именно волокъ между рѣками Ирвой и Елвой, какъ мы видѣли ранѣе.

173) *Зимовками* называются избы, устроиваемыя на большихъ волокахъ отъ волостныхъ обществъ, для того, чтобы проѣзжающіе, особенно въ трескучіе морозы, могли согрѣться, выкормить лошадей,— и ничего болѣе; хотя въ нихъ и живутъ, тоже по найму отъ обществъ, что-то въ родѣ сторожей, или какой нибудь старикъ или бобыль—мальчикъ, обязанности которыхъ состоятъ только въ томъ, что бы зимовки протапливались. Путешественникъ здѣсь иногда не найдетъ ничего, даже хлѣба, не говоря уже о самоварѣ и т. п. роскоши: столъ, скамейка, кадка и деревянный ковшикъ—вотъ вся мебель и посуда. Таковы покрайней мѣрѣ, тѣ зимовки, которыя мы сами имѣли случай видѣть.

174) Вол. Губ. Вѣд, 1848 г. №№ 10 и 12.

ГЛАВА VII.

ЕСТЕСТВЕННЫЯ БОГАТСТВА КРАЯ.

Ископаемыя: золото, серебро, мѣдь, желѣзо, соль, точильный камень, антрацитъ, нефть, доманикъ, сердоликъ, графитъ, гипсъ и пр.— Растенія.—Животныя.

И письменные, и устные отзывы людей, болѣе или менѣе близко знакомыхъ съ Зырянскимъ краемъ, о естественныхъ богатствахъ его чрезвычайно разнорѣчивы: одни смотрятъ на него, какъ на страну до крайности бѣдную, которая даже впереди не можетъ ожидать лучшаго; а другіе, напротивъ, восторгаются его несмѣтными богатствами и обѣщаютъ ему великолѣпное будущее. — Не высказывая собственнаго взгляда на этотъ предметъ, мы представимъ данныя.

Несмотря на то, что мѣстность, заселенная Зырянами, весьма недостаточно изслѣдована, не подлежитъ сомнѣнію, что она изобилуетъ разнообразными ископаемыми богатствами.

Спеціалистъ въ дѣлѣ золотопромышленности, г. Ю. Волковъ утверждаетъ [175]), что Печорскій край имѣетъ поразительное сходство съ золотоносными мѣстностями, находящимися по ту сторону Уральскаго хребта; но не смотря на то, пишетъ, что *золото* на Печорѣ, можетъ быть, есть, а можетъ быть, и нѣтъ. Достовѣрно то, что неоднократныя попытки отыскать тамъ этотъ драгоцѣнный металлъ до сихъ поръ рѣшительно не удавались. Хотя намъ довольно подробно извѣстны и личности золотоискателей и исторія такихъ попытокъ; но считаемъ безполезнымъ распространяться объ этомъ предметѣ. Замѣтимъ только, что лица, дѣлавшія попытки найдти золото на Печорѣ, брались не за свое дѣло: они не располагали ни необходимыми матеріальными средствами, ни достаточною опытностію. Во всякомъ случаѣ вопросъ о томъ, есть-ли золото въ Зырянскомъ краѣ, остается открытымъ.

Серебро дѣйствительно есть. Еще при Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ III, именно въ 1491 году, были посланы на Печору *рудознатцы* и отыскали серебряную руду на р. Цыльмѣ въ урочищѣ Косму, въ 300 верстахъ отъ самой Печоры. Почему разработка руды оставлена, мы не знаемъ; но Зыряне помнятъ еще о томъ [176]). По завѣренію г. Ю. Волкова, лѣтъ 30 тому назадъ, признаки серебряной руды были отысканы г. Трапезниковымъ по рѣкамъ Вишерѣ и Вычегдѣ, хотя мѣстонахожденія серебра точно неизвѣстны. Г. Волковъ говоритъ также, что у Зырянъ есть много вещей изъ этого металла, очевидно, мѣстнаго происхожденія, изъ чего слѣдуетъ заключить, что оно находится не только въ рудѣ, но и въ самородкахъ [177]). Извѣстно, что Зыряне вообще стараются скрывать мѣстонахожденія рудъ, изъ опасенія, чтобы начальство, не обратило ихъ въ крѣпостное, состояніе устроивъ заводы [178]), примѣръ чему у нихъ былъ на глазахъ въ Сереговскомъ соленаренномъ и въ Кажимскихъ желѣзодѣлательныхъ и чугуноплавильныхъ заводахъ, учрежденныхъ на поссессіонномъ правѣ.

Мѣдь въ 1491 г. была отыскана, вмѣстѣ съ серебромъ, но разработка ея также оставлена [179]).—Г. Ю. Волковъ говоритъ, что признаки присутствія мѣди въ колчеданахъ по берегамъ многихъ рѣкъ, впадающихъ въ Печору и Вычегду, несомнѣнны и что самъ онъ видѣлъ *ашеритъ* (кристаллическая мѣдная руда зеленаго цвѣта), найденный въ Верховьяхъ Вишеры [180]). Г. Яблонскій сомнѣвается въ этомъ и полагаетъ, что г. Волковъ за ашеритъ принялъ *кристаллическій малахитъ* или *фосфорохалцитъ* [181]). Но г. Кашперовъ пишетъ, что онъ, на днѣ Вишеры, самъ отыскалъ нѣсколько кусковъ самородной мѣди и очень много *калганскаго камня*(?) [182]). Свящ. І. Поповъ находилъ мѣдную руду близъ села Вотчи въ Устьсысольскомъ уѣздѣ по р. Сысолѣ [183]).

---

175) Тамъ-же 1855 г. № 14: «Минеральныя богатства Вологодской губерніи».

176) Вол. Губ. Вѣд. 1868 г. № 4: «В. П. Латкинъ и Печорская компанія», г. С. Лашкарева.

177) См. примѣч. 175.—Мы отъ многихъ слыхали, что у Зырянъ есть вещи изъ своего серебра.

178) Вол. Губ. Вѣд. 1848 г. № 12: «Путев. замѣтки на пути отъ Устьсысольска по Вишерскому селенію», г. А. Попова.

179) См. тамъ-же.

180) См. примѣч. 175.

181) Вол. Губ. Вѣд. 1858 г. № 11, примѣч. къ статьѣ г. Н. Бунакова. «Сельско-хазяйств. очеркъ Вол. Губерніи».

182) Тамъ-же 1865 года № 12: «Путевыя записки по Вол. Губерніи» г. Кашперова. Не корня-ли?

183) Тамъ-же 1858 г. № 3: «Взглядъ на геологическое состояніе с. Вотчи въ сельско-хозяйств. отношеніи».

Г. Аврамовъ говоритъ, что она есть въ Яренскомъ уѣздѣ по р. Вашкѣ [184]). О мѣдной рудѣ, находящейся недалеко отъ Яренска по рѣчкѣ Кишерѣ упоминаютъ гг. Ардашевъ и Протопоповъ [185]). Изъ всего этого видно, что признаки мѣдной руды встрѣчаются рѣшительно во всѣхъ частяхъ Зырянскаго края.—Мы можемъ допустить, что нѣкоторые изъ указанныхъ нами авторовъ, по той или другой причинѣ, впали въ заблужденіе; но не считаемъ себя въ правѣ думать, что всѣ они умышленно или неумышленно ошиблись. Однако должны замѣтить, что никто изъ названныхъ лицъ не говоритъ о томъ, стоятъ-ли эти руды, по содержанію и массѣ ихъ, разработки.

Желѣзо также есть и даже добывалось во многихъ мѣстахъ: лишь въ послѣднее время перестали дѣйствовать три, находящіеся въ Устьсысольскомъ уѣздѣ по р. Сысолѣ, чугуноплавильные и желѣзодѣлательные завода, извѣстные подъ названіемъ Кажимскихъ, и не отъ недостатка руды, а по другимъ, экономическимъ причинамъ. Эти заводы производили желѣза и чугуна болѣе, нежели на 100,000 р. [186]) Впрочемъ мы не давно слышали, что они снова приведены въ дѣйствіе, но не ручаемся за вѣрность такого слуха. Добывалось нѣкогда желѣзо въ разныхъ мѣстахъ Яренскаго уѣзда, напр. при Жешартскомъ погостѣ, гдѣ былъ и заводъ, и по р. Мезени [187]). Впрочемъ попытка г. Ю. Волкова, по довѣренности г. Бенардаки, устроить производство желѣза въ обширныхъ размѣрахъ по р. Печорѣ не удалась, хотя, говорятъ, что наружные признаки богатства руды, по мнѣнію извѣстнаго ученаго горнаго инженера Озерскаго, казались несомнѣнными.

На упомянутомъ уже Сереговскомъ солеваренномъ заводѣ вываривается *соли* болѣе нежели на 100,000 р. [188]). Увѣряютъ, что берега р. Выми чрезвычайно обильны соляными источниками. Кромѣ того соль есть по р. Мезени и рѣчкѣ Шежамкѣ, въ Яренскомъ уѣздѣ [189]), а также и въ Устьсысольскомъ [190]).

На впадающей въ р. Печору р. Соплясѣ производится правильная разработка *точильнаго камня* въ такъ называемой Брусяной горѣ. По увѣренію г. Ю. Волкова здѣсь могло бы добываться до 70,000 п. точилъ и до 300.000 шт. брусьевъ [191]). Но на самомъ дѣлѣ maximum добычи, именно въ 1853 году, простирался до 37,000 п. точилъ и до 137,000 шт. брусьевъ (до 40,000 шлифованныхъ и до 97,000 не шлифованныхъ) [192]), всего на 12,000 р. Разница весьма значительная [193]); тѣмъ болѣе, что послѣ 1853 г. размѣръ добычи уменьшился вдвое [194]). Кромѣ того утверждаютъ, что точильный камень находится въ Устьсысольскомъ уѣздѣ по р. Немъ въ 123 верстахъ отъ впаденія ея въ Вычегду, гдѣ лежитъ толстымъ слоемъ въ 4 версты длины и въ одну—ширины [195]). Хотя г. Ю. Волковъ и не вѣритъ этому [196]); но сомнѣніе свое основываетъ явно на ошибочныхъ предположеніяхъ.—При впаденіи р. Щугора въ Печору есть цѣлая гора точильнаго камня синяго цвѣта, но слой его тонокъ и камень годится только для выдѣлки небольшихъ брусьевъ, хотя онъ и лучше камня, добываемаго въ Брусяной горѣ, тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ менѣе сѣры и нефти [197]).— Камень, находящійся при устьѣ р. Вои (притокъ Печоры), ни для какого употребленія не годится [198]). Въ Яренскомъ уѣздѣ также находится этотъ камень въ 260 верстахъ отъ города, по берегамъ рр. Выми и впадающей въ нее Веслянки, но пластъ его тонокъ и годенъ только для мелкихъ подѣлокъ [199]). Говорятъ, наконецъ, что онъ есть по р. Мезени и употребляется мѣстными жителями [200]).

По отзывамъ знатоковъ, камень Брусяной горы уступаетъ достоинствами англійскому и добываемому около Кіева [201]); потому что, вслѣдствіе большаго содержанія сѣры и нефти, издавая, при точеніи, вредные пары, требуетъ много воды; но за то изъ него можно приготовлять точила даже въ 60 пуд.,—преимущество, котораго не имѣетъ кіевскій камень [202]).

По системамъ рѣкъ Вычегды, Мезени и Печоры и особенно между верховьями Вычегды и Ухты (притокъ Пижмы печорской) находятся огромныя залежи *антрацита* [203]).

---

184) Тамъ-же № 52: «Описаніе физическихъ свойствъ Яренскаго уѣзда».

185) Рукопись г. Ардашева не напечатана, и, вѣроятно, находится при дѣлахъ Вол. Губерн. Стат. Комитета. См. также Вол. Губ. Вѣд. 1849 г. № 20: «Стат. Опис. Яренскаго уѣзда.

186) См. примѣч. 153.

187) См. примѣч. 184.

188) Вол. Губ. Вѣд. 1858 г. № 11: «Сельско-хозяйств. очеркъ Вол. Губ.» г. П. Бунакова.

189) См. примѣч. 184.

190) См. примѣч. 175. и Вол. Губ. Вѣд. 1855 г. № 13: «Замѣтки объ ископаемомъ царствѣ Вол. Губ.» неизвѣстнаго автора.

191) См. примѣч. 175.

192) Вол. Губ. Вѣд. 1859 г. № 47: «Брусяная гора въ Устьсысольскомъ уѣздѣ».

193) 1000 брусевъ шлифованныхъ вѣситъ до 65 пуд., и простыхъ до 80 п. (тмж).

194) Тамъ-же.

195) Вол. Губ. Вѣд. 1855 № 13: «Замѣтки объ ископаемомъ царствѣ»; Вол. Губ.; 1853 г. № 16: «Гидрогр. Вол. Губерн.», г. Данилевскаго. См. также примѣч. 192.

196) См. примѣч. 175.

197) См. примѣч. 192.

198) Тамъ-же.

199) Тамъ-же.

200) См. примѣч. 175.

201) Тамъ-же.

202) См. примѣч. 192.

203) Памятн. книжки Вол. Губ. на 1865 и 1866 г. Статья г. Грѣгоржевскаго: «Статист. очеркъ Вол. Губерніи въ лѣсномъ отношеніи».

Въ Яренскомъ уѣздѣ по р. Малой Ухтѣ (Вук-ва), отъ города лѣтомъ въ 450 верстахъ, а зимою—въ 300 [204]), находятся нефтяные источники. *Нефть*, вытекая изъ береговъ, плыветъ по поверхности воды небольшею струею. Теперь она употребляется только мѣстными Зырянами для смазки кожаныхъ вещей; но говорятъ, что лѣтъ 80 тому назадъ здѣсь существовалъ для очистки нефти заводъ, принадлежавшій сначала московскому гражданину Прадунову, а потомъ какому-то Набатову и устюжскому мѣщанину Сараеву, и, неизвѣстно почему, ими заброшенъ. Эти лица отправляли нефть даже въ Москву [205]). Мы слышали, что въ недавнее время, кажется, г. Сидоровъ принимался за правильную добычу этой нефти, но не знаемъ имѣла-ли какой нибудь успѣхъ его попытка. По словамъ г. Ю. Волкова, въ 2-хъ фунтахъ зырянской нефти содержится $2^1/_2$ драхмы чистой нефти и 2 драхмы воды [206]).—Полагаютъ также, что нефть находится по р. малой Визеньгѣ, впадающей въ Сысолу въ Устьсысольскомъ уѣздѣ; но предположеніе это основывается на томъ только, что тамъ есть ключъ, который бьетъ съ сильнымъ кипѣніемъ и зимой не замерзаетъ, и водою котораго мѣстные жители пользуются отъ разныхъ болѣзней [207]).

Тамъ-же, гдѣ находится нефть, добывается и такъ называемый *доманикъ*. Зыряне думаютъ, что онъ образуется изъ нефти, которая, катясь по поверхности воды, осѣдаетъ на дно и тамъ сгущается [208]). Онъ чернаго лоснящагося цвѣта; въ водѣ мягокъ, но на воздухѣ твердѣетъ; его находятъ между известковыми плитами нетолстымъ слоемъ; онъ горитъ на огнѣ, издавая рѣзкій и тяжелый запахъ.—Химическій составъ его опредѣляютъ различно: одни говорятъ, что онъ «состоитъ изъ извести, пропитанной особливымъ родомъ соли» [209]); другіе,—что, по свойству своему, онъ можетъ быть причисленъ къ горному углю [210]); г. Н. Бунаковъ, называя его bitumen suillium, утверждаетъ, что онъ составляетъ исключительную принадлежность Вологодской губерніи, чему не противорѣчитъ и повѣрявшій сочиненіе г. Бунакова, въ качествѣ спеціалиста, въ той его части, которая касается минералогіи, г. Яблонскій; [211]) и, наконецъ, четвертые полагаютъ, что доманикъ есть известнякъ, проникнутый нефтью [212]). Говорятъ, что по притокамъ Вычегды Малица-ель (при устьѣ) и Воль-ю есть камень, похожій на доманикъ, темносѣраго цвѣта, и хвалятъ его достоинства [213]).—Мы не можемъ высказать собственнаго мнѣнія о химическихъ свойствахъ этаго камня [214]). Онъ достается со дна рѣки на пространствѣ версты, но пространство мѣстонахожденія его не приведено въ извѣстность. Прежде онъ добывался и изъ береговъ, но низшаго качества. Въ послѣднее время изъ него выдѣлывались доски для столовъ, шашечницы, шашки, марки и т. п., чѣмъ занимался только одинъ служитель Сереговскаго завода. Мѣстные жители употребляютъ доманикъ, какъ куренье, полагая, что запахъ его очищаетъ воздухъ и прогоняетъ лихорадки и горячки [215]) и т. п.

И въ Яренскомъ, и въ Устьсысольскомъ уѣздахъ находятъ *сердоликъ* [216]). Г. Ю. Волковъ сомнѣвается въ этомъ и полагаетъ, что за сердоликъ принимаютъ, *должно быть*, роговую обмянку [217]); но мы сами видѣли въ Яренскѣ много экземпляровъ этого минерала.

---

204) Разстояніе нефтянаго источника отъ г. Яренска мы показали по г. В. Аврамову (см. примѣч. 184). Г. Ю. Волковъ (Вол. Губ. Вѣд. 1855 г. № 21»: «Минер. богатства Вол. Губ.) и вслѣдъ за нимъ г. Н. Бунаковъ (Тамъ-же 1858 № 11: «Сельско-хозяйств. очеркъ Волог. Губерн.») опредѣляютъ его въ 170 верстъ. Но мы принимаемъ цифру г. В. Аврамова, который, какъ лицо, знакомое съ Яренскимъ уѣздомъ болѣе непосредственно, нежели г. Волковъ, не могъ допустить слишкомъ грубой ошибки. Ухтъ въ Яренскомъ уѣздѣ двѣ: одна впадаетъ въ Ёлву, притокъ Выми, а другая въ Пижму, притокъ Печоры. Нефть добывается въ послѣдней. Г. Волковъ показалъ, вѣроятно, первую.

205) См. примѣч. 184.

206) Волг. Губ. Вѣд. 1855 г. № 21: «Минеральныя богатства Вологодской Губерніи», г. Ю. Волкова.—Мы не ручаемся за вѣрность словъ г. Волкова: мы сомнѣваемся, что-бы онъ имѣлъ случай и возможность химически изслѣдовать зырянскую нефть.

207) Тамъ-же 1849 г. № 36: «Нѣсколько словъ объ Устьсысольскѣ и его уѣздѣ», г. П. Богданова. Мы думаемъ, что г. Богдановъ принялъ за нефтяной другой какой нибудь источникъ. Во всей статьѣ его встрѣчается много явныхъ несообразностей—и даже вымысловъ.

208) См. примѣч. 184.

209) Волог. Губ. Вѣд. 1853 г. № 11: «Гидрографія Волог. губерніи».

210) Тамъ-же 1854 г. № 24.

211) См. примѣч. 181.

212) Вол. Губ. Вѣд. 1854 г. № 24.

213) Тамъ-же 1855 г. № 13.

214) Г. Ю. Волковъ о химическомъ составѣ доманика пишетъ (См. примѣч. 201): «1000 грановъ доманика дали: 1) 24 гр. кислой воды, «похожей на янтарную кислоту; 2) 184 гр. темнокраснаго масла, «запахомъ похожаго на диппиліево животное масло (Ol. animal. Dipp.); «3) въ шейкѣ реторты сюблимировалось 28 грановъ горючей сѣры; «4) На днѣ реторты осталось довольно крѣпкаго угля 648 гр., всего «884 гр. Недостающіе до полнаго вѣса 116 гр. состояли изъ смѣ«шенія газовъ. 648 гр. оставшагося въ ретортѣ угля, будучи прев«ращены въ пепелъ сѣраго цвѣта, вѣсили 456 гр. Пепелъ этотъ былъ «выщелоченъ многократнымъ наливаніемъ 1000 гр. горячей воды. «Щелокъ этотъ перемѣнялъ желтый цвѣтъ бумаги на бурый. Рас«творы серебра въ селитряной кислотѣ и тяжелой земли—въ уксус«ной примѣтно мутили щелокъ. Выщелоченная земля была распу«щена соляною кислотою; за тѣмъ осталось нерастворенной кремни«стой земли 128 гр.; 100 гр. толченаго доманика, настоенные въ нѣ«которомъ количествѣ ѣдкаго щелока, придали ему темный цвѣтъ. «Этотъ растворъ, процѣженный и насыщенный соляною кислотою, «далъ 10 гр. темноцвѣтной смолянистой осадки. На это смолянистое «вещество алкоголь дѣйствовалъ весьма медленно и не прежде, какъ «черезъ 3 дня получилъ темнокрасноватый цвѣтъ, что, по вывари«ніи, дало 3 гр. темнокрасной смолы давольно пріятнаго запаху.» Мы опять должны оговориться, что за достовѣрность опыта г. Ю. Волкова не ручаемся.

215) См. примѣч. 184.

216) См. примѣч. 213.

217) См. примѣч. 201.

Священникъ І. Поповъ пишетъ, что въ Вотчинскомъ приходѣ (Устьсысольскаго уѣзда) онъ «нашелъ значительное пространство земли, наполненное слоями чернаго камня, который, по отдѣлкѣ, можетъ быть употребляемъ вмѣсто *карандаша*, что простымъ ножемъ онъ сдѣлалъ изъ него порядочный карандашъ, снаружи вышлифованный и добротою немного уступающій настоящему, и что грамотные крестьяне уже стали употреблять карандаши своего издѣлія» [218]).

По р. Помиздъ (притокъ Вычегды) находится превосходный *гипсъ*.

О другихъ ископаемыхъ, каковы: алебастръ, разнаго рода глины и т. п., мы распространяться не будемъ, точно также, какъ и о какихъ-то цвѣтныхъ каменьяхъ, похожихъ на аметисты; аквамарины и т. п., которыми особено изобилуетъ рѣчка Кишера, при г. Яренскѣ впадающая въ р. Кижмолу [219]).

Флора и *фауна* Зырянскаго края ни мало не изслѣдованы. Поэтому мы можемъ дать только приблизительно общее понятіе объ этомъ предметѣ.

О громадности лѣсовъ нѣтъ надобности распространяться: они занимаютъ около 18,500,000 дес., такъ что на каждую душу приходится около 185 дес. [220]) Между тѣмъ этотъ капиталъ приноситъ чрезвычайно несоразмѣрную съ его громадностью выгоду и казнѣ, и мѣстному населенію.—Разрѣшенъ отпускъ за границу чрезъ Архангельскій портъ по 75.000 строевыхъ деревъ и по 30.000 чрезъ устье Печоры [221]). Впрочемъ, эти свѣдѣнія относятся къ 1866 году. Но и этого количества не вырубалось. Смолокуреніе только что начинаетъ приниматься [222]), и во много разъ больше лѣсу гибнетъ отъ гнилости, пожаровъ и бурь, нежели идетъ на пользу человѣка.—Господствующій лѣсъ хвойный; лиственныя деревья растутъ или по берегамъ рѣкъ, или одиночно. Изъ хвойныхъ деревьевъ, по количеству, первое мѣсто принадлежитъ ели и пихтѣ; за елью слѣдуетъ сосна, за сосной лиственица, единственное на сѣверѣ хвойное дерево, роняющее на зиму свои яркозеленыя, мягкія, ароматическія иглы; на Печорѣ есть кедръ, уступающій, впрочемъ, качествами сибирскому, и гибнущій отъ неразсчетливой рубки для сбора орѣховъ [223]). Изъ хвойныхъ кустарниковъ можно назвать лишь одинъ можжевельникъ. Изъ лиственныхъ деревьевъ повсемѣстно распространены: береза, осина, осокорь, черемуха, рябина, ива, а изъ кустарниковъ—черная и красная смородина, малина, калина, шиповникъ, волчьи ягоды, таволга, жимолость и черная ольха. Изъ ягодъ также повсюду растутъ: земляника, поляника, морошка, костяника, клюква, черника, голубица и брусника.—Есть всякаго рода грибы. Нельзя не упомянуть о дикомъ растеніи *толокнянкѣ*, которая пригодна для выдѣлки сафьяна, и сбывается изъ Яренскаго уѣзда въ Архангельскъ [224]), а изъ Устьсысольскаго—въ Казань [225]). Изъ выдѣлываемыхъ полевыхъ растеній можно назвать, ячмень, рожь, овесъ, пшеницу, ленъ и коноплю, а изъ огородныхъ—капусту, лукъ, картофель, рѣдьку, рѣпу, брюкву, горохъ, бобы, хрѣнъ, морковь, свеклу, макъ, мяту, салатъ и огурцы (2 послѣдніе—въ парникахъ) и хмѣль (въ хмѣльникахъ) [226]). Но, какъ увидимъ, всѣ эти растенія далеко не вездѣ распространены.

Садовъ нѣтъ, если не считать таковыми огороды, въ которыхъ сами выросли и посажены по нѣскольку штукъ туземныхъ дикихъ растеній.

Дикія животныя: четвероногія: бѣлка, заяцъ, олень, куница, красная и иногда чернобурая лисица, медвѣдь, волкъ, горностай, песецъ, выдра, норка, россомаха, рысь, лось, бурундукъ, кротъ и, какъ рѣдкость, соболь [227]). Бобровъ теперь вовсе нѣтъ. Нѣтъ также хорьковъ, ежей и крысъ [228]).

---

218) Вол. Губ. Вѣд. 1858 г. № 3: «Взглядъ на геологич. состояніе с. Вотчи въ сельско-хозяственномъ отношеніи».

219) Тамъ-же 1849 г. № 20. «Статист. Опис. Яренск. уѣзда» г. П. Протопопова. По словамъ автора, при Яренскомъ Уѣздномъ Училищѣ хранится болѣе 1000 разныхъ породъ камней, отломокъ окаменѣлаго зуба огромнаго звѣря и пр.; но г. В. Аврамовъ (См. примѣч. 184) пишетъ, что упоминаемая г. П. Протопоповымъ коллекція уже утрачена. Мы впрочемъ не придаемъ этой коллекціи какого нибудь научнаго значенія; такъ помнимъ, что ее собиралъ въ 1830 годахъ шт. смотр. училища г. Клеопатровъ, не имѣвшій понятія о минералогіи, и помѣщалъ туда все, что ни приносили ученики его по ихъ мнѣнію интереснаго.

220) Памятн. книжка Волог. губ. на 1865 и 1866 г. стр. 5.

221) Тамъ-же, см. по примѣч. 203.

222) См. примѣч. 176.

223) См. примѣч. 203. Здѣсь мы должны отмѣтить явленіе, бросившееся намъ въ глаза какъ въ Зырянскомъ краѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ уѣздахъ Вологодской губерніи: это то, что лиственные лѣса (мы наблюдали, впрочемъ, только одну березу) вытѣсняютъ хвойные, хотя весьма нечуствительно. Мы не одинъ разъ замѣчали, что на мѣстѣ выгорѣвшаго хвойнаго лѣса вновь выросталъ березовый. Недоумѣніе мое по случаю такого явленія кто-то разрѣшилъ, объяснивъ, что сѣмена березы легче, чѣмъ сосновыя и еловыя, и потому свободно переносятся вѣтромъ на далекія разстоянія.

224) Вол. Губ. Вѣд. 1858 г. № 47: «Описаніе физич. свойствъ Яренскаго уѣзда», г. В. Аврамова.

225) Тамъ-же № 10: «Сельско-хозяйств. очеркъ Волог. губерн.», г. И. Бунакова.

226) Мы перечисляли огородные овощи по г. В. Аврамову (см. примѣч. 224); но онъ явно имѣлъ въ виду г. Яренскъ и, можетъ быть, Сереговскій заводъ: такъ намъ извѣстно, что въ деревняхъ нѣкоторыхъ изъ названныхъ имъ растеній вовсе не разводятъ, каковы напр. огурцы, салатъ, мята, макъ, даже морковь и свекла. Огурцы и салатъ въ самомъ г. Яренскѣ считаются рѣдкостью; макъ сѣется въ видѣ украшенія грядъ; бобы и горохъ, какъ лакомство.

227) Волог. Губ. Вѣд. 1852 г. № 8: «Сравненіе старыхъ цѣнъ съ нынѣшними на мѣха пушныхъ звѣрей», г. Мельникова. б) Памятн. книжк. Волог. губ. на 1865 и 1866 гг. «О промышленныхъ дѣлахъ и торгов. сношеніяхъ въ Зырянскомъ краѣ», г. Фл. Арсеньева, и в) Вол. Губ. Вѣд. 1858 г. № 51: «Осенніе промыслы Зырянъ», г. П. Сорокина. Кротовъ мы видѣли сами.

228) Вол. Губ. Вѣд. 1858 г. № 51: «Описаніе физич. свойствъ Яренскаго уѣзда», г. В. Аврамова.

Птицы: дичь—рябчики, куропатки, разныя тетери, лѣсные голуби, клесты [229]), гуси, утки и кулики разныхъ породъ; пѣвчія—жаворонки, чижи, зяблики, малиновки, дрозды, снигири, (фыпы) чечетки, синицы и т. п; хищныя—ястребы, филины, (будуны) совы и др. На Печорѣ вовсе нѣтъ голубей [230]). Само собой разумѣется, что мы перечислили здѣсь далеко не всѣ виды птицъ, водящихся въ Зырянскомъ краѣ. Странно, что тамъ не слышно о соколахъ, которыми край такъ славился въ старину.

Рыбы: щука, окунь, налимъ, семга, лохъ [231]), чиръ, пелядь, сигъ, нельма, стерлядь, харьюзъ, лещъ, язь, ершъ, сорога, карась, пискарь, елецъ, головль, минога и камбала (двѣ послѣднія только въ Мезени) [232]).

Изъ *гадовъ* ящерицы и піявки. Змѣй нѣтъ.

Изъ *насѣкомыхъ*—дикая пчела [233]) и мн. др.

Изъ *домашнихъ животныхъ*: лошади, коровы, овцы, свиньи, собаки и кошки.

Изъ *домашнихъ птицъ*—однѣ куры, и то не вездѣ [234]).

ГЛАВА VIII.

ФИЗИЧЕСКІЯ И НРАВСТВЕННЫЯ СВОЙСТВА ЗЫРЯНЪ.

Наружность Зырянъ вообще: ростъ, цвѣтъ волосъ, узкоглазость, выраженіе физіономіи, крѣпость тѣлосложенія. — Умственныя способности.—Религіозность.—Любовь къ роднѣ.—Отсутствіе нищенства.—Гостепріимство.—Честность.—Другія добрыя качества.—Выдержки изъ путевыхъ замѣтокъ г. А. Попова.—Пристрастіе къ горячимъ напиткамъ.—Недостатокъ цѣломудрія.—Лѣность.—Невѣжество.—Сутяжничество и мстительность. — Вспыльчивость. — Мнимые пороки.

О наружности Зырянъ и печатно, и устно высказано много мнѣній, часто одно другому противорѣчащихъ. Въ каждомъ изъ нихъ есть извѣстная доля правды, но ни одного нельзя признать рѣшительно вѣрнымъ. Такого-же взгляда на дѣло держится и г. П. Куратовъ. Но, желая согласить и примирить разнорѣчія, онъ и самъ ошибся. По его словамъ, Зыряне, живущіе въ захолустьяхъ, до сихъ поръ сохранили монгольскія черты, т. е. малый ростъ, тучность, черный цвѣтъ волосъ, смуглость и узкіе маленькіе глаза; Зыряне-же, живущіе по большимъ дорогамъ, и въ городахъ [235]) имѣютъ русые волосы и средній ростъ, бѣлое тѣло и ровный, живой, открытый нравъ. Отправляясь отъ такой гадательной посылки, г. Куратовъ умозаключаетъ, что одни наблюдатели Зырянъ имѣли въ виду первую категорію ихъ, а другіе — послѣднюю, т. е. что одни говорятъ о чистыхъ Зырянахъ, а другіе — о потомкахъ новгородскихъ выходцевъ [236]). Несмотря на всю кажущуюся основательность такого умозаключенія, дѣйствительность противорѣчитъ ему: на дѣлѣ оказывается наприм., что именно *въ захолустьяхъ* Зыряне выше ростомъ своихъ соплеменниковъ, живущихъ по большимъ дорогамъ. Г. Аврамовъ, которому мы, какъ уроженцу Устьвыми и человѣку, по своимъ служебнымъ

---

229) Клестъ – это маленькая птичка и ее скорѣе слѣдовало-бы причислить къ разряду пѣвчихъ; но мы помѣстили ее здѣсь, потому что ее особенно много въ Зырянскомъ краѣ, гдѣ ее солятъ впрокъ и ѣдятъ.

230) См. примѣч. 228 и Волог. Губ. Вѣд. 1854 г. №№ 28 и 31: «Печорскій приходъ», г. Попова-Локчинскаго.

231) Существуетъ мнѣніе, что лохъ есть самецъ семги. Дѣйствительно, по наружности и вкусу онъ похожъ на нее. Печорскіе Зыряне думаютъ, что лохъ есть таже семга, только не бывавшая въ морѣ. Г. Протопоповъ (Вол. Губ. Вѣд. 1849 г. № 20: «Стат. опис. Яренс. уѣзда») говоритъ, что на Вашскую ярмарку привозятъ крупную икру лоха; слѣд. лохи бываютъ и самки. У семги икра тоже очень крупна, какъ горохъ. Точно также думаютъ, что нельма есть самка сига. Но странно, что напр. въ р. Югѣ и притокахъ его около г. Никольска иногда попадаются лохи, сиговъ даже много; но семги и нельмы нѣтъ. Впрочемъ мнѣніе, что лохъ есть самецъ семги весьма распространено въ мѣстахъ ловли ихъ. Такъ полагалъ и извѣстный ихтіологъ *Н. Я. Данилевскій*.

232) См. примѣч. 224.

233) Тамъ-же. Извѣстіе о томъ, что въ Зырянскомъ краѣ водятся піявки, мы заимствовали у г. Абрамова. Будучи вполнѣ убѣждены въ добросовѣстности и осторожности этого автора, мы однакожъ не можемъ не выразить нѣкотораго сомнѣнія: не принялъ-ли онъ за піявокъ похожихъ на нихъ *вьюновъ* и *плетокъ*, которыхъ мы во множествѣ видали въ стоячихъ водахъ въ окрестностяхъ г. Яренска. Особенно похожи на піявокъ вьюны; плетки-же гораздо длиннѣе и притомъ онѣ плоскія. Можетъ быть г. Аврамовъ видѣлъ и настоящихъ піявокъ въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ Яренскаго уѣзда. Мы слыхали тамъ о какихъ-то конскихъ піявкахъ.

234) Г. А. Поповъ въ статьѣ своей: «Путевыя замѣтки отъ Устьсысольска къ Вишерскому селенію (Вол. Губ. Вѣд. 1848 г. №№ 10—12)» говоритъ, что на Вишерѣ священники ѣздятъ съ требами на оленяхъ; но мы думаемъ, что это случайность, исключеніе изъ правила.

235) Собственно въ Зырянскомъ краѣ *одинъ* городъ Устьсысольскъ (по Зырянски сыктылдѣінъ). Г. Куратовъ подъ именемъ городовъ разумѣетъ, вѣроятно, преимущественно русскими и обрусѣвшими Зырянами населенные заводы.

236) Волог. Губ. Вѣд. 1865 г. № 23: «Зырянскій языкъ».

обязанностямъ, бывавшему во всѣхъ волостяхъ Яренскаго уѣзда, даемъ большую вѣру, высказываетъ даже удивленіе въ виду того, что населеніе Удоры рослѣе населенія болѣе южныхъ волостей, гдѣ, по его словамъ, «сама природа обусловливаетъ большій ростъ и человѣка и животныхъ.» Отмѣчая такое-же явленіе на Печорѣ, г. Поповъ-Локчимскій объясняетъ его вліяніемъ печорской воды [237]). Даже г. К—ъ, принявшій на вѣру взглядъ г. Куратова, въ существѣ противорѣчитъ ему: онъ утверждаетъ, что встрѣтилъ монгольскій типъ, проѣзжая по тракту отъ Лальска къ Устьсысольску [238]); но во 1-хъ этотъ трактъ идетъ *не по захолустью*, а по самой бойкой части Устьсысольскаго уѣзда, и во 2-хъ мы тоже имъ проѣзжали, но наружность мѣстнаго населенія не поразила насъ своею особенностію. Дѣло въ томъ, что въ Зырянскомъ краѣ типы русскій и природный зырянскій встрѣчаются вездѣ въ болѣе или менѣе механически-смѣшанномъ видѣ.

Въ частности о *ростѣ* Зырянъ мнѣнія всѣхъ другихъ, кромѣ сейчасъ названныхъ писателей, мало разнятся: одни говорятъ, что вообще этотъ народъ средняго роста [239]), другіе [240]) не выше средняго, а многіе, и вовсе не говорятъ о такой этнографической примѣтѣ,—изъ чего слѣдуетъ заключить, что она не бросается въ глаза. Впрочемъ, вопросъ этотъ давно уже разрѣшенъ правительствомъ, на основаніи опыта: по закону, minimum роста Зырянскаго рекрута опредѣленъ на вершокъ ниже общей нормы;—слѣдовательно мы имѣемъ право думать, что въ сложности Зыряне ниже Русскихъ.—Исключеніе составляютъ, какъ мы видѣли Удорцы и Печорцы. Но отдѣльные случаи замѣчательной великорослости встрѣчаются и въ другихъ частяхъ Зырянскаго края. Г. А. Поповъ видѣлъ на Вишерѣ старика въ 3 арш. $^1/_2$ вер., у котораго сынъ былъ еще выше [241]). Мы слышали отъ очевидцевъ, что въ какой-то другой мѣстности въ 1830 годахъ былъ сданъ въ рекруты такой-же великанъ, и, конечно, это не единственные случаи великорослости. И такъ, г. Куратовъ относительно роста Зырянъ высказалъ неточное мнѣніе; потому что основалъ его на одномъ, такъ сказать, теоритическомъ предположеніи, не провѣривъ его наблюденіемъ дѣйствительности. Къ этому мы присовокупимъ основанное на нашихъ личныхъ наблюденіяхъ замѣчаніе, что случаи особенной малорослости Зырянъ вообще не бросаются въ глаза, но великорослые, т. е. люди росту выше средняго, встрѣчаются между ними замѣтно рѣже, нежели между Русскими ихъ сосѣдями.

Точно также несогласны и отзывы *о цвѣтѣ волосъ* Зырянъ. Мы не говоримъ уже о стереотипной фразѣ, еще не такъ давно бывшей въ большомъ употребленіи у нашихъ піитовъ: „рыжевласый Финнъ". За черный цвѣтъ стоитъ опять одинъ г. Куратовъ. Сами мы не бывали на Удорѣ и Печорѣ, а лица, посѣщавшія эти захолустья, ничего не сказали о цвѣтѣ волосъ жителей ихъ, и поэтому мнѣнія г. Куратова ни принять, ни отвергнуть не можемъ. Намъ остается ограничиться указаніемъ отзывовъ нѣкоторыхъ авторовъ, къ сожалѣнію, необъяснившихъ до какой именно мѣстности отзывы ихъ относятся. — По словамъ всѣхъ печатно высказавшихъ свои мнѣнія, цвѣтомъ волосъ Зыряне не отличаются отъ Русскихъ; но по личнымъ отзывамъ большей части тѣхъ, кто имѣлъ случай посѣщать Зырянскій край, тамъ господствуетъ черный цвѣтъ. Мы придерживаемся послѣдняго мнѣнія, впрочемъ съ небольшимъ ограниченіемъ: мы утверждаемъ только, что между Зырянами темноволосыхъ болѣе, нежели между Русскими. За то мы встрѣчали по Лузѣ и Сысолѣ много совершенно бѣловолосыхъ, что, впрочемъ могло быть дѣломъ случая.

Объ *узкоглазости* Зырянъ упоминаетъ одинъ г. Куратовъ. Болѣе никому не бросилась въ глаза эта особенность ихъ; но не бросилась она въ глаза и намъ, можетъ быть, потому, что уже утратила первоначальную рѣзкость и узковатость; или потому, что мы проѣзжали только по большимъ дорогамъ. Здѣсь не лишнимъ считаемъ вспомнить сообщенное нами ранѣе извѣстіе, что жители селенія Гамъ слывутъ „слѣпородами". Мы проѣзжали черезъ это селеніе, но не останавливались въ немъ, и потому не можемъ сказать, въ какой мѣрѣ справедливо такое прозвище. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, оно заслуживаетъ вниманія. Лица, бывавшія въ захолустьяхъ Зырянскаго края, ничего не пишутъ о формѣ глазъ жителей ихъ.

Объ общемъ характерѣ физіономіи Зырянъ говорятъ только гг. Бергъ и Михайловъ и притомъ почти слово въ слово, именно: «физіономія Зырянина съ перваго «взгляда производитъ невыгодное впечатлѣніе; незнако-«мому съ нимъ онъ покажется человѣкомъ подозритель-«нымъ, хитрымъ, неспособнымъ ни къ чему хорошему; «но стоитъ только узнать его, чтобы убѣдиться въ «противномъ». По нашему мнѣнію, такой отзывъ слишкомъ безсодержателенъ: подобный характеръ физіономіи можетъ быть объясненъ не физическими ея свойствами, а свойствами отношеній наблюдателя къ наблюдаемому. Мы бы и сами готовы высказать такое-же мнѣніе, какъ и гг. Бергъ и Михайловъ: и намъ физіономіи большей части Зырянъ казались какъ будто мрачными; но это могла быть случайность, тѣмъ болѣе что мы встрѣчали между ними много людей съ добродушными и открытыми лицами.

---

237) Тамъ-же: а) 1859 г. «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйственный бытъ», В. Аврамова, и б) 1854 г. № 31: «Печорскій Приходъ», г. Попова-Локчимскаго.

238) Тамъ-же 1866 г. № 6: «Поѣздка въ Устьсысольскъ».

239) Тамъ-же 1853 г. № 17: а) «Физическія и нравственныя свойства Зырянъ», г. М. Михайлова, и б) 1859: г. «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйственный бытъ», г. В. Аврамова.

240) Тамъ-же 1854 г. № 29: «Замѣтки о Зырянахъ», г. Ѳ. Берга.

241) См. примѣч. 174.

Всѣ единогласно свидѣтельствуютъ о крѣпости тѣлосложенія Зырянъ; но объясняютъ это физическое свойство разными причинами: одни[212]) приписываютъ его вліянію воды и климата; другіе[213])—суровому образу жизни: сами-же Зыряне—банямъ, до которыхъ они, какъ увидимъ, имѣютъ поразительно сильное пристрастіе. Увѣряютъ[214]), что многіе старики изъ Зырянъ не испытывали никакихъ болѣзней и не имѣютъ объ нихъ ни малѣйшаго понятія. Мы уже указывали на тотъ фактъ, что населеніе Зырянскихъ уѣздовъ Вологодской губерніи отъ нарожденія, т. е. отъ перевѣса числа случаевъ рожденія надъ числомъ смертныхъ случаевъ, увеличивается быстрѣе, чѣмъ въ русскихъ. Впрочемъ г. Арсеньевъ пишетъ, что Зыряне скоро старѣются и объясняетъ это дурною и недостаточною пищею; но статистика смертныхъ случаевъ показываетъ, что Зыряне сравнительно съ русскими ихъ сосѣдями вообще долговѣчнѣе. Кромѣ того мы не сходимся съ почтеннымъ авторомъ и во взглядѣ на вліяніе пищи на здоровье. Дѣйствительно Зыряне иногда мѣшаютъ въ хлѣбъ пихтовую кору, мохъ и другіе суррогаты; но такой недостатокъ съ избыткомъ восполняется обиліемъ рыбной и мясной пищи. Говорятъ, что нѣкоторыя племена Патогонцевъ вовсе не употребляютъ хлѣба; однако-же это не мѣшаетъ имъ слыть великанами. Впрочемъ, объ этомъ предметѣ мы имѣемъ въ виду распространиться въ другомъ мѣстѣ нашего сочиненія.—

Объ *умственныхъ способностяхъ* Зырянъ рѣшительно всѣ отзываются съ самой выгодной стороны: вообще утверждаютъ, что они остроумны, хитры и находчивы, всегда обдуманно приступаютъ къ дѣлу и не любятъ необдуманно приводить его въ исполненіе. Изобрѣтательность ихъ выразилась во множествѣ придуманныхъ ими самыхъ разнообразныхъ способовъ ловли птицъ, звѣрей и рыбы. Г. Кичинъ (надобно замѣтить, что онъ былъ учителемъ Устьсысольскаго уѣзднаго училища) пишетъ[215]), что „Зырянскіе мальчики, едва умѣющіе читать при поступленіи въ школу, очень скоро выучиваются чтенію и письму и, особенно, бойкому счисленію и руской разговорной рѣчи, что не мало говоритъ въ пользу ихъ природнаго ума, памяти и соображенія“. Въ Вологодской губерніи установилось убѣжденіе, что воспитанники мѣстной семинаріи изъ Зырянъ особенно отличаются успѣхами и что вообще лучшіе ученики въ это учебное заведеніе поступаютъ изъ Яренскаго духовнаго уѣзднаго училища, въ которомъ обучаются дѣти зырянскаго духовенства.— Любовь къ грамотности, конечно, также принадлежитъ къ числу фактовъ, свидѣтельствующихъ, по-крайней мѣрѣ, о любознательности. Г. Аврамовъ пишетъ, что Зыряне Яренскаго уѣзда весьма охотно отдаютъ дѣтей въ училища, и что нѣкоторые богатые родители въ Ертомской волости (Удора) посылаютъ ихъ даже въ городъ, за 350 верстъ.[216]). По завѣренію того-же г. Аврамова, Удорцы развитѣе другихъ Зырянъ и болѣе склонны къ нововведеніямъ. Нельзя не выразить сожалѣнія, что сельскія школы въ Зырянскомъ краѣ не достигаютъ своей цѣли, по общимъ всѣмъ сельскимъ школамъ въ Россіи причинамъ, о которыхъ здѣсь не умѣстно распространяться; почему мы замѣтимъ только, что Зырянскія школы чаще, чѣмъ гдѣ нибудь, существуютъ лишь номинально, такъ какъ учителя—священники не имѣютъ времени (оставляемъ въ сторонѣ усердіе) заниматься преподаваніемъ.

Обращаясь къ нравственнымъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, свойствамъ Зырянъ, мы прежде всего обращаемъ вниманіе на ихъ *религіозность*. Хотя этотъ народъ цѣлыми четырьмя вѣками послѣ Русскихъ и отъ Русскихъ принялъ христіанство, и хотя не имѣетъ столько-же средствъ выражать свое усердіе къ вѣрѣ, онъ религіознѣе своихъ просвѣтителей.— Во всякомъ сколько нибудь значительномъ селеніи, гдѣ нѣтъ церкви, построены въ видѣ церквей, даже съ колокольнями, часовни, куда, по праздникамъ, и старые и малые собираются слушать чтеніе и толкованіе священныхъ книгъ. Если мы даже предположимъ, что такія чтенія и толкованія остаются не понятными для слушателей; то тѣмъ болѣе они свидѣтельствуютъ объ усердіи къ вѣрѣ туземцевъ. Въ Устьсысольскомъ уѣздѣ на каждыя три населенныя мѣстности приходится по часовнѣ, а въ Яренскомъ— на пять[247]). На перекресткахъ дорогъ по всюду виднѣются деревянные кресты. Первая убитая утка жертвуется духовному отцу; послѣ удачнаго исхода звѣриныхъ и птичьихъ промысловъ, часть добычи отдается въ церковь. Вообще желаніе угодить Богу, доходитъ до излишества, разумѣется, въ формальномъ отношеніи; такъ напр., при посѣвѣ хлѣба, при выгонѣ скота на подножный кормъ, или-же въ случаѣ какихъ нибудь общественныхъ бѣдствій, приносится въ жертву домашнее животное иногда цѣлымъ обществомъ, а иногда и отдѣльными лицами. Въ первомъ-случаѣ еще наканунѣ жертвоприношенія варится общее пиво. Животное колется и варится у церкви; мясо его дѣлится на три части, изъ которыхъ одна продается и вырученныя отъ продажи деньги отдаются въ церковь, другая—предоставляется въ пользу причта, а третья—по освященіи, раздается всѣмъ присутствующимъ, и эти послѣдніе тутъ-же и съѣдаютъ каждый свою

212) См. примѣч. 207.

213) Вол. Губ. Вѣд. 1853 г. № 19: «Физическія и нравственныя свойства Зырянъ», г. М. Михайлова.

214) См. примѣч 240.

215) См. примѣч. 238.

216) Вол. Губ. Вѣд. 1859 г. № 31: «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйственный бытъ».

247) Памятн. книжк. Волог. губ. на 1865 и 1866 г. см. табл. «Число населенныхъ мѣстъ» и «Число церквей и другихъ богослужебныхъ зданій».

долю, *безъ хлѣба*. Отсутствующимъ части ихъ посылаются на домъ.—Остатками и отваромъ угощаются нищіе. Наконецъ, кости и несъѣденный отваръ зарываютъ въ землю, чтобы не сдѣлались добычею животныхъ [248]) Говорятъ, что нѣкоторые священники видятъ въ этомъ обычаѣ слѣды язычества. Можетъ быть, это и правда, но мы ни въ нынѣшней формѣ, ни въ существѣ его не видимъ ничего языческаго. — Зырянъ обвиняютъ въ грубости и матеріальности ихъ религіозныхъ вѣрованій и способовъ выраженія этихъ вѣрованій. Конечно, это справедливо; но во всякомъ случаѣ здѣсь виноваты не сами Зыряне, а независящія отъ нихъ условія ихъ быта. Прежде всего они не могутъ достаточно ясно понимать Священное Писаніе, о чемъ мы уже говорили ранѣе. Кромѣ того, они не могутъ посѣщать церквей, гдѣ-бы могли выслушивать по крайней мѣрѣ словесныя поученія священниковъ. Какимъ образомъ будетъ посѣщать свою приходскую церковь, напр.: Синдорецъ, когда въ лѣтнее время онъ почти не имѣетъ физической возможности перебраться черезъ окружающія его селенія болота и рѣки, а зимой для того, что бы сходить на погостъ на лыжахъ по глубокимъ снѣгамъ, долженъ употребить нѣсколько дней. Въ 1853 году, занимаясь извлеченіемъ изъ метрическихъ книгъ свѣдѣній о движеніи народонаселенія Вологодской губерніи, мы встрѣтили, что одинъ Зырянинъ, кажется, Печорскаго прихода, былъ крещенъ 32-хъ лѣтъ отъ роду. И это не единственный примѣръ: мы выбрали только самый рѣзкій. По этому можно судить, какъ рѣдко могутъ посѣщать съ одной стороны прихожане свою церковь, а съ другой—приходскіе священники отдаленныя селенія своего прихода. Печорскій приходъ до учрежденія въ немъ подвижныхъ церквей, имѣлъ протяженія 550 верстъ по теченію р. Печоры [249]). И такъ, самихъ Зырянъ въ грубости религіозныхъ убѣжденій никто не имѣетъ право винить. — Напротивъ того, при такихъ условіяхъ, горячее и искреннее усердіе ихъ къ церкви имѣетъ особенную цѣну. Почитаніе множества чудотворныхъ иконъ и высокое благоговѣніе къ памяти своего апостола также служатъ доказательствами: съ одной стороны — самаго воспріимчиваго чувства вѣры, а съ другой — самаго честнаго и искренняго сознанія правоты и спасительности этой вѣры. — По мнѣнію нашему, даже расколъ, существующій на Печорѣ и состоящій только въ особенности перстосложенія, въ почитаніи старыхъ иконъ и книгъ, служитъ доказательствомъ неравнодушія Зырянъ къ вѣрѣ.

Вообще религіозность Зырянъ не пустая формальность; не сосудъ, лишенный нравственнаго содержанія; не мертвое слово безъ дѣла: потому что они отличаются многими истинно-христіанскими добродѣтелями. Всѣ,—кто имѣлъ случай находиться въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ ними и близко наблюдать ихъ, — съ увлеченіемъ разсказываютъ о ихъ добрыхъ качествахъ. «Если сго«ритъ у кого домъ, «говоритъ г. Ѳ. Бергъ» [250]), то «хозяинъ этого дома не будетъ отчаяваться выстроить «новый, будучи вполнѣ увѣренъ, что сосѣди его не ос«тавятъ и помогутъ завести новый». Мы не приводимъ множество другихъ отзывовъ о добродушіи и человѣколюбіи Зырянъ, такъ какъ всѣ они одинаковы [251]); но не можемъ не упомянуть и о неблагопріятномъ взглядѣ г. Аврамова на взаимныя отношенія членовъ зырянскихъ семействъ. По словамъ этого автора, особенною черствостію отличаются отношенія дѣтей къ родителямъ: онъ говоритъ, что дѣти на дряхлыхъ родителей смотрятъ, какъ на безполезное бремя, такъ что послѣдніе, въ случаѣ раздѣла первыхъ, живутъ у нихъ понедѣльно. Но не говоря уже о томъ, что подобный порядокъ вещей встрѣчается не у однихъ Зырянъ, и что онъ, въ существѣ, не исключаетъ добродушія и человѣколюбія, мы скоро увидимъ живые примѣры совершенно другаго свойства, почему и думаемъ, что г. Аврамовъ или основалъ свой отзывъ на немногихъ частныхъ фактахъ, или слишкомъ требователенъ по отношенію къ народу малоразвитому и бѣдному [252]). Намъ кажется даже, что черствость семейныхъ отношеній несовмѣстна со всѣми другими нравственными качествами Зырянъ.

Такъ, напр., *любовь къ родинѣ* не мало говоритъ въ пользу чувствительности и способности къ глубокимъ сердечнымъ привязанностямъ. Между тѣмъ никто не отнимаетъ у Зырянъ этого качества. Напротивъ того, иные увлекаются имъ до того, что считаютъ его причиною нѣкоторыхъ другихъ добродѣтелей: имъ г. Михайловъ [253]) объясняетъ *отсутствіе* между Зырянами *нищенства*. Но мы непривычку жить на чужой счетъ считаемъ самостоятельною добродѣтелью.

Ни въ чемъ такъ не выражается цѣлая совокупность добрыхъ качествъ, какъ въ *гостепріимствѣ*. Смѣло можемъ увѣрять, что едва-ли гдѣ эта добродѣтель вытекаетъ изъ столь чистыхъ источниковъ, какъ у Зырянъ, и не знаемъ, гдѣ она достигла столь широкаго примѣненія. Отзывъ г. Михайлова, что Зыряне, *живущіе въ глуши*, растворяютъ настежь всѣ двери, чтобы странникъ и безъ хозяевъ нашелъ въ домѣ и пріютъ и пищу, [254]) можетъ показаться баснословнымъ; но мы сами видѣли примѣръ такого гостепріимства, *и не въ глуши*,

---

[248]) Волог. Губ. Вѣд. 1848 г. № 30: «Старинный обрядъ у Зырянъ», г. П. Сорокина.

[249]) См. примѣч. 230.

[250]) См. примѣч. 240.

[251]) См. примѣч. 174, 239.

[252]) Вол. Губ. Вѣд. 1859 г. № 35: «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйственный бытъ», г. В. Аврамова.

[253]) См. примѣч. 239 п. а.

[254]) Тамъ-же.

а на торговомъ трактѣ отъ Устьсысольска къ Лальску. Послѣ этого нужно-ли говорить о томъ, что Зырянинъ не отпуститъ странника, не накормивъ всѣмъ, что у него есть лучшаго, что не возьметъ за это платы и т. п. Но мы будемъ имѣть случай снова возвратиться къ этой добродѣтели.

Теперь-же скажемъ нѣсколько словъ о *честности* Зырянъ,—качествѣ, молва о которомъ распространена широко. Говорятъ, что въ Петербургѣ зырянская прислуга весьма цѣнится,—именно вслѣдствіе увѣренности въ ея безкорыстіи. Воровства разныхъ видовъ между Зырянами не водится. Въ языкѣ ихъ нѣтъ даже собственнаго слова для выраженія понятія о ворѣ. Въ переведенныхъ на этотъ языкъ разныхъ выпискахъ изъ Свода Законовъ слово «воръ» передано русскимъ-же «гусь» (экой гусь!). Въ Яренскѣ, за ненадобностью, закрытъ былъ въ послѣднее время острогъ. Впрочемъ, изъ числа преступленій противъ собственности и доходовъ казны, въ Устьсысольскомъ уѣздѣ до упраздненія откупной системы, — не знаемъ какъ теперь, — было сильно развито корчемство въ видѣ выкурки собственнаго вина.—Въ глухихъ мѣстахъ замки до сихъ поръ неизвѣстны, и если иногда запираются амбары и кладовыя, то не отъ людей, а отъ животныхъ. Если хозяинъ дома почему-бы то ни было не желаетъ, чтобы во время его отсутствія къ нему входили посторонніе, то ставитъ у дверей *пасъ*, т. е. коромысло или простую палку на искось — и это служитъ лучше всякаго замка [255]).

Не мало поражаетъ также наблюдателей строгая честность и безкорыстіе при взаимныхъ отношеніяхъ зырянскихъ охотниковъ. Не говоря уже о томъ, что ни одинъ изъ нихъ и не подумаетъ взять звѣря или птицу, попавшихся въ чужую ловушку,—животное, преслѣдуемое одною партіей охотниковъ, но добитое или пойманное другою, всегда, безъ всякаго спора и сожалѣнія, передается первой. На промыслахъ добыча каждаго охотника извѣстной партіи поступаетъ въ общую массу и, при дѣлежѣ ея, всѣ получаютъ равныя доли, хотя иной и не такъ удачно охотился, какъ другіе. У Зырянъ существуетъ повѣрье, что если кто воспользуется чужими звѣремъ или птицей, тотъ навсегда лишится искусства стрѣлять. Впрочемъ такая охотничья честность свойственна не однимъ Зырянамъ, а и многимъ другимъ звѣроловнымъ народамъ.—Отправляясь на промыслы, иногда за нѣсколько сотъ верстъ, охотники, чтобы не везти на себѣ лишняго груза, на извѣстныхъ мѣстахъ оставляютъ часть взятыхъ съ собою съѣстныхъ припасовъ съ тѣмъ, чтобы подобрать ихъ на обратномъ пути.

Случается, что охотники другихъ партій, истощивъ свои запасы, берутъ себѣ необходимое изъ такихъ временныхъ кладовыхъ, но всегда, взамѣнъ взятаго, оставляютъ часть собственной добычи. Разсказываютъ также, что Зырянинъ, котораго застигнетъ въ лѣсу голодъ, считаетъ себя въ правѣ взять и птицу изъ чужой ловушки, но не иначе, какъ ощипавъ ее извѣстнымъ образомъ на тотъ конецъ, чтобы настоящій хозяинъ ея зналъ, что не хищному звѣрю она досталась.

Точно также строго честны Зыряне и въ исполненіи долговыхъ обязательствъ. Они не знаютъ никакихъ письменныхъ условій и договоровъ: честное слово—«вотъ тэдъ веськидъ кывъ»—замѣняетъ у нихъ всякія росписки, заемныя письма и т. п. Употребляется также *пасъ* (знакъ), тоже, что наша бирка, но не для доказательства правъ кредитора, а для памяти—на случай, если при подробныхъ разсчетахъ возникнутъ между нимъ и должникомъ недоразумѣнія [256]).

Говорятъ однакоже, что въ послѣдніе годы, мѣстами, явилась потребность въ замкахъ и въ болѣе аккуратныхъ способахъ сбереженія запасовъ на промыслахъ, и что въ судебныя мѣста стали чаще поступать дѣла о воровствѣ [257]).

Въ числѣ похвальныхъ качествъ Зырянъ называютъ также *бережливость* [258]) и въ особенности твердость духа, смѣлость и необыкновенное терпѣніе при перенесеніи трудовъ,—качества, обусловливаемыя самымъ образомъ жизни искони охотничьяго народа [259]).

Чтобы дать читателю наглядное понятіе о гостепріимствѣ, честности, услужливости, простодушіи и другихъ добрыхъ качествахъ Зырянъ, живущихъ въ глуши, и вмѣстѣ съ тѣмъ о домашнемъ бытѣ этого народа, мы дѣлаемъ нѣсколько выписокъ изъ «Путевыхъ замѣтокъ отъ Устьсысольска къ Вишерскому селенію», г. А. Попова [260]). Эти выписки, по нашему мнѣнію, потому особенно интересны, что г. А. Поповъ путешествовалъ пѣшкомъ.

«..... Мы пристали (въ дер. Визябожъ) въ первый «отъ дороги нашей домъ.—Съ приходомъ нашимъ выступили на средину избы двое мущинъ. Одинъ изъ нихъ, «пожилыхъ лѣтъ, былъ въ рубашкѣ изъ толстаго холста «съ косымъ воротникомъ, подпоясанной тканымъ изъ «шерсти поясомъ, на которомъ спереди висѣлъ маленькій кожаный кошелекъ. Въ него вкладывается суконный «мѣшочекъ съ нѣсколькими отдѣленіями для храненія «огнива, труту, сѣрныхъ спичекъ и иголки съ нитками.

---

255) Вол. Губ. Вѣд. 1856 г. № 32: «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйственный бытъ», г. В. Аврамова.

256) Тамъ-же 1853 г. № 18: «Физич. и нравств. свойства Зырянъ» г. М. Михайлова.

257) Памятн. книжка Волог. губерн. на 1865-й и 1866-й гг: «О промышленныхъ дѣлахъ и торговыхъ сношеніяхъ въ Зырянскомъ Краѣ»,— г. Ф. Арсеньева.

258) Вол. Губ. Вѣд. 1859 г. № 32: «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйств. бытъ», г. В. Аврамова.

259) См. примѣч. 13, 139 и 240.

260) Вол. Губ. Вѣд. 1848 г. №№ 10—12.

«Принадлежность эта зырянскаго костюма, называемая «у нихъ «бива—вотлукъ»—отъ словъ «би»—огонь и «вот-«лукъ»—мѣшочекъ,—у каждаго порядочнаго Зырянина «необходима.—Рядомъ съ нимъ стоялъ мущина среднихъ «лѣтъ, одѣтый въ короткій, суконный изъ бѣлой шерсти «кафтанъ, подпоясанный кожаною, въ три пальца ши-«рины, тесьмою, на коей съ одного боку висѣлъ на же-«лѣзной винтообразной скобкѣ топоръ, а съ другаго—«длинный ножъ; въ рукахъ онъ держалъ, вмѣсто шляпы, «суконную четвероугольно сшитую ермолку; обувь у него «состояла изъ суконныхъ чулковъ и невыдѣланной кожи, «обтянутой около ступней снурками; она спереди окан-«чивалась острымъ носкомъ;... обувь эта легка и по-«койна, а для того, чтобы она не принимала мокроты, «ее напитываютъ смолистымъ растворомъ. Позырянски «она называется *чут-кӧмъ*. Послѣ разспросовъ о город-«скихъ новостяхъ и о томъ, куда насъ Богъ несетъ, «намъ предложили закуску изъ рыбнаго пирога, самаго «деликатнаго угощенія у Зырянъ. Отъ усталости-ли, или «отъ того, что у насъ были свои домашніе припасы, «намъ не хотѣлось ѣсть, но отказать усердію Зырянина «была бы крайняя обида, а потому, чтобы доказать, что «мы не сердимся на него, должны были согласиться на «предлагаемое.—Потомъ немедлено отвели намъ мѣсто «отдыха, и мы расположились на оленьей шкурѣ подъ «овчинною шубою. Однако всякаго рода насѣкомыя не «давали намъ порядочно успокоиться.—По утру я спро-«силъ самоваръ, но получилъ отказъ съ объясненіемъ, «что у сосѣда *Ӧшъ*-Васьки (Васька-медвѣдь), хотя и есть «мѣдный чайникъ для этой надобности, да онъ никому «не даетъ, и самъ не пользуется, и едва-ли онъ не на «пожнѣ. «Такъ что»? сказала какая-то старуха,—«чай-«никъ-то, вѣдь, у него въ клѣти, такъ не мудрено схо-«дить *буръ мортъясъ понда* (для добрыхъ людей)».—«Не забранился-бы!» вздумалось сказать хозяину. «Вотъ «еще! Намедни бралъ-же безъ насъ пѣтуха, да ничего не «сдѣлалось»... Не дожидаясь рѣшенія по дѣлу о самова-«рѣ, мы разстались съ добродушными хозяевами»....

«..... Пройдя отъ мѣста ночлега верстъ 6, мы под-«ходили къ дер. Додчзь. Въ этой деревнѣ многіе крестьяне «прежде имѣли значительное состояніе и производили ме-«лочную торговлю, но, съ перемѣною обстоятельствъ и «счастія, лишились достатка, и стали въ ряду съ дру-«гими... Мы просили указать на одинъ изъ тѣхъ домовъ, «которые славились прежде своею зажиточностію. . Мы «вошли въ домъ, но, выходивъ вездѣ, никого не нашли, «и расположились въ комнатѣ, довольно чистенькой, «меблированной вокругъ стѣнъ деревянными скамейками «и тремя кожаными стульями. Вскорѣ пришла хозяйка, «одѣтая въ ситцевый изорванный сарафанъ, въ матер-«чатомъ кокошникѣ на неубранной головѣ и чаркахъ на «босую ногу, запачканныхъ свѣжими пятнами, кои ясно «давали знать о ея занятіи около домашняго скота. Она «нѣсколько смутилась отъ небывалыхъ гостей; но я успо-«коилъ ее, объявивъ свою родословную, по коей она «чуть не признала меня за родственника, только очень «дальняго. Она замѣтно была вѣжлива, высказывала «много такого, что обнаруживало, что она не деревен-«скаго поля ягода, и безпрестанно мѣшала русскія слова «съ зырянскими.... Мы здѣсь отдохнули, напившись «чаю съ ячными хлѣбами, кои, вмѣсто булокъ, почти «насильно были навязаны намъ крестьянкой, съ доказа-«тельствомъ, что гораздо здоровѣе ячныя булки...

«..... На другой день рано поутру пришли мы въ «дер. Сторожевскую (Шойнаты). У крестьянина, къ ко-«торому мы пристали, поразилъ меня старикъ—отецъ его, «80 лѣтъ, необыкновеннаго росту и виду. Стоя прямо, «онъ достигалъ мѣрою сажени съ $^1/_2$—вершкомъ, а сынъ «его, взятый въ военную службу, будто-бы, еще былъ «выше. Въ молодости, какъ онъ говоритъ, не зналъ «мѣры своей силѣ и, вслѣдствіе умѣреннаго образа жизни «и трудолюбія, прожилъ до глубокой старости, не испы-«тавъ особенныхъ болѣзней. Онъ хорошо видѣлъ глазами, «но тяжелъ былъ на слухъ. Исполинскіе члены его, «обтянутые въ безобразно-сморщенную желтую кожу, со-«размѣрны были туловищу, которое представляло видъ «мѣшка, насыпаннаго безъ порядка костями. Нечаян-«ная встрѣча съ этимъ старикомъ наединѣ, въ позд-«нюю пору, невольный наведетъ страхъ, хотя на самомъ «дѣлѣ онъ былъ добрый человѣкъ. Супруга этого ста-«рика, слѣпая старуха, была, напротивъ, совсѣмъ дру-«гаго вида... очень маленькая... Почтительный сынъ «старика и старухи лелѣетъ ихъ, доставляя имъ спокой-«ствіе, какое возможно въ крестьянскомъ быту. Пріятно «было замѣтить въ Зырянинѣ, почитающемся полуди-«кимъ, сыновнее чувство, которое не всегда видно бы-«ваетъ въ блестяще образованномъ.— Намъ нужно было «изъ дер. Сторожевской своротить съ главной дороги на «Вишеру... Проселочная, опасная (?) дорога въ Вишеру «пролегаетъ по дремучему дикому лѣсу прямо на сѣверъ. «Намъ предлагали верховыхъ лошадей—иначе весьма «трудно было пробраться,—но мы не могли рѣшиться въ «позднее время дня... Между тѣмъ старикъ, о коемъ я «выше сказалъ, неожиданно принялъ въ насъ самое «живое участіе: тотчасъ велѣлъ сыну снарядить лодку, «отыскать гдѣ-то праздношатающагося крестьянина и «далъ въ помощники работника, который былъ въ услу-«женіи у сына. Мы отправились подъ вечеръ въ откры-«той легкой лодкѣ»....

Здѣсь мы пропускаемъ подробности переѣзда до слѣ-дующей деревни, но, для связи съ послѣдующимъ, замѣ-тимъ, что путешественниковъ въ дремучемъ лѣсу, на берегу р. Вишеры, застала сильная буря съ проливнымъ дождемъ, промочившимъ ихъ до костей; и продолжаемъ подлинными словами г. А. Попова.

«....Но наконецъ мы пріѣхали, уже въ полночь; во-«шли въ первую съ конца деревни избу; велѣли достать «огня и попросили у хозяина сухаго бѣлья. Переодѣвшись,

«немедленно легли на полати, куда постлали свѣжей «сухой соломы. Сколь пріятно послѣ холоду быть въ «теплѣ, мы доказали съ товарищемъ глубокимъ сномъ, «продолжавшимся на другой день до полудня.— Пробу«дившись, я удивился необыкновенной тишинѣ въ «домѣ, и полагалъ, что всѣ ушли на работы; но потомъ «иначе все объяснилось. У крестьянина было многолюд«ное семейство изъ большихъ и малолѣтнихъ: всѣ они «скромно сидѣли по лавкамъ, и шепотомъ разговаривали «между собою, унимая дѣтей отъ крику и шуму. На «столѣ собранъ былъ завтракъ. Мы узнали, что все это «дѣлается для насъ, для нашего спокойствія. Пока мы «одѣвались, они безпрестанно оговаривались, что у нихъ «все нечисто, черно и что намъ, вѣрно, худо было «спать.— Казалось, что мы были у какихъ-то близкихъ «родственниковъ, которые съ такимъ добродушнымъ «участьемъ ласкали насъ и заботились о нашемъ удоб«ствѣ. Хозяинъ дома, когда мы еще спали, велѣлъ на«ловить съ рѣкѣ рыбы, которую, приготовленную въ пи«рогѣ, усердно предлагалъ намъ закусить, а жена его «принесла корзину земляники.— Между тѣмъ набралась «полная изба сосѣдей, съ намѣреніемъ любопытствовать «объ насъ и объ нашемъ путешествіи.— Разговорчивый «хозяинъ чрезвычайно хвалилъ нѣкоторыхъ городскихъ «чиновниковъ, пріѣзжавшихъ сюда по дѣламъ службы, «за ихъ благосклонное съ нимъ обращеніе. Зыряне во«обще любятъ тѣхъ, кто не пренебрегаетъ вступать съ «ними въ разговоръ съ участіемъ о ихъ состояніи.— Я «пожалѣлъ, что на Вишерѣ часто случаются неурожаи, «отнимающіе почти возможность существованія; но они «нисколько ни жаловались на судьбу: «зато Богъ далъ «намъ лѣса, наполненные всякаго рода звѣрями и пти«цами,— и это составляетъ источникъ нашего продоволь«ствія и богатства», говорили они.— Дѣйствительно, «здѣшніе жители, послѣ Печорцевъ, лучшіе промышлен«ники: разсказывали, что весной того года жители этой «деревни убили вдругъ до 18 оленей и, по раздѣлу де«негъ, вырученныхъ отъ продажи шкуръ и языковъ, «досталась каждому значительная сумма на уплату пода«тей, кромѣ мяса, которое идетъ въ пищу. Крестьянинъ, «у котораго мы остановились, въ свое время бывалъ «отличный звѣроловъ: увѣряли сосѣди его, что онъ, «прошедшей зимой, случайно встрѣтившись въ ближнемъ «лѣсу, почти близь самой деревни, съ огромнымъ медвѣ«демъ, не вооруженный ничѣмъ, кромѣ топора, долженъ «былъ вступить съ нимъ въ борьбу, успѣлъ убить его, «и, взваливъ на плеча, принесъ домой. Казалось, такой «суровый образъ жизни неминуемо долженъ былъ имѣть «вліяніе на характеръ; но крестьянинъ, убившій медвѣ«дя, ни на минуту не выпускалъ съ колѣней маленькаго «внука, игралъ съ нимъ, какъ дитя, цѣловалъ его и «баловалъ до нельзя. Для удовольствія его не было у «дѣда ничего завѣтнаго, и если-бы маленькій внукъ собла«говолилъ, по шалости своей, вырвать глазъ у дѣда, то, «конечно, не могло быть важныхъ послѣдствій для пер«ваго. Мнѣ кажется, и эта черта чего ни будь да стоитъ «въ мужикѣ темномъ»....

До сихъ поръ мы представляли только свѣтлыя стороны предмета; но, въ видахъ безпристрастія, должны и оттѣнить его.

Вообще принято за правило обвинять Зырянъ *въ пристрастіи къ горячимъ напиткамъ;* но голословно. Только г. В. Аврамовъ какъ будто выставляетъ данныя, по которымъ можно судить о свойствахъ и степени развитія этого порока. Но какія-же это данныя? Онъ говоритъ напр., что въ праздничные дни всѣ кабаки въ зырянскихъ селеніяхъ бываютъ полны народа; что нѣкоторые крестьяне, не имѣя наличныхъ денегъ, пропиваютъ иногда разныя вещи; что на помочи идутъ охотнѣе изъ-за вина, нежели изъ-за денегъ; что въ Зырянскомъ краю пьютъ мужчины и женщины, иногда съ малыхъ лѣтъ; что на общественныхъ сходкахъ изъ за угощенія составляются несправедливые приговоры и т. п., и т. п. [261]); но развѣ подобныя явленія не встрѣчаются вездѣ въ Россіи, да и не въ одной Россіи?— Не отрицая существованія порока, мы смотримъ на него другими, не столь строгими глазами. Прежде всего замѣтимъ, что пьянство у Зырянъ есть порокъ пришлый, позаимствованный: въ языкѣ ихъ нѣтъ даже собственныхъ словъ для выраженія понятій о винѣ и пьяницѣ; одни лексикографы, т. е. изобрѣтатели небывалыхъ зырянскихъ словъ, ставятъ въ своихъ лексиконахъ противъ слова вино—«курыдъ», а противъ пьяницы—«курыдъ-юись», что буквально значитъ—«горькій» и «горькое пьющій» [262]). Положимъ, что и заносные пороки въ иныхъ мѣстностяхъ получаютъ еще большее и гибельнѣйшее развитіе, нежели тамъ, откуда они занесены; но о пьянствѣ Зырянъ этого сказать нельзя. Г. Михайловъ положительно увѣряетъ, что между ними нѣтъ отъявленныхъ пьяницъ, которые пропиваютъ послѣднюю копѣйку, и что они пьянствуютъ только во время праздниковъ [263]). Мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе г. Михайлова: не отрицая, какъ и онъ, наклонности Зырянъ къ пьянству, можетъ смѣло завѣрить, что этотъ порокъ у нихъ не доходитъ до гибельныхъ крайностей, какъ у Русскихъ,—можетъ быть не вслѣдствіе природной умѣренности, а вслѣдствіе особыхъ условій жизни. Можетъ-ли пьянство обратиться въ привычку у людей,

---

261) См. примѣч. 258. Здѣсь разъ навсегда замѣтимъ, что г. Аврамовъ, которого мы лично знали, какъ урожденецъ зырянскаго края и, если можно такъ выразиться, Зырянскій патріотъ, недружелюбно и въ увеличительное стекло смотрѣлъ на темныя пятна въ характерѣ своихъ земляковъ: ему хотѣлось, чтобы вовсе не было такихъ пятенъ. Напротивъ того писавшіе о Зырянахъ Русскіе, восхищаясь добрыми качествами ихъ, равнодушно относятся къ ихъ порокамъ, и даже иногда не замѣчаютъ ихъ.

262) См. примѣч. 243.

263) Тамъ-же.

которые понѣскольку мѣсяцевъ сряду, за цѣлыя сотни верстъ не только отъ кабаковъ, но и отъ ближайшихъ селеній, гоняются за звѣрями и птицами?— Говорятъ, что населеніе Удоры трезвѣе населенія другихъ мѣстностей, что тамъ даже помочи обходятся безъ вина [264]); но не потому-ли опять, что здѣсь полученіе вина сопряжено съ бо́льшими затрудненіями, чѣмъ гдѣ-нибудь.

Гораздо основательнѣе обвиненіе зырянскихъ дѣвицъ *въ недостаткѣ цѣломудрія*. Хотя изъ нравоописателей Зырянъ одинъ г. Аврамовъ упоминаетъ объ этомъ порокѣ; но фактъ не подлежитъ сомнѣнію. Мы ранѣе привели цифры, показывающія отношеніе числа законорожденныхъ къ числу незаконнорожденныхъ въ зырянскихъ и русскихъ уѣздахъ Вологодской губерніи, и, основываясь на нихъ, а также на нѣкоторыхъ другихъ соображеніяхъ, пришли къ заключенію, что равнодушіе къ цѣломудрію женщинъ принадлежитъ къ числу племенныхъ пороковъ Зырянъ. Теперь-же, не входя въ противорѣчіе съ самими-собой, отмѣтимъ не безъинтересный фактъ, что особенная распущенность имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ Зыряне перемѣшаны съ Русскими; этимъ порокомъ особенно славятся: городъ Устьсысольскъ, село Устьвымъ, Сереговскій заводъ, погосты Шежамскій и Кохвицкій, и дер. Айкинская.— Г. Аврамовъ говоритъ, что только на Удорѣ «хорошее поведеніе дѣвицъ достаточно уважается и цѣнится» [265]). Мы вѣримъ ему, хотя намъ лично извѣстны, можетъ быть случайныя, исключенія изъ правила.— Тотъ-же авторъ, говоря вообще о легкомъ взглядѣ Зырянъ на непорочность дѣвицъ, увѣряетъ, что онъ самъ былъ свидѣтелемъ, какъ одна обрусѣвшая Зырянка, за нѣсколько поднесенныхъ ей рюмокъ, сама предлагала къ услугамъ двухъ взрослыхъ своихъ дочерей [266]). Легкое поведеніе дѣвицъ ни мало не препятствуетъ выходу въ замужство, лишь-бы онѣ не были беременны и имѣли качества хорошихъ хозяекъ. Поэтому, забеременѣвшія обыкновенно отправляются въ Петербургъ и, разрѣшившись тамъ отъ бремени и пристроивъ ребенка, возвращаются домой, какъ ни въ чемъ не бывало.— Увѣряютъ, что замужнія Зырянки менѣе, нежели дѣвицы, склонны къ незаконному любострастію.

Есть люди, которые Зырянъ [267]), особенно мущинъ, упрекаютъ *въ лѣности* [268]). Намъ кажется страннымъ такой упрекъ: можно-ли считать лѣнивыми людей, которые переносятъ столько трудовъ, въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, въ трескучіе морозы, странствуя по глубокимъ снѣгамъ и развѣ для нихъ только проходимымъ лѣснымъ трущобамъ, и таская на себѣ въ то-же время съѣстные припасы и добычу? Можетъ быть и правда, что Зыряне небрежно обработываютъ поля; можетъ-быть, и имѣетъ какое нибудь значеніе поговорка «дышъ, да агзася» (лѣнь, да бороню): но равнодушіе ихъ къ хлѣбопашеству объясняется не лѣностью, а съ одной стороны тѣмъ, что это занятіе, въ глазахъ ихъ, принадлежитъ къ числу второстепенныхъ, а съ другой—тѣмъ, что труды земледѣльца во многихъ частяхъ Зырянскаго края рѣдко вознаграждаются. Искони звѣроловы, и только со вчерашняго дня плохіе земледѣльцы, Зыряне, естественно, всѣ свои надежды и стремленія сосредоточиваютъ на охотѣ, и на нее кладутъ всѣ силы, только досуги посвящая обработкѣ полей. Впрочемъ, и упрекъ въ равнодушіи къ земледѣлію едва-ли вполнѣ справедливъ: мы видѣли [269]), что Удорцы для того, чтобы ускорить наступленіе времени посѣва, свозятъ даже снѣгъ съ полей — трудъ, неизвѣстный въ другихъ мѣстностяхъ Россіи!

Еще страннѣе упрекъ въ невѣжествѣ [270]); любопытно знать: какими путями они могли просвѣтиться? Да еще остается вопросъ: много-ли опередили въ этомъ отношеніи Зырянъ ихъ русскіе сосѣди, не смотря на болѣе выгодное положеніе и т. п.?

Гораздо справедливѣе обвиненіе *въ сутяжничествѣ*. Едва-ли гдѣ въ Россіи этотъ порядокъ достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ въ Зырянскомъ краѣ. Составители просьбъ здѣсь пользуются такимъ-же почетомъ, какъ и колдуны. Зырянинъ, имѣющій дѣло, не смотря на то, правое оно или нѣтъ, всегда старается провести его черезъ всѣ возможныя инстанціи, подаетъ просьбы и жалобы всякому проѣзжающему чиновнику и вообще тянетъ его до тѣхъ поръ, пока не раззорится;—отсылая просьбы въ губернскія или столичныя мѣста, онъ старается класть пакеты въ почтовыя конторы не своего уѣзда, изъ опасенія, чтобы они не были умышленно скрыты или уничтожены.—Такой порокъ можно конечно объяснять невѣжествомъ; но мы болѣе склонны приписать его *мстительности*, — этому, по общему убѣжденію, природному свойству Зырянъ, — конечно, не безъ примѣси невѣжества и *подозрительности*.

Говорятъ, что Зыряне очень *вспыльчивы*, особенно въ пьяномъ видѣ [271]).

О нѣкоторыхъ другихъ будто-бы порокахъ, приписываемыхъ иногда Зырянамъ, каково напримѣръ пристрастіе подешевле купить и подороже продать,—мы считаемъ неумѣстнымъ распространяться [272]), какъ объ общечеловѣческой слабости, которую даже едва-ли можно назвать порокомъ.

---

264) См. примѣч. 258.

265) Тамъ-же.

266) Тамъ-же.

267) См. примѣч. 13.

268) Вол. Губ. Вѣд. 1859 г. № 21: «О главныхъ торговыхъ путяхъ изъ Вятской губерніи къ г. Архангельску и о торговыхъ пристаняхъ».

269) См. примѣч. 149.

270) См. примѣч. 13 и др.

271) См. примѣч. 258.

272) Тамъ-же.

ГЛАВА IX.

ЗЫРЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ И ПРОИЗВЕДЕНІЯ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Зырянскія грамматики.—Характеристика алтайскихъ языковъ.—Нарѣчія зырянскаго языка.—Его бѣдность.—Отзывы о его благозвучіи.—Переводы съ русскаго. — Народная поэзія.—Пѣсни. — Непонятное произведеніе зырянскаго слова. — Два образца зырянскаго словеснаго творчества.—Преданія.—Сказки.—Загадки.—Заключеніе.

Извѣстно, что произведенія словеснаго творчества принадлежатъ къ числу лучшихъ источниковъ для опредѣленія нравственныхъ свойствъ того или другаго народа; но для насъ такого источника не существуетъ: Зыряне не имѣютъ письменности и едва-ли есть у нихъ самостоятельныя словесныя произведенія ума и фантазіи.

Какъ ни малоизвѣстенъ этотъ народъ, какъ ни бѣденъ языкъ его, но и въ Россіи, и за границей нашлись люди, которые посвящали труды изученію послѣдняго. Сколько намъ извѣстно, издано пять Зырянскихъ грамматикъ: Флерова (С.-П.-бургъ, 1813 года), Шегрена (С.-П.-бургъ, 1832 г.), Габеленца (Альтенбургъ, 1841 г.), Кастрена (Гельзингфорсъ, 1844 г.) и Савваитова (С.-П.-бургъ, 1850 г.). Кромѣ того, въ Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ помѣщена прекрасная статья г. П. Куратова подъ заглавіемъ «Зырянскій языкъ»; но, къ сожалѣнію, она появилась въ столь мало распространенномъ изданіи и притомъ слишкомъ сжата: авторъ сказалъ далеко не все, чтобы онъ могъ сказать, будучи урожденцемъ Зырянскаго края и человѣкомъ образованнымъ. Это тѣмъ болѣе прискорбно, что всѣ до сихъ поръ изданныя зырянскія грамматики до крайности неудовлетворительны: общій недостатокъ ихъ заключается въ томъ, что составители ихъ старались втиснуть зырянскій языкъ въ несвойственныя ему формы языковъ европейскихъ.

Слѣдуя Видеманну, г. Куратовъ такъ характеризируетъ алтайскіе языки, къ числу которыхъ принадлежатъ финскіе и слѣд. зырянскій: корень и форма словъ имѣютъ самую слабую связь, такъ что окончанія напр. падежей могутъ быть разсматриваемы, какъ особыя самостоятельныя слова, или такъ называемыя послѣположенія; строеніе рѣчи однообразно при бо́льшемъ или меньшемъ разнообразіи корней и формъ; измѣненія-же формы разнообразны, но просты, и потому каждое алтайское нарѣчіе имѣетъ одно склоненіе и одно спряженіе; союзовъ не много; родовъ нѣтъ; при количественныхъ числительныхъ предметы ставятся въ единственномъ числѣ; языкъ богатъ производными глаголами и именами [273]). Мы замѣтимъ, при этомъ, что формы зырянскихъ глаголовъ необычайно богаты (даже частицы отрицанія спрягаются по временамъ, числамъ и лицамъ).

Видовыя особенности Зырянскаго языка мы не беремся обозначить; но должны замѣтить, что самъ онъ распадается на шесть нарѣчій: а) Сысольское, которымъ говоритъ около 19,000 человѣкъ; б) Печорское (2,000 чел.); в) Ижемское (Архангельской губерніи—7,000 ч.); г) Вашкинское или Удорское (10,000 чел.); д) Вычегодское (27,000 чел.) и е) Лузское (5,000 чел.). — Всѣ они отличаются одно отъ другаго главнымъ образомъ различнымъ произношеніемъ нѣкоторыхъ буквъ, напр.: «л» вмѣсто «в», «а» вмѣсто «о» и т. д. Г. Куратовъ Сысольское нарѣчіе признаетъ центральнымъ, потому что оно имѣетъ болѣе общихъ свойствъ со всѣми другими, нежели эти послѣднія. Кромѣ того въ г. Устьсысольскѣ существуетъ не нарѣчіе, а какая-то механическая смѣсь русскаго языка съ зырянскимъ: тамъ говорятъ рядомъ русскихъ словъ по зырянской грамматикѣ и произнося слова на зырянскій ладъ [274]).

Мы не разъ уже говорили, что зырянскій языкъ весьма бѣденъ словами. Хотя такъ называемые зырянскіе лексикографы надосугѣ и насчитываютъ до 70.000 словъ; но такую цифру слѣдуетъ считать произведеніемъ вольной фантазіи: изобрѣтенныя ими слова, по большей части, Зырянамъ непонятны или понимаются превратно, какъ напр. богиня—«йенъ—гётыръ»—выходитъ божія жена [275]).

Но въ то время; какъ одни навязываютъ зырянскому языку чуждое ему богатство, другіе слишкомъ строго судятъ о его благозвучіи. Такое мнѣніе обыкновенно или основывается не на существѣ дѣла, а на предвзятомъ убѣжденіи, что у грубаго, необразованнаго народа и языкъ долженъ быть грубый [276]), или вытекаетъ изъ того,

---

273) Вол. Губ. Вѣд. 1865 г. №№ 23, 27, 31 и 37 и 1866 г.—18 и 19-й: «Зырянскій языкъ».

274) Тамъ-же.

275) По примѣч. 174.

276) См. по примѣч. 85-му № 19.

что о благозвучіи языка судятъ не по живому говору, а по книгамъ, гдѣ зырянскіе звуки передаются русскими буквами. Русскія буквы совершенно неудобопримѣнимы къ зырянскимъ звукамъ [277]); Зыряне часто вовсе не понимаютъ зырянскихъ словъ, прочитанныхъ имъ по русской печати; есть слова, которыхъ, по печатному, почти невозможно выговорить, напр. додчзь, чжачжъ, дъінъ и т. п., тогда какъ, въ устахъ Зырянина, они не кажутся дикими для слуха. Другимъ [278]) не нравится, что многія гласныя Зыряне произносятъ при помощи гортани и ударяютъ на первомъ слогѣ рѣчи; но у всякаго свой вкусъ. Есть впрочемъ и защитники зырянскаго языка въ отношеніи благозвучія [279]). Одинъ изъ нихъ, г. К—нъ, для подкрѣпленія своего мнѣнія, привелъ нѣсколько примѣровъ: это рядъ стихотвореній, явно написанныхъ лицомъ, хорошо знакомымъ съ правилами русскаго стихосложенія, т. е. съ рифмами, съ размѣромъ и т. п.—Мы приводимъ одно, которое покороче. Оно называется «Томъ нывъ»—молодая дѣвица:

Шонды баной
Буръ таланой,
Муса, мича нывъ!
Ошкомъ окты
Зонъ мозъ йокты
Вильшась, серавъ, сьывъ!
Юрась думсо,
Вомась юмсо
Петкодъ томъ мортлысь
Медъ тэ борысь
Гажмась порысь
Сьоломъ гажодысь!
Югыдъ Шондъі
Долодъ Шонды
Ставъ Енвелтувсо!
Мичя ныло,
Мытсьывъ ми лы.
Кокньыдъ Оломсо [280])!

Благозвучно-ли это—пусть судятъ другіе—всякій по своему. Мы-же замѣтимъ только, что смыслъ приведеннаго стихотворенія едва-ли пойметъ Зырянинъ, незнакомый съ русскою поэзіею, особенно напр. выраженіе «юрась *думсо*—въ головѣ—думы», гдѣ корень слова «думсо» русскій.

Послѣ того, что ранѣе, въ главѣ IV, уже сказано о переводахъ на зырянскій языкъ русскихъ книгъ, распространяться объ этомъ предметѣ нечего. Повторяемъ, что это брошенные на вѣтеръ труды: это портреты, которыхъ не узнаютъ ни тѣ, съ кого они списаны, ни тѣ, пожалуй, кто ихъ писалъ и, во всякомъ случаѣ, никто другой, если внизу не сдѣлано подписи, что это изображенія такого-то и такого-то лица.

Обращаемся къ произведеніямъ такъ называемой народной словесности. Подъ этимъ названіемъ обыкновенно разумѣютъ народныя пѣсни, сказки и т. п. Но странное дѣло! Не смотря на то, что обнародовано множество замѣтокъ о Зырянахъ, что многія изъ лицъ, посѣщавшихъ Зырянскій край, и даже изъ природныхъ Зырянъ, печатали все, что имъ казалось замѣчательнымъ и незамѣчательнымъ,—мы не имѣемъ въ виду ни одного произведенія собственно зырянской поэзіи. Было порѣшено, что зырянской поэзіи не имѣется. Г. И. Куратовъ протестовалъ противъ такого рѣшенія, основываясь на латинской пословицѣ: гдѣ народъ—тамъ и поэзія; но къ оправданію своего убѣжденія не привелъ ни одного факта, хотя, если бы они были, никто не могъ-бы привести ихъ столько, какъ онъ. На помощь Г. Куратову пришелъ, всегда солидарный съ нимъ въ убѣжденіяхъ, г. К—нъ, и привелъ образцы зырянской поэзіи, какъ мы сейчасъ видѣли, нарочно придуманные: въ напечатанныхъ имъ стихотвореніяхъ зырянскія только слова, да и то не всѣ.—Мы приводимъ подлинный отзывъ о зырянскихъ пѣсняхъ г. Ю. Волкова, такъ какъ въ существѣ, онъ совпадаетъ съ нашимъ собственнымъ мнѣніемъ объ этомъ предметѣ: «Пѣсни поются почти каждымъ изъ недѣли-«мыхъ обоего пола. Но эти... пѣсни сложилъ не Зыря-«нинъ, а часто, даже очень часто, вы услышите пѣвца, «не понимающаго ровно ни одного слова изъ пѣсни, ко-«торую онъ поетъ цѣлый день... Что же это за пѣсни? «И какой это языкъ, ускользающій отъ филологіи? Это «просто русскія, по большой части солдатскія, пѣсни, «занесенныя на родину приходящими на побывку вои-«нами изъ Зырянъ, которыя усвоиваются ихъ родичами, «не понимающими ни слова по-русски, измѣняются въ «произношеніи, перепначивается ритмъ—и является фи-«лологическое чудо, котораго не понимаютъ ни слушаю-«щій, ни поющій... и поютъ съ большимъ удовольствіемъ. «Нѣтъ возможности прослѣдить сколько нибудь внима-«тельно эти изломанные, не подходящіе ни подъ какую «форму и не слѣдующіе никакой системѣ звуки, а по-«тому я приведу только одинъ примѣръ... Въ какой-то «пѣснѣ есть строфа: «солдатъ съ матерью остаются», «или можетъ быть слова другія, но смыслъ тотъ самый. «Солдатъ по-зырянски также, мать—«мамъ»... остаются—«кольдчены». Чтоже выходитъ въ устахъ Зырянина изъ «этой не замысловатой фразы?—«Солдатъ мамкодъ юста-«юста». Неугодно-ли понять?... Сомнительно! А между «тѣмъ дѣло очень просто: это русскій текстъ, измѣнен-«ный зырянскимъ языкомъ и толкомъ и, вслѣдствіе того, «потерявшій смыслъ. Здѣсь глаголъ «остаются» измѣнился «въ «юстаюста»,—и Зырянинъ поетъ, не стѣсняясь ни-«сколько, что ни самъ, ни слушатели ничего не пони-

---

277) Много было сдѣлано попытокъ въ послѣднее время примѣнить русскія буквы къ зырянскимъ звукамъ; почти всякій, кому приходилось записывать зырянскія слова, писалъ ихъ посвоему. Мы, не дѣлая такой попытки, будемъ для выраженій, записанныхъ другими, употреблять орѳографію авторовъ, а для выраженій, самими нами приводимыхъ, держаться орѳографіи г. Куратова.

278) Вол. Губ. Вѣд. 1854 г. № 32: «Замѣтки и впечатл. охотника по Вол. губерн.», г. Ю. Волкова.

279) Тамъ-же 1848 г. № 11: «Путев. замѣтки отъ г. Устьсысольско къ Вишерскому селенію», г. А. Попова.

280) Тамъ-же 1866 г. № 3: «Зырянскія пѣсни». Вотъ переводъ этой курьозной поддѣлки, сдѣланный самимъ г. К—мъ: «О, завидная «молодость и живость! Дѣвушка! Какъ парень, шали, пляши, смѣйся, «пой! Въ головѣ думы, на губы сладострастную улыбку выведи у «юноши! Пусть старый, глядя на тебя, почувствуетъ въ жилахъ преж-«нюю кровь, въ сердцѣ-прежнюю радость, сердце радующая!» Замѣтимъ, что этотъ переводъ, почему-то, очень вольный.

«маютъ» [281]). Мы ничего не можемъ прибавить къ этой «мѣткой характеристикѣ зырянской поэзіи; но признаемъ ошибочнымъ въ другомъ мѣстѣ [282]) сообщенное г. Ю. Волковымъ извѣстіе, будто пѣсни у Зырянъ есть и свои собственно, преимущественно сватебныя, но только не по Вычегдѣ и по Печорѣ, а на Удорѣ, Лузѣ и Сысолѣ, т. е. тамъ, гдѣ онъ, какъ намъ извѣстно, не былъ,—покрайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, когда напечаталъ статью, изъ которой мы сдѣлали выписку. Мы-же на Лузѣ и Сысолѣ были и о тамошнихъ пѣсняхъ сказали-бы тоже, что сказалъ г Волковъ о вычегодскихъ и печорскихъ.—Правда, мы не слыхали тамъ сватебныхъ пѣсенъ, но имѣемъ основаніе думать, что именно сватебныхъ—то пѣсенъ и не можетъ быть у Зырянъ собственныхъ своихъ; потому что всѣ брачные обряды, вся терминологія ихъ цѣликомъ взяты у Русскихъ, какъ это скоро увидимъ: между тѣмъ извѣстно, что сватебные обряды и пѣсни имѣютъ между собою тѣсную связь, что на сватьбахъ поется то, что дѣлается.—Мы знавали также нѣсколькихъ удорцевъ, любителей пѣть; но они пѣли или чисто русскія пѣсни, и именно солдатскія, называя ихъ питерскими, или передѣланныя изъ русскихъ.—Не вполнѣ также согласны мы съ г. Ю. Волковымъ и въ томъ, что зырянскія передѣлки русскихъ пѣсѣнь *никогда* не имѣютъ смысла. Намъ извѣстна имъ же записанная «Ивушка»: хотя въ ней есть нѣсколько русскихъ словъ, а складъ рѣчи совершенно русскій; но она, покрайней мѣрѣ, для Русскаго, знающаго по-зырянски, понятна [283]).

Но за то между Зырянами ходятъ такія вещи, такія диковинки, которымъ нѣтъ имени. Напр.

Модла полинъ	Макля бизимъ.	Кодъ буръ?
Панъ чынасе.	Кодъ макля?	Никиль буръ.
Кодъ панъ?	Джи макля.	Кодъ никиль?
Льокъ панъ.	Кодъ джи?	Ва никиль.
Кодъ льокъ?	Іоды джи.	Кодъ ва?
Бизимъ льокъ.	Кодъ іоды?	Эмъ-ва.
Кодъ бизимъ?	Буръ іоды.	Туполъ таполъ [284]).

Прежде всего, ни Зыряне, ни Русскіе ничего не понимаютъ въ этихъ словахъ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, напр. льокъ, іоды, буръ и ва чисто зырянскія, а эмъва—значитъ Вымь-рѣка; слѣд. къ какому роду словесныхъ произведеній принадлежитъ прописанное нами—неизвѣстно. Мы догадываемся только, что это рядъ послѣдовательныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, изъ которыхъ первые начинаются зырянскимъ «кодъ»—кто или что; но, можетъ быть, и въ этомъ ошибаемся.

На «Братчинѣ»—праздникѣ въ г. Устьсысольскѣ въ числѣ пѣсенъ есть какія-то въ родѣ зырянскихъ; но онѣ будутъ приведены послѣ [285]).

Кромѣ того мы знаемъ двѣ піесы, которыя одни [286])

---

281) Тамъ-же 1854 г № 51: «Замѣтки и впечатл. охотника по Волог. губ.», г. Ю. Волкова.

282) Въ той-же статьѣ того-же автора.

283) Здѣсь мы приводимъ зырянскую «ивушку» съ обратнымъ буквальнымъ переводомъ.

«Бадьэ, бадьэ! Мый гажтёмъ пукаланъ?
—Ивушка, Ивушка! Что невесело стоишь?
«Али тэныдъ, бадьэ, войтэлысъ тэлэ?
—Или тебя, ивушка, сѣверный вѣтеръ качаетъ!
«Войтэлысъ тэлэ, али иэрысъ зэрэ?
—Сѣверный вѣтеръ качаетъ, или градомъ сѣчетъ?
«Бадь вужьивъ тысь кöджидъ ва визывтэ?
—Ивушки корни озерной холодной водой подмываетъ?
«Мунысны, локтысны *маіоръ* гöтырьясъ;
—Ѣхали—поѣхали маіорскія жены;
«Кэралысь—кэ ная кыкъ пэлысь;
—Сдѣлали—то онѣ два весла;
«Кыкъ пэлысь,—коймöдесъ пыжэ.
—Два весла,—третью лодочку.
«Босьтасны—кэ ная мича нылэсъ;
—Взяли-то онѣ красную дѣвицу;
«Пуксисны—кэ ная самöй пыжэсъ шырэ
—Посадили-то онѣ (на) самую лодки средину:
«Нылъ-лэй, нылъ-лэй гажтёмъ пукаланъ?
—Дѣвушка, дѣвушка! (что) не весело сидишь?
«Али тэныдъ, нылъ-лэй, ацдъ, мамыдъ жаль?
—Али тебѣ дѣвушка, отца, матери жаль?
«Аидъ—мамыдъ жаль?—али чоидъ, вокъидъ жаль?
—Отца—матери жаль? Или сестры—брата жаль?
«Чоидъ—вокъидъ жаль? Али родъидъ—вужъидъ жаль?
—Сестры—брата жаль? Или роду—корня жаль?»

Есть и далѣе, но конецъ намъ неизвѣстенъ. Мы переводили буквально, за ничтожными исключеніями. Такъ напр. выраженіе «и зерысъ зэрэ», или правильнѣе «ій—зэрысъ зэрэ», еще точнѣе можно-бы перевести «ледянымъ дождемъ дождитъ» (градъ собственно по-зырянски «шэръ», а «ій»—ледъ, «зэръ»—дождь.).

284) Волог. Губ. Вѣд. 1859 г. № 6: «Зырянскія загадки и пѣсни», г. В. Ардашева.

285) См. въ главѣ XI.

286) См. примѣч. 284 Вотъ Зырянскій текстъ записаной г. Ардашевымъ, какъ онъ выражается, пѣсни, подстрочный переводъ которой помѣщается въ текстѣ:

Рой, рой, рой! Кытче вэтлын?
» » » Кытче мунан? *)
—Вöлэс корсны
Кучэм тэнад вöлыд?
—Лыса кымэса.
Рой, рой, рой! Кытче вэтлын? и пр.
Мöскöс корсны.
Кучэм тэнад мöскыд?
—Сура мöс.
Рой, рой, рой! Кытчэ вэтлын? и пр.
—Ыжос корсны.
Кучэм тэнад ыжыд?
—Німыс камбалъ.
Рой, рой, рой! Кытче вэтлын? и пр.
—Межöс корсны.
Кучэм тэнад межыд?
—Зарни сура.

(*) „Кытче ветлынъ“ значитъ—куда ходилъ?, а „Кытче мунан“—куда идешь? Въ печатаемомъ въ текстѣ переводѣ мы помѣстили только первую фразу, а послѣднюю и здѣсь будемъ, для краткости, пропускать въ слѣдующихъ за начальною строфахъ, такъ какъ обѣ онъ повторяются однообразно до самой послѣдней включительно.

называютъ пѣснями, а другіе [287]), сказками; но это не пѣсни,—потому что не поются, и не сказки,—судя по содержанію.

1.

Рой, Рой! Куда ходилъ?—Лошадь искать.
Какая у тебя лошадь?—Пятнолобая.
Рой, Рой! Куда ходилъ?—Корову искать.
Какая у тебя корова?—Рогатая.
Рой, рой! Куда ходилъ?—Овцу искать.
Какая у тебя овца?—Кличка ей «Камбалъ».
Рой, рой! Куда ходилъ?—Барана искать.
Какой у тебя баранъ?—Золоторогій.
Рой, рой! Куда ходилъ?—Свинью искать.
Какая у тебя свинья?—Съ золотой щетиной.
Рой, рой! Куда ходилъ?—Собаку искать.
Какая у тебя собака?—Съ сорочьими глазами.
Рой, рой! Куда ходилъ?—Пѣтуха искать.
Какой у тебя пѣтухъ?—Шахматносѣрый (?)
Рой, рой! Куда ходилъ?—Курицу искать.
Какая у тебя курица?—Конопляно-сѣрая.
Рой, рой! Куда ходилъ?—Жену искать.
Какая у тебя жена?—Красавица въ красномъ сарафанѣ.

2.

«Дѣвица (есть эпитетъ, но непонятный)! Пойди за меня за мужъ! Пойди, пойди, пойди!—Не пойду, не пойду, не пойду: уже очень ты *пучеглазъ* [288]).

«Дѣвица! Пойди за меня за мужъ! Пойди, пойди, пойди!»—Не пойду, не пойду, не пойду: ужь очень у тебя кривы ноги. «Искривились онѣ у меня отъ долгой ходьбы, отъ скаканья черезъ толстыя колоды.»

«Дѣвица и т. д.»!—Ужъ очень ты горбатъ! «Нажилъ я себѣ горбъ, таская тяжелыя ноши».

«Дѣвица и т. д.»!—Очень далеко отъ тебя за сѣномъ ходить. «У меня путь за сѣномъ около болота, гдѣ кокаютъ куропатки».

«Дѣвица и т. д.»!—Далеко отъ тебя за водой ходить. «Отъ меня за водой ходить къ ручейку, гдѣ рябчики посвистываютъ.»

«Дѣвица и т. д.»!—Изба твоя совсѣмъ не покрыта. «У меня изба толстымъ облакомъ покрыта».

«Дѣвица и т. д.»!—Клѣть твоя совсѣмъ безъ крыши. «Клѣть моя сѣрымъ облакомъ покрыта».

«Дѣвица и т. д.»!—И огороды-то у тебя совсѣмъ не забраны. «У меня огороды вѣтромъ забраны».

«Дѣвица и т. д.»!—Вѣдь я умру когда нибудь.—«Тогда и я умру возлѣ тебя».

Лишь здѣсь, въ этихъ, по всей вѣроятности, самостоятельныхъ произведеніяхъ зырянскаго слова, чуется скудная поэзія. Посмотримъ теперь на преданія и сказки.

Преданій историческаго содержанія у Зырянъ очень мало, и, при этомъ, они относятся преимущественно ко времени св. Стефана (послѣ 1376 г.). Всѣ другія или безсодержательны или искажены лицами, ихъ записав-

---

Рой, рой, рой! Кытче вэтлын? и пр.
—Порсэс корсны.
Кучэм тэнад порсінд? и пр.
—Зарни щіота.
Рой, рой, рой! Кытче вэтлын? и пр.
—Понмöс корсны.
Кучэм тэнад понмыд?
—Кача сина.
Рой, рой, рой! Кытче вэтлын? и пр.
—Пэтукöс корсны,
Кучэм тэнад пэтукыд?
—Шакмот сера.
Рой, рой рой! Кытче вэтлын? и пр.
—Тчипанöс корсны.
Кучэм тэнад тчипаныд?
—Контус сера.
Рой рой рой! Кытче вэтлын? и пр.
—Бабаöс корсны.
Кучэм тенад бабаыд?
—Лока митчя, гордъ дубника.

287) Волог. Губ. Вѣд. 1863 г. № 37: «Зырянскія сказки», г. Обрусѣвшаго Зырянина. Обрусѣвшій Зырянъ обнародовалъ варіантъ приведенной въ предъидущемъ примѣчаніи пѣсни, которую онъ называетъ сказкою. Сказка г. Обрусѣвшаго Зырянина отличается отъ пѣсни г. Ардашева: во 1-хъ болѣе обрусѣвшею начальною строкою каждой строфы: здѣсь, вмѣсто чисто зырянской фразы «кытче вэтлынъ?» значится «да кытче-же вэтлынъ?»; во 2-хъ она короче: здѣсь нѣтъ плеоназма, т. е. второй строки въ каждой строфѣ «кытче мунанъ?» и Рой не ищетъ овцы, собаки и жены; и въ 3-хъ здѣсь корова не рогатая, а широколобая (мылкья кымэса), пѣтухъ—не шахматносѣрый, а съ гребешкомъ на боку (полосъ сорса). Вотъ и вся разница.

288) Послѣдняя пѣсня по зырянски начинается выраженіемъ: «Чуръ «бöжъ нылоі». Это выраженіе непереводимо; потому что слово «Чуръ» неизвѣстно; а «бöжъ» значитъ хвостъ и «нылоі», по нашему, дѣвица (въ звательномъ падежѣ). Пучеглазъ—глаза на выкатѣ не нравятся Зырянкѣ. Первая пѣсня явно изображаетъ Зырянина, пользующагося всѣми житейскими благами, у котораго домъ полная чаша; а вторая—безпріютнаго, забитаго судьбою бобыля. Вотъ зырянскій текстъ послѣдней:

Чур бöж нылоі! Чабанöі, чабанöі!
Мэ саіо тэ мун тэ! Мун, мун, мун!
Ог мун, ог мун, ог мун:
Лока таі тэнад синмыд кырыша.
Чур бöж нылоі! Чабанöі, чабанöі!
Мэ саіо тэ мун тэ! Мун. мун, мун!
Ог мун, ог мун, ог мун:
Лока таі тэнад баріола ковыд
— Куз туі сö муныгöю мэнам баріовтчіс
— Кыз кöлöдавыдты воскековтогöн.
Чур бöж нылоі и т. д. до конца 3 строки «мун:»
Лока таі тэныд кардія коскыда!
— Мэнам, вэд, таіа кард'іас, ыджид нöбнöбалыгöнъ.
Чур бöж нылоі и пр.
Лока таі тэнад турын туіыд ылынъ.
— Мэнам, вэд, турын туіыд, баідог баксан пур дорын.
Чур бöж нылоі и т. д.
Лока таі тэныд вала туіыд ылын.
— Мэнам, вэд, вала туіпс сола чипсан іол' дырын.
Чур бöж нылоі и т. д.
Лока таі тэнад керкаыд вевтомъ.
— Мэнам, вэд, керкаыс вевтöма кыс кымöрöн.
Чур бöж нылоі и т. д.
Лока таі тэнад кумыд вевтом.
— Мэнам, вед, кумыс сера кымöрöн вевтома.
Чур бöж нылоі и т. д.
Лока таі тэнад поскыд абу почема.
— Менам, вед, поскыс тöлаон почема.
Чур бöж нылоі и пр.
— Мэ вед, кöркö и кула.
Ме, вед, тэ дынö-же кула.

шими, какъ напр. о Ягъ-мортѣ [289]). Вообще зырянскія преданія привязаны преимущественно къ рѣкамъ и рѣчкамъ, что и понятно: рѣки составляютъ многое для Зырянина: это пути сообщеній, мѣста остановокъ при промыслахъ.—Преданія о Чуди, какъ о народѣ чуждомъ Зырянамъ, русскаго происхожденія, о чемъ мы уже говорили въ гл. III.

Зыряне очень любятъ слушать и разсказывать сказки. Но къ сожалѣнію ни одной изъ нихъ не записано. Впрочемъ и сказки, по большой части, не суть произведенія зырянскаго вымысла, и онѣ переняты отъ Русскихъ: даже манера разсказывать ихъ русская. Надобно замѣтить, что собственно въ зырянскихъ сказкахъ человѣкъ никогда не является дѣйствующимъ лицомъ, а только звѣри и птицы говорятъ и дѣйствуютъ [290]). Впрочемъ мы не ручаемся за достовѣрность послѣдняго извѣстія, такъ какъ позаимствовали его отъ одного лишь лица, наблюдавшаго только Печорскихъ Зырянъ. Г. Ю. Волковъ пишетъ также, что Зыряне разсказываютъ сказки непремѣнно стоя. Есть у Зырянъ и загадки. Для образца приведемъ ихъ нѣсколько:

«Кузь, кузь мужикъ, да порсьлышетъ эдзисъ озъ»—«Великъ, великъ мужикъ, а свиньѣ до лодыжки не достанетъ». Это значитъ дорога.

«Пу юра, кудель кынома, изъ кöка»—«Деревянная голова, кудельное брюхо, каменныя ноги». Это—неводъ.

«Быдъ керкаынъ—летэмъ вурынъ»—«Во всякой избѣ есть битая шерсть»—Это—дымъ.

«Ваись чужö, біинъ быдмö, ваеже и кулö»—«Въ водѣ родится, въ огнѣ растетъ и въ водѣ умираетъ»—Это—соль.

«Комынъ вокъ куланы, öтикъ юрлэсъ вылынъ»—«30 братьевъ лежатъ на одной подушкѣ». Это—потолокъ.

«Энъ колö гöгöръ адзянъ, а юръ гöгöръ огъ адзи»—«Все Богомъ данное видитъ, а головы своей не видитъ». Это—глаза [291]).

Замѣчательно, что даже и загадки у Зырянъ, какъ намъ кажется русскаго происхожденія, по крайней мѣрѣ форма ихъ русская, что особенно бросается въ глаза въ первой изъ сейчасъ приведенныхъ; «Кузь—кузь мужикъ, да» и т. д. Остроуміе-же ихъ, можетъ быть, чисто зырянское.

Изъ всего сказаннаго видно, что Зыряне любятъ пѣть, хотя и чужое, очень любятъ слушать и разсказывать сказки: это фактъ, свидѣтельствующій, что они одарены поэтическими наклонностями. Поэтому мы думаемъ, что если искатели зырянской поэзіи и не находятъ ея тамъ, гдѣ ищутъ, т. е. въ пѣсняхъ, сказкахъ и т. п., то это отъ того, что она выражается въ другихъ, для насъ не понятныхъ, формахъ.

ГЛАВА X.

ВѢРОВАНІЯ И ПРЕДРАЗСУДКИ ЗЫРЯНЪ.

Характеръ зырянскихъ вѣрованій.—Лѣшій.—Водяной.—Кикимора.—Домовой.—Сусѣдко.—Овинный.—Банный.—Ортъ.—Колдуны.—Еретники.—Чакидчысь.—Порча.—Вѣдьмы.—Гаданья.—Предразсудки.—Объясненія явленій природы.

Народныя вѣрованія, какъ произведенія фантазіи, принадлежатъ также къ области поэзіи.

Замѣчательно, что здѣсь вліяніе русской народности и русскаго міросозерцанія еще сильнѣе и рѣшительнѣе, нежели въ области словеснаго творчества. На всѣхъ вѣрованіяхъ и предразсудкахъ Зырянъ лежитъ только легкій оттѣнокъ особенности и самобытнаго творчества и, вообще надобно замѣтить, что всѣ они осязательнѣе, живѣе, нежели русскія: у Зырянъ больше лѣшихъ, водяныхъ и т. п.; нечистыя силы чаще являются человѣку и имѣютъ на него болѣе сильное вліяніе.

Лѣшій, *лѣшакъ*, въ зырянскомъ переводѣ Вöрса (лѣсной). Лѣшіе живутъ въ лѣсахъ, хотя очень часто выходятъ и на открытыя мѣста; у нихъ есть домы и хозяйство [292]). Это хотя и нечистыя силы, но въ существѣ не злыя: лѣшіе любятъ только подшутить надъ человѣкомъ, правда, иногда зло. Такимъ шуткамъ подвергаются обыкновенно тѣ, которые выходятъ изъ дому, особенно въ лѣсъ, не перекрестясь. Этимъ людямъ лѣшіе являются въ видѣ знакомыхъ, заводятъ съ ними

---

289) См. примѣч. 81.

290) См. примѣч. 281.

291) См. примѣч. 284.

292) Волог. Губ. Вѣд. 1859 г. № 4: «Очертаніе демонологіи Зырянъ», г. І. Попова.

разговоры, часто просятъ понюхать табаку, — и, между тѣмъ, заводятъ ихъ въ какую нибудь лѣсную трущобу, пустырь, незнакомое мѣсто и т. д. — Человѣкъ приходитъ въ себя и опознаетъ мѣсто, куда заведенъ, только тогда, когда, догадавшись, что это шутка лѣшаго, перекрестится. Въ такомъ случаѣ лѣшій съ хохотомъ удаляется, принимая свой обыкновенный видъ, т. е. выше лѣсу, и кричитъ: «а, догадался!» Хохотъ его страшно громокъ и производитъ эхо. Когда человѣкъ въ позднюю пору кричитъ, то лѣшій, въ шутку, въ видѣ эха, повторяетъ его слова. Случается также, когда мать проклянетъ ребенка, то лѣшій уноситъ его, и вмѣсто него оставляетъ другаго, большеголоваго, уродливаго. Поэтому такія дѣти и называются *обмѣнами* [293]). Лѣшіе, тоже въ видѣ шалости, раздуваютъ на пожарахъ огонь. Они производятъ вихорь, который есть ничто иное, какъ движеніе воздуха отъ быстрой ходьбы ихъ. Поэтому, если кому хочется увидѣть лѣшаго, то, во время вихря, онъ долженъ посмотрѣть въ сторону его, промежъ ногъ и сквозь распяленные ручные пальцы. Что лѣшіе не имѣютъ злостнаго желанія вредить человѣку, это доказывается тѣмъ, что они во время войны являются на мѣстахъ сраженій и всегда становятся на сторону *нашихъ*. Лѣшихъ очень много; они ходятъ иногда толпами. Проказничаютъ же они преимущественно на Воздвиженьевъ день [294]).

Водяной, въ зырянскомъ буквальномъ переводѣ — Васа, а собственно по зырянски *Куль*. Постоянное мѣсто жительства водяныхъ — вода, и именно глубокіе и темные омуты въ рѣкахъ и озерахъ. Это положительно злобныя существа, которыя пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы погубить не только человѣка, но и животное. На войнѣ они держатъ сторону непріятелей.—Особенно опасны они для тѣхъ, кто купается въ позднюю пору, и не перекрестясь; но, и при послѣдней предосторожности, Зырянинъ еще не считаетъ себя безопаснымъ: когда пускается черезъ рѣку въ бродъ, онъ всегда бросаетъ водяному какую-нибудь щепку, камешекъ и т. п. Водяные также, какъ и лѣшіе, живутъ семействами и хозяйствомъ, даже держатъ коровъ. Они непріятны на видъ, голосъ ихъ отвратительный; чертовокъ не рѣдко видаютъ, когда онѣ, выходя на берегъ, расчесываютъ большимъ гребнемъ длинные, мокрые волосы [295]).—Дѣти ихъ сначала имѣютъ неопредѣленную форму, мохнатую фигуру и уже съ теченіемъ времени принимаютъ видъ человѣка. — Водяные выходятъ изъ воды на Крещенье, и тогда называются «*куття-васа*» или «*куття-дадда*» отъ слова кутья, которую Зыряне обыкновенно приготовляютъ въ Рождественскій и Крещенскій сочельники [296]).

Кикимору Зыряне называютъ иногда *Титимера*, конечно, искажая русское слово. Кикиморы поселяются въ домахъ старыхъ, развалившихся, но иногда и въ новыхъ. Въ послѣднемъ случаѣ ихъ напускаютъ плотники, по неудовольствію на хозяевъ за дурное угощеніе во время работъ [297]). Напускаютъ ихъ иногда и колдуны. Въ иныхъ мѣстахъ они принимаютъ видъ безобразныхъ старухъ и молодыхъ дѣвицъ, кошекъ и свиней [298]); а въ другихъ—видъ большихъ мохнатыхъ и уродливыхъ куколъ съ отвратительною физіономіей. — Хотя онѣ и не опасны для жизни человѣка, но чрезвычайно безпокойны: по ночамъ бьютъ посуду, пугаютъ куръ, жалобно стонутъ въ подвалахъ, производятъ стукъ и свистъ въ стѣнахъ дома, неистово кричатъ на разные голоса, стаскиваютъ съ сонныхъ одѣяла; однимъ словомъ столько дѣлаютъ непріятностей хозяевамъ, что послѣдніе часто переселяются въ новые домы. Г. Аврамовъ увѣряетъ, что онъ самъ видѣлъ много такихъ домовъ въ Яренскомъ уѣздѣ; а г. І. Поповъ, что зналъ крестьянина, который сильно каялся въ томъ, что не успѣлъ во время постройки дома поладить съ плотниками.

Зыряне вѣрятъ въ *домовыхъ* и *сусѣдковъ*; но часто смѣшиваютъ ихъ. Собственно *домовой* живетъ въ домѣ. Это существа, хотя и нечистыя, но добрыя. Они представляются или въ видѣ старичковъ, или въ видѣ небольшихъ мохнатыхъ животныхъ. Иногда они душатъ сонныхъ, и тогда ихъ спрашиваютъ: «къ худу или къ добру», и получаютъ отвѣты. Передъ какимъ нибудь особеннымъ несчастіемъ въ домѣ: передъ пожаромъ, смертью и т. п. они душатъ домохозяевъ и иногда дѣлаютъ очень явныя предсказанія.

Сусѣдки живутъ въ скотскихъ дворахъ. Они заботятся о домашнихъ животныхъ,—коровахъ и лошадяхъ; но любятъ извѣстный цвѣтъ и преслѣдуютъ скотину другихъ цвѣтовъ. Любимымъ животнымъ вьютъ гривы, перетаскиваютъ имъ кормъ отъ другихъ, даже изъ чужихъ клѣвовъ и конюшенъ; нелюбимыхъ-же всячески изнуряютъ: на лошадяхъ по ночамъ ѣздятъ и даже забиваютъ ихъ подъ ясли. Поэтому Зырянинъ, при покупкѣ скота, обращаетъ прежде всего вниманіе на цвѣтъ шерсти его. Когда-же замѣтитъ, что то или другое животное, безъ всякой видимой причины, чахнетъ, старается сбыть его въ другія руки, — и покупатели не боятся пріобрѣсти его, на томъ основаніи, что если оно *не пришлось по нутру* одному сусѣдкѣ, то можетъ понравиться другому. Если кто хочетъ выгнать сусѣдку или домоваго, то употребляется трава «*плакунъ*» [299]).

---

293) Тамъ-же № 34: «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйств. бытъ», г. В. Аврамова.

294) См. примѣч. 292.

295) См. примѣч. 293.

296) См. по примѣч. 294, Вол. Губ. Вѣд. № 5.

297) См. примѣч. 292.

298) См. по примѣч. 293, Волог. Губ. Вѣд. № 6.

299) См. примѣч. 202.

Овинный, въ Зырянскомъ переводѣ *рынышъ*. Это злое существо, котораго Зыряне очень боятся; но подробныхъ разсказовъ о свойствахъ его нѣтъ.

Банные злѣе всѣхъ нечистыхъ. Людей, которые рѣшаются мыться въ банѣ одни, особенно вечеромъ или ночью, или отправятся въ нее не благословясь, они запариваютъ до смерти, запихиваютъ подъ полки и въ печки (подъ каменки), а иногда обдираютъ съ нихъ кожу. Банныхъ представляютъ въ красной шапочкѣ [300]).

Изъ всѣхъ вѣрованій этого рода едва-ли не одно только собственно зырянское: это вѣрованіе въ *Орта*. Г. І. Поповъ утверждаетъ, что его нѣтъ не только у русскихъ сосѣдей, но и у близкихъ соплеменниковъ Зырянъ—Пермяковъ и Вотяковъ [301]). Поэтому мы съ возможною полнотою передадимъ все, что намъ извѣстно объ ортѣ.

Г. Н. Куратовъ говоритъ, что это слово значитъ *духъ* [302]) и что отъ соединенія его со словомъ «му»—земля, образовалось слово «мортъ»—человѣкъ. Зыряне думаютъ, что ортъ обитаетъ въ воздухѣ и у каждаго человѣка свой, особенный. Лишь только появится на свѣтѣ младенецъ, къ нему приставляется ортъ. Онъ иногда принимаетъ тѣлесную форму и является родственникамъ, друзьямъ и знакомымъ человѣка, близкаго къ смерти. Для этого выбираетъ преимущественно ночное время и имѣетъ при себѣ синій огонекъ. Если онъ предвѣщаетъ своимъ появленіемъ смерть хозяйки дома, то перебираетъ лопаты, хозяина—то рубитъ что нибудь, ребенка—то рѣзвится; однимъ словомъ, принимается за занятія того человѣка, которому предстоитъ умереть.—Кромѣ предсказаній смерти, обязанность орта состоитъ въ томъ, чтобы онъ обошелъ всѣ мѣста, которыя, при жизни, посѣтилъ умершій. Поэтому Зырянинъ, побывавшій вдали отъ родины и возвратясь домой, хвастается землякамъ: «Ортъ туй-тö тали-жö», т. е. сдѣлалъ-же я дорогу орту! Одна старуха разсказывала г. І. Попову, что въ ночь, когда умеръ ея отецъ, жившій отъ нея въ 130 верстахъ, къ ней явился ортъ его и, по обыкновенію покойнаго, постучавшись въ четыре пріема палкой подъ окномъ, исчезъ. — Ортъ считается добрымъ духомъ [303]).

Передавши фактъ со всѣми извѣстными намъ подробностями, мы не пускаемся въ объясненія по поводу его; но считаемъ нужнымъ замѣтить, что и въ Зырянскомъ краѣ вѣрованіе въ орта едва-ли распространено повсюду. Не говоря уже о томъ, что сами мы ничего о немъ не слыхали, г. Аврамовъ,—урожденецъ Яренскаго уѣзда и почти постоянный житель его,—съ мельчайшими, часто излишними подробностями, передавшій всѣ другія вѣрованія, ни слова не говоритъ объ ортѣ [304]). Г. К-нъ, житель Устьсысольска, смѣшиваетъ его съ домовымъ; слѣд. не имѣетъ яснаго объ немъ понятія [305]).

Мы уже ранѣе говорили, что въ Зырянскомъ краѣ *колдуновъ* очень много, и что изъ нихъ удорскіе пользуются большою славою. Понятіе Зырянъ о колдунахъ тоже, что и у Русскихъ: они предсказываютъ будущее; въ случаѣ какой нибудь потери, указываютъ гдѣ найдти потерянное; заговариваютъ болѣзни; напускаютъ порчу и выгоняютъ ее; предохраняютъ сватьбы отъ заговоровъ своихъ собратій; заговариваютъ ружья охотниковъ, чтобы тѣ хуже стрѣляли; не чувствуютъ боли при тѣлесныхъ наказаніяхъ; привораживаютъ дѣвицъ къ молодымъ людямъ и т. д. и т. д. Колдуновъ распознаютъ по тому, что они не ходятъ въ церковь и въ глазахъ ихъ все представляется вверхъ ногами.— Вѣра въ колдуновъ у Зырянъ несравненно сильнѣе, чѣмъ у Русскихъ: разсказы о ихъ продѣлкахъ чрезвычайно многочисленны; ни одна сватьба не можетъ обойдтись безъ колдуна, чтобы весь поѣздъ не обратился въ волковъ. Зыряне часто, снимая съ этихъ звѣрей шкуру, находятъ подъ ней человѣческое платье—признакъ, что это оборотни.

Колдуновъ Зыряне называютъ *Еретниками* (отъ Русскихъ). Какъ ни зловредны живые колдуны—еретники, но мертвые еретники-чакöдчысь еще хуже. Эти послѣдніе, еще при жизни продавшіе душу дьяволу, не имѣютъ покоя и по смерти: каждую ночь бродятъ они по свѣту и надоѣдаютъ своимъ родственникамъ просьбами, чтобы тѣ по чаще служили по нихъ панихиды, поминали ихъ души и т. д. Въ Великій Четвергъ они грызутъ на колокольняхъ колокола, чтобы удачнѣе портить людей [306]). Для того, чтобы мертвые еретники не вставали изъ могилъ, имъ слѣдуетъ вбивать въ спину осиновый колъ, что, впрочемъ, на самомъ дѣлѣ не исполняется [307]).

Порча—шева, хотя и напускается колдунами, но какъ существо самобытное, особое, она, до входа въ человѣка, имѣетъ видъ бабочки изъ породы жуковъ. Припадки порчи тѣ же, что и у Русскихъ.

Вѣдьмы—это старухи-колдуньи, иногда принимающія видъ сорокъ. Онѣ портятъ животныхъ и людей, навязываютъ килы и напускаютъ болѣзни. Онѣ, какъ и еретники, въ Великій Четвергъ грызутъ колокола и каждую ночь, до пѣтуховъ, слоняются по деревнямъ, конечно, не съ доброю цѣлью.

---

300) Волг. Губ. Вѣд. 1859 г. № 51: «Изъ неизданныхъ замѣтокъ о Зырянскомъ краѣ».

301) См. примѣч. 292.

302) Волог. Губ. Вѣд. 1865 г. № 37: «Зырянскій языкъ».

303) См. примѣч. 292.

304) Волог. Губ. Вѣд. 1859 г: «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйственный бытъ».

305) См. примѣч. 280.

306) См. примѣч. 300.

307) См. примѣч. 293.

Не одни колдуны, а и всѣ Зыряне занимаются гаданьями: гадаютъ въ карты; грамотные имѣютъ сонники, а неграмотные сами толкуютъ сны, чему и посвящаютъ часть утра, вставъ съ постели. О Святкахъ смотрятся въ зеркало, кладутъ на ночь въ изголовье карты, топятъ воскъ, льютъ свинецъ, морозятъ въ ложкахъ воду, подслушиваютъ подъ окнами сосѣдей, на перекресткахъ, на прорубяхъ, у овиновъ, бань и церковныхъ дверей. Звонъ колокольчиковъ при этомъ и лай собакъ предвѣщаютъ сватьбу, и т. д.

Чтобы хозяйственныя дѣла въ теченіи года шли успѣшно, Зыряне стараются въ Великій Четвергъ переработать всѣ работы: женщины бросаются то къ веретену, то къ шитью, то чесать ленъ; а мужчины исполняютъ всѣ мужскія работы и считаютъ деньги.

Вечеромъ на Ивановъ день парятся въ банѣ вѣниками, въ которые ввязывается купальница и вѣтки рябины, для уничтоженія всякой нечистоты. Послѣ того этотъ вѣникъ, какъ нечистый, бросается или въ потаенное мѣсто, или въ рѣку. Въ послѣднемъ случаѣ смотрятъ, поплыветъ онъ или потонетъ; если потонетъ т. е. его схватитъ *кулъ* (водяной), то это предвѣщаетъ смерть, и на оборотъ [308]). Тотъ, кто желаетъ удачи на промыслахъ, долженъ въ Христовскую Заутреню на первый возгласъ священника «Христосъ Воскресе!» вмѣсто обычнаго отвѣта «Воистину Воскресе!» назвать какого нибудь цѣннаго звѣря, рыбу и т. п.

Если отправляясь на охоту, при выходѣ изъ дому Зырянинъ встрѣтитъ женщину, духовную особу, кошку или увидитъ какую-нибудь зловѣщую птицу, напр. ворона, сороку и т. п., то это считаетъ дурнымъ предзнаменованіемъ, возвращается домой и, помолясь Богу, снова пускается въ путь.

Появленіе въ деревняхъ бѣлокъ и выходъ изъ домовъ таракановъ предвѣщаютъ пожары.

Если хозяинъ дома, проснувшись поутру, не найдетъ въ рукомойникѣ воды, то наступающій день считаетъ несчастнымъ.

Умершій съ открытыми глазами предвѣщаетъ новаго покойника.

Зыряне знаютъ траву-силу и траву-невидимку. Они знаютъ также клады. Это сокровища, зарытыя древней Чудью. На такихъ мѣстахъ иногда показываются огоньки. Самые клады выходятъ наружу въ видѣ разныхъ животныхъ, и въ такомъ случаѣ ихъ просто взять: стоитъ только ударить наотмашь рукою. Чтобы взять невыходящіе клады, надобно знать заклинанія.

Картофель считается нечистымъ, потому что изъ него высиживаются ящерицы. Мыло тоже, потому что превращается въ лягушекъ. Распространеніе табаку и чаю предвѣщаетъ кончину міра. Но несмотря на то Зыряне курятъ и нюхаютъ табакъ, ѣдятъ картофель, пьютъ чай и моются мыломъ [309]).

Громъ и молнія созданы для того, чтобы поражать нечистыхъ и поэтому гроза собирается тогда, когда они начинаютъ дѣлать много зла. Въ это время все множество зырянскихъ лѣшихъ, водяныхъ и т. д. приходитъ въ ужасъ; считая себя не безопасными въ своей стихіи, они прячутся гдѣ попало: лѣшій лѣзетъ въ воду, водяной взбирается на дерево, овинный забирается въ клѣвъ и т. д. Иные прячутся даже за людей и въ животныхъ: отъ этого-то громъ поражаетъ иногда человѣка и животныхъ. Такъ какъ нечистые могутъ забраться и въ домъ, то Зыряне, при наступленіи грозы, стараются заткнуть въ немъ всѣ отверстія, чтобы предупредить пожаръ отъ молніи [310]) По той-же причинѣ, во время грозы, они не прячутся подъ осины, какъ деревья нечистыя (на осинѣ повѣсился Іуда), а предпочитаютъ сосну, ель и др. [311]).

Громъ происходитъ отъ того, что Илья Пророкъ ѣздитъ по небу на огненной колесницѣ. — Облака — жидкость, въ родѣ киселя: ихъ часто находятъ на землѣ. Кометы предвѣщаютъ войну.

ГЛАВА XI.

ДОМАШНІЙ БЫТЪ И ОБЫЧАИ.

Распредѣленіе народонаселенія; величина и наружность деревень.—Городъ Устьсысольскъ.—Постройки.—Одежда.—Пища.—Родины.—Воспитаніе.—Браки.—Похороны.—Праздники.—Увеселенія.—Братчина.—Бани.

Все населеніе Зырянскаго края размѣщено исключительно по берегамъ большихъ рѣкъ: Вычегды съ притоками ея Вишерою, Сысолою и Вымью, Печоры, Лузы и Мезени съ Вашкою. Селенія преимущественно боль-

308) См. примѣч. 300.
309) См. примѣч. 293.
310) См. примѣч. 300.
311) См. примѣч. 234.

шія [312]) и иногда тянутся на нѣсколько верстъ. Такъ напримѣръ въ с. Карткеросскомъ, на Вишерѣ въ Устьсысольскомъ уѣздѣ 309 дворовъ, 2,066 душъ, и оно разбросано на 4-хъ верстахъ [313]). Въ Устьсысольскомъ уѣздѣ на каждую населенную мѣстность въ сложности приходится по 200 душъ. Домы расположены то слишкомъ тѣсно [314]), то слишкомъ разсѣянно [315]); но почти всегда неправильно [316]).

Въ Зырянскомъ краѣ только одинъ городъ—Устьсысольскъ, по-зырянски Сыктылдѣинъ. Въ немъ до 3,500 душъ обоего пола. Купцы и мѣщане—Зыряне. Болѣе 580 домовъ, изъ коихъ только три каменные. Званіе города Устьсысольскъ получилъ въ 1780 году и состоитъ собственно изъ нѣсколькихъ населенныхъ мѣстностей, бывшихъ деревень, до сихъ поръ носящихъ старыя названія, напр. Микулъ-сыктъ—Микулова деревня, Подгоре и т. д. Горожане, т. е. мѣщане, и даже купцы, главнымъ образомъ занимаются хлѣбопашествомъ [317]), такъ какъ къ городу приписано 8,533 дес. земли. Однако же, не смотря на то, что эта столица Зырянскаго края находится чуть не на концѣ обитаемой земли, покрайней мѣрѣ далѣе уже нѣтъ городовъ и здѣсь кончается почтовый трактъ, она принадлежитъ къ числу самыхъ передовыхъ городовъ Вологодской губерніи: тамъ давно уже существуетъ публичная библіотека; нигдѣ не выписывается столько газетъ и журналовъ и ранѣе, нежели въ другихъ городахъ, основано дѣвичье училище.

Деревенскія избы — *керки* отличаются массивностью и строятся всегда сосновыя, такъ какъ на домашнія надобности Зыряне имѣютъ право безпошлинно рубить сколько угодно лѣсу. Онѣ кроются на два ската. Къ лицевой сторонѣ керки пристроивается крыльцо, на столбахъ, иногда крытое, иногда—нѣтъ.—Съ крыльца входятъ въ сѣни, имѣющія около сажени ширины и какъ корридоръ раздѣляющія двѣ избы, которыя состоятъ изъ особыхъ срубовъ. Со стороны крыльца онѣ забираются бревенчатою стѣною, а съ противоположной часто бываютъ открыты. Одна изъ избъ, преимущественно та, которая находится по лѣвую сторону сѣней, курная и назначается для житья семейства.— Передній уголъ ея образуютъ стѣны лицевая и смѣжная съ сѣнями. Печь, всегда битая изъ глины, лежанкой упирается въ противоположный переднему уголъ, который освѣщается особымъ окномъ—*падчеръ ошенъ*. Разстояніе между потолкомъ и лежанкой такъ велико, что на послѣдней можно свободно сидѣть и работать. Прочія принадлежности избы тѣже, что и у Русскихъ Вологодской губерніи: тѣже лавки вокругъ стѣнъ, вытесанныя изъ цѣльныхъ бревенъ, и надъ ними полавки (полки); тѣ-же полати и голбецъ; и наконецъ тѣже три маленькія волоковыя окна, изъ коихъ среднее прорубается повыше крайнихъ. Г. А. Поповъ въ своихъ путевыхъ запискахъ [318]) упоминаетъ о четырехъ-окнахъ: но это, безъ сомнѣнія, случайность.— Потолокъ настилается изъ цѣльныхъ бревенъ, а полъ — изъ расколотыхъ пополамъ. Другая изба устроивается нѣсколько иначе: въ ней нѣтъ полатей, печь часто голандская, окна большія, лавки иногда замѣняются стульями.— Заднюю половину дома занимаетъ повѣть, гдѣ хранятся сѣно, солома, повозки, земледѣльческія орудія и т. п. На повѣти устроиваются особыя клѣти, для храненія посуды, платья и другаго цѣннаго имущества.— Сзади настилается бревенчатый взъѣздъ для подъема сѣна и т. п. Подъ повѣтью помѣщается скотъ.— Амбары, бани и погреба строятся отдѣльно.

Мы набросали общій или, точнѣе, господствующій типъ зырянскихъ построекъ. Само собой разумѣется, что встрѣчаются и отступленія отъ него: какъ есть деревни, правильно расположенныя, точно также есть и домы городской постройки.

Ясно, что и планъ, и фасадъ зырянскаго жилища и въ существѣ, и почти во всѣхъ частностяхъ заняты у ближайшихъ русскихъ сосѣдей. Но мы не можемъ не остановить вниманія нашихъ читателей на филологическомъ значеніи зырянскаго названія избы — «*керка*». Это слово имѣетъ общій корень со словомъ гора — «*керосъ*». Не подтверждается-ли такимъ сближеніемъ двухъ словъ то, что, на основаніи другихъ фактовъ и соображеній, высказано нами въ началѣ III главы настоящаго сочиненія относительно способа устройства жилищъ древней Чуди? Земляныя насыпи на жилищахъ суть тѣже маленькія горы, которыя обозначаются словомъ «*керка*» (во множественномъ числѣ «керка-йасъ»). Намъ кажется, что не мѣшало-бы нашимъ археологамъ, при будущихъ раскопкахъ кургановъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ когда-то несомнѣнно обитали чудскіе народцы, обратить вниманіе на наши замѣчанія, а особенно на слова Ибнъ-Даста, дословно нами приведенныя.

---

312) Памяти. книжка Волог. губерніи на 1865 и 1866-й г. Сравн. табл. «Число населенныхъ мѣстъ» и «Число жителей за 1864-й г.»

313) См. по примѣч. 232. Столь значительная многолюдность зырянскихъ селеній особенно поразительна, въ виду совершенно противнаго явленія въ сосѣднихъ русскихъ частяхъ Вологодской губерніи, даже Яренскаго уѣзда, гдѣ деревни вообще очень мелки. Мы не можемъ положительно объяснить причину такого контраста и лишь догадываемся, что Зыряне жмутся въ большія кучи вслѣдствіе недостатка въ ихъ болотистой странѣ удобныхъ усадебныхъ осѣдлостей.

314) См. потому-же примѣч. Волог. Губ. Вѣд. 1848 г. № 11.

315) Вол. Губ. Вѣд. 1865 г. № 11: «Путев. записки по Волог. губ.», г. Кашперова.

316) См. примѣч. 314 и 315. Съ отзывомъ гг. А. Попова и Кашперова совершенно согласны и мы, основываясь на личныхъ наблюденіяхъ въ тѣхъ частяхъ края, о которыхъ эти наблюдатели не писали.

317) Вол. Губ. Вѣд. 1853 г. № 49: «Объ основаніи Устьсысольска» г. Е. Кичина.

318) См. выше по примѣч. 260.

Керки вообще не отличаются опрятностью: онѣ моются иногда только разъ въ годъ—передъ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ.

Мебель, кромѣ необходимой принадлежности передняго угла—обыкновеннаго стола, иногда крашеннаго и скамѣекъ, составляютъ: *джекъ*—толстый обрубокъ дерева и *улэсъ*—стулъ, выгнутый изъ черемуховыхъ прутьевъ съ досчанымъ сидѣньемъ [319]).

Мы затрудняемся дать общее понятіе объ одеждѣ Зырянъ; потому что принадлежности ея, по большей части занятыя у Русскихъ, въ разныхъ мѣстностяхъ пополнены соотвѣтственно условіямъ климата и занятій. Впрочемъ вообще можно сказать, что женскій костюмъ весь русскій.— Особенности одежды Удорцевъ и Вишерцевъ обозначены въ выдержкахъ изъ путевыхъ замѣтокъ гг. Кашперова и А. Попова [320]). Экземпляръ лѣтняго костюма Удорца, за исключеніемъ обуви (котовъ съ онучами), мы представили въ московскій этнографическій музей. Тутъ есть и волосяная сѣтка для защиты лица отъ комаровъ, вшитая въ холщевой покровъ для остальной части головы и шеи. Замѣчательно, что подобный-же лѣтній рабочій костюмъ, со включеніемъ котовъ, мы встрѣтили въ Вельскомъ уѣздѣ, по верховью р. Устьи. Правда, на Устьѣ мы не видали сѣтокъ отъ комаровъ и лузановъ; но за то встрѣчали на головахъ точь въ точь такія-же бѣлыя шляпы съ низкою закругленною на верху тульей и съ узкими полями, какія видѣли на Зырянахъ, проѣзжая по Вычегдѣ. Между тѣмъ нигдѣ на пространствѣ между Устьей (притокъ Ваги) и среднимъ теченіемъ Вычегды намъ не бросалось въ глаза подобное сходство вкусовъ. Одежду устьсысольскихъ горожанъ—мущинъ составляютъ: длинный шерстяной зипунъ,—родъ халата, изъ подъ котораго виднѣется воротникъ бѣлой холщевой рубахи, а на ногахъ—коты съ пестрыми шерстяными-же чулками. Женщины носятъ китайчатыя шугаи, а по зимамъ—шубейки, крытыя зеленой нанкой съ бѣличьей опушкой, а на головѣ—кокошникъ, покрытый большимъ, распущеннымъ на спину платкомъ. Дѣвицы-же повязываютъ головы платками, изъ подъ которыхъ выпускаютъ косу съ вплетенными въ нее лентами, какъ и платки, всегда яркихъ цвѣтовъ [321]).— Наиболѣе распространенный костюмъ между крестьянами состоитъ изъ слѣдующихъ принадлежностей: у мущинъ—такая-же рубашка, какъ и у горожанъ, съ большимъ воротникомъ, который иногда застегивается мѣдною пуговицею; она подпоясывается шерстянымъ узенькимъ пояскомъ; холщевые штаны, какъ и у Русскихъ; на ногахъ коты изъ телячьей шкуры шерстью вверхъ, пропитываемые отъ мокроты смолою; сверху надѣвается лѣтомъ холщевое-же бѣлое полукафтанье, подпоясанное кожанымъ поясомъ, а зимой—овчинный полушубокъ и на немъ суконный азямъ. У женщинъ, преимущественно по праздникамъ,—холщевая рубашка съ ситцевыми рукавами; ситцевый сарафанъ, а на головѣ повойникъ, повязанный большимъ платкомъ, концы котораго опускаются ниже стана. Зимою надѣваютъ сверхъ того овчинныя шубы, крытыя нанкой или китайкой. На ногахъ носятъ коты, а иногда и башмаки. Дѣвицы одѣваются также, какъ и горожанки [322]).— Праздничный костюмъ мущинъ вездѣ русскій [323]).

Само собой разумѣется, что одежда охотниковъ, когда они отправляются на дальній промыселъ, принаровлена къ этому занятію. Въ одномъ описаніи костюма печорскаго охотника, бывшаго на московской этнографической выставкѣ, мы читаемъ: «Одѣтый въ зипунъ изъ бѣлаго «сукна съ пришитыми къ рукавамъ рукавицами изъ олень-«ихъ кисовъ, въ лузанъ изъ полосатаго зырянскаго сукна «съ наплечниками и карманами, охотникъ готовъ идти на «промыселъ. На ремнѣ, надѣтомъ поверхъ зипуна, виситъ «охотничій ножъ; на спинѣ къ лузану особою скобкою «прикрѣпленъ топоръ, въ рукахъ—винтовка. Не только «рукавицы пришиты къ лузану, но и шапка—четверо-«угольная прикрѣплена къ воротнику лузана, чтобы не «могла слетѣть съ головы, когда онъ помчится на лы-«жахъ по снѣжной равнинѣ. У него и чулки, и портянки «принаровлены къ этому способу передвиженія, и на «ноги, *вмѣсто лаптей* (?), надѣлъ онъ льня-комъ—«особую обувь, употребляемую при лыжахъ» [324]). Мы видѣли манекенъ Зырянина, но не со всѣми принадлежностями. Тѣ-же, которыя остаются при немъ, хотя дѣйствительно входятъ въ составъ костюма зырянскаго охотника, но не вполнѣ изображаютъ дѣйствительность.— Намъ кажется, что онѣ собраны и употребляются въ разные моменты промысловой жизни. Впрочемъ, мы считаемъ неумѣстнымъ здѣсь вдаваться въ подробный критическій разборъ постановки манекена, тѣмъ болѣе, что послѣ, когда будемъ говорить объ охотѣ Зырянъ, еще коснемся охотничьихъ принадлежностей.

Главное основаніе хлѣбной пищи Зырянина составляютъ ячная мука и такая-же крупа. Рожь и овесъ не употребляются: и та и другой идутъ на продажу. Кромѣ хлѣба ѣдятъ *азяшидъ*—щи съ ячнымъ, не много толченымъ зерномъ и со свининой или дичью—въ скоромные дни, и съ рыбой—въ постные; *кутью* съ конопляным сѣменемъ. *Лязъ*—лакомое блюдо—съ сушеными черемуховыми ягодами. Ячные пироги или безъ начинки, или съ рыбой,

---

319) Свѣдѣнія объ устройствѣ зырянскихъ жилищъ основаны главнымъ образомъ на личныхъ нашихъ наблюденіяхъ. См. также въ Вол. Губ. Вѣд. по примѣч. 238, 240, 234 и 239 и 1859 г. № 42: «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйств. бытъ», г. В. Аврамова.

320) См. по примѣч. 162 и 260.

321) См. примѣч. 238.

322) См. примѣч. 240.

323) См. примѣч. 323 (п. а.)

324) Сѣверн. Почт. 1867 г. №№ 124—132.

которые, въ послѣднемъ случаѣ, называются *чери-нянь* (рыбный хлѣбъ). Рыба запекается въ пироги иногда и съ чешуею. *Евва-шидь* тоже, что и азя-шидъ, но варится на сывороткѣ или подонкахъ, яичница. Хлѣбъ, намазанный коровьимъ масломъ. Надобно замѣтить, что Зыряне не ѣдятъ куринаго мяса и коноплянаго и льнянаго масла. Напитки: *ыгрошъ*—квасъ и *суръ*—пиво,—и тотъ и другое изъ ячнаго солоду. Суръ не переводится круглый годъ; но его пьютъ по праздникамъ. По праздникамъ-же передъ обѣдомъ *гэрмога чужва*—сусло съ стручковымъ перцемъ. Ѣдятъ также вяленую оленину, вяленыхъ же и соленыхъ куропатокъ,—послѣднихъ вмѣсто хлѣба. Рыба составляетъ любимую пищу Зырянъ. Въ случаѣ неурожая, хлѣбъ замѣняютъ пихтовой корой, молодыми отростками ели и мохомъ.—Объ употребленіи молока въ разныхъ видахъ, говядины, баранины, огородныхъ овощей, ягодъ и грибовъ мы считаемъ лишнимъ распространяться [325]).

Приступая къ изображенію домашняго быта Зырянъ, мы принимаемъ за правило пройдти по порядку, начиная съ рожденія, всѣ главнѣйшіе моменты жизни человѣка.

Говорятъ, что рожденіе ребенка не производитъ въ семействѣ радости, а скорѣе непріятность; такъ какъ съ воспитаніемъ его сопряжены для отца—расходы, и для матери—хлопоты [326]). Но мы знаемъ, что не у однихъ Зырянъ новорожденные встрѣчаютъ подобный пріемъ.

Говорятъ также, что, поэтому, и крестины проходятъ безъ особенной торжественности. Однако-же мы знаемъ что, напримѣръ, у Лузскихъ Зырянъ обрядъ крещенія совершается съ весьма оригинальною обстановкою. Тамъ, послѣ крещенія, въ домѣ родителей новорожденнаго накрывается, по праздничному, обѣденный столъ. Распорядитель, т. е. крестный отецъ беретъ по немногу всего, что подано на столъ, какъ-то: хлѣба, пироговъ, мяса, рыбы, соли и т. п. и порядочно перцу; смѣшиваетъ все это; прибавляетъ вина и пива,—и подаетъ родному отцу своего крестника. Съѣвши такое сборное блюдо, послѣдній уже самъ угощаетъ гостей по обычаю [327]).

Послѣ крещенія ребенокъ поступаетъ на попеченіе матери или маленькой родственницы, обязанность которыхъ состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы предохранить его *отъ глазу* (сглазить). Поэтому онѣ отъ постороннихъ отворачиваются съ нимъ, или даже прячутъ его. Еще до разрѣшенія отъ бремени Зырянки берегутся глазу, почему скрываютъ беременность и родить отправляются въ клѣвы или бани. Дальнѣйшій порядокъ воспитанія тотъ-же, что и у Русскихъ; но надобно замѣтить, что зырянскія дѣти съ малыхъ лѣтъ пріучаются къ употребленію ружья [328]).

Вообще *порядокъ заключенія брачныхъ союзовъ* и сватебные обряды Зыряне заняли у Русскихъ. Молодые люди женятся, когда уйдутъ отъ рекрутства, т. е. лѣтъ 23 или 24. Дѣвицы, разумѣется выходятъ за мужъ моложе этого возраста.

Вотъ какимъ порядкомъ играются сватьбы въ Яренскомъ уѣздѣ. Невѣсту, какъ и вездѣ, пріискиваютъ родители жениха. Потомъ засылаютъ въ домъ ея сваху. Отецъ избранной, поблагодаривъ за честь, отлагаетъ отвѣтъ на извѣстное время, чтобы развѣдать стороною о личности жениха и о его состояніи. Наведя справки, онъ или соглашается вступить въ подробные переговоры и назначаетъ день, когда самъ лично явится для осмотра хозяйства жениха, или отказываетъ подъ тѣмъ или другимъ благовиднымъ предлогомъ, напр. что дочь его молода, что она еще нужна для дому и т. п.—Когда-же все устроится и старики согласятся о приданомъ, назначается день для формальныхъ *сговоровъ*, а потомъ и для сватьбы.—Между тѣмъ въ домѣ невѣсты идутъ приготовленія къ сватьбѣ: къ ней каждый день собираются подруги для того, чтобы приготовлять приданое; сама-же она съ причетами оплакиваетъ родительскій домъ и свою дѣвичью косу, при чемъ размахиваетъ нарочно приготовленною косой изъ кудели. Если невѣста не мастерица на причеты или ей худо плачется, то вмѣсто нея причитаютъ опытныя стороннія вдовы и женщины. Навѣщающихъ въ это время невѣсту подруги ея *опьваютъ*, т. е. поютъ въ честь посѣтителей припѣвы, за что тѣ дарятъ деньги. Щедрыхъ благодарятъ хвалебными особыми пѣснями, а скупыхъ провожаютъ насмѣшками.—Въ «сговоры» происходитъ *рукобитье* и раздача даровъ жениху и его родственникамъ, а наканунѣ сватьбы игры между подругами невѣсты и пріятелями жениха. Изъ за даровъ не рѣдко случаются ссоры, такъ какъ родственники жениха, по большей части, остаются ими недовольны. Поэтому иногда заблаговременно условливаются кому и что дарить. Жениху дарится рубашка; свекру, свекрови и другимъ бумажные платки разной цѣны. За подарки обыкновенно отдариваютъ деньгами, но всегда скупо.—Той порой въ домѣ жениха варится пиво и приготовляется сватебный пиръ. Туда въ день сватьбы, собираются гости и, вмѣстѣ съ женихомъ, отправляются къ невѣстѣ. Съ обѣихъ сторонъ назначаются

325) Свѣдѣнія о пищѣ Зырянъ, кромѣ лично нами собранныхъ, мы почерпнули изъ слѣдующихъ источниковъ: а) Волог. Губ. Вѣд. 1854 г. № 51: «Замѣтки и впечатл. охотника по Волог. губ.», г. Ю. Волкова; б) 1852 г. № 33: «О земледѣліи и скотоводствѣ у Зырянъ», г. М. Михайлова; в) 1856 г. № 45: «Разныя извѣстія», г. Н. Сорокина; г) 1868 г. № 5: «В. Н. Латкинъ и Печорская компанія», г. С. Лашкарева; д) 1856 г. № 13: «Печорскій край и р. Печора», неизв. авт.—См. примѣч. 319 и въ Памят. книжк. Вол. губ. на 1865 и 1866 гг. въ стат. г. Ф. Арсеньева «О промышленныхъ дѣлахъ и торговыхъ сношеніяхъ въ Зырянскомъ краѣ».

326) Вол. Губ. Вѣд. 1859 г. № 35: «Жит. Яренск. уѣзда и ихъ хозяйств. бытъ», г. В. Аврамова.

327) Тамъ-же 1857 г. № 16: «Обычаи Ношульскихъ Зырянъ».

328) См. примѣч. 326.

дружки, которые обязаны вести переговоры съ духовными и распоряжаться поѣздомъ и пиршествомъ. Они ѣдутъ въ церковь верхомъ съ перевязаннымъ черезъ плечо бѣлымъ полотенцемъ.—Невѣсту везутъ покрытую фатой. Сватьба ѣдетъ непремѣнно съ колокольчиками; въ иныхъ мѣстахъ въ это время палятъ изъ ружей. Подъ вѣнцомъ невѣста стоитъ съ распущенными волосами, которые послѣ вѣнчанья, въ знакъ выхода замужъ, заплетаются въ двѣ косы. Подъ ноги молодымъ кладутъ или небольшой конецъ холста или пару красныхъ шерстяныхъ поясковъ.—Изъ церкви отправляются въ домъ жениха, гдѣ и начинается пированье, продолжающееся дня два или три [329]).

На Ношульской пристани (на югѣ Устьсысольскаго уѣзда близь границы съ Устюжскимъ) сватебные обряды имѣютъ нѣкоторыя особенности. Здѣсь, родители, задумавъ женить сына, являются къ священнику и его просятъ указать невѣсту. По такому указанію посылаются сватъ и сваха. Родители невѣсты, въ случаѣ, если имъ нравится партія, отвѣчаютъ, что имъ нужно подумать и отлагаютъ отвѣтъ на извѣстный срокъ. Это дѣлается съ той цѣлью, чтобы имѣть время приготовиться къ принятію гостей. По истеченіи срока пріѣзжаютъ въ домъ невѣсты: женихъ, его родители и родственники, сватъ и сваха, и привозятъ съ собой вино и пиво; съ невѣстиной-же стороны приготовляется обѣдъ. Это *помолвка*. Потомъ опять священникъ назначаетъ день сватьбы. Наканунѣ сватьбы женихъ ѣздитъ собирать поѣзжанъ по своему и другимъ селеніямъ, верхомъ, въ праздничномъ нарядѣ, привязывая по два колокольчика къ стременамъ и по одному — къ ушамъ лошади. Утромъ, въ день сватьбы, когда всѣ въ домѣ проснутся, невѣста, обращаясь къ брату и сестрѣ (или къ подставнымъ) проситъ перваго дать ей умыться, а у послѣдней — полотенце. — Одѣвшись, она садится у стола на лавку, причитая, что послѣдній день сидитъ она на ней въ родительскомъ домѣ. Пріѣзжаютъ женихъ и поѣзжане. Запираются двери въ избѣ и даже въ сѣняхъ, и пріѣхавшихъ спрашиваютъ: «есть-ли у васъ вино? нѣтъ, такъ сиди на крыльцѣ: сусло въ печи!» Послѣ отвѣта: «есть!»—двери отворяются. Пріѣхавшіе входятъ и становятся посреди избы. Тогда мать невѣсты, показывая на нее, говоритъ жениху: «на, вотъ! пой, корми: хоть вѣкъ не держи!» а между тѣмъ садитъ ее на заранѣе приготовленную скамейку.—Женихъ подходитъ къ невѣстѣ, чтобы ее поцѣловать; но та увертывается. Когда-же достигнетъ цѣли, она встаетъ, а поѣзжане скачутъ на скамейку и ломаютъ ее съ крикомъ: «Наша взяла!» За тѣмъ пьютъ привезенное вино и отправляются къ вѣнцу. На пути въ церковь, и подъ вѣнцомъ, невѣста должна плакать, чтобы не дать повода къ нарѣканіямъ и дурнымъ толкамъ о ея умѣ и поведеніи. Отъ вѣнца ѣдутъ въ домъ жениха, гдѣ и пируютъ нѣсколько дней, смотря по состоянію новобрачныхъ [330]).

О томъ, что у Зырянъ, если не существуютъ теперь, то существовали весьма недавно похищеніе и покупка невѣстъ, мы говорили ранѣе [331]).

Точно также говорили и о томъ, что на каждую сватьбу приглашаются колдуны для предохраненія молодыхъ отъ порчи, или что̀ еще хуже, отъ превращенія всего сватебнаго поѣзда въ волковъ. На сватебныхъ пирахъ колдунамъ предоставляется почетное мѣсто и они называются, какъ и у русскихъ «*опасными*».

Для того, чтобы нагляднѣе познакомить читателя съ тѣмъ значеніемъ, которымъ пользуются колдуны при зырянскихъ сватьбахъ, мы передадимъ, по возможности дословно, разсказъ одного русскаго, имѣвшаго случай быть на зырянской сватьбѣ въ Устьсысольскѣ. По пріѣздѣ въ этотъ городъ, разскащикъ былъ приглашенъ на сватебный пиръ, который происходилъ уже послѣ вѣнчанья, когда оффиціальнаго колдуна (*опасна̀го*) не было. Вотъ, во время пира, является другой колдунъ, и говоритъ хозяину: «что отъ добра?» Хозяинъ струсилъ и послалъ за оффиціальнымъ колдуномъ. Тотъ пришелъ и сѣлъ на порогъ, а незванный, той порой, уже помѣстился за столомъ на почетномъ мѣстѣ. Перваго хозяинъ попросилъ также занять *свое* мѣсто; но тотъ сказалъ, что посидитъ и на порогѣ, а тамъ пусть-де сидитъ мой *старшій братъ*. Послѣ этого начались между двумя колдунами пререканія о старшинствѣ. Оффиціальный колдунъ потребовалъ пива, что тотчасъ же и было исполнено; но только лишь взялъ въ руки братыню, какъ тотчасъ же передалъ ее хозяину, прося попотчивать незваного колдуна. Едва сдѣлалъ послѣдній нѣсколько глотковъ, у него вывалились въ братыню зубы. Тогда онъ сказалъ «*опасно̀му*:» «ну, нѣтъ братъ: выходитъ, что ты старшій-то братъ!» Послѣ этого *опасно̀й* пошепталъ что-то надъ братыней и велѣлъ выпить ее младшему брату. Тотъ выпилъ—и зубы его оказались на своемъ мѣстѣ. Повторяемъ, что разсказанный сейчасъ случай имѣлъ мѣсто въ городѣ съ мужскимъ и женскимъ училищами и публичной библіотекой. Спрашивается: какъ-же смотрятъ на колдуновъ и ихъ фокусы въ темныхъ углахъ Зырянскаго края?

Смерть людей, удрученныхъ старостію, не возбуждаетъ никакого сожалѣнія. *Похороны* проходятъ безъ всякихъ особенныхъ расходовъ. Только не многія изъ оставшихся дѣтей поставляютъ себѣ въ обязанность отслужить нѣсколько заупокойныхъ обѣденъ и панихидъ. Потомъ имена умершихъ вносятся въ общіе семейные

---

329) См. по примѣч. 326 Вол. Губ. Вѣд. № 36.

330) См. примѣч. 327.

331) См. примѣч. 69 и 70.

поминанники и поминовеніе совершается въ одни сроки: въ Субботу на первой недѣлѣ Великаго Поста, въ Семикъ и Дмитровскую Субботу. Въ эти дни старшіе члены семействъ непремѣнно приходятъ въ мѣстныя церкви и на кладбища съ пивомъ и пирогами, которыми угощаютъ духовныхъ, родственниковъ и знакомыхъ, а остатки отдаютъ нищимъ.—Мертвыхъ Зыряне до крайности боятся и чувствуютъ къ нимъ отвращеніе: никто не рѣшится остаться въ одномъ домѣ съ покойникомъ; почему ихъ тотчасъ-же послѣ смерти и увозятъ въ церковь, при которой бросаютъ даже дровни, везшія гробъ. Мало того, — самыя щепы отъ досокъ, изъ которыхъ сколачиваются гробы, никогда не бросаются въ печь, какъ нечистыя [332]).

Имянины и дни рожденій очень рѣдко празднуются и то только самыми зажиточными людьми [333]).

Послѣ сватебъ всего болѣе веселятся въ храмовые праздники. Въ это время всякій, даже самый бѣдный Зырянинъ варитъ пиво и покупаетъ вино. На праздники собираются всѣ родные и знакомые. Они переходятъ изъ дома въ домъ, и вездѣ пьютъ и ѣдятъ. Шумъ, пѣсни и драки — необходимыя принадлежности праздниковъ; такъ что небезопасно проѣзжать въ такіе дни разгула по зырянскимъ деревнямъ, потому что въ пьяномъ видѣ Зыряне весьма дерзки.—Впрочемъ, и въ русскихъ деревняхъ въ подобныхъ случаяхъ, встрѣчаются тѣже явленія. У Зырянъ покрайней мѣрѣ утро проходитъ чинно: всѣ они отправляются въ церковь, а пировать начинаютъ уже послѣ обѣдни [334]).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ храмовые праздники устроиваются на общій счетъ всѣхъ прихожанъ, т. е. варится пиво изъ сборнаго солоду и колется какое нибудь животное. Такіе праздники называются *моленьями*. Однако же моленья въ послѣднее время почти вышли изъ обыкновенія [335]).

Годовые праздники—Рождество и Пасха, а также Масляница проводятся, какъ и у Русскихъ: тѣ, которые побогаче варятъ пиво для пированья.— О святкахъ молодые люди и дѣвицы собираются на игрища, устроиваемыя въ одномъ какомъ нибудь домѣ. Первые покупаютъ для того свѣчи и угощаютъ хозяина виномъ. Но игрища здѣсь вялы и скучны. Впрочемъ это мнѣніе одного г. Аврамова, писавшаго только о Зырянахъ Яренскаго уѣзда.

На масляной недѣлѣ въ каждомъ селеніи устроиваются ледяныя горы, съ которыхъ катаются, обыкновенно попарно, причемъ молодой человѣкъ держитъ на колѣняхъ дѣвицу и правитъ санками. Мы не знаемъ существуетъ-ли въ другихъ мѣстахъ катанье на шестахъ, такого рода: утверждаются въ наклонномъ положеніи, подъ угломъ градусовъ въ 45 и параллельно одинъ съ другимъ, два обледенѣлые шеста съ площадкою, какъ и у ледяныхъ горъ, у верхнихъ концовъ; на одинъ изъ нихъ становится молодой человѣкъ, а на другой дѣвица, берутъ другъ друга за руки и скатываются внизъ на ногахъ.

О Пасхѣ устроиваются качели и доски для скаканья. Посѣщеніе колоколень составляетъ въ это время любимое занятіе молодежи. Въ храмовые праздники молодежь веселится въ хороводахъ.

Съ осени и до святокъ молодежь собирается вмѣстѣ, при чемъ дѣвицы прядутъ. Эти по нашему посидѣлки у Зырянъ называются *койтанами* [336]).

Есть, конечно, и другія случайныя увеселенія, но они не представляютъ ничего интереснаго.

Ясно, что всѣ эти праздники и увеселенія Зыряне переняли отъ Русскихъ.—Но существуетъ въ г. Устьсольскѣ обычай, по словамъ г. Кичина, русскій-же, но передѣланный на зырянскій ладъ. [337]). Это *братчина*. Справедливость мнѣнія г. Кичина доказывается уже тѣмъ, что самое названіе обычая русское.

Братчина празднуется 1, 2 и 3-го Ноября. Нѣсколько взрослыхъ дѣвицъ дѣлаютъ складчину мукой, мясомъ, коноплянымъ сѣменемъ, масломъ, яицами и картофелемъ, чтобы приготовить къ празднику пиво и три обѣда. Всѣ эти припасы передаются нарочно выбранному *старостѣ*, или хозяину дома, въ которомъ предполагаютъ отправлять *братчину*. Мука главнымъ образомъ употребляется на пиво, а часть ея продается для покупки на вырученныя отъ продажи деньги хмѣлю. Конопляное сѣмя идетъ на щи, если во время праздника случится постный день; изъ яицъ и масла дѣлается яичница; картофель подается просто вареный и идетъ на приправу другихъ блюдъ. На праздникъ, само собой разумѣется, приглашаются и молодые люди. Онъ начинается громкою русской пѣсней дѣвицъ, обращенной къ старостѣ:

Староста гузычя!
Давайте-же пива!
Пересохло наше горло,
Не пиваючи такъ долго.

Староста приноситъ ендову (братыню) пива; четыре старшія дѣвицы наливаютъ по стакану, выходятъ на средину комнаты, становятся крестообразно и, переходя одна другой на встрѣчу, поютъ позырянски:

Нö, нö-жö чоіасъ, чоіасъ!
Нö, нö-жö іуны, іуны!
Нö нö-жö сіоіны, сіоіны!
Оні мііанъ іуны, іуны!
Оні мііанъ сіоіны, сіоіны!
Ну-те-же сестры, сестры!
Ну-те-же пить, пить!
Ну-те-же ѣсть, ѣсть!
Теперь наше время пить, пить!
Теперь наше время ѣсть, ѣсть!

---

332) См. примѣч. 326.
333) Тамъ-же.
334) См. примѣч. 243.
335) См. прим 326.

336) Волог. Губ. Вѣд. 1852 г. № 37: «Жители Яренск. уѣзда и ихъ хозяйств. бытъ». г. В. Аврамова.
337) Тамъ-же 1852 г. № 28: «Братчина».

Воля, воля вошö, вошö,	Воля, воля потеряется, потеряется.
Мужа дома нѣту, нѣту!	Мужа дома нѣту, нѣту!
Тагіеі, тагіеі кокнедысеі!	Хмѣль, хмѣль облегчающій!
Ніаніеі, ніаніеі меведысеі!	Хлѣбъ, хлѣбъ приголубливающій!
Солöі, солöі олöдысеі!	Соль, соль одомовляющая!
Рудзсгъ сурöі!	Пиво ржаное!
Ід сук сурöі!	Пиво ячное, густое!
Ід суроі, да жолікыд сурöі!	Пиво ячное, да пиво легкое!
Шабды сурöі!	Пиво пшеничное!
Быгіа сурöі!	Пиво пѣнистое!
Стöканъ дорсö мемалöма,	Край стакана облѣпило,
Вом дорсö маалома.	Губы умедовило,
Кодны шедö.—	Кому попадетъ—
Быдсöн, быдсöн!	Все, все!
Кодны шедö—	Кому попадетъ—
Косöдзі, косöдзі!	До суха, до суха!

Дѣвицы выпиваютъ свои стаканы. Ихъ смѣняютъ другія и т. д., пока всѣ участницы братчины невыпьютъ по стакану.

Послѣ того по двѣ дѣвицы, также поочередно, подносятъ по стакану пива молодымъ людямъ, припѣвая по-русски:

Пива да пьянаго,	Въ новосвѣтлой свѣтлицѣ,
Меду да сладкаго	Въ бѣлой горницѣ
Наливай ковши полные!	Наши умнешки-молодцы!
Подноси да до румянъ!	Прими нашъ (имя и отечество)!

Пока молодые люди пьютъ, дѣвицы пляшутъ, припѣвая:

Пей, пей наздоровье,	Да опрокиньте,
По нашему челобитью,	Да опростайте,
По кирилловскому	Да на головы поднимите.
По праву ненилову!	Веселитеся!

Выпивъ стаканы, молодые люди кладутъ въ нихъ деньги.

Въ заключеніе перваго дня дѣвицы, всѣ вмѣстѣ, поютъ по-зырянски:

Кузіман-Деміанъ, во воіс, во воіс.
Талун талун міан рочі зыб оз судзі;
Аскі, вед, міан і рочі зыб судзіас,
Аскомысі міан і істöг тув судзіас?, т е.
Кузьма-Демьянъ, годъ пришелъ, годъ пришелъ!
Сегодня у насъ русскій шестъ не достаетъ,
А завтра, вѣдь, у насъ и русскій шестъ достанетъ;
А послѣ завтра и сѣряная спичка достанетъ.

2 Ноября вмѣсто этого поютъ, тоже позырянски:

Вчера у насъ русскій шестъ не доставалъ
Сегодня у насъ и русскій шестъ достаетъ;
Завтра и сѣряная спичка не скроется.

А 3 Ноября:

Третьяго дня у насъ русскій шестъ не доставалъ,
Вчера русскій шестъ досталъ;
А сегодня и сѣряная спичка не скрылася!... (338)

Заключаемъ настоящую главу сообщеніемъ свѣдѣній о зырянскихъ баняхъ. *Баня* (*пывзянъ*)—это насущная потребность каждаго Зырянина, это гигіеническое средство отъ всѣхъ болѣзней, особенно отъ *перекрѣпу*, т. е. когда человѣкъ сильно прозябнетъ, долго находясь на морозѣ. Бани топятся рѣшительно каждый день, неисключая и Свѣтлаго Христова Воскресенья. Каждый вечеръ въ зырянскихъ деревняхъ раздаются призывные клики: «Пывзянъ! Пывзянъ!» Всѣ ждутъ этого призыва и отправляются—не мыться, какъ увидимъ, а париться. Сперва отправляются мужчины съ вѣниками въ рукахъ, босые и въ однихъ рубахахъ, которыя снимаютъ у входа въ баню. Бани величиною отъ $1^1/_2$ до 2 саж. въ квадратѣ и устроиваются также, какъ и русскія, съ тою разницей, что здѣсь полокъ бываетъ на одной высотѣ съ лавками, именно отъ 12 вершковъ до аршина отъ полу. Горячей воды вовсе не приготовляется, да и холодной немного,—сколько нужно для поддаванья. Въ каждую баню собирается человѣкъ по 10. Раскаленная каменка, въ которой еще пылаютъ алые угли и надъ которой стоитъ синее облако чаду, производитъ жаръ градусовъ въ 70 и болѣе. Всѣ стоятъ — кто на полу поближе къ каменкѣ, кто — на полкѣ и лавкахъ, хлещутся вѣниками, и—то и дѣло поддаютъ жару. Паренье продолжается отъ 8 до 12 минутъ. Стариковъ, особенно любящихъ такое удовольствіе, выводятъ силою. Домой отправляются также въ однѣхъ рубахахъ и босые, а иногда еще останавливаются на улицѣ потолковать съ встрѣтившимися знакомыми. Послѣ мужчинъ отправляются женщины, тоже босикомъ, за исключеніемъ родильницъ [339]).

И не только въ то время, когда живутъ дома, но и на промыслахъ, Зыряне не могутъ обходиться безъ бани. Самыя охотничьи избушки ихъ суть ничто иное, какъ бани и называются пывзянами [340]).

Г. Мельниковъ, какъ очевидецъ, разсказываетъ [341]), что Печорскіе Зыряне, даже застигнутые ночью въ лѣсу, вдали отъ *пывзяна*, парятся на трескучемъ морозѣ. Для этого они нагрѣваютъ воду и приготовляютъ деревянныя кругловатыя на длинныхъ рукояткахъ скребницы, раздѣваются у огня, поливаютъ на себя горячую воду и скребницей очищаютъ потъ и грязь со всего тѣла; и затѣмъ уже ложатся спать.

Не лишнимъ считаемъ сообщить также, какъ устроиваются въ подобныхъ случаяхъ ночлеги. Изъ еловыхъ вѣтвей дѣлается шалашъ, съ двухъ, одна другой противоположныхъ, сторонъ открытый; между тѣмъ вырубаются два бревна, которыя съ одной стороны выдалбливаются и кладутся одно на другое; полая внутренность наполняется раскаленными угольями. Отъ этого внутренность полости не воспламеняется, а только

338) Тамъ-же.

339) Тамъ-же 1848 г. № 49: «Зырянскіе обычаи», г. Кочіева.

340) См. примѣч. 257.

341) Тамъ-же 1853 г. № 28: «Зырянскія бани».

тлѣетъ и изъ открытыхъ концовъ ея вылетаетъ, какъ изъ трубы, горячій дымъ. Такимъ образомъ жаръ самъ собою поддерживается въ теченіи цѣлой ночи, и Зырянинъ, раздѣвшись и обративъ ноги къ этому нагрѣвательному снаряду, спокойно спитъ въ своемъ шалашѣ на утоптанномъ и устланномъ хвоей снѣгу; а между тѣмъ платье и обувь его сохнутъ, развѣшенныя надъ тлѣющими бревнами [342]).

ГЛАВА XII.

ХЛѢБОПАШЕСТВО, ОГОРОДНИЧЕСТВО И СКОТОВОДСТВО.

Общій взглядъ на земледѣліе въ Зырянскомъ краѣ. — Печора; Вишера и верховья Вычегды; Удора; Вымскій край; южная половина Зырянскаго края.—Степень урожая.—Ячмень; рожь; овесъ; пшеница; ленъ и конопля; обработываніе полей; порядокъ пользованія землями.—Работники; помочи; половники.—Особый земледѣльческій пріемъ. — Огородныя овощи: картофель, капуста, рѣдька, рѣпа, лукъ. — Скотоводство: рогатый скотъ, овцы, лошади, свиньи.—Домашнія птицы.

Изъ того, что̀ уже сказано объ астрономическомъ положеніи и другихъ климатическихъ условіяхъ Зырянскаго края, можно смѣло заключить, что земледѣліе въ немъ процвѣтать не можетъ. Однако-же, вслѣдствіе огромнаго протяженія страны отъ юга къ сѣверу и отъ запада къ востоку, въ земледѣльческомъ отношеніи ее нельзя разсматривать, какъ однородное цѣлое. Въ то время, когда въ самомъ сѣверовосточномъ углу ея, именно по р. Печорѣ, ниже дер. Дутовой, хлѣбопашества [343]) вовсе не существуетъ,—изъ мѣстностей, лежащихъ по рр. Лузѣ, Сысолѣ и нижней части Вычегды, отправляются значительные грузы хлѣба къ Архангельскому порту: одно село Вотча даетъ иногда двѣ барки собственныхъ продуктовъ земледѣлія [344]). Поэтому, Зырянскій край, какъ страну земледѣльческую, мы дѣлимъ на двѣ части: одна лежитъ по правую сторону р. Вычегды, начиная отъ Устьсысольска, а другая—по лѣвую; и первую относимъ къ полосѣ начальнаго хлѣбопашества, а послѣднюю считаемъ мѣстностью, по преимуществу земледѣльческою. Само собой разумѣется, что это общее правило имѣетъ частныя исключенія, и для той и другой половины (не равныхъ) не вездѣ въ одинаковой степени справедливо.

Въ сѣверной части мы различаемъ пять мѣстностей: Печору, верховья Вычегды, Вишеру (въ Устьсысольскомъ уѣздѣ), Удору и теченіе р. Выми (въ Яренскомъ).

Печора, не говоря уже о той части ея, гдѣ вовсе не занимаются земледѣліемъ, вообще никогда не можетъ довольствоваться своимъ хлѣбомъ, и получаетъ его или въ счетъ заработной платы отъ арендаторовъ Брусяной горы, или отъ чердынскихъ торговцевъ, пріѣзжающихъ (на судахъ) за семгой и другой рыбой, изъ Пермской губерніи.

Объ успѣшности хлѣбопашества *по Вишерѣ* и *верхней части* (выше Устьсысольска) *Вычегды* можно судить по тому, что Вишерцевъ даже зырянскіе сосѣди ихъ называютъ обыкновенно *качъ-съöйясь* (короѣды [345]), а по разсказамъ очевидцевъ, въ окрестностяхъ верхневычегодскихъ селеній всѣ молодыя пихтовыя деревья обнажены [346]).

На Удорѣ, по словамъ г. В. Аврамова, вслѣдствіе поздняго начала весны и раннихъ инеевъ, изъ пяти лѣтъ хлѣбъ поспѣваетъ только въ теченіи трехъ, а иногда и двухъ, и неурожайные годы иногда слѣдуютъ одинъ вслѣдъ за другимъ [347]). Здѣсь, въ случаѣ неурожая, часто не собирается не только сѣмянъ, но даже и соломы. — За то въ благопріятные годы сборъ хлѣба бываетъ баснословный, самъ—90 и даже болѣе [348]), такъ что, несмотря на ограниченность посѣва,

342) См. примѣч. 340.

343) Волог. Губ. Вѣд. 1854 г. № 34. «Замѣтк. и впечатл. охотника по Волог. губ.», г. Ю. Волкова.

344) Тамъ-же 1848 г. № 4: «Взглядъ на геологич. состояніе с. Вотчи въ сельско-хозяйств. отнош.», г. І. Попова.

345) См. примѣч. 234.

346) Вол. Губ. Вѣд. 1856 г. «Сельско-хозяйств. очеркъ Вол. губ.», г. Н. Бунакова. Считаемъ не лишнимъ сообщить здѣсь, какимъ образомъ приготовляется Зырянами пихтовая кора. Она снимается преимущественно съ молодыхъ деревьевъ; съ нея соскабливается верхняя сѣроватая кожица, а внутренняя, мясистая, сушится, и толчется въ толчеяхъ или мелется ручными жерновами въ муку; изъ просѣянной сквозь рѣшето и растворенной въ сырой водѣ муки приготовляется прѣсное тѣсто, изъ котораго пекутъ лепешки. Лепешки высушиваются до суха, а иначе бываютъ очень горьки. Иногда тѣсто приготовляется сперва изъ ячной муки, а когда оно закиснетъ, къ нему прибавляется пихтовая мука.

347) Тамъ-же № 47: «Опис. физич. свойствъ Яренск. уѣзда», г. В. Аврамова.

348) Тамъ-же 1849 г. № 21: «Стат. Опис. Яренск. уѣзда», г. П. Протопопова.

одна жатва можетъ обеспечить продовольствіе жителей на нѣсколько лѣтъ. Но, за всѣмъ тѣмъ, и на Удорѣ недостатокъ въ хлѣбѣ, при часто повторяющихся, иногда по 7 лѣтъ сряду [349]) неурожаяхъ, до того чувствителенъ, что напр. въ 1830 годахъ изъ этой малолюдной мѣстности выселилось до 300 душъ [350]).

Берега р. Выми представляютъ болѣе условій для успѣховъ хлѣбопашества; но и здѣсь неурожаи суть явленія весьма обыкновенныя. И здѣсь овесъ и пшеницу стали сѣять не раньше 1845 г. [351]).

Совершенно въ иномъ видѣ представляется земледѣліе въ другой, южной части Зырянскаго края. Даже въ волостяхъ Айкинской и Устьвымской (Яренскаго уѣзда), сравнительно самыхъ сѣверныхъ, по словамъ г. Аврамова, и въ самые неблагопріятные годы никогда не случается, чтобы жители вовсе оставались безъ хлѣба, а въ благопріятные—рожь родится тамъ самъ — 10 и болѣе [352]). Въ остальныхъ же мѣстностяхъ, лежащихъ къ югу отъ Вычегды, столь обильные урожаи почти постоянны, и часто даютъ замѣчательные результаты. Такъ, по словамъ г. Я. Красныхъ [353]), въ 1853 году въ Устьсысольскомъ уѣздѣ на новинахъ рожь родилась самъ — 30, а общій урожай хлѣбовъ былъ озимаго самъ — 15 и яроваго самъ — 7. Намъ извѣстно, что даже по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, по которымъ урожаи хлѣба показываются всегда ниже дѣйствительныхъ, урожай ржи на городской землѣ Устьсысольска никогда не значился ниже самъ—10, и что нигдѣ въ Вологодской губерніи хлѣбъ не бываетъ такъ дешевъ, какъ въ этомъ городѣ.

Хотя мы и имѣемъ оффиціальныя числовыя свѣдѣнія о количествѣ посѣва и урожая разнаго рода хлѣбныхъ растеній въ Зырянскомъ краѣ, но считаемъ болѣе полезнымъ не приводить ихъ; такъ какъ положительно знаемъ, что они болѣе, нежели не-вѣрны: всѣ, кто основывался на нихъ, пришли къ самымъ ложнымъ выводамъ, какъ напр. г. Михайловъ [354]), который утверждаетъ, что на Удорѣ, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, хлѣбъ родится самъ — 2 и не болѣе самъ—3.—Притомъ-же ни оффиціальнымъ, ни неоффиціальнымъ путемъ рѣшительно нѣтъ возможности даже приблизительно опредѣлить количество урожая; потому что очень много хлѣба сѣется на *новинахъ*. Тѣ двѣ барки хлѣба, которыя нагружаются, какъ мы сказали, въ с. Вотчѣ, получаютъ весь свой грузъ съ новинъ, находящихся иногда верстъ за 70 отъ этого села: кто-же скажетъ, сколько сѣется и собирается хлѣба на такихъ запрещенныхъ росчистяхъ [355])? Между тѣмъ самъ г. Михайловъ говоритъ, что вообще въ Зырянскомъ краѣ на хорошо удобренныхъ поляхъ рожь даетъ 15 и 20-е зерно, а на новинахъ *всегдашній урожай* считаютъ самъ—50, самъ—80, а иногда и самъ—90; слѣдовательно трудно подвести сложный итогъ урожая, если-бы и было извѣстно количество пахатной земли и посѣва.

Господствующее хлѣбное растеніе въ Зырянскомъ краѣ, какъ это мы уже не разъ видѣли, есть *ячмень*. Зыряне не ѣдятъ никакого другаго хлѣба, даже лошадей, вмѣсто овса, кормятъ ячменемъ. Вообще полагаютъ [356]), что ячменя высѣвается вдвое болѣе, нежели ржи. Само собой разумѣется, что это хлѣбное растеніе распространено гораздо далѣе къ сѣверу, чѣмъ другія; потому что для созрѣванія его нужно меньше времени. Мы видѣли [357]), что наприм. на Удорѣ онъ поспѣваетъ иногда въ 40 дней.

За ячменемъ слѣдуетъ *рожь*: хотя не въ такомъ количествѣ, но вездѣ, гдѣ сѣется первый — сѣется и послѣдняя. Почти весь урожай ея идетъ на продажу. — Зырянская рожь, подъ названіемъ *яренской*, пользуется у сельскихъ хозяевъ большою извѣстностію, какъ превосходный сѣмянной хлѣбъ для болѣе южныхъ мѣстностей. Впрочемъ, и хлѣбъ изъ нея по бѣлизнѣ, припеку и вкусу несравненно превосходитъ ржаной хлѣбъ среднихъ губерній Россіи: онъ лучше, напримѣръ, даже того, который въ перворазрядныхъ московскихъ булочныхъ продается подъ названіемъ *петербургскаго* по возвышенной цѣнѣ, и даже пеклеваннаго.

Овесъ, и то не въ большомъ количествѣ, сѣется только въ южной полосѣ Зырянскаго края; въ сѣверной-же лишь въ самое послѣднее время онъ распространился до Княжпогоста.

Пшеницу также вообще стали сѣять въ недавнее время, и притомъ она дурнаго качества [358]). Но за то ее сѣютъ даже на Удорѣ [359]).

Ленъ и *конопля* распространены почти повсемѣстно; даже на Печорѣ; но малорослы и худо доспѣваютъ [360]). Урожай того и другаго идутъ на мѣстныя надобности. Только изъ самой южной части Устьсысольскаго уѣзда

---

349) См. примѣч. 347.

350) Тамъ-же.

351) Вол. Губ. Вѣд. 1853 г. № 46: «Прогулка по Княжпогосту», г. П. Богданова.

352) Тамъ же.

353) Вол. Губ. Вѣд. 1853 г. № 37: «Устьсысольскъ».

354) Тамъ-же 1852 г. № 33: «О земледѣліи и скотоводствѣ у Зырянъ», г. М. Михайлова.

355) Тамъ-же 1848 г. № 4: «Взглядъ на геологич. состоян. с. Вотчи въ сельско-хозяйств. отношеніи». г. І. Попова.

356) См. примѣч. 354 и Вол. Губ. Вѣд. 1856 г. № 45: «Разныя извѣстія», Здѣсь надобно разумѣть, что ячменемъ засѣвается земли вдвое больше, нежели рожью. Онъ сѣется и на части озимовыхъ полей, разумѣется, весною.

357) См. въ текстѣ гл. XI, противъ примѣч. 157.

358) См. примѣч. 354.

359) См. по примѣч. 357.

360) Вол. Губ. Вѣд. 1849 г. № 20: «Статист. опис. Яренск. уѣзда», г. П. Протопопова.

ленъ сбывается къ Архангельскому порту. Масла ни конопляннаго, ни льнянаго Зыряне не ѣдятъ; но конопляное сѣмя употребляется на постныя щи и кутью.

Вмѣстѣ съ понятіемъ о хлѣбопашествѣ Зыряне заняли у Русскихъ и трехпольную систему обработыванія полей, земледѣльческія орудія и хозяйственный распорядокъ. Мы уже видѣли, что нѣкоторые обвиняютъ ихъ въ лѣности и нерадѣніи къ сельскому хозяйству. Такъ, г. Михайловъ говоритъ [361]), что они вывозятъ навозъ въ концѣ Марта и въ началѣ Октября, и складываютъ его въ кучи, которыя до времени вспашки остаются неразбросанными, что снопы складываютъ въ скирды, ничѣмъ не прикрытыя и что хлѣбъ молотятъ зимою, потому что осенью, въ дождливую погоду, нельзя выполнять эту работу въ открытыхъ гумнахъ. — Мы не имѣемъ въ виду данныхъ, которыя позволили-бы намъ высказать по этому предмету наше личное мнѣніе; но не можемъ не указать на совершенно противуположное мнѣніе г. Аврамова, который говоритъ [362]), что Зыряне весьма тщательно воздѣлываютъ свои поля и отлично ихъ унаваживаютъ, такъ что отъ сильнаго удобренія не рѣдко хлѣбъ полегаетъ. Впрочемъ, разнорѣчіе гг. Михайлова и Аврамова можетъ быть объяснено тѣмъ, что первый изъ нихъ имѣлъ въ виду Устьсысольскій, а послѣдній Яренскій уѣзды.

Порядокъ пользованія землею такой-же, какъ и у Русскихъ государственныхъ крестьянъ: земля послѣ каждой ревизіи дѣлится по душамъ, при чемъ принимается за основаніе не наличное число душъ въ каждомъ семействѣ, а рабочія силы и то, за сколько душъ берется тотъ или другой домохозяинъ платить государственныя подати. По-этому земля отводится иногда бездѣтнымъ вдовамъ, когда онѣ обязуются платить подати за душу, полдуши или четверть души. Напротивъ, если кто и изъ мущинъ не желаетъ платить податей, то такимъ вовсе не дается земли и они называются *бобылями*. Этихъ бобылей, обыкновенно нищихъ и незаконно-рожденныхъ, можно найти по нѣскольку въ каждомъ обществѣ. Сѣнокосная земля измѣряется *копнами* и *косами*. *Копна* принимается въ 5 возовъ, а *косой* называется такое пространство, на которомъ одинъ человѣкъ въ одинъ день можетъ скосить траву.

Въ случаѣ невозможности обработать извѣстный участокъ собственными средствами прибѣгаютъ къ найму со стороны постоянныхъ *работниковъ*, *поденьщиковъ* и къ *помочамъ*. *Работники* бываютъ или годовые или нанимающіеся на лѣто (съ Прокопьева дня, т. е. 8 Іюля до Покрова). За это время работнику платится отъ 7 до 12 р., а работницѣ отъ 3 до 5 р. и кромѣ того послѣднія выговариваютъ пару новыхъ *чарковъ* (обувь) или башмаковъ, иногда бумажный платокъ копѣекъ въ 30, нѣсколько льну или конопли и четверикъ (*пудовка*) или два хлѣба. На цѣлый годъ работники и работницы нанимаются рѣдко. Первымъ платится не болѣе 17 р., а послѣднимъ до 7 и 10 р. Нанимающіе работницъ помѣсячно на зиму платятъ отъ 30 до 40 к., безъ всякихъ другихъ условій. Въ лѣтнее же время, съ 7 іюля по Октябрь, нанимаютъ въ иныхъ семействахъ для присмотра за дѣтьми нянекъ, называемыхъ *пѣстуньями*. Въ пѣстуньи поступаютъ дѣвочки отъ 10 до 14 лѣтъ и получаютъ за лѣто отъ 1 р. до 1 р. 50 к. *Поденщики* и *поденщицы* берутся только въ страдное время и зимой, изрѣдка, для молотьбы. Въ лѣтнее время пѣшему поденьщику платится до 30, а конному до 50 к. въ день, поденщицамъ же отъ 10 до 12 к. Женщины иногда нанимаются жать *съ четверика*, т. е. выговариваютъ себѣ плату на своихъ харчахъ за жнитво высѣяннаго четверика ржи или ячменя. Такую плату работницы находятъ выгоднѣе поденной, хотя она, обыкновенно, также незначительна [363]).

Помочи дѣлаются также, какъ и вездѣ въ Россіи. Только на Удорѣ для помочанъ не покупается вина и не варится пива; но приготовляется хорошая пища; потому что тамъ за оказанную сосѣдомъ помощь платится тѣмъ-же.

Замѣчательно, что въ Зырянскомъ краѣ сохранился весьма древній русскій обычай обработыванія земли *изъ полу*. Въ Устюгскомъ, Никольскомъ и Сольвычегодскомъ уѣздахъ Вологодской губерніи *половники* составляютъ особый видъ крестьянскаго сословія, и поселяются на *владѣльческихъ* земляхъ на болѣе или менѣе продолжительные сроки по формально свидѣтельствуемымъ записямъ. Здѣсь-же они существуютъ, такъ сказать, неоффиціально и, пожалуй, даже незаконно, и отношенія ихъ къ хозяевами не тѣ, какія узаконены для половниковъ Устюгскаго и др. уѣздовъ [364]). Въ Зырянскомъ краю половники бываютъ *временные* и *постоянные*. *Временные*, т. е. нанимающіеся каждогодно, получая отъ хозяина сѣмена и навозъ, исполняютъ всѣ земледѣльческія работы, начиная съ посѣва до вымолота, за что и получаютъ половину урожая, за вычетомъ изъ общей массы его, до раздѣла, въ пользу хозяина сѣмянъ. *Постоянные* половники живутъ въ домахъ хозяевъ и пользуются ихъ скотомъ; но за то получаютъ меньшую долю изъ урожая [365]).

---

361) См. примѣч. 354.

362) Вол. Губ. Вѣд. 1858 г. № 41: «Опис. физич. свойствъ Яренскаго уѣзда», г. В. Аврамова.

363) Тамъ-же. Всѣ цѣны на земледѣльческія работы мы заняли у г. Аврамова; слѣд. въ настоящее время онѣ могли уже измѣниться.

364) Въ Устюгскомъ, Никольскомъ и Сольвычегодскомъ уѣздахъ половники живутъ на крѣпостныхъ владѣльческихъ земляхъ. Подробности можно видѣть въ статьѣ нашей, напечатанной въ Журн. Мин. Госуд. Имущ. 1862 г. подъ заглавіемъ: «Половники».

365) См. примѣч. 326.

Говоря о способахъ обработки полей, мы не можемъ не упомянуть объ одномъ земледельческомъ пріемѣ, который едва-ли существуетъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Если съ осени снѣгъ выпадетъ на мокрую землю и зима многоснѣжна, то, чтобы хлѣбъ не подопрѣлъ, нѣкоторые домохозяева стаптываютъ поля лошадьми [366]).

Сѣно косятъ вездѣ *горбушами* [367]).

Мы уже перечисляли, слѣдуя г. Аврамову, тѣ огородные овощи, которые съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ могутъ быть разводимы въ Зырянскомъ краѣ, причемъ замѣтили, что не всѣ они и не повсюду воздѣлываются. Мы видѣли также, что напр. въ Синдорскихъ селеніяхъ огородовъ вовсе нѣтъ [368]). Но это не единственная мѣстность въ своемъ родѣ. Въ сѣверной части печорскаго прихода въ огородахъ встрѣчается одна рѣпа, а въ южной, кромѣ того, въ небольшомъ количествѣ капуста [369]). Въ южной половинѣ Зырянскаго края дѣйствительно повсемѣстно разводятся, кромѣ рѣпы и капусты, рѣдька, лукъ, картофель, хмѣль и горохъ [370]). Послѣдній сѣется и на поляхъ [371]).— Изъ нихъ:

Картофель родится вездѣ хорошо, а на песчаныхъ мѣстахъ превосходно [372]).

Нельзя того-же сказать *о капустѣ*. Хотя г. Михайловъ и пишетъ [373]), что кочни этого растенія бываютъ иногда по 4 фунта; но мы думаемъ, что онъ отмѣтилъ случайность: мы имѣли случай видѣть много капусты около Устьвыми и думаемъ, что еслибы очистить, какъ это водится въ другихъ мѣстахъ, зеленые и не свившіеся листья ея, то не осталось-бы въ кочнѣ и $^1/_4$ фунта. Не лучшую капусту мы видѣли также въ Кажимскомъ заводѣ. Въ Москвѣ ее не стали-бы ѣсть.

Рѣдька и *рѣпа*, по словамъ того-же г. Михаилова, бываютъ по 10 и 15 фунт. [374]). Быть можетъ, и это только рѣдкость.

Лукъ—какъ и вездѣ.

Хотя мы и имѣемъ оффиціальныя цифры о числѣ разнаго рода скота, но не пользуемся ими по тѣмъ же причинамъ, какъ и свѣдѣніями о количествѣ посѣва и урожая.

Обиліе луговъ и сочныхъ травъ даютъ Зырянамъ возможность держать много скота и улучшить его породу. И дѣйствительно, мы можемъ сказать, что, покрайней мѣрѣ, относительно крупнаго рогатаго скота, они пользуются тѣмъ, что имъ даетъ природа страны.— Вообще Зыряне быковъ и коровъ держатъ больше, нежели Русскіе, и продукты скотоводства въ видѣ мяса, кожъ и масла вывозятся за предѣлы края.— По словамъ г. Кашперова, на Удорѣ послѣ звѣриныхъ и птичьихъ промысловъ, скотоводство составляетъ главное занятіе жителей [375]). Достойнствами своими славится скотъ Печорскій, [376]), и Вымскій [377]); но мы знаемъ, что онъ хорошъ и по Вычегдѣ, и продается въ сосѣдніе уѣзды Вологодской и Вятской губерній: зырянскіе быки даютъ мяса до 20 пуд. и чистаго сала до 7 пуд. [378]).

Всѣ *коровы* у Зырянъ комолыя [379]). *Овцы* обыкновенныя и тоже комолыя.

Лошади обыкновенныя. Мы видѣли въ Яренскомъ уѣздѣ хорошихъ крестьянскихъ лошадей; но г. Михайловъ увѣряетъ [380]), что въ Устьсысольскомъ уѣздѣ онѣ слабосильны, съ чѣмъ спорить не будемъ; потому что и намъ такъ казалось, когда мы проѣзжали по Сысолѣ и Лузѣ, на такъ называемыхъ обывательскихъ лошадяхъ, можетъ быть впрочемъ отъ того, что Зыряне или точнѣе Зырянки усердные, но плохіе ямщики [381]).

Зырянскія *свиньи*, извѣстныя подъ названіемъ чудскихъ, имѣютъ длинныя уши и тучны. Онѣ вѣсятъ отъ 3-хъ до 7 пуд. [382]). Ихъ не держатъ только на Удорѣ и Печорѣ, гдѣ дорожатъ хлѣбомъ [383]).

Изъ домашнихъ птицъ однѣ *куры* и то не вездѣ. На Удорѣ ихъ не держатъ, жалѣя хлѣба. Но и въ другихъ мѣстахъ ихъ мало. Зыряне объясняютъ это тѣмъ, что они портятъ поля, которыя дѣйствительно начинаются у самыхъ дворовъ. Куриное мясо почему-то не употребляется; но яйца ѣдятъ охотно [384]).

---

366) Волог. Губ. Вѣд. 1849 г. № 6: «Зырянскія повѣрья», г. П. Кочіева.

367) Это весьма длинная коса на коротенькой рукояткѣ. Лезвее ея находится на внѣшней сторонѣ, и ею косятъ на отмашь.

368) См. въ гл. XI «Путешествіе г. Мельникова къ Синдорскому озеру.»

369) Волог. Губ. Вѣд. 1854 г. № 30: «Печорскій приходъ», г. Попова-Ловчимскаго.

370) Тамъ-же 1852 г. № 34: «О земледѣліи и скотоводствѣ у Зырянъ», г. М. Михайлова.

371) См. примѣч. 357.

372) См. примѣч. 370.

373) Тамъ-же.

374) Тамъ-же.

375) См. примѣч. 357.

376) См. примѣч. 370.

377) См. примѣч. 360.

378) Тамъ-же.

379) См. примѣч. 357 и 370, а также Волог. Губ. Вѣд. 1863 г.: «Двѣ Зырянскія сказки»,

380) См. примѣч. 370.

381) Въ Зырянскомъ краю, особенно зимою, когда мужчины находятся на промыслахъ, ямщичаютъ больше женщины и дѣвицы.—Онѣ припрягаютъ всегда множество лошадей, не требуя за лишнихъ прогоновъ, гусемъ, и на каждой сидитъ наѣздница. Въ 1858 г. мы выѣхали изъ Вологды на тройкѣ, и чѣмъ далѣе подвигались къ сѣверу, намъ запрягали все болѣе и болѣе лошадей; такъ что между Устьсысольскимъ и Кажимскимъ заводомъ впрягались уже цѣлые табуны, которые только путались.

382) См. примѣч. 370.

383) Волог. Губ. Вѣд. 1859 г. № 32: «Жители Яренск. уѣзда и ихъ хозяйств. бытъ», г. В. Аврамова.

384) См. примѣч. 370.

ГЛАВА XIII.

ЗВѢРИНЫЕ И ПТИЧЬИ ПРОМЫСЛЫ.

Уменьшеніе числа пушныхъ звѣрей.—Переселенія бѣлки.—Сорты ея.—Цѣны.—Количество добычи.—Зайцы.—Горностаи.—Олени.—Лисицы.—Прочіе звѣри.—Рябчики.—Количество добычи.—Куропатки.—Тетери.—Водяная дичь.—Лѣсованья.—Охотничьи партіи.—Охотничья провизія.—Ружья.—Собаки.—Матка.—Отправленіе на охоту.—Нарты.—Пывзяны и щамьи.—Производство охоты.—Пимы.—Лыжи.—Ловушки.—Возвращеніе по домамъ.—Второе лѣсованье.—Особенности охоты на другихъ птицъ и звѣрей.—Охота на рябчиковъ; на оленей: заговоръ на петли; гоньба.—Охота на медвѣдей.—Охота на лисицъ.—Выкормка ихъ.—Заключеніе.

Хотя хлѣбопашество въ большей части Зырянскаго края, по цѣнности его произведеній и пользѣ, приносимой населенію, должно-бы почитаться главнымъ занятіемъ; но не такъ смотрятъ на него сами Зыряне. Зырянинъ охотникъ по природѣ и, конечно, ни въ чемъ другомъ не выражаются такъ его племенные инстинкты, какъ въ охотѣ: это его исторія и поэзія. Если-бы нужно и можно было писать исторію зырянъ, то надобно-бы было писать исторію ихъ охоты; если-бы кто хотѣлъ изучить ихъ поэзію, то долженъ-бы былъ познакомиться прежде всего съ ихъ охотничьими разсказами. Не даромъ увѣряютъ, что этотъ народъ, строящій свои дома гдѣ и какъ попало, для охотничьихъ *пывзяновъ* всегда выбираетъ мѣста живописныя. По такой причинѣ мы съ особенною подробностію будемъ говорить о звѣриныхъ и птичьихъ промыслахъ [385]).

Нынѣ установилось мнѣніе, что Зырянскій край оскудѣлъ пушными звѣрями. Такое мнѣніе относительно цѣнныхъ звѣрей совершенно справедливо. Въ старину ловились здѣсь, какъ почти и вездѣ въ Россіи, бобры, а теперь они до-чиста вывелись; были соболи,—даже въ окрестностяхъ Устьсысольска, а теперь хотя и попадаются они Печорцамъ, но *за Камнемъ*, т. е. по ту сторону Уральскаго хребта, и притомъ чрезвычайно рѣдко [386]). Думаютъ, что звѣри истреблены охотниками и что они *ушли за Камень*. Но нельзя того-же сказать о главной статьѣ промысловъ, именно о бѣлкѣ. Истребить ее трудно, потому что она чрезвычайно плодлива: самки носятъ весною и осенью отъ 6 до 10 дѣтенышей, изъ коихъ весенніе, въ свою очередь, плодятся и къ осени того-же года приплодъ ихъ уже готовъ для стрѣльбы. По мнѣнію охотниковъ, отъ каждой пары бѣлокъ, т. е. отъ самца и самки (онѣ живутъ въ гнѣздахъ (*гойна*) по парно) разводится ежегодно до 40 штукъ [387]). Дѣйствительно, въ иные годы этого звѣрка бываетъ очень мало; но это отъ того, что онъ уходитъ въ другія мѣста, а именно на сѣверовостокъ, за Уральскія горы,—когда не находитъ у себя корму.—Надобно замѣтить, что бѣлка тамъ, гдѣ есть кедръ, питается преимущественно кедровыми орѣхами; послѣ кедровыхъ орѣховъ любимую пищу ея составляютъ сосновыя шишки и за тѣмъ уже еловыя [388]). Говорятъ, что до 1851 года въ Зырянскихъ лѣсахъ было такъ мало бѣлки, что самые лучшіе охотники убивали ихъ только по нѣскольку десятковъ; въ 1851-же году, замѣчательномъ по обильному урожаю всѣхъ растеній, она опять появилась въ такомъ изобиліи, что на Удорѣ даже плохіе охотники получали по 200 и болѣе штукъ на ружье. Нѣкоторые думаютъ, что бѣлка появляется періодически, что года по 3 по 4 ея бываетъ мало, а потомъ она снова размножается [389]). При переселеніяхъ своихъ, бѣлка какъ будто руковод-

---

385) Излагая свѣдѣнія о звѣриныхъ, птичьихъ и рыбныхъ промыслахъ, мы главнымъ образомъ будетъ придерживаться помѣщенной въ Памятной книжкѣ Вологодской губерніи на 1865 и 1866 гг. статьи г. Фл. Арсеньева подъ заглавіемъ: «О промышленныхъ дѣлахъ и торговыхъ сношеніяхъ въ Зырянскомъ краѣ». Гг. Дмитріевъ и Владыкинъ въ 1873 г. издали это сочиненіе особой книжкой подъ заглавіемъ: «Зыряне и ихъ охотничьи промыслы». Въ изданіе гг. Дмитріева и Владыкина, къ сожалѣнію, вошла только часть помѣщенной въ Памятной книжкѣ статьи г. Арсеньева и не помѣщенъ цѣлый отдѣлъ ея о рыбныхъ промыслахъ и торговлѣ. Поэтому мы будемъ ссылаться на Памятную книжку.

386) Вол. Губ. Вѣд. 1852 г. № 12: «Сравненіе старыхъ цѣнъ съ нынѣшними на мѣха пушныхъ звѣрей въ Устьсысольскомъ уѣздѣ», г. Мельникова.

387) Памятн. книжк. Волог. губ. на 1865 и 1866 гг: «О промышл. дѣлахъ и торгов. сношеніяхъ въ Зырянскомъ краѣ», г. Фл. Арсеньева, стр. 30 и 31.

388) Тамъ-же.

389) Волог. Губ. Вѣд. 1858 г. № 52: «Описан. физич. свойствъ Яренск. уѣзда», г. В. Аврамова.

ствуется какимъ-то непреодолимымъ инстинктомъ: она идетъ огромными стадами всегда по прямому направленію; перебирается черезъ горы, пожарища, селенія и даже озера и широкія рѣки. Въ послѣднемъ случаѣ онѣ употребляютъ пушистые хвосты вмѣсто паруса; иногда садятся на сучья и деревья и, вмѣстѣ съ ними, прибиваются къ противоположному берегу. Проходя чрезъ селенія, онѣ перебираются по крышамъ домовъ, гуменъ, и т. д.—Если переселеніе начинается рано, напр. въ Августѣ, то бѣлка уходитъ далеко; если-же поздно, то сильные морозы заставляютъ ее останавливаться, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она находитъ довольно пищи. Въ такомъ случаѣ она ложится въ гнѣздахъ, изъ которыхъ выходитъ порѣзвиться только въ ясную и теплую погоду.—Бѣлки переселяющіяся называются *ходовыми*, а остающіяся на мѣстахъ—*таборными* [390]).

Достоинство бѣлки зависитъ отъ корму и отъ времени года. Лучшею считается печорская бѣлка; потому что питается кедровыми орѣхами. Лѣтомъ она имѣетъ короткую и рыжую шерсть и для стрѣльбы вовсе не годится. Съ приближеніемъ же осени начинаетъ линять: шерсть ея становится длиннѣе и гуще и рыжій цвѣтъ мѣняетъ на темнодымчатый. Къ Октябрю она вычищается совершенно; а въ Мартѣ снова начинаетъ рыжѣть. Впрочемъ и зимняя бѣлка не равно цѣнится: лучшею считается та, которая ловится въ Ноябрѣ и Декабрѣ, и за тѣмъ достоинство ея постепенно понижается. Оно опредѣляется вѣсомъ шкурокъ: 1,000 ноябрьскихъ или декабрьскихъ шкурокъ печорскаго лова вѣситъ пудъ, февральскихъ не болѣе 35 ф. [391]) а мартовскихъ еще менѣе.

Цѣна бѣлчьихъ шкурокъ не одинакова, смотря по большей или меньшей успѣшности промысловъ; но вообще постепенно возвышается. Въ послѣдніе годы она колебалась около 7 р. за сотню и доходила до 8 р.

Количество добычи большая часть писателей, продерживавшихся оффиціальныхъ свѣдѣній, показываютъ въ нѣсколько разъ ниже дѣйствительнаго; такъ напр. г. Бунаковъ опредѣляетъ его для цѣлыхъ двухъ уѣздовъ: Устьсысольскаго и Яренскаго въ 348,000 шт. [392]). Г.-же Богдановъ для одного Устьсысольскаго назначаетъ 800,000 шт. [393]), неизвѣстно на основаніи какихъ данныхъ; но цифра его близка къ истинной. Изъ стотысячнаго почти населенія Зырянскаго края мы считаемъ не менѣе 10,000 охотниковъ. Полагая—же на каждаго очень бѣдную цифру, именно по 100 штукъ, мы получимъ 1,000,000—и это крайній minimum. Зырянскій охотникъ проводитъ на промыслахъ около 100 дней: не поодной-же штукѣ онъ добываетъ каждый день! Если даже мы преувеличили число охотниковъ, то и тогда наша цифра ни въ какомъ случаѣ не превыситъ истинной.

Изъ пушныхъ звѣрей послѣ бѣлки въ Зырянскихъ лѣсахъ больше всѣхъ другихъ водится зайцевъ [394]). Но о томъ, сколько ихъ ловится и стрѣляется, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, кромѣ оффиціальныхъ, которыми, какъ уже и раньше замѣтили, не вѣримъ. Но думаемъ, что эта статья промысловъ не значительна, именно потому, что никто о ней не говоритъ ни слова.

Г. Арсеньевъ главнымъ, по доходности, предметомъ охоты послѣ бѣлки считаетъ горностая [395]); но мы опять не имѣемъ никакихъ цифръ.

По нашему мнѣнію, едва-ли не важнѣе охота на оленей и лосей. Когда мы будемъ говорить о производствѣ ея, увидимъ, что этихъ животныхъ убивается весьма много. При томъ-же здѣсь надобно брать въ разсчетъ не только шкуру животнаго, но и мясо, которое ѣдятъ сами охотники, а также языки и рога, которые продаются. По словамъ г. Арсеньева, въ послѣднее время олень началъ исчезать въ Зырянскихъ лѣсахъ отъ преслѣдованій охотниковъ [396]). Мы по этому поводу не можемъ высказать никакого мнѣнія; но не можемъ не замѣтить, что Зыряне не со вчерашняго дня охотятся за оленями: почему же только нынѣ охота эта стала столь истребительна?

Промыселъ лисицъ весьма скуденъ. Звѣрь этотъ съ каждымъ годомъ попадается все рѣже и рѣже; особенно цѣнные сорта его: черная и даже чернобурая лисица рѣдкость; но за то это кладъ; потому что шкура первой цѣнится отъ 150 до 200 и болѣе рубл., а послѣдней,—отъ 30 до 100 и болѣе [397]).

Остальные звѣри, какъ-то: куницы, медвѣди, волки, россомахи, выдры и рыси стрѣляются и бьются только тогда, когда охотникъ случайно нападаетъ на ихъ слѣдъ. Три послѣдніе звѣря рѣдко попадаются; волковъ также мало [398]).

Изъ птицъ главный предметъ охоты состовляютъ рябчики. Они, также какъ и бѣлки, разнаго достоинства, и лучшими считаются печорскіе.—Нѣкоторые объясняютъ это тѣмъ, что на Печорѣ они питаются кедровыми орѣхами, почему и называютъ ихъ иногда *кедровиками*; но такое объясненіе принадлежитъ къ числу басень. Г. Богдановъ пишетъ [399]), что одинъ любитель птицъ, державшій у себя и рябчиковъ, сталъ было кормить ихъ кедровыми орѣхами; но они переоколѣли. На Печорѣ рябчики лучше (больше) потому, что тамъ больше любимой

---

390) См. примѣч. 387.

391) См. по примѣч. 387 на стр. 32.

392) Волог. Губ. Вѣд. 1858 г. № 24: «Сельско-хозяйств. очеркъ Волог. губ.», г. Н. Бунакова.

393) Тамъ-же 1849 г. № 36: «Нѣсколько словъ о Устьсысольскѣ и его уѣздѣ».

394) См. примѣч 389.

395) См. примѣч. 387.

396) См. по примѣч. 388

397) Тамъ-же.

398) См. примѣч. 389.

399) См. примѣч. 393.

ихъ пищи, — разнаго рода ягодъ, именно: брусники, клюквы, черники, а также потому, что охотники тамъ позже начинаютъ ихъ стрѣлять, т. е. тогда, когда они успѣютъ совсѣмъ развиться [400]).

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, *рябчиковъ* добывается 130,000 шт. [401])—цифра, положительно не вѣрная. По словамъ г. Арсеньева въ одномъ Устьсысольскомъ уѣздѣ въ хорошій годъ добывается до 300,000 паръ [402]). Придерживаясь разсчета, принятаго для опредѣленія цифры добычи бѣлки, мы соглашаемся съ г. Арсеньевымъ и для цѣлаго Зырянскаго края принимаемъ 1.000,000 шт., или 500,000 паръ рябчиковъ. Хотя ихъ бьютъ не цѣлую зиму, какъ увидимъ, но за то, во-первыхъ, во время охоты собственно на нихъ, они истребляются цѣлыми стадами, а во-вторыхъ эта охота, производясь не подалеку отъ селеній, привлекаетъ бо̀льшую массу охотниковъ, чѣмъ охота на бѣлку, тѣмъ болѣе, что рябчикъ цѣннѣе бѣлки. Цѣны на рябчиковъ, какъ и на бѣлку, колеблясь сообразно съ успѣшностью промысловъ, хотя неравномѣрно, но постоянно возвышаются. Въ концѣ 1860-хъ годовъ онѣ доходили до 25 коп. за пару, а въ осень и зиму $187^3/_4$ г., по словамъ скупщиковъ—спекулянтовъ, до 35 коп. и дороже, что ни мало не невѣроятно, если справедливъ отзывъ одного изъ нихъ (г. Хлызова), что онъ продалъ въ Москвѣ свой товаръ по 80 коп. за пару; а въ справедливости такого отзыва мы не считаемъ себя въ правѣ сомнѣваться, кромѣ другихъ причинъ, и потому, что рябчики изъ Вельскаго уѣзда, во всякомъ случаѣ худшіе зырянскихъ, проданы въ Москвѣ по 45 коп., при чемъ продавецъ (г. Синицкій) сожалѣлъ, что продешевилъ, хотя и сознавался, что товаръ его не перваго сорту.

Послѣ рябчиковъ самая выгодная статья птицеловства—*куропатки*. Онѣ водятся въ Зырянскомъ краѣ огромными стадами и попадаются въ капканы и силки [403]), но цѣны на нихъ низки—копѣйки по 3 и по 2 за штуку [404]). Ихъ много ѣдятъ сами Зыряне, а перья продаютъ по 1 р. за пудъ. Теперь всякаго рода ловится очень много, но цифръ, кромѣ оффиціальныхъ, мы не имѣемъ.

Объ обиліи водяной дичи послѣ того, что сказано объ этомъ предметѣ раньше, мы считаемъ даже лишнимъ распространяться [405]). Но къ сожалѣнію, она потребляется только на мѣстѣ, и въ продажу идти не можетъ. Въ Зырянскомъ краѣ даже закономъ разрѣшено охотиться на нее безъ всякаго ограниченія.—Мы не наблюдали, подобно г. Арсеньеву, осенняго отлета птицъ изъ за полярнаго круга; но имѣли случай видѣть около Яренска, на обширной равнинѣ сливающихся въ весеннее время водъ рр. Вычегды, Яреньги, Кижмолы и другихъ несчетныя стада отдыхающей перелетной къ полюсу водяной дичи, и отказываемся передать то впечатлѣніе, которое производила на насъ, когда-то, неугомонная картина сторожкихъ пернатыхъ путешественниковъ, густо разсѣянныхъ на широкомъ раздольѣ гостепріимнаго становища, кишащаго даровою рыбою.

Звѣриные и птичьи промыслы производятся въ два періода времени, которые называются *лѣсованьями*. Первое начинается въ концѣ Сентября или въ началѣ Октября, т. е. когда звѣрь и птица вылиняютъ и выспѣютъ, и когда послѣднюю можно бить, не опасаясь порчи, и продолжается до Декабря, когда открываются ярмарки, на которыхъ добыча сбывается. Второе лѣсованье начинается въ Январѣ и продолжается до тѣхъ поръ, пока не покажутся признаки весны, когда звѣрь начнетъ линять, птицу нельзя будетъ бить въ прокъ и пути начнутъ портиться.

На охоту Зыряне отправляются партіями, по словамъ однихъ отъ 2 до 5 человѣкъ [406]), а по словамъ другихъ—до 12 [407]). Дѣйствительно численность партій не вездѣ и всегда одинакова; такъ какъ не всегда равно далеко и на равное время отправляются охотники. Печорцы, наприм., уходятъ верстъ за 500 и болѣе [408]). Но двухъ человѣкъ для партіи во всякомъ случаѣ мало; потому что на бѣлку нужно всегда идти вдвоемъ, такъ какъ она очень искусно прячется отъ охотника въ гущѣ вѣтвей, и ее необходимо одному человѣку *выколачивать*, т. е. стучать по дереву, на которомъ она скрывается, топоромъ, а другому слѣдить ее, когда она, испуганная, перепрыгиваетъ на другое. Кромѣ того, одинъ охотникъ всегда долженъ пораньше забраться на мѣсто остановки, чтобы приготовить пищу.

Отправляясь на промыслы, охотники прежде всего запасаются съѣстною и охотничьею провизіею. По словамъ г. Латкина Печорцы брали на человѣка по 4 пуда сухарей, сушеныхъ пироговъ съ крупой по 1 п., муки—ячной и ржаной по пуду [409]), крупы—по 10 ф., ячной муки для собакъ—по 1 п., масла—по 12 ф., свѣжаго сала для блиновъ—по 2 ф., сухой рыбы—по 15 ф., сырой говядины—по 30 ф., соли—по 10 ф., пороху—по 3 ф., свинцу—по 4 ф., всего—по 10 п. 6 ф.; но г. Арсеньевъ говоритъ [410]), что нынѣ, съ упадкомъ промышленности, охотники уже не роскошествуютъ: блиновъ не пекутъ, масломъ кашицы не сдабриваютъ.

---

400) См. по примѣч. 387 стр. 41.
401) См. примѣч 392.
402) См. примѣч. 400.
403) См. примѣч. 356.
404) См. въ текстѣ противъ примѣч. 157 и 169.
405) См. по примѣч. 387.

406) См. по примѣч. 387 стр. 24.
407) Вол. Губ. Вѣд. 1856 г. № 41: «Осенніе промыслы Зырянъ» г. П. Сорокина.
408) См. примѣч. 406 и 407.
409) Печорцы ѣдятъ и ржаной хлѣбъ; потому что, за недостаткомъ своего, получаютъ его изъ Пермской губерніи.
410) См. по примѣч. 387.

Необходимая принадлежность всякаго охотника—*ружье*. Зыряне употребляютъ винтовочныя ружья, преимущественно издѣлія мѣстныхъ мастеровъ—самоучекъ. Они большею частію узкодульныя; потому что широкодульныя требуютъ много пороху и свинцу, и употребляются только на крупнаго звѣря. Для первыхъ изъ фунта пороху выходитъ болѣе 350 зарядовъ, а изъ фунта свинцу—до 180 пулекъ, величиной въ горошину. Такія ружья, не смотря на все ихъ безобразіе, бьютъ шаговъ на 50 и даже 60. Они всегда бываютъ кремневыя; ложа ихъ иногда составляетъ полѣно, кое-какъ обтесанное, такъ что, при прицѣлѣ, оно берется подъ мышку; курокъ, при взводѣ, удерживается на мѣстѣ посредствомъ придѣланнаго къ нему гвоздя, который однимъ концомъ зацѣпляется за вбитую въ ложе шпильку. О достоинствѣ ствола и говорить нечего.—Несмотря на то, и изъ такихъ ружей Зыряне рѣдко даютъ промахи. Впрочемъ слухъ, что они бьютъ бѣлку, чтобы не попортить шкурки, въ носокъ, а рябчика въ головку, не справедливъ. Мѣткость ихъ стрѣльбы, кромѣ навыка и безспорнаго искусства, объясняется и тѣмъ, что они всегда цѣлятся съ прикладу, т. е. съ сошекъ, которыя и носятъ съ собою, или съ сука дерева; другіе, не увѣренные въ своемъ искусствѣ, ставятъ подпорку даже подъ лѣвую мышку. Само собой разумѣется, что попадаются и хорошія ружья, но это исключеніе изъ правила. Заряжаются они слѣдующимъ образомъ: прежде всего всыпается порохъ; потомъ внутренность ствола натирается наверченною на шомполъ сальною тряпкою; за тѣмъ на отверстіе дула кладется пуля нѣсколько большаго, чѣмъ оно, калибра, придавливается сперва осторожно, чтобы на ней образовались выпуклости, соотвѣтствующія нарѣзкамъ винтовки, и наконецъ догоняется до пороха. Пули Зыряне дѣлаютъ сами. Для этого они носятъ съ собою родъ свинцовой проволоки, спирально свернутой и продѣтой за ремень, на которомъ виситъ пороховница. Въ то время, когда, сдѣлавъ выстрѣлъ, охотникъ снова ищетъ звѣря или птицу, онъ откусываетъ отъ проволоки небольшіе кусочки и округляетъ ихъ зубами. Литыхъ пуль Зыряне не употребляютъ; потому что литой свинецъ тверже и нарѣзки на немъ выдавливаются слабѣе, что можетъ быть причиною невѣрности выстрѣла [411]).

Зырянскія *охотничьи собаки* некрасивы на видъ, но легки, отличаются необыкновенной неутомимостью, тонкимъ чутьемъ и отлично распознаютъ звѣря. Говорятъ, что печорскіе охотники, сдѣлавъ выстрѣлъ, до тѣхъ поръ не заряжаютъ ружей, пока не услышатъ лая собаки, чтобы, соображаясь съ нимъ, приноровить зарядъ къ величинѣ звѣря или птицы. Если собака нападаетъ на слѣдъ крупнаго звѣря, то лаетъ отрывисто и наоборотъ.— Собаки эти не составляютъ особой породы: остроконечная морда, стоячія уши, пушистый хвостъ, шерсть иногда длинная, иногда лоснящаяся, гладкая; ростъ неодинаковъ, но вообще его принимаютъ въ $^3/_4$ арш.; цвѣтъ также неодинаковъ: одни говорятъ, что преобладаетъ черный и пѣгій [412]), а другіе—сѣрый [413]). Къ охотѣ собаки приготовляются, такъ сказать, самоучкой. Еще щенками, вмѣстѣ съ мальчишками, онѣ привыкаютъ гоняться за бѣлками, которыя во множествѣ водятся близь самыхъ зырянскихъ деревень. Послѣ того молодая собака берется въ лѣсъ вмѣстѣ съ старыми, чѣмъ и заключается ея воспитаніе. — Хорошій охотникъ отправляется на промыселъ съ двумя собаками; но при этомъ наблюдается, чтобы обѣ онѣ были равнаго достоинства, такъ какъ въ противномъ случаѣ, плохая только сбиваетъ съ толку хорошую.—Здѣсь выходитъ маленькое недоумѣніе: если на охотѣ плохая собака только мѣшаетъ хорошей; то какимъ образомъ пускаютъ на охоту молодыхъ, не натасканныхъ собакъ, вмѣстѣ со старыми? Такое противорѣчіе мы объяснить не можемъ. Судя по способу образованія собакъ, уже нельзя ожидать, чтобы онѣ напр. подавали охотникамъ дичь: напротивъ, послѣдній долженъ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы онѣ не подхватили добычи. Охотники въ свою очередь тоже не много заботятся объ нихъ: лѣтомъ, т. е. не на охотѣ, ихъ вовсе не кормятъ, предоставляя имъ питаться, гдѣ и какъ онѣ хотятъ; а на охотѣ имъ отдается мясо бѣлокъ и другихъ, не употребляемыхъ людьми въ пищу, животныхъ.

Еще необходимая принадлежность Зырянскаго охотника *матка*, т. е. компасъ для опредѣленія пути въ лѣсныхъ трущобахъ. Хотя охотники, по разнымъ примѣтамъ, умѣютъ опредѣлять направленіе пути, такъ напр. и днемъ, и ночью они распознаютъ страны свѣта по корѣ деревьевъ, которая на сѣверной сторонѣ бываетъ толще, грубѣе и съ трещинами; по сучьямъ и игламъ (въ послѣднемъ случаѣ всего удобнѣе наблюдается лиственица), изъ которыхъ первые на южной сторонѣ длиннѣе и обильнѣе хвоею, а послѣднія всегда обращены къ югу и т. п.: но все таки берутъ съ собой и матки. Это маленькая круглая деревянная коробочка, въ которой на тоненькомъ стержнѣ обращается магнитная стрѣлка, а сверхъ стержня положенъ кружекъ съ разноцвѣтными полосками отъ центра къ окружности. Такія матки получаются изъ Архангельска.

Приготовивъ все нужное для промысла, охотничьи партіи отправляются въ путь водою въ маленькихъ и легкихъ лодочкахъ, которыя можно перетаскивать черезъ переборы (пороги) и мели, и даже черезъ волока и перевалы (изъ рѣки въ рѣку). Въ случаѣ, если ихъ

---

[411]) Тамъ-же.

[412]) Тамъ-же.

[413]) Волог. Губ. Вѣд. 1849 г. № 20: «Стат. опис. Яренск. уѣзда», г. П. Протопопова.

застигнетъ на пути зима, т. е. рѣки замерзнутъ и выпадаетъ снѣгъ, они лодки оставляютъ, а припасы свои перегружаютъ въ *нарты*.

Нарты — это узкія и длинныя, сажени въ двѣ [414]) санки, слѣдующаго устройства: берутся два тонкіе полозка шириною вершка въ два, передніе концы которыхъ выгнуты, какъ и у обыкновенныхъ саней; полозья связываются четырьмя копылами, каждый въ аршинъ; копылы переплетаются между собою тоненькими черемуховыми прутьями, сверхъ которыхъ вдоль нартъ кладется тоненькая дощечка, а къ переднимъ концамъ полозковъ прикрѣпляется въ горизонтальномъ положеніи тоненькая черемуховая дуга, къ которой привязывается поводокъ для тасканья нартъ. Нарты очень легки и поворотливы—качества, необходимыя для того, чтобы таскать за собою значительный грузъ, безъ дороги, перебираясь черезъ валежники, пни и колоды. Г. П. Сорокинъ пишетъ [415]), что зырянскіе охотники послѣ того, какъ замерзнутъ рѣки, запасы свои несутъ на себѣ; но это явная ошибка: надобно быть сказочнымъ богатыремъ, чтобы безъ пути, безъ дороги таскать на плечахъ десяти-пудовую ношу. Положимъ, что приведенная выше цифра вѣса разныхъ охотничьихъ припасовъ, по исчисленію г. Латкина, преувеличена; но если мы уменьшимъ ее вдвое, то и тогда слова г. Сорокина не много болѣе будутъ вѣроятными. — Поэтому мы думаемъ, что онъ или не точно выразился, или имѣлъ въ виду охотниковъ, отправляющихся въ недалекія мѣста промысловъ и на короткое время.

Слѣдуя къ мѣсту охоты, промышленники останавливаются въ такъ называемыхъ *пывзянахъ*, которые разсѣяны по всему пространству Зырянскаго края, одинъ отъ другаго на разстояніи 7, 10 и 15 верстъ. Только на Печорѣ они рѣже; потому что тамъ охотничьи партіи многолюднѣе и слѣдовательно окружность промысловаго участка должна быть больше. Пывзянъ буквально значитъ баня. И дѣйствительно, они устроиваются, какъ бани: это—бревенчатая избушка въ 5 — 6 рядовъ, покрытая на одинъ скатъ досками; на крышу насыпается земля; въ углу кладется каменка, какъ въ черныхъ баняхъ; по стѣнамъ, у самаго потолка устроиваются нары, которыя замѣняютъ банный полокъ; двери прорубаются низенькія и плотно притворяющіяся. Такимъ образомъ пывзяны служатъ и мѣстами ночлега и банями. Въ нихъ такъ тепло, что охотники спятъ, раздѣвшись до нага и просушиваютъ намокшую одежду.

При пывзянахъ, въ сторонѣ, для храненія добычи, устроиваются *щамьи*, т. е. особые чулапы или кладовыя въ видѣ голубятни, иногда на четырехъ, а иногда и на одномъ столбѣ, подтесанномъ книзу въ видѣ конуса. Онѣ отворяются снизу, посредствомъ выдвижной доски. Цѣль щамьи предохранить добычу отъ хищныхъ звѣрей; потому-то онѣ и устроиваются иногда на одномъ, книзу стесанномъ столбѣ: иначе россомаха можетъ попасть въ кладовую.

Г. Сорокинъ [416]) пишетъ, что Зыряне устроиваютъ на мѣстѣ производства охоты шалаши, крытые хвоей и скалою, и съ отверстіемъ для выхода дыму: но это, безъ сомнѣнія, случайность. Очень можетъ быть, что такіе шалаши устроиваются на скорую руку, въ случаѣ надобности, тамъ, гдѣ нѣтъ бревенчатыхъ пывзяновъ. Описывая пывзянъ и щамью, мы слѣдовали г. Арсеньеву, которому не имѣемъ никакого права не вѣрить; такъ какъ онъ наглядно передаетъ даже мелкія подробности устройства ихъ, а къ книгѣ его «Зыряне и ихъ охотничьи промыслы» приложены и рисунки этихъ построекъ.

Помѣстившись въ одномъ изъ такихъ пывзяновъ, охотники каждый день разсыпаются по окрестностямъ. Съ начала перваго лѣсованья, когда снѣгъ неглубокъ, они охотятся преимущественно на бѣлку, и всегда ходятъ по два вмѣстѣ, потому что, какъ уже выше сказано, одинъ долженъ *выколачивать* животное, а другой—стрѣлять. Въ это время собака необходимый спутникъ охотника. Бѣлка собаки не боится, и, по видимому, любитъ слушать лай ея, и смотритъ на нее, прыгая по нижнимъ вѣтвямъ дерева, но тотчасъ-же прячется на вершинѣ, какъ только замѣтитъ приближеніе охотника. Вечеромъ охотники собираются въ пывзянѣ, гдѣ закусываютъ, очищаютъ убитыхъ звѣрей, парятся и длинные зимніе вечера коротаютъ веселыми разговорами о происшествіяхъ истекшаго дня. — Когда звѣрь въ окрестностяхъ одного пывзяна истребится, партія переселяется въ другой.

Такимъ порядкомъ продолжается охота до тѣхъ поръ, пока не выпадетъ столько снѣгу, что трудно будетъ ходить охотнику и собакѣ рыскать, отыскивая слѣды звѣрей. Тогда первые надѣваютъ пимы и лыжи, собакъ съ собой не берутъ, а ружье носятъ только на случай, если натолкнутся нечаянно на добычу. Ружье замѣняется ловушками.

О пимахъ мы говорили ранѣе [417]).

Лыжи дѣлаются изъ еловыхъ досокъ длиною не болѣе 3-хъ аршинъ, шириною въ четверть, а толщиною по срединѣ, гдѣ утверждается нога, въ $^1/_4$ дюйма, къ бокамъ-же и концамъ еще тоньше. Передніе концы округлены и выгнуты кверху; а средина-къ ногѣ. Послѣдній выгибъ поддерживается оленьими жилами, положенными во всю длину лыжъ, и даетъ имъ удивительную быстроту: стоитъ только давнуть лыжу ногою, чтобы она бы-

414) См. примѣч. 344.
415) См. примѣч. 407.
416) См. примѣч. 407.
417) См. примѣч. 161.

стро двинулась впередъ. Скользкости лыжъ способствуетъ то, что онѣ снизу подклеиваются *кисами* — шкурою, содранною съ ногъ оленя, шерстью, разумѣется, наружу. Такая подбивка способствуетъ также подъему на горы, потому что шерсть, обращенная концами къ задней части лыжи, не позволяетъ ей катиться назадъ. Края шкуры загибаются на верхнюю сторону лыжи и крѣпко къ ней приклеиваются какою-то особенной мастикой. Посрединѣ дѣлаются ременныя путы, которыми нога укрѣпляется такъ, чтобы не могла скользить назадъ. Подъ ноги кладется толстое бересто, чтобы ни къ лыжамъ, ни къ пимамъ не прилипалъ снѣгъ. Отправляясь въ лѣсъ на лыжахъ, охотникъ беретъ съ собой посохъ, къ нижнему концу котораго прикрѣпляется обручъ съ переплетомъ внутри для того, чтобы онъ не глубоко тонулъ въ снѣгу, а на верхній насаживается желѣзный крючекъ, которымъ, при подъемѣ на горы, цѣпляются за сучья деревьевъ.

Ловушки весьма разнообразны; но всѣ устроиваются съ цѣлью привлечь звѣря на приманку, трогая которую онъ роняетъ на себя какую нибудь тяжесть. Для приманки бѣлокъ употребляются особенные маленькіе красно-желтые грибки, которые запасаются съ осени и присаливаются; куница и россомаха ѣдятъ всякое мясо, даже воронье; соболи любятъ рябчиковъ.

Число ловушекъ у каждаго промышленника бываетъ различно: 100, 200 и доходитъ по словамъ г. Арсеньева, до 600 и 800 [418]); но послѣднія цифры мы считаемъ невѣроятными: одному человѣку физически невозможно въ короткій зимній день, продолжающійся въ Зырянскомъ краѣ какихъ нибудь 5 часовъ, осмотрѣть и, при случаѣ, снова насторожить столько ловушекъ [419]). Желающихъ познакомиться съ подробностями устройства ловушекъ на разныхъ звѣрей и птицъ, мы отсылаемъ къ книгѣ г. Арсеньева: «Зыряне и ихъ охотничьи промыслы,» гдѣ читатель найдетъ и рисунки ихъ.

Когда наступаетъ время возвращенія домой, охотники повѣщаютъ сосѣднія партіи, и, въ назначенный день, всѣ снимаются и пускаются въ обратный путь. Впереди идетъ охотникъ налегкѣ, чтобы проложить *лыжницу* для другихъ; за нимъ идутъ другіе, уже съ остатками провизіи и добычею; а позади всѣхъ, уже по мятой тропѣ, бѣгутъ собаки. По мѣрѣ приближенія къ дому, къ этой толпѣ присоединяются другія партіи, такъ что подъ конецъ образуются изъ нихъ огромные караваны.

Второе лѣсованье производится такимъ-же порядкомъ. Само собой разумѣется, что тогда охотники уже отправляются прямо на лыжахъ.

Разсказывая о порядкѣ производства охоты, мы имѣли въ виду преимущественно охоту на бѣлку. Пріемы стрѣлянья и ловли другихъ звѣрей и птицъ имѣютъ нѣкоторыя особенности.

Бѣлка, какъ мы видѣли, не боится собаки, а *рябчикъ* — напротивъ; даже на пріученыхъ къ домамъ и происшедшія отъ нихъ поколѣнія рябчиковъ собачій лай наводитъ такой испугъ, что они улетаютъ въ лѣсъ. Поэтому и охотятся на нихъ безъ собаки. Охота начинается сперва около самыхъ деревень. Промышленникъ отыскиваетъ выводокъ, т. е. цѣлое семейство рябчиковъ, обыкновенно состоящее изъ 5 или 6 паръ. Такое стадо, при появленіи его, поднимается съ земли и садится на самые нижніе сучья деревьевъ. Охотникъ замѣчаетъ, гдѣ какой рябчикъ сѣлъ, и убиваетъ нѣсколько птицъ, одну вслѣдъ за другою, даже не сходя съ мѣста; потому что онѣ не боятся слабаго звука, производимаго выстрѣломъ зырянской винтовки. Только послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ стадо снимается, летитъ далѣе и разсаживается по деревьямъ уже повыше. Но отыскать его не трудно для опытнаго охотника, такъ какъ рябчики всегда летаютъ по прямому направленію; но нужно имѣть навыкъ и зоркость, чтобы усмотрѣть эту птицу на деревѣ,—такъ она искусно прячется въ вѣтвяхъ. — Охотникъ опять убиваетъ одну или нѣсколько штукъ; опять стадо летитъ далѣе, и съ каждымъ перелетомъ садится выше и выше. Тогда употребляется дудка; разлетѣвшіеся рябчики или откликаются или подлетаютъ на свистъ ея. Покончивъ съ однимъ стадомъ, охотникъ отыскиваетъ другое, и продолжаетъ стрѣльбу до тѣхъ поръ, пока въ ближайшихъ къ селенію лѣсахъ дичь истребится, и тогда уже отправляется далѣе. Кромѣ того, рябчики стрѣляются и тогда, когда при производствѣ охоты на бѣлку, случайно попадаются промышленнику. Они попадаются также въ ловушки, но давленые цѣнятся ниже стрѣляныхъ, почему Зыряне иногда нарочно дѣлаютъ на нихъ отверстія въ видѣ ранокъ.

Оленей или стрѣляютъ, когда найдутъ гдѣ-нибудь на отдыхѣ, или ловятъ петлями, разставляемыми на тропинкахъ, по которымъ эти животныя имѣютъ привычку проходить. Здѣсь кстати приведемъ въ русскомъ переводѣ зырянскій заговоръ на чужія петли, чтобы олени въ нихъ не попадали:

---

[418]) См. по примѣч. 387.

[419]) Мы не знаемъ, какимъ порядкомъ осматриваютъ свои ловушки зырянскіе охотники; но, вѣроятно, онъ тотъ-же, что въ сосѣдственныхъ съ Зырянскимъ краемъ русскихъ уѣздахъ Вологодской губерніи. Здѣсь, именно въ Никольскомъ уѣздѣ, мы имѣли случай сопутствовать одному охотнику, при обходѣ имъ своего *путика*. Путикомъ тамъ называется одному охотнику извѣстная тропа или, точнѣе, направленіе, по которому расположена система его ловушекъ. Близь первой ловушки, на какомъ нибудь деревѣ, пнѣ и т. п., онъ дѣлаетъ составляющій его секретъ знакъ, который указываетъ, по какому направленію нужно идти къ слѣдующей западнѣ; здѣсь онъ повторяетъ тоже и т. д. Слѣдуя по этимъ знакамъ, по видимому по произвольной ломанной линіи, онъ обходитъ всѣ свои ловушки, и наконецъ выходитъ къ тому мѣсту, съ котораго началъ осмотръ. При такомъ порядкѣ, осмотръ ловушекъ идетъ, конечно, очень скоро; но, не смотря на то, послѣднія цифры г. Арсеньева мы продолжаемъ считать преувеличенными.

«Олень, олень! Ты не бѣги!— И олень не бѣжитъ. «Веревка, веревка! Ты не дави!— И веревка не давитъ. «Мышка, мышка! Не грызи веревки!—И мышка не грызетъ. «Кошка, кошка! Задави мышку!— И кошка не давитъ. «Дымъ, дымъ! Задуши кошку!— И дымъ не душитъ. «Огонь, огонь! Сожги дымъ!— И огонь не сжетъ. Вода, «вода! Погаси огонь!— И вода не гаситъ» [420]).

Самый выгодный и вмѣстѣ съ тѣмъ самый трудный способъ охоты на оленей-*гоньба*.— Для этого сговариваются нѣсколько человѣкъ. Они отыскиваютъ тропу, по которой животныя ходятъ на водопой. Надобно замѣтить, что олени всегда водятся семействами и любятъ общество, почему иногда нѣсколько семействъ соединяются въ одно стадо. Стада эти всегда ходятъ вереницами по одной, разъ проложенной тропѣ. По той-же тропѣ, по которой ходятъ лѣтомъ, они продолжаютъ ходить и осенью и зимой, и такимъ образомъ снѣгъ, исподволь выпадающій, утаптывается, и эта тропа зимою становится единственнымъ путемъ посреди глубокихъ рыхлыхъ снѣговъ. Два охотника, въ значительномъ одинъ отъ другаго разстояніи, прячутся около тропы въ снѣгу. Какъ только стадо пройдетъ мимо одного изъ нихъ по направленію къ другому, первый становится на тропу и подаетъ сигналъ другому. Олени кидаются въ сторону, въ глубокій снѣгъ. Первый изъ нихъ грудью пролагаетъ путь другимъ, которые вереницей слѣдуютъ за нимъ, до тѣхъ поръ, пока онъ выбьется изъ силъ и упадетъ. Тогда остальные перескакиваютъ черезъ него, и онъ становится послѣднимъ и бѣжитъ уже по умятой тропинкѣ. Когда устаетъ новый передовой, также падаетъ, также черезъ него перескакиваютъ другіе и т. д. Между тѣмъ охотники несутся за стадомъ на лыжахъ, не давая бѣднымъ животнымъ ни отдыху, ни времени, чтобы подкрѣпить силы пищей; они сбрасываютъ съ себя даже лишнюю одежду и остаются въ однѣхъ рубашкахъ, чтобы легче преслѣдовать добычу, а слѣдующій за ними сзади подбираетъ брошенное. Олени больше и больше устаютъ, чаще и чаще падаютъ передовые; наконецъ одинъ за другимъ совсѣмъ отстаютъ отъ стада, и падаютъ подъ выстрѣлами бѣгущихъ по пятамъ охотниковъ.— Такимъ образомъ истребляется иногда цѣлое стадо. Если стадо велико, то гоньба продолжается не одинъ день.— Какимъ образомъ согрѣваются охотники на морозѣ въ ожиданіи товарища съ подобраннымъ ихъ платьемъ, мы уже говорили выше [421]). Здѣсь замѣтимъ только, что въ подобныхъ случаяхъ иногда они ложатся на теплые трупы только что убитыхъ животныхъ.

Гоньба производится преимущественно передъ весной, когда образуется на снѣгу настъ, который легко держитъ охотниковъ на лыжахъ и не поднимаетъ оленей, и послѣдніе сверхъ того, изрѣзывая объ него ноги, ослабѣваютъ, вслѣдствіе истеченія крови и боли.

Изъ различныхъ способовъ *охоты на медвѣдей*, мы упомянемъ только объ одномъ, такъ какъ всѣ остальные употребляются не въ одномъ Зырянскомъ краѣ. Найдя медвѣжью берлогу, охотники отыскиваютъ, по разнымъ примѣтамъ, скважину, которая образуется въ снѣгу отъ дыханія звѣря; нарубаютъ множество вершинъ съ елей и пихтъ длиною въ сажень, и вбиваютъ ихъ въ скважину комлемъ впередъ; разсерженный звѣрь хватаетъ одну вершину за другой, втаскиваетъ ихъ къ себѣ, а вытолкнуть не можетъ; стѣснивъ себя такимъ образомъ, онъ начинаетъ ревѣть; по реву, узнаютъ, гдѣ онъ лежитъ; продалбливаютъ надъ нимъ отверстіе, и убиваютъ изъ ружей или рогатинами [422]).

Противъ *лисицъ*, когда нападутъ на ихъ слѣды, употребляютъ отраву, но съ крайними предосторожностями, чтобы обмануть хитрое животное. Для этого разбрасываютъ кусочки тухлаго мяса, отравленные челибухой или сулемой. Послѣдняя дѣйствуетъ лучше; потому что скорѣе производитъ изверженія, по которымъ и отыскиваютъ звѣря [423]).

Весною, также по слѣдамъ, отыскиваютъ лисьи гнѣзда, берутъ лисенятъ и выкармливаютъ ихъ дома, пока они малы-молокомъ, а когда подростутъ-всякой падалью. Впрочемъ, когда лисята, по извѣстнымъ Зырянамъ примѣтамъ, окажутся хорошей породы, то ихъ кормятъ и мясомъ. Не смотря на то, шкуры выкормковъ всегда хуже шкуръ дикихъ лисицъ [424]). Ихъ убиваютъ около Рождества.

Заключаемъ настоящую главу слѣдующими соображеніями о доходѣ, получаемомъ Зырянами отъ звѣриныхъ и птичьихъ промысловъ.—По нашему мнѣнію, бѣлокъ и рябчиковъ добывается minimum по 1,000,000 штукъ. Цѣна 1,000 первыхъ по 70 р., а послѣднихъ по 125 р.; получимъ 195,000 р., а прибавляя къ этой суммѣ половину ея, какъ стоимость прочихъ звѣрей и птицъ, какъ-то: горностаевъ, куницъ, оленей, лисицъ, медвѣдей, куропатокъ, тетерь и др., цѣнность всѣхъ промысловъ достигнетъ до 300,000 р..

---

420) Волог. Губ. Вѣд. 1853 г, № 33: «Разнообразная ловля оленей и предразсудокъ Зырянъ», г. С. Мельникова.

421) См. противъ примѣч. 342. Отсталаго охотника иногда приходится дожидатся часовъ по 20 (См. по примѣч. 387).

422) См. по примѣч. 387 стр. 49 и 50.

423) Тамъ-же.

424) Волог. Губ. Вѣд. 1856 г. № 45: «Разныя извѣстія», г. П. Сорокина.

ГЛАВА XIV.

РЫБОЛОВСТВО И ДРУГІЕ ПРОМЫСЛЫ.

Стерлядь.—Семга.—Способы рыбной ловли: въ заплеты кужами; крыленами; два способа ловли въ курьяхъ.—Ловля сырпомъ.—Разные другіе промыслы: разработка Брусяной горы; разныя работы на заводахъ; доставка дровъ для Сереговскаго завода; судостроеніе и бурлачество; заработки въ Петербургѣ; лѣсопромышленность; ремесла.

Безчисленное множество зырянскихъ рѣкъ, рѣчекъ и озеръ, изобилующихъ весьма разнообразными породами рыбъ, уже обусловливаетъ значительное развитіе рыболовства, тѣмъ болѣе, что тамошняя рыба отличается и величиною, и вкусомъ, особенно печорская. Лохъ достигаетъ иногда 5 пуд., щука—3 п., нельма, шипъ и налимъ—1 п., лещи—20 ф., семга—1 п. 20 ф. [425]). Въ 1852 г. была поймана семга въ 2 п. 15 ф. [426]). Достоинство печорской семги всѣмъ извѣстно. Г. Арсеньевъ утверждаетъ, что вычегодская стерлядь лучше волжской [427]).

До 1845 г. въ рѣкахъ сѣверодвинскаго бассейна *стерляди* во все не было. Полагаютъ, что она появилась здѣсь послѣ закрытія Сѣвероекатерининскаго канала, посредствомъ котораго соединялась Вычегда съ Камою, и надобно думать, что ей понравилось новое мѣсто жительства, потому что она съ удивительною быстротою распространилась по всему теченію Вычегды, Сѣв. Двины и по Сухонѣ, чуть не до самаго Кубенскаго озера, т. е. считая по возможно прямому водному пути, на 1,500 верстъ. Другіе говорятъ, что въ Вычегдѣ развелъ стерлядь извѣстный въ свое время яренскій охотникъ—рыболовъ А. В. Клеопатровъ. И то и другое намъ не кажется невѣроятнымъ. Однако-же мы знаемъ, что г. Клеопатровъ не дожилъ до времени распространенія стерляди въ Двинской системѣ. Въ 1850 г. въ Устюгѣ маломѣрныя рыбы этой породы продавались дешевле всякой другой. Но послѣ того въ Сухонѣ она стала переводиться, и теперь уже рѣдко попадается даже близь Устюга. Собственно въ Зырянскомъ краѣ она водится преимущественно въ Вычегдѣ; даже въ большомъ притокѣ этой рѣки Сысолѣ ея нѣтъ, не смотря на то, что сысольская вода чище и свѣтлѣе вычегодской.—Г. Богдановъ пишетъ [428]), будто стерлядь ловится въ Печорѣ; но мы убѣждены, что онъ ошибается. Появленіе этой дорогой рыбы Зыряне встрѣтили съ неудовольствіемъ: они считали ее нечистою; приписывали ей распространеніе лихорадокъ и уменьшеніе другихъ породъ. Они не умѣли ее и ловить, до тѣхъ поръ, пока одинъ, возвратившійся на родину, если не ошибаемся, изъ Казани солдатъ, не объяснилъ имъ цѣнности рыбы и устройства самолововъ. Устьсысольскій купецъ Н. А. Поповъ, воспользовавшись огромною разницею въ цѣнахъ на эту рыбу на мѣстѣ и въ Петербургѣ, сталъ закупать ее и отправлять въ столицу чрезъ каналъ герцога Александра Виртембергскаго, въ особаго устройства судахъ съ двойнымъ дномъ, изъ коихъ на нижнемъ дѣлаются прорѣзы, и между обоими помѣщается рыба. Попытка г. Попова увѣнчалась неожиданнымъ успѣхомъ: товаръ его дошелъ до Петербурга безъ всякой потери. Поэтому отправка стерляди въ Петербургъ продолжается и теперь, хотя цѣны на нее на мѣстѣ сильно возвысились. Въ Устьсысольскѣ напр. сперва фунтъ ея продавался по 2 коп. [429]); въ 1857, мы въ Яренскомъ уѣздѣ покупали по 30 коп.; а въ 1865 г., по словамъ г. Арсеньева, цѣна дошла до 75 коп. [430]). Мы имѣемъ свѣдѣніе о возвышеніи цѣны на стерлядь въ Великомъ Устюгѣ за цѣлое 20—лѣтіе, начиная съ 1853 г. Въ 1853 г. она продавалась тамъ по $4^1/_2$ коп. за фунтъ, въ 1863—по 55, а въ 1873—по 80 к. (мы беремъ цѣны среднихъ годовъ). Зыряне продаютъ стерлядь не на мѣру, а вѣсомъ,—чѣмъ и пользуются закупщики.

Семга водится во всѣхъ зырянскихъ рѣкахъ; но ловля ея только на Печорѣ, преимущественно въ нижней части и въ большомъ притокѣ этой рѣки Щугорѣ, составляетъ

425) Тамъ-же и см. примѣч. 413.
426) См. по примѣч. 387 стр. 15.
427) Тамъ-же.
428) См. примѣч. 393.
429) См. примѣч. 426.
430) Тамъ-же.

предметъ самостоятельнаго промысла. Нельзя не пожалѣть, что эту рыбу дурно солятъ. Чрезвычайно жирная, она требуетъ много соли; но рыбаки жалѣютъ столь недорогаго продукта, потому что покупатели вѣсятъ товаръ безъ разсола. Только поэтому во внутреннихъ губерніяхъ сложилось убѣжденіе, что лучшая семга—двинская, и Москвичи, напримѣръ, ѣдятъ, вмѣсто семги, лососину, да еще прихваливаютъ. Впрочемъ, большую часть улова вымѣниваютъ чердынскіе купцы на хлѣбъ и разные другіе предметы, и распродаютъ его въ приуральскихъ губерніяхъ, а остальное количество продается на Важской и Устьсысольской ярмаркахъ, а также на Пинежской (Архангельской губерніи).

Вывозятся также изъ Зырянскаго края и другія рыбы—замороженыя: чиры, пеляди, нельмы, сиги, щуки, окуни и т. п.; но мы не знаемъ выходятъ-ли онѣ за предѣлы Вологодской губерніи. Впрочемъ едвали; такъ какъ вкуснѣйшія изъ нихъ—чиры и пеляди даже въ Вологдѣ рѣдкость, а нельми, сиги и пр. тамъ есть и свои. Доходность рыбнаго промысла, мы не рѣшаемся опредѣлить даже приблизительно; и замѣтимъ только, что онъ упадаетъ, но не смотря на то на мѣстѣ рыба очень дешева: семга напр. продается по 2 р. 50 к. и по 3 р. за пудъ [431]).

Послѣ звѣроловства и птицеловства рыбачество составляетъ самое любимое занятіе Зырянъ, и они столь-же искусные рыболовы, какъ и охотники. Способы ловли чрезвычайно разнообразны и часто весьма замысловаты. Мы не будемъ говорить о тѣхъ изъ нихъ, которые употребляются и въ другихъ мѣстахъ, напр. ловля неводомъ (семга главнымъ образомъ попадается въ невода), самоловами (стерлядь) и т. д.; но распространимся о тѣхъ, которые, какъ намъ кажется, существуютъ только въ Зырянскомъ краѣ.

Ловля рыбы производится главнымъ образомъ весною. Только стерлядь и семга составляютъ исключеніе: первая ловится преимущественно въ межень, а послѣдняя, когда, выметавъ въ рѣкахъ икру, спускается въ море, тоже въ Іюлѣ и Августѣ [432]).

Еще съ осени, по склонамъ рѣчекъ и ручьямъ, въ лугахъ и оврагахъ, заливаемыхъ весеннею водою, дѣлаются огороды изъ тонкихъ прутьевъ, въ переплетъ. Эти огороды всегда имѣютъ видъ ломанной линіи, въ каждомъ изломѣ которой оставляется окошко, и въ каждое окошко ставятся *кужи*, т. е. надѣтыя на кувшинообразный остовъ изъ прутьевъ мережи. Кужи опускаются въ воду, когда начнется ходъ рыбы изъ рѣки и при томъ такъ, что одни изъ нихъ горлами обращены къ рѣкѣ, а другіе—напротивъ. Такимъ образомъ въ нихъ попадается и та рыба, которая поднимается изъ рѣки, и та, которая спускается въ нее. Этимъ способомъ ловится только крупная рыба: лещи, чиры, сиги, нельмы, язи, щуки и окуни; потому что ячеи мережи вяжутся величиной по вершку въ квадратѣ. Это называется ловля *въ заплеты кужами*.

Въ Зырянскомъ краѣ большія рѣки весною образуютъ заливы, называемые *курьями*. Въ такія курьи спускаются *крылены* или *крылачи*, Это—двугорлые мережи, у которыхъ каждое горло имѣетъ *приполки*, которыя растопыриваются, надѣваясь на большія дуги. Крылены опускаются въ воду или съ камнемъ, или притыкаются ко дну шестиками.

Есть курьи, имѣющія очень узкія устья, черезъ которыя заливается въ нихъ рѣчная вода. Когда вода начнетъ сбывать, рыболовы запираютъ выходы изъ такихъ заливовъ въ рѣку заранѣе приготовленными ширмами изъ тоненькихъ дранокъ, перевязанныхъ мочалами и съ заостренными книзу концами. Такимъ образомъ выходъ изъ курьи почти мгновенно запирается, и рыба въ ней дочиста вылавливается неводами.

Если курья скатывается въ рѣку русломъ какой нибудь рѣчки; то, вмѣсто ширмъ, устье ея запирается тычинами, вбиваемыми такъ, чтобы вершины ихъ были наклонены въ сторону рѣки, и съ этой стороны подпираются упорами. На тычки надѣвается мережа. Такимъ способомъ иногда въ одной курьѣ налавливается по 150 пудъ въ разной рыбы.

Въ теченіе всего лѣта ловятъ рыбу *сырпомъ*. Это—плавительная мережа сажень въ 30 длины и отъ 3 до 4 с. ширины. Она двойная: затылочная часть ея частая, а передняя—рѣдкая.—Сырпъ плавится по теченію воды, обыкновенно рано утромъ, при чемъ соблюдается самая глубокая тишина. Выбирать его изъ воды начинаютъ, когда рыбаки почувствуютъ, что рыба въ немъ уже запуталась. Этимъ способомъ ловится исключительно крупная рыба, какъ наприм. нельма [433]).

Рыболовство, хотя не такъ прибыльно, какъ звѣриные и птичьи промыслы, однако имъ занимаются всѣ Зыряне.

Теперь мы обращаемся къ тѣмъ промысламъ, которые составляютъ занятіе населенія отдѣльныхъ мѣстностей, и сообщимъ объ нихъ только краткія свѣдѣнія.

Крестьянамъ Троицко-Печорскаго и Устьнемо-Мыелдинскаго обществъ предоставлено исключительное право разработки Брусяной горы. Эта гора отдается въ арендное содержаніе стороннему лицу, которое одну половину заработываемой мѣстными Зырянами платы вноситъ въ казначейство, въ уплату за нихъ податей, а другую—выдаетъ имъ на руки. Работы продолжаются цѣлое лѣто; такъ что крестьяне перебираются на все время производства ихъ изъ своихъ селеній на гору. Рабочихъ бываетъ до 350 человѣкъ, изъ которыхъ каждый выручаетъ до

---

431) Тамъ-же.

432) См. примѣч. 387 стр. 5.

433) Тамъ-же стр. 9—14.

18 руб. деньгами и сверхъ того получаетъ готовое содержаніе, рублей на 12.—Брусья и точила сплавляются въ Пермскую губернію [434]).

Довольно значительныя выгоды доставляли прежде Сысольскимъ Зырянамъ подвозка руды, сженіе угля и т. п. для Кажимскихъ желѣзодѣлательныхъ и чугуноплавильныхъ заводовъ; потомъ эти заводы перестали было дѣйствовать, но слышно, что нынѣ они снова пущены въ ходъ.

Вымскіе Зыряне занимаются рубкою и доставкою дровъ для Сереговскаго солевареннаго завода. Замѣчательно, что дровяные плоты съ верхней части рѣки спускаются безъ проводниковъ; но на нихъ кладутся мѣтки. На заводѣ плоты перенимаются заводскими служителями, а поставщики получаютъ разсчетъ послѣ, по мѣткамъ.

Еще больше выгодъ получаютъ Зыряне, особенно лузскіе, отъ постройки, нагрузки и сплава судовъ. Суда эти главнымъ образомъ сплавляются въ Ношульской и Вымско-быковской пристаней, находящихся на р. Лузѣ. Здѣсь грузится иногда болѣе 100 большихъ барокъ, требующихъ до 6,000 рабочихъ. На Сереговскомъ заводѣ (на р. Выми) грузится до 20 судовъ соли, требующихъ до 100 рабочихъ, и около того въ Устьсысольскѣ и другихъ мелкихъ мѣстахъ нагрузки. Кромѣ того, множество Зырянъ отправляется бурлачить на Вологодскую и другія пристани.—По нашимъ соображеніямъ, эта статья заработковъ приносить до 100,000 рублей валоваго заработка [435]). Надобно замѣтить, что Вологда отъ ближайшаго Зырянскаго селенія находится болѣе, чѣмъ въ 700 верстахъ. Изъ этого видно съ какимъ трудомъ Зыряне заработываютъ средства къ существованію.

Многіе Зыряне отправляются на заробтки въ Петербургъ, гдѣ, говорятъ, зырянская прислуга славится своей честностью и потому цѣнится. Въ этой столицѣ многіе изъ нихъ работаютъ въ типографіяхъ.

Лѣсопромышленность, т. е. смолокуреніе, дегтекуреніе, сажекопченіе и т. п. могли-бы приносить огромныя выгоды населенію края, особенно при удобствѣ и дешевизнѣ сплава лѣсныхъ издѣлій къ Архангельску; но этотъ родъ промышленности началъ приниматься лишь въ послѣднее время, и притомъ въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ. Сплавъ строеваго лѣса, въ сравненіи съ громадностью превосходныхъ лѣсовъ, столь ничтоженъ, что не заслуживаетъ упоминанія.

Ремесленной промышленности, произведенія которой служили-бы предметомъ сбыта на сторону, вовсе не существуетъ, за исключеніемъ нехитрыхъ издѣлій изъ доманика, которыхъ выпускается лишь на нѣсколько рублей.

ГЛАВА XV.

ТОРГОВЫЯ СНОШЕНІЯ ВЪ ЗЫРЯНСКОМЪ КРАѢ.

Торговые капиталы.—Лавочная торговля.—Торжки.—Ярмарки.—Чердынскіе купцы.—Развозная торговля.—Коммисіонеры.—Мѣстные кулаки.

Сообщивъ свѣдѣнія о естественныхъ богатствахъ Зырянскаго края, какъ эксплуатируемыхъ, такъ и ожидающихъ эксплуатаціи, а также о количествѣ и качествѣ рабочихъ силъ, которыя направлены, или могутъ быть направлены къ разработкѣ этихъ богатствъ,—обращаемся къ торговлѣ.

Размѣръ торговыхъ оборотовъ прежде всего опредѣляется массой *капиталовъ*. По оффиціальнымъ, на этотъ разъ безъ сомнѣнія точнымъ свѣдѣніямъ, по Устьсысольскому уѣзду въ 1864 году выдано торговыхъ свидѣтельствъ: 1-й гильдіи—одно; 2-й гильдіи, въ 25 рублей,—30; на мелочной торгъ, въ 8 руб.—151 и на мѣщанскіе промыслы, въ 2 руб. 50 коп.—9 [436]). Это цифры старыя, но онѣ не могли чувствительно измѣниться, и по нимъ, во всякомъ случаѣ, можно судить о ничтожности мѣстной торговли. По Яренскому уѣзду мы не имѣемъ цифръ, относящихся собственно къ зырянской части его.

О незначительности *лавочной торговли* можно судить потому, что въ Устьсысольскѣ съ населеніемъ въ 3,500 душъ считается только 18 кое-какихъ лавокъ [437]), да и тѣ не постоянно открыты. Въ другомъ городѣ,

---

434) Волог. Губ. Вѣд. 1859 г. № 47: «Брусяная гора въ Устьсысольскомъ уѣздѣ».

435) См. примѣч. 273.

436) Памят. книжк. Волог. губ. на 1865 и 1866 г. см. таблицу: «Число выданныхъ въ 1864 г. торговыхъ свидѣтельствъ».

437) Тамъ-же: таблица. «Число торговыхъ лавокъ».

Яренскѣ, находящемся близь самой границы Зырянскаго края, только одна постоянно открытая лавка.

Въ праздники бываютъ при нѣкоторыхъ сельскихъ церквахъ *торжки*; но на нихъ продаются лишь крестьянскія лакомства на не многіе рубли [438]).

Ярмарокъ въ обоихъ зырянскихъ уѣздахъ, Устьсысольскомъ и Яренскомъ, считая и русскую часть послѣдняго, 11; на нихъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, привозится товаровъ на 262,000 р. и продается на 150,000 р. Цифры эти, конечно, гадательныя, а, вѣрнѣе сказать, выставленныя на обумъ; но онѣ все-таки позволяютъ сдѣлать заключеніе, что и ярмарки далеко не соотвѣтствуютъ потребностямъ края, тѣмъ болѣе, что большая часть ихъ главнымъ образомъ служитъ для сбыта мѣстныхъ произведеній, а на самую важную Вашкинскую привозятся мѣха, дичь и рыба не только изъ большей части Зырянскаго края, но и изъ Сибири, какъ напримѣръ мороженая осетрина, и являются Самоѣды съ стадами оленей и продуктами оленеводства [439]). Вообще надобно замѣтить, что зырянскія ярмарки очень мало служатъ для снабженія мѣстнаго населенія привозными товарами и не много болѣе для сбыта туземныхъ; а продажа и покупка производятся здѣсь особыми способами, о которыхъ мы и скажемъ нѣсколько словъ.

Печорскую часть Зырянскаго края снабжаютъ всѣмъ нужнымъ чердынскіе купцы, которые каждую весну являются сюда съ нѣсколькими десятками каюковъ, нагруженныхъ мукой, желѣзомъ, чугуномъ, свинцомъ, краснымъ товаромъ и пр., и отправляются въ обратный путь съ семгой, точилами и брусьями съ Брусяной горы и т. п.—Само собой разумѣется, что весьма немногіе Печорцы имѣютъ столько наличныхъ денегъ, чтобы закупить у наѣзжихъ торговцевъ годовую пропорцію всего, что имъ нужно, и по этому прибѣгаютъ къ посредству мѣстныхъ кулаковъ, о которыхъ сейчасъ мы будемъ говорить особо.

Въ другія части Устьсысольскаго уѣзда въ недавнее время одинъ купецъ сталъ посылать своихъ прикащиковъ преимущественно съ краснымъ товаромъ. Останавливаясь въ разныхъ селеніяхъ только на время, эти торговцы продаютъ свой товаръ всегда на наличныя деньги.

Для закупки произведеній мѣстной промышленности разъѣзжаютъ по деревнямъ коммисіонеры и прикащики разныхъ торговыхъ домовъ. Закупкой ржи, овса, льна, телячьихъ и другихъ шкуръ въ Сысольской и Лузской частяхъ Зырянскаго края занимаются преимущественно повѣренные архангельскихъ купеческихъ конторъ; но и они имѣютъ дѣла не съ непосредственными производителями, а опять съ тѣми-же кулаками.

Кулаками мы называемъ маленькихъ капиталистовъ, которые встрѣчаются почти во всякой деревнѣ, и которые на наличныя деньги закупаютъ запасы всего нужнаго въ семейномъ и охотничьемъ быту Зырянина, для раздачи нуждающимся въ долгъ, съ тѣмъ, чтобы ссуда была возвращена продуктами охоты, рыболовства и т. д.

Само собой разумѣется, что кулакъ своему товару, давая его въ долгъ, назначаетъ высокую цѣну, а товаръ промышленника принимаетъ въ уплату по самой низкой. И ничто не ограничиваетъ произвола растовщика: обходя его, негдѣ взять, напр. охотнику, пороху, провизіи и пр., а если и есть гдѣ, то нужны деньги, трата дорогаго времени.—Такимъ образомъ, у подобныхъ кулаковъ сосредоточиваются всѣ произведенія мѣстной промышленности, и уже отъ нихъ поступаютъ въ руки иногородныхъ крупныхъ торговцевъ,— всегда за наличныя деньги.

Изъ сказаннаго, кажется, можно-бы было заключить, что между Зырянами должны встрѣчаться значительные капиталисты; но на самомъ дѣлѣ этого мы не видимъ. Во первыхъ, кругъ дѣятельности каждаго изъ зырянскихъ кулаковъ весьма ограниченъ, а во вторыхъ они и сами неспособны расширить свои обороты. Зырянскій торгашъ никогда не торгуетъ иначе, какъ на наличныя, и не рискуетъ всѣмъ своимъ капиталомъ: онъ копитъ деньги, а не торгуетъ; онъ не купецъ, а ростовщикъ, и даже не ростовщикъ, а скряга, который, даже подъ вѣрное обезпеченіе, не выпускаетъ всей своей наличности [440]).

---

438) См. примѣч. 387.

439) Волог. Губ. Вѣд. 1849 г. № 21: «Стат. опис. Яренскаго уѣзда», г. П. Протопопова. Удивительно дешево продается на Вашкинской и Пинежской ярмаркахъ сибирская (обская) осетрина. Мы не знаемъ точно, почемъ забираютъ ее тамъ московскіе и другіе торговцы, но о дешевизнѣ ея можно судить потому, что наприм. въ Вельскѣ, значитъ уже изъ вторыхъ рукъ, мы въ 1860-хъ годахъ покупали ее по 5 рубл. за пудъ съ икрой, клеемъ и отчасти вязигой. По такой же цѣнѣ она продавалась въ то время и въ Вел. Устюгѣ. Столь низкую цѣну объясняли дешевизною доставки этой рыбы изъ Сибири на оленяхъ. Впрочемъ цѣны на осетрину теперь сильно возвысились, неизвѣстно по какой причинѣ: въ 1873 г. въ Устюгѣ она уже продавалось по 17 р. за пудъ.

440) Свѣдѣнія о сельской торговлѣ въ Зырянскомъ краѣ переданы по запискамъ покойнаго П. Кокшарова г. Арсеньевымъ (см. по примѣч. 387).

ГЛАВА XVI.

ОБЩІЕ ВЫВОДЫ ИЗЪ ПРЕДЪИДУЩАГО.

Мы кончили свой трудъ. Приступая къ нему, въ предисловіи мы опредѣлили цѣль его: тамъ мы сказали, что предприняли его съ тѣмъ, чтобы, по возможности, сдѣлать достояніемъ литературы всѣ тѣ свѣдѣнія о природѣ Зырянскаго края и свойствахъ его обитателей, которыя, по существу своему, преходящи и, вслѣдствіе того, могутъ безслѣдно пропасть для науки. Къ числу этихъ недолговѣчныхъ свѣдѣній мы отнесли и заключающіяся въ болѣе или менѣе обширныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ уцѣлѣвшихъ №№ неоффиціальной части «Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; но не упомянули, что приняли за правило строго-критически относиться къ этому литературному матеріалу, хотя и думали, и теперь продолжаемъ думать, что очистка его отъ грѣховъ вольныхъ и невольныхъ должна имѣть въ глазахъ будущаго изслѣдователя, отрицательное, но не маловажное значеніе; тѣмъ болѣе, что никто, кромѣ насъ, по обстоятельствамъ, само собой разумѣется случайнымъ и не отъ нашей воли зависѣвшимъ, не имѣетъ столько, какъ мы, возможности исполнить такую задачу. Мы много лѣтъ близко стояли къ редакціи названной выше губернской газеты и лично знали большую часть ея сотрудниковъ и корреспондентовъ на столько, чтобы безошибочно судить о ихъ человѣческихъ и писательскихъ наклонностяхъ, что получаетъ особый вѣсъ въ виду непосредственнаго знакомства нашего съ цѣлою Вологодскою губерніею.

Въ предисловіи къ своему труду мы заявили также, что далеки отъ мысли написать всестороннее, округленное изслѣдованіе, а намѣрены обработать лишь часть, правда значительную, *матеріаловъ* для будущаго изслѣдователя края и его населенія. Поэтому, излагая факты, мы сами старались стоять въ сторонѣ, и позволяли себѣ высказывать свои собственные взгляды на тотъ или другой отдѣльный предметъ и предлагать вниманію читателей собственныя наблюденія лишь тогда, когда нужно было пополнить пробѣлы въ источникахъ, исправить невѣрныя свѣдѣнія, или заявить сомнѣніе въ достовѣрности нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такимъ образомъ нигдѣ въ своемъ сочиненіи мы не высказали собственного цѣльнаго взгляда на предметъ своей монографіи. Изъ этого однако же не слѣдуетъ заключать, что мы не выработали такого взгляда. Изложенію его посвящаемъ настоящую главу.

Не станемъ возвращаться къ содержанію начальныхъ главъ нашего сочиненія, посвященныхъ прошедшему Зырянъ; такъ какъ въ этихъ главахъ несравненно болѣе, чѣмъ во всѣхъ послѣдующихъ, и почти исключительно, мы излагали собственный взглядъ на предметъ. Теперь-же, и прежде всего, сдѣлаемъ безпристрастную оцѣнку естественныхъ богатствъ Зырянскаго края.

Начиная VII главу своей монографіи, мы указали два извѣстныя намъ и совершенно одно другому противорѣчащія воззрѣнія на богатства природы Зырянскаго края: одни наблюдатели, которыхъ мы, для краткости, будемъ далѣе называть пессимистами, смотрятъ на этотъ край, какъ на страну, до крайности бѣдную и даже впереди не имѣющую права ожидать лучшаго; а другіе, которыхъ будемъ называть оптимистами, восторгаются его несмѣтными богатствами и обѣщаютъ великолѣпную будущность. Оба эти воззрѣнія отчасти ошибочны; такъ какъ оба они, хотя и добросовѣстны, но равномѣрно непрактичны. Взглянемъ на предметъ, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ.

Оптимисты, убѣжденія которыхъ очень долго раздѣляли, а можетъ быть и теперь раздѣляютъ, подлежащія губернскія и иныя власти, главнымъ образомъ напираютъ на ископаемыя богатства края: на золото, серебро, мѣдь, желѣзо, нефть, и т. п. За такія воззрѣнія многіе изъ нихъ поплатились трудомъ, нѣкоторые—капиталами, болѣе или менѣе значительными, а одинъ—разсудкомъ.

Мы исчислили въ VII главѣ существующія дѣйствительно и въ воображеніи оптимистовъ ископаемыя богатства. При этомъ мы видѣли, что: 1) *Золото* на Печорѣ можетъ быть есть, а можетъ быть нѣтъ; скорѣе же всего нѣтъ, такъ какъ, несмотря на нѣсколько болѣе или менѣе энергическихъ попытокъ отыскать этотъ благородный металлъ, не найдено ни одной крупинки его, да и слуховъ о томъ до сихъ поръ нѣтъ, впрочемъ теперь, кажется, и самое золотоискательство прекратилось; 2) *Серебро*—тоже. О существованіи его носятся только слухи, быть можетъ, основанные на превратно истолкованныхъ фактахъ. Никто изъ лицъ, сообщившихъ такіе слухи, самъ не видалъ серебра ни въ рудѣ, ни въ самородкахъ. Въ 1850-хъ годахъ кричали-же въ Вологдѣ и заводили оффиціальную переписку о несмѣтномъ количествѣ богатѣйшей въ мірѣ золотой руды, которая въ концѣ концовъ оказалась мѣдными колчеданами. 3) *Мѣдь* несо-

мнѣнно есть; но надобно еще разрѣшить вопросъ, стоитъ-ли она разработки? Оптимисты ухватываются за тотъ фактъ, что еще при Иванѣ Васильевичѣ III этотъ металлъ добывался на Печорѣ, а по нашему мнѣнію такой фактъ прежде всего свидѣтельствуетъ о бѣдности руды: иначе не для чего было-бы прекращать разработку ея. 4) *Желѣзо* также есть. Существуютъ даже такъ называемые Кажимскіе чугуноплавильные и желѣзодѣлательные заводы, изъ которыхъ, впрочемъ, только три, и при томъ самые незначительные, а именно: Кажимскій, Ючпасскій и Нювчимскій находятся въ Устьсысольскомъ уѣздѣ, а важнѣйшіе: Кирсинскій и Песковскій — въ Вятской губерніи. Но и эти заводы обязаны своимъ основаніемъ искуственнымъ административнымъ мѣрамъ, т. е. поссессіонному праву; и не смотря на то, что въ концѣ 1850-хъ годовъ ихъ пріобрѣлъ извѣстный капиталистъ Бенардаки, заплатившій за нихъ огромную сумму (около 800,000 рублей.), и, слѣдовательно, имѣвшій и желаніе, и средства поддержать ихъ,—будущность ихъ сомнительна. Между тѣмъ кажимское желѣзо высоко цѣнится по своимъ качествамъ. Существовавшая когда то въ Яренскомъ уѣздѣ выдѣлка желѣза прекратилась, какъ и разработка мѣдной руды на Печорѣ. 5) *Антрацитъ* и *каменный уголь* конечно есть; но это наслѣдство, которымъ могутъ воспользоваться лишь отдаленные наши потомки. 6) *Графитъ* найденъ на Вотчѣ; но ни качества, ни степень изобилія этого ископаемаго не обслѣдованы. 7) *Точильный камень*, какъ мы видѣли, приноситъ самую скудную пользу самому незначительному числу лицъ. 8) *Нефть* до сихъ поръ не оправдывала ожиданій ея эксплоататоровъ. 9) *Соль*, вывариваемая на одномъ Сереговскомъ заводѣ, также, какъ и точильный камень, доставляетъ скудные заработки лишь окрестному населенію. Не будемъ продолжать и безъ того довольно длиннаго перечня Зырянскихъ ископаемыхъ, которыя не эксплоатируются и неизвѣстно, будутъ-ли когда нибудь эксплоатироваться. Изъ поименованныхъ сейчасъ и наиболѣе бросающихся въ глаза ископаемыхъ только три разработываются, именно: желѣзо, соль и точильный камень, отъ чего получается, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, не болѣе, а въ случаѣ исключительнаго счастія, немного болѣе 200,000 р. валоваго дохода. Если изъ этой суммы вычесть доходы капиталистовъ, владѣющихъ заводами, и арендатора Брусяноточильной горы, а также казенныя пошлины и т. п.; то увидимъ, какъ мало выгодъ приноситъ населенію края горнозаводская промышленность. Эта истина всего лучше доказывается тѣмъ, что жители тѣхъ селеній, которыя снабжаютъ заводы рабочею силой, не пользуются бо́льшимъ довольствомъ, чѣмъ остальное населеніе страны, а скорѣе можно сказать, что они болѣе бѣдны.

Мы не считаемъ себя въ правѣ утверждать, что горнозаводская промышленность въ Зырянскомъ краѣ не приметъ когда нибудь большихъ размѣровъ; но твердо убѣждены, что если это и случится, то не скоро, очень не скоро; такъ какъ между Зырянами нѣтъ ни одного сколько нибудь замѣтнаго капиталиста, а прилива капиталовъ извнѣ, въ почти неизвѣстный край, особенно въ виду недавнихъ неудачъ г. Бенардаки (покупка Кажимскихъ заводовъ), В. Н. Латкина (сбытъ за границу Печорскаго лѣса) и М. К. Сидорова (добыча нефти), трудно ожидать: безъ капиталовъ — же разработка Зырянскихъ ископаемыхъ не мыслима. Но пусть явятся капиталы; пусть устроятся новые заводы; откроются пріиски: на долю туземцевъ можетъ достаться только одна черная и неблагодарная работа, и ихъ будутъ эксплоатировать капиталисты наравнѣ съ неорганическими продуктами ихъ родины.

Гораздо болѣе обѣщаютъ растительныя богатства края. Одни чуть не безмѣрные лѣса говорятъ сами за себя; но еще болѣе говорятъ за нихъ рачители пользъ Зырянскаго края. Не смотря на то, этотъ даръ природы въ настоящее время приноситъ еще менѣе пользы, чѣмъ ископаемыя. Нельзя не пожалѣть, что даже такія лица, какъ покойный В. Н. Латкинъ, потратившій столько трудовъ и пріобрѣтенныхъ трудомъ средствъ на благородныя попытки оживить промышленность излюбленной имъ Печоры, еще недавно смотрѣли на эксплоатацію Зырянскихъ лѣсовъ съ невѣрной точки зрѣнія: думали, а, можетъ быть, и теперь кто нибудь думаетъ облагодѣтельствовать Зырянъ, устроивъ въ широкихъ размѣрахъ сбытъ строеваго лѣса за границу. Предположимъ, что такая, пока не удающаяся попытка, удалась-бы. Но, тогда Зыряне какую-бы пользу извлекли для себя изъ лѣсоистребленія?—Отвѣчаемъ: точно такую-же, если не меньшую, какъ и тѣ изъ нихъ, которые теперь доставляютъ топливо для Сереговскаго солевареннаго и Кажимскихъ чугуноплавильныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ, т. е. населеніе края подверглось-бы эксплоатаціи капиталистовъ наравнѣ съ лѣсами. Мы бы иначе посмотрѣли на дѣло, если бы лѣса Зырянскаго края составляли собственность живыхъ единицъ, его населяющихъ; ибо въ такомъ случаѣ, лѣсами онѣ бы пользовались, или могли бы пользоваться, какъ собственнымъ капиталомъ; но теперь лѣсной капиталъ принадлежитъ казнѣ, которая не извлекаетъ изъ него никакой выгоды, если принять въ соображеніе расходы на содержаніе четырехъ лѣсничихъ съ соотвѣтствующимъ числомъ низшихъ лѣсныхъ чиновъ. Зырянскіе лѣса, какъ предметъ отпуска за границу въ сыромъ, такъ сказать, видѣ, моглибы получить значеніе, если бы даже и были достояніемъ частныхъ лицъ, только тогда, когда не будетъ существовать конкурренціи со стороны смежныхъ лѣсныхъ уѣздовъ Вологодской губерніи, болѣе близкихъ къ Архангельску; а прекращенія такой конкурренціи можно ожидать лишь не въ близкомъ будущемъ.

Гораздо болѣе обѣщаетъ выгодъ производство такъ называемыхъ лѣсныхъ издѣлій, т. е. смолы, скипидару,

канифоли, пеку и т. п.—Изъ Вельскаго, напримѣръ, уѣзда давно отправлялся строевой лѣсъ къ Архангельскому порту; но рубка и сплавъ его ни мало не содѣйствовали развитію народнаго благосостоянія. Напротивъ того, смолокуреніе доставляетъ хорошіе заработки, которые, притомъ, требуютъ сравнительно меньшаго труда. Главная же выгода смолокуренія заключается въ томъ, что оно не нуждается въ капиталахъ, и производится каждымъ смолокуромъ у себя дома. Даже выдѣлка скипидару, канифоли и т. д. требуетъ лишь незначительныхъ капиталовъ, какіе найдутся и у Зырянъ. Какъ выгодно смолокуреніе опять доказывается примѣромъ Вельскаго уѣзда, гдѣ, по случаю возвышенія цѣнъ на смолу во время сѣвероамериканской войны, съ поразительною быстротою поднялось общее благосостояніе и появились у крестьянъ капиталы, хотя не крупные. Впрочемъ, въ послѣднее время смолокуреніемъ стали заниматься по р. Вычегдѣ. Мы не сомнѣваемся въ близкомъ развитіи этого рода промышленности, такъ какъ выгодность ея очевидна и для каждаго крестьянина, и для правительства,—для послѣдняго потому въ особенности, что для выкурки смолы употребляется лѣсъ маломѣрный.

Еще болѣе значенія имѣетъ воздѣлываніе хлѣбныхъ растеній, т. е. хлѣбопашество. На эту статью народнаго хозяйства весьма ошибочно смотрятъ и оптимисты, и пессимисты (къ числу послѣднихъ, въ этомъ случаѣ, принадлежитъ и губернская администрація). Первые слишкомъ увлекаются иногда поразительнымъ обиліемъ урожаевъ и не обращаютъ должнаго вниманія: во первыхъ на ограниченность посѣвовъ, а во вторыхъ на частые неурожаи въ сѣверной половинѣ Зырянскаго края. Послѣдніе-же, не придавая значенія обилію урожаевъ, съ настойчивостію указываютъ на употребленіе въ пищу разныхъ суррогатовъ хлѣба: пихтовую кору, мохъ, рябиновой листъ и т. п. Сколько хлопотъ, бывало, причиняли губернскимъ властямъ донесенія окружныхъ начальниковъ о плохомъ урожаѣ хлѣба у Зырянъ! Опустошались хлѣбные запасные магазины въ хлѣбородныхъ уѣздахъ губерніи; сгонялись тысячи подводъ для подвозки хлѣба къ пристанямъ; зафрахтовывались суда для доставки его нуждающимся! Но суда эти почти никогда не доходили до мѣстъ назначенія, и рѣшительно никогда — во время; и это бывало счастіемъ для Зырянъ. Если бы хлѣбъ доходилъ до извѣстныхъ пристаней, то, какъ это въ подобныхъ случаяхъ водилось, начальство стало бы высылать за нимъ самихъ нуждающихся, а каково бы это было для населенія деревень, отстоящихъ отъ р. Вычегды за многія сотни верстъ, при извѣстномъ намъ состояніи путей сообщенія въ краѣ, или, вѣрнѣе, при отсутствіи ихъ? Затѣмъ, хлѣбъ во всякомъ случаѣ не могъ придти ко времени посѣва, а между тѣмъ онъ всегда главнымъ образомъ предназначался для обсѣмененія полей. Наконецъ, если бы онъ какимъ нибудь чудомъ пришелъ благовременно; то, состоя преимущественно изъ овса и отчасти ржи, все таки не принесъ бы пользы; такъ какъ мы видѣли, что населеніе такъ называемой голодной части края овса вовсе не сѣетъ, ржи очень мало, и ни того, ни другой не ѣдятъ. Между тѣмъ всегда, на встрѣчу судамъ, нагруженнымъ вспомогательнымъ хлѣбомъ и съ страшными усиліями поднимающимся противъ быстраго теченія Вычегды, не имѣющей бичевника, свободно спускались другія, нагруженныя тѣми же самыми продуктами Зырянскаго края, конечно южной его части. — И что же? Оставались-ли въ такіе годы поля не засѣянными? Умирали-ли Зыряне голодною смертью? Развивались-ли между ними повальныя болѣзни? — Ничего этого не случалось. Правда, именно въ такіе годы усиливалось употребленіе вышеупомянутыхъ суррогатовъ хлѣба, но это не имѣло, по видимому, вреднаго вліянія на здоровье населенія. Во всякомъ случаѣ такое вліяніе бывало незначительно. Такое, на первый взглядъ, странное явленіе не трудно объяснить многими причинами.

Прежде всего вспомнимъ, что предки Зырянъ вовсе не были земледѣльцами, что неурожаи въ Зырянскомъ краѣ начались не со вчерашняго дня. Потомъ, обратимъ вниманіе на обиліе въ краѣ животной пищи. Если и допустимъ, что лѣсная дичь вся идетъ въ продажу, то все безчисленное множество водяной остается въ краѣ, а изъ рыбъ, населяющихъ тысячи зырянскихъ рѣкъ и озеръ, только незначительная часть вывозится за предѣлы края. Мясо множества убиваемыхъ оленей и лосей все потребляется охотниками. Наконецъ, мало-ли можно указать кочевыхъ и звѣроловныхъ народовъ, которые вовсе не знаютъ растительной пищи? Сами Зыряне употребляютъ иногда вмѣсто хлѣба сушеныхъ куропатокъ. Мудрено-ли же послѣ этого, что они сравнительно мало нуждаются въ растительной пищѣ, и что, при обиліи пищи животной, незначительное количество пихтовой коры, моху и т. п. не можетъ имѣть замѣтнаго вреднаго вліянія на ихъ здоровье?

Какъ бы то ни было, а хлѣбопашество составляетъ главнѣйшую статью народнаго хозяйства во всемъ Зырянскомъ краѣ, за небольшими исключеніями; такъ какъ, за удовлетвореніемъ собственныхъ потребностей, довольно значительная, судя по географическому положенію края, масса хлѣба сбывается за предѣлы его. Нельзя не пожалѣть, что Зыряне, вслѣдствіе прирожденнаго имъ пристрастія къ охотничьимъ и рыбнымъ промысламъ, по нашему мнѣнію, недостаточно заботятся объ увеличеніи посѣвовъ. Жалобы на недостатокъ удобной для хлѣбопашества земли намъ не кажутся основательными. Смѣшно сказать, что въ двухъ уѣздахъ Устьсысольскомъ и Яренскомъ, по экономическимъ примѣчаніямъ къ планамъ генеральнаго межеванія, изъ 20.000,000 дес. общаго количества земли только 31,000

дес. показана подъ пашнями. Несомнѣнно, что послѣдняя цифра ниже истинной, такъ какъ въ нее не могли войдти многочисленныя новины; но если мы ее поднимемъ до 100,000 дес., то и въ такомъ случаѣ она составитъ только $^1/_{200}$ всей площади двухъ уѣздовъ. Не уже-ли же изъ остальныхъ 19.900,000 дес., нельзя ничего выбрать для пашень?

Звѣриные и птичьи промыслы, послѣ хлѣбопашества, по цѣнности продуктовъ, составляютъ самое важное занятіе Зырянъ, хотя послѣдніе, можетъ быть, думаютъ, и не такъ, какъ мы. И на этотъ предметъ оптимисты и пессимисты смотрятъ каждый съ своей точки зрѣнія. Первые видятъ въ звѣриныхъ и птичьихъ промыслахъ только свѣтлую сторону, и не обращаютъ вниманія на то, что доходность охоты далеко не соотвѣтствуетъ трудностямъ ея. Мы видѣли какихъ, почти нечеловѣческихъ, усилій она требуетъ, — усилій, на которыя способна только закаленная въ трудахъ натура Зырянина и его безотчетное пристрастіе къ охотѣ. Пессимисты, напротивъ, жалуются на скудость промысловъ, особенно сравнительно съ добрымъ старымъ временемъ, когда въ Зырянскомъ краѣ водились бобры, соболи, чернобурыя и черныя лисицы, и не обращаютъ вниманія на то, что главный предметъ охоты — бѣлка, какъ мы видѣли, вслѣдствіе ея плодовитости, не можетъ быть истреблена, пока не истреблены лѣса,—а лѣсовъ теперь у Зырянъ столько-же, сколько было и за 1,000 лѣтъ до нашего времени, и что теперь охотники владѣютъ лучшимъ орудіемъ для промысловъ—ружьемъ. Пессимисты упускаютъ изъ виду, что нынѣ Зыряне получаютъ выгодъ столько же или почти столько-же, какъ и отъ звѣриныхъ промысловъ,—отъ птицеловства. Мы не хотимъ утверждать, что въ Зырянскихъ лѣсахъ теперь дичи стало больше, чѣмъ прежде; но убѣждены въ томъ, что въ старое время, когда почти вся тогдашняя Россія была покрыта полными птицъ и звѣрей лѣсами, продукты птичьихъ промысловъ, если не вовсе не вывозились изъ края, то, во всякомъ случаѣ, далеко не имѣли нынѣшней цѣнности.

Рыбные промыслы не имѣютъ того значенія, какъ звѣриные и птичьи. Хотя зырянскія воды сравнительно не богаты рыбою; но въ нихъ водится много весьма вкусныхъ породъ ея, каковы: стерлядь, семга, лохъ, чиръ, пелядь, нельма и сигъ. Однако только двѣ первыя изъ нихъ составляютъ предметъ вывоза, а послѣднія лишь въ самомъ ограниченномъ количествѣ въ зимнее время закупаются для нѣкоторыхъ городовъ Вологодской губерніи; большая же часть рыбы потребляется на мѣстахъ лова.

О скотоводствѣ мы здѣсь не будемъ распространяться, такъ какъ все, что могли, сказали въ своемъ мѣстѣ. О разныхъ другихъ промыслахъ также не будемъ говорить отчасти по той же причинѣ, а, главное, потому что они, по незначительности своей, не заслуживаютъ вниманія.

Изъ сказаннаго нами о количествѣ и качествѣ естественныхъ богатствъ Зырянскаго края и о томъ, въ какой мѣрѣ пользуется ими мѣстное населеніе, мы выводимъ такое общее заключеніе: сопоставляя массу ихъ съ пространствомъ страны, мы находимъ ихъ довольно скудными; принимая-же въ соображеніе число лицъ, призванныхъ пользоваться ими,—болѣе, нежели достаточными, и если Зыряне не извлекаютъ изъ нихъ надлежащихъ выгодъ, то въ этомъ виновата не сама природа. Обращаемся къ самимъ обитателямъ края.

Въ сочиненіи своемъ мы изложили, по возможности, всѣ свѣдѣнія о физическихъ и нравственныхъ свойствахъ Зырянъ, о ихъ привычкахъ, образѣ жизни и занятіяхъ, о вѣрованіяхъ ихъ и предразсудкахъ,—упоминали о ихъ языкѣ и скудныхъ произведеніяхъ словеснаго творчества и фантазіи; но, признаемся, мы сами неудовлетворяемся нашимъ изложеніемъ: всѣ приведенные нами отзывы кажутся школьными отмѣтками объ успѣхахъ, прилежаніи и поведеніи учениковъ, — отмѣтками, не имѣющими между собой органической связи. Всѣ черты ихъ физической и нравственной физіономіи вѣрны; но изъ нихъ почему-то не слагается живаго типа. Напротивъ, выходитъ что-то странное. Такъ, если бы насъ пригласили составить, на основаніи нашихъ отмѣтокъ, краткую атестацію Зырянъ; то мы бы должны были написать, что они, при очень хорошихъ способностяхъ, поведеніи и прилежаніи, оказали весьма слабые успѣхи въ наукахъ. Чѣмъ объяснить такое противорѣчіе? Тѣмъ-ли, что у этого способнаго, благонравнаго и трудолюбиваго народа былъ плохой учитель? Или тѣмъ, что какія-то обстоятельства, какой-то fatum препятствовали его развитію? Мы постараемся дать отвѣтъ на такіе вопросы ниже; теперь же обратимъ вниманіе на первое сейчасъ высказанное нами недоумѣніе относительно того, почему вѣрно намѣченныя отдѣльныя черты физической и нравственной физіономіи Зырянъ не сливаются въ нашемъ представленіи въ цѣльный живой типъ? Мы полагаемъ, что такое недоумѣніе удовлетворительно разрѣшится, если мы припомнимъ разнорѣчивые отзывы разныхъ наблюдателей о наружности Зырянъ. Мы уже объяснили и причину разнорѣчія тѣмъ, что наблюдатели любили обобщать частныя явленія, иногда не безъ предвзятой мысли. Но, подводя общій итогъ подъ всѣ сообщенные нами факты, мы неминуемо приходимъ къ убѣжденію, что теперь въ средѣ Зырянъ существуютъ два типа: такъ называемый уральскій и русскій, что эти типы неравномѣрно и механически перемѣшаны въ разныхъ частяхъ Зырянскаго края, и что, наконецъ, смѣшеніе ихъ не выработало средняго самостоятельнаго типа: тамъ нѣтъ ни мулатовъ, ни метисовъ, ни даже квартероновъ. Въ другихъ нашихъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ одно, въ выдержкахъ, мы помѣстили въ 43 и 44 примѣчаніяхъ къ настоящему труду, а другое напечатали въ «Бесѣдѣ» на 1872 г. подъ заглавіемъ

«Колонизація Заволочья и обрусѣніе Заволоцкой Чуди», подробно объяснили, что даже на самой границѣ, въ настоящее время раздѣляющей два племени, нѣтъ никакихъ слѣдовъ химическаго, такъ сказать, смѣшенія. Именно по этой причинѣ и нѣтъ возможности сложить изъ валяющихся на зырянскихъ кладбищахъ костей стройный скелетъ человѣка, который былъ бы самъ по себѣ; русые волоса положить надъ угловатыми черными глазами—и т. д.

То, что сію минуту мы сказали для объясненія невозможности начертать стройный наружный обликъ Зырянина, нельзя-ли сказать и о его нравственномъ обликѣ? Кажется, что въ такомъ случаѣ мы не будемъ непослѣдовательны; такъ какъ противъ связи внѣшности съ внутренностію пока еще не спорятъ. Но это было бы сужденіемъ à priori. Вдумываясь въ вопросъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что хотя духовная сторона, какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлаго народа, во многомъ зависитъ отъ физіологической; но, какъ и послѣдняя, подвергается и постороннимъ вліяніямъ, и даже болѣе, вслѣдствіе бо́льшей своей свободы, подвижности. Мы затрудняемся объявить столь же рѣзкій дуализмъ духовной стороны Зырянина, какой указали въ его внѣшности, и потому еще, что она не столь легко поддается наблюденіямъ; явленія ея несравненно разнообразнѣе. Чтобы составить себѣ сколь возможно рельефное понятіе о духовныхъ свойствахъ Зырянина, бросимъ общій взглядъ на всю совокупность ихъ. Разсматривая сообщенныя нами свѣдѣнія о добрыхъ качествахъ, каковы: честность, гостепріимство, религіозность и т. п., мы замѣчаемъ въ основѣ ихъ теплую гуманность, искренность и самое честное чувство законности. Останавливаясь же на признанныхъ нами дурныхъ качествахъ, каковы: подозрительность, сутяжничество, мстительность и нецѣломудріе, — мы встрѣчаемся съ противнымъ. Это огонь и вода. Какъ могутъ они ужиться? Такой кажущійся дуализмъ въ настоящемъ случаѣ нельзя объяснить при помощи того пріема, къ которому мы прибѣгли, говоря о наружности Зырянъ: тамъ племенныя разновидности представляются разными единицами, а здѣсь онѣ встрѣчаются въ одномъ недѣлимомъ; тамъ, напримѣръ, Удорцы представляютъ уральскій типъ, а Вычегодцы-русскій, здѣсь же противуположныя свойства приписываются и тѣмъ и другимъ. Не проще-ли будетъ, если мы, для разъясненія недоумѣнія, предположимъ, что добрыя качества Зырянъ искони прирождены имъ, а дурныя развились подъ вліяніемъ постороннихъ обстоятельствъ, существуютъ случайно. Но прежде, чѣмъ будемъ говорить о происхожденіи дурныхъ свойствъ, исключимъ изъ числа ихъ: во первыхъ мстительность, такъ какъ этотъ порокъ условный и можетъ вытекать изъ неудовлетвореннаго чувства законности; а во вторыхъ нецѣломудріе, такъ какъ оно легко можетъ ужиться и съ гостепріимствомъ, и съ добродушіемъ, и съ чувствомъ гражданской законности и т. д. Остаются подозрительность или, пожалуй, недовѣрчивость и сутяжничество. Но, по самому существу своему, эти качества даже должны развиться вслѣдствіе постороннихъ вліяній. Выражаясь опредѣленнѣе, скажемъ, что, по нашему мнѣнію, и недовѣрчивость и сутяжничество появились у Зырянъ вслѣдствіе сношеній съ Русскими. Даже въ настоящее время едвали существуетъ во взаимныхъ отношеніяхъ самихъ Зырянъ недовѣрчивость, потому что всѣ свѣдѣнія о скрытности ихъ идутъ отъ Русскихъ и преимущественно чиновниковъ; да и многіе Русскіе свидѣтельствуютъ, что коль скоро заговоришь съ Зыряниномъ по-зырянски и отнесешься къ нему сочувственно, онъ становится какъ-бы другимъ человѣкомъ. Мы уже говорили, что Зыряне называютъ Русскихъ «Ротчъ», т. е. хитрый и т. д., а Русскіе ихъ въ старину называли Чудью, т. е. народомъ чуднымъ (чудакъ), страннымъ, смѣшнымъ, недоразвитымъ. [441]) Уже только такой взаимный взглядъ одного народа на другой, предполагаетъ необходимость недовѣрчивости со стороны Чуди къ Русскимъ. Характеръ послѣдующихъ отношеній между ними, какъ мы знаемъ, не способенъ былъ измѣнить разъ составившееся убѣжденіе. Какъ ни мягка была сравнительно новгородская колонизація чудскихъ странъ, о чемъ мы подробно писали въ вышеупомянутой статьѣ нашей: «Колонизація Заволочья и обрусѣніе Заволоцкой чуди»; но все-же Новгородцы, а потомъ Московское правительство эксплоатировали Зырянскій край, а Зыряне были предметомъ эксплоатаціи.

Обращаемся къ сутяжничеству. Этотъ порокъ, такъ-же бэспорно, привился извнѣ. У предковъ Зырянъ, если и былъ судъ, то, во всякомъ случаѣ, не было длиннаго ряда инстанцій; если была какая нибудь администрація, что̀ весьма сомнительно, если не считать администраціей патріархальный распорядокъ, то также въ ней не было инстанцій, и она не дробилась между множествомъ властей, обязанности и права которыхъ смѣшивались и перекрещивались. Слѣдовательно, при такомъ порядкѣ вещей, сутяжничество было не мыслимо, физически невозможно. По этому очевидно, что оно вызвано было русскими судебно-административными порядками.

Такимъ образомъ и подозрительность и сутяжничество суть не коренные, не прирожденные пороки: съ весьма возможнымъ прекращеніемъ дѣйствія постороннихъ и случайныхъ причинъ, способствовавшихъ ихъ появленію, они могутъ, если не совсѣмъ, то почти совсѣмъ исчезнуть.

---

[441]) У насъ вообще принято производить слово Чудь отъ «чуждый», но намъ кажется, что наше производство и вѣрнѣе филологически, и имѣетъ за себя тотъ фактъ, что предки наши называли Чудью только народы низшаго развитія; всѣмъ-же прочимъ, каковы: Варяги, Нѣмцы, Греки и Болгары, изъ коихъ послѣдніе (здѣсь мы разумѣемъ Камскихъ Болгаръ) были даже чудскаго происхожденія, не смотря но то, что всѣ они были для Славянъ чуждые,—давали собственныя имена.

Итакъ, совокупность душевныхъ качествъ Зырянъ намъ представляется въ самомъ свѣтломъ, мы сказали-бы идиллическомъ видѣ, еслибы на свѣтломъ фонѣ не лежало немного, хотя и случайныхъ, но все-же темныхъ пятенъ. — Не смотря на то, мы все еще, какъ будто не возпроизвели цѣльнаго этнографическаго типа, съ выпуклостями и углубленіями. Добрыя свойства всякаго наименованія не трудно найдти у многихъ, особенно стоящихъ на одной степени развитія съ Зырянами народовъ; есть, кромѣ того, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, гостепріимные, честные, правдивые люди и между Русскими, и между Испанцами, и между Японцами и т. д.; эти качества не представляются, общимъ правиломъ; у Зырянъ же узаконены всенароднымъ обычаемъ — не личными вкусами нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ, а неотразимымъ требованіемъ племенной крови. Если безъискуственно ровна и блѣдна нравственная натура Зырянами; то это и не его, и не наша вина: таковы всѣ первобытныя народности. Однако-же, трудно оттѣнить особенности какого-бы то ни было народа, даже успѣвшаго развить подробности своей нравственной физіономіи, изображая, такъ сказать отвлеченныя, духовныя свойства его. Эти свойства рельефнѣе выдаются, когда воплощаются въ жизненныхъ явленіяхъ, каковы: обычаи, вѣрованія, предразсудки и занятія народа. И нигдѣ въ такой степени, какъ здѣсь, столь легко не выдѣляются и не бросаются въ глаза прирожденныя особенности Зырянъ; потому что вся бытовая обрядность позаимствована ими у Русскихъ. Эта обрядность позаимствована въ существѣ и даже во многихъ частностяхъ, но, за всѣмъ тѣмъ, есть многія чисто зырянскія частности, которыя, стоя объ руку съ первыми, нагляднѣе обрисовываются. Кромѣ того, отмѣчая послѣднія, мы узнаемъ то, чѣмъ зырянизмъ, при всемъ своемъ стремленіи усвоить все русское, не могъ поступиться; слѣдовательно въ такихъ особенностяхъ мы и должны искать чистыя племенныя черты. Однако, не будемъ закрывать глаза на то, что нѣкоторыя изъ нихъ обусловливаются не свойствами народа, а свойствами страны, имъ заселенной.

Мы уже видѣли, что вся обстановка жизни занята Зырянами у Русскихъ, что всѣ ихъ вѣрованія и предразсудки русскія, что изъ числа ихъ занятій только охота и рыболовство туземнаго происхожденія. Зырянъ даже нельзя считать народомъ, и если мы употребляли иногда это слово, то только потому, что не придумали другаго подходящаго выраженія. Они сами, даже тѣ изъ нихъ, которые печатно называютъ себя обрусѣлыми Зырянами, т. е. люди способные, по своему развитію, понимать значеніе народности, считаютъ себя лишь частью русскаго народа, провинціалами, говорящими особымъ языкомъ: ихъ проказники лѣшіе во время войны сражаются съ непріятелями въ рядахъ русскаго войска, и, конечно, приносятъ намъ своею помощью много пользы, такъ какъ ни для пули, ни для штыка не доступны, а сами валятъ цѣлые ряды непріятелей выдернутыми съ корнемъ деревьями; ихъ злые черти, напротивъ, уходятъ къ непріятелямъ, но не могутъ намъ вредить, такъ какъ хотя сами тоже не уязвимы, но бросаются только камнями, и притомъ безвредно; ибо и Русскій и Зырянинъ, не благословясь, не идутъ въ сраженіе.

Несмотря однакожъ на такой русскій патріотизмъ Зырянъ, разсматривая поочередно всѣ этнографическія примѣты ихъ, мы замѣчаемъ, что тамъ и сямъ, сквозь русскую наружность, просвѣчиваетъ зырянская подкладка.

Зырянскія *керки*, какъ мы видѣли, устроиваются также, какъ и избы русскихъ сосѣдей, но въ нихъ есть и особенность, придуманная Зырянами: это—своеобразная постановка печи съ ея *падчеръ-ошенъ* (окномъ надъ лежанкой печи) — приспособленіе, весьма практичное.

Принадлежности одежды Зырянъ отчасти русскія (у женщинъ вообще, а у мущинъ въ торжественныхъ случаяхъ), и отчасти зырянскія, приноровленныя къ ихъ занятіямъ и климату.

Пища Зырянъ совершенно нерусская, о чемъ въ своемъ мѣстѣ мы подробно сказали и вновь перечислять зырянскія кушанья считаемъ излишнимъ. Особенности пищи Зырянъ не могутъ, подобно особенностямъ одежды, быть объяснены климатическими и бытовыми условіями. Онѣ созданы требованіями чисто зырянскихъ желудка и изобрѣтательности, и притомъ въ недавнее время, на что указываетъ *гэрмога-чужва* (сусло съ стручковымъ перцемъ); такъ какъ съ перцемъ Зыряне могли познакомиться уже черезъ Русскихъ, какъ и съ самымъ сусломъ. Даже продукты позаимствованнаго у Русскихъ земледѣлія они приготовляютъ и употребляютъ на свой ладъ: такова, кромѣ гэрмога-чужва, кутья изъ коноплянаго сѣмени. — (Зырянское названіе конопли «контусь» имѣетъ, очевидно, русскій корень «кон», ибо окончаніе «тусь» значитъ зерно, а цѣлое слово «конопля» Зырянину, употребляющему почти исключительно односложныя слова, трудно выговорить).

Описанные нами обычаи, сопровождающіе главнѣйшіе моменты жизни человѣка, начиная отъ рожденія до похоронъ и поминовеній по усопшимъ, само собой разумѣется, приняты отъ Русскихъ, вмѣстѣ съ Христіанствомъ. Можетъ быть, и сюда вкралось что нибудь зырянское; можетъ быть, изображая такіе обычаи, мы и сами, не зная того, отмѣтили туземное происхожденіе того или другаго обряда, каковъ, напримѣръ, порядокъ крестинъ у Ношульскихъ Зырянъ: но эти обычаи такъ разнообразны въ широкой Русской землѣ, что мы, покрайней мѣрѣ, не имѣемъ возможности по совѣсти утверждать, что кажущіяся намъ особенности не русскаго происхожденія.

Вѣрованія и предразсудки Зырянъ, за исключеніемъ, можетъ быть, вѣрованія въ «Орта», по содержанію, какъ мы и ранѣе сказали, чисто русскія; но здѣсь-то именно болѣе всего и просвѣчиваетъ, сквозь массу подробностей, Зырянская подкладка: здѣсь мы видимъ искреннее вѣрованіе, искреннее движеніе сердца. Русскій знаетъ и лѣшаго, и черта, и кикимору, и сусѣдка; но какъ-то небрежно относится къ нимъ: онъ норовитъ самъ обмануть лѣшаго; обойдетъ омутъ, гдѣ сидитъ чертъ, а не кинетъ, въ угоду ему, какъ Зырянинъ, какой-нибудь палочки; онъ не броситъ дома, гдѣ поселилась кикимора; онъ не воротится домой, если ему перебежитъ дорогу заяцъ. Русскій знаетъ, что громъ и молнію производитъ Илья-Пророкъ, разъѣзжая по небу на огненной колесницѣ; онъ, можетъ быть, и знаетъ, что молнія создана для того, чтобы поражать нечистыя силы: но равнодушно смотритъ на то, дѣйствительно ли она поразила какого-нибудь черта или баннаго; такъ какъ тутъ его дѣло сторона. Русскій, во время грозы, не станетъ затыкать щелей въ своемъ домѣ для того, чтобы не пролѣзла въ нихъ какая нибудь испуганная нечистая сила: а пролѣзетъ, думаетъ онъ, такъ не что возметъ съ крещенаго человѣка. Русскій вообще шатко вѣритъ во все неосязаемое. Зырянинъ-же, принявшій вѣрованія въ лѣшихъ, чертей, домовыхъ и т. д. отъ Русскихъ, считаетъ ихъ, не сомнѣваясь, живыми, дѣйствительными силами. Во время грозы онъ не спрячется подъ осину, какъ подъ дерево, на которомъ повѣсился Іуда, а предпочитаетъ сосну и ель, не обращая вниманія на то, что послѣднія, по свойствамъ своимъ, скорѣе осины могутъ привлечь къ себѣ электричество: онъ боится подъ іудинымъ деревомъ встрѣтиться съ нечистыми силами.

Здѣсь, кромѣ искренности убѣжденія, насъ поражаетъ и производительная сила фантазіи, стремящаяся создать возможно осязательные образы не видимыхъ силъ природы, по принятому убѣжденію, не свойственная обитателямъ глубокаго сѣвера. Поражаетъ насъ и то, что отъ всѣхъ, правда, очень не многихъ извѣстныхъ намъ произведеній зырянской фантазіи вѣетъ теплою гуманностью.

И такъ, и по физическимъ, и по нравственнымъ своимъ свойствамъ, Зыряне, по видимому, не менѣе Русскихъ способны къ развитію; но на дѣлѣ мы этого не видимъ; напротивъ, есть люди, которые упрекаютъ ихъ въ невѣжествѣ. Гдѣ-же искать причину такого явленія? Намъ кажется, что отыскать ее не трудно. Дѣло въ томъ, что все то, что выдается надъ уровнемъ массы Зырянскаго народа по умственному развитію, общественному положенію, богатству и т. д., уже перестаетъ быть зырянскимъ и зачисляется въ массу русскаго народа. Зыряне, заняли у Русскихъ слово «мужикъ», и все то, что не подходитъ подъ понятіе этого слово, не считается зырянскимъ. Такимъ образомъ, нельзя утверждать, что Зыряне не развиваются: Зырянпномъ можетъ быть только мужикъ и всякій не мужикъ eo ipso перестаетъ быть Зырянпномъ. Зыряне вѣрятъ, что такъ ужъ имъ на роду написано. Такова судьба не ихъ однихъ, и не одного чудскаго племени, а цѣлаго слоя народовъ, населявшихъ Европу до появленія въ ней такъ называемой арійской расы, каковы: Кельты, Иберійцы [142]). Не можемъ, впрочемъ, не замѣтить, что и Чудь, въ лицѣ Камскихъ Болгаръ, и Кельты, въ лицѣ Галловъ, доказала способность къ самостоятельному развитію, достигнувъ нѣкоторой степени цивилизаціи, благодаря, можетъ быть, благопріятнымъ условіямъ доставшейся имъ для поселенія территоріи. Можетъ быть, поэтому кельтическіе аборигены Западной Европы, слившись съ арійцами, оказались способными произвести особый этнографическій типъ; а если Болгары не могли сдѣлать того-же, то

---

[142]) Намъ давно бросалось въ глаза, такъ сказать, географическое тожество Финновъ, Кельтовъ и Иберійцевъ. Всѣ они теперь притиснуты къ западной и сѣверной морскимъ окраинамъ Европы, противуположнымъ—воротамъ на юговостокѣ этой части свѣта, черезъ которыя арійскіе народы должны были въ нее проникнуть; всѣхъ ихъ исторія застала на значительномъ разстояніи отъ береговъ Атлантическаго и Сѣвернаго океановъ, изъ чего явствуетъ, что ранѣе того они обитали и внутри европейскаго материка, который, можетъ быть, еще ранѣе и весь имъ принадлежалъ.—Но изъ такого факта мы не считали себя въ правѣ выводить другое заключеніе, кромѣ того, что Финны и Кельты были ровесниками между собою, и старшими братьями арійцевъ. Послѣ того, намъ иногда бросалось въ глаза сходство названій нѣкоторыхъ урочищъ въ древнихъ Галліи и Британіи (особенно по Цезарю) съ одной стороны, и въ Зырянскомъ краѣ—съ другой; но опять мы не рѣшались высказать мнѣніе о родствѣ Кельтовъ и Финновъ, въ виду возможной случайности этого сходства, а также потому, что недостаточное знакомство съ Зырянскимъ языкомъ и совершенное незнаніе кельтскаго не позволяли намъ, и теперь не позволяютъ, фактически провѣрить смутную догадку. Такую догадку мы не позволили бы себѣ высказать и теперь, если бы на дняхъ не поразило насъ одно мѣсто въ помѣщенномъ въ № 227 «Московскихъ Вѣдомостей» письмѣ профессора Ѳ. И. Буслаева изъ Франціи, гдѣ онъ разсказываетъ о поѣздкѣ въ Шартръ и тамошнихъ древностяхъ; тутъ онъ упоминаетъ о друидическомъ изваяніи женщины съ имѣющимъ родиться младенцемъ въ утробѣ. Надѣемся, что читатель, сравнивъ это извѣстіе съ описаніемъ Золотой бабы Герберштейна, приведенное дословно на 18 страницѣ настоящаго труда, согласится, что мы имѣли нѣкоторое основаніе для того, чтобы высказать нынѣ свой афоризмъ. Легко можетъ быть, что онъ и не оправдается фактически; но повѣрка его для людей, обладающихъ надлежащими средствами, ни мало не затруднительна, такъ какъ и теперь еще живо достаточное число недѣлимыхъ, принадлежащихъ къ тому и другому племени, и языки ихъ не вымерли окончательно, слѣдовательно и для антрополога, и для филолога готовъ превосходный источникъ.—Вреда отъ основательнаго изслѣдованія не будетъ: оно во всякомъ случаѣ принесетъ пользу, хотя отрицательнаго свойства. Высказывая свои мысль, мы не стѣсняемся мнѣніемъ, не сходнымъ съ нашимъ, одного извѣстнаго намъ французскаго писателя Figuier, который, въ книгѣ своей L'Homme primitif, Кельтовъ причисляетъ къ арійской расѣ (p. 201), а Финновъ—къ предшествовавшей арійцамъ расѣ монголоидовъ (p. 200) на основаніяхъ, кажущихся намъ тенденціозными.

это объясняется тѣмъ, что зачатки ихъ цивилизаціи были съ корнемъ выдернуты бурею татарскаго нашествія.

Намъ остается теперь опредѣлить, на сколько это возможно, степень нынѣшняго матеріальнаго благосостоянія Зырянъ. Существуютъ и на этотъ вопросъ два противуположные взгляда—оптимистскій и пессимистскій. И здѣсь такая разница происходитъ отъ болѣе или менѣе неправильной установки точки зрѣнія, именно отъ смѣшенія понятій о богатствѣ и довольствѣ. Пессимисты смотрятъ на богатство, какъ на математическую, безплотную величину: имъ все равно, изъ какихъ бы разнообразныхъ дробей ни слагалась величина, лишь бы итогъ былъ крупенъ. Оптимисты-же обращаютъ вниманіе только на то, какъ числители дробей относятся къ ихъ знаменателямъ,—и имъ все равно, какъ-бы великъ или малъ не былъ итогъ частностей, лишь бы каждая частная величина удовлетворялась отношеніемъ требованій къ средствамъ ихъ удовлетворенія, т. е. большею или меньшею равностію числителя съ знаменателемъ, большимъ или меньшимъ приближеніемъ дроби къ цѣлой воображаемой единицѣ. Въ первомъ случаѣ, т. е. смотря на массу матеріальныхъ средствъ Зырянъ безусловно, измѣряя ее отвлеченнымъ аршиномъ, футомъ и дюймами, мы встрѣтимся съ замѣчательною бѣдностію, сравнительно даже со средствами населенія сосѣднихъ съ Зырянскимъ краемъ русскихъ уѣздовъ Вологодской губерніи.—Если бы мы къ упомянутому сейчасъ итогу народнаго богатства присовокупили и тѣ капиталы, которые утекаютъ изъ края, вслѣдствіе стремленія его населенія къ ассимилизаціи съ Русскими, то и въ такомъ случаѣ итогъ этотъ значительно не могъ-бы увеличиться.

Когда же будемъ относиться къ богатству въ смыслѣ довольства, смотрѣть на отношеніе средствъ къ наличнымъ потребностямъ, а въ особенности на большую или меньшую равномѣрность распредѣленія средствъ между недѣлимыми, составляющими народную массу, — мы должны стать на сторону оптимистовъ. Если цифровая сумма народныхъ средствъ бѣдна; если между Зырянами нѣтъ сколько нибудь замѣтныхъ капиталистовъ, то нѣтъ и нищихъ. Пессимисты утверждаютъ, что въ старое время Зыряне пользовались большимъ довольствомъ, но мы видѣли, что общая масса цѣнностей въ настоящее время не только не меньше, а еще больше, чѣмъ встарину. Другаго рода было бы дѣло, если бы пессимисты утверждали, что теперь сумма средствъ менѣе благопріятно соотвѣтствуетъ суммѣ потребностей, т. е. что потребности развились сильнѣе, чѣмъ средства. А между тѣмъ это вѣрно. Несомнѣнно, что населеніе края возрастаетъ, слѣд. увеличивается и масса потребителей. Неотразимо вторгается роскошь. Намъ извѣстенъ, напримѣръ, курьезный фактъ, что лѣтъ 50 или 60 назадъ въ Устьсысольскѣ въ домѣ купца, вывезшаго изъ Сибири, какъ рѣдкость, нѣсколько фунтовъ чаю, не умѣли приготовить этотъ напитокъ. Хозяйка дома цѣлый фунтъ его сварила въ горшкѣ, и подала гостямъ за обѣдомъ, вмѣсто горячаго. Теперь-же, если и не каждый Зырянинъ пьетъ чай, то, покрайней мѣрѣ, всякій знаетъ, что такое сьодъ-турынъ (черное сѣно). Говорить о распространеніи водки нѣтъ надобности. Повсемѣстно распространяются потребности въ мануфактурныхъ и другихъ привозныхъ товарахъ. Падающіе на мѣстныя средства расходы по содержанію постоянно усложняющейся администраціи болѣе и болѣе возрастаютъ. Между тѣмъ развитіе средствъ совершается медленнѣе и не съ такою очевидностью.

Возможно равномѣрное распредѣленіе средствъ между всѣми единицами народной массы и благопріятное отношеніе ихъ къ потребностямъ, конечно, имѣетъ свою хорошую сторону, кажущееся, успокоительное довольство. Но безусловно большая масса средствъ, какъ бы они распредѣлены ни были, и нѣкоторая несоотвѣтственность ихъ размѣрамъ потребностей, имѣютъ то безспорное преимущество, что послѣдняя возбуждаетъ энергію труда, а образованіе капиталовъ способствуетъ успѣхамъ цивилизаціи, которая, въ свою очередь, служитъ орудіемъ развитія благосостоянія.— Правда, рядомъ съ капиталами обыкновенно развиваются и народные недуги въ видѣ пролетаріата со всѣми его дурными послѣдствіями; но будемъ желать и ожидать, что это зло преходящее. Поэтому пожелаемъ и Зырянамъ не скуднаго лишь матеріальнаго довольства, а бойкаго всесторонняго развитія, хотя бы въ массѣ русскаго народа. Станемъ ожидать, что населеніе Зырянскаго края, въ какой бы народный цвѣтъ оно со временемъ ни окрасилось, когда нибудь будетъ считать въ средѣ своей не однихъ *мужиковъ*, какъ теперь.

КОНЕЦЪ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Столб.		Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
1	1	Въ прим. 1, стр. 2.	собитающіе	обитающіе
—	2	Въ примѣч. 4.	124	121
2	1	Стр. 3	сурьянскими	сурьянскими попами
—	1	Въ примѣч. 6.	1870	1850
3	1	Въ прим. 16, стр. 3	«оси»	«оеи»
8	2	Въ прим. 38, стр. 2	36	31
9	1	Въ примѣч. 40.	Сухарова	Суворова
14	1	Въ примѣч. 53.	83	81
15	1	Въ примѣч. 58.	См. Тамъ-же.	Волог. Губ. Вѣд. 1850 г. № 34: примѣч. къ ст. г. Михайлова »Устьвымъ».
—	—	Въ примѣч. 59.	Волог. Губ. Вѣд. 1850. № 34; примѣч. къ ст. г. Михайлова «Уствымъ»	См. Тамъ-же.
16	2	Стр. 4	Сергіевскомъ	Сереговскомъ
17	1	Въ примѣч. 71.	56)	58
19	1	Стр. 27	Вышерскому	Вишерскому
—	—	» 29	Вышерѣ	Вишерѣ
20	2	Въ прим. 81, стр. 50	просторѣчія	краснорѣчія
22	2	Въ примѣч. 90.	78	79
23	2	Стр. 41	Василій Дмитріевичъ.	Димитрій Ивановичъ.
24	2	» 23	оно	его
29	2	» 5 и 6	епархія	епископская каѳедра
—	—	» 22	Онъ крестилъ Печорцевъ.	*(не нужно).*
31	1	» 15	Послѣдній	Песокъ
32	—	Въ примѣч. 138.	рѣчку	рѣку
33	2	Въ примѣч. 147.	Тамъ-же по примѣч. 136.	См. примѣч. 151.
38	2	Стр. 27	Ейвы	Елвы
43	2	» 14	пространствѣ	протяженія
—	—	Въ примѣч. 212.	1854 г. № 24	1848 г. № 25
44	1	Стр. 10	Помиздъ	Помоздъ
—	1	Въ примѣч. 219.		
		Стр. 7	такъ	такъ какъ
45	2	» 4	піявки	піявки (233)
—	—	» 5	пчела (233).	пчела.
—	—	» 7	кошки.	кошки (234)
—	—	» 8	вездѣ (234)	вездѣ.
50	1	» 11	и	изъ
52	2	» 26	порядокъ	порокъ
55	—	Въ примѣч. 283.		
		Стр. 5	и зерысъ	изэрысъ
58	—	Въ примѣч. 299.	202	292
62	—	Въ примѣч. 323.	323	239
63	1	Стр. 4	, яичница.	. Яичница.
66	1	» 24	умнешки	умники
68	1	Въ примѣч. 352.	Тамъ-же.	См. примѣч. 347
69	2	Стр. 8	7	8
73	1	Въ примѣч. 404.	157 и 169	387
—	—	Въ примѣч. 405.	387	157 и 169
78	2	Стр. 33	среднихъ годовъ	среднія
79	1	» 12	Важской	Вашской
80	—	Въ примѣч. 435.	См. примѣч. 273	Соображенія наши основаны на оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ.

Географическое Общество
БИБЛИОТЕКА
Союза ССР

Ф.

Проверено
1954 г